

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ.

ИЮЛЬ И АВГУСТЬ

1896 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайлівск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурой Кіевъ 19 іюля 1896 года.

ЮЖНОРУССКАЯ ПАСХАЛЬНАЯ ДРАМА

Переходя къ разсмотрѣнію вопроса объ источникахъ нашей Пасхальной драмы, мы должны прежде всего остановиться на такъ называемомъ евангеліи Никодима, апокрифическомъ сочиненіи, которое когда-то и въ южной Руси пользовалось большой извѣстностью, и котораго вторая часть разсказывается о сошествіи Христа въ адъ и объ освобожденіи оттуда душъ праведниковъ. Литературную исторію этого знаменитаго апокрифа разработали въ послѣдніе годы два славянскіе ученые, Юрій Поливка и М. Сперанскій²⁾, съ такой полнотой и подробностью, что я не буду на ней останавливаться, но воспользуюсь въ дальнѣйшемъ изложеніемъ фактами, какіе добыты этими изслѣдованіями.

Никодимово евангелие дошло до насъ въ двухъ редакціяхъ: полной и краткой. Полная редакція, это собственно механическій сводъ двухъ отдѣльныхъ сочиненій, писанныхъ разновременно и разными авторами, именно—такъ называемыхъ Дѣяній Пилатовыхъ (*Acta Pilati*)—апокрифического разсказа о мученіяхъ и смерти Иисуса, и Сошествія Христа въ адъ (*Descensus Christi ad Inferos*)—сочиненія, приписываемаго въ самомъ текстѣ Левкію и Харину, сыномъ Іосифа Богопріимца, воскресшимъ изъ мертвыхъ послѣ крестной смерти Иисуса и написавшихъ на требованіе іерусалимскаго синедрона разсказъ о томъ, что они видѣли въ

¹⁾ См. „Киевск. Стар.“ 1896 г. № 6.

²⁾ Jirí Polivka, *Evangelium Nikodemovo v literaturách slovanských* (Časopis Mus. Kr. Českého, 1891), str. 440 M. Сперанскій, *Славянскія апокрифическія евангелія* (общій обзоръ). Москва 1895, стр. 55—82.

аду во время, когда въ него сошелъ Христосъ. Оба эти сочиненія написаны по гречески и долгое время существовали независимо другъ отъ друга; только въ болѣе позднее время они были соединены въ одно цѣлое и въ такомъ видѣ переведены на латинскій языкъ. Въ греческомъ текстѣ существуютъ "Acta" отдельно отъ "Descensus'a," и это есть краткая редакція, которая имѣется также въ славянскихъ переводахъ съ греческаго. Текста" Descensus'a" отдельно отъ "Acta" нѣтъ. Въ латинскомъ переводѣ, который въ средніе вѣка былъ очень распространенъ въ западной Европѣ и имѣлъ громадное вліяніе на развитіе западно-европейскихъ литературъ, краткой редакціи нѣтъ, а есть только полная, т. е. сводная редакція обѣихъ сочиненій съ упрочившимся за ней съ IX в. названіемъ Никодимова евангелія.

Сравнивая славянскіе рукописные тексты этого апокрифа съ текстами греческими и латинскими, названные славянскіе ученые пришли къ интересному и довольно неожиданному выводу, что полная редакція Никодимова евангелія, имѣющаяся въ славянскихъ спискахъ, впрочемъ довольно рѣдкихъ, церковно-славянского перевода, восходящаго, по словамъ М. Сперанскаго, „едва ли не къ первымъ вѣкамъ христіанства у славянъ, во всякомъ случаѣ къ начальному періоду славянской литературы” (М. Сперанскій, оп. cit. 58), сдѣлана не съ греческаго оригинала, а съ латинскаго перевода этого апокрифа. Только позже и независимо отъ этого перевода сдѣланъ былъ переводъ съ греческаго самыхъ Дѣяній Пилатовыхъ (краткой редакціи) безъ „Сошествія въ адъ”, и этотъ переводъ получилъ довольно большое распространеніе у южныхъ славянъ и на Руси. Правдоподобно, что на Руси къ этому тексту краткой редакціи апокрифа былъ присоединенъ сокращенный пересказъ „Сошествія”, и такимъ образомъ возникла особая редакція апокрифа, „смѣшанная”, по выражению М. Сперанскаго, и не совпадающая ни съ однимъ изъ иноземныхъ текстовъ (оп. cit. 69).

Насъ интересуетъ здѣсь только вторая часть апокрифа т. е. *Descensus*, такъ какъ эта часть именно и была основаніемъ нашей и вообще западно-европейской Пасхальной драмы или

тѣхъ ея эпизодовъ, гдѣ представлялось сопствіе Христа въ адъ. Мнѣ извѣстны два южно-руssкія списка по полной редакціи Никодимова Евангелія: Вѣнской надв. библіотеки, содержащій въ началѣ Палею, пожертвованной въ 1643 г. изъ г. Ковля на Волыни одному изъ Афонскихъ монастырей и оттуда попавшій въ Вѣну, писанный въ XVI в., и списокъ нача-ла XVII вѣка, обрѣтающійся въ рукописномъ сборникѣ № 69, принадлежащемъ Василіанскому монастырю въ Краковѣ, Жолковскаго округа въ Галиціи. Такъ какъ я не успѣлъ списать всего текста интересующаго насъ апокрифа изъ Вѣнскаго (собственно Ковельскаго) списка, то пользуюсь однимъ только Краковскимъ спискомъ, изъ коего выписываю мѣста, которыя нашли себѣ отраженіе въ нашей драмѣ.

Каринъ и Лысинъ (въ заглавіи онъ называется „Лицѣ-юшъ“ =Lucius, Leucius), повинуясь заклятію архіереевъ, велѣли по-дать себѣ бумаги и каждый отдельно написалъ слѣдующій раз-сказъ: „Егда бѣхом со всѣми отци нашими посаждені въ преглу-бинѣ во тмѣ несветиме, нагло сътворенно быс[ть] злато зерьньце, лицемъ препрѣянномъ и царскій венецъ просвещая насъ ты въставилъ человѣчъ родъ, в купе Адама съ всѣми предними отци и про-роки возвеселящеся рѣша: отъ свѣта Вышняго свѣтъ вѣчный съи ес[ть] еже намъ обѣща послати равновѣчныи свои свѣтъ“. Исаія цитируетъ свое пророчество, послѣ чего приходитъ Симеонъ Богопріимецъ и разсказываетъ, какъ онъ держалъ на сво-ихъ рукахъ младенца Іисуса и узналъ въ немъ Спасителя рода человѣческаго. „Си слышаса все множество дивящеся взрадова-ша[я] и потомъ прїиде Креститель и вопросиша и всѣ: кто ты еси? онъ же отвещавъ рече: азъ есть пророкъ Вышнаго пред-грядый предъ лицемъ пришествія его въ отданіе грѣховъ и видѣхъ приходяща его ко мнѣ, принуженъ Духомъ Святымъ испо-вѣдалъ рѣхъ: изыде се агнецъ Божій вземлаи (sic!) грехи всего мира! и крестихъ и въ Иердансце речѣ, и видѣхъ Духъ Свя-тый долу грядущъ на нь въ образе голубинѣ, и слыхахъ гласъ[съ] небеси рекуицъ: се есть сынъ мой возлюбленныи, о немъ же благоволихъ и ныне предъ лицемъ его предзвѣсти вамъ яко приближиль ся ес[ть] посетити насъ, превыше съи Сынъ Божій

отъ вышняго, издавна седящемъ намъ во тмѣ и сѣни смертнѣи". Адамъ услышавъ, что Іисусъ крестился во Йорданѣ, велитъ сыну своему Сиоу разскaзать, что возвѣстилъ ему архангель Михаилъ, когда борясь со смертю Адамъ послалъ было его къ раю спросить оттуда деревяннаго масла для утоленія его боли. Сиоу разскaзываетъ, какъ архангель Михаилъ сказалъ ему тогда, что черезъ 5555 лѣтъ на землю придетъ возлюбленный Сынъ Божій, который долженъ креститься въ Йорданѣ и спасти весь родъ человѣческій, въ томъ числѣ и отца его Адама.

„Си всѣмъ слышащимъ отъ Сифа предніи отца вси и пророци возвеселишас[я] велиею радостью. и егда веселяхуся вси Святіи, ишедъ предніи князь Діаволъ смертныи и реч[е] ко Аду пріяти Іисуса иже славитс[я] Сынъ Божіи и со человѣкы есть бояся смерти, реч[е] бо: прискорбна ес[ть] душа моя до смерти. И много противляется зло творя много: яже азъ слѣпны, хромыи, горбатыи, оуродивыи, глухии, трудны сътворихъ, онъ словомъ исцѣляя (дб. исцѣли я). Но оуже азъ мертвши къ тебѣ, и отъ тебѣ живы извед[е]. И отвѣща Адъ реч[е] къ Сотонѣ преднему: которыи той ес[ть] обладыи, да есть человѣкъ сеи бояся? вся оубо власть земная моей области покорны соуть и обяти, яж[е] гы повинны приведе твою областю, аще оубо владычество ти еси, какъ есть человѣкъ той Іисусъ, бояся смерти, власти твоей противляется? аще тако владыи ес[ть] въ человѣчество семъ, истинно ти реку, всемогіи въ Божествѣ, и области его никто же можетъ противитис[я]. Глаголю ти оубо яко яти та хощеть, и горе тебе въ вѣчной моудѣ боудетъ. И отвѣща неприязнь предни[и] къ Адоу реч[е]: что размышляши и боишися пріяти Іисуса? противникъ ес[ть] мой и твой. Азъ искусихъ и, и старейшины жидовскія навадихъ нань и въ гнѣвѣ противу ему, наострихъ коніе въ прободеніе его, желчь и оцѣть смѣсихъ дати ему пити и древо приготовихъ распяти и. И приближилася ему смерть, да приведя и къ тебѣ покорива мнѣ и тебѣ. Отвещавъ адъ и глагола: аще той ес[ть], иже мертвый отъ мене извлече? то суть иже отъ мене здѣ одержимыя, живы бо на землю отъ мене мертвыхъ возимая областю Божіею и ко Отцу Богу своему молбою. То бо есть Всемогій Богъ и творя

вся яж[е] хощеть. Той ли ес[ть] Иисусъ, иж[е] словесемъ своимъ мертвя отъ мене изведе? непъщая, яко той ес[ть]—той бо Лазаря смердяща разгнившася и четырехъ дней, его же азъ держахъ мертвя, той же востави жива чресъ слово власти твоей (дб. своеи). Отвѣщавая Аду диаволъ реч[е]: той истый есть Иисусъ! Си слышавъ Адъ рече къ нему: заклинаю тя силами моими двоими, да не приведеши его ко мнѣ! азъ бо тогда, егда слыхашъ заповѣдь словесе, вострясься проторженъ боязнию, и вси нечестии потяжници вкупѣ смущени быша, ни того же Лазаря оудержати могъ, но сътрясался яко орель всею быстротою и скоростю и скочивъ вонъ грядый отъ насть; и сама земля яже держала Лазарево тѣло мертвя, и скоро аbie вда его жива. Тѣмъ же нынѣ азъ вѣмъ яко человѣкъ, иже можетъ то сътворити, Богъ силенъ ес[ть] и въ власти владый и въ человѣчествѣ Спаситель ес[ть] роду человечию. И аще приведеші и ко мнѣ, и вси иже суть здѣ въ пристранѣ неразрешающейся оузъ грѣх[а]ми вѣклѣшени¹⁾), разрешаетъ, и въ жизнь Божияго Божества своего приведетъ.

И егда же си[и] между собою глаголаша Сотона [и] предній Моука [и] сотворенъ быс[ть] гласъ яко громъ и духовъ грай: взмѣте врата предняя и взмѣтесь врата вѣчная, и видеть Царь славѣ. Си слышавъ Адъ реч[е] къ Сотонѣ и преднему: ищезни отъ мене вонъ! иди отъ моихъ сѣдалищъ! аще убо владый противникъ еси, борися съ царемъ славы. Что ес[ть] тебе съ нимъ? И изгна Адъ Сотону отъ сѣдалищъ своихъ, и рече Мукамъ своимъ, нечестивымъ послушникомъ: запрете врата съ пристранной мѣдной и затворы желѣзны забийте и сильно противитесь, да не буде оу[бо] боятис[я] держати обятія. Си слышаще все множество святыхъ гласомъ велиимъ рѣкоша ко Адоу: отверзи врата твоя и видеть царь славѣ. И възni Давидъ [царь] и пророкъ реки[и]: воле ты! егда бѣхъ жилъ на земли, прежде поведахъ вамъ: исповѣдайтесь Господеви и милости его, и чудеса его Сыномъ человѣческымъ, и иже раздроши врата мѣдная и затворы желѣзныя сломи, приать ихъ отъ пути неправды ихъ.

¹⁾ На полѣ для объясненія добавлено: связана.

И потомъ же реч[е] Исаія ко всѣмъ святымъ: волѣ! и азъ бѣхъ егда на земли живъ, прежде повѣдахъ вамъ: вѣстанутъ мертвіи и вѣскреснутъ и иже въ гробѣхъ суть, и веселящеся по земли суть, имъж[е] роса, яже ес[ть] отъ Бога, исцѣленію имъ ес[ть], земля ж[е] нечестивыхъ падеть. И яко пакы рѣхъ: гдѣ ты смерти жало? где ти аде побѣда? Си слышаще святіи отъ Исаія рѣша во Аду: отвѣрзи врата твоя, нынѣ преборенъ еси и изнѣмогая, не владый собою будеши. И быс[ть] гласть велия яко громъ рекый: отимете врата предняя ваша, и возмете ся врата вѣчная и видеть царь славѣ! Видяже Адъ яко двократы возваша, яко невѣдый изъ оутрь Адоу рече: кто есть тои царь славѣ? И отвѣщаия Давидъ ко Аду рече: сей гласть разумѣю, понеже азъ его духомъ пророчествовахъ и нынѣ предповѣстою ти: силы ть крѣпокъ и силенъ, человѣкъ силенъ во брани, тои ес[ть] царь славѣ, и той самъ Господь съ небеси на землю призрѣ оуслышати воздыханіе окованныхъ, раздрѣшити сыны оумерщвенныихъ и нынѣ сквернѣйшая и смердящія муко, отверзи врата твоя, да внидѣтъ Царь славѣ! Си рекущу Давиду ко Аду прииде царь славѣ во образѣ человѣчи, человѣкъ прѣсылный, и вѣчныя претны, просвѣти, неразрѣшимыя оузы преторже, посѣти нась седящая во тмѣ грѣховней. Си видя Адъ и Смерть и безчестны[и] послужители ю съ злыми потяжники и вострясеся во властныхъ областехъ ихъ, познавше тако великъ свѣтъ во свѣтлости. Егда Господа на головнихъ седящъ оуздѣша, и возпиша рекуще: прес[и]лени есмы отъ тебе! Кто ты еси отъ Бога посланъ ко области нашей? Кто ты еси страшный и стлѣнію непреоборимая сила, пресильный въ лютосердие наше? попираеши область нашу! Кто ты еси тако грѣди, малъ сыи и покоривъ вышше небесь, царь во образѣ рабіи, и дивенъ супостать, и царь славѣ, мертвъ и живъ. Егда же крестъ держа убиенъ быс[ть], и мертвъ полежа во гробѣ, живъ къ намъ прїиде, и въ твою смерть вся вострясеся, твари вся восколебавшася, и нынѣ восталъ еси и мертвыя свободождаеши и безчисленная наша смешая. Кто еси ты, и иж[е] прѣвыми грѣх[а]ми связанъ отдержими бѣху, разрѣшаеши страны и во свободу первую ведеши? Кто еси ты, и еже грѣх[а]ми тмы ослеплены, Божіаго свѣта сіяніемъ, властию ты просвѣ-

щаєши? та мож[е] сущая о діаволѣ вся множества вкоупѣ
оужасашас[я] страхомъ и боязнию претрѣжени, единѣмъ гласомъ
возпиша рекуще: откоудо еси? и се тако крѣпокъ человѣкъ
чистъ и сияя силою tanto, яко не можемъ зряти и отъ начала
смертнаго и вѣсъ вѣкъ земный, иже намъ бѣ преданъ доселѣ
присно, и въ нашей жизни не бѣ въ насъ никогдаж[е] въ мертв-
ыхъ таковаго человѣка посланна, никого, да такого царства
адѣскымъ посланна быша. Кто убо ты еси, иже tanto безъ страха
въ наша предѣлы ютъ вшелъ еси? и не то єдино, нѣ и нашей
муки не боишися, и верху того и вся отъ настъ изяти хощеши.
Непещюемъ, егда ты еси Іисусъ, о немже старейший нашъ діаволъ
повествоваше, да твоєа рад[и] смерти крестныя все человѣчество
властію ти изведеши отъ настъ? и во скорѣ аbie тогда Царь
славѣ, Господь крѣпокъ силою своею, поправъ смерть и имъ
Діавола связа [и] предасть и муце вѣчнѣй и изведе Адама во
свое пресвѣтлество. Тогда Діаволъ сваримъ Адомъ и Смертію и
множествомъ нечистыхъ духовъ реч[е] къ нему: воле ты начал-
ниче пагубѣ и князь пустыни, Вельзауле, и обруганне отъ ан-
гель божіихъ и враже праведнымъ! чemu то сътвори тако, царя
славѣ на крестъ восткнути хотѣвъ, и того непещева умрети, и
толь многу користь си обѣща сътворити, невлады и яко несмы-
слена мя содѣла. Смотри уже, се Іисусъ божества своего сияни-
емъ прогна вся тмы смертныя, и твердыя темница имъ разломи
и вонъ изять одержимыя, разрѣши ужники вся; иже подъ на-
шими обыкоша воздыхати муками, ругаются намъ, и отъ кори-
сти ихъ будуть избранни, власти наша и владычества премо-
жена суть, и ни малый уже боится настъ родъ человѣчъ. Врѣху
того же и сильно намъ претять, имже никогда же намъ возмо-
зиви бяху мертвіи и никогдаже не можаху веселитися стран-
ніи. Воле ты, предній Сотоно, всему злу начальникъ и первый
муко! ты прежде сего на Іисуса прю изыска зло, и ни единаго
грѣха обрѣте въ немъ. Какож[е] безъ вины не испытавъ его на
крестъ вѣсткнути смѣаше и въ нашу область безъ долга при-
вести и отъ вѣка держимыя погуби! Егда же то глагола Адѣ-
ко Дияволу, тогда царь славе реч[е] къ Аду: буди Дияволъ подъ
областію твоєю въ вѣки вѣка на мѣсте Адамли праведнымъ судомъ

моимъ! И рече Господь простеръ руку свою: приид[ъ]те вси святіи мои во мнѣ, выже имате подобие образа моего, иж[е] древа Диявола дѣля смертию осуждени бѣсте, нынѣ же видите древомъ Диявола и смерть осудихъ. И яко тако реч[е], вси святіи подъ рукою господнею быша. И держа Господь десницу Адамлю рече къ нему: миръ тобѣ со всѣми чады твоими! Адамъ ж[е] на ногу Господню согнувся паде и со слезною молитвою реч[е]: Вознесу тя, Господи, яко подять мя и нѣси возвеселилъ врагъ моихъ о мнѣ! Ты Господь Богъ мой, возопихъ къ тебѣ и [с]цѣлилъ мя еси и изведѣ отъ Ада душу мою, и избавилъ мя еси отъ низходящихъ въ ровъ. Пойте Господу вси святіи его, исповедайте память святыня его! яко гнѣвъ во ярости его и животъ въ воли его; також[е] вси святіи его, колѣна преклоньше на ногу Господню, единѣмъ гласомъ рѣша: Пріиде избавитель вѣкомъ, якож[е] закономъ и пророкы преждезвести и дѣлы исполни; избави ны животворящимъ крестомъ си; и смерти ради крестныя снide къ намъ и избави ны отъ смерти адovныя силою твою, Господи! якоже постави писмя славы твоей на небесѣхъ, и вышнєе исполни писмя, крестъ твои постави на земли, Господи, во адѣ знамение побѣды креста своего, смерть бо не обладаетъ потомъ. И простеръ Господь руку свою сотвори знамение крестово на Адамѣ и на всѣхъ своихъ святыхъ и держа десницу Адамлю выспрѣ иде изъ ада, и вси святіи послѣдствующе быша Богу".

Дальнѣйшій текстъ Никодимова евангелія передаетъ радостное пѣніе Давида, Аввакума и другихъ пророковъ и пришествіе праведниковъ въ рай; для изученія нашей драмы эта часть апокрифа не представляетъ никакого интереса и потому мы ее и не выписываемъ. Но за то та часть, которую мы выписали, при сравненіи ея съ нашей посхальной драмой увеличиваетъ интересность ея изученія. Перечитывая текстъ апокрифа, мы видимъ, какъ много бралъ авторъ драмы изъ этого послѣдняго, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ не слѣдуя ему рабски, но передѣльвая его соответственно особымъ цѣлямъ драмы, вставляя новые эпизоды, расширяя то, что въ апокрифѣ затронуто было вскользь, или пропуская и сокращая то, что въ апокрифѣ разсказано широко. И

такъ, во первыхъ, изъ апокрифа взялъ авторъ драмы удивившую насъ прежде персонификацію Ада, какъ верховнаго князя тьмы; въ апокрифѣ также, какъ и въ нашей драмѣ, между Адомъ и Діаволомъ существуетъ разногласіе на счетъ Іисуса; Діаволь собирается съ силами, чтобы не только убить Іисуса, но и поймать его душу и запереть ее въ адъ вмѣстѣ съ другими, между тѣмъ какъ Адъ совѣтуетъ дѣйствовать поосторожнѣе съ Іисусомъ, котораго силу онъ узналъ по слуху воскрешенія Лазаря. Это разногласіе между Адомъ и Діаволомъ доходитъ до того, что въ критическій моментъ приближенія Христа къ дверямъ адскими Адъ изгоняетъ Діавола изъ своей крѣпости—сцена очень драматичная, но почемуто оставленная безъ вниманія авторомъ нашей драмы. Вмѣсто этого эпизодъ съ Іоанномъ Крестителемъ, въ апокрифѣ довольно блѣдный, авторъ драмы передѣлалъ въ яркую драматическую картину, ежели монологъ Люципера, обращенный къ Крестителю, представить себѣ какъ сопровождавшійся драматическимъ дѣйствиемъ діаволовъ, которые по велѣнію Люципера должны были заготовлять „пекельный квасокъ“ и подавать Крестителю расплывченную смолу.

Не изъ апокрифа взялъ, но въ видахъ сценической живости создалъ авторъ драмы эпизодъ съ воеводами діавольскими, которые являются другъ послѣ друга и возвѣщаютъ все новыя происшествія, при чемъ три первые приносятъ извѣстія все болѣе и болѣе радостныя для Люципера, но за то два послѣдніе возвѣщаютъ ему наближающееся его пораженіе. Въ апокрифѣ, какъ видимъ, хотя и упоминается о „потужникахъ“, „ири служникахъ“, „мукахъ“ Адовыхъ, но они не исполняютъ роли пословъ.

Также и послѣдній эпизодъ драмы — оставленіе Іисусомъ Соломона въ адѣ и его освобожденіе оттуда собственнымъ промысломъ — заимствованъ авторомъ драмы не изъ апокрифа, въ которомъ о Соломонѣ совсѣмъ даже не упомянуто. Такимъ образомъ сравненіе нашей драмы съ соотвѣтствующимъ ей отрывкомъ Никодимова евангелія не приводитъ насъ ни къ какому рѣшительному заключенію. Какъ извѣстно, всѣ пасхальные драмы въ Европѣ, представлявшія также сошествіе Христа въ адъ, основывались на томъ же евангеліи Никодима, заимствовали изъ

него весь оставъ драматического дѣйствія, сокращая или совершенно устранивъ одни эпизоды, расширяя или вставляя другіе. Значитъ, вездѣ въ Европѣ, гдѣ только мы встрѣтили пасхальную драму, изображающую сопственія Христа въ адѣ, мы замѣчаемъ, конечно въ большей или меньшей мѣрѣ тоже литературное явленіе, что и у насъ. Вопросъ не въ томъ, основана ли известная пасхальная драма на евангеліи Никодима, потому что оно легло въ основаніе всѣхъ драмъ того рода; вопросъ въ томъ, составляетъ ли данная драма передѣлку непосредственно изъ апокрифа, или же она передѣлана изъ какой-нибудь другой пасхальной драмы, переведена съ какого-нибудь другаго языка. Такимъ образомъ вопросъ объ источникахъ нашей драмы есть собственно вопросъ о большей или меньшей степени литературнаго, собственно драматического творчества у ея автора, о болѣе или менѣе слѣпомъ заимствованіи или рабскомъ подражаніи. Вопросъ этотъ, мнѣ кажется, въ литературѣ предмета не былъ до сихъ поръ поставленъ съ достаточной определенностью, быть можетъ потому, что для его решенія у насъ слишкомъ мало собрано и разработано матеріала. И не у насъ однихъ. Исторія польской старой драмы, не смотря на объемистые труды Вишневскаго, Войцицкаго, Естрайхера и новыя изслѣдованія Неринга, Брюннера и др., до сихъ поръ темна и состоитъ изъ отрывочныхъ извѣстій и библіографическихъ указаний на неизвѣстныя никому книги и рукописи. Текстовъ церковныхъ драмъ и мистерій извѣстно очень мало. А между тѣмъ это несомнѣнныи фактъ, что религіозная драма пришла въ южную Русь съ запада, именно изъ Польши, и за все время своего существованія, т. е. до появленія „Наташки Полтавки“ Котляревскаго стояла подъ польскимъ вліяніемъ. Поэтому естественно является заключеніе, что южнорусская религіозная драма не только какъ общее историко-литературное явленіе заимствована изъ Польши, но что каждая южнорусская религіозная драма есть ежели не прямой переводъ, то по крайней мѣрѣ передѣлка какого нибудь затраченного польского оригинала. Къ этой мысли склонялся и пок. М. Драгомановъ въ своей статьѣ объ Изюмской виршѣ (Ватра, стр. 127—128), хотя не могъ указать драмы, которую бы можно

считать прямымъ оригиналомъ какъ этой вирши, такъ и южно-русской драмы, послужившей материаломъ для ея составленія. Правда, онъ указалъ на нѣкоторыя мѣста въ вѣмецкихъ „*Passionsspiele*“, напоминающія своею концепціей поодинокіе эпизоды вирши, значитъ и драмы южнорусской, и эти указанія очень цѣнны. Но драмы, особенно польской, которую можно бы считать прототипомъ нашей, кажется, нѣтъ. Правда, мы имѣемъ извѣстія о польскихъ „діалогахъ“, въ которыхъ какъ эпизодъ евангельской исторіи страданій, смерти и воскресенія Спасителя, представлялось также его сопственное въ адѣ, но это былъ только эпизодъ, а не особое драматическое цѣлое. Г. Хоментовскій въ своей исторіи польского театра¹⁾ приводитъ слѣдующій отрывокъ изъ хелминскаго діалога. Керберъ, сторожъ ада, говоритъ къ Люциперу:

Gościa mamy, Lucyperze,
Jezusa Nazareńskiego,
Z chorągwia jakąś czerwoną,
Krzyżem napieczętowaną.

Люциперъ:

Jużci źle, bracie Cerberze,
Pewnoć nam wszystko pobierze.
Tu Kapłani, prorokowie,
Więc znamienici panowie—
Biada, jeśli postradamy.

Керберъ:

Niezbędni dziadowie oni
Chociaż tuż są we złej toni,
Śmiele sobie rozkazują,
Musi być— Jezusa czują.
A najbardziej pan Adamek,
U nas najprzedejnszy panek.

¹⁾ Wł. Chomętowski, Dzieje teatru polskiego od najdawniejszych czasów dor. r. 1750. Warszawa 1870, str. 86—87.

Trzeba by go poczęstować,
Z róź garnca mu smoły podać,

Адамъ:

Wypijesz ja sam, poczwaro!

Какъ видимъ изъ этого отрывка, эпизодъ о сопшествіи Спасителя въ адъ въ хелминскомъ (а также очень близкомъ къ нему ченстоховскомъ) діалогѣ хотя и созданъ на каивѣ разсказа Никодимова евангелія, но далекъ отъ него на много болѣе, чѣмъ наша драма. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы видимъ, что въ польскомъ діалогѣ Адаму приписана роль нѣсколько похожая на ту, какую въ нашей драмѣ играетъ Іоаннъ Креститель, включая даже до намѣренія чертей—угостить его смолой. Такъ какъ Никодимово евангеліе въ Польшѣ очень мало было извѣстно¹⁾), то мы едва ли ошибемся, предполагая, что интересующій насъ эпизодъ польскихъ діалоговъ былъ только передѣлкой относительныхъ эпизодовъ нѣмецкихъ или французкихъ пасхальныхъ драмъ; въ этомъ укрѣпляетъ насъ и то обстоятельство, что эпизодъ этотъ въ польскомъ діалогѣ получилъ нѣкоторую классическую закраску (Керберъ), чуждую той сферѣ миѳическихъ представлений, въ какой вращается Никодимово евангеліе. И въ этомъ отношеніи южнорусская пасхальная драма послѣдуетъ польской, вводя демона Венеру, какъ одного изъ воеводъ—помощниковъ Люципера. Но при всемъ томъ, судя даже по приведенному отрывку хелминского діалога (онъ сохранился въ рукописи XVII в.), нельзя утверждать, чтобы онъ могъ быть оригиналомъ нашей драмы.

Правда, мы не имѣемъ текстовъ болѣе древнихъ польскихъ діалоговъ XVI в., среди которыхъ самый интересный для насъ долженъ бы быть знаменитый доминиканскій діалогъ, выставленный въ Краковѣ 1533 г., состоявшій изъ восьми дѣйствій,

¹⁾ Евангеліе Никодима было переведено на польскій языкъ Кіевскимъ бискупомъ Верещинскимъ, какъ свидѣтельствуетъ объ этомъ Клѣновичъ въ своемъ *предисловіи къ польскому переводу Устава св. Бенедикта (1597 г.): „Widzialem też uważenia godną Ewangelią Nykodema S. przez W. M. na Polskie przetłumaczoną“*. Къ сожалѣнію этотъ переводъ не былъ напечатанъ. Насколько онъ могъ распроспрашиваться въ рукописныхъ копіяхъ, сказать трудно.—Ред.

котораго представлениe продолжалось три дня сряду¹⁾. Но судя по всёмъ извѣстіямъ, какія мы имѣемъ о немъ, это была циклическая мистерія въ родѣ тѣхъ, какія въ XV стол. создали во Франціи Арнольдъ Гребанъ, Жанъ Мишель и ихъ многочисленные послѣдователи; сопственіе Иисуса въ адѣ было здѣсь тоже только однимъ изъ эпизодовъ. Разумѣется, это совсѣмъ не мѣшаетъ, что наша драма можетъ быть именно обработкой одного такого эпизода, но и здѣсь мы опять останавливаемся передъ вопросомъ: была ли она переводомъ, болѣе или менѣе близкимъ подражаніемъ, болѣе или менѣе самостоятельной передѣлкой чужаго оригинала.

Не имѣя возможности на почвѣ польской рѣшить интересующій насъ вопросъ, мы должны обратиться туда, откуда составители польскихъ религіозныхъ драмъ брали готовые образчики этого рода сочиненій, а иногда даже цѣлыхъ сочиненія, которыя они переводили или передѣлывали соотвѣтно вкусамъ и привычкамъ польской публики, т. е. къ религіозной драмѣ западной Европы, а главнымъ образомъ Франціи и Германіи. Не вдаваясь въ пересказыванье извѣстныхъ фактовъ, относящихся къ началу драматического искусства въ средневѣковой Европѣ, мы припомнимъ только нѣкоторыя общія положенія. Средневѣковая драма западной Европы развилаась изъ литургической драмы, составленной на латинскомъ языкѣ и бывшей нѣкоторое время какъ бы интегральной частью богослуженія, особенно въ извѣстныѣ большиe праздники, служившей для возвеличенія обряда и разъясненія смысла и основанія торжественныхъ церковныхъ перемоній. Драма эта возникла въ церкви, игралась священниками, имѣла цѣлью назиданіе и пропаганду истинъ христіанскаго вѣроученія. Только со временемъ она, проникаясь именно этой цѣлью все глубже и глубже, начала впитывать въ себя все больше и больше элементовъ народнаго языка и народныхъ воззрѣній; строгая литургическая схема, не измѣняясь въ сущности, оживлялась подъ вліяніемъ той свѣжей реалистической струи,

¹⁾ M. Wiszniewski, Historya literatury polskiej, t. VII, 241, гдѣ приведены мелкие отрывки изъ этого диалога; Chomtowski, op. cit. 25.

какою дышетъ литература XV столѣтія, литература разроставшіхся въ то время городовъ, которые и были той почвой, на которой развилось и усовершенствовалось драматическое искусство. Изъ тиши церквей и монастырей религіозная драма постепенно переходила въ церковную ограду, а оттуда на вольный просторъ городскихъ площадей, изъ рукъ духовенства въ руки полу-мірскихъ братствъ въ родѣ знаменитой французской *Confrérie de la Passion* и въ концѣ въ руки городскихъ и даже сельскихъ общинъ (во Франціи главные центры мистерій были Парижъ, Руанъ, Лилль, Лиможъ, Метцъ, Дижонъ и проч. ¹⁾), въ Германіи между прочимъ деревня Обераммергау, гдѣ представлени¤ того рода удержались до сихъ поръ).

Хотя начатки религіозной драмы въ продолженіе среднихъ вѣковъ были почти вездѣ на пространствѣ германо-романского міра, но все таки несомнѣнно, что главнымъ очагомъ, гдѣ эти начатки развились и дошли до извѣстной степени совершенства, нужно считать Францію. Французскія мистеріи сдѣлались поэтому образчиками англійскихъ, пфемецкихъ, итальянскихъ, а косвенно также польскихъ и южнорусскихъ. Разница существуетъ развѣ въ томъ, что переходя съ запада на востокъ театральная представлени¤ дѣлаются рѣже по мѣрѣ того, какъ число богатыхъ и самостоятельныхъ городовъ малѣеть, обстановка представленій менѣе роскошна, самъ текстъ религіозныхъ драмъ сокращается, а вмѣсто того тонь ихъ дѣляется грубѣе, композиція проще. Когда во Франціи почти всѣ города ежегодно устраивали набожныя репрезентациіи, а большие города соперничали другъ съ другомъ въ роскошныхъ и съ громадными издержками сопряженныхъ представленіяхъ циклическихъ мистерій, въ Германіи такихъ центровъ мы находимъ меныше (главнымъ образомъ въ южной Германіи: Нюренбергъ, Мюнхенъ и др.), а въ Польшѣ имѣемъ только одинъ единственный слѣдѣ циклической мистеріи; въ южную Русь доходятъ только отрывки,

¹⁾ См. *Petit de Julleville, Les Mystères*, t. II, 1—185, гдѣ собраны свидѣтельства обо всѣхъ того рода представлени¤хъ въ XIV—XVI стол.

отголоски этой богатой литературы, только поодинокія звенья изъ громадныхъ цикловъ, передѣланныя, заокругленныя какъ и соотвѣтствующія болѣе скромнымъ требованіямъ публики небольшихъ городковъ, иногда даже деревенской. Въ этомъ отношеніи очень поучителенъ сценарій ченстоховской пасхальной драмы, приведенный г. Хоментовскимъ (op. cit. 85—86). „*Эта исторія* можетъ быть представлена *inter ferta Paschalia*, въ костелѣ или на кладбищѣ, подъ навѣсомъ, едѣланнымъ изъ чего нибудь, хотя бы изъ вѣтвей, для защиты отъ дождя. Ежели бы это совершалось въ деревнѣ, гдѣ уборовъ нельзя добыть, можно и женскія платья передѣлать въ ризы. Парики и бороды изъ шеньки, только осторожно при огнѣ, въ виду суматохи... Въ первой части Аида и Каїфа войдутъ къ Пилату въ шатерь сдѣланный изъ полотна, который въ деревнѣ можетъ быть выгороженъ изъ прутьевъ... Марія Іаковля, покупая масти у аптекаря, вмѣсто червонцевъ высыпаетъ мѣдные личманы, а ежели въ деревнѣ таковыхъ нѣтъ, можетъ нарѣзать окружныхъ пластинокъ моркови, но въ такомъ случаѣ надо ихъ медленно выкладывать изъ молины. Магдалина высыпаетъ талеры, или, ежели бы таковыхъ не оказалось, окружные пластинки рѣмы“ и т. д.

Нѣтъ сомнѣнія, что и Пасхальная драма въ частности пережила такую-же судьбу въ своемъ развитіи и путешествіемъ запада на востокъ. Самая ранняя концепція этой драмы основана цѣлкомъ на Евангеліи; сопствія въ адѣ въ ней совсѣмъ нѣтъ¹⁾). Вмѣстѣ съ проникновеніемъ въ литургическую драму народнаго языка (во Франціи это началось еще въ концѣ XII, въ Германіи въ концѣ XIII стол.) дѣйствіе Пасхальной драмы осложняется введеніемъ въ нее апокрифическихъ подробностей. Въ Пасхальной драмѣ по Ейнзидельнской рукописи, изданной Монэ, мы видимъ смѣсь латыни съ нѣмецкимъ языккомъ: нѣко-

¹⁾ Текстъ ее въ переводѣ съ латинскаго цѣлкомъ напечатанъ въ книгѣ Пти до Жюллевилля (*Les Mystères I*, 61—63); латинскій текстъ опубликованъ сперва Дюканжемъ (*Glossarium latinitatis, s. v. Officium sepulchri*), а въ болѣе исправленномъ видѣ Эдельстаномъ до Мерилемъ (*Ed. du Meril, Origines latines du théatre moderne*).

торые литургические напѣвы удержали латинскій текстъ, но драматическій разговоръ идетъ по нѣмецки. Мы приводимъ съ нѣкоторыми сокращеніями этотъ эпизодъ нѣмецкой Пасхальной драмы, какъ она представлялась въ XIV стол.

Ihesus et angeli eunt ad infernum. Angeli cantant: Cum rex gloriae.—Adam cantat: Advenisti. Angeli cantant: A porta inferi eripe nos Domine¹⁾. Lucifer clamat:

Stoz den rygel vor dye toer,
Ich weiz nicht, waz da rouschet davoer.

Angeli cantant: Tollite portas principes vestras. Lucifer clamat: Quis est iste rex gloriae? Angeli: Dominus fortis, potens dominus, potens in proelio. Item angelus percutiens dicit:

Ir hern, schliesset uft dye toer,
Der Koning der eren ist hye voer.

Lucifer dicit:

Wer ist der Konig lobelich,
Der da stort soe geweldiglich
Mir an myne hellentoer?
Her mochte wol bliben davoer.

Angeli cantant: Tollite... Lucifer: Quis est... Angeli: Tollite... Lucifer: Quis est...

Ihesus dicit:

Ir hern uz der finsterkeit,
Ewir rufes sit ir gar ungemeit;
Balde schliet uft dye toer,
Der Koning der eren ist davoer.

Lucifer dicit:

Stoz den regel vor dye toer,
Der Koning der eren ist da voer,
Her schriget uns czue den oren...
Warlich, er mag wol toren

¹⁾ Это очевидно начальные слова церковныхъ антифонъ.

Soe vil er kan her klaffen!
 Waz hat her hye czue schaffen?
 Balde heiz en enweg gen,
 Anders en wert eym bosze weter besten
 Hye mir czewel und kelle,
 Ich wil in sencken in dye helle.

Et sic frangit Ihesus tartarum, daemones ululant.

Ihesus dicit:

Nue komt myne vil liben kint,
 Dye von mynem vater bekomen sint,
 Ir solt mit mir ewiglich
 Besiczen mynes vaters rich.

Далѣе слѣдуетъ разговоръ Иисуса съ Адамомъ и Евой. Et cantat Ihesus: Venite benedicti patris mei. Въ этомъ мѣстѣ вставлена юмористический эпизодъ съ душой какого то несчастнаго хлѣбопека, которая хочетъ прошмыгнуть изъ ада вмѣстѣ съ душами старозаконныхъ праведниковъ, но которую дьяволы удерживаютъ. Когда Иисусъ съ праведниками ушелъ изъ ада, Люциферъ созываетъ чертей и приказываетъ имъ, чтобы шли въ міръ и таскали новыя души въ адъ. Главный прислужникъ Люцифера—Сатана охотно берется исполнить это приказаніе, и Люциферъ даетъ ему обширную инструкцію, кого онъ долженъ тащить въ адъ. Начало этой инструкціи въ высшей степени характерно для дореформаціонныхъ временъ:

Lauf hen keyn Anion ¹⁾,
 Breng mir den babest und den cardinal,
 Patriarchen und legat,
 Dye den luten geben boszen rat;
 Koning und Keyser,
 Dye brenge mir alczue male her ²⁾)

По изданіямъ Лавре (Die lateinischen Osterfeiern), Вирта (Wirth, Die Oster-und Passionsspiele), Дю-Меріля и Маньена (Du Meril et Magnin, Origines latines du théâtre moderne) и Куссмауера (Coussemaker, Drames liturgiques) мы можемъ про-

¹⁾ Очевидно, Апостол.

²⁾ См. въ Schauspiele, стр. 115—120.

слѣдить постепенное развитіе Пасхальной драмы въ Западной Европѣ и спеціально развитіе интересующаго насъ эпизода—сопствія Христа въ адъ. Въ драмѣ, напечатанной Моне, мы видимъ съ одной стороны преобладающую еще литургическую схему, основанную на Никодимовомъ евангеліи, но очень далекую отъ того богатства истинно драматическихъ подробностей, какое имѣеть апокрифъ, а съ другой стороны вторженіе современаго, сатирическаго элемента, который со временемъ усиливался все больше и больше и доходилъ до того, что напр. въ гор. Любекѣ дьяволы по приказанію Люцифера начали таскать въ адъ грѣшниковъ, угримированныхъ, какъ купцы, ремесленники, мастеровые и т. п. того же города, а въ концѣ втащили туда и мѣстнаго священника, который однакожъ успѣлъ освободиться изъ ада тѣмъ, что послѣ длинныхъ споровъ съ Люциферомъ пригрозилъ этому послѣднему, что Христосъ опять придется въ адъ, чтобы его освободить¹⁾.

Въ этомъ послѣднемъ эпизодѣ, который навѣрное не былъ оригинальнымъ изобрѣтеніемъ составителя Любекской драмы, но взять имъ или изъ какой нибудь болѣе древней драмы, или изъ бродячаго анекдота, мы узнаемъ параллель того эпизода нашей драмы, гдѣ Соломонъ такимъ же образомъ освобождается изъ ада. Но въ той же Любекской мистеріи есть и начало этого эпизода нашей драмы (оставленіе Христомъ одного праведника въ адѣ), хотя приложенное къ другой личности. Тутъ дьяволы сами и остаются удержать Иоанна Крестителя, говоря ему между прочимъ:

Horet gummen her Baptiste,
Gy kunnen vele arge liste,
Wolde gynn aldus untrynnen?

Представленіе о св. Иоаннѣ Крестителе, какъ о человѣкѣ хитромъ и изворотливомъ, довольно странное; тѣмъ болѣе интересно, что и въ нашей драмѣ, въ которой роль хитраго и изворотливаго праведника болѣе естественно приписана Соломону,

¹⁾ *Mone, Schauspiel des Mittelalters II.* (Пасхальная драма по рукописи 1464 г.).

остался отголосокъ такого-же взгляда и на Крестителя въ эпизодѣ столкновенія между имъ и Люциперомъ, который нѣсколько разъ отзыается о Крестителѣ, какъ о „фиглярѣ“ т. е. шутникѣ и бунтовщикѣ.

Въ своемъ „*Dictionnaire des Mystères*“ попытался Дуэ (*de Douhet*) представить, такъ сказать, родословное дерево Пасхальной драмы. Эту работу продолжали болѣе систематически нѣмецкіе ученые Мильхзакъ, Ланге и Виртъ, которые кроме этого пытались отыскать для нѣмецкой драмы свои особые, нѣмецкіе источники. Особенно трудъ Ланге (*Die lateinischen Osterfeiern, München 1887*) важенъ по богатству разработанного материала; Ланге разсмотрѣлъ и изучилъ не менѣе чѣмъ 224 памятника, изъ коихъ 159 нѣмецкихъ, 52 французскихъ, 7 итальянскихъ, 2 испанскихъ, 3 голландскихъ и 1 англійскій. Какъ результатъ его работы слѣдуетъ считать слѣдующія положенія.

Основой Пасхальной драмы нужно считать т. н. Воскресное торжество (*Osterfeier*), которому и посвященъ исключительно трудъ Ланге.

Воскресное торжество развилось изъ богослужебнаго ритуала Свѣтлаго Воскресенія. Его развитіе перешло слѣдующія три ступени: 1) *Первобытная форма*—одна и единственная сцена, разговоръ женщинъ съ ангеломъ у гроба Спасителя; 2) *вторая степень*: двѣ сцены, а именно женщины и ангелъ у гроба и два апостола, спѣшащіе къ гробу Спасителя; 3) *третья степень*: сцена съ женщинами, сцена съ апостолами (иногда пропущена) и явленіе Христа Маріи Магдалинѣ.

Дальнѣйшей степенью развитія были т. н. Воскресныя зрелища (*ludus paschales*) и болѣе обширныя Страстныя зрелища (*ludus passionis*), коимъ посвященъ замѣчательный трудъ Вирта (*Ludwig Wirth, Die Oster und Passionsspiele bis zum XVI Jahrhundert. Halle a. S. 1889*), которымъ мы и воспользуемся.

Воскресныя зрелища въ свою очередь раздѣляются на двѣ группы, изъ коихъ первая представляеть какъ по языку (смѣсь латинскихъ формулъ и гимновъ съ разговорами на народныхъ языкахъ), такъ и по композиціи болѣе древнюю степень развитія. Эта группа содержитъ обыкновенно 7 сценъ, а именно: 1) Три Маріи среди жалобныхъ причитаній идутъ ко гробу,

чтобы помазать тѣло Иисусово; 2) онѣ разговариваютъ съ торговщикомъ мастями; 3) у гроба онѣ находятъ ангела и узнаютъ о воскресеніи Христовомъ, но возвращаясь еще какъ будто не вѣрятъ и плачутъ; 4) ихъ встрѣчаетъ Христосъ, котораго онѣ принимаютъ за садовника, но потомъ узнаютъ, послѣ чего онѣ исчезаютъ; 5) женщины возвѣщаютъ ученикамъ о воскресеніи Христовомъ; 6) Христосъ является ученикамъ и Фомѣ; 7) Петръ и Иоаннъ спѣшатъ ко гробу; окончаніе. Какъ видимъ, драмы этой группы основывались исключительно на евангельскомъ разсказѣ; сопоставія въ адъ въ нихъ еще не было. Шьесъ принадлежащихъ къ этой группѣ—относительно мало; уже въ XII и XIII стол. мы встрѣчаемъ пьесы, даже совсѣмъ еще латинскія, значитъ, не вышедшія еще изъ церковной ограды и изъ рукъ духовенства, принадлежащія ко второй группѣ (см. *Wirth* op. cit. 6), построенной по слѣдующей схемѣ: 1) Дѣйствіе начинается по погребеніи Иисуса; входитъ Пилатъ и возвѣщаетъ собранному народу, что случилось; 2) Іудеи высказываютъ свои опасенія насчетъ того, чтобы ученики не украли тѣла Иисусова, совѣщаются, что имъ дѣлать; 3) они просятъ Пилата, чтобы имъ позволилъ запечатать гробъ и приставить сторожу; въ однихъ пьесахъ Пилатъ соглашается, но велитъ Іудеямъ заплатить сторожѣ, въ другихъ онъ отказываетъ ихъ просьбѣ, послѣ чего Іудеи сами находятъ и нанимаютъ сторожу; 4) сторожа у гроба; 5) воскресеніе Иисусово; 6) сопоставіе Иисуса въ адъ; 7) сторожа послѣ воскресенія, ея разговоры съ послами отъ Пилата и Іудеевъ, съ Іудеями и Пилатомъ.

Эти два типа Воскресныхъ зрелицъ, въ коихъ со временемъ, въ XIV и XV стол., восторжествовалъ народный языкъ, вошли въ составъ болѣе обширныхъ Страстныхъ зрелицъ, представлявшихъ въ драматической формѣ болѣе важные моменты послѣдней седмицы въ жизни Спасителя, начиная съ воскресенія Лазаря или торжественного вѣзда въ Иерусалимъ, и кончая явленіемъ Воскресшаго ученикамъ и вознесеніемъ Его на небо, или даже многіе моменты всей Его жизни, начиная съ Рождества или съ Крещенія. Какъ видимъ, интересующей настѣнѣ эпизодъ—сопоставіе Иисуса въ адъ—до XVI столѣтія какъ само-

стоятельная драма обработанъ не былъ, но составляль только одинъ эпизодъ Воскресныхъ игрищъ второй группы или же Страстныхъ драмъ, принявшихъ въ себя Воскресныя игрища этой группы. Разсмотримъ болѣе подробно содержаніе этой сцены въ различныхъ нѣмецкихъ драмахъ этого рода. Общая схема ея такова (*Wirth op. cit. 23—26*): Послѣ Воскресенія Христосъ идетъ въ адъ, чтобы освободить души праотцевъ. Еще до его появленія у воротъ ада разливается свѣтлое сіяніе. Души праведниковъ радуются и разговариваютъ о предстоящемъ своемъ освобожденіи. Ихъ радостные возгласы обращаютъ на себя вниманіе Люципера, который немедленно велитъ запереть адскія ворота; въ нѣкоторыхъ пьесахъ ворота запираются только послѣ появленія Христа. Люциперъ созываетъ чертей на совѣщеніе, при чемъ Сатана разсказываетъ о смерти и воскресеніи Іисуса. Христосъ является у воротъ сопровождаемый пѣніемъ ангельскимъ и вызываетъ Люципера, чтобы отперть ворота; послѣ троекратного напраснаго воззванія Онъ разбиваетъ адскія ворота, велитъ связать Люципера и на вѣки заключить въ адъ, послѣ чего вызываетъ души праотцевъ послѣдовать за нимъ въ рай. Души (первовѣтно только Адамъ и Ева, позже и многія другія) привѣтствуютъ Спасителя и уходятъ вмѣстѣ съ нимъ изъ ада. Христосъ или самъ ведетъ ихъ въ небеса, или поручаетъ вести ихъ ангеламъ. Только одну душу (такъ названную *anima infelix*) дьяволы удерживаютъ въ адѣ и она поднимаетъ голосный вопль; иногда душа такихъ бываетъ нѣсколько; въ одномъ случаѣ, въ упомянутой уже нами драмѣ, изданной Монэ, роль этой души играетъ Іоаннъ Креститель, при чемъ, конечно, дьяволамъ не удается удержать его. За симъ слѣдуетъ въ нѣкоторыхъ драмахъ т. н. *Teufels-spiel*, отвѣтный французской *Diablerie*. Люциперъ созываетъ чертей, разговариваетъ съ Сатаной о своемъ посрамленіи, высылаетъ чертей ловить души людей разныхъ сословій, а когда дьяволы приводятъ эти души, онъ судитъ ихъ, однѣхъ велитъ задержать въ адѣ, другія же изгонять вонъ и оканчиваетъ этотъ эпизодъ длиннымъ разсужденіемъ о своемъ пораженіи.

Изъ пьесъ, разработанныхъ Виртомъ, только 9 содержать этотъ эпизодъ, а именно: Инсбрукское Воскресное зрѣлище (нашъ

эпизодъ занимаетъ въ немъ всего 54 стиха, а присоединенная къ нему *diablerie*—162 стиха); Вѣнское Воскресное зрѣлище, Ерлауское Воскр. зрѣл. (ч. V: 59 стиховъ); Редентинское Воскрес. зрѣлище (489 стих.) Мурская страстная драма (82 стиха); Сантъ-Галленская Стр. др. (26 ст.); Франкфуртская Стр. др., изъ которой сохранился только сценарій съ начальными стихами тирадъ поодинокихъ персонажей; Альфельдская Страстная драма (221 ст.) и Донауэшингенская стр. др. (107 ст.). Какъ видимъ, и по самому объему эпизодъ это далеко не доравнивается нашей, хотя и не полной драмѣ. Единственный его текстъ, болѣе или менѣе равный нашей драмѣ по количеству стиховъ, въ Редентинскомъ Воскресномъ зрѣлищѣ, достигаетъ этого не болѣе драматическимъ развитиемъ дѣйствія, не болѣе обстоятельной характеристикой дѣйствующихъ лицъ, но механическимъ накопленіемъ цитатъ изъ св. Письма, такъ какъ Христа въ адѣ привѣтствуютъ тамъ длинными рѣчами Адамъ, Ева, Сиѣръ, Авель, Исаія, Давидъ, Симеонъ Богопріимецъ и Іоаннъ Креститель.

Разсматривая интересующій нась эпизодъ съ точки зрењія его источниковъ, нѣмецкие ученые Мильхзакъ (*G. Milchsack Die Oster-und Passionsspiele. I. Wolfenb鏻tel 1880, стр. 130 и д.*) и Виртъ (*op. cit. 23—24*) приходятъ къ тому выводу, что хотя основаніемъ его и есть Никодимово евангеліе, но авторы средневѣковыхъ драмъ не пользовались этимъ евангеліемъ прямо, а только при посредствѣ церковнаго ритуала, въ свою очередь основанного въ части и на апокрифѣ. Кромѣ церковнаго ритуала авторы Пасхальныхъ драмъ пользовались произведеніями богатой средневѣковой гимнологіи, а также болѣе древними эпическими поэмами библейскаго содержанія въ родѣ „Urstende“ „Passional“ „Martina“ „Erlösung“ „Vom glauben“ и т. п. Сравнивая содержаніе „сопствія“ въ нѣмецкихъ драмахъ съ относительнымъ разсказомъ Никодимова евангелія мы видимъ, что драма только въ самыхъ общихъ чертахъ наслѣдуетъ апокрифу, не знаетъ Ада, какъ дѣйствующаго лица, не знаетъ спора между Адомъ и Сatanой и исключенія этого послѣдняго и т. п. Поэтому мы можемъ почти навѣрно сказать, что наша Пасхальная драма, хотя въ нѣкоторыхъ второстепенныхъ чертахъ и сходится съ

нѣмецкимъ Воскреснымъ зрѣлищемъ (эпизодъ *animi infelix*, превращенной у насъ въ Соломона), по отношению къ общему плану дѣйствія, къ ходу мыслей діалоговъ и расположению эпизодовъ,—должно считаться произведеніемъ *совершенно независимымъ отъ нѣмецкихъ образчиковъ*. Главнымъ образомъ она безъ сравненія ближе къ тексту Никодимова евангелія, а во вторыхъ—она самостоятельное цѣлое, какого мы не обрѣтаемъ среди нѣмецкихъ памятниковъ этого рода.

Мы не можемъ съ такой же увѣренностью высказаться о французской Пасхальной драмѣ, главнымъ образомъ потому, что у насъ нѣть подъ рукой изданий текстовъ этой драмы. Пти де Жюллевиль, котораго книгой мы пользуемся, даетъ вправдѣ анализъ всѣхъ дошедшихъ до насъ французскихъ мистерій, въ томъ числѣ и драмъ Пасхальныхъ, но анализъ его касательно нашего эпизода обыкновенно слишкомъ бѣглый и не даетъ понятія о ходѣ дѣйствія и расположении сценъ. Мы соберемъ все, что можно извлечь изъ его книги для нашей цѣли.

Самая древняя изъ сохранившихся пьесъ, содержащихъ сошествіе Христа въ адъ, это провансальская „Пассія“ 1345 г. Въ пьесѣ этой между прочимъ былъ эпизодъ съ Іудой, который предавъ Спасителя, въ длинномъ монологѣ разсказывалъ свою легендарную біографію, послѣ чего и удавлялся. О сошествіи Христа въ адъ П. де Жюллевиль только вскользь упоминаетъ (*Petit de Julleville, Les mystères*, II, 351).

Въ XV стол. во Франціи пошла мода на громадныя мистеріи, драматически представлявшія чуть ли не всю біблейскую исторію, начиная съ созданія міра, и кончая вознесеніемъ Іисуса. Сейчасъ первая пьеса этого рода, писанная въ началѣ XV в. и опубликованная Жюбиналемъ (*A. Jubinal, Mystères inédits du XV-e siècle, Paris 1837*) содержитъ и эпизодъ сошествія въ адъ. И здѣсь, какъ въ нѣмецкихъ пьесахъ, сошествіе по техническимъ соображеніямъ, хотя и въ противорѣчіи съ церковной традиціей, поставлено послѣ Воскресенія (см. обѣ этомъ Wirth op. cit. 23). Содержаніе эпизода П. де Жюллевилль передаетъ слѣдующими словами: Сатана и Бельзебутъ укрѣпляются въ аду, но Іисусъ разбиваетъ ворота и освобождаетъ праведниковъ; Да-

видъ, Исаія, Іоаннъ Креститель, Аввакумъ, Адамъ и Ева выходятъ изъ преисподней, славя Бога". (оп. cit. 393).

Тотъ же эпизодъ есть и въ громадной киклической драмѣ Арнольда Гребана, но мы не можемъ сказать въ какой формѣ (оп. cit. 410). Тоже мы должны сказать и о мистерії Осташа Меркде (оп. cit. 421) и о мистерії представленной въ Валансіенѣ (оп. cit. 424). Въ Страстной драмѣ Жана Мишеля содержаніе этого эпизода сходно съ мистеріей, изданной Жюбиналемъ. Тотъ же Мишель написалъ кромѣ этого Воскресную драму, которая опять таки начиналась сценой сошествія Христа въ адъ. Насколько можемъ судить изъ списка дѣйствующихъ лицъ, приведенного П. де Жюллевилемъ (оп. cit. 447), дѣйствіе въ этой сценѣ развивалось слѣдующимъ образомъ: Керберъ, придверій ада, начиналъ сцену; далѣе слѣдовалъ разговоръ дьяволовъ: Ада, Сатаны, Левіатана, Маммоны, Гасмодея, Бельзебута, Баальдериха, Баамма, Астарота, Бериха, Вегемота, Бельдигора и Люцифера; являлся Христосъ, сопровождаемый ангелами Михаиломъ, Гавріиломъ, Рафаїломъ и Уріломъ; съ высоты раздавался голосъ Бога Отца; являлись души разбойниковъ, распятыхъ вмѣстѣ съ Христомъ, и еще одна осужденная душа; затѣмъ слѣдовалъ разговоръ Христа съ душами праведниковъ, при чемъ Христа привѣтствовали Адамъ, Ева, Авель, Маѳусайлъ, Ной, жена Ноева, Мелхиседекъ (или Симъ), Іовъ, Авраамъ, Сарра, Лотъ, Исаакъ, Яковъ, Іуда патріархъ, Іосифъ, Моисей, Ааронъ, Іисусъ Навинъ, Самсонъ, Самуилъ, Давидъ, Товія, Юдиө, Есеиръ, Исаія, Іеремія, Даніиль, Іуда Маккавей, Захарія, Симеонъ, Іоакимъ, Анна мать пресв. Дѣвы, Іоаннъ Креститель, дѣти Вифлеемскіе, убитые Иродомъ, Іосифъ мужъ Богородицы, въ концѣ предполагаемые списатели этой части Никодимова евангелія Каринъ и Левкій (здѣсь Leoncius). Какъ видимъ изъ самаго этого списка, дѣйствіе въ этой драмѣ было на много ближе къ тексту Никодимова евангелія, чѣмъ во всѣхъ извѣстныхъ намъ нѣмецкихъ Шасхальныхъ драмахъ, хотя Мишель, разумѣется, расширялъ рамку апокрифического разсказа, вводя множество новыхъ лицъ и расширяя такъ называемые diableries, которыя здѣсь однако, по свидѣтельству

П. де Жюллевиля, выходить нѣсколько болѣе серьезныя, чѣмъ въ большинствѣ другихъ произведеній того рода (оп. cit. 448).

Вѣкъ XVI—это вѣкъ упадка мистерій во Франції; изъ него мы имѣемъ только одну Воскресную драму, написанную Елуа Дюмономъ ок. 1530 года, но эпизода сошествія Христа въ адъ въ ней вѣтъ (оп. cit. 605).

Вотъ и все, что мы могли извлечь изъ книги Пти де Жюллевиля. Къ сожалѣнію, этого слишкомъ мало для того, чтобы судить, есть ли какая нибудь связь между нашей Пасхальной драмой и французскими, которыхъ могли служить образчикомъ для польскихъ „діалоговъ“ и такимъ образомъ косвенно вліять и на Южную Русь. Оставляя это дѣло нерѣшеннымъ, мы однако не можемъ не высказать мысли, что наша драма есть сочиненіе въ значительной степени оригинальное. Мы понимаемъ это въ такомъ смыслѣ, что авторъ не передѣлалъ ее прямо изъ какой либо другой драмы, польской, нѣмецкой или французской, но составилъ свободно, пользуясь текстомъ Никодимова евангелія и внося для разнообразія эпизоды изъ видѣнныхъ имъ Пасхальныхъ драмъ (несчастная душа=Соломонъ), или измыслилъ свои собственные (такимъ, мнѣ кажется, есть эпизодъ спора Люцы-пера съ Иоанномъ Крестителемъ).

Оканчивая наши замѣтки по поводу открытой нами Пасхальной драмы, мы должны обратить вниманіе еще на одно интересное явленіе въ области южнорусского фольклора, имѣющее, какъ намъ кажется, прямую связь съ нашей драмой и происшедшей изъ нея виршой. Это народный разсказъ о томъ, какъ Соломонъ избавился изъ ада. Разсказъ этотъ, также какъ и остатки Пасхальной драмы, популяренъ на двухъ противуположныхъ концахъ территории, заселенной южноруссами. Разсказъ этотъ записанъ г. Ивановымъ въ Купянскомъ уѣздѣ, въ селѣ Тарасовкѣ, и напечатанъ въ Этнографическомъ обозрѣніи 1893, № 3, стр. 107—109. „Нѣть вѣроятно,—говорить г. Ивановъ—ни одного въ уѣздѣ селенія, въ которомъ эта легенда была бы совсѣмъ неизвѣстна. Но не смотря на многочисленность, варианты ея представляютъ лишь незначительную разницу въ содержаніи, отличаясь только изложеніемъ и мелкими подробностями въ родѣ

того, что въ однихъ вариантахъ Соломонъ собирается строить въ адѣ колокольню, въ другихъ церковь, въ третьихъ монастырь,— вообще грозить чертамъ колокольнымъ звономъ, или тѣмъ, что Христосъ вторично явится въ адѣ за нимъ лично, и такой угрозой достигаетъ своей цѣли: бѣсы сами выводятъ или вывозятъ его даже на себѣ изъ ада (оп. cit. 107). Мы не выписываемъ здѣсь самаго рассказа, въ которомъ интересующая насъ подробность осложнена другими сказочными и легендарными мотивами, но замѣтимъ, что въ томъ же уѣздѣ, гдѣ этотъ разсказъ столь популяренъ, записанъ также г. Ивановымъ варіантъ Изюмской вирши, о чёмъ мы упоминали выше.

Второй варіантъ этого сказанія записанъ Б. Д. Гринченко изъ устья крестьянского мальчика изъ хутора Троецкаго, славяно-сербскаго уѣзда екатеринославской губ.¹). Этотъ варіантъ очень кратокъ. Иисусъ, выводя всѣхъ людей изъ ада, оставляетъ въ немъ одного Соломона и говоритъ ему: „Ты, Соломоне, хитрый та мудрый, выйдешь самъ хытрошамы та мудрошамы“. Какими „хытрошамы“ Соломонъ вышелъ изъ ада,— разсказъ неупоминаетъ.

Тотъ же разсказъ, сколько мнѣ помнится, неизвѣстный до сихъ поръ въ правобережной Украинѣ, ни въ Галиціи, записалъ лѣтомъ 1895 молодой галицкій этнографъ Владимира Гнатюкъ въ Угорской Руси, въ селѣ Голятынѣ мараморошскаго уѣзда отъ крестьянина Андрія Брянка. Привожу здѣсь этотъ разсказъ, напечатанный въ мало извѣстномъ русскимъ читателямъ галицкому журналу „Жите і Слово“ (т. IV, стр. 346—347), пропуская начало, гдѣ разсказано, какъ Адамъ записалъ Сатанъ себя и свое племя и какъ Сатана скрылъ этотъ „контрактъ“ (контрактъ, запись) въ камнѣ на горѣ Голгофѣ. „И самъ Сусъ Христосъ чирезъ праведни души давъ сыбе на муки и мусивъ вмыраты за православну виру свою. И якъ Сусъ Христосъ оскрестъ и пішовъ въ Галагофту гору и выслободывъ тотъ контрактъ, перечулы зли духи зъ передъ того трьома годы и далы такъ пекло обкуваты якъ михыръ, самовъ мидьевъ, и середь

¹⁾ Б. Д. Гринченко, Этнографические материалы, собранные въ Черниговской и соседнихъ съ ней губерніяхъ. Вып. I. Черниговъ 1895, стр. 75—76.

пекла изробылы ковбыцю въ тысяча мажъ (мажа—сто фунтовъ) и на то 12 ланцивъ искували и 12 колодыцъ изробылы. И прыйшовъ Сусъ Христосъ идъ пеклу идъ воротымъ изъ святымъ Михаиломъ и каже: „Втворити князы врата свои, бо идутъ сыны небесні!“ Кажи другой разъ то само и кажи третий разъ. И въ читвертый разъ махне на охресьтъ свойовъ паличковъ золотовъ, и вшыстко лыше хрякнуло, упало. Відтакъ прыходыть идъ адovi пекельному. И адъ пекельный каже: „Ты есь мы типерь въ рукахъ“. И каже: „Сидай идъ ковбыцы той вбрайся въ ланцы!“ „Я ни знаю, якъ ся вбрыати, хиба мы вкажишъ“. Убрався (адъ) красно и позамыкавъ. „Ино бысь ты такъ на ся взявъ!“ А Господь кажи: „ну, най буди такъ!“ И вшыстко на нымъ прыросло тото. И колы почавъ собовъ быты, и ще такъ бувъ бы ся завгрубшки проломывъ, кажи: „ни рыдай, ади пекельный! Во послідня ремя ти вшытко твое буде цыльце (що першый клясть), а мое позадье“. Винъ такъ ся тогды зрадовавъ, що ся засміявъ, що му два зубы зъ пыска выскочили. И тогды за собовъ души праведни Господь вшытки повівъ до раю такъ, якъ едynъ вивчарь вивди за собовъ. И премудрый Сельемонъ кажи: „Господи,—кажи,—та mine туй лышышъ?— „Ты бувъ, Сельемони, мудрый, премудрый, та выслободи ся изъ пекла!“ И тогды Сельемонъ ставъ муруваты манастырь, велыку резыденцію. И кажи адъ пекельный: „Що ты, Сельемоне, будуешъ?“ „Я тото будую: туй прыйде Марінъ сынъ Исусъ Христосъ назадъ сюда, и будуть изо всима святымы спивати красно и тыміаномъ будутъ дужи красно кадыты“. И тогды кажи адъ пекельный: „Бирите го та писвіте тыхо, бысьте mine и не здрогли, и положите ще пиредъ другихъ, бы ся замишавъ, бы ся назадъ ни вирнувъ“. И эъ Богомъ у рай премудрый Сельемонъ пиповъ якъ други праведни“.

Я не настолько начитанъ въ сборникахъ средневѣковыхъ христіанскихъ легендъ, чтобъ могъ рѣшительно сказать, встрѣчается эта легенда гдѣ нибудь въ западной Европѣ, или нѣтъ. Для меня остались недоступными капитальная сочиненія, относящіяся къ этому предмету, а именно Мори (*Maury, Les legendes pieuses du Moyen Age*), Грассе (*Grässle, Die grossen Sagenkreise des*

Mittelalters) и Дуэ (*Douhet, Dictionnaire des légendes*). Но въ извѣстныхъ мнѣ сочиненіяхъ, главнымъ образомъ касающихся цикла Соломоновскихъ легендъ, а именно у Веселовскаго (Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ и дополненія къ этой работѣ въ Разысканіяхъ въ области русскихъ духовныхъ стиховъ), у Вейля (*Biblische Legenden der Muselmänner*), у Грюнбаума (*Die hagadischen Beiträge zur vergleichenden Mythologie* въ *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen gesellschaft* t. XXXI и въ *Neue Beiträge zur semitischen Sagenkunde*) подобного сказанія совсѣмъ нѣтъ. Я не встрѣтилъ его и въ такихъ богатыхъ коллекціяхъ средневѣковыхъ легендъ и разсказовъ, какъ *Otia imperialia* Гервазіи изъ Тильбери (*Gervasius von Tilbury. Otia imperialia. Herausg. von F. Liebrecht*), какъ *Gesta Romanorum* (edid. H. Oesterley) или Кирхгофовъ *Wendunmuth* (изд. его же). Въ виду общепринятаго мнѣнія, что всѣ легенды о лицахъ библейской исторіи, живущія въ устахъ нашего народа,—бродячій международный матерьялъ, сочтется мнѣ, быть можетъ, за еретичество слѣдующая гипотеза о возникновеніи интересующей насъ Соломоновской легенды. Не возможно ли ея возникновеніе выяснить слѣдующимъ образомъ? Первобытнымъ основаніемъ служитъ типичный въ западноевропейской Воскресной драмѣ эпизодъ съ *animam infelix*, которую по испещствію Христа съ праведниками изъ ада дьяволы удерживаютъ или пытаются удержать въ адѣ. Мы видѣли, что иногда эта *anima infelix* превращается въ одного изъ праведниковъ, напр. въ Иоанна Крестителя. На малорусской ли, или на польской, или еще на нѣмецкой или французской почвѣ возникло превращеніе этой несчастной души въ премудраго Соломона, этого за недостаточностью матерьяла мы не можемъ рѣшить. Разъ эта роль выпала Соломуну, естественно явилось и то представление, что онъ, какъ „премудрый“, долженъ какой нибудь штукой освободиться изъ адѣ. Мы видѣли въ одной изъ нѣмецкихъ насхальныхъ драмъ и первообразъ этой штуки—угрозу священника сатанѣ, что для его освобожденія Христосъ еще разъ придетъ въ адъ. Эту штуку и приложено въ нашей драмѣ къ Соломуну. Только изъ драмы или возникшой на ея основаніи вирши этотъ анекдотъ перешелъ въ уста народа и удержанія

именно тамъ, гдѣ сбереглись до сихъ поръ остатки одной и другой. Угрорусская мѣстность, гдѣ записанъ приведенный разсказъ, довольно близка къ галицкой границѣ, а народъ оттуда ежегодно толпами ходитъ на богомолье въ галицкое Подгорье, именно въ Гопшевъ (долинскаго пов.), Кохавину (жидачевскаго пов.) и Кальварію Паславскую (старомѣстскаго пов.) — мѣста, гдѣ происходит особенно живой обиѣнь религіозныхъ сказаний, такъ какъ богомольцы принуждены ~~настягами~~ ночевать въ одной комнатѣ, обыкновенно всю ночь рассказываютъ того рода сказания или заставляютъ грамотныхъ изъ своей среды читать того рода вещи изъ тетрадокъ, имѣющихъся у нихъ всегда для такой оказии. Кажется, что и тетрадка Ф. Кышко, въ которой сбереглась наша драма, сдѣлана была именно для такого употребленія. Того рода тетрадокъ есть у меня довольно значительное количество и обозрѣніемъ ихъ содерянія я займусь при другой случайности. Что же касается нашей легенды, то возникновеніе ея такимъ именно образомъ, какъ изложено выше, изъ пасхальной драмы, мнѣ кажется довольно правдоподобнымъ.

Миронъ.

Письма протоієрея Арсенія Лебединцева, б. благочинного церквей южнаго берега Крыма, къ преосвященному Иннокентію, архієпископу Херсонскому и Таврическому, съ донесеніями о ходѣ военныхъ дѣйствій и состояніи церквей и духовенства во время 11-ти мѣсячной осады Севастополя¹⁾.

П и с ь м о 47-е.

Мы оставили Севастополь, могу сказать, послѣдніе, и никто не можетъ подумать, что мы бѣглецы. Адмиралтейское духовенство и флотскіе іеромонахи были уже отпущены военнымъ начальствомъ, коему они подлежали. Городскія Севастопольскія власти были также упразднены. Наконецъ, какъ дѣло о церкви на базарѣ началось чрезъ главную квартиру, то я, какъ уже писалъ, спросилъ Дежурнаго генерала, который отвѣталъ, что лучше теперь оставить это. Поелику же оставался еще нерѣшеннымъ вопросъ о необходимости священника для базарной колоніи, то я далъ слово жителямъ, что самъ буду при нихъ, возвратившись изъ Бакчисара, и былъ тамъ до 13 сентября три раза. Время показало, что и эта надобность, какъ я уже писалъ, прошла. Тамъ остаются теперь, можно сказать, одни маркитанты. Даже воспрещено, наконецъ, тамъ селиться и строиться.

Что намъ нужно? спрашиваете. Смиренинѣйше благодаря за отеческое участіе, осмѣливаемся просить, покрайней мѣрѣ, единовременнаго денежнаго пособія. Священникъ Демяновичъ, по его словамъ, былъ бы доволенъ и сту рублямъ. Противъ него по чину справедливо будетъ дать пособіе діакону и при-

¹⁾ См. „Кіевск. Стар.“ 1896 г., № 6.

четникамъ. Есть примѣръ, что таковое пособіе недавно дано отъ Сунода. Балаклавскій протоіерей Аргириди, который продолжалъ получать свое жалованье, деньги квартирные, столовые, и раціонныхъ 50 р. сер. въ мѣсяцъ, получилъ изъ св. Сунода пособіе 300 р. сер.

О себѣ самомъ я долженъ молчать. Я обязанъ говорить о другихъ. Священникъ Демяновичъ завтра отправится въ Симферополь на праздное при Соборѣ мѣсто, Вамъ указанное. Оно ему нужно; я потерплю. Причетника одного беру туда же, другого оставляю при Бакчисарайскомъ Соборѣ. Но у этихъ братьевъ Тошузовыхъ есть мать, три сестры и братъ малолѣтній. Въ настоящее время это бремя и для достаточного человѣка. Эту вдову съ дѣтьми необходимо отправить изъ Крыма, какъ теперь все подобное выѣзжаетъ. Но на это нужны деньги. Завтра буду въ Симферополѣ и посовѣтуюсь о томъ съ о. Михаиломъ. Узнаю, нѣтъ ли тамъ мѣста для діакона, который плачетъ и просится изъ Крыма. Письмо Ваше отъ 3 сентября получилъ я только вчера.

Г-жа Хитрово говоритъ, что мнѣ необходимо оставаться при Общинѣ, которой главная квартира въ Симферополѣ. Какъ же мнѣ оставаться, не имѣя мѣста священническаго? Впрочемъ, завтра еще буду видѣться съ Пироговымъ и буду оттуда отвѣтить Вамъ.

Высокихъ гостей изъ Петербурга нѣтъ еще: они, какъ слышно, остановились въ Николаевѣ и едвали будутъ сюда. Впрочемъ есть слухъ (и еслибы онъ былъ справедливъ), что главнокомандующимъ назначенъ в. кн. Константинъ Николаевичъ съ помощникомъ кн. Долгоруковымъ, котораго въ министерствѣ смѣнилъ кн. Горчаковъ. Къ генію кн. Горчакова пало всякое довѣrie. Онъ самъ пока въ Карамеѣ и весь штабъ въ Бакчисараѣ, въ которомъ, вѣроятно, думаютъ прожить долго, ибо будутъ дѣлать шоссе. На устройство квартиръ и печей тратятся большія суммы. Страшно слышать, какъ много тратится денегъ, повидимому, на ничтожныя вещи.

Враги, повидимому, ничего не предпринимаютъ важнаго, м. б., отъ истощенія силъ, но прекрасно пользуются нашою безпечностію, въ которой выражается гений главнокомандующаго. Онъ спитъ и ничего не видить, и всѣ по немъ. Въ первыхъ числахъ сентября у Евпаторіи нась на аванпостахъ захватили спящими; на дняхъ предъ наступающимъ непріятелемъ мы зажгли Саки, которые непріятель занявъ, сталъ оканчиваться. Мы успокоились, и въ виду враговъ повели поить лошадей, оставивъ артиллерию безъ прикрытия. Такимъ образомъ изъ пустяковъ потеряли 7 орудій. Такъ вчера рассказывали за достовѣрное.

21 сентября 1855 г., г. Бакчисарай.

Письмо 48-е.

О Сакенѣ известно, что онъ на высотахъ Инкерманскихъ. Но будетъ ли онъ счастливѣе, чѣмъ въ Севастополѣ, Богъ вѣсть. И въ немъ ничего особеннаго, кромѣ благочестія, не видать. Защитою Корабельной Слободки былъ лично Хрулевъ, и когда онъ 27 августа былъ раненъ, нѣкому было замѣнить его: потому и Малаховъ Курганъ остался за непріятелями до вечера. Онъ теперь въ Бакчисараѣ; ему вылущенъ большой палецъ на руцѣ, рана идетъ не совсѣмъ хорошо. Въ другихъ генералахъ не видать энергіи за отсутствіемъ ея въ главнокомандующемъ; плохо и нескладно дѣйствуетъ машина потому, что не имѣетъ двигателя хорошаго. Вотъ чѣмъ объяснять можно отсутствіе хорошихъ генераловъ и хорошихъ успѣховъ настоящей войны. Благодареніе Богу, я удостоился быть у Кузьмы и Демьяна¹⁾), къ чemu доселѣ не имѣлъ случая. Тѣмъ поразительнѣе для меня было это высокое въ природѣ послѣ крайностей ужасовъ человѣческихъ. Вотъ кстати бы отдохнуть здѣсь и окомъ и слухомъ послѣ видѣннаго и слышаннаго въ теченіи года, еслибы не жена и дѣти, которые со слезами давно зовутъ меня, и куда вирочемъ проситься не смѣю, развѣ Господь устроить сіе чрезъ милостиваго моего Архиастыря.

¹⁾ У Космо-Демьяновскаго источника за слово Четырдѣга, гдѣ устроился скитъ.

Сейчасъ прибыли въ Бакчисарай жители гречес. деревни Керменчинъ (въ 4-хъ верстахъ отъ Лакъ и въ 7-ми отъ Анастасіи), отступившіе вмѣстѣ съ авантюристами предъ появившимся тамъ непріятелемъ. Это шагъ довольно дерзкій и вмѣстѣ для насъ опасный. (Безъ означ. числа).

Письмо 49-е.

Я уже писалъ Вашему Высокопреосвященству, какъ разбѣгалась постепенно колонія, образовавшаяся было на сѣверной сторонѣ Севастополя, гдѣ предполагалась для неї церковь и священникъ. Наконецъ убираются оттуда даже сами торговцы съ своими товарами, по предостереженію начальства. Такимъ образомъ нѣть мнѣ мѣста и въ полѣ.

Хотя мѣсто при Симферопольскомъ соборѣ предлагалось не прямо священнику Демяновичу, а одному кому либо изъ насъ; но какъ ему съ дѣтьми труднѣе оставаться безмѣстнымъ, то я охотно уступилъ ему, тѣмъ болѣе, что отъ него уже подано и прошеніе на это мѣсто.

Гдѣ же мнѣ дѣваться? Мнѣ кажется, что я теперь совершенно лишеній въ Крыму. Смѣю напомнить Вашему Высокопреосвященству, что уже прошелъ годъ, какъ нахожусь въ разлукѣ съ семействомъ, что я послѣ 11-ти лѣтъ службы и 9-ти лѣтъ священства, совершенно нищъ и не имѣю своего угла, чтобы приклонить голову, и что близка пора подумать о воспитаніи дѣтей. Не имѣю дерзновенія просить обѣ удовлетвореніи моихъ нуждъ или о мѣстѣ, гдѣ бы какъ нибудь удовлетворять имъ, и только осмѣиваюсь сказать, что я весь въ нуждахъ, вполнѣ предаваясь волѣ и благоусмотрѣнію Вашего Высокопреосвященства.

Если же почему либо меня оставите въ Крыму, то при назначеніи мнѣ мѣста, хотя бы то временнаго, благоволите имѣть въ виду то, что я состою духовникомъ при Крестовоздвиженской общинѣ, которой главная квартира теперь въ Симферополѣ. Вчера я былъ у Широгова и объяснялъ ему, что теперь безъ мѣста и неизвѣстно, гдѣ получу его, спросилъ: могу ли я оставить Общину? Онъ отвѣчалъ, что не могу, ибо на-

значень самой Великой Княгиней (копію этой бумаги я представилъ Вашему Высокопреосвященству), и совѣтовалъ написать объ этомъ Вашему Высокопреосвященству. Я долженъ признаться, что доселъ я почти не имѣлъ никакого вліянія на Общину вслѣдствіе системы г-жи Стаковичъ, которая хотѣла одна дѣйствовать. Теперь будетъ иначе, и г-жа Стаковичъ, кажется, скоро будетъ уволена. Впрочемъ это служба не по мнѣ, и увольненіе отъ неї было бы для меня милостію, особенно если эта одна служба будетъ препятствіемъ къ отпуску изъ Крыма.

Изъ церквей моего вѣдомства остались: Бакчисарайская, Менгумская и Біасальская (Лакская можетъ быть доселъ оставлена; Качинской также нѣчего считать). Что за благочиніе изъ двухъ причтовъ? Въ настоящее время лучше сосредоточить власть и пріобщить эти церкви къ вѣдомству о. Михаила. Протоіерей Паксимаде мало свѣдущъ въ Русскомъ письмѣ, чтобы быть ему благочиннымъ, и вообще въ немъ преобладаетъ греческій элементъ.

Діакону нѣть мѣста въ Симферополѣ, и потому я намѣренъ отпустить его въ Одессу, если не получу объ немъ особыхъ распоряженія. Причетниковъ Топузовыхъ можно бы обоихъ оставить въ Бакчисараѣ, но одного необходимо отпустить проводить куда либо за Цереконъ семейство, состоящее изъ матери, 3 сестеръ и малолѣтняго брата. Послѣ паденія Севастополя началось новое переселеніе изъ Крыма, и трудно урезонить, чтобы не бѣжали отъ вѣроятной только опасности. Изъ Бакчисарай отправили свои семейства протоіерей, діаконъ и дьячекъ. Новопоступившій священникъ Рафаилъ, хотя пріѣхалъ съ женой, также отпускаетъ ее.

О военныхъ дѣйствіяхъ ничего новаго сообщить не имѣю. Вчера въ Симферополѣ разсказывали, какъ новость, будто бы непріятели зажгли Балаклаву и Камышевый городъ, и отступаютъ, чтобы открыть въ другомъ мѣстѣ театръ войны. Еслибы это было вѣрно, то обстоятельнѣе знали бы и офиціально.

Сейчасъ возвращаюсь въ Бакчисарай, гдѣ ожидаю дальнѣйшаго Вашего распоряженія.

24 сентября 1855 года, г. Симферополь.

Письмо 50-е.

26 сентября получилъ я отъ о. архимандрита письмо Ваше, и за отеческую Вашу заботливость о положеніи моемъ и причта приношу глубочайшую благодарность.

Не только съ Сѣверной стороны всякие жители удалены (деревня Кучкусека сожжена), но и съ Бельбека понуждаются всѣхъ удаляться. Севастопольцовъ тамъ давно нѣтъ; кто же было построилъ тамъ лавку, товары перевозятъ въ Симферополь и тамъ открываютъ балаганы.—Смѣю уверить Ваше Высокопреосвященство, что ни на Сѣверной, ни на Бельбекѣ нѣтъ болѣе надобности въ приходскомъ Севастопольскомъ священникѣ. Я самъ желалъ послужить съ Севастополемъ и въ полѣно, къ сожалѣнію, его нѣтъ болѣе нигдѣ.

Оставивъ священника Демяновича въ Симферополѣ, остальнымъ причтомъ я распорядился такъ. Меньшого Топузова оставилъ при Бакчисарайскомъ Соборѣ на мѣстѣ больного по-номара Березовскаго, котораго отпустилъ къ роднымъ въ Ка-расубазаръ. Старшаго Топузова отпустилъ проводить за Пере-копъ мать съ семействомъ съ тѣмъ, чтобы потомъ возвратился къ Бакчисарайскому Собору. Диакона я не рѣшался безъ Вашего разрѣшенія отпускать въ Одессу, но онъ уже потерялъ терпѣніе и жаль было смотрѣть на него. Я послушался совѣта о. архимандрита и вчера отпустилъ ради семейныхъ обстоятельствъ. Вы спрашиваете: сколько кому нужно на каждый мѣсяцъ? По моему мнѣнію, текущее содержаніе тѣмъ не нужно, кто изъ насъ имѣеть уже мѣсто, напр. священникъ Демяновичъ и причетникъ Топузовъ. Но мы все нуждаемся въ единовременномъ пособіи, вышедши изъ Севастополя какъ съ пожара. Съ 1-го августа мы въ Севастополѣ уже рѣшительно не имѣли никакихъ доходовъ, хотя до 20-го продолжали служить въ своей церкви.

Отъ о. Михаила Родіонова получили на содержаніе: священникъ Демяновичъ 25 р., причетникъ Феод. Топузовъ 10 р. и Петръ Топузовъ 10 р., Диакону я велѣлъ также обратиться въ Симферополь къ о. Михаилу. На свои нужды, хотя живу въ Скитѣ, я также получиль 25 р.

Говоря о необходимости единовременного пособія, не смѣю ни для себя, ни для другихъ опредѣлять его. Вамъ извѣстны наши нужды, какъ и обстоятельства жизни въ Севастополѣ. Бывъ въ Симферополѣ, я не могъ, къ удивленію, не замѣтить, что отъ тѣхъ же военныхъ обстоятельствъ, отъ коихъ въ одномъ мѣстѣ въ теченіи года мы лишались и лишались, въ другомъ болѣе настѣ счастливые пріобрѣтали и пріобрѣтаютъ. Привожу сіе обстоятельство собственно для объясненія, а не отъ зависти жребію другихъ. Ибо жребії раздаются отъ Бога.

Ваше Высокопреосвященство удостоили меня спросить о семействѣ моемъ: гдѣ оно и что для него? Симъ истинно отеческимъ участіемъ Вы тронули меня до слезъ. Скажу о его положеніи со всею откровенностью. Семейство мое съ сентября мѣсяца прошедшаго года у моего отца находилось до января, а съ января сего года въ м. Бѣлой-Церкви,—кіев. губерніи у брата моего. Отправка изъ Крыма, при общемъ бѣгствѣ жителей и движеньи войскъ, мнѣ стоила 200 р. сер., когда я имѣлъ ихъ не болѣе 50. Жена моя плачетъ и просить одного: мѣста постояннаго, куда могла бы прибыть ко мнѣ съ дѣтьми. Если, наконецъ, и получу такое мѣсто, я не имѣю денегъ, чтобы взять семейство обратно. Могу ли надѣяться на отпускъ, чтобы самому пойхать за семействомъ? Съ послѣдней почтой получилъ письмо, что отецъ мой, можно сказать, въ послѣднихъ часахъ жизни: потому я желалъ бы принять отъ него послѣднее благословеніе и поклониться въ Кіевѣ святымъ мѣстамъ. Если мнѣ крайне необходимо пособіе, то именно для этой надобности, т. е. чтобы соединиться съ семействомъ. Прочія нужды восполняются сами собою, если дастъ Богъ, буду имѣть мѣсто. Не пріймите, Милостивый Архипастырь, моихъ желаній за настоятельную просьбу. Я совершенно во всемъ предаюсь на усмотрѣніе и волю Вашу.

О военныхъ дѣйствіяхъ мало знаю, мало объ нихъ говорятъ, почти они затихли и состоять лишь въ приготовленіяхъ.

Занятіе непріятелемъ Керменчука оказалось ложью. Впрочемъ жители вышли изъ этой деревни въ Лаки и другія мѣста. Вчера пошла саперная рота въ Керменчукъ для построенія

тамъ укрѣпленія. Семейство Лакского Священника я отпустилъ за Перекопъ, но самому ему велѣль оставаться при своемъ мѣстѣ, пока (въ случаѣ) не будетъ приказанія отъ начальства выходить изъ деревни.

Дѣйствительно разнеслись было слухи о намѣреніи отступить далѣе съ цѣллю вывести непріятеля въ поле. Даже говорили о перевѣдѣ главной квартиры въ Симферополь. Но третьаго дня я слышалъ отъ прибывшаго изъ позиціи офицера, что пріѣзжалъ генералъ-адъютантъ ин. Ливенъ подтвердить, чтобы всякия идеи обѣ отступленія были оставлены.

Генералъ баронъ Корфъ за непростительную оплошность у Евпаторіи преданъ суду. Воуваженіе только прежнихъ заслугъ, онъ выключенъ изъ службы съ воспрещеніемъ въїзда въ столицу и поступленія куда либо на службу. Что дѣлаютъ врачи? Усиливаются на Черной и гдѣ-то чрезъ горы прокладываютъ себѣ путь къ Бакчисараю. Адмиралъ Лейносъ взялъ будто бы на себя во чтобы то нистало овладѣть Константиновскимъ фортомъ. Вчера и третьаго дня была слышна усиленная пальба: не бомбардировали ли съверной? Впрочемъ вѣстей никакихъ оттуда. Завтра надѣюсь быть ближе къ позиціи и развѣдать что либо.

Главнокомандующій самъ еще не пріѣзжалъ въ Бакчисарай.

28-е сентябрь 1855 г., г. Бакчисарай.

Письмо 51-е.

Вечеромъ сейчасъ отъ возвращающихся въ Николаевъ морскихъ офицеровъ получилъ слѣдующія свѣдѣнія.

25-го сентября флотъ непріятельскій съ дессантомъ, прибѣгно въ 40 тысячъ, снялся и пошелъ по направленію къ Одессѣ. Замѣчено также, что брали съ собою туры и фашини.

Вѣроятнѣйшимъ полагаютъ, что флотъ пошелъ къ Акмететской бухтѣ, можетъ быть съ цѣллю отрѣзать насъ отъ Перекопа. То и дугое только предположеніе, а гдѣ очутился непріятельскій флотъ, еще неизвѣстно.

На Черной рѣчкѣ, думаютъ, непріятели будутъ оставаться лишь въ оборонительномъ положеніи.—Между тѣмъ тамъ у де-

ревни Шюли 26 сентября было и небольшое дѣло. Непріатели двигались впередъ и должны были отступить.

Сѣверное укрѣпленіе сильно страдаетъ отъ непріятельскихъ бомбъ, бросаемыхъ съ Аполлоновой балки и Николаевской пло-щади. Съ моря не было бомбандировки; но береговая бата-рея наши, смотря лицемъ въ море, страдаютъ съ тылу отъ не-пріятельскихъ снарядовъ, туда достающихъ.

Въ Николаевской батареѣ всѣ амбразуры закрыты. Дума-ютъ, что ее вооружаютъ для дѣйствія по Константиновской и Михайловской. Наши силы сосредоточены на пути отъ Черной рѣчки.

Главнокомандующій—въ Карапетъ.

28-е сентября 1855 г. г. Бакчесарай.

Письмо 52-е.

О военныхъ дѣйствіяхъ ничего особеннаго не имѣю со-общить, кромѣ печальной вѣсти, что непріятельскій флотъ, 25-го сентября оставившій Севастополь, очутился въ Одессѣ и можетъ быть, какъ уже говорять, бомбандируетъ ее. Сохрани васъ Го-споди.

Въ послѣдніе дни была усиленная бомбандировка по Сѣ-верной, но о результатахъ еще неизвѣстно. Выстрѣлы перестали быть слышны.

О дьячкѣ Пироговѣ считаю нужнымъ сказать, что это злой корень бывшаго порядка въ Бакчесарайскомъ Соборѣ. Пользуясь довѣренностью покойнаго настоятеля и бывши его письмоводи-телемъ, онъ не разъ предлагалъ къ подписи его то, о чемъ тотъ и не думалъ.

Кромѣ того какъ двоеженецъ, не имѣя уже въ виду зва-нія высшаго,—онъ, при малѣйшемъ замѣчаніи, съ дерзостію иногда объявляетъ, что онъ готовъ оставить духовное званіе. Потому полезно удалить его отъ Собора. Вину очи мои ко Господу и къ вамъ, милостиейшій Архиастыръ мой! Съ каждой почтой ожидаю опредѣленного себѣ назначенія, и не смѣю наскучать о семъ, вполнѣ предаваясь волѣ Вашего Высо-копреосвященства.

30-е сентября 1855 г., г. Бакчесарай.

Письмо 53-е.

Главный пріютъ мой—Успенскій Скитъ, откуда, когда на хожу случай, отлучаюсь на рекогносцировку. 2-го октября съ о. архимандритомъ, которому нужно было побывать у Анастасіи, я былъ въ Лакахъ и Керменчукѣ, по направленію къ коему чрезъ горы пробирался непріятель. Тамъ уже довольно было стянуто войска нашего; во въ ночь на 1-е октября непріятель, какъ полагаютъ, предваренный татарами, внезапно отступилъ и скрылся. Штабъ 3-го корпуса, который занялъ было квартиру въ домѣ Жецкаго, опять возвратился на свою позицію. Керменчукъ, совершенно оставленный жителями, продолжаютъ укрѣплять; собственно защищаютъ дорогу, здѣсь проходящую. Впрочемъ деревня эта, въ которой было всего 4 двора христіанскихъ жителей, теперь стала веселѣе отъ многолюдства военнаго. Церковь Керменчукская (она приписная къ Лакской), съ которой, по причинѣ ветхости ея, уже три года какъ снять антиминсъ, разрушается и едва ли найдеть восстановителей. Бѣдная утварь ея перенесена въ Лакскую церковь. Въ Лакахъ жители остаются, не опасаясь близости непріятеля, котораго появление здѣсь было, кажется, попыткою. Ущелья, и тѣснини горныя вездѣ заняты войсками, пути же пресѣчены завалами и прикрыты по мѣстамъ батареями. Инженеры, гдѣ можно, пользуются укрѣпленіями природы, ставл орудія просто на скалѣ. Прямо Анастасіи Кача пересѣчена засѣвой, и на противоположной сторонѣ устроена батарея въ 5-ть орудій, коими обстрѣливается теченіе Качи. 3-го октября былъ я у Анастасіи съ сестрами Крестовоздвиженской Общины. Раненыхъ теперь, слава Богу, мало; потому сестры воспользовались досугомъ для путешествія въ св. мѣсту, которое совершили пѣшкомъ. Всѣхъ путешественницъ было 18-ть; съ ними была и начальница сестеръ—Стаховичъ. Нашлось 7-мъ, и въ числѣ ихъ сама начальница, которые пожелали взойти къ источнику. Я былъ ихъ проводникомъ туда, и какъ ни трудно было взбираться на гору, трудъ ихъ былъ вознагражденъ душевнымъ удовольствиемъ. Сестра Леди, очень слабая здоровьемъ, предприняла этотъ трудъ единственно для того, чтобы промыть св. водою слабыя глаза свои.

Огню непріятельскому по Съверной сторонѣ съ нашей стороны отвѣчаютъ успѣшно. Вчера отъ офицера пріѣхавшаго изъ-подъ Севастополя слышалъ я, будто кн. Горчаковъ выѣхалъ отсюда. На вопросъ мой: когда и по какому случаю? онъ отвѣчалъ: я зиаю изъ приказа по армїи главнокомандующаго, коимъ даетъ знать, что онъ, по дѣламъ службы отлучаясь, передаетъ начальство графу Сакену, и что приказъ этотъ послѣдовалъ 25-го сентября. Оставляетъ ли онъ совершенно главное начальство, неизвѣстно.

Объ опасностяхъ нашихъ перестали говорить. Главная квартира, можно сказать, только считается въ Бакчисараѣ. Старшія же лица доселѣ въ Казамеѣ и не переходили въ назначенные имъ квартиры.

Уже двухъ почтъ нѣтъ изъ Одессы. Это составляетъ предметъ нашего недоумѣнія и беспокойства. Ибо о флотѣ непріятельскомъ, что онъ дѣлаетъ, слухи противорѣчащіе носятся. Буди воля Божія.

5-е октября 1855 г., Успенскій Скитъ.

Письмо 54-е.

Сейчасъ возвратился я изъ съвернаго Севастополя, и спѣшу съ отходащею нынѣ почтою дать отчетъ въ томъ, что видѣлъ и слышалъ тамъ.

Съверная сторона стоитъ и можетъ стоять твердо. Число батарей ея увеличено до 60-ти нумеровъ. Онѣ дѣйствуютъ по непріятелю очень успѣшно. Въ городѣ нашими выстрѣлами произведено было нѣсколько пожаровъ. Непріятели боятся жить въ городѣ, и гарнизонъ ихъ, какъ полагаютъ, не превышаетъ $1\frac{1}{2}$ тысячи человѣкъ. Въ Корабельной улицы перекопаны тремя параллельными рвами. Непріятели устроили мортирныя батареи въ балкахъ: Ушаковой и Аполлоновой, на графской пристани, на Александровской и № 8 батареяхъ. Съ моря по съверному укрѣпленію доселѣ не стрѣляли. Съ нашей стороны пальба всегда чаще. Что дѣлаютъ въ Николаевской батареѣ, въ которой закрыты амбразуры, доселѣ неизвѣстно, но тамъ слышенъ большой стукъ мастеровыхъ. Въ камышевой бухтѣ довольно.

На съверной сторонѣ жителей никакихъ нѣтъ. На бывшемъ рынке всего три балаганчика. Въ двухъ кое-чѣмъ торгуютъ охотники; въ третьемъ помѣщается перевязочный пунктъ. На противоположномъ холмѣ, неподалеку отъ того мѣста, гдѣ былъ праздникъ Брянского, нынѣ кн. Горчакова полка, я нашелъ чѣсколько землянокъ и палатокъ, и тамъ іеромонаха о. Лаврентія, прежде служившаго въ съверномъ укрѣпленіи. Церковь онъ сдалъ въ дивизію, изъ которой она была выдана, а состоитъ при 31-мъ флотскомъ экипажѣ, который, можно сказать, одинъ составляетъ гарнизонъ съвернаго укрѣпленія и всей съверной стороны. Онъ увеличенъ командами другихъ службъ и доведенъ до 3 тысячи человѣкъ; на каждое орудіе по три матроса, прочие—изъ другихъ. Комендантъ всей съверной стороны контр-адмиралъ Бартеневъ. Онъ задержалъ о. Лаврентія, который только одинъ остался изъ флотскихъ іеромонаховъ, и теперь состоитъ также при перевязочномъ пунктѣ. По его словамъ, со времени оставленія Севастополя, на съверной сторонѣ убитыхъ и раненныхъ всего было только 15 человѣкъ. Дѣйствительно, въ госпиталѣ на Бельбекѣ я видѣлъ больныхъ просто, а не раненныхъ. Сестеръ здѣсь всего четыре. Этотъ госпиталь скоро долженъ упраздниться: ибо онъ въ палаткахъ. Больныхъ постоянно отправляютъ далѣе. Въ Дуванѣ—слабосильные. Въ Бакчарѣ теперь очень просторно въ дворцѣ. Раны и болѣзни такимъ образомъ вывезены съ театра войны.

На новомъ рынке у Бельбека, гдѣ именно хотѣли имѣть церковь, нашелъ я около десятка балаганчиковъ, и—тѣ пусты. Торговцы жалуются, что нѣтъ никакой торговли, и они одинъ за другимъ убираются оттуда. Два раза были понуждаемы къ тому и начальствомъ. Теперь опять объявлено, что могутъ оставаться. Жителей здѣсь никакихъ. Войска постоянно передвигаются съ мѣста на мѣсто: потому и рынокъ возможенъ только передвижной. Мысли, что мы возвратимся въ Севастополь, нигдѣ не слышно, хотя о дальнѣйшемъ отступлениіи нѣтъ болѣе слова. О. Лаврентій говорилъ мнѣ, что провизію для съвернаго гарнизона вѣрно заготовить по февраль мѣсяцъ, между тѣмъ

какъ недавно предшествовало распоряженіе о заготовленіі оной по 1-е ноября.

Какъ же мнѣ оставаться? Еще осмѣливаюсь спросить. Къ Севастополю я ѿхалъ по Качинской долинѣ съ прямымъ намѣреніемъ видѣть тамошнюю церковь. Усердіемъ гусаръ сдѣланы на престоль два приличныхъ одѣянія, также и на аналои. Въ воскресные дни и праздники бываетъ не безъ молащихся: но кромѣ передвигающихся войскъ жителей здѣсь—почти никакихъ. Человѣкъ 10 наберется людей дворовыхъ. Священника я не засталъ: онъ отправился проводить до Симферополя семейство, которое єдетъ за Перекопъ. Если обстоятельства будутъ обѣщать возможный покой, то можно освятить Качинскую церковь (съ престола была похищена и срачица). Въ противномъ случаѣ, что и святить, если покидать?

Подъ Севастополемъ слышалъ еще о взятіи непріятелями Кинбурна.

Объ Одессѣ, кромѣ того, что тамъ непріятельскій флотъ, еще ничего не знаемъ. Уповаю на милость Господню.

Возвращаясь съ Бельбека, видѣлъ войска наши, слѣдующія съ позиціи подъ Евпаторію. Шли съ обозами и артилерією три девизіи—7, 9 и 14. Такжে—ратники и греки волонтеры.

8 октября 1855 г., г. Бакчисарай.

Письмо 55-е.

Въ два часа пополудни, сего 15 октября, полученъ мною пакетъ съ словами отеческаго утѣшенія и милостивымъ вашимъ представленіемъ св. Синоду о севастопольскомъ причтѣ. Приношу глубочайшую благодарность отъ себя и за другихъ вашему высокопреосвященству за истинно отеческое ваше попеченіе объ насъ. Отправление пакета съ курьеромъ свидѣтельствуетъ о желаніи вашемъ скорѣе утѣшить насъ. Скорбно, что не умѣю, какъ слѣдуетъ, выразить всего того, что чувствуетъ сердце мое, тронутое вашимъ Архиастырскимъ вниманіемъ. Только любовь начальника могла въ неключимыхъ рабахъ обрѣсти то, о чёмъ свидѣтельствуете за насъ предъ св. Синодомъ. Мы обязаны оправдать такое свидѣтельство, и не медля восполнить то, чего бы

не доставало на вѣсахъ строгой правды. Итакъ се рабъ вашъ какъ прежде, такъ и отселъ—буди мнѣ по глаголу вашему. Если должно оставаться въ Крыму до конца войны, я совершенно покоряюсь распоряженію вашему, какъ ни тяжка долгая разлука съ семействомъ.

Послѣ завтра я ѿду въ Симферополь съ намѣреніемъ, если можно, пробыть съ недѣлю при общинѣ. Не могу ли я жить въ Симферополѣ, а оттуда, при случаѣ, а иногда и нарочито, навѣщать свое вѣдомство. Я не знаю, какъ меня тамъ встрѣтить послѣ долгаго отсутствія. Тамъ теперь другой порядокъ и строже требуютъ службы. Г-жа Стаковичъ уѣзжаетъ.

Театръ военныхъ дѣйствій, кажется, переносится къ Евпаторії, куда стягиваются войска. Третьяго дня тамъ дали хороший урокъ непріятелямъ, подвигавшимся впередъ за нашимъ отступленіемъ. Мы удачно обошли ихъ и заставили обратиться въ бѣгство съ большими урономъ. Говорять, что вслѣдстіе этого успѣха, мы опять тѣсно обложили Евпаторію. Сего дня отправился туда главнокомандующій, и, кажется, туда же подвигнется свою квартиру. Штабъ графа Сакена теперь въ Бакчисараѣ. На высотахъ—одинъ Сухозанетъ.

Пишу, что слышу, всего знать нельзя. Иногда и спрашивать неловко.

15 октября 1855 г., г. Бакчисарай.

Письмо 56-е.

Я терпѣливо сношу свое безмѣстіе, какъ дѣло необходимости. Согласно волѣ вашей бываю тамъ и тамъ, и на взгорѣй севастопольскомъ, гдѣ, какъ я уже писалъ, нѣтъ ни жителей, ни надобности въ приходскомъ священникѣ. Оставаясь при одномъ званіи благочиннаго, я могу до времени находиться въ Симферополѣ. Тамъ по крайней мѣрѣ я буду имѣть службу при общинѣ сестеръ, при которой только считаюсь. Я не знаю, какъ меня тамъ пріймутъ послѣ долговременного отсутствія; однако рѣшаюсь отправиться въ Симферополь съ намѣреніемъ, если можно, остаться тамъ. Осмѣливаюсь сдѣлать сіе, не дождавшись вашего разрѣшенія, въ томъ предположеніи, что обложеніе не-

пріятельскимъ флотомъ Одессы, можетъ быть, заставило васъ на время предоставить пасть самимъ себѣ. Вчера впрочемъ графъ Сакенъ, бывши въ скитѣ, сказалъ пріятную вѣсть, что непріятельскій флотъ оставилъ Одессу, не бомбандировавъ ее. Въ военныхъ дѣйствіяхъ особеннаго ничего нѣтъ, кромѣ передвиженія. Хотя главнокомандующій и перешелъ въ Бакчисарай, но, кажется, его квартира будетъ гдѣ-то поближе въ евпаторійской позиції. Въ Бакчисараѣ будетъ штабъ гр. Сакена. На высотахъ оставленъ одинъ ген. Сухозанетъ. Нерѣдко проносятся слухи и толки о военныхъ дѣйствіяхъ, но такіе, къ которымъ не слѣдуетъ прилагать уха.

Съ каждой почтой ожидаю милостиваго обо мнѣ распоряженія вашего высокопреосвященства. Со слезами молю: „имиже вѣсте судьбами устройте меня совершенно разстроеннаго“. Мнѣ нужно мѣсто; я не желалъ бы обнажать своихъ нуждъ, прибѣгая къ церковному пособію, хотя оно разрѣшено св. Синодомъ и вами дозволено. Не всякому нуждающемуся легко протянуть руку къ подаянію. Впрочемъ буди воля ваша! Своей воли я не хочу имѣть въ обстоятельствахъ превышающихъ, могу сказать, мое разумѣніе. Всепѣло предаюсь волѣ вашего высокопреосвященства.

15 октября 1855 г., г. Бакчисарай.

П и съ м о 57-е.

Р а п о р тъ.

30-го октября, въ прошедшее воскресеніе, Его Императорское Величество Государь Императоръ Александръ Николаевичъ, съ Ихъ Императорскими Высочествами, Великими Князьями Николаемъ и Михаиломъ Николаевичами, изволилъ въ Бакчисарайскомъ Николаевскомъ Соборѣ слушать литургію, которая была совершена мною съ діакономъ сего Собора Петромъ Грабенкомъ. По окончаніи литургіи, Государь Императоръ изволилъ спрашивать меня, гдѣ получилъ я крестъ на георгіевской лентѣ, и во все ли времія осады находился въ Севастополѣ. За служеніе Всемилостивѣйше пожаловалъ мнѣ золотой перстень

съ брилліантами, а діакону Грабенкѣ—золотыс часы. Смѣю по сему думать, что Его Императорское Величество какъ служебніемъ, такъ и порядкомъ, бывшимъ въ церкви, остался доволенъ. О чемъ Вашему Высокопреосвященству долгъ имѣю смиреннѣйше донести.

1-е ноября 1855 г., г. Симферополь.

Письмо 58-е.

Донося Вашему Высокопреосвященству о пребываніи Государя Императора въ Бакчисараѣ и полученной мною новой Монаршой милости, чувствую, что всѣмъ я обязанъ Вашему Архипастырскому о мнѣ смотрѣнію, и смиреннѣйше приношу благодарность души и сердца моего. Ублажаю и буду ублажать послушаніе начальству, которое есть лучшій путь службы, чѣмъ собственный выборъ мѣста или должности. Бѣденъ я и не имѣю никакой собственности, какъ бы сейчасъ изъ школы, но уповаю на милосердаго Бога, что когда либо и прочее, мнѣ потребное, приложится по Его милости.

Въ слѣдъ за Государемъ я поспѣшилъ въ Симферополь, имѣвъ отъ Г. Пирогова увѣдомленіе, что одна изъ сестеръ, бывшая на испытаніи, по повелѣнію Ея Высочества, имѣть быть приведена къ присягѣ, и полагая, не нужно ли будетъ мое присутствіе въ Общинѣ, если Государю Императору угодно будетъ видѣть оную. Община не представлялась въ своемъ составѣ, и немногимъ изъ сестеръ удалось видѣть Государя въ тѣхъ госпиталяхъ, кои Его Величеству угодно было посѣтить въ Симферополь. О состояніи Общины освѣдомлялся только принцъ Мекленбургскій, посѣтившій квартиру сестеръ нечаянно, гдѣ, кромѣ начальницы Хитровой и еще 4-хъ сестеръ, никого не было. Всѣ были по службѣ. Сегодня же я возвращаюсь въ Бакчисарай. Во всѣ дни пребыванія въ Бакчисараѣ, Государь Императоръ єздилъ къ разнымъ позиціямъ войскъ и подъ Севастополь, гдѣ благодарилъ и ободрилъ всѣхъ. Жителямъ Севастопольскимъ, представлявшимся въ Бакчисараѣ, говорилъ, что, Богъ дастъ, скоро козвратимся опять въ Севастополь. О планѣ дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствій ничего не слышно. Не слышно

теперь и выстрѣловъ. Вчера носились слухи тутъ о такихъ политическихъ новостяхъ, будто бы Швеція на насъ, Наполеонъ убить и проч. Такъ и говорили объ этомъ, какъ о слухѣ.

(Число мѣсяца не означенено).

Письмо 59-е.

Въ церкви, при посѣщеніи Государя Императора, казалось, все было въ порядкѣ. Встрѣчу дѣлали мы соборнѣ съ Оберъ-священникомъ Крымской Арміи, состоящемъ при главной квартирѣ. Въ церкви же ожидало прїѣзда Государя Императора и все военное начальство, кромѣ г. главнокомандующаго, который сопровождалъ Его Величество.

По совершениіи многолѣтія Его Императорское Величество и Ихъ Императорскія Высочества изволили приложиться, къ образу Преподобнаго Сергія, который, съ переходомъ главной квартиры въ Бакчесарай, переданъ въ церковь.

Посѣтивъ главнокомандующаго, котораго квартира противъ церкви, Высокіе посѣтители отправились въ свою квартиру въ домъ Сциранде, где были встрѣчены обществомъ городскимъ. Послѣ того Государь Императоръ ъздилъ смотрѣть войска, на Качи расположенные. Вѣроятно они расположены или собраны у моста: ибо Его Величество скоро возвратился. Вечеромъ городъ былъ иллюминованъ.

Сегодня въ скитѣ обновленіе храма, по случаю перенесенія престола на средину алтаря. Пожелалъ быть при этомъ главнокомандующій; вѣроятно будутъ съ нимъ и другіе. Счель нужнымъ упомянуть о семъ, полагая, что о. архимандриту сегодня недосугъ писать.

Звуку бранного не слышно; или планы или намѣреія измѣняются. Вчера слышалъ, что 3-го сего ноября непріятели взорвали николаевскую батарею и доки. Заключаютъ, что они убираются отъ насъ.

5 ноября 1855 г.

Письмо 60-е.

Сегодня, въ праздникъ архистратига Михаила, служилъ въ Бакчесарайскомъ Никольскомъ соборѣ старшій благочинный во-

енного духовенства въ Крыму, называемый также оберъ-священникомъ. Служили бы соборнѣ, да недостатокъ большой въ ризницахъ, которую, дастъ Богъ, скоро построимъ.

При главной квартирѣ церкви нѣтъ, и не будуть устраивать ее въ Бакчисараѣ, тѣмъ болѣе, что квартира главно-командующаго у самой городской церкви. Оберъ-священникъ бумаги не имѣть, чтобы служить ему здѣсь, кромѣ словеснаго указанія на эту церковь отъ дежурнаго генерала. Протоіерей этотъ—человѣкъ очень добрый и благородный; претензій или неудовольствій какихъ либо отъ него ожидать нельзя. Будемъ служить по согласію—иногда соборнѣ. Не доношу рапортомъ объ этомъ новомъ лицѣ въ бакчисарайскомъ соборѣ потому, что не было обѣ немъ отъ военного начальства никакой бумаги. Вчера явился въ главную квартиру и діаконъ, вызванный изъ екатеринославской епархіи. Поскучился преосвященный Леонидъ, или лучшаго не нашлось: присланный діаконъ съ небольшимъ голосомъ и несколько не полированъ,—ни такта, ни манеры діаконской. Жалованья ему 250 руб. сер. Это мѣсто было бы кстати моему бывшему діакону Подольскому. Я очень жалѣль, что не было его здѣсь при посѣщеніи Государя Императора. Оберъ-священнику Кутневичу, кажется, ближе было просить діакона въ херсонской, а не въ екатеринославской епархіи.

Военныхъ дѣйствій никакихъ нѣть. О николаевской батарѣ, будто она взорвана непріятелями, пронесли ложно. Въ самомъ же дѣлѣ былъ у непріятелей на такъ называемой канроберовой батареѣ взрывъ порохового погреба, гдѣ было и множество снарядовъ: бомбъ, ракетъ и пр.

Вчера явился ко мнѣ кадыковскій псалта Иванъ Политисъ, недавно выпущенный изъ плѣна и высаженный въ Феодосіи. Какъ очевидецъ, онъ далъ мнѣ слѣд. свѣдѣніе о кадыковскомъ священнике *Георіи Ментилина*. 14 сентября отслуживъ въ кадыковской церкви литургію, отъ страха онъ бѣжалъ въ Харань, откуда болѣе не возвращался въ Кадыковку. Ноября 8 или 10 онъ неизвѣстно куда скрылся по слѣд. обстоятельству: какой-то иностранецъ, по должности переводчикъ, явившись къ священнику съ дѣвицей Екатериной Ханджошу угрозами принудилъ его об-

вѣнчать ихъ ночью и притомъ не въ церкви, а въ домѣ. Когда новобрачные на другой же день подверглись наказанію начальства и въ оковахъ отправлены были въ Константинополь, священникъ, боясь послѣдствій своей вины, скрылся безъ вѣсти. По письму, полученному однимъ изъ родственниковъ, оказывается что онъ очутился въ Константинополѣ, а оттуда пробрался въ Аѳину, гдѣ и теперь находится. *О Кадыковской церкви:* вечеромъ, 14 сентября, непріятели были уже въ Кадыковѣ и входили въ церковь съ крайнимъ безчиніемъ. Перекидывая бумаги и книги, все рвали и бросали на полъ. Надъ вещами священными онъ, Псалта Политисъ не попустилъ нарушаться пока поставлена была стража къ церкви, изъ которой онъ, спустя недѣлю, съ вѣдома французского начальства, св. антиминсъ, сосуды церковные и другія священные вещи, а также иконы изъ иконостаса представилъ въ монастырь и сдалъ о. Архимандриту по описи. Затѣмъ кадыковская церковь обращена сначала въ госпиталь, а потомъ въ какой-то магазинъ.

О монастырѣ: служить въ Димитріевской церкви. Все довольствіе получаютъ и пользуются совершенно свободно. Іеромонахи бываютъ и въ лагерѣ непріятельскомъ, если случается надобность напутствовать или погребсти кого изъ русскихъ.

О жителяхъ вообще: жили безбѣдно, вырабатывая плату за переноску грузовъ и другія работы у купцовъ иностранныхъ.

Жена умершаго священника Рафаила Янакова вчера, при удобномъ случаѣ, отправилась въ Корсунь къ дядѣ своему, митрополиту Іосифу.

8 ноября 1856 г., г. Бакчисарай.

Письмо 61-е.

Отъ имени вашего высокопреосвященства о. архимандритъ Діонисій вручилъ мнѣ 100 руб. сер. Въ тоже время получилъ я отъ вашего высокопреосвященства назначеніе состоять при бакчисарайскомъ скитѣ. За ту и другую милость приношу вамъ, милостивый архипастырь, глубочайшую благодарность. Деньги послалъ я семейству, въ нихъ нуждающемся; самъ надѣюсь пропитаться отъ мѣста.

13 ноября съ о. архимандритомъ Діонисіемъ былъ я подъ Севастополемъ. Во время нашего пребыванія тамъ была тишина, нарушенная лишь однимъ выстрѣломъ для о. Діонисія. Гарнізонъ съверной стороны скучалъ бездѣйствіемъ непріятелей, которые недѣли три вовсе не стрѣляли на съверную. Съ нашей стороны стрѣляютъ лишь по усмотрѣнію въ городѣ цѣли для выстрѣла. Петропавловская церковь сгорѣла недѣли три тому, обнаженные стѣны и колонны представляютъ печальный видъ храма Божія. Государь Императоръ, бывши на съверной, не останавливался тамъ долго, а только проѣхалъ къ съверному укрѣпленію.

Съ ночи на 15-е ноября опять слышны частые выстрѣлы въ Севастополѣ.

Съ другихъ пунктовъ, ни въ самомъ Бакчесараѣ ничего особеннаго не слышно.

Наконецъ наступаетъ крымская зима. Вчера падаль мокрый снѣгъ, сегодня идетъ дождь.

Главнокомандующему угодно, чтобы въ воскресные и праздничные дни всенощная была съ вечера, и такъ дѣлается.

16 ноября 1855 г., г. Бакчесарай.

Письмо 62-е.

Вчера возвратился я изъ Симферополя, куда ѿздили къ сестрамъ. 20 числа г-жа Хитрово вступила въ должность сестры—настоятельницы общины, мною приведена къ присягѣ и мною возложенъ на ее крестъ сей общины. Поводомъ моей поїздки туда было между прочемъ требование отъ меня отзыва, на какихъ условіяхъ я могу посвящать время для общины, о чёмъ спрашиваетъ великая княгиня. Я отвѣчалъ, какія условія угодно будетъ поставить Ея Высочеству, на тѣ я буду совершенно согласенъ. Между тѣмъ мнѣ объявили, что мое присутствіе и теперь необходимо при общинѣ, т. е. въ Симферополѣ. Я поставленъ въ затрудненіе, изъ котораго могу быть выведенъ только разрѣшеніемъ вашего высокопреосвященства. Если и буду разрѣщенъ, то опять буду въ затрудненіи, если въ Симферополѣ не буду имѣть какой либо опоры своей. Я буду нуждаться, мо-

жетъ быть, иногда въ церкви, если пожелають сестры говѣть. Великая княгиня просить васъ только о разрѣшениі оставаться мнѣ при общинѣ, но какъ мнѣ при оной оставаться,—сіе будетъ вполнѣ зависѣть отъ милостиваго усмотрѣнія вашего высокопреосвященства. Я бы не желалъ быть, хоть на время, исключеніемъ изъ службы епархіальной.

Въ войнѣ ничего нового у насъ; 6 и 2-й корпуса оставляютъ Крымъ.

23 ноября 1855 г., г. Бакчисарай.

Письмо 63-е.

По горѣ—по ту и другую сторону города—горѣли бочки.

Сегодня, говорятъ, Государь Императоръ пойдетъ къ Севастополю. Вѣроятно завтра въ Скитѣ будетъ слушать литургію. И лучше бы: въ Бакчисарайской церкви нѣтъ ризницы для такого случая.

Въ прежнемъ письмѣ я забылъ упомянуть объ одномъ обстоятельствѣ пребыванія Государева въ Бакчисараѣ.

31-го октября Государь Императоръ имѣлъ выѣхать. Пришла мысль и желалось знать, не зайдетъ ли Его Величество въ церковь предъ выѣздомъ; думали, можетъ быть, пожелаетъ приложиться къ образу Преподобнаго Сергія, теперь находящемуся въ здѣшней церкви. Отвѣчали, что въ другихъ мѣстахъ Государь этого не дѣлалъ, но что впрочемъ дадутъ знать, если Его Величеству это угодно будетъ. Между тѣмъ Государь Императоръ утромъ поѣхалъ на позицію и оттуда возвращаясь въ два часа по полудни, пожаловалъ прямо въ церковь, и потому неожиданно. Цара не заставили ожидать: церковь была открыта. Приложившись къ образу Преподобнаго Сергія, Его Величество тотчасъ и вышелъ. Протоіерей Паксимаде не успѣлъ застать Его въ церкви, хотя былъ тутъ же въ церковномъ домѣ. Я въ то время былъ въ монастырѣ и уже на пути оттуда; отлучался, зная, что Государя нѣтъ въ городѣ и возвратится къ вечеру.

Припишите ли сіе опущеніе моей винѣ, когда это послѣденіе Государемъ церкви было неожиданнымъ для самой свиты

Его? Можетъ быть, Его Величеству угодно было помолиться безъ свидѣтелей.

Бакчесарайскій коменданть передалъ мнѣ, что Государь въ воскресенье, выходя изъ церкви, сказалъ, что въ такихъ церквяхъ съ какимъ то особеннымъ расположениемъ молишься, и что Его Величество былъ очень доволенъ служенiemъ.

Возвращаю письмо Великой Княгини, и не умѣю Вашему Высокопреосвященству выразить моей благодарности за отличный и милостивый отзывъ о мнѣ. Чувствую и искренно исповѣдуюсь, что у меня нѣтъ способности вполнѣ оправдать его. Буду трудиться ободренный Вашимъ благословенiemъ.

Обязанности мои въ Общинѣ письменнымъ уставомъ еще не опредѣлены. Все въ ней еще опредѣляется только, измѣняясь по указанію опыта. По отвѣту директора Общины г-на Широгова, (такъ онъ велѣлъ отвѣтить и Вамъ) эти должности состоять въ участіи въ комитетѣ, коимъ отселѣ управляетъ Община, въ назиданіи сестеръ—и преимущественно въ назиданіи и вообще въ духовномъ попеченіи о сестрахъ. Исполненіе христіанскихъ требъ, какія случатся въ Общинѣ, или богослуженія, также относятся къ моей обязанности; но главное, что требуется отъ меня—это нравственное вліяніе на сестеръ. Потому-то мое пребываніе признается необходимымъ въ Симферополѣ, гдѣ наибольшее число ихъ и гдѣ ихъ управление. По желанію Пирогова, я отправляюсь туда дня черезъ два, имѣя возвратиться въ Бакчесарай, если не будетъ особой надобности, къ новому году для исполненія отчетности благочиннической. Хотя я не получилъ еще Вашего разрѣшенія на сіе, но, думаю, въ данномъ Вами повелѣніи состоять при Общинѣ оно само собою заключается. Г-жа Хитрово жалуется на какой-то духъ анатіи къ своему дѣлу, замѣчаемый въ Симферопольскихъ сестрахъ противъ котораго нужны духовныя мѣры. Итакъ я долженъѣхать. Пироговъ оставляетъ насъ на сихъ дняхъ.

Кажется отъ простуды у меня зубы болятъ и головой страдаю, съ каждымъ днемъ хуже. Можетъ быть поэтому пробуду нѣсколько дней въ Бакчесараѣ.

Въ помощь о. Паксимаде я командирую Лакского священника, которому, кромѣ праздничныхъ дней, нечего дѣлать въ своемъ приходѣ.

Діаконъ, присланный изъ Екатеринослава въ главную квартиру, удаляется за нетрезвость и вообще за плохія его качества. Честь предложена Бакчисарайскому діакону Грабенкѣ, который умѣлъ обратить на себя вниманіе своими скромными, но настоящими достоинствами. Оберъ-священникъ Крымскій, получивъ его согласіе, доноситъ Оберъ-священнику въ Петербургъ, о чемъ конечно послѣдуетъ къ Вамъ отношеніе. Грабенко—добный служитель и отличается примѣрнымъ благоговѣніемъ въ служеніи. При освященіи Даровъ всегда можно видѣть на глазахъ его слезы. Съ него можно ожидать доброго священника.

Привезли въ Бакчисарай 37 человѣкъ раненыхъ и 20 пленныхъ изъ небольшого дѣла, бывшаго два дня тому въ Орностѣ.

30-ноября 1855 г., г. Бакчисарай.

П і с ъ м о 64-е.

Съ 5 декабря шель у насъ снѣгъ, который наконецъ сегодня скрѣпленъ большимъ морозомъ. Зима явилась въ Крыму въ настоящемъ видѣ.

5 же декабря достигла насъ радостная вѣсть о взятіи Карса. Но еще торжественнаго благодаренія Богу не совершили.

27 ноября при выборѣ церковнаго старосты къ бакчисарайскому собору, я не опустилъ случая напомнить обществу прихожанъ, что ихъ церковь принадлежить теперь не однимъ имъ, а и воинству православному, котораго главная здѣсь квартира, что тутъ преклоняютъ колѣна и молятся объ успѣхѣ оружія нашего не только вожди войскъ Россійскихъ, но и самъ Благочестивѣйшій Императоръ молился о томъ въ храмѣ семъ, что все это должно быть важно въ глазахъ ихъ, и побудить употребить и приложить всяческое попеченіе о благоплѣщіи убогой ихъ церкви, къ чему теперь само военное время, чрезъ умноженіе населенія въ городѣ и оживленіе торговли, подаетъ наилучшія средства и потому просилъ воспользоваться симъ

временемъ. Я указалъ имъ на совершенный недостатокъ разницы, на бѣдный видъ церкви, на которой крестъ желѣзный и крыша черепичная, какъ и на послѣднемъ строеніи въ городѣ, на дворѣ тѣсный и заваленый камнями и проч.

Результатъ былъ слѣдующій: малое общество, бывшее тутъ въ лицѣ 12 представителей, тотчасъ подписало для этой цѣли 280 руб. сер., обѣщавъ предложить и отсутствующимъ и всѣмъ торгующимъ течерь въ Бакчисараѣ православнымъ. Церковный староста, по предложенію о. настоятеля Паксимаде, изъявилъ согласіе на свой счетъ провести воду и сдѣлать фонтанъ въ церковной оградѣ, которая отъ камня уже очищена, и ямы для деревъ готовы.

Договоръ съ монастыремъ о фонтанѣ также уже сдѣланъ, и если не помѣшаетъ холодъ, въ великому посту вода будетъ проведена. О позлащеніи крестъ и заготовленіи желѣза для крыши позаботится, чтобы къ веснѣ то и другое было готово. Я ожидаю успѣха преимущественно отъ попечительности настоятеля, который изъ настоящаго времени можетъ извлечь къ тому средства, а также церковнаго старосты, который, въ случаѣ чего не будетъ доставать, можетъ самъ пособить. Старостой избранъ тотъ же Ергопуло, который и для скита обязался что-то поставить. На деньги, также собранныя пожертвованіемъ, заказана настоятелемъ плащаница новая, которая къ великому посту будетъ прислана изъ Киева. Многаго или почти ничего нѣтъ въ церкви, существующей съ 1798 года. Поэтому-то я дорожу настоящимъ временемъ и стараюсь внушить другимъ эту мысль, чтобы, если Господь поможетъ, къ лѣту представить вамъ посильное ея обновленіе. Мысль о. Паксимаде заказать мѣдную вызолоченную доску, на которой сдѣлать надпись о посѣщеніи церкви Государемъ Императоромъ въ такомъ то году и въ такое то время. Я совершенно раздѣляю эту мысль, но предварительно испрашиваю вашего архипастырскаго благословенія и наставленія, въ какихъ именно словахъ приличнѣе выразить это важное для церкви событие.

Поѣздку въ Симферополь я отложилъ по причинѣ приключившейся мнѣ болѣзни, отъ которой вчера лишь оправился; но

необходимо завтра съездить въ Мангуши, гдѣ умеръ вдовы діаконъ, оставивъ сиротъ и имущество, которому надлежитъ на мѣстѣ сдѣлать опись.

Сейчасъ изъ церкви, гдѣ принесено благодарственное молебствие о взятіи Карса. Сегодня въ 9 часовъ послѣдовало о томъ распоряженіе главнокомандующаго, который и самъ изволилъ быть въ церкви.

7 декабря 1855 г., г. Бакчисарай.

Письмо 65-е.

Съ прошлой почтой ничего не писалъ вашему высокопреосвященству за болѣзнію. 7 декабря въ тотъ же день, когда рапортовалъ вамъ здоровымъ, я преждевременнымъ выходомъ на холодъ возвратилъ свою болѣнь, и благодаря участію о. архимандрита Николая, который пригласилъ меня подъ свой кровъ, я опять чувствую себя здоровымъ и возвращаюсь въ городъ. Но докторъ, удерживая еще на діэты, не совѣтуетъ или лучше воспрещаетъ до времени совершенного выздоровленіяѣхатъ въ Симферополь. Боюсь вновь заболѣть и хотѣлось бы благовременно явиться въ общину: колеблюсь и сокрушаюсь.

Прибывшій изъ Петербурга духовникъ общинъ, іеромонахъ Веніаминъ оказался мало свѣдущимъ (онъ изъ простыхъ), чтобы имѣть въ общинѣ то вліяніе, какого требуется; а потому, вслѣдствіе представленія г. Пирогова, ему велѣно еще въ маѣ мѣсяцѣ оставаться при одномъ отправленіи богослуженія и требъ въ общинѣ, имѣть же духовное попеченіе о сестрахъ поручено мнѣ. (Копію письма которое, обѣ этомъ писаль мнѣ отъ имени великой княгини гофъ-маршалъ Хрущовъ, я представилъ вашему высокопреосвященству). Въ такомъ значеніи о. Веніаминъ находился въ общинѣ до отѣзда г-жи Стаковичъ, которая, какъ казалось, и не хотѣла имѣть другого духовника. За переходомъ большаго числа сестеръ въ Симферополь, онъ остался на Бельбекѣ при той части госпиталя, гдѣ лѣтомъ была главная резиденція сестеръ, и гдѣ теперь ихъ всего три, за малымъ числомъ больныхъ тамъ. Самъ онъ не просится обѣ увольненіи; удалять, можетъ быть, не хотятъ, потому, что сами

поискали его для этой должности. Такимъ образомъ онъ оставался при общинѣ до послѣдняго времени. Не знаю, не сдѣлалъ ли єму Широговъ какого предложенія предъ отъездомъ своимъ бывши на Бельбекѣ.

Ваше высокопреосвященство поручили мнѣ секретно вникнуть въ состояніе Успенского скита (что и какъ въ немъ—лица, вещи и проч.?), которымъ вы недовольны.

Послѣ Севастополя я прожилъ въ скитѣ довольно времени, и живя въ Бакчисараѣ, посѣщаю его нерѣдко. И потому могу теперь же дать свой отзывъ, если мое сужденіе, какъ мірянина и человѣка малоопытнаго о предметахъ касающихся св. обители, не будетъ погрѣшительно. Пишу послушанія ради, а не сужу.

На мой судъ въ Успенскомъ скитѣ все—отъ мала до велика, отъ лицъ до вещей—порядокъ, служба, самый бытъ братіи внѣшній и внутренній въ настоящее время въ прекрасномъ видѣ, и должно радовать, а не печалить васъ.

Богослуженіе совершаются чинно и благогласно. Всякъ на свое мѣсто по способностямъ. Между братіею миръ и согласіе. Ни отъ кого неудовольствія или ропота на что либо. Со стороны не слышалъ нареканія; напротивъ похвала обители—въ устѣхъ многихъ. А теперь не безъ значительныхъ судей въ Бакчисараѣ. Трапеза безъ прихоти, сытна и обильна; въ экономіи есть все необходимое на потребу. Во внѣшнемъ отъ двора до келій, вездѣ чистота, порядокъ и благоприличіе. 5-го ноября, по случаю освященія престола перенесенного на средину алтаря, на приготовленной для важныхъ посѣтителей закускѣ, нельзя было не замѣтить, какъ и здѣсь все было благообразно и по чину, безъ излишества и роскоши, но много, вкусно, прилично, чисто, какъ требовалъ случай и присутствіе такихъ гостей, какъ напр., графъ Сакенъ. Военные теперь часто посѣщаю скитъ, и потому на внѣшнее приличіе не малое требованіе, которое впрочемъ находятъ здѣсь выполняемымъ. Обхожденіе настоятеля съ братіею болѣе братское, чѣмъ начальническое, но безъ фамиліарности. Молодые послушники подъ его надзоромъ, кромѣ пѣнія, упражняются въ письмѣ, катихи-

всѣй, русской грамматикѣ и ариѳметикѣ, а также въ разныхъ послушаніяхъ на кухнѣ и на дворѣ, чтобы сдѣлать изъ нихъ людей, на все въ обители благопотребныхъ. Вы лично знаете этого строителя, коему сіе имя вполнѣ приличествуетъ.

14 декабря 1855 г., г. Бакчесарай.

Письмо 66-е.

Сегодня ожидаютъ сюда генерала Лидерса. Князя Горчакова Государь Императоръ приглашаетъ для чего-то въ С.-Петербургъ; говорятъ, будто-бы по случаю безнадежности здоровья кн. Паскевича, котораго онъ долженъ занять мѣсто. Впрочемъ онъ ёдетъ, не оставляя совершенно здѣшняго поста.

Войны у насъ нѣтъ. Зима держится, снѣгу прибавилось. Г-жа Хитрова пріѣзжала въ Бакчесарай и соизволила мнѣ оставаться въ Бакчесараѣ до совершенного выздоровленія. Очень прискорбно мнѣ, что завтра—въ первый день праздника—не могу прослужить. Кажется для соборнаго служенія пожалуешь о. архимандритъ, какъ сіе угодно Его Сіятельству.

При Бакчесайской церкви я состоялъ только двѣ недѣли по 1-е декабря, и получилъ изъ доли второго священника 15 р. сер. Съ полученіемъ приказа о назначеніи духовникомъ Общины я долженъ былъ (какъ уже писалъ о семъ) вхать въ Симферополь и потому оставилъ службу при Бакчесайской церкви, къ которой, въ помощь Паксимаде, командировалъ Лакского священника. Между тѣмъ заболѣлъ и опять ни при чемъ. Великая Княгиня, какъ слышу, очень экономна, и доселѣ собираетъ свѣдѣнія, какое я имѣю и имѣлъ довольствіе. Доля моя такова: странствую здѣсь, но ни откуда не получаю жалованья и не имѣю никакой фундаментальной службы. Терпя потерплю Господа, и когда либо внемлетъ моимъ воздыханіямъ.

24-е декабря 1855 года, г. Бакчесарай.

Письмо 67-е.

Генераль-адютантъ Лидерсъ прибылъ въ Бакчесарай на второй день праздника. Сегодня съ Кн. Горчаковымъ, говорятъ, поѣхалъ къ Севастополю. кн. Горчаковъ ёдетъ въ С.-Петербургъ

31-го декабря. Будетъ ли Лидерсъ главнокомандующимъ или только временнымъ здѣсь начальникомъ, неизвѣстно. Въ первомъ случаѣ ожидаются перемѣнѣ въ штабѣ и также перевода главной квартиры въ Симферополь. Молва назначаетъ Графа Сакена Генералъ-Губернаторомъ въ Москву.

Дѣйствій никакихъ. Уже два дня снѣгъ таетъ и скоро, кажется, зима скроется отъ насъ.

28-е декабря 1855 г., г. Бакчисарай.

Письмо 1-е.

1856 годъ.

1-го января весь день шелъ дождь. Съ ночи на 2-е число посыпалъ снѣгъ, задулъ сѣверный вѣтеръ, наступилъ сильный морозъ, и зима вдругъ возвратилась въ самомъ грозномъ видѣ. Теперь вѣтеръ съ мятелью. Вотъ единственная новость послѣ выѣзда кн. Горчакова, который выѣхалъ отсюда 1-го января. Въ церкви уже былъ во главѣ Лидерсъ.

Послѣдовала перемѣна въ дняхъ отхода почты. Узнавъ, что сегодня она отходитъ, представляю запоздалую бумагу съ сими нѣсколькими строками.

2-е января 1856 г., г. Бакчисарай.

Письмо 2-е.

Сейчасъ слышалъ, что вчера передалось съ нашей стороны непріятелямъ 6-ть человѣкъ, и въ томъ числѣ два унтеръ-офицера, и что будто бы поэтому главнокомандующій остановился съ преднамѣренными на завтра дѣйствіями. Бѣжавшаго одного офицера схватили съ потерю двухъ человѣкъ.

Еще рассказываютъ, что вчерашнимъ огнемъ много очень повреждено зданій въ городѣ и не мало людей. Бѣда отъ враговъ, горе и отъ домашнихъ негодяевъ.

О крестахъ, присланныхъ изъ Москвы, сегодня получу настоящее свѣдѣніе, и завтра буду отвѣтывать.

Своихъ крестовъ¹⁾ ожидаемъ съ терпѣніемъ, тѣмъ паче, что право наше на нихъ не велико. Это милость Ваша, которая всегда будетъ благовременна.

Письмо 3-е.

Имѣя случай, еще приношу вашему высокопреосвященству глубочайшую благодарность за Севастопольское жалованье, на полученіе коего прошу благословенія.

Трудное положеніе исправляющей должность настоятельницы Общины. Не позволено мнѣ быть въ Бакчисараѣ, какъ предполагалъ.

Великая Княгиня очень печется о своей Общинѣ, требуя увѣдомленія о состояніи оной и депешами. Еще шлетъ намъ 10 сестеръ. Командующій запасною арміей проситъ у Ея Высочества сестеръ для госпиталей въ Измаилѣ, Одесѣ, Вознесенскѣ, Перекопѣ и другихъ пунктахъ. Просьбу эту Великая Княгиня желаетъ исполнить: такимъ образомъ древо Живоноснаго Креста еще шире раскинетъ вѣтви свои.

Въ госпиталяхъ Симферопольскихъ изъ 12,500 больныхъ въ сутки умираетъ 140 человѣкъ. Нужно замѣтить, что въ Симферополѣ больныхъ отъ ранъ всего теперь 400 человѣкъ. Итакъ не мечь, а болѣзни уменьшаютъ теперь армію и уменьшаютъ страшно.

Староста Ергопуло, если немного поощрить его, будетъ полезенъ не для одной Бакчисарайской церкви, но и для скита, въ которомъ уже обѣщалъ устроить Силоамскую купѣль.

16-е февраля 1856 г., г. Симферополь.

Письмо 4-е.

Съ постомъ святымъ имѣю дерзновеніе привѣтствовать ваше высокопреосвященство. И въ сіе душеспасительное время, какъ и во всякое другое, уповаю въ Вашихъ Архиастырскихъ молитвахъ обрѣсти всяку благотребну намъ помощь.

¹⁾ Разумѣются бронзовые кресты на Владимірской лентѣ, пожалованные въ память войны 1853—1856 г. всему православному духовенству того времени.

Не утружаю теперь частыми письмами, не имѣя ничего особенного, чтобы довести до свѣдѣнія Вашего.

23-го февраля возвратился я изъ Бакчисарая, куда, равно и на Бельбекъ, ѿзилъ по дѣламъ Общины. Бывши на Бельбекѣ, считалъ непростительнымъ не взглянуть на Севастополь, и видѣлъ его совершенно измѣнившимся по уничтоженіи Николаевской батареи, которая представляетъ длинную гряду одного щебня. Безопасно было смотрѣть теперь на городъ и ходить по берегу Сѣверной (ибо уже было время перемирия), но при очень пасмурной погодѣ мало что можно было разсмотрѣть въ печальной его картинѣ. Памятникъ Казарскому видится цѣлъ. Невредимъ также стоитъ вновь построенный Николаевскій Соборъ. Конечно, это будетъ въ будущемъ Севастополь первая церковь, въ которой въ скоромъ времени можно открыть богослуженіе. Наша Петропавловская едва ли удобна будетъ къ возстановленію, особенно по тому стилю, по которому она построена была. Это потребуетъ средствъ, которыхъ были у Лазарева¹⁾. Не увезены ли Апостолы (мраморные) въ Парижъ, гдѣ очутились сфинксы, лежавшіе на парадной лѣстницѣ библиотеки? Вывезти ихъ въ послѣднее время я не имѣлъ средствъ, а прежде не могъ предвидѣть того, что случилось съ Севастополемъ. Въ эту же поїздку я узналъ, (и не хочется вѣрить, пока не увижу собственными глазами), что Инкерманская церковь рукою враждію приведена въ первобытное печальное ея состояніе.

1-го марта 1856 г., г. Севастополь.

Письмо 5-е.

Вчера поздно возвратился съ пути. Съ первою почтою представляю рапортъ, а подробнѣйшее описаніе мною видѣнаго въ непріятельской области представлю съ слѣдующею почтой.

О. Архимандритъ Геронтій (Балаклавскій) съ братію здравствуетъ и проситъ Вашего Архицастырскаго благословенія. Послѣ храмового въ монастырѣ праздника онъ будетъ въ Скитѣ,

¹⁾ Въозстановлена въ первобытный видъ въ 1891 году строителемъ броненосца „Синопъ“ Володинымъ ча его собственныхъ средства, согласно желанію Государыни Императрицы Маріи Феодоровны.

откуда будетъ писать Вамъ обо всемъ. Писать чрезъ руки или чрезъ Штабъ онъ находитъ неудобнымъ. По мнѣнію его, подвергать монастырь очищенню не для чего. Въ монастырскихъ верхнихъ зданіяхъ были больные только полуздоровые для окончательного поправленія здоровьяя, и то въ небольшомъ числѣ. Опасности болѣзnenной онъ никакой не видитъ, а затруднительно и опасно оставлять обитель въ руки неизвѣстныхъ жителей.

Непріятели или гости начинаютъ собираться въ дорогу, но только еще начинаютъ. Въ Севастополь на развалинахъ вездѣ караулъ. Въ Камышъ и Балаклавѣ мало суетится о выступлениі изъ Крыма. Видѣль татаръ прїезжающихъ въ Балаклаву съ пожитками и слышалъ, что многія семейства изъ деревень Байдарскихъ уходятъ къ своимъ единовѣрцамъ на Востокъ.

Въ Бакчесарайскомъ церковномъ дворѣ, при отнесеніи неправильно искрушенной стѣны и снятіи наносной земли, оказался остатокъ древняго зданія; повидимому, это олтарная часть. Я велѣлъ оставить его до прїѣзда Вашего. О. Накротинъ имѣть большие недостатки и не на мѣстѣ онъ въ Бакчесараѣ, гдѣ злозычные греки за всѣмъ слѣдятъ. Но Паксимаде, кажется, преувеличиваетъ кое-что по своимъ видамъ.

Вчера главный штабъ прибылъ въ Симферополь и слѣдуетъ въ Одессу.

Когда община наша оставитъ Крымъ, еще нѣтъ отъ Великой Княгини извѣстія. Вѣроятно его привезетъ новая сестра-настоятельница Бакунина, о назначеніи которой сейчасъ полу-чила рескрипты Ея Высочества. Она—сестра нашей же общины. Больныхъ еще до 9-ти тысячъ, и выводятся они въ поле—въ палатки, гдѣ, быть можетъ, и мнѣ придется жить.

Въ Севастополь нескоро можно будетъ открыть богослуженіе. Кудаже приставить діакона Подольского, если уже слѣдуетъ сюда?

22-е апрѣля 1855 г., г. Симферополь.

Письмо 6-е.

Съ сею же почтою къ Вамъ слѣдуетъ бумага, которою просятъ для меня отпуска въ С.-Петербургъ. Вполнѣ предаюсь въ

семъ случаѣ, какъ и всегда, архипастырской волѣ Вашей, ко-
торая, не по заслугамъ моимъ, всегда была о мнѣ благая. Не
смѣю и думать, чтобы я, съ моими немощами, оказался тамъ
на что либо потребнымъ. Кажется, все потребность во мнѣ та,
что я находился при общинѣ во все время пребыванія оной въ
Крыму, и могу быть свидѣтелемъ бывшихъ опытовъ ея. По воз-
вращеніи же сестеръ въ С.-Петербургъ, какъ отчасти извѣстно,
великой княгинѣ желательно заняться и окончательно органи-
заціею (изъ лучшихъ сестеръ) своей общины, которая будетъ
существовать и въ мирное время или всегда.

За полученіемъ билета, если благоволите отпустить меня, имѣю чрезъ недѣлю самъ явиться въ Одессу... Ёду съ докто-
ромъ общины Тарасовымъ, который имѣеть надобность быть въ
штабѣ главнокомандующаго и также возвращается въ Петербургъ,
и нашъ путь избранъ чрезъ Кіевъ. Если благословите и меня
въ путь сей, имѣю случай утѣшиться и скорымъ свиданіемъ съ
семействомъ.

9 іюня былъ на сѣверной сторонѣ Севастополя, куда про-
вожали тѣло покойной Хитрово для отправленія на пароходѣ
въ Одессу. Опять обращался къ г. коменданту контр-адмира-
лу Бартеневу, прося его согласія и распоряженія на водворе-
ніе тамъ нашего духовенства. Онъ отвѣчалъ, что пока нѣть ни-
какого распоряженія о водвореніи самихъ жителей, что граж-
данской власти здѣсь никакой нѣть, что для гарнизона есть іе-
ромонахъ Лаврентій, который исполняетъ требы, какія слушат-
ся, что пока не будетъ чего-либо фундаментальнаго, положи-
тельнаго распоряженія отъ правительства о водвореніи севасто-
польцевъ, дотолѣ было бы излишне хлопотать о церкви и опре-
дѣленномъ приходѣ. Мы сами, говорить онъ, не знаемъ, что мы
здѣсь хозяева или нѣть. И я совершенно согласенъ съ мнѣні-
емъ г. коменданта. Новая колонія состоить изъ ряда балага-
новъ, въ которыхъ торгуютъ мелкіе торгаши (большая часть ка-
раимовъ). Изъ настоящихъ гражданъ Севастопольскихъ никто
не возвращается еще. По ту и другую сторону балагановъ въ
землянкахъ водворяются семейства низкихъ чиновъ морскаго
вѣдомства, которые въ свою очередь ведутъ и торговлю. Это не

наши прихожане; по крайней мѣрѣ мы не можемъ объявить на нихъ права, безъ распоряженія отъ начальства. Занятій для священника есть и довольно, ибо довольно бываетъ и требѣ, требующихъ метрическаго акта, но необходимо прежде удалить, можетъ быть, іеромонаха, чтобы не вышло какого либо соперничества и, можетъ быть, соблазна. Діаконъ Подольскій живеть въ Бакчисараѣ; тамъ же дѣячки, въ ожиданіи дальнѣйшаго распоряженія. Но въ севастопольскомъ причтѣ, кажется, нѣтъ священника. Отецъ Михаилъ хвалился мнѣ, что сыну его разрѣшено оставаться въ Симферополѣ.

Бывши на Сѣверной, я побывалъ въ монастырѣ балаклавскомъ. Отецъ Геронтій съ братіей здравствуетъ. При мнѣ принесли 20 лошадей, подаренныхъ монастырю французами. Уже не много осталось французовъ и англичанъ на нашей землѣ, но довольно еще складовъ, съ которыми не такъ скоро можно убраться. Въ гостиницѣ монастырской и въ самой монастырѣ есть еще чужie пожильцы.

Въ Карани уже поселились наши греки.

Исправленіе моей должности ближе поручить о. Родіонову, но можно и о. Пансимадзе.

Я не писалъ вамъ съ пароходомъ, отходившимъ изъ Севастополя, полагая, что вы уже на пути къ намъ. Но пріѣхавши въ Симферополь, узналъ, что болѣзнь удержала васъ отъ путешествія, давно нами ожидаемаго.

17 июня 1856 г., г. Севастополь.

ПОСЛѢСЛОВІЕ.

Несмотря на опасность положенія отъ скопленія множества больныхъ въ госпиталяхъ и развитія тифа, автору писемъ пришлось оставаться въ Симферополѣ еще два мѣсяца, и только въ половинѣ августа могъ онъ выѣхать, вмѣстѣ съ общиной, въ Петербургъ чрезъ Кіевъ и Москву, куда привыкался весь составъ Крестовоздвиженской общины съ начальницей ея Бакуниной, духовникомъ и съ старшимъ врачемъ Тарасовымъ. Путешествіе это дало ему возможность свидѣться съ своимъ

семействомъ послѣ трехлѣтней разлуки. Въ Москвѣ милостиво принятый Ея Высочествомъ, великой княгиней Еленой Павловной, и преосвященнымъ архіепископомъ Иннокентіемъ, бывшимъ здѣсь по случаю коронаціи Императора Александра II-го, авторъ писемъ имѣлъ счастіе быть представленнымъ вел. княгиней, 28 августа, Государю Императору, посѣтившему ее въ этотъ день по случаю годовщины кончины ея супруга, в. князя Михаила Павловича. При этомъ Его И. Величеству благоугодно было обратиться къ представляемому о. протоіерею съ словами: „вы изъ Севастополя; вы были тамъ все время осады до конца. Это было вчера“. Послѣднія слова произнесены Его Величествомъ съ грустью и наклоненіемъ головы.

По прибытиіи Общины въ С.-Петербургъ великая княгиня выразила было ея духовнику желаніе свое содѣйствовать опредѣленію его къ одной изъ столичныхъ церквей; послѣдня соѣту высокопреосвященнаго Иннокентія, онъ просилъ Ея Высочество предоставить ему возвратиться въ вѣдомство своего архіпастыря. Соизволивъ на это, вел. княгиня выразила къ нему благоволеніе своимъ Высочайшимъ рескриптомъ на его имя, съ выражениемъ „благодарности за достойное и примѣрное исполненіе обязанностей духовника Общины“; при этомъ пожаловала ему большую серебряную медаль, установленную „въ память милосерднаго служенія страждущей братіи“ и повелѣла отпускаетъ ежегодно изъ своей придворной конторы по 250 руб. на приготовленіе двухъ старшихъ его сыновей въ учебныи заведенія и выдать денежнное пособіе на возвращеніе изъ Петербурга.

По прибытиіи въ Одессу съ семействомъ въ концѣ сентября 1856 г., авторъ писемъ состоялъ сначала на священнической вакансіи при Одесской Срѣтенской церкви, спустя годъ опредѣленъ законоучителемъ Ришельевской гимназіи и ключаремъ каѳедральнаго собора, а съ 1873 года состоить каѳедральнымъ протоіереемъ въ томъ же соборѣ. Ко дню коронаціи Ихъ Императорскихъ Величествъ, 14 минувшаго мая, удостоенъ награжденія орденомъ 1-й степени св. Анны.

СЕРБЫ ВЪ ГЕТМАНЩИНѦ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ¹⁾.

VIII.

Мармута, Штепа и Сезоненко, узнавъ, что жалобы о немалыхъ бояхъ, имъ причиненныхъ, отложены въ долгій ящикъ, прибыли въ Глуховъ къ началу мая, и давай обивать канцелярскіе пороги. Послѣ долговременныхъ хлопотъ и немалыхъ посулъ, доношенія ихъ, поданныя въ декабрь 1754 г., отправились теперь при ордерѣ въ войсковой генеральный судъ на разсмотрѣніе. Въ эту пору было только двое судей: Оболонскій и Петръ Горленко; а Д. Требинскій поспѣшилъ заявить, что г. Оболонскій находится въ тажбѣ и ссорѣ съ нимъ. Поэтому доношенія не рассматривались. Мармута же сталъ скупенекъ на подачки, онъ на сухую началь совершать хожденія къ судейскимъ крючкотворамъ, и они ему всякий разъ говорили одно и тоже: нужно пообождать до полнаго состава гг. судей. Но вотъ Мармута пронюхалъ какъ-то, что на дняхъ будетъ разбираться дѣло глинскаго сотника Крыжановскаго съ грекомъ Маргаритомъ. Онъ метнулся туда и сюда,—и нѣкій крючокъ, задобренный рублемъ, на ушко шепнулъ ему, что генеральная войсковая канцелярія для разсмотрѣнія того дѣла назначила судей. Тогда Мармута, Штепа и Сезоненко подали всепокорнейшее доношеніе въ генеральную канцелярію: „Мы нижайшіе

¹⁾ См. „Кievsk Stapr.“ 2896 г., № 6.

извѣстились, что по дѣлу сотника глинскаго Крыжановскаго съ грекомъ Маргаритомъ велѣно присутствовать съ бунчукомъ товарищемъ П. Г—енко бунчукомъ товарищемъ Ив. Диаковскому и Ив. Туранскому; а воръ и разбойникъ Ив. Требинскій, опасаясь за свое злодѣйство, съ пути прошлаго генваря безвѣстно въ чужое государство бѣжалъ, а на оному Ивану Тр—скому нашей претенсіи состоить до вѣсколько сотъ рублей; того ради генеральной войсковой канцеляріи просимъ, оное дѣло наше рѣшить; а оставшійся по немъ хуторъ повелѣть арестовать и сотенному горошинскому правленію въ смотрѣніе отдать,—далѣе намъ нижайшимъ за поварованіе онymъ воромъ наши имущество и немалые бои было съ чего съ удоволствіемъ нашимъ по рѣшенію того нашего дѣла получать: ибо таковіе отъ воровъ, низбегшихъ зъ Россійскаго государства въ чужое, оставшіеся добра слѣдуютъ въ отдачу обидимымъ". Генеральная канцелярія, принявъ во вниманіе это доношеніе, повелѣла, дабы по дѣлу Мармуты имѣли присутствіе означенные бунчуковые товарищи. Но Ив. Туранскій немедленно же, 29 мая, изъяснилъ генеральной канцеляріи: „попнеже бунч. тов. Д. Требинскій мнѣ доводится въ свойствѣ такомъ, что жена его зъ моєю женою двоюродные сестри, зачѣмъ мнѣ по иску казаковъ Мармуты, Штепы и Сезоненка присутствовать не доводится,—того ради прошу въ судъ генеральный по вышеписанному дѣлу опредѣлить на мѣсто меня кого другого". Въ генеральной канцеляріи почли заявленіе Туранскаго резоннымъ и возрадовались, что еще будутъ имѣть возможность погрѣсть руки въ карманахъ Мармуты. Съ назначеніемъ третьяго судьи не торопились. Каждое канцелярское колесо выжидало подмазки, по совершеніи которой, генеральные колеса завертывались—и третьимъ судьей въ концѣ іюня назначенъ Илья Марковичъ.

На этотъ разъ Данилу Тр—му не удалось остановить дѣла Мармуты: судьями оказались лица, не бывшіе съ Даниломъ въ пріятельскихъ или родственныхъ отношеніяхъ.

Пятаго іюля генеральный судъ послалъ въ генеральн. канцелярію доношеніе: 1, дабы генерал-маиора Хорвата запросить

о томъ, гдѣ находится нынѣ Иванъ Тр—скій—въ бѣгахъ или при своей командѣ, и что отъ Хорвата въ отвѣтъ сообщено будетъ—генеральному суду дано бы знать; 2, что же на Ивану Тр—му означеніе претензіи показаны и въ разбои оговоренъ, а паче, что избѣгъ въ чужое государство,—то судъ генеральный опись оному имѣнію утекшаго и отборъ з подъ владѣнія братовъ, а отдачу въ сторонній добрый присмотръ по своему мнѣнію присуждаетъ, чтобы иногда оное растеряно быть не могло“. Въ первой же половинѣ іюля послали запросъ г. Хорвату, а въ полковую лубенскую канцелярію указъ объ арестованіи имѣнія Ивана Тр—скаго.

Достигши такихъ результатовъ и изрядно угостивъ канцелярскую братію, Мармута пустился безъ оглядки домой. Поспѣшая въ Каневцы, то и дѣло хватался онъ за свои карманы и только вздыхалъ; но утѣшалъ себя мыслю, что потраченное возвратится къ нему сторицею; претензію свою онъ получилъ съ имѣнія Ивана Тр—скаго, а пока что—отдохнетъ дома послѣ всего того, что претерпѣлъ въ Глуховѣ. Но ему скоро пришлось побывать тамъ, откуда такъ ретиво бѣжалъ.

IX.

Прибывъ домой, Мармута обрадовалъ домочадцевъ тѣмъ, что претензію свою онъ получилъ съ имѣнія Ив. Тр—го. На радостяхъ Мармута и его присные сосчитывали и соображали, какие доходы могутъ быть съ хутора Иржавскаго, какое есть тамъ имущество и сколько его. На радостяхъ Мармута собралъ къ себѣ знакомыхъ и родныхъ и задалъ пирушку.

Угощаясь медомъ и виномъ заморскимъ, варенымъ и жаренымъ, веселые гости похваляли хозяина, что нашелся хотя одинъ казакъ—онъ Михайло Семеновичъ, который наложилъ руку на хуторъ Требинскихъ.

— Зачепивъ бы Данило Требинській мене, такъ я ще не те зробивъ!— произнесъ ктото изъ застольной компанії.

— А щобъ ты зробывъ? спросилъ Мармута, подбоченясь. Хочетьца мини знать, іцобъ це ты зробывъ? важно продолжалъ Мармута.

— Щобъ зробывъ.

— Эгѣ!

— Знавъ бы, що зробывъ!—послѣ нѣкотораго молчанія отвѣтиль смѣльчакъ.

Веселая компанія захочотала.

— А воно таки тому Данилу Требиньскому щось треба зробыти!—возвысилъ голосъ Степанъ Кочерга.

— Будемо робыти! Будемо братцы—подхватили другіе.

— Утнемо таку штуку, що мабуть и не снилось и не снitemетьца! Зробымо таке, що Данило Требинський не сподивавсь и не сподиватиметьца!—ораторствовали охмелѣвшіе кавацкіе головы.

— Кожній напишє свою претенсію, та скінемось, братци, по коли грошей, и воно у суди дило наше буде доладу та доскладу—ось що!—сказаъ Кочерга.

— Якъ скіннутьца, то й скінемось! Аби-бъ дило було!—сказали многіе.

— Буде, буде!—возопилъ Кочерга.

— Щожъ воно буде?—спросили нѣкоторые.

— Тежъ саме буде, що Иванови: опишемо худобу Данилову тай подилымось! Кожный яку обиду мае, та и визьме свою часть!

И занялисъ раздѣленіемъ имущества Данила Требинскаго. Распредѣливъ между собою плеховскія и оржицкія поля, садки, гайки, оставили пока недѣленными болото съ осокой и камышемъ, да ставокъ съ мельницей. Вопросъ о болотѣ разрѣшили сразу: этотъ предметъ былъ предоставленъ Якиму Рудьку, который не принималъ участія въ разбираніи добра Требинскихъ и былъ всесѣло преданъ Хмельницкому—то и дѣло тянуль онъ поставецъ за поставцемъ.

— А що, Якиме, визьмешь соби оту мистину, де очерету та осоки такои богацько?

— Добре! И за спасиби!—отозвался Якимъ.

— А може якъ раздывися, та тоди скажешъ: казнащо дамы—самый очеретъ, та чаполочъ, та осоку!

Якимъ не слушалъ рѣчи, онъ занятъ былъ поставцами.

— Чы чуешь, Якиме? Чы не будешъ жалкувать, що чаполочъ та осока?..

— Та часомъ и того нигдѣ взяты! Нехай буде вже такъ! сказалъ Якимъ, махнувъ рукой.

Заходили и зазвенѣли чарки по рукамъ: то поздравляли Якима съ пріобрѣтенiemъ болота въ вѣчное и потомственное владѣніе.

— Спасыби, добре люде! Спасыби! Часомъ и того нигдѣ взяты!—прыговариваль Якимъ, усердно выпивая и расправляя свои усы.

Порѣшивъ съ болотомъ, принялись за мельницу и ставокъ, теперь уже не поладили; всякому, кромѣ Якима, хотѣлось за-владѣть этими предметами. Возникъ жаркій споръ: шумѣли, кричали, чокались чарками, цѣловались, уговаривали другъ друга пойти на уступку млынка и ставка. Даже Ст. Кочерга, получившій хорошую часть—тоже ставокъ съ мельницей—и тотъ горячился и спорилъ: ему хотѣлось заграбастать и эти спорные предметы. Упрекая Кочергу, къ согласію не приходили; тогда обратились къ Якиму Рудьку.

— Хочь бы ще ты Якиме, що разумне сказавъ!

— Бо й казатыму! Чому не казать!—пробормоталъ Якимъ.

Честная компанія настроилась слушать, что Якимъ будетъ казать—говорить, онъ не заставилъ себя долго ждать,—наполнилъ чарку, расправилъ усы, поднялся и сказалъ: „На здоровье добри люди, хозяину, хозяйци и диткамъ! Хай соби шануються въ добри та щасти! Щобъ у ихъ було горилки и меду стильки, скильки у тому ставку воды! Щобъ у ихъ муки було стильки, скильки перемололосе зерна у тому млыни! А за той ставокъ та за той млынокъ помиркуете, люде добри, уранци на-тощакъ!“

— Оце добра ричъ!—воскликнула застольная компанія. „И справди, порадымось, братъци, у раньци!“ И стали чокаться за здоровье хозяевъ да похвалять Якима за его рѣчъ.

— Якимъ якъ скаже, такъ якъ сокирою уруба! говорили.

Главнымъ образомъ восхищались тѣмъ, что онъ пожелалъ. Мармутъ *горілки* цѣлый ставокъ; и желая хозяину такое множество—выпивали.

Пѣнился медъ, звенѣли чарки: то увлеченные рѣчью Якима частвались съ разными присказками; причемъ нѣкоторые остряки не преминули пройти и на счетъ Требинскихъ.

— Погладьмо дорогу и Данилу Требинскому! говорили.

— Та и Ивану Требинскому, де винъ тамъ, сердега, блукае, нехай икнетъца! раздалось за столомъ.

— Та тільки нехай не вертаетъца! подсказали.

— Оттакъ якъ не вернетъца оця чарка, що пиде у горло, такъ и ему не вертатись!—сказалъ Кочерга.

Съ его пожеланіемъ согласились всѣ и осушили чарки за *невертання* Ивана. Въ тотъ самый моментъ взлетѣлъ въ хату Сезоненко.

— Хлибъ, силь добримъ людямъ, а гостю чарка горилки! Иванъ Требинскій, братци, объявивсь!—сразу ляпнуль Сезоненко. При этихъ словахъ всѣ припли въ ужасъ: у іныхъ чарки выпали изъ рукъ, у іныхъ чарки такъ и остались возлѣ ртовъ, нѣкоторые ощупывали бока, какъ бы намѣреваясь вооружиться. Сезоненко, желая успокоить публику, только подбавилъ жару: „кажу що Иванъ Требинскій объявивсь... ось я бачивъ...

— Де?.. Що?... Якъ?... Видкеля?... — засыпала его вопросами изумленная и оторопѣвшая публика.

— Та чого бо вы полякались? Ничого тутъ страшного нема! Ось, мерщій, давайте перше чарыну, та я усе раскажу!— проговорилъ Сезоненко.

Ему поднесли нѣсколько чарокъ, онъ выпилъ залпомъ три и наполнилъ ротъ жаренымъ. Между тѣмъ изумленная компанія то и дѣло возглашала: „Дежъ бо це винъ узявсь?... Якъ же бъ то це винъ проявывсь?...

Подкрѣпившись, Сезоненко началъ разказывать о проявленіи Ивана Тр—скаго.

ѣздилъ это онъ, Сезоненко, въ Кременчугъ и тамъ видѣлъ тѣхъ гусаръ, которые отвели Ивана Тр—го къ Хорвату; а Хор-

вать посадилъ его въ желѣзахъ подъ стражу; словили Ивана съ какою то бабою въ Славяносербії.

— Легкий на спомынки! Ось бачъ де винъ блукавъ! А мы ось казалы, що винъ не вернетца въ цю сторону!—сказали Сезоненку и пошли острить надъ уловленнымъ.

— Мабуть, бабу ту десь укравъ! Бо винъ бере, що подвернетца пидъ руку, а перше жинокъ, бисивъ синъ не мына!

— А тымъ часомъ сидыть у зализахъ!...—сказали другіе.

— Та шапується зъ бабою!...—добавиль ктото.

— Мабуть биля бабы дуже забарывся, що не счувсь, якъ ёго злапали!—говорили.

— А то бъ утикъ: бо винъ швидкій, и якъ не переливки, такъ заразъ навтикача!—объяснилъ Штепа.

Вѣсть о поимкѣ Ивана Тр—го привела Мармуту въ такой восторгъ, что ему представлялось, какъ это гусарина будуть вести въ Глуховъ, а онъ, Мармута, забереть имущество его. Дабы это поскорѣе совершилось, Мармута вознамѣрился сбѣгать въ Глуховъ.

— Якъ я оце поиду у Глухивъ, та объявлю, що Иванъ Требинський піймавсь, такъ его скориши вытребують, та дило мое кончуть; тоди вже побачите, братци, якъ я настояще буду хозяйствовати въ Иржавскимъ хутори.

Такъ фантазировалъ Михайло Семеновичъ, а гости его и посланики ему.

— Терпички замисть бабы та Михайло Семеновичъ буде шакувати Требинськаго Ивана! Буде винъ згадувати те шанування по викъ свій!—говорили.

— Спасыби, добре люде! Спасыби!—отвѣчалъ самодовольно Михайло Степановичъ.

Съ такими словами Мармута и выпровождалъ своихъ гостей, которые, въ свою очередь, обѣщались задать и Данилу Требинскому. Здѣсь на прощаныи они еще разъ условились завтра же порадитися насчетъ Данила. Но это желаніе, возникшее въ хмѣльныхъ головахъ, вмѣстѣ съ хмѣлемъ и испарилось: проспавшись, каждый поспѣшивъ къ своимъ обычнымъ занятіямъ и выжидалъ, что къ нему прійдутъ на раду, а главное—у каж-

даго не хватало охоты скинуться по копи грошей. Такъ рада насчетъ Данила и не состоялась. Зато Мармута что задумаль съ вечера, то и осуществилъ утромъ.

X.

Выпроводивъ гостей, Мармута выспался хорошенько; едва блеснула утренняя зорька, онъ былъ уже на ногахъ, сутился, полѣзъ въ скрыню—досталъ оттуда нѣсколько серебряныхъ рублей на всякий случай—для большаго успѣха, и поѣхалъ на своихъ пѣгихъ.

Въ Глуховѣ немало удивились появлению Михайла Степановича, пріятно улыбались ему и вопрошали, чтобы такое такъ скоро пригнало его сюда; и просили сдѣлать все такое, чтобы поскорѣе сюда привели Ивана Тр—го да уже и рѣшили бы его дѣло. Канцелярскіе служаки посовѣтовали Мармутѣ обратиться съ таюю просьбою къ генеральному обозному. Мармута сейчасъ же и проникъ, куда ему указали. Обозный любезно принялъ просителя и даль слово сдѣлать все къ удовольствію его.

Низенько поклонившись Кочубею, Мармута весь сіяющій забѣжалъ въ генер. канцелярію и повѣдалъ о явкѣ къ обозному. Господа канцелярскіе, слушая рѣчи Мармуты, потирали руки въ ожиданіи предстоящаго удовольствія, какое за добрый совѣтъ онъ долженъ былъ доставить имъ.

Изъ присутственныхъ мѣстъ шествовалъ Михайло Семеновичъ въ сопровожденіи канцелярской братіи, которую въ надлежащемъ мѣстѣ угостили. Во время угощенія ему сказали, что за добрый совѣтъ слѣдуетъ еще завтра и дорожку погладить. Михайло Семен., хотя и даль слово, но дорожки завтра не гладили,—это глаженѣе комомъ сидѣло въ карманахъ его. Раненько утромъ, ни свѣтъ, ни заря, Мармута утрясся изъ Глухова.

Генеральный обозный Кочубей исполнилъ, что обѣщалъ. Немедленно же онъ послалъ Хорвату письмо, чтобы прислать Ивана Требинскаго въ генеральный судъ.

Хорватъ 30 іюня увѣдомилъ „высокоблагороднаго“ обознаго, что „23 іюня Иванъ Требинскій сысканъ и по оказавшемуся важному дѣлу содержится заклепанъ въ ножныхъ кандалахъ подъ карауломъ; когда же по тому дѣлу дѣло надъ нимъ окончится, тогда вамъ дано знать будетъ, о чёмъ во извѣстіе вамъ объявляю“.

Какимъ же способомъ поймалась въ клѣтку такая важная птица залетная, съ которой не сиравились Рубанъ съ командою и капралъ съ гусарами? Этую птицу попутало влеченіе къ чутовской красавицѣ.

XI.

Почти всѣ молодыя бабы, обитавшия въ Иржанскомъ хуторѣ, плачивали дань державцу своему—гусарину Ивану. Кромѣ этихъ разнообразныхъ и случайныхъ жертвъ, у Ивана Тр—го была любовница—њѣкая Ганнуся, киевская торговка, которую онъ привезъ къ себѣ вскорѣ послѣ водворенія своего въ Чутовѣ. Ганнуся пользовалась особеннымъ его вниманіемъ. Это была забористая молодка: черноокая, дородная—она имѣла изящныя формы, роскошные черные волосы и замѣчательной бѣлизны тѣло.

Намѣреваясь предаться бѣгству въ польскую область, Иванъ Тр—скій сожалѣлъ, что такой лакомый кусочекъ остается, такъ сказать, на произволъ судьбы и, пожалуй, попадеть въ чьи-либо руки; потому строго наказывалъ Ганнусѣ никуда не отлучаться и дожидаться его.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, а гусаринъ Иванъ не возвращался въ свой хуторъ: въ новомъ мѣстѣ, съ новыми людьми—удалыми польскими шляхтичами ему жилось хорошо; да и нужно было подольше здѣсь въ Польшѣ погулять, чтобы хотя немного поистерлись слѣды разбоя, учивеннаго въ Каневцахъ. Но вотъ у Ивана явилось страстное желаніе позабавиться Ганнусей; по ней ему даже взгрустилось. Она, думалъ онъ, ждетъ его и скучаетъ за нимъ. Кому же хотѣлось узнать и обѣ обстоятельствахъ своего дѣла.

Къ путешествію въ Чутовку, весьма небезопасному, Иванъ Тр—скій приготовился надлежаще: досталъ себѣ лихого скакуна, облекся въ польскій кунтушъ, обрѣзаль косу, подкрасиль волосы и запасся паспортомъ на имя нѣкоего шляхтича Людвика Гудзиньского. Преобразившись такимъ образомъ, Иванъ Тр—скій пустился въ путь. На вторые сутки Людвикъ уже близился къ Чутовкѣ; разсчитывалъ онъ прибыть туда ночью, и потому на день залегъ въ лѣсу. Какъ только солнце стало спускаться за горизонтъ, Людвикъ выпорхнулъ на опушку лѣса и остановился, и въ суровыхъ очахъ его свѣтился восторгъ. Тамъ впереди раскинулись долы и холмы, они были объяты свѣтло-голубой мглой и алѣли въ лучахъ заходящаго свѣтила; но не видѣлъ ихъ занималъ Ивана, не понимавшаго красоты природы: онъ отыскивалъ ту ближайшую точку, достигнувъ которой можно было узрѣть хуторъ Иржавскій; онъ восхищался тѣмъ, что вотъ только вспрыгнетъ туда—на тотъ холмикъ, такъ сразу и очутится въ объятіяхъ роскошной Ганнуси; и при мысли объ этихъ объятіяхъ въ горячей натурѣ Ивана заклокотала кровь, закловотали страсти,—онъ рванулся впередъ, какъ тигръ, и полетѣлъ стрѣлой къ намѣченной точкѣ.

Уже потухли послѣдніе солнечные лучи, долы и холмы потонули въ тьмѣ ночной, уже водворилась въ нихъ тишина, а Людвикъ все вихремъ летѣлъ на лихомъ конѣ и болѣе и болѣе воспламенялся, воображая, какъ онъ будетъ утопать въ объятіяхъ черноокой пышной Ганны, будетъ наслаждаться прелестями ея. Наконецъ онъ достигъ до желанного холма, птицей взлетѣлъ на вершину его, остановился и сталъ прислушиваться: изъ хутора доносился лай собакъ, да гдѣто прокричалъ филинъ. Крикъ его покоробилъ Ивана, ему чудилось, будто мертвѣцъ стоналъ и звалъ его къ себѣ. Тѣмъ скорѣе, дабы заглушить такое непріятное чувство, Людвикъ пришпорилъ коня, хотѣлось поскорѣе добраться до Ганны. Она покоится въ безмятежномъ снѣ, а быть можетъ, кохается съ кѣмъ нибудь—подумалъ Иванъ. Но эта мысль только промелькнула въ головѣ Ивана—и сразу улетучилась.

Обогнувъ уголъ усадьбы, Иванъ подъѣхалъ къ воротамъ; оказалось, что ворота и калитка заперты; вскорѣ оказалось, что и входы въ домъ заперты; онъ—къ окнамъ, и окна заколочены! Онъ обезумѣлъ и началъ метаться по двору; людская хата, конюшня, сараи, амбаръ—все было затворено и заперто. Раззяренный вскочилъ онъ на коня, надѣясь уздѣть Ганну въ Плеховѣ. При выѣздѣ изъ хутора на встрѣчу ему попался какой-то человѣкъ; этотъ человѣкъ окликнулъ: кто єдетъ? Верховецъ отвѣтилъ, что это єдетъ панъ Людвикъ—шляхтичъпольскій; и оба начали перекидываться словами.

— Чого жъ бо то панъ у таке времни издѣть? И до кого бъ то?—спросилъ человѣкъ.

— А до Ивана Требиньскаго дѣло маю. Та штось и фортка и ворота заперты, та и въ дворѣ штось никого не видно! отвѣтилъ панъ Людвикъ.

— Бо тамечки нима никого, хиба сторожъ е!—сказалъ человѣкъ.

— А дежъ Иванъ Требиньскій?

— А хто его зна! Кажуть, что у Кыивѣ поихавъ лисъ купувать—чи що!..—обяснилъ осторожный мужикъ; онъ, щадя своего пана, опасался незнакомцу открыть истину, что его панъ въ бѣгахъ. Людвикъ между тѣмъ подъѣхалъ ближе и распозналъ, что это говорилъ съ нимъ его вѣрный служитель Степанъ Лобода.

— Це ты Степане!

— Эге! произнесъ въ недоуменіи Степанъ и присмотрѣвшись попристальнѣе—узналъ своего пана.

— Та це вы, мій пане:

— Онъ самой!..

— Видкиля жъ це вы?

— А ты менѣ скажи, де Ганна дѣлася?

— Яка бъ це то Ганна?

— Та моя жъ Ганна!

— Давно нема!—сказалъ Степанъ, махнувъ рукой.

— Гдѣжъ она? Куда она проклята утраслася?

— А хто іи зна!.. Кажуть би то... а тимъ часомъ... И замялся Степанъ.

— Та што жъ тамъ кажуть.. Хто жъ кажутъ? горячась, воскликнулъ Иванъ.

— Та кажутъ люде, буцимъ то Миколай Петровичъ іи узявъ!

— Какой Миколай Петровичъ? съ изумленіемъ спросилъ Иванъ.

— Значитьца, братець ваши!

— Брать мой?

— Эгє... кажуть... а чи справди воно такъ...

— Та што все кажуть та кажуть, а ты-жъ де былъ? говорчился Иванъ.

— Я не бачывъ!

— Чево не бачивъ?

— Бо издывъ на ярмарокъ.

— Када жъ это было?

— Издивъ я, значитьца, на ярмарокъ заразъ писля заговинъ. Якъ це ихавъ, такъ Ганна ще була, а якъ прихавъ — не було вже іи! — размахивая руками, объясняль Степанъ, который, вслѣдствіе такого допытыванья, уже не радъ былъ и самой встрѣчѣ со своимъ паномъ.

— Какъ же онъ узялъ ей? — пилиль панъ своего слугителя.

— Та Бигъ его Святый зна, кажу! Мабуть, що вона зъ вимъ поихала — чутка така иде.

— Та што жъ, никто не видѣлъ, какъ она поѣхала?

— Эгъ-жъ, значитьца, що такъ: чи винъ визъ іи, чи вона сама ихала, цего никто не бачывъ, и я не бачывъ; ничего тутечки таитъся: якъ не бачивъ — то й не бачивъ! — базиковалъ Степанъ, радуясь, что разговоръ объ этомъ предметѣ прішелъ къ конду.

Иванъ Тр-скій началъ ругаться и высказывать сожалѣніе объ исчезновеніи Ганны.

— Та чого жъ бо то журтысь? Хиба вже и кращихъ нема? Сюды — туды майнутысь — знайдутыца! — утѣшалъ Степанъ.

Кажуть, у Ківи такихъ живокъ добиса е, кажуть, усякихъ—и лахивокъ, и жидивокъ, и нимокъ; та таки, кажуть, жартовливи!—подразнивалъ Степанъ своего пана, по простоватости своей не сообразивъ, что такія вещи опасно говорить этому пану.

Дѣйствительно, Иванъ Тр—скій, слушая такія разглагольствованія, сталъ помышлять о Присъкѣ—женѣ Степана.

— Та што жъ ми тутъ балакаемъ? Можетъ кто подслушае?—сказалъ панъ.

— Адмежъ и я кажу, чого це мы туточка балакаемо! Эге...—возразилъ Степанъ и замолкъ, сmekнувъ, къ чему клонились сіі вопросы: ему не хотѣлось бы пускать волка до хаты, ему припомнились „жартовання“ пановы съ его жинкою; и онъ сталъ заговаривать о предметѣ, не имѣющемъ ничего общаго съ его хатою и жинкою.

— Та воно, бачите, Данило Петровичъ кажау недилю чы подвійчи—чи потрійчи пріездять и тутечки, значитьца, доладу все призводяте.

— Такъ што жъ што доладу? перебиль его Требинскій.

— Эге,—продолжаль Степанъ,—такъ воно, значитьца, воны приставили трехъ чоловика—двохъ за стороживъ, а едного за прикажчика; воны десь тамъ. Ось заразъ я ихъ пошукаю.

— На што тамъ шукать? Я вже самъ шукалъ—и у дворѣ нема никаво...

— Та кудысь, мабуть, позаходили! Отъ якъ воны стережуть паньске добро!—говорилъ Степанъ, желая сосредоточить вниманіе пана на сторожахъ и прикажчикѣ.

— Та тамъ и стерегти нечево... А вотъ пайдемъ до тебѣ, менѣ надобно отпочинуть якой часъ! — рѣшительно сказалъ Требинскій.

Услыша такое, Степанъ обмеръ отъ страха.

— Эге...—совершенно машинально произнесъ онъ и побѣжалъ.

Запыхавшись влєтѣлъ Степанъ въ хату и возопилъ: „Ой жинко! Утирай мерцій... нашъ панъ ось... тутечки...

— Ой лихо!—воскликнула Приська, словно громомъ оглушенная, и метнулась къ дверямъ, подбирая и подвязывая запаску; въ дверяхъ она наткнулась на Требинскаго. А онъ схватилъ въ свои лапы всю Приську цѣликомъ. Приська пищала и извивалась въ его желѣзныхъ рукахъ; онъ же вполнѣ безцеремонно любезничалъ съ нею, приговаривая: „Здорова била, Приська! Видишь, я до тебѣ въ гости заѣхалъ, душа моя, серце мое!

Степанъ въ оцѣненіи стоялъ, понуривъ голову, и только изподлобья поглядывалъ на эту сцену да почесывалъ въ затылкѣ; онъ думалъ про себя: „что то воно зъ того вайде?.. Оце... отъ тоби якъ... и де воно у биси узялось!“... И наконецъ осмѣлился сказать гостю: „Мы и не сподивались оце теперечки бачыты васъ, паночку! Тай не маемо, чимъ угощати васъ!

— Тай не знаемо, чого бъ душа ваша забажала!—подхватила Приська.

— Отто дурни!—сказалъ гость, зазирая въ очи своей душкѣ; и обратившись къ степану промолвилъ: „На што мене твое угощеніе! Пайди лошадь маю пасматри та ёсть ей палажи!“ Не обращая вниманія на Степана, гость сталъ пуще прежняго приставать къ Приськѣ, которая не могла освободиться изъ объятій и только приговаривала: „Пустить же мене, паночку! Пустить, родненькій!“

Наконецъ, подскочилъ Степанъ, ухватился за трепетавшую въ рукахъ Ивана Приську и сталъ ублажать Ивана: „Паночку мій голубчику! Ось посыривайте трошечки!

— Чево ты лѣзешь?—зарычалъ разъяренный Иванъ, сверкнувъ глазами и полуобнаживъ саблю. „Пошелъ изъ хаты, када голову хочешь имѣть цѣлу!“

Степанъ моментально исчезъ изъ хаты. Тогда Приська настояще уже заголосила: „Панечку—голубчику! Ой, пустить же мене... хочу... дыхнуть трошки... Пустить...

— Отъ я тебѣ какъ махну саблею голову, такъ ты и совсѣмъ дыхать не будешь, чортовая баба!—зарычалъ панъ и такъ устрашилъ бабу, что она сразу замолкла. Степанъ уже въ хату не рѣшался войти. Сначала онъ было притаился въ сѣняхъ, а потомъ выскочилъ изъ сѣней и хотѣлъ побѣжать по сосѣдямъ;

но сообразилъ, что то будетъ напрасная и опасная тревога: со-сѣди—люди собранные Иваномъ Тр—скимъ съ разныхъ кон-цовъ свѣта и преданы ему душой и тѣломъ; наконецъ, если по-явленіе Ивана Тр—скаго получитъ огласку и онъ попадетъ подъ арестъ, то братья Данило и Николай съ грунта выгонятъ его, Степана, или убьютъ его. Такъ раздумывалъ Степанъ и все только бѣгалъ взадъ и впередъ возлѣ хаты, ломая руки, хватаясь за голову. Наконецъ, ему въ голову пришла интерес-ная мысль; съ нею онъ метнулся въ хату и восликнулъ: „брать-ци, гукъ такій великий... Обыѣздні неначе!“...

Пана Ивана какъ иглой кольнуло, онъ вылетѣлъ изъ хаты.

— Коня менѣ!.. Да ты брешешь, гдѣ тотъ гукъ? Никако-ва гука нема!

— Та то, мабуть, вони притаились, або-що!.. Прислуха-ютьця, кажить; бо кожну ничъ вони тутечки пластають.

Взявъ во вниманіе эту рѣчъ, гость потихоньку выѣхалъ со-двора и вѣдомой ему глухой тропой пустился безъ оглядки въ Плеховъ.

Выпроводивъ такимъ манеромъ гостя, Степанъ вскочилъ въ хату. Здѣсь на лавѣ лежала Приська и тяжело дышала.

— А що жинко?

— Шую та плечи такечки намнявъ...—жалобнымъ тономъ произнесла Приська.

— Эге, яжъ кажу... Эге!—было отвѣтомъ Степана и онъ замолкъ.

Приська лежала, повременамъ охая, а Степанъ въ какомъ то остоубенїніи стоялъ возлѣ нея и глядѣлъ на нее.

Послѣ кратковременного бѣздѣйстїя Степанъ метнулся къ порогу и отъ порога къ жинкѣ.

— Жинко! ворушишь мершій, та вставай, поидмо у поле; а то якъ вернетьця—та ще намне!

Жинка съ такимъ предложеніемъ согласилась. Щучи въ поле, обое иѣкоторое время молчали.

— Шыя щемить?

— Эге, шыя и плечи.

— Про те байдуже!—сказалъ Степанъ.

— Эге... не такъ плечи, якъ бока болять! — сказала Приська.

— Оце гирше усего... Тебе зразу ухопивъ, якъ скажена собака! Э такъ злякавсь, думавъ, що кишки зъ тебѣ вискочать.

Такъ разговаривалъ Степанъ съ Приською въ ту пору, когда его панъ устремлялся въ Плеховъ.

XII.

Было тихо въ селѣ и за селомъ, птички кое гдѣ стали по-пинкивать, только-только начала заниматься заря. Всадникъ быстро скакаль, окольнымъ путемъ вотъ-вотъ приближался къ Плехову съ мыслю поскорѣе укрыться въ домѣ брата, что и совершилось.

Данило обрадовался пріѣзду брата, рассказалъ ему всѣ обстоятельства дѣла и не совѣтоваль объявляться; о Ганнѣ сказалъ, что не вѣдаетъ, куда она дѣлася. Лизогубовна тоже ничего не сказала о Ганнѣ. Но Иванъ вывѣдалъ у кой кого изъ дворни, что любовница его обрѣтается у брата Николая.

Дѣйствительно, Ганна кохалась теперь съ Николаемъ, и ей у было него веселѣе, чѣмъ въ Чутовкѣ. Здѣсь, по отѣѣздѣ Ивана, она имѣла терпѣніе пробыть только двѣ недѣли, и это время показалось ей цѣлымъ годомъ. Сидя въ глухомъ хуторѣ, она затосковала и начала собираться въ Киевъ съ добромъ, нажитымъ у господина своего. Во время этихъ сборовъ пріѣхалъ въ Чутовку Николай Требинскій и сошелся съ красавицей безъ затрудненій,—Ганна сразу отдалась этому новому селадону и была привезена имъ въ свой хуторъ, который находился въ Славяносербіи. Николай нажилъ себѣ хлопотъ изъ-за этой бабы: ей пришлось таки побывать въ рукахъ отчаяннаго Ивана.

XIII.

Иванъ Требинскій, дождавшись вечера, распрощался съ Даниломъ, сказавъ, что отправляется туда же, гдѣ былъ—въпольськое мѣстечко Лановъ. Но онъ направилъ свой бѣгъ туда, гдѣ обрѣталась измѣнница Ганна.

Переодѣтый и подкрашенный, съ паспортомъ на имя того же ляха, гусаринъ Иванъ благополучно совершилъ путешествіе опъ приближался уже къ хуторку братца своего Николы. Были сумерки. Въѣхавъ во дворъ, Иванъ поставилъ коня возлѣ крыльца и вошелъ въ сѣнцы. Здѣсь ворочалась какая то старушка; отъ нея незнакомецъ узналъ, что пана нѣть дома, а есть одна хозяйка, которая легла спать. Незнакомецъ попросилъ вызвать хозяйку, чтобы передать ей дѣло, касающееся до пана. Старуха юркнула въ комнату, а господинъ вслѣдъ за нею—и здѣсь сразу узрѣлъ желанную особу. Ганна приподняла голову, глянула и окоченѣла отъ страха: ей внутренній голосъ подсказа-
залъ, что это Иванъ.

— Палучче пасматри, такъ узнаешьъ, что я таковъ! И безъ дальнѣйшихъ разсужденій предложилъ ей сю же минуту одѣться да иѣхать съ нимъ. Ганна воспротивилась. Тогда, не теряя драгоцѣнаго времени, Требинскій схватилъ старушку, и вскочивъ какъ левъ на Ганну—колѣнами придушилъ ее, а старушку началъ вязать. Произошла борьба: Ганна царапалась и барахталась, но не могла освободиться отъ ужасныхъ клемщихъ, охватившихъ ея нѣжное тѣло; старушку кряхтѣла и болтала своими костлявыми членами; но гость связалъ старушку, показалъ ей кинжалъ и велѣлъ ни писнуть. Затѣмъ связалъ красавицу свою, окуталъ одѣяломъ, захватилъ одежду и повлекъ не-
покорную до коня, вскинуль на него живое тѣло, самъ вско-
чилъ, махнулъ ногайкой—и былъ таковъ.

Старушка, пролежавъ нѣсколько минутъ въ обморокѣ, при-
шла въ себя, разсмотрѣлась, что и Ганны и похитителя нѣть
уже—и давай кричать во все горло: „хто въ Бога ви-
руе—ра-
туйте!“

На крикъ сбѣжались служители, только-что пригнавшіе скотъ съ водопоя; они развязали старуху, которая стала раз-
сказывать, что кто-то прїѣхалъ *верхи*, схватиль ее и связалъ,
да еще и ножа подвелъ ей „подъ самисинки вичи“, а Ганну
надушилъ, послѣ этого она ничего не помнить; этотъ неизвѣст-
ный человѣкъ, говорила старуха, еще дрожавшая отъ страха
великій та великий, на головѣ шапка такая *чудная*, лице у не-

го большое—съ добрый казанокъ, на затылкѣ и вискахъ волосся вѣтъ, усы длинные и тоненькие, какъ у кота.

Выслушавъ такой разсказъ, служители побѣжали по хутору; собралось съ десятокъ людей, судили—рядили и на основаніи рассказовъ старухи всѣ порѣшили, что похититель Ганны былъ не кто иной, какъ татаринъ.

Пресловутый татаринъ быстро мчался. Онъ направлялъ свой бѣгъ въ одно мѣстечко, гдѣ жидъ готовилъ для него свой извоющій нарядъ—кибитку и саврасыхъ.

Панъ Людвикъ съ увѣсистымъ грузомъ прибылъ къ жиду еще до разсвѣта и на жидовской колымагѣ пустился въ дальній путь.

Неходко катилась колымага,—тощія лошаденки лишь слегка потрюхивали; но панъ не замѣчалъ этого: онъ усердно тѣшился своей жертвой въ кибиткѣ. Жидъ, слыша пановы амуры, только ежился на своеемъ сѣдалищѣ, да усердно стегалъ по лошадямъ; тѣ было пускались вскачь, и чрезъ нѣсколько минутъ снова плелись тою же привычною, лѣнивою рысцей,

Въ пріятномъ путешествіи провелъ Людвикъ добрые сутки; онъ и не гадалъ, что надъ нимъ вотъ-вотъ готова была разразиться гроза.

XIV.

Николай Требинскій прибылъ домой въ ту же ночь, когда была похищена его konkubina. Вѣсть объ исчезновенії Ганнушки поразила его, какъ громомъ; онъ не хотѣлъ вѣрить всему тому, что говорили; но фактъ былъ на лицо: Ганна не было, а измятый пуховикъ свидѣтельствовалъ, что здѣсь ея нѣжное тѣло трепетало въ рукахъ похитителя. Глядя на пустое ложе, Николай прослезился. Конецъ коханью! думалъ онъ: запропастять татары Аннушку въ Бакчисарай; какъ овцу выведутъ ее базаръ да и продадутъ. Нужно гнаться чрезъ всѣ степи до самаго Крыма, въ самый Бакчисарай. И помчался онъ стремглавъ къ своему командиру Шевичу.

Николай Тр—скій вскочилъ во дворъ Шевича на зарѣ и учинилъ здѣсь тревогу. Едва Шевичъ выскочилъ на крыльцо, вице-канпрапъ сразу и брякнулъ: „Татары набѣжали“... Огороженный такими словами полусонный командръ не сталъ болѣе слушать, бросился назадъ и давай бѣгать по комнатамъ. На шумъ прибѣжалъ Чубукчій, баринъ наткнулся на него и крикнулъ: „давай!“ Чубукчій, по привычкѣ, какъ угорѣлый, бросился въ уголь, схватилъ тамъ трубку съ предлиннымъ чубукомъ и сунулъ ее въ руки барину; баринъ, облеченный въ женскій капотъ, съ воображаемымъ палашемъ шмыгнулъ въ прихожую, зоравъ во все горло: „кона! живо— о... кона!...“ Заслышиавъ эти слова, многочисленная дворня пустилась стремглавъ въ перегонку до конюховъ. Въ этотъ моментъ перетрусившій вице-канпрапъ застучилъ Шевичу дальнѣйшій путь и стала объяснять ему—въ чёмъ дѣло; а Чубукчій, присѣвъ на корточки, возжигалъ фиміамъ, заключенный въ трубкѣ. Командръ при первыхъ объяснительныхъ словахъ плонулъ, выругался и замахнулся трубкой, попалъ ею въ зубы прислужнику и вывалилъ туда жаръ табачный; прислужникъ даже и глазомъ не моргнулъ, и съ прежнимъ усердіемъ принялъ снова за возжиганіе.

Шевичъ, слушая разсказъ, подвелъ къ губамъ чубукъ и началъ тянуть; онъ пускалъ клубы дыма прямо въ лицо вице-канпрапу и только теперь замѣтилъ, въ какомъ онъ смѣшномъ нарядѣ; почему, не дослушавъ разсказа, затопалъ ногами, закричалъ и прогналъ вице-канпрапала. Переодѣвшись, Шевичъ позвалъ Требинскаго, и тотъ снова говорилъ ему, что этой ночью наѣхали татары, угнали лошадей, ограбили его домъ, утащили его хозяйку, заполонили всѣхъ дѣвокъ и молодыхъ бабъ. Шевичъ не сталъ гнѣваться и, возмущенный дерзостью татаръ, далъ въ распоряженіе Требинскаго сто двадцать гусаръ.

Прибывъ съ гусарами въ хуторъ, Николай Тр—скій раздѣлилъ ихъ на четыре части. Самую меньшую часть съ десятью служителями своими Требинскій отправилъ на сѣверъ—по направлению къ Кременчугу—такъ, на всякий случай: можетъ быть то и не татары напѣздили—говорилъ онъ. Три-же отряда разными путями помчались на югъ—къ рѣкѣ Волчей.

Требинскій и шестьдесятъ гусаръ отчаянно скакали цѣлый день подъ палиющими лучами солнца; нигдѣ не попадалось ни души, лишь коршуны да ястребы парили въ лазури небесной. Скакали гусары и на другой день; встрѣтили сѣчевиковъ, возвращавшихся изъ-за Конскихъ видъ. Сѣчевики сообщили, что они нигдѣ не встрѣчали татарской оравы.

Возвращаясь назадъ, Николай утѣшалъ себя, что какой-нибудь отрядъ что-нибудь да выслѣдить.

Такихъ же результатовъ достигли другіе два отряда, изъ коихъ одинъ привезъ командину своему гостинецъ—двѣ дикихъ козы, убитыхъ въ Самарскихъ лѣсахъ).

Четвертый отрядъ наиболѣе порадовалъ командину сего—г. Шевича: онъ привелъ ему дикаго вепря, на слѣдъ коего сразу набрель.

Взявъ изъ хутора на сѣверо-западъ, команда прибыла въ то мѣстечко, изъ котораго жидъ вывезъ пана Людвика. Тутъ гусары и служители шныряли по всѣмъ улицамъ и переулкамъ, распрашивая о похитителяхъ дѣвокъ и бабъ. Ни отъ кого ничего не узнавъ, рѣшили направиться по большой дорогѣ на Кременчугъ. При выѣздѣ на эту дорогу—въ концѣ мѣстечка гусары завернули къ колодцу, у котораго женщина „журавлемъ“ тянула воду. Здѣсь они напоили лошадей и вступили съ женщиной въ разговоръ, спрашивали, не выѣзжаль-ли сегодня изъ мѣстечка кто-нибудь особенный—не изъ ихнихъ.

— Ба ни!.. Не бачила никого; але у ранци до схидъ сонця жидъ когось повизъ...

— Куда жъ онъ повизъ? спросили всѣ въ одинъ голосъ.

— Неначе бѣ то на великій шляхъ, сказала женщина, указывая на большую дорогу.

— Ково-жъ онъ повизъ?

— А хто ёго зна! Неначе щось сидило у будьди, а хто ёго зна, що воно таке!

— Богацько жъ ихъ тамечки сидило? чїй жинка тамечки була? выхватился служитель Н. Тр—скаго.

¹⁾ Въ ту пору були дремучіе лѣса вдоль Самари, владающей въ Днѣпрѣ.

— Та хто ёго зна! Але мабуть не богацько, такъ щось двое неначе! отвітила женщина.

— А жинки тамечки ни було? повторилъ служитель.

— Хиба я приглядалась, чи що!

При дальнѣйшихъ распросахъ женщина сказала, какой жидъ повезъ и гдѣ онъ живеть. Домишко его находился неподалеку отъ колодца—почти въ концѣ мѣстечка. Туда помчались гусары, во дворѣ встрѣтили жидовку и спросили, куда ея мужъ поїхалъ. Жидовка сказала, что Шмуль поїхалъ въ Кременчугъ, повезъ туда кожи. Такой отвѣтъ сразу показалъ, что Шмуль потаскалъ какихъ-то подозрительныхъ господъ,—и гусары тѣмъ энергичнѣе привязались къ Суркѣ, наступали, что называется, ей на горло, вопрошая, кого это мужъ ея повезъ; имъ уже извѣстно, говорили они, что Шмуль повезъ не кожи, а двоихъ *модинг*. Но Сурка упорствовала—стояла на своемъ. Тогда гусары всполоснули жидовку нагайками—и она созналась, что какой-то ляхъ пріїхалъ къ нимъ сегодня предъ разсвѣтомъ верхомъ и привезъ съ собою молодую бабу, баба эта была такая смутная и невеселая; лахъ съ нею отыхалъ въ каморѣ. И Сурка показала гусарамъ эту комору: то былъ грязный, темный чуланъ, заваленный всякой дрянью и нечиненными кожами; онѣ издавали такой отвратительный запахъ, что всѣ гусары и служители хватились за свои носы, когда распахнулась дверь бывшаго Ивановаго пріюта. Тутъ еще были замѣтны слѣды возлежанія: въ углу лежала измятая засаленная подушка и разостлано что-то вродѣ полсти, изорванной въ клочки. По осмотрѣ коморки гусары всетаки пристали къ Суркѣ съ вопросами, куда же Шмуль повезъ ляха. Сура упала на колѣни, припадала къ землѣ и рыдала клялася, что не знаетъ болѣе ничего, видѣла только, какъ они поїхали на большой шляхъ и Шмуль говорилъ ей, что повезетъ ляха въ польскую область, и лахъ этотъ—человѣкъ очень большаго роста, въ польскомъ нарядѣ, усы большущіе...

— И таки довгеньки та тоненьки, неначе котячи? спросилъ служитель.

— Винъ самый! отвѣтила повеселѣвшая Сура.

— И такій страшній? продолжалъ служитель.
 — Воно сâме! Таке страшне! Уй, яке зтрашне!..
 — И голова обголена? спрашивалъ служитель.
 — Голова не бачила, бо въ сапци вони було и сапки не скидивало,—отвѣтила Сура.

— А развѣ ты видѣлъ ево? полюбопытствовали удивленные гусары.

— Бачить не бачивъ, а бачила стара...
 — Какая стара? спросили.
 — Аджехъ стара, що у пана надитьця...

Вона каже, що винъ такій великий та обгаленій, якъ убравсь винъ у хату, каже, якъ ухопывъ нопереду ії, а пѣтимъ Ганну злапавъ... Та що тутечки брехати; ніякихъ дивоокъ и бабивъ никто не бравъ, однисиньку Ганну ухопивъ, тай годи! признался служитель.

— А на што жъ казали, що якіесь татари били и дѣвокъ та бабъ покрали? спросили гусары.

— А то такечки казали... зъ ляку...

Не теряя времени, поскакали гусары большими шляхомъ. Шромчавшись верстъ 15, встрѣтили обозъ чумаковъ. Чумаки сказали, что имъ попадались на встречу конныя фуры, но всѣ онѣ были не жидовскія. Тогда команда своротила влево и направилась къ высокому шпилю, на коемъ виднѣлась отара. Чабаны сказали, что понадѣшили проѣхала кибитка, и указали място, где скрылась она; гусары помчались по направлению къ ближайшей днѣпровской переправѣ, которая была возмѣ м. Каменки.

Уже солнце готово было потонуть въ безпредѣльной дали степной; уже кони пригомились и порядкомъ взмылились, а желанная кибитка нигдѣ не показывалась, нигдѣ не было ни коннаго, ни пѣшаго; на однообразныхъ степяхъ господствовала тишина да гладь, лишь пернатые оживляли этотъ безмолвный край. Вотъ уже потухъ послѣдній лучъ, а съ нимъ и гусары прекратили свой бѣгъ, расположившись на почлегъ на мягкой душистой травѣ. Съ разсвѣтомъ они опять пустились въ путь. Прокакавъ немалое пространство, узрѣли гусары издали подводу;

но скоро она скрылась, спустившись въ глубокую балку. Два лихихъ скакуна помчались, и едва кибитка взобралась на высокій бугоръ, какъ уже была настигнута двумя гонцами. Гонцы, остановивъ кибитку, спросили, кто ѿдетъ. Жидъ растерялся и возжі опустилъ; панъ Людвікъ тоже было обомлѣлъ, увидивъ гусаръ; но сейчасъ-же воспрянулъ духомъ, выскочилъ моментально изъ будки, дуломъ пистолета хватилъ одного гусарина въ грудь—и тотъ грохнулся на землю, какъ бревно; а другаго гусарина двинулъ кулачищемъ по головѣ, этотъ закрутился на мѣстѣ и тоже повалился на землю. Управившись съ гонцами, Людвікъ мигомъ взлетѣлъ на своего скакуна и пустился впередъ во всѣ лопатки. Промчавшись съ версту, Людвігъ оглянулся назадъ,—погоня была далеко: онъ повеселѣлъ и стала внутренно торжествовать; но въ минуту ликованія со всего размаху шлепнулся на землю: сѣдло сорвалось съ лошади, а вмѣстѣ съ нимъ—и сѣдокъ. Разгоряченный конь помчался впередъ, Людвікъ пустился вслѣдъ за нимъ; но скоро былъ настигнутъ и окруженнъ. Послѣ долговременной обороны онъ былъ сбитъ съ ногъ и взятъ. Онъ теперь сталъ просить пощады, говорилъ, что онъ шляхтичъ Людвікъ Гудзинський, а въ кибиткѣ то его жена, сбѣжавшая отъ него; но разсвирѣпѣвшіе гусары, не обращая вниманія на эти рѣчи, связали пана Людвіка, повлекли его къ кибиткѣ, положили его рядомъ съ Ганною и пустились въ обратный путь прямо къ командиру.

Всю дорогу плѣнникъ надоѣдалъ командѣ: требовалъ, чтобы его уроженнаго польскаго шляхтича отпустили; угрожалъ, что они жестоко отвѣтствовать будутъ за *арештование* его; онъ приходилъ въ ярость, силясь приподняться и судорожно сжимая кулаки; онъ скрежеталъ зубами, окидывая взоромъ ненавистныхъ спутниковъ, глаза его искрились и метали молніи. Ганна, объявившая, кто она и кто онъ, только подсмѣшивалась надъ этимъ связаннымъ титаномъ, зазирая ему въ глаза, и все приговаривала: „*катюзи по заслузи, ходила стара по малину та у лихую годину!*“ А Юхимъ Кладко, коему панъ повредилъ ногу во время взятія, подсказывалъ: „*вовкъ геля полизавъ та келепивъ піймавъ!*“ У пана Людвіка вся внутренность пере-

ворачивалась при этихъ досадительныхъ словахъ; но въ бессилии онъ испускалъ лишь дикие стоны, посыпалъ ругательства и похвалился: „Постойте, постойте, я вамъ покажу ту малину та вовка! Будѣтъ ви повѣкъ помнить малину та вовка!“ Ганна, слушая эти нахвалки, ревотала да повторяла надъ самыми ушами узника: „ходила стара по малину...“

Гусары представили Шевичу тройцу цѣликомъ: жида, бабу и ляха. Забѣгали глаза командира, когда онъ узрѣлъ эту бабу. Предлагая ей разные вопросы о похитителѣ, онъ нѣжно прикасался къ ея плечамъ, заглядывалъ на ея алые губки и лебединую шею. Долгоно-таки онъ выпрашивалъ черноокую красавицу и никакъ не могъ ею налюбоваться. Пойманый стоялъ на своемъ: выдавалъ себя за польскаго шляхтича Людвика Гудзинского, во удостовѣреніе чего и подалъ свой паспортъ. Шевичъ пана Гудзинского посадилъ подъ стражу, а маложонокъ его отвелъ удобное помѣщеніе. Явился Николай Требинскій, и результаты очной ставки были таковы, что дали возможность Шевичу задерживать у себя черноокую сирену. На очной ставкѣ Иванъ Требинскій, прямо глядя въ очи и Николаю, и Шевичу, и Ганнѣ, рѣшительно отрекался отъ родства съ этимъ Николаемъ, говорилъ, что первый разъ видѣть его изумлялся и не понималъ, зачѣмъ это признаютъ его за *нияко*го *Ивана Требинского*. Николай Тр—скій, щадя своего брата и до сихъ поръ не видѣвшіи его обстриженнымъ и въ польскомъ нарядѣ— находился въ недоумѣніи; онъ не утверждалъ, что это навѣрное его братъ Иванъ; только Ганна утверждала это. А нѣякій панъ отвѣтствовалъ, что *тое маложонка* *его неопрѣнія* говоритъ для *того*, чтобы освободиться отъ него: потому что за невѣрность ей предстоитъ жестокая судебная кара. Шевичъ тоже изумленъ былъ той сценой, которая происходила предъ нимъ; онъ говорилъ, что такое загадочное и непонятное видѣть и слышать первый разъ въ жизни своей; и объявилъ Николаю Тр—скому, что эту женщину выдастъ ему лишь по наведеніи надобныхъ справокъ. Но справокъ Шевичъ не наводилъ, а Ганзю держалъ у себя для пріятнаго препровожденія времени. Только когда уже жена надѣлала ему кучу непріятно-

стей, а подначальныи вице-канпранъ сталъ неотступно надобѣдать просьбами, отпустилъ Ганзю въсвояси; Людвика же Гудзиньскаго подъ сильнымъ карауломъ отправилъ къ Хорвату.

XV.

Хорватъ пришелъ въ азартъ, когда увидѣлъ ту образину, которая выдавала себя за шляхтича Гудзиньского; онъ велѣлъ заклепать своего голомозаго гусара въ желѣза и посадить въ тюрьму.

Новосербскій командиръ не думалъ посыпать своего гусарина въ войсковой генеральный судъ: ибо своими худыми дѣлами, которыя раскроются на судѣ, онъ обезчестилъ бы всю Новую Сербію; а обезчеститъ ее—дѣло крайне неудобное: вѣдь она то, сербская команда, и водворена на окраинѣ россійской для искорененія воровъ и разбойниковъ.

Мармута, не вѣдая такихъ соображеній, надѣялся, что Иванъ Требинскій вотъ-вотъ появится въ генеральномъ судѣ; но тщетны были эти ожиданія.

Заарестованіе имущества, принадлежащаго этому Требинскому, тоже не осуществилось какъ думалъ и гадалъ Мармута. Жовнинскій атаманъ Булюбашъ и козакъ сотни лукомской И. Афанасіевъ, по приказу полковой лубенской канцеляріи, въ первыхъ числахъ августа 1755 г. явились въ Чутовку, учинили опись имѣнія Ивана Тр—го и поручили это имѣніе *въ досмотръ* оржицкимъ козакамъ Артему Боровку и И. Москаленко.

Боровко и Москаленко, принявши иржавское имущество *за росписками*, прилагали къ смотрѣнію его много труда; но недолго имъ пришлось присматривать. Въ Чутовку явился Данило Требинскій и сталъ непріятности причинять Бровку и Москаленко, не допускалъ ихъ собиранію порученной имъ части корысти, да еще похвалился смертно бить ихъ, козаковъ, если будутъ препятствовать ему, употреблять въ работу описанныхъ людей“.

Боровко и Москаленко письменно донесли сотенной горошинской канцеляріи, что „чрезъ тѣ похвалки и угрозы они, оп-

редѣленіе, будучи опасни, а наипаче, даби имъ за то не подпашть отвѣту, либо зъ нихъ тое взятое Даниломъ Тр—мъ имущество не взыскано было, тѣмъ доношеніемъ просить—куда надлежитъ о томъ представить“.

Не успѣли Боровко и Москаленко получить сатисфакціс насчетъ Данила, какъ на Иржавскій хуторъ нагрянулъ братецъ его Николай. Этотъ еще болѣе страху нагналъ на смотрителей: „едного съ нихъ, Боровки, намѣревался связать, а другаго— побить, и *вынталг* изъ слободки того и другаго; и уже оныхъ вовсе не допуская въ слободку, похвалки произносилъ *смертно бить*; людей же нѣкоторыхъ въ свой хуторъ выслалъ, а нѣкоторые же люди чрезъ многіе чинимые отъ него, Ник. Тр—го, озлобленія въ побѣгъ удалились“.

Въ побѣгъ удалился Боровко и Москаленко; они рады были, что головы свои цѣлыми унесли изъ Чутовки; и по прибытіи домой они снова доношевіями представили о столь плачевныхъ результатахъ *смотренія*.

Мармута узнавъ объ изгнаніи Оржинскихъ казаковъ изъ Чутовки, и носа не показывалъ сюда—опасно было. Въ тоже время онъ *увѣдомился* о другой непріятности,—что Хорватъ не присыпаетъ въ Глуховъ Ивана Тр—го, и чрезъ то дѣло его, Мармуты, остается безъ разсмотрѣнія.

Получивъ такую вѣсть Мармута отправился въ Хорвату.

— Зайду ще зъ цего кинца! Воно щось зъ того та буде! говориль онъ знакомымъ, собираясь въ Новомиргородъ.

Новосербскій командиръ довольно ласково принялъ каневецкаго козака и даже сдѣлалъ ему удовольствіе: показалъ ему узника своего. На очной ставкѣ Иванъ Тр—скій удивлялся всему тому, что говориль Мармута; а Мармута говориль то, что слыхаилъ изъ устъ Литвиненка. Требинскій отвѣтствовалъ, что никакого Литвиненка онъ не знаетъ и никакого Литвиненка у него небыло въ услуженіи. Мармута выпучилъ глаза и только вздигивалъ плечами, взирая на генераль-маіора, которыйprehладнокровно слушалъ рѣчи своего гусара, пуская клубы дыма.

— Щей не бачивъ такого! Прямисенько щей въ вичи за-зира, неначе не винъ!—сказалъ Мармута, перекрестившись. Ка-жешь, що не грабувавъ мене?

— Я тебе не знаю, кто ты таковъ и гдѣ живешь!—отвѣ-тилъ Требинскій, смѣрявъ съ ногъ до головы Мармуту.

— Ще, мабуть, скажешь, що ты не втикавъ видѣ настъ?..

— Я жизнь свою спасалъ отъ васть! отвѣтилъ Требинскій.

— Ще, мабуть, скажешь, що ты не бивъ мене у Плехови обухомъ у двери Данила, та не наставлявъ мини дула въ груди!..

— Какъ васть, разбойниковъ, много было, такъ каждово не можно было примѣты видѣти! Вы всѣ единъ на едново схоже! отпалилъ Иванъ.

— Чи чуєте, пане, якъ господинъ капраль зобижа и мене и козацьку команду! обратился Мармута къ Хорвату.

— Я вижу, что съ вашихъ разговоровъ никакого толку не будетъ! Сказалъ Хорватъ и велѣлъ убрать своего гусара.

Такъ кончилась эта очная ставка. Мармута отправился домой, вполнѣ увѣренный въ томъ, что сказалъ ему Хорватъ; а Хорватъ пообѣщалъ прислать Ивана Тр—го въ Генеральный Судъ черезъ три недѣли—когда окончится надъ нимъ слѣдствіе по очень важному дѣлу.

Когда Мармута вошелъ въ хату, жена спросила: „А що, якъ? бачывъ Требиньского?“

— Бачывъ! сказалъ Мармута вздохнувъ. Тамъ такій кля-тій та цикавій! Тамъ такъ бреше, такъ бреше, та ще й пря-мисинъко въ вичи заглядае и мини и енералови!... Буцимъ-то винъ и ничего не робивъ, и ничего не бачивъ, и ничего не зна—тай годи!... Якъ би ты бачила—тамъ такій якъ зъ неба знятій, неначе святій та преподобній!... Та енераль цему усе-му не потура! У заликахъ закованій... Казавъ Хорватъ, що отправить его у Глухивъ; тильки треба цего пидождати недили зо три: якеесь тамечки за нимъ дило тряплятьця, велике якесь—казавъ енераль.

— Отъ тоби й на!.. воскликнула Домаха. Ще пидождатъ! Доки же ждатимемъ! Мабуть, и кинця не буде тому жданню!..

Буде!.. Перемелитьца—мука буде! лаконически отвѣтилъ Михайло.

XVI.

Домаха правду сказала: мельница Мармутова вяло вертѣлась, а мука уже и совсѣмъ не мололась.

Хорватъ обѣщанія своего не выполнилъ: Ивана Требинскаго онъ держалъ у себя подъ строжайшимъ арестомъ и еженедѣльно продѣлывалъ надъ нимъ одно и тоже. Зачастую, въ часы досуга или скучи, приводили узника И. Требинскаго предъ лицемъ Хорвата, и генераль-маиоръ, сидя съ трубкою въ зубахъ у камина, вопрошалъ завзятаго гусарина: зачѣмъ онъ совершилъ разбой у Мармуты, какъ онъ смѣлъ перевязать и перебить конвойныхъ, ведшихъ его въ Лубны *ко очищенію*, какъ онъ смѣлъ дезертирству предаться, зачѣмъ *выкрадъ бабу*, училъ немалые бои и пораненіе командѣ Шевича?

Требинскій на всѣ эти выспрашиванья отвѣчалъ, не запинаясь: въ грабительствѣ Мармуты онъ не принималъ участія и даже въ то время не былъ дома, ѿздилъ въ Глуховъ до Кочубея съ письмомъ отъ него—генераль-маиора, которое письмо онъ Мармута и рубанъ изорвали; отъ конвойныхъ онъ вырвался потому, что тѣ конвойные въ дорогѣ мучили его—не давали ѿсть и пить, смѣялись надъ нимъ и поносили его, Рубанъ и Мармута нападали на его хуторъ по злобѣ, что онъ и братъ его сербской націи люди, и хотѣли убить его, и это случилось бы, какъ бы не убѣжалъ онъ къ брату; и какъ въ такомъ своемъ зломъ умыслѣ они не успѣли, то и подали доносъ въ генеральный судъ на его, Ивана, якобы вора и разбойника; но они сами воры и разбойники: ибо днемъ грабили хуторъ, принадлежащи ему и братьямъ его, такой гвалтъ сдѣляли въ томъ хуторѣ, что многія женщины съ перепугу мертвыхъ дѣтей порождали, а многихъ женщинъ и дѣвокъ поизнасили, людей изъ хутора разогнали, имущество въ домѣ его

и братьевъ его забрали; въ судахъ же своихъ малороссійскихъ оніе Мармута и Рубанъ им'ють свойственниковъ и родственниковъ, и его всенепремѣнно засудили бы понарасну; и какъ онъ на пути узналъ, что козаки по той сторонѣ Днѣпра собрались въ немаломъ количествѣ, дабы убить его, то просился онъ у конвойныхъ везти его обратно къ нему—генераль-маюру на объясненіе и великое справедливое его усмотрѣніе; но какъ конвойные на такіе просьбы не обращали ни и малѣйшаго вниманія, то онъ въ сердцахъ, яко человѣкъ поступилъ съ ними нехорошо, а потомъ уже боялся явиться и къ его милости—генераль-маюру. Ганна тоже обидѣла его Ивана: она выкрала у него все серебро и золото, много другого добра забрала; и какъ до этой злочитрѣстной бабы его не допускали, то онъ, плачясь о такомъ своемъ несчастіи, и принужденъ былъ насильно взять ту бабу, дабы вывѣдать, гдѣ она то добро подѣвала; команда же его нагнала и хотѣла *въ смерть забить*, поэтому онъ, защищая свой животъ, отбивался отъ той команды.

Такъ выправлялся Иванъ Требинскій предъ своимъ командинромъ. Предъ Хорватомъ стояла невинная жертва, несчастный страдалецъ, котораго всѣ обижаютъ, начиная съ Мармуты и кончая бабою. Командиръ только покачивалъ головою да поступкивалъ чубукомъ, выслушивая оправдательныя рѣчи гусара своего; онъ зналъ, что это за птица, и не довѣрялъ такимъ рѣчамъ; издолгу онъ его выпрашивалъ, усовѣщевалъ, прикрикивалъ и угрожалъ, но слышалъ одно и тоже—гусаръ не винился. Тогда его уводили восвояси—въ тюрьму, причемъ приказывалось ему обдуматься и сказать всю правду.

Спустя нѣсколько дней снова приводили къ Хорвату того-же узника. Командиръ съ тою же неразлучною трубкою и у того же камина выслушивалъ тѣ же рѣчи; узникъ не поступался ни единствомъ словомъ, сказаннымъ въ первый разъ; напротивъ, съ каждымъ новымъ появленіемъ предъ лицо командаира И. Тр—скій становился рѣчистѣе, говорилъ съ большими апломбомъ; онъ призывалъ во свидѣтели Бога, „Матку Божу“, всѣхъ святыхъ, клялся, взывалъ къ человѣколюбію. Иногда Хорватъ добывалъ кой-какія улики: опровергалось, напр., воровство Ган-

иою вещей; дурное обхождение конвойныхъ съ Ив. Тр—скимъ оказывалось ложью. Но Требинскій, и глазомъ не моргая, ладилъ одно и тоже, говорилъ, что всѣ сговорились противъ него по злобѣ и хотятъ отомстить ему: конвойные за то, что онъ не отдалъ имъ своихъ лошадей, Ганна за то, что онъ не женился на ней. И опять Требинского уводили для дальнѣйшаго думанья.

Такъ-таки Хорватъ ничего и не добился отъ своего узника; зато узникъ вынесъ большую пользу отъ этихъ допросовъ: эти допросы были для него, такъ сказать, репетиціей для будущихъ показаній въ Генеральномъ Судѣ; у Хорвата онъ свои рѣчи оформилъ, округлилъ и затвердилъ,—надлежаще приготовился къ ораторству въ Генеральномъ Судѣ.

На доношенія Боровка и Москаленка обѣ обидахъ и изгнаніи ихъ изъ Иржавскаго хутора не обратили надлежащаго вниманія: лишь по истеченіи трехъ мѣсяцевъ эти доношенія отправлены были изъ полковой Лубенской канцеляріи въ Генеральный Судъ; о прописанномъ въ нихъ испрашивали *резолюціи*—какъ о томъ повелѣно будетъ. Генеральный судъ, положивъ доношенія подъ сукно, ничего не повелѣвалъ. Узнавъ обѣ этомъ, Мармута съ товарищами—Штеною, Сезоненкомъ, Боровкомъ и Москаленкомъ—поехалъ въ Глуховъ послѣ „Різдвищъ святоокъ“ 1756 года.

Компанія—Мармута съ товарищи—далась знать и суду и генеральной канцеляріи: ни свѣтъ, ни заря—какъ козаки уже стояли у входа въ судилище, затѣмъ проникали въ самую глубь храма Оемиды и тутъ, что называется, наступали на горло крюкамъ. Эти съ судейскимъ терпѣніемъ и хладнокровіемъ отдѣльвались отъ козаковъ: посылали ихъ въ генеральную канцелярію, а генеральная канцелярія отправляла просителей въ генеральный судъ. Съ замѣчательнымъ терпѣніемъ ходили козаки взадъ и впередъ—изъ одного мѣста въ другое.

— Таки до чбгосъ доходимось! говорили козаки.

— Воно якъ по чарци, такъ неначе якось веселійшъ ходити! прибавилъ однажды Штепа.

Его желаніе одобрили и оно съ той поры выполнялось.

Мармута и его товарищи доходились таки: изъ генер. суда послали доношение въ генер. канцелярію: „понеже суду генеральному небезизвѣстно, яко Николай Требинскій при сербской командѣ обрѣтается, и чтобы его за прописанную противность арештовать—судъ генеральный дати дозвolenія полковой Лубенской канцеляріи не можетъ; яко жъ жалобливая сторона—козакъ Мармута съ товарищи просятъ въ обидахъ своихъ отъ суда генерального неотступно сатисфакці,—того ради судъ генеральный опредѣляетъ: Боровку и Москаленку продолжать смотреніе Иржавскаго хутора; будеже воспослѣдуютъ отъ Требинскихъ какія препятія къ тому смотренію, то сотенная Горошинская канцелярія въ помошь имъ имѣеть нарядить команду козаковъ.“

Мармута пріѣхалъ домой невеселымъ: ибо въ Глуховѣ поистратилъ немало серебряныхъ рублей; а еще такая же трата предстояла въ Лубнахъ и Горошинѣ. Въ Лубны онъ ъѣздили два раза, въ Горошинѣ же обрѣтался до тѣхъ поръ, когда, наконецъ, вырядили Боровка и Москаленка въ Иржавскій хуторъ. Сюда явились они въ концѣ марта 1756 г. съ приличною командою—въ сопровожденіи ста козаковъ надлежаще вооруженныхъ.

Въ части, принадлежащей Ив. Требинскому, козачыи команда нашла полное запустѣніе: во дворѣ, въ домѣ, въ амбарамъ и сараахъ, хоть шаромъ покати; хаты людскія—пусты, иныхъ безъ оконъ и дверей; мельница—безъ колесъ и поставовъ, гребелька разрушена, камышъ доиста вырѣзанъ; только вороны да воробыи нѣсколько оживляли этотъ жалкій пустырь. Боровко и Москаленко водворились на этомъ пустырѣ и стали рачительно присматривать за нимъ.

А. Поляницкій.

(Продолженіе слѣдуетъ)

Харьковское общество благотворенія (въ 1812—1817 г.г.).

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРКЪ.

(ПО НЕИЗДАННЫМЪ ДОКУМЕНТАМЪ)¹⁾.

ГЛАВА 5-Я.

Что Общество благотворенія съ самаго начала своего существованія задавалось самыми широкими планами, объ этомъ свидѣтельствуетъ не только учрежденіе Института, но и (особенно) сдѣланная Совѣтомъ впервые попытка практическаго осуществленія мысли о взаимномъ кредитѣ между членами Общества. Правда, на основаніе этого первого въ провинціи кредитнаго учрежденія, (соединившаго въ себѣ нѣкоторыя черты и современныхъ намъ кредитныхъ обществъ и тогдашихъ ломбардовъ), могли окказать вліяніе своими уставами существованія уже съ 1763 года (при воспитательныхъ домахъ въ Петербургѣ и Москвѣ) сохранная и ссудная кассы, но по частной инициативѣ, такое учрежденіе если не считать „Филотехническаго общества“²⁾, нарождалось тогда въ провинціи впервые. Образцовый порядокъ, установленный въ сохранной и ссудной кассахъ Импе-

¹⁾ См. „Кievsk. Стар.“ 1896 г. № 6.

²⁾ Филотехническое общество, основанное В. Н. Каразинымъ на акціяхъ еще въ 1811 г., представляло, по словамъ г-на Абрамова, „нѣчто среднее между учеными сельско-хозяйственнымъ обществомъ и коммерческимъ предпріятіемъ“. См. Устав или правила Филотехническаго Общества въ XXXI томѣ полнаго собранія законовъ Росс. Имперіи.

ратрицею Марією Іоанновною и преобразованныхъ ею опекунскимъ совѣтомъ, поразительные результаты ихъ финансовыхъ операций, давшихъ Императрицѣ обильныя средства для ея многочисленныхъ благотворительныхъ учрежденій,—все это должно было вліять на болѣе просвѣщенныхъ современниковъ, побуждая ихъ къ основанію подобныхъ кредитныхъ учрежденій и въ другихъ городахъ Россіи. Такую же цѣль могло преслѣдоватъ и Слободско—Украинское дворянство, вѣроятно, также желавшее соединить въ созидаемомъ обществѣ благотворительность съ кредитными операциими. По крайней мѣрѣ, уже въ первомъ засѣданіи своемъ, 29 апрѣля 1812 г., какъ мы уже говорили, совѣтъ постановляетъ: „сумму общества, вносимую въ капиталъ и достигшую къ тому времени 4.600 рублей, отдавать желающимъ взять взаймы подъ проценты, причемъ выдавать ссуды преимущественно помѣщикамъ здѣшней губерніи, коихъ имѣнія достаточно было бы подъ залогъ занимаемой ими суммы, за поручительствомъ двухъ извѣстного состоянія помѣщиковъ той же губерніи, срокомъ не болѣе, какъ на одинъ годъ,—и взимать шесть процентовъ узаконенныхъ и 4% въ пользу благотворительныхъ учрежденій“¹⁾). Какъ видно изъ отчетовъ 1812, 1813 и 1814 г.г., дворяне очень часто и охотно обращались въ общество съ просьбами о выдачѣ имъ ссудъ, такъ что денегъ далеко не хватало на удовлетвореніе всѣхъ просьбъ.

Уже въ 1812 году было выдано, по просьбамъ членовъ,—5566 рублей, въ 1813—6200 рублей и 1000 рублей—въ 1814 году, а всего за три года: 12776 рублей. Такъ какъ требованія все возрастили, а денегъ свободныхъ было мало, то Совѣтъ, очевидно, ожидалъ, что дворянство охотно будетъ помѣщать свои излишки на сбереженіе и приращеніе процентами въ кассу общества, рѣшился уже въ началѣ 1815 года выработать для своихъ кредитныхъ операций разъ навсегда опредѣленныя пра-

¹⁾ Впослѣдствії Совѣтъ увеличилъ проценты до 12. Впрочемъ первоначально и сохранила касса, принимая капиталы по 5%, выдавала ихъ по 10% подъ залогъ имущества, а ломбардъ бралъ по 12%. Только впослѣдствії ломбардъ сталъ взимать по 9% и наконецъ по 6%. См. Имп. М. О., С.-ПБ., 1832 г., стр. 22.

вила и сдѣлать ихъ извѣстными, при помощи печати, болѣе широкому кругу публики. Одинъ экземпляръ подобныхъ печатныхъ правилъ сохранился въ дѣлахъ Институтскаго архива¹⁾, и мы приведемъ здѣсь этотъ довольно любопытный памятникъ кредитныхъ операций Общества.

„1815 года марта 26 дня въ засѣданіи Совѣта Харьковскаго Общества благотворенія опредѣлено:

„Входя въ разсужденіе, что многіе изъ живущихъ въ городѣ Харьковѣ и временно бывающіе въ ономъ разнаго званія люди²⁾ весьма часто, по встрѣчающимся обстоятельствамъ своимъ, имѣютъ нужду въ займѣ денегъ для своихъ оборотовъ на короткое время, по при семъ желаніи не могутъ достать ихъ, черезъ что терпятъ убытки и разстройство въ своихъ дѣлахъ торговыхъ или другихъ подобныхъ. Вследствіе этого Совѣтъ, руководствуясь Высочайше утвержденными правилами своими и сообразно цѣли учрежденія Общества, по мѣрѣ возможности, доставлять всякаго рода пособія всѣмъ и каждому, постановляетъ слѣдующее.

1. Изъ капитальной суммы Общества отдѣляется на первый случай 5000 рублей, которые и выданы будутъ правителю дѣла Общества для роздачи желающимъ взять изъ оной взаймы. Для записыванія таковой выдачи, получаемыхъ процентовъ и закладываемыхъ вещей, получить онъ изъ Совѣта шнуровая книга.

2. Раздача сей вспомогательной суммы производится всякаго состоянія людямъ подъ залогъ разнаго рода и достоинства

¹⁾ См. Институт. Арх. дѣло № 5: „по прошеніямъ разныхъ лицъ, требующихъ замообразно изъ суммы Общества благотворенія“. Это и есть то самое дѣло которыми воспользовался авторъ биографіи Г. О. Квитки, г-нъ С. Р., во, къ сожалѣнію, нужно сказать воспользовался нес совсѣмъ удачно, допустивъ очень странные промахи, которые можно объяснить развѣ только спѣшностью работы. Такъ авторъ утверждаетъ, что Общество благотворенія начало свои кредитныя операции только черезъ три года послѣ своего основанія, но читатель могъ убѣдиться, что документы доказываютъ совершенно другое. Положимъ, г-нъ С. Р. имѣлъ подъ руками только одно дѣло № 5, по изъ этого дѣла легко усмотрѣть, что *никоторые* займы относятся къ 1812, 13 и 14 му годамъ».

²⁾ Во времена ярыго рояльства.

вещей, не болѣе 1000 рублей и не менѣе 10 рублей въ однѣ руки, срокомъ отъ 3-хъ дней и до 3-хъ мѣсяцевъ.

3. Имѣющій надобность занять изъ сей вспомогательной суммы относится къ правителю дѣлъ Общества во всякое время съ объявленіемъ и при ономъ представляетъ закладываемую вещь въ обезпеченіе занимаемой имъ суммы. Правитель дѣлъ принимаетъ вещь по своему произволенію и отвѣчаетъ Совѣту и всему Обществу за достоинство ея; слѣдовательно оцѣнка ея остается на его единственной отвѣтственности.

4. Представившій въ залогъ вещь вписываетъ ее съ обстоятельною описью ея въ данную изъ Совѣта Правителю дѣлъ книгу, прикладываетъ къ вещи свою печать и получаетъ расписку въ приемѣ вещи. Получая же деньги, уплачиваетъ впередъ проценты за нихъ, слѣдующіе по особому расписанію¹⁾.

5. Сроки выдачи въ займы суммы могутъ быть: 3, 7 и 14 дней; 1, 1 и 3 мѣсяца. Кроме того, на всякий непредвидимый для занимающаго деньги случай, назначаются льготные дни на 7 дней—1, на 14 дней—2, на мѣсяцъ—5, на полтора—7 и на 3 мѣсяца—10 дней.

6. По истеченіи срока, занимавшій сумму, представляетъ ее Правителю дѣлъ вмѣстѣ съ билетомъ на заложенную вещь, которую и получаетъ въ томъ видѣ, въ каковомъ ее отдалъ. Въ случаѣ же, если заложенная вещь найдена имъ будетъ поврежденною, тогда долженъ немедленно заявить о томъ Совѣту, отъ которого въ первомъ засѣданіи будетъ доставлено ему удовлетвореніе.

7. Если самъ занимавшій деньги не можетъ явиться за полученіемъ заложенной вещи, въ такомъ случаѣ надписывается на оборотѣ билета, кому довѣряетъ получить ее. Безъ предъявленія билета вещь не выдается.

¹⁾ Расписаніе это, сдѣланное рукою того же неутомимаго Г. Ф., находится въ томъ же дѣлѣ на листѣ 27. Вотъ проценты на 10 и на 1000 руб. За 10 руб. на 3 дня—10 коп., на 7 дней—12 коп., на 14 дней—15—коп., на 1 мѣс.—20 коп., на $1\frac{1}{2}$ мѣс.—25 к., на 3 мѣс.—30 коп. За 1000 руб. на 3 дня—3 руб., на 7 дней—4 руб. 50 коп., на 14 дней—5 руб., на 1 мѣс.—10 руб., на $1\frac{1}{2}$ мѣс.—15 руб., 3 мѣс.—30 руб.

8. Въ случаѣ же, если занимавшій сумму не внесетъ ее и по прошествіи льготныхъ дней, тогда Правитель дѣлъ Общества послѣ того въ первый день предлагается одному изъ членовъ Совѣта сдѣлать въ книгѣ помѣтку, что срокъ прошелъ и заложенная вещь должна ити въ продажу съ аукціона.

9. Невыкупленныя (изъ залога) вещи представляются Совѣту въ ближайшемъ засѣданіи и, по приложеніи къ нимъ печатей членовъ, записываются въ особый реестръ и для продажи ихъ съ аукціона назначается удобный день.

10. Если сумма за проданную съ аукціона вещь будетъ превышать данную подъ залогъ ея, тогда, удержавъ проценты, слѣдующіе по день продажи вещи, излишекъ суммы возвращается залогодателю.

11. По истеченіи каждого мѣсяца Совѣтъ считаетъ наличную сумму капитала, повѣряетъ всѣ книги и подпись членовъ утверждаетъ вѣрность счетовъ.

12. При ежемѣсячной повѣркѣ суммъ Правитель дѣлъ изъ полученныхъ на розданныя взаймы деньги процентовъ часть, т. е. 6% выдаетъ казначею на обыкновенные расходы; прочие же доходы вносятъ тогда же въ общую приходную капитальную книгу особою статьею въ числѣ пожертвованій и въ этомъ видѣ показывается въ отчетахъ публичныхъ и представляемыхъ министерству полиціи.

13. Если кто пожелаетъ внести собственный свой капиталъ для приращенія процентами, онъ можетъ заявить о желаніи своемъ Совѣту и заключить съ нимъ условія о срокѣ (вклада) и платежѣ процентовъ. Условія эти будутъ сохраняены во всей ихъ силѣ свято и ненарушимо. Внесшему на известныхъ условіяхъ какую либо сумму выданъ будетъ билетъ, обеспечивающій цѣльность и срокъ возврата ея, въ чемъ замедленія не будетъ ни одного дня.

14. Желающій внести какой бы то ни было капиталъ только для сохраненія на опредѣленное время можетъ также отнести въ Совѣтъ, который принимаетъ сумму запечатанную и за цѣльность ея ручается.

15. Для распространения въ публике свѣдѣній о такихъ постановленіяхъ Совѣта начечатать ихъ въ достаточномъ количествѣ экземпляровъ и разослать ихъ жителямъ города Харькова. Подписали члены Совѣта: Пётръ Любовниковъ, Антонъ Мейеръ, Андрей Касовскій. Правитель дѣлъ Общества Григорій Квитка.

Правитель дѣлъ Общества считаетъ нужнымъ при семъ объявить съ своей стороны, что выдача взаймы этой вспомогательной суммы начнется съ 7-го апрѣля сего года. Желающіе получить ссуду могутъ обращаться къ нему въ канцелярію Совѣта, помѣщающуюся при Институтѣ Общества благотворенія¹⁾.

Такимъ образомъ Обществу не хватило только средствъ, чтобы устроить нѣчто въ родѣ городского ломбарда на счетъ этой вспомогательной суммы, которую рѣшено было выдѣлить изъ капитала. Самая операція Общества принимаютъ болѣе широкіе размѣры уже въ силу общедоступности ссудной кассы Общества, пред назначенной для лицъ всякаго состоянія, т. е. для ярмарочного купечества и мѣщанства. Но главнымъ образомъ, конечно, общество выдавало ссуды *своимъ членамъ*. Такая выдача не прекращалась въ первыя 5 лѣтъ существованія Общества съ 1812 по 1817-й годъ и приносила ему значительные доходы. Но и здѣсь русская халатность и неаккуратность оказала плохую услугу Обществу. То и дѣло должники пропускали сроки, просили обѣ отсрочкахъ, переписывали свои обязательства и мало думали о погашеніи долга. А такъ какъ проценты шли не па увеличеніе капитала, а на ежегодные расходы, то часто въ кассѣ Общества не было вовсе свободныхъ для выдачи суммъ. Приходилось издерживать еще на содержаніе Института значительныя суммы, взятые изъ капитала безъ на-

¹⁾ Здѣсь же приложена и форма заявленія о желаніи получить ссуду подъ залогъ вещи. См. тоже дѣло, листъ 25.

Изъ 12 пункта этихъ постановленій можно, пожалуй, заключить, что Совѣтъ не желаетъ обнаруживать настоящую цифру процентовъ. Подписанвшіе здѣсь члены Совѣта Анголъ Эмануиловичъ Мейеръ (докторъ и инспекторъ врачебной управы) и Андрей Ивановичъ Кассовскій избраны вмѣсто выбывшаго Познанскаго, первый въ члены Совѣта, 2-й въ кандидаты къ нему въ общемъ собраніи членовъ 20 августа 1814 г., какъ видно изъ протокола, находящагося въ „Дневныхъ Запискахъ“ изъ листѣ 79. Здѣсь подписи 12-ти членовъ. За предсѣдателя Любовниковъ.

дѣжды когда либо пополнить его. Поэтому то денежные обороты Общества никогда не могли стать на степень доходныхъ кредитныхъ операцій. Впрочемъ кредитныя операціи всякаго рода лучше и краснорѣчивѣе всякихъ словъ обрисовываются цифрами и мы должны вновь обратиться къ отчетамъ Совѣта, чтобы получить вполнѣ вѣрное представление о дѣйствительномъ ходѣ дѣлъ въ этой „финансовой сферѣ“ дѣятельности Общества.

Изъ отчетовъ за первые 4 года существованія Общества¹⁾ видно, что вообще капитальная сумма Общества вносилась гораздо исправнѣе ежегодной и недоимки падали, главнымъ образомъ, на эту послѣднюю. Уже въ 1812 году, какъ мы видѣли раньше ежегодная сумма по подписанію достигла 8,375 рублей, а ко времени первого торжественнаго собранія членовъ Общества (18 августа того же года) изъ нея поступило всего 6,800 рублей, тогда какъ капитальная сумма внесена была почти вся именно: 4.931 р. 50 коп. и противъ подписанной суммы (5.181 р. 50 к.) предоставало всего 250 рублей. Мало того, изъ того же отчета видно, что уже тогда изъ капитала выдано было въ займы 2.000 рублей и къ 18 августа 1812 г. получено 200 рублей %, изъ которыхъ 120 рублей (т. е. 6%) причислено къ ежегодной суммѣ, а 80 руб. (т. е. 4%) къ капиталу. Интересно здѣсь, между прочимъ то, что первымъ должникомъ Общества былъ знаменитый В. Н. Каразинъ. Ссуда въ 2000 рублей была ему выдана, по прошенію отъ 12 июня 1812 года, за поручительствомъ одного только помѣщика Харьковскаго уѣзда Ивана Терентьевича Шевича, тогда какъ въ прошении сказано: „Въ обеспеченіе сего долга представляю за себя двухъ поручителей изъ гг. помѣщиковъ здѣшней губерніи“²⁾. Вѣроятно, солидное состояніе Шевича играло здѣсь непослѣднюю роль, хотя и самъ Каразинъ, въ то время стоявшій во главѣ „Филотехническаго Общества“ и, кажется, до тѣхъ поръ исправно уплачивавшій проценты по его акціямъ, считался еще довольно состоятель-

¹⁾ См. „Отчеты“ въ дѣлѣ № 1, в. Институтскаго Архива.

²⁾ См. дѣло Иа. Арх. № 5. „По прошеніямъ разныx лицъ, требующихъ единовѣрно изъ суммъ Общества благотворенія денегъ“.

нымъ человѣкомъ¹⁾). Удержанніе при выдачѣ ссуды 200 рублей (т. е. 10%) и показанные въ отчетѣ, какъ первая прибыль Общества, а равно число и годъ, выставленные на этомъ прошенніи, достаточно констатируютъ фактъ, что *денежныя операции Общества начались гораздо раньше основанія Института*. Къ сожалѣнію изъ отчета не видно, какъ составилась эта первая капитальная сумма изъ пожертвованій или также изъ суммъ, вносимыхъ для приращенія процентами? Если мы вспомнимъ, что впослѣдствіи на содержаніе Института Совету приходилось заимствовать деньги изъ капитальной суммы, то намъ не трудно будетъ высказаться въ пользу первого предположенія, т. е. что большая часть капитала образовалась путемъ пожертвованій. Когда же деньги вносились кѣмъ нибудь изъ членовъ для временнаго пользованія ими съ цѣлью увеличенія средствъ Общества впредь до востребованія вкладчиками, то объ этомъ всякий разъ особо отмѣчалось въ отчетахъ Совета, какъ можно видѣть, напр., уже въ отчетѣ 1812 года относительно майора Михаила Кондратьева, внесшаго 500 рублей въ кассу Общества лишь на время съ тѣмъ, чтобы проценты съ нихъ употреблялись на дѣла благотворенія.

Для ознакомленія читателя съ условіями подобныхъ временныхъ вкладовъ въ капиталъ общества приведемъ письмо Кондратьева отъ 28 марта 1812 года къ А. Ф—чу. „Желая быть членомъ Харьковскаго общества благотворенія, представляю въ капитальную сумму денегъ пятьсотъ рублей съ тѣмъ, чтобы проценты съ нихъ употребляемы были въ пользу несчастныхъ, капиталъ же почитался бы принадлежащимъ мнѣ, и буде въ теченіе жизни моей не сдѣлаю тому капиталу особаго

¹⁾ Хотя для уплаты % по акціямъ, можетъ быть, и занималъ эту сумму. Въ отчетахъ и дѣлахъ Общества не разъ встречаются эти акціи, которыхъ многія помѣщики съ охотою представляли вмѣсто денегъ... Нѣсколько разъ упоминается и о получении процентовъ поnimъ, но изъ письма В. Маркова, которое мы приведемъ ниже, читатель увидѣтъ, что многіе помѣщики, жившіе по деревнямъ, процентовъ никакихъ не получали. Уже въ 1824 году (т. е. 12 лѣтъ спустя) село Кручики, имѣніе Каразина, было описано за долгъ его графу Подгорянину-Петровичу. (См. Пр. Н. Лещенкова. В. Н. Каразинъ, какъ помѣщикъ села Кручики, Харьковскій Сборникъ 1887 г., стр. 58—59).

определеныя, то по смерти моей, на основании 26-й статьи Высочайше утвержденныхъ сему обществу правилъ, причислить сіи деньги къ суммѣ общества". Такое же точно письмо еще отъ 16 марта 1812 года прислалъ въ общество другой жертвователь Аркадій Левшинъ (или Колпинъ, фамилия не разобрана), отдававшій 500 руб. въ пользованіе общества на тѣхъ же условіяхъ¹⁾. Впрочемъ, вопреки ожиданіямъ Совѣта, такие денежные вклады въ капиталъ общества дѣлались очень рѣдко. (Мы нашли ихъ всего 3). Большинство такъ называемыхъ единовременныхъ взносовъ поступало въ видѣ *пожертвованій*. Но крупные пожертвования были нечасты. Въ 1812 году ихъ было всего шесть крупныхъ (отъ 100 до 500 руб.) и нѣсколько мелкихъ. Охотнѣе всего жертвовали члены акціями филотехническаго общества, очевидно, не возбуждавшими къ себѣ довѣрія. Такъ въ „Дневныхъ Запискахъ Совѣта“ за 1812 годъ читаемъ слѣдующее. „1812 года 31 декабря мы, нижеподписавшиеся, члены Харьковскаго Филотехническаго общества представляемъ выданная намъ отъ правителя дѣлъ того общества г-на Стат. Совѣтника и Кавалера Василія Назаровича Каразина въ прошломъ 1811 году сторублевыя акціи въ Совѣтъ Харьковскаго общества благотворенія съ тѣмъ, чтобы акціи эти были внесены въ капитальную сумму общества сверхъ определенного уже нами въ ежегодный взносъ. А. Квитка, Ав. Эли, Ив. Гиржевъ, С. Левшинъ, Н. В. Лосевъ, П. Смагинъ, Іона Познанскій, Гр. Дм. Девіерь, П. Карповъ, Василій Марковъ²⁾). Въ 1813 году крупныхъ единовременныхъ взносовъ было 3, по 250 рублей каждый³⁾, въ 1814 году четыре, въ 1815 и 1816 только по одному взносу въ 250 рублей и одинъ въ 25 рублей отъ неизвѣстнаго (съ подписью „руsskій дворянинъ“). Только 1817 годъ отли-

¹⁾ См. Дѣло Ин. Арх. № 3. „О внесенныхъ единовременно въ капиталъ Общества суммахъ“, листы 7 и 8. Отсюда видно, какъ составлялся первоначальный капиталъ Общества.

²⁾ См. Дѣло Ин. Арх. № 1, а. Противъ каждой фамиліи рукой Г. Квитки обозначено: „получено“.

³⁾ Пожертвовали Шлатонъ Карповъ, Мих. Бедрига и М. Кондратьевъ. Послѣдній отдавалъ половину изъ тѣхъ 500 рублей, которые внесъ въ общество для временнаго пользованія.

чается сравнительно обильными пожертвованиями. Въпростно, усилившися со времени посѣщенія Харькова великимъ Княземъ Николаемъ Павловичемъ слухи о принятіи въ ближайшемъ будущемъ основаннаго обществомъ института подъ Высочайшее покровительство и главное начальство вдовствующей Императрицы Маріи Феодоровны были причиной такого явленія. Но объ этихъ пожертвованіяхъ, простиравшихся до 3,000 рублей (2,875 р.)¹⁾ и предназначенныхъ исключительно на содержаніе института мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ, теперь же остановимъ еще разъ на составѣ капитала, на сколько это можно видѣть изъ отчетовъ за 1812—15 гг. Только за первый годъ существованія общества отчетъ не выясняетъ, какимъ образомъ составился капиталъ, но въ 1813 году уже возрастаніе и составъ его обозначаются довольно определенно. Къ началу 1813 года въ „заимообразной раздачѣ“ состояло уже 5566 рублей и на лицо капитала было всего 53 р. 50 к. Къ этой суммѣ въ теченіе отчетнаго года поступило: процентовъ съ капитала—222 рубля, процентовъ по акціямъ филотехническаго общества—24 рубля, за табакерку, подаренную обществу Шл. Ник. Карповымъ, выручено—310 руб., въ 2-хъ маскарадахъ, устроенныхъ въ пользу общества выручено—334 р., присланныхъ отъ неизвѣстнаго—100 рублей, выручено за продажу съ аукціона рукодѣлій воспитанницъ—453 руб., еще отъ неизвѣстнаго 10 рублей, пожертвовано въ пользу института разными лицами—456 р. Прислано П. Г. Демидовымъ (сверхъ ежегодныхъ 1000 рублей) для воспитанія юношества—200 рублей²⁾. Весь оста-

¹⁾ Приводя цифры пожертвованій, сдѣланныхъ въ 1812—17 годахъ, мы не считаемъ обычныхъ (ежегодныхъ) пожертвованій именитыхъ членовъ въ родѣ Н. Г. Демидова или (вступившаго вѣсколько позже) графа Каменского.

²⁾ Тогда же установлено, чтобы одна воспитанница при институтѣ и одинъ воспитанникъ при гимназіи носили имя Демидовскихъ. Вногодѣствіи решено было поставить портреты гр. Каменского и Демидова въ торжественномъ залѣ института. Подъ рубрикою „пожертвованія“, какъ помнить читатель, показаны и 4% на капиталъ, т. е. 456 р., слѣдовательно всего % за 1813 годъ получено 678 рублей. Въ одномъ изъ своихъ постановлений Совѣтъ съ цѣлью возвысить доходность капитала, увеличилъ взимаемые % до 12 (какъ въ настоящее время берутъ всѣ частные башки), но также скрывалъ добавочные 6%, помѣщая ихъ въ „огрѣвѣ пожертвово-

тѣкъ ежегодной суммы отъ 1812 года, т. е. 1286 р. 21 к., рѣшено причислить къ капиталу, который такимъ образомъ возросъ уже до 8,901 р. 71 к.; изъ нихъ взято въ заемъ членами 7766 рублей, оставалось на лицо ко времени отчета (т. е. въ августѣ 1813 года) 1135 руб. 71 коп. Къ началу 1814 года изъ этихъ денегъ на лицо было только 972 р. 66 коп. Въ теченіе 1814 года поступило: недоимки за прежніе годы—250 рублей; за рукодѣлія воспитанницъ, проданныхъ съ аукціона—1150 рублей; за рукодѣліе, ими же по заказу работанныя,—165 р.; изъ подаренныхъ Г-мъ Стойковичемъ 200 книгъ продано 20 экземпляровъ на 95 руб. Получено: отъ А. С. Эли ($\%$)—195 р., отъ К. И. Щербининой—35 р., П. А. Герсеванова—20 р., Д. Ф. Сердюкова—25—отъ неизвѣстнаго—25 р., отъ неизвѣстнаго бостоннай подати—13 руб., В. Н. Каразина—120 р., неизвѣстнаго черезъ Д. И. Булычева—50 р., отъ дѣйствительныхъ членовъ Донецъ-Захаржевскаго и Адамова (по 500 р.)—1000 р., а всего капиталу 13,520 р. 50 к. Выдано въ займы изъ этой суммы: 8,766 рублей и издержано на институтъ 1336 рублей. Такимъ образомъ капиталу къ началу 1815 года на лицо было: 2990 р. 31 коп. Къ этому въ 1815 году поступило: $\%$ съ капитала, выдаваемаго въ займы,—399 р. 7 к., отъ дѣйствительныхъ членовъ, внесшихъ по 250 р. въ капиталъ,—775 рублей; прежней недоимки взыскано 2475 рублей, за рукодѣлія воспитанницъ выручено—1070 рублей, отъ 2-хъ неизвѣстныхъ лицъ пожертвовано—150 руб. и червонецъ, отъ П. Г. Демидова—500 р. (Совѣтъ постановилъ, чтобы портретъ этого благодѣтеля былъ повѣшенъ навсегда въ залѣ института. Им—ца Марія ѡеодоровна утвердила это постановленіе Совѣта); получено отъ разныхъ лицъ—766 р. 22 коп., отъ дѣйствительнаго члена Николая Бразоля—250 р. Кроме того Г-нъ Масловичъ представилъ въ Совѣтъ 300 экземпляровъ канаты, написанной въ похвалу Слободско-Украинскаго дворянства, учредившаго общество благотворенія, и корреспонденты общества про-

ваній". Хотя правительство едва ли могло имѣть что либо противъ этого Ломбардія бралъ до 12% годовыхъ.

дали ихъ на 80 рублей, такъ что весь капиталъ общества достигъ 16,619 руб. 74 к. Изъ него выдано въ займы: 11,536 р. и взято взаимообразно на содержаніе института 3,219 руб. 23 к. Въ концѣ отчета о состояніи капитальной суммы находится слѣдующее примѣчаніе. „Совѣтъ употребить все свое стараніе вознаградить расходъ сей изъ капитала и изыщетъ способы замѣнить одну сумму другою. Обращеніе капитальной суммы выдачею въ займы на короткое время съ обезпеченіемъ представляемыми въ залогъ вещами доставляетъ ей значительное приращеніе, чemu можетъ служить примѣромъ сумма въ 200 руб. выданная въ апрѣль подъ % и обратившаяся къ 21 августа въ 212 руб.“ За тѣмъ перечислены различныя пожертвованія вещами на 510 рублей и заявлено о безкорыстіи А. И. Демьяненкова, безвозмездно исправляющаго обязанности правителя канцеляріи Совѣта.

Отлагая въ сторону остальные отчеты, касающіеся исключительно содержанія института, тѣмъ болѣе, что выдача денегъ взаймы послѣ 1815 года почти вовсе не практиковалась, мы сдѣлаемъ здѣсь лишь одно замѣчаніе по поводу кредитныхъ операций общества. Какъ видить читатель, составъ капитальной суммы нашего общества вовсе не такой, какой мы находимъ въ современныхъ намъ кредитныхъ обществахъ. Здѣсь капиталъ весь или почти весь образовался изъ пожертвованій, въ кредитныхъ же обществахъ нашего времени онъ составляется изъ различныхъ вкладовъ, отдаваемыхъ съ цѣлью приращенія процентами, полученнія дивиденда и съ другими чисто коммерческими цѣлями. Ничего подобнаго въ цѣляхъ нашего общества не было или, по крайней мѣрѣ, судя по всему только что изложенному, ни въ чемъ не обнаружилось. Общество совершило оправдывало свое название, преслѣдуя цѣль чисто благотворительную, и если мы позволили себѣ (хотя и отдаленное) сравненіе операций общества съ операциами обществъ „взаимнаго кредита“, то мы сдѣлали это, основываясь исключительно на внешнемъ признакѣ—на *довѣріи* общества къ членамъ, выразившемся въ формѣ простого поручительства безъ обезпеченія

залогомъ (имущества) и напоминающемъ нашъ учеть век-
селей ¹⁾.

Возвращаясь снова къ должникамъ общества, мы должны обратить вниманіе читателя на тотъ печальный фактъ, что только очень немногіе заемщики общества платили во время, большинство прибѣгало къ постояннымъ отсрочкамъ, нѣкоторые же не платили вовсе. Тотъ же В. Н. Каразинъ, получившій ссуду, какъ мы видѣли, еще въ 1812 году, четыре раза просилъ объ отсрочки и уплатилъ долгъ совсѣми %, только въ 1817 году. Даже самъ пресѣдатель совѣта А. Ф. Квитка, получившій 4 декабря 1812 года за порукой 2-хъ членовъ (Эли и Бедряги) въ ссуду 566 руб. на одинъ годъ, просилъ черезъ годъ отсрочки еще на годъ, но какъ видно изъ дѣла № 5, уплатилъ ихъ только въ ноябрѣ 1816 года ²⁾). Изъ всѣхъ должниковъ общества наиболѣе аккуратною оказалась полковница Екатерина Петровна Щербина, представившая въ совѣтъ занятія сю 21 августа 1812 года 3500 руб. ровно черезъ годъ и 1 мѣсяцъ (21 сентября 1813 года) съ уплатою % и за просроченное время ³⁾). Напротивъ того всѣ лица, воспользовавшіяся услугами общественного кредита въ 1813 году, оказались самыми небрежными плательщиками. Такъ капитанъ Сер. Левшинъ, взявший 700 руб. 28 января 1813 года, уплатилъ ихъ послѣ неоднократныхъ напоминаний и писемъ отъ совѣта, только 24 сентября 1817 года ⁴⁾).

Но особенно много хлопотъ причинили совѣту 2 его корреспондента: Зміевскій—маіоръ Михаилъ Бедряга и Купянскій

¹⁾ А приемъ къ участу заемныхъ писемъ со всѣми напоминаетъ вексельную операцию Общества „взаимного кредита“.

²⁾ Приложивъ при этомъ еще 250 рублей взноса съ цѣлью получить званіе дѣйствительного члена Общества *ibidem*, листы 21 и 61.

³⁾ „Хотя я просила Совѣтъ объ отсрочкѣ уплаты занятыхъ мню 3500 руб. еще на годъ, но нынѣ находясь при деньгахъ, желаю уплатить оны со всѣми процентами“. *Ibidem*, листъ 16.

⁴⁾ При чемъ представилъ и часть добровольно пожертвованныхъ 300 руб., а всего 1000 руб. (*ibidem*, листъ 34). Вотъ что пишетъ ему Квитка: „отсрочки въ занятыхъ вами деньгами сдѣлать отнюдь нельзя: деньги нужны на покупку дома, почему и назначается послѣдній срокъ уплаты 15 августа сего 1816 года“. То же повторяется въ официальномъ отношеніи Совѣта, но Левшинъ уплатилъ сдѣланную годъ спустя послѣ этого.

Ав. Ст. Эли. Оба они взяли довольно значительный суммы: първый—1000 руб., 2-й—4750 руб., оба уплатили долгъ свой гораздо позже другихъ должниковъ и даже не самому обществу, а въ иныя учрежденія, которымъ общество благотворенія передало свои обязательства. Михаиль Бедрага получилъ еще 16 января 1813 года свою 1000 руб. и не только не платилъ долга, но мало заботился о процентахъ, не смотря на частыя напоминанія совѣта¹⁾). Долгъ этотъ числился на немъ до 1818 года, когда прошло отдѣленіе института отъ общества и по просьбѣ совѣта обращенной къ экономическому комитету при слободско-украинской гимназіи и даже попечителю округа З. И. Корнѣеву, былъ принятъ слободско украинской гимназіей въ уплату за пансионеровъ, содержимыхъ при этой гимназіи обществомъ благотворенія, однако попечитель учебнаго округа настоялъ, чтобы совѣтъ общества благотворенія взять на себя взысканіе съ своего корреспондента денегъ. Тогда отъ совѣта поступила жалоба въ слободско-украинское губернское правленіе съ просьбою о взысканіи съ Бедряги денегъ. „Зміевскаго уѣзда помѣщикъ малярь Бедряга прошлаго 1813 года 16 января занялъ изъ капитальной суммы харьковскаго общества благотворенія тысячу рублей за подлежащіе проценты, долгу своего до сихъ поръ не уплатилъ и проценты внесъ только 16 января 1815 года, съ того же времени не только не вносилъ процентовъ, но и не просилъ обѣ отсрочки. Какъ видно изъ отношенія губернскаго правленія Бедряга долженъ былъ переписать данное имъ обязательство (т. е. прошеніе о выдачѣ съ 2-мя поручителями) на заемное письмо, но онъ предпочелъ

¹⁾ Въ дѣлѣ № 3 находится цѣлько циркулярныхъ посланий Совѣта къ Бедрягѣ, на которыхъ онъ отвѣчалъ, „что не знаетъ, сколько на долю его причинается процентовъ, что исполняя различные порученія графа Алексія Андреевича Аракчеева не могъ доставить Совѣту долга и что, наконецъ, удивляется зачѣмъ Совѣту получать съ него деньги, когда капиталъ Общества долженъ остататься не-прикосновеннымъ и что Совѣту все равно съ кого получать проценты, которые онъ, Бедрага, не отказывается „платить“ и т. д. Но Совѣтъ, не обращая вниманія даже на „порученія графа Алексія Андреевича“ представилъ прошеніе Бедряги въ Губернское правленіе и тѣмъ заставилъ его предложить въ уплату долга 3 доказательства лжсу. См. дѣло № 7, Инв. Архива.

предложить обществу вмѣсто 1000 рублей (а съ % 1205 руб.) три десятины лѣсу. По соглашенію съ дирекціей училищъ лѣсъ этотъ былъ принятъ въ уплату слободско-украинской гимназіею, но такъ какъ онъ пошелъ по слишкомъ низкой цѣнѣ, то слободско-украинская гимназія считала еще 700 руб. за обществомъ благотворенія. По разнымъ обстоятельствамъ совѣтъ не хотѣлъ признать этого долга и дѣло затянулось. Впрочемъ объ окончаніи его мы скажемъ еще въ своемъ мѣстѣ, теперь же перейдемъ къ Августу Стан. Эли. Повидимому, Эли былъ однимъ изъ тѣхъ русско-нѣмецкихъ чиновниковъ, которые состоя долгое время въ русской службѣ и пріобрѣтя имѣніи въ слободско-украинской губерніи, все еще тяготѣли къ Германіи. Да-же самое имѣніе Эли носило нѣмецкое название Луизенталь. Судя по нѣкоторымъ даннымъ, Эли могъ бы возвратить взятымъ имъ деньги во время, но онъ не хотѣлъ этого дѣлать, видя, какъ легко можно отсрочивать долги свои. Онъ или отмалчивался на запросы совѣта объ уплатѣ долга или процентовъ, или вновь переписывалъ свое обязательство, увеличивая, а не погашая свой долгъ. Ко времени отдѣленія института отъ общества, долгъ Эли возросъ, очевидно, до значительной цифры и ловкій нѣмецъ, не желая платить деньги немедленно (въ виду возможнаго взысканія по суду) придумалъ очень выгодный для себя исходъ: онъ предложилъ совѣту института поставлять въ институтъ въ счетъ долга всѣ съѣстные припасы (муку, крупу, свиное сало и т. д.) со скидкою 20% противъ сиравочныхъ цѣнъ. Тогда же былъ заключенъ съ нимъ контрактъ. Но какъ исполнялся имъ этотъ контрактъ видно изъ того, что Совѣтъ постарался, какъ можно скорѣе развязаться съ нимъ, передавши, между прочимъ, его заемное письмо на сумму 7600 руб. уходившему въ то время изъ совѣта Г. Ф. Квиткѣ¹⁾. Это было уже въ 1821 году.

Такъ долго могли оттягивать уплату должники общества! Говоря о крупныхъ должникахъ, мы не должны упустить изъ

¹⁾ См. дѣло Ив. Архива № 23. „О должникахъ Купянскимъ помѣщикомъ Густавомъ Эли дешигахъ обществу благотворенія и о поставкѣ въ счетъ долга разныхъ припасовъ институту благородныхъ дѣвицы“.

виду и мелкихъ потому, что мелкія ссуды, выдаваемыя изъ „вспомогательной“ суммы должны были приносить обществу больше пользы, нежели крупныя. Но и здѣсь на каждомъ шагу обнаруживается неопытность привителя дѣлъ и членовъ совѣта, удовлетворявшихъ прошенія лицъ, часто не заслуживавшихъ довѣрія. Приведемъ нѣсколько примѣровъ. Еще въ 1813 году проѣзжалъ черезъ Харьковъ командированный изъ Петербурга на Кавказъ форштмейстеръ Ив. Егоровъ Лундегрейнъ. Издержавъ данные ему прогоны, онъ заявляетъ совѣту, что потерялъ на дорогѣ къ Харькову 80 руб. и не можетъ добраться до мѣста своего назначенія. Совѣтъ выдалъ ему 35 руб. и взялъ отъ него расписку безъ всякаго поручительства въ уплатѣ. Единственнымъ документомъ кромѣ его расписки была копія съ подорожной, выданной форштмейстеру отъ главнокомандующаго въ С.-Петербургѣ Вязьмитинова. Получивъ эту небольшую сумму, Лундегрейнъ, повидимому, совершенно забылъ о ней. Тогда совѣтъ обратился съ жалобой на него въ кавказское губернское правленіе, которое, въ свою очередь, обратилось съ запросомъ о Лунденграйнѣ къ оберфорштмейстеру Новикову. Мы не знаемъ, каковъ былъ отвѣтъ этого послѣдняго и получилъ ли совѣтъ удовлетвореніе, но видимъ ясно, какъ могла быть чувствительна для общества потеря даже такой незначительной суммы, если совѣтъ и правитель дѣлъ такъ долго вели о ней переписку. Долго также велась переписка по поводу заемныхъ писемъ, представленныхъ въ общество для обеспеченія долга. Такъ подпоручикъ Сильвестръ Давыдовъ заложилъ обществу заемное письмо на 400 руб. поручика Марандаки, но совѣтъ не смотря на частые запросы и жалобы въ таврическое губернское правительство¹⁾ денегъ по заемному письму съ поручкой не получилъ. Таковъ же, кажется, былъ результатъ иска по заемному письму шт. капитана Хвостова, выданному имъ 13 февраля 1812 года срокомъ по ноябрю того же года капитану Ник. Давыдову. Этотъ, своего рода, учетъ векселей, кажется, менѣе всего удался обществу, которое при учетѣ удер-

¹⁾ А вѣ „Правленіе“, см. дѣло № 5, листъ 18 и др.

живало значительные проценты, но за то много теряло, не получая вовсе капитальной суммы. Впрочемъ такихъ случаевъ мы насчитаемъ всего 3. Гораздо легче производилась выдача ссудъ подъ залогъ вещей. Изъ нѣкоторыхъ указаній отчета можно заключить, что выдача эта производилась въ большихъ размѣрахъ, чѣмъ можно судить по уцѣлѣвшимъ документамъ. Въ дѣлѣ № 5 сохранилось только 2 расписки о закладѣ вещей губернского секретаря Ленскаго, 2 иностранца Алландера и 2 помѣщика Тебѣкина, отъ имени котораго заложилъ вещи какой то Токаренковъ, не пожелавшій возвратить ему залоговую квитанцію, на что Тебѣкинъ жаловался совѣту и взамѣнъ получилъ новую квитанцію. Иностранецъ же Алландеръ, получившій подъ залогъ вещей по первой квитанціи 500 руб., по 2-й—100 руб. учель кромѣ того 2 заемныхъ письма: одно на его имя выданное Выдринымъ, другое выданное Осипомъ Калиновскимъ на имя магистра Шумана. По обоимъ письмамъ пришлось начать взысканіе, которое, повидимому, привело къ благопріятнымъ результатамъ. Дѣло Алландера обращаетъ на себя вниманіе еще по резолюціямъ совѣта о выдачѣ денегъ. Такъ на первомъ прошеніи о выдачѣ подъ залогъ вещей стоитъ резолюція: „выдать 300 рублей—изъ капитальной суммы; 200 руб.—изъ демидовскихъ суммъ“. И такъ капиталу не хватало и приходилось брать ссуды изъ другихъ источниковъ. Въ случаѣ неуплаты—приходилось урѣзывать деньги, опредѣляемыя па содержаніе воспитанниковъ при гимназіи и на другіе расходы. Дѣла запутывались болѣе и болѣе и общество принуждено было вовсе прекратить свои финансовые операциіи. Послѣднія ссуды относятся къ 1816 году ¹⁾), хотя въ черновой донесенія министру полиції, писанной еще въ 1815 году, какъ мы видѣли, совѣтъ заявляетъ о необходимости прекратить выдачу денегъ взаймы вслѣдствіе неаккуратнаго поступленія взносовъ. И такъ общество потерпѣло и здѣсь фіаско. Въ сравненіи съ колоссальными кредитными операциіями нашего времени эта сторона дѣятельности нашего общества покажется читателю, навѣрное, ничтожной и мизерной, но мы позволимъ себѣ напомнить читателю, что и современ-

¹⁾ Подъ заемными письма, какъ болѣе надежные документы.

менные намъ банки, ворочающіе теперь огромными капиталами начинали свою дѣятельность съ крайне ничтожными капиталами. Только времена теперь другіе и всякая добрая иниціатива находитъ себѣ энергическую поддержку въ обществѣ¹⁾. А общество благотворенія преслѣдовало при томъ не одну, а нѣсколько слишкомъ широкихъ задачъ, исполнить которыхъ въ то время еще не было возможности. За нимъ осталась, по крайней мѣрѣ, та заслуга, что съ именемъ его навсегда связана память о воспитаніи мѣстного юношества²⁾ и объ учрежденіи первого женского учебнаго заведенія, имѣвшаго большое значеніе для всего юга Россіи.

В. Лапинъ.

¹⁾ Харьковскій городской банкъ началъ съ основы капиталомъ въ 10.000 рублей: черезъ 25 лѣтъ онъ ворочалъ миллионами.

²⁾ Въ дѣлѣ арх. дворян. депутат. собранія за № 15, Г. Ф. Квитка въ запискѣ о дѣятельности Общества благотворенія за 1812—1818 годы такъ опредѣляеть число воспитанниковъ, обучавшихся на счетъ Общества.

Изъ воспитанниковъ Общества благотворенія въ пансіонѣ при гимназіи опредѣлено въ военную службу 16, изъ которыхъ 7 эпикированы были на коштѣ Общества. Поступивъ въ студенты университета — 1 чл. Продолжаютъ ученіе — пять. Изъ дѣла Инст. Архива № 6 „О питомцахъ воспитывавшихся въ Слободско-украинской гимназіи на счетъ Общества благотворенія съ 1812 по 1816 годъ“ видно, что Совѣтъ въ 1813 году, извѣщая министра народного просвѣщенія объ учрежденіи института для 20 бѣдныхъ дѣвицъ, просилъ министра о дозвolenіи замѣщать воспитанниками Общества 5 ваканцій казеннокоштныхъ воспитанниковъ при гимназіи, но министръ графъ Алексѣй Разумовскій отвѣчалъ, что не находитъ нужнымъ оставлять эти ваканціи для воспитанниковъ Общества, такъ какъ на нихъ и безъ того много кандидатовъ. Изъ дѣла Инст. архива № 7, „о должныхъ Харьковскимъ Обществомъ благотворенія Харьковской гимназіи за бывшихъ въ оной воспитанниковъ 700 р. денегъ“ (на 85 листахъ) и изъ дѣлъ Архива харьковской 1-й гимназіи №№ 166, (1812 года) 202, (1813 г.), 19, (1814 г.), и 55, (1816 года), видно, какъ Обществу съ каждымъ годомъ становилось все труднѣе выплачивать гимназіи деньги за содержаніе воспитанниковъ. Уже въ 1820 году совѣтъ вовсе не находилъ средствъ для уплаты долговъ Общества Харьковской гимназіи за воспитанниковъ: Цебриковыхъ и Богуславскаго. Постоянныя жалобы на безденежье со стороны Совѣта, обратили, наконецъ на себя вниманіе правительства, которое предписало впослѣдствіи приказамъ общественнаго призрѣнія тѣхъ губерній, откуда родомъ были воспитанники, уплачивать содержаніе и обученіе ихъ въ Слободско-украинской гимназіи.

Очерки дореформенного быта въ Полтавскомъ Побережье.

Площадь Полтавского Побережья, орошаемая Днѣпромъ и его притоками, поросшая большими лѣсами, въ старые годы представляла большія удобства для хлѣбопашества. Пріятно было пахарю бросать сѣмена въ сырую землю съ увѣренностію, что трудъ его вознаградится сторицею. Среди обширнаго поля, сколько глазъ захватить раскинулся зеленый коверъ: цвѣты въ безпорядкѣ перемѣшали свои краски, слили воедино свой запахъ, стоятъ неподвижной стѣной; стада въ безпорядкѣ бродятъ, рога едва видны изъ зеленої травы, и только фырканье ретивыхъ коней, да изрѣдка ревъ быка, чующаго близкое присутствіе волка, давали знать о присутствіи стада. Въ полдень, когда стадо нестройной толпой пустится къ водопою, какихъ стройныхъ, тучныхъ животныхъ провожаетъ наблюдательный глазъ. Вдали послышался голосъ: чья это пѣсня раздается среди безмолвной степной тишины? Чумакъ затянулъ нескончаемо длинную пѣсню „Пугача“ и поетъ проходя безлюдныя степи; привольно ему тянуться, лежа, покачиваясь на своемъ громадномъ возу, покрытомъ сверху хорошо пропитанной дегтемъ кожей, и наполненномъ зернистой красной пшеницей или, при обратномъ движеніи отъ соляныхъ озеръ, дорогой тогда солью. Только эхо вторить его пѣснѣ. Степь, раздольная степь, не ты ли сложила эту пѣсню своему страннику чумаку?.. Скрипъ и стукъ колесъ слышится ближе и вслѣдъ затѣмъ протяжное „тиру“ водворяетъ тишину. Возы стали, пора чумакамъ ночевать, волы распряжены, тутъ же разбрелись по зеленої травѣ;

блеснуль у воза огонекъ и каша кипить въ казанъ. Привольно пасутся волы, обѣзденыхъ вѣтъ, штрафовъ никто не береть; покойно до самаго утра спятъ чумаки. Лишь солнце блеснетъ, опять заскрипѣли возы, и снова запѣль свою пѣсню „Пугача“ чумакъ, „гей, гей!“ изрѣдка покрикивая на воловъ.

Малороссійскій чумакъ совсѣмъ не то, что русскій извозчикъ, хотя цѣль ихъ одна и та же: свезти мѣстные продукты и мѣнять на иногородніе. Извозчикъ вель свое дѣло на лошадяхъ и хотя колесилъ во всѣ концы матушки Россіи, но шелъ всегда мѣстами людными, избиралъ трактовыя дороги, не бралъ съ собой никакихъ запасовъ, кроме мошны съ серебряными рублевиками. Онъ зналъ, что вездѣ по дворамъ найдетъ сѣно, овесъ и сытныя щи. Чумаку путь лежалъ изъ Малороссіи въ Крымъ; проходицъ онъ по безлюднымъ степямъ, нога за ногой, совершая три ходни въ лѣто къ солянымъ озерамъ, сбывъ соль, по возвращеніи на мѣсто, торговцамъ, зимовалъ дома, гдѣ ожидала его семья съ полнымъ запасомъ красной зернистой пшеницы и полновѣсной ржи и роскошь гречиха, вареники съ сыромъ, облитые масломъ, и ласка чорноокой козачки, и зимняя длинная ночь, и теплая хата, и мягкая пуховая подушка; а для воловъ пахучее сѣно, роскошная барда—награда за всѣ путевые лишенія.

Въ старые годы чуманство въ Малороссіи было въ большомъ развитіи. Вызвало его, главнымъ образомъ, отсутствіе же-лѣзныхъ дорогъ и изобиліе рогатаго скота. Въ то время въ Малороссіи сѣяли хлѣбныхъ злаковъ сравнительно очень мало во урожаи были обильные, сбыть хлѣба, несмотря на близость черноморскихъ портовъ, былъ затруднителенъ; дешевая продажа его на мѣстѣ не представляла никакихъ выгодъ для хлѣбопашца, а потому волей-неволей надо было искать другихъ доходныхъ источниковъ. Успѣшная хлѣбная торговля велась только лишь въ мѣстахъ, лежащихъ близъ Днѣпра. Отправка хлѣба по Днѣпру шла съ успѣхомъ въ верхъ, когда усиливался запросъ изъ Литвы. Сплавъ его внизъ затрудняли пороги, почему многие предпочитали отправлять хлѣбъ съ чумаками въ обѣзѣдъ пороговъ, ниже которыхъ устанавливали разѣзды въ Береславѣ и Ко-

хавкѣ, куда преимущественно и направляли свой путь чумаки, гдѣ, распродавъ хлѣбъ и махорку, въ то время въ изобилии производившуюся въ Малороссіи, шли дальше къ солянымъ озерамъ. Чумакствомъ занимались не только козаки, а даже и помѣщики снаряжали самостоятельно свои валки подъ управлениемъ довѣренныхъ лицъ изъ довѣренныхъ крѣпостныхъ.

Козаки и въ настоящее время во многомъ сохранили свои характерные черты и весьма рѣзко выдѣляются изъ общей среды. Солидарности между козаками и крестьянами никогда не существовало. Сословное преимущество козаки признавали, да и теперь признаютъ за собой; такъ напр. выдать дочь за крестьянина или взять невѣсту изъ крестьянской семьи допускалось только лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Чумаки преимущественно отвозили къ портамъ свой хлѣбъ и только при недостачѣ на всѣ партію брали „фуру“. Фурой называется кладь отъ другого лица. Въ старые годы были села, населеніе которыхъ все, безъ исключенія, занималось чумачествомъ, а велось это дѣло такъ: собирались валка возовъ въ тридцать—сорокъ; опытный чумакъ избирался ватагомъ, ему то поручались всѣ дѣла, относящіяся ко всей партіи такъ, что ватага имѣла право принимать въ свою партію кого ему угодно, решать продажу и покупку продукта, уславливаться въ цѣнѣ за извозъ, осматривать исправность возовъ и худобы и вель всѣ дорожніе расходы. Съ четырьмя парами воловъ легко управлялся одинъ рабочій. Въ такихъ селахъ считали плохимъ хозяиномъ того, кто не посыпалъ въ Крымъ по соль или на Донъ по рыбу хотя бы одну—две пары; но зато въ этихъ селахъ были и такие зажиточные съ предковъ богачи, что однимъ своимъ дворомъ собирали полную валку. Запѣли жаворонки—вѣстники весны и чумаки уже тянутся къ югу, на встрѣчу ему журавли, перекликнулись путники, счастливаго пути одинъ другому пожелали и безлюдная степь за зиму, не слыхавшая ни одного звука, снова огласилась пѣснею чумака. Легкая кладь на пару воловъ считалась въ пятьдесятъ пудовъ. Хорошіе волы везли обыкновенно шестьдесятъ—семьдесятъ пудовъ; а кто *кохався* *о худобѣ* и держалъ хорошихъ воловъ, тотъ клалъ и девяносто пудовъ

на пару, но тогда уже больше двухъ ходокъ въ лѣто не дѣлалъ. Хорошая и удачная ходка, когда волы не болѣютъ и хороши корма по пути приносила среднимъ числомъ въ одинъ оборотъ двадцать пять—тридцать рублей на пару, такимъ порядкомъ чумакъ имѣеть въ лѣто отъ пары воловъ за всѣми расходами семьдесятъ пять — девяносто рублей, причемъ еще иногда имѣли возможность дома *тидзгоратысь*.

Козакъ на Побережье, такъ зовется приднѣпровская мѣстность,—всего имѣеть у себя полную чашу: хлѣба у него полные закрома. *Срибни карбованци и червинци скрыню ломали*; коровы даютъ молоко, жирныя свиньи не только для домашняго обихода, но и для продажи снабжали претолстѣйшимъ саломъ; а въ борщи *заевжде кыптыть курка*. Дѣйствительно, козаки всегда имѣли у себя чисто и вкусно приготовленную пищу: молочная каша, вареники, а на вечерю непремѣнно *гречани галушки съ саломъ*, а въ постный день—„*звари мени, жинко, чабака*“.

Кромѣ птицы, употребляли баранину и свинину, говядины тогда не бѣли. Чумаки смотрѣли на вола, какъ на своего друга, сотрудника. Онъ дѣлить съ нимъ всѣ невзгоды во время пути и наслаждаться роскошью зимней стоянки у себя дома, гдѣ такъ тепло и уютно. Даже при несчастіи, когда быкъ сломаетъ ногу или получить другое какоеувѣчье, и тогда чумакъ не подыметъ руки на своего друга вола и со слезами сдается его торговцу. Вслѣдствіе хорошаго довольства, козакъ, несмотря на тяжелую, трудовую жизнь, не скоро старѣется и даже въ немолодые годы имѣеть привлекательный видъ. И потому среди сельскаго населенія всегда легко отличить козачку не только по ея богатому наряду, но и по привлекательному типу: роскошная черная коса и бѣлое лицо, и полныя груди и даже рука подъ развитиемъ усиленнаго физическаго труда не получила той неправильной и грубой формы, какимъ отличается крестьянка при своемъ среднемъ довольствѣ.

Козакъ Побережья щеголеватѣй козака отдаленныхъ мѣстъ. Высокія чорныя или сивыя смушковыя шапки даже въ лѣтнюю пору замѣняются соломенными или войлочными брылами лишь только въ рабочіе дни: въ праздники же, идя въ церковь, не-

пременно одѣваетъ смушковую шапку, жупанъ синяго тонкаго сукна, широкіе китайковые штаны, хорошо смазанные леѣтъ чоботы, червоная стежка и червоный поясъ завершали роскошь наряда. Козачка обувала непремѣнно сальянци; подолъ бѣлой тонкой сорочки, вышитой гладью, всегда видѣнъ изъ подъ роскошной шелковой или гарусной плахты; смотря по времени, байковая, или ситцевая юбка обхватываетъ стройный станъ; на шей—дорогіе мониста, золотые и срибни дукачи, а чорная ко-са такъ перевита лентами всѣхъ цвѣтовъ, что не видно даже волосъ.

Взрослые сыновья и даже женатые только въ исключи-тельныхъ случаяхъ отдавались отъ семействъ и жили самосто-ятельно; преимущественно же до смерти отца жили всѣ вмѣстѣ, работая на одно хозяйство. Свадебные обряды совершились, какъ и теперь, со всѣми общепринятыми обычаями старины; часто бывало такъ, что невѣста подаетъ слово, не видѣвшіи своего жениха, причемъ старости обмѣниваютъ хлѣбъ и тогда только знакомили жениха съ невѣстой. Безъ *старости* не обходилось дѣло даже тогда, когда невѣста давно намѣтила себѣ суженаго и совершенно съ нимъ говорилась. За обмѣномъ хлѣба слѣду-ютъ *розиядны*: родные невѣсты єдутъ къ жениху и при обыч-ныхъ угощеніяхъ водятъ сватовъ по амбарамъ и коморамъ, по-казываютъ имъ свое трудомъ нажитое добро: волы, возы, скры-ни, одежду и все хозяйство. Затѣтъ старости вновь являлись къ невѣстѣ, съ ними и женихъ. Жениху и невѣстѣ представляли полную свободу для знакомства, а старости хлопотали о выда-чѣ *рушиниковъ*. Когда невѣста повяжетъ *старости* рушниками, тогда дѣло считается безповоротно рѣшеннымъ. Начинаются сго-воры на счетъ подарковъ отъ жениха отцу и матери невѣсты, а о приданномъ ничего не говорятъ. Во время свадебнаго празд-нованія, уже тогда, когда женихъ забиралъ къ себѣ невѣсту, отецъ и мать дарили дочь, чѣмъ сами знали, а скрыня и одеж-да сдавалась дочери еще до вѣнца. По окончаніи сговоровъ назначали день вѣнчанья и свадьбы. Послѣ чего женихъ соби-ралъ человѣкъ двѣнадцать бояръ изъ молодежи. Старшій боя-ринъ, кромѣ хустки, въ отличие отъ другихъ, получалъ бантъ

на грудь, а жениху невѣста пришивала его на шапкѣ, и вотъ вся партія стройно, верхами на лошадяхъ, отправлялась созывать на свадьбу родныхъ и добрыхъ знакомыхъ; а невѣста съ своей стороны сначала шла звать подругъ въ дружки, а затѣмъ уже, когда собираетъ ихъ большую партію, съ пѣснями обходила все село, всѣмъ встрѣчнымъ кланяясь, роднымъ и знакомымъ дарила фигурно испеченный хлѣбъ „шишки“ и приглашала на коровай. Горѣлка, медъ, варенуха приготовлялись заблаговременно цѣлыми бочками; музыка въ двѣ скрипки съ бубной развлекали молодежь. Такъ какъ свадьбы обыкновенно совершаются въ свободное отъ полевыхъ работъ время, то пиршества иногда продолжались нѣсколько дней сряду: сначала у невѣсты, а потомъѣхали всѣ къ молодому. Если невѣсту брали въ другое селеніе, то парубки задерживали молодыхъ при выѣздѣ изъ села и брали съ нихъ выкупъ горѣлкою, что и называлось „пропить молодую“.

Въ зимнее время, кромѣ ухода за домашними животными, по деревнямъ работъ никакихъ не бывало, развѣ кто думалъ строиться, надо подготовить лѣсныхъ материаловъ, либо состроить плужокъ, борону, изукрасить рѣзьбой ярмо на сѣрыхъ рогатыхъ и только. Женщины преимущественно пряли нитки и занимались ткацтвомъ. По вечерамъ дѣвушки собирались на *вечерныци*. Здѣсь то на *вечерныциахъ* молодежь занималась и веселилась отъ души. Пѣсни, разсказы про старое отдаленное время составляли главное развлеченіе, подъ часъ бубень и скрипка вызывали молодцовъ пойти въ присядку, но это только въ праздники, когда дѣвушки не заняты пряжей и всѣ свободны. Подсолнухи—лучшій десертъ, каждая имѣла у себя полную пазуху и съ доброхотствомъ угощала ими *парубковъ*. Всѣ участники собранія приносили хозяйкѣ что либо стѣстное: сала, гречневой муки, пшена, соли, десятка яицъ, а то такъ и *курку*. Захватить безъ вѣдома матери и такимъ порядкомъ составляли довольно сытный ужинъ. Парубки покупали горилку и тогда уже подъ музыку лихого скрипача шла разудалая пляска, и кружились головы молодыхъ дивчинъ.

Въ старые годы козакъ отличался радушіемъ и гостепрі-
имствомъ. Онъ всегда радъ былъ принять у себя не только сво-
его односельчанина, но и совершенно незнакомаго ему чуже-
страннаго путника: накормить, напоить его и конямъ задастъ
въ волю овса и сѣна. Въ Малороссіи всегда бывало много за-
хожихъ людей. Богъ вѣсть откуда, переходили они изъ села въ
село, носили съ собой срисованные виды Афонской горы и проч.
Ерусалимскихъ рѣдкостей, крестики, кольца, образки и все это
роздавали даромъ благодушнымъ хозяевамъ, напрощанье снаб-
жавшимъ гостя и холстами, и деньгами, и разными яствами.
Старцы, лирники и бандуристы переходили изъ села въ село.
Ихъ пѣсни, ихъ разсказы про старое время, когда еще Сѣчъ
существовала, коротали длинные зимніе вечера и развлекали не
одну заслушавшуюся семью. Я помню, съ какимъ бывало не-
терпѣніемъ и въ нашей семье ожидали прихода Іуды Искарі-
отскаго, а наша семья дворянская, къ намъ уже пробился свѣтъ
науки, у насъ были учителя семинаристы, много книгъ, въ чис-
лѣ коихъ Конекъ-Горбунекъ, по своему интересу занималъ самое
видное мѣсто. Іуда всегда появлялся въ нашихъ мѣстахъ въ од-
но время, около Кузьмина дня, и всегда въ вечернихъ сумер-
кахъ, когда уже самоваръ стоитъ на столѣ, когда всѣ мы соб-
рались къ круглому столу, а нагорѣвшая сальная свѣча тускло
освѣщала комнату, и вдругъ съ коридора дверь отворяется и
на порогѣ ея высокая исхудалая фигура. Матушка всматривает-
ся: „О! и Іуда явился!“ мы всѣ вскакиваемъ изъ за стола и
окружаемъ его. Онъ не успѣваетъ отвѣтить на наши вопросы.
Его усаживаютъ тутъ же за столъ и онъ, обогрѣвшись чашкой
горячаго чая, начинаетъ свои повѣствованія. Здѣсь и Еруса-
лимъ, здѣсь и Афонъ—да словомъ предъ нами развертывалось
все. Съ какимъ интересомъ до поздней ночи мы всѣ слушали
его разсказы! Ему отводили особую въ домѣ комнату и онъ ухо-
дилъ; но мы все еще полны интереса не успокаивались. Намъ
хотѣлось видѣть его вериги, какъ онъ препоясываясь ремнями
и изнуряя и безъ того свое тощее исхудалое тѣло. Для чего
это онъ дѣлаетъ? Намъ говорили, что это святой человѣкъ, и
мы этому вѣрили безусловно. Іуда Искаріотскій мнѣ особенно

нравился, я даже мечталъ о томъ, какъ хорошо сдѣлаться странникомъ, съ посохомъ въ рукахъ обойти весь свѣтъ, побывать на Афонѣ, который я считалъ тогда крайнимъ предѣломъ нашей планеты, но время, ненасытное время, съѣло мои младенческіе мечты, показавъ другія картины, иныхъ людей, дало мысли иное направленіе, оставляя въ сторонѣ и Афонъ и Іуду съ его веригами и все, что такъ тѣшило тогда мое воображеніе.

Хорошій и умный священникъ среди сельскаго козачьяго населенія, катался какъ сыръ въ маслѣ: зажиточные хозяева устраивали у себя въ зимнее время бесѣды и зазывали священника съ причтомъ и послѣ обычной молитвы шло угощеніе, а при прощаніи одѣляли священника и причтъ всѣмъ, чего пожелаетъ душа. Вирочемъ, тогда, всѣ безъ исключенія смотрѣли на козака, какъ на дойную корову, и небыло судейскаго паныча, который бы при случай чѣмъ либо не поживился отъ него. Козаки тогда подчинялись волостямъ, которыя въ свою очередь отчетовались за свою дѣятельность окружнымъ начальникамъ. Полиція также имѣла долю своего права, но весьма незначительную. Львиная доля лакомства принадлежала окружнымъ начальникамъ; лакомства эти были настолько значительны, что окружные начальники, несмотря на малые оклады жалованья, жили съ полною роскошью. Козачки простачки и сами безъ всякаго вымогательства любили ублаготворять свое начальство, даже не будучи въ чемъ предѣ ними повинны. Поздравить начальника съ праздникомъ, входило въ обычный порядокъ, какъ равно и съ окончаніемъ своего чумацкаго дѣла: гляди, несетъ начальнику полный годовой запасъ. Да были и между начальниками люди лихіе, на всѣ лады изощрялись, какъ бы побольше взять, и хитри не хитри козакъ, а подавай осетра.

Въ старые годы, когда еще не такъ густо было населеніе, простую, но какую прелестную картину представляло собой каждое козачье селеніе! Дворы огорожены, за ними обширныя левады, гдѣ привольно пасутся дойныя коровы, направо огороды и сады. Взгляните на хату: бѣлая, свѣтлая, чиста и опрятна внутри и снаружи, стоитъ она среди прочихъ построекъ, какъ грибомъ, окутанная совсѣхъ сторонъ зеленью роскошныхъ

вѣковыхъ осокоровъ, серебристыхъ тополей, за которыми раскинулись густою зеленью вишни, сливы и другія фруктовыя деревья; дальше огорода, въ которомъ хотя и не найдете культурныхъ растеній въ родѣ спаржи и цветной капусты, но зато все необходимое въ отличнѣйшемъ видѣ. Глядя на эти прекрасные огороды, сады, левады, уютно расположенные избы, зимой манящія своей несомнѣнной теплотой и радушіемъ хозяевъ, а лѣтомъ прохладой въ тѣни густой листвы деревъ, невольно думается: здѣсь ли не культура, здѣсь ли не та правильная, роскошная жизнь, гдѣ нѣтъ ни суеты, ни лести, ни обмана. Не это-ль тотъ священный уголокъ, гдѣ могъ бы всякъ съ своей разбитой жизнью найти привѣтъ и вдохновеніе, гдѣ могъ бы отдохнуть всякъ, оставившій всею черты этого уголка всю пустоту праздной и безтолковой свѣтской жизни! И это такъ хорошо и прочно на много лѣтъ устроился тотъ самый козакъ, которого въ лѣтнюю пору вамъ часто приходилось видѣть въ его чумацкомъ до невозможности грязномъ костюмѣ, а зимой въ кожухѣ бѣлѣ снѣга, опущенномъ дорогими сѣрыми смушками, и черной смушевой шапки. Смотрите, любуетесь и глазамъ невѣрите, когда это онъ могъ такъ себя очепурить. Ждеть его, недождется черноокая,—любящая жена: Уже и бѣлая тонкая сорочка готова, и китайковые штаны, и полный шапликъ согрѣтой воды для купанья, настоящей барвинкомъ, васильками и душистымъ чебрецомъ, и бѣлыя, мягкія подушки, и теплый претеплый листникъ, и сама, полная страсти, давно уже жданнаго бредитъ во снѣ, „а его нима, тай нема! чы вилы похорили, чы возы не насправи!... Колы ие у вечери: „птиру“!... стала волы. Заскрытии ворота, гей-гей!... помоленьку возы щокотятъ, зоставылы двирѣ“.

Козакъ всегда любилъ и сознавалъ необходимость грамоты; но по недостатку школъ немногіе могли воспользоваться наукой у сельскаго дьяка, который самъ по своей малограмотности и неумѣнію преподавать, немногихъ выучивалъ читать псалтырь, а писать почти никого. Но зато школляръ, зазубрившій отъ слова до слова псалтырь, пріобрѣталъ себѣ въ семье особое благоволеніе, а въ обществѣ почетъ, особенно когда имѣлъ

достаточно смѣлости и выходилъ въ церкви читать апостола. Книгъ для народнаго чтенія, кромѣ церковныхъ, тогда несуществовало. „Бова Королевичъ и Соловей Разбойникъ“ непредставляли для малоросса интереснаго чтенія; кромѣ того, что они писаны на рускомъ языкѣ, малороссийскій народъ имѣть въ своемъ прошломъ много несказочныхъ богатырей, а истыхъ героеvъ, слава о которыхъ за недавностію ихъ подвиговъ съ достовѣрностію передавалась въ разсказахъ и пѣсняхъ кобзарями. Рассказы эти съ особеннымъ интересомъ выслушивались молодежью, и часто на вечирнцахъ смолкалъ не только говоръ и смѣхъ, но даже шумъ веретенъ, и водворялась тишина, среди которой раздаются звуки кобзы и воспѣвается слава Наливайки и другихъ героевъ старины. И въ старые годы ученыхъ кобзарей не много было на Украинѣ, а теперь уже они и подавно перебились. И хотя часто приходится на сельскихъ ярмаркахъ встрѣтить пѣлую араву слѣпцовъ, поющихъ пѣсни и наигривающихъ на кобзѣ и бандурѣ, но весь ихъ репертуаръ состоитъ изъ пѣсенъ лирическихъ, гдѣ преимущественно воспѣвается убогій Лазарь. Кобзарь по профессіи совсѣмъ не то, что кобзарь по призванію. Ихъ музыка, ихъ пѣсни обратились для потомства въ науку. Истому кобзарю ненадо было ничего, кромѣ кобзы, съ ней онъ проходилъ всю Украину, съ ней онъ шагалъ по безлюднымъ Херсонскимъ степямъ къ Днѣпровскимъ порогамъ, и гдѣ только была горсть малороссийскаго народа, вездѣ его пѣсня вызывала слезы, вездѣ ему привѣтъ и сытный обѣдъ, а что дороже для поэта,—его душевная потребность удовлетворена. Какая радость для чумака, когда его валка остановилась на иочлегѣ, волы разбрелись по роскошной травѣ и среди мертвящей степной тишины вдругъ неожиданно раздаются звуки кобзы и пѣсня кобзара! Сотни лѣтъ минули съ той поры, какъ Наливайко на своемъ добромъ конѣ съ сотнею лихихъ запорожцевъ по этимъ степямъ гналъ татаршу, и вотъ эта степь слушаетъ пѣсню славы его; а чумаки вокругъ огнища сидѣть, пріуныли: и козанокъ уже кипитъ, и галушки пора саломъ затопить и посолыты, а никто съ мыста не трогается, боятся помѣшать кобзарю. И невольно идетъ имъ на мысль дума: врема,

куда ты ушло?... зачѣмъ унесло съ собой нашу привольную жизнь предковскую, когда небыло ни стряпчого, що жинка его любитъ осятра, ни судыи, ни подсудка. Ухъ! стара-старына, за тобою жалкуемъ, а може тоди ще ишии було!

Не только села отличаются роскошью, хутора также красиво раскинулись по обширнымъ полямъ, также тщательно окутаны вишневыми садами, такие же прекрасные огороды и бѣлыя, аккуратно отстроенные хаты. Но жизнь хуторянина болѣе однобразна. Занятый хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ, онъ окружены царствомъ животныхъ и пернатыхъ, требующихъ постоянного ухода, и потому у него нѣтъ времени для чумацкаго промысла. Однокая хуторская жизнь сдѣлала его угрюмымъ, наобщительнымъ и сосредоточеннымъ въ самомъ себѣ. Онъ имѣлъ въ своемъ хозяйствѣ все необходимое для продовольствія и одежи и покупалъ только лишь предметы роскоши, для чего самъ, когда и отправлялся въ городъ совмѣстно съ женой, то наровилъ непремѣнно къ вечеру возвратиться домой. Жизнь хуторской молодежи тоже далеко уже не та. Хуторокъ въ тричетыре хаты не собирается *вечерныи*, и если дѣвушки когда собираются на *посыденыки*, тамъ уже нѣтъ ни кобзаря, ни скрипача самоучки, да и все собраніе почти свою семью или близкая родня.

Въ общемъ семейная жизнь козака всегда была хороша. Конечно, тамъ, гдѣ вѣчный недостатокъ, гдѣ душа и весь человѣческія проявленія огрубѣли, тамъ эстетическое чувство не имѣть мѣста, тамъ ссора и грубое обращеніе. Жена въ такой семьѣ страдалица; но такихъ семействъ въ старые годы среди козачьаго сословія было не много. Въ большинствѣ жена козака въ своей семьѣ являлась такимъ же равноправнымъ членомъ, какъ и мужъ. Въ такихъ семействахъ трудъ распредѣлялся равномѣрно и никогда одинъ другого не понуждалъ выполнять свои обязанности, всякъ зналъ свое дѣло и съ гордостію хвалился успѣшнымъ его результатомъ. Мужъ уходитъ на все лѣто чумаковать. Жена остается одна при семье, гдѣ она занимаетъ первое мѣсто и ведеть мужнее дѣло; всѣ ей подчиняются и знаютъ порядокъ, даже и мужъ, возвращаясь къ зимѣ домовать,

не вмѣшиваются въ ея дѣла и знаетъ только волы, да возы, да такъ кое-что поисправить: гдѣ ветхая крыша, плетень повалился, борона или плугъ не исправенъ, а все остальное дѣло жены. За ней весь порядокъ.

Самое близкое и родственное казакамъ сословіе—это казенные или государственные крестьяне. Между ними вся разница заключалась въ томъ только, что первые были родовые владѣльцы и имѣли собственные угодья, вторые жили на государственныхъ земляхъ, равномѣрно, хотя неправильно, обложенныхъ платежами. Образъ жизни ихъ и занятія одни и тѣ же. Здѣсь не было той сословной разницы, какая существовала между козаками и помѣщичими крестьянами. Это были два сословія, почти слившіяся въ одно. Они находились подъ однімъ и тѣмъ же управлѣніемъ волости и окружныхъ начальниковъ, равномѣрно распредѣляли между собой свои общественные расходы, и только воинскую повинность каждое сословіе отбывало само за себя. За ними слѣдуютъ монастырскіе крестьяне. Это было такое же захудалое сословіе, какъ и помѣщичи крестьяне, только лишь съ отпечаткомъ кротости и смиренія. Монастырскіе крестьяне пополняли собой контингентъ странниковъ. Изъ ихъ среди являлись и Гуды Искаріотскіе, и другіе мнимо Ерусалимскіе поломники. Многіе изъ нихъ учились славянскому письму и были хорошо грамотны. Они жили на монастырскихъ земляхъ и свято выполняли всѣ требованія своихъ настоятелей.

Самое видное мѣсто въ кругу мѣстныхъ сословій, конечно, принадлежало дворянину-помѣщику. Но такъ какъ жизнь крестьянина во время крѣпостного права являлась результатомъ того, чѣмъ былъ для него владѣлецъ, то ихъ прошлое, состоя въ тѣсной связи, представляетъ одну общую картину. Ихъ нельзя раздѣлять. Они тогда только обрисуются рельефно на тускломъ фонѣ своего прошедшаго, когда будутъ стоять рука объ руку.

Дворянинъ-помѣщикъ, владѣлецъ крѣпостныхъ душъ, всегда представлялъ собою что-то чуждое духу Малороссіи, привитое ей извнѣ, а не выработанное условіями ея прошлой жизни

и потому плохо гармонировавшее съ ея мирнымъ, благодушнымъ бытомъ. Какъ явленіе наносное, дворянство такъ и не успѣло органически слиться съ общимъ строемъ народной жизни въ странѣ. Вотъ почему, при всѣхъ удобствахъ своего привилегированного положенія, не смотря на столѣтнее почти существованіе въ Малороссіи крѣпостного права, дворянинъ не съумѣлъ упрочить своего благосостоянія, и хотя казалось, что дворянство глубоко пустило свои корни, а въ концѣ концовъ очутились они на самой поверхности, и дворянинъ бѣжитъ безъ оглядки, оставляя прекрасныя поля, луга и все, что такъ долго называлъ своимъ родовымъ, сдаетъ его дѣйствительнымъ наследникамъ и приходитъ къ убѣждѣнію, что это все не его родовое, что онъ владѣлъ имъ какъ опекунъ, а теперь, при запутанности счетовъ, взимаетъ послѣднюю контрибуцію и уходить, Богъ вѣсть куда, затирается среди общей массы и превращается въ пролетаріи.

Въ старые годы имущественный цензъ помѣщика опредѣляли не землей, а числомъ ревизскихъ душъ. Сто ревизскихъ душъ при выборахъ давали право самостоятельного голоса и причисляли къ рангу великопомѣстныхъ, почему многіе стремились укрѣпить за собой возможно большее число ревизскихъ душъ, хотябы даже и не соотвѣтственное имѣющемуся числу десятинъ земли. Оказывалось, что такие помѣщики не въ состояніи были удовлетворять нуждъ своихъ крѣпостныхъ, и будучи окружены бѣднѣйшими, тяготились ими и, не разбирая средствъ принимали мѣры къ тому, чтобы выжать съ нихъ всѣ соки. Недовольствія росли, и переполненная чаша разливалась, образуя лужи всѣхъ видовъ и формъ. Для большинства крестьянъ единственной исходной точкой представлялось бѣгство; а какъ въ то время въ Херсонской и Екатеринославской губерніи можно было селиться всѣмъ, то многіе, оставляя свои семейства на попеченіе владѣльца, уходили туда навсегда, гдѣ вторично женились и приписывались къ обществамъ. Бѣглыхъ изъ ревизіи не вычеркивали, государственные сборы числились на нихъ въ недоимкѣ и лежали на отвѣтственности владѣльца, который, хотя съ потугами, но все же вносилъ ихъ въ казначейство и тѣмъ

удерживалъ за собой право самостоятельного голоса. Между тѣмъ осиротѣла семья бѣднѣла: изба безъ ремонтировки валилась на бокъ, окна у самой земли, крыша вся въ дырахъ, во-кругъ избы ни стожка хлѣба, ни сарая, ни овцы, ни даже свиньи, такого необходимаго и заурядного животнаго въ каждомъ крестьянскомъ хозяйствѣ. И сколько такихъ избъ среди неприглядной деревушки, а въ концѣ ея и самая помѣщичья усадьба красуется лишь только крышею барскаго дома, все же прочее, какъ говорила пословица того времени, „сдано воробьемъ въ аренду“, и самая деревня въ насмѣшку прозвана Голодрабовкой.

Всѣ службы при усадьбѣ въ разоренномъ состояніи: тамъ вывалилась стѣнка, тамъ въ полулежащемъ положеніи болтается повисшая на одной петлѣ дверь, жилые постройки для прислузы съ разбитыми стеклами въ оконныхъ рамахъ, борзыя собаки свободно прогуливаются въ нихъ, прыгая изъ окна въ окно; здѣсь онѣ иногда, захваченная у самого очага барской поварни и напуганныя рогачемъ въ рукахъ грязнаго повара, застрявъ головой въ разбитомъ окнѣ, выносятъ его на своихъ шеяхъ вмѣстѣ съ рамой. Эта безъискусственная вентиляція способствовала къ тому, что въ избахъ всегда стояла прекрасная атмосфера, не смотря на скопленіе въ нихъ народа, и что неопрятныя кухарки освобождали лохань отъ помоеvъ только тогда, когда она переполнится крысами и первые несчастливцы начнутъ уже показывать свои полуоблѣзшія мордочки. Заборы полуразрушены, ходы вездѣ открыты: гуси, свиньи и проч. домашняя живность безпрепятственно прогуливается въ саду и огородѣ; ихъ никто не выгоняетъ, развѣ баринъ иногда, ради потѣхи своей, запустить зарядъ картечью въ свиней или хватить по гусямъ, а подъ часъ прикажетъ спустить стаю гончихъ и, разсерженный нахальствомъ своихъ же собственныхъ голодныхъ животныхъ, задастъ имъ такую травлю, что даже сосѣдямъ въ зависть. Въ такихъ дворахъ прислуза всегда заспанная, неумытая; никто не заставлялъ ее ничего дѣлать, никогда имъ не давали ни обуви, ни бѣлья. Обо всемъ они помышляли сами и раздѣбывали необходимое по козачьимъ селамъ, куда

цѣлыми ватагами отправлялись ночью для поживы. Лошади, волы, коровы, если они имѣлись, находились въ самомъ тощемъ и изнуренномъ видѣ; возы съ блистающими люшнями и не смазанными колесами скрипомъ своимъ раздирали душу; плуги и вся другія земледѣльческія орудія разстроены до невозможности; упряжь разорвана, экипажъ увязанъ веревочками, брязгъ разбитыхъ его колесъ слышенъ далеко, а понуканье и возгласы кучера, усердно хлеставшаго изнуренныхъ животныхъ кнутомъ, схожи съ заунывною пѣснею сыча. И кучеръ, и форейторъ, и Ванька лакей, стоящій на запяткахъ, и самъ баринъ, сидя въ коляски и покуривая сигару, думаютъ и никакъ всѣ сообща не могутъ додуматься, отчего это у нихъ кони худы и нехотятъ бѣжать, не смотря на то, что юдуть же они домой, а известно, животное по своему инстинкту, всегда съ охотой возвращается къ привычному стойлу,—думаютъ и общимъ совѣтомъ рѣшаютъ: вѣрно, пора имъ насосы сколоть, и завтра же опредѣляютъ назвать коновала.

Между тѣмъ на утро выдался славный осенний денекъ, ночью немного дождь приросилъ; во дворѣ всѣ засуетились, ожили въ ожиданіи хорошей травы русака, и только баринъ сердито покрикиваетъ на служанку, суетливо ухаживающую за самоваромъ и не смотря на то, что вечеромъ, украдкой отъ супруги, ласково трепалъ ее по плечу и что-то любезно напечтывалъ, теперь мечеть на нее грозные взгляды и помахиваетъ плетью, будто готовится прищелкнуть русака, отъ страха дрожащаго на своей лежки. Но вотъ самоваръ готовъ, баринъ наскоро выпиваетъ два стакана чая, выходитъ на крыльцо и въ ожиданіи, пока дворня переловить голодную стаю псовъ, обрѣтаетъ сигару и курить. Ванька лакей, форейторъ Гришка, обладающій ловкостью, не вставая съ коня, отыматъ у псовъ звѣря, уже сидя на клячахъ, щеголяющихъ одна передъ другой своей худобой; а въ это время на гумнѣ идетъ молотьба, молотники усердствуютъ и съ нетерпѣнiemъ погладываютъ, скоро ли вся эта стая псовъ очутится въ полѣ, откуда глазъ не увидитъ, какъ они будутъ таскать барскіе мѣшки хлѣба по своимъ дворамъ.

Женское хозяйство велось немного получше. Барыни отъ нечего дѣлать таки преизрядно всѣхъ пробираютъ и, правду сказать, не жалѣютъ руку и, коли замѣтятъ непорядокъ, одолжить незабудутъ. Зато жъ и наливки на славу, и вкусные пирожки съ сыромъ, и въ домѣ порядокъ, и кошки и болонки въ такомъ опрятномъ видѣ, что даже Грунѣ въ зависть, а вѣдь Груня любимица. А изъ кухонной прислуги никто и подумать не смѣеть о той роскоши, какой пользуются всѣ комнатныя собачки.

Днѣпровское Побережье, имѣть самую разнообразную почву. Здѣсь прекрасные заливные луга съ зарослями, и супесокъ черноземный; здѣсь и озера, полные рыбы и дичи, и лѣсъ, а за лѣсомъ потянулись черноземныя поля. На право Днѣпра, а на лѣво Сула, Пселъ, Ворскла съ безчисленнымъ множествомъ большихъ и малыхъ притоковъ. Какое обиліе влаги—роскошь для пахаря! Но такъ какъ помѣщикамъ того времени вовсе было не до хозяйства, то и въ этой прекрасной мѣстности оно велось беспорядочно, не только безъ всякихъ научныхъ приложений, но даже безъ всякой системы, и только винокуреніе, какъ коммерческое дѣло, обращало вниманіе хозяевъ. Правительственные мѣропріятія и участіе его въ барышахъ отъ этого дѣла въ нѣкоторой степени побуждали владѣльцевъ заводовъ къ ихъ упорядоченію; но главнымъ образомъ помѣщики обращали вниманіе на винокуреніе потому, что тогда существовала откупная система. Хотя винокуренные заводы платили въ пользу откупа акцизъ, но продажа неоплаченного акцизомъ вина была настолько выгодна, что всѣ владѣльцы заводовъ старались сдѣлать возможно большій выпускъ неоплаченного вина и размѣстить его тайно по шинкамъ. На этой дѣятельности помѣщики до того изощряли свое искусство, что никакой жидъ, контролирующій заводы, не въ состояніи былъ охранить интересы своихъ довѣрителей, и помѣщики винокуры—одинъ передъ другимъ щеголяли своими подвигами и такъ ловко крали свое собственное вино, что заводъ, дѣйствующій всю зиму, давалъ въ пользу акциза самое ничтожное количество водки, вмѣсто которой получали только чвири, а водка уходила Богъ вѣдаетъ куда. Это

пріятное и небезполезное развлечениe многимъ нравилось, что заводы росли какъ грибы; въ воровствѣ преусибвали всѣ и до того имъ тщеславились, что наконецъ слово кража сдѣлалось на столько же обыкновеннымъ, какъ всякая настольная книга въ видѣ альбома съ изображеніями на первой страницѣ двухъ цѣлующихся голубковъ.

Помѣщикъ обкрадывалъ откупъ, крестьянинъ обкрадывалъ помѣщика, и въ то время, когда жидъ удивлялся, какъ это въ бочкахъ нѣтъ горѣлки, помѣщикъ, въ свою очередь, удивлялся и негодовалъ на своего приказчика, какъ это вмѣсто зерна получалась одна полова, несмотря на то, что урожай былъ хорошъ.

„Та вено, бачыте, добротно, тилько вельже поросло, а толку мало!.. та ще покрутыло, выляло, солома пухла, черезъ те и зерна дастъ Богъ!“

Баринъ уже начиналъ сердиться: не сдобровать приказчику! Но приказчикъ въ это время начинаетъ всматриваться въ даль: присядеть, рукой заслонить солнце, смотритъ, смотритъ и, наконецъ, въ восторгѣ вскрикиваетъ: *„вояж!.. ей же Богу вояж! оно-но-но побравсь до болота!“* Баринъ напрягаетъ зрѣніе, смотритъ, рукою во лбу на глаза, видить, что то действительно перевалило черезъ бугорокъ и въ лощинѣ скрылось. И живо картина преобразилась: вся дворня уже на коняхъ, собаки на сворахъ, приказчикъ самъ суетится около барскаго коня, еще минута, и вся ватага понеслась по направленію къ мѣсту, гдѣ виденъ былъ будто бы волкъ; а приказчикъ покрутилъ свой усъ, заложилъ его за ухо, надвинулъ шапку на глаза и пошелъ, усмѣхаясь, въ амбаръ, гдѣ происходила какая то не-неспѣшнаа работа.

Жизнь въ то время такъ мало требовала расходовъ, что всякий помѣщикъ, какъ ни были ограничены его доходы могъ обходиться своимъ, некупленымъ: рабочихъ силь сколько угодно; сады, огороды снабжали всѣмъ необходимымъ, птицы и всякой живности ѿшь, сколько хочешь, закуски разныхъ сортовъ, наливки и все домашняго приготовленія; портные, сапожники свои; словомъ, баринъ обутъ и одѣтъ съ ногъ до головы. Экипажъ нуженъ,—смастерять свои столяры и кузнецы, а коней

такихъ лихихъ можно подобрать изъ своего же табуна, что хоть изъ пекла вынесутъ. Поэтому то только помѣщики, ведя свои дѣла съ полнѣйшею нѣакуратностію, могли такъ долго держаться. Что хлѣбопашество не приносило имъ доходовъ, а велось въ ущербъ, видно изъ слѣдующаго процесса его производства: по уборкѣ хлѣбъ свозили въ скирды на гумно, гдѣ, случалось, оставляли до той поры, пока мыши, сѣвъ хлѣбъ, разваливали скирды, затѣмъ скирды вывозили вонъ, даже не размышиля, для чего велась вся эта процедура; или, перемолотивъ хлѣбъ, засыпаютъ его въ ямы. Хлѣбныя ямы бутылкообразной формы обжигали, затѣмъ бока середины устилали тонкимъ слоемъ соломы и, насыпавъ зерномъ, закрывали. Конечно, хлѣбъ прощадалъ, а вмѣстѣ съ нимъ и весь трудъ по производству работъ. Привольная барская жизнь отодвигала на второй планъ всѣ хозяйскія заботы, и помѣщики, утопая въ довольствіи и роскоши, не провѣрять никогда своихъ счетовъ, не знать до послѣдней минуты своего рокового дня, въ который стукнуль молотокъ, и все кубаремъ свалилось и полетѣло въ преисподнюю. Впрочемъ, въ семье не безъ урода: были и такие скопидомы, у которыхъ разнаго добра ни перечесть, ни на ста подводахъ не перевезть. Какими путями оно наживалось, просто, Богъ вѣдаетъ, но только у такихъ помѣщиковъ крестьяне были еще въ болѣе жалкомъ состояніи. У нихъ не стояли мельницы бокомъ и дырявыхъ крышъ не было и, хотя мышей откармливали, но за то весь навозъ, оставленный ими въ скирдахъ, вмѣстѣ съ остатками зерна сдавали на винокуренные заводы или поставляли солдатамъ для продовольствія. Тогда солдатскіе желудки были до того крѣпки, что принимали въ свое нутро не только навозную муку, но даже сало замѣняли старыми подошвами, обмакнувъ ихъ предварительно въ сальную жидкость. Такіе хозяева не теряли ничего. У нихъ не было ни гончихъ, ни борзыхъ, за то жирные овчарки такъ акуратно берегли стада тонкорунныхъ барановъ, что пастухъ хоть и не ходи. Къ такимъ хозяевамъ всегда все ужѣ съ низкимъ поклономъ; такие коли уже примутъ у себя какую чибовную особу, то такъ начинять ее всевозможными сластями и

пряностями, что и по возвращеніи домой, даже если на третій день утромъ войти къ особѣ въ опочивальню, ароматъ праностей все еще слышенъ.

Я сдѣлалъ краткій очеркъ козачьяго и крестьянскаго быта и помѣщичьихъ хозяйствъ въ дoreформенный періодъ. Съ тѣхъ поръ многое измѣнилось на нашемъ побережье, какъ и во всей земледѣльческой Россіи:

Порвалась цѣнь великая,
Порвалась — и ударила:
Однимъ концомъ по барину,
Другимъ по мужику.

Но мужику не привыкать къ терпѣнію и выносливости: этимъ добродѣтелямъ учился онъ въ теченіе многихъ вѣковъ. Приспособился онъ и къ новымъ условіямъ жизни соціальной, и, какъ ни трудно въ общемъ живется ему, а все же онъ понемнога да помаленько, сажень за сажень, откупаетъ у помѣщика землю, а дворянское сословіе, столь когда-то могущественное и вліятельное, съ каждымъ днемъ теряетъ свою силу и уступаетъ слабымъ противникамъ не только богатыя помѣстія, но и свое прежнее общественное и экономическое вліяніе. И нѣть той силы, которая могла бы остановить дальнѣйшій ходъ событий, нѣть того радикального средства, которое могло бы излечить дворянское сословіе отъ гибельного разложенія, почти уже завершившаго свой роковой процессъ. Минуло 35 лѣтъ со временеми реформы,— и сколько перешло помѣщичьихъ имѣній въ руки крестьянъ и козаковъ! А сколько ихъ есть и въ настоящую минуту готовыхъ къ сдачѣ! Шутка ли сказать, что къ юньскому сроку (1896 г.) дворянскимъ банкомъ въ одной полтавской губерніи было назначено къ продажѣ 190 имѣній! А что же дѣлаемъ мы сами, дворяне, разорившіеся помѣщики? Задаемся ли мыслью о будущемъ? стараемся ли—если не въ самихъ себѣ, то хоть въ дѣтяхъ своихъ—истребить барскія привычки предразсудки, вѣковое отвращеніе отъ всякаго производительна-

го труда? Увы! Слова поэта, сказанныя почти четверть вѣка назадъ, все еще звучатъ горькой истиной:

Сословья благородныя
У насъ труду не учатся!

Такъ диво ли, что мрутъ они съ голода, и что безъ поддержки государственной да безъ службы казенной они давно перевелись бы въ конецъ!

Н. В—цкій.

СОВРЕМЕННАЯ МАЛОРУССКАЯ ЭТНОГРАФІЯ¹⁾.

Малоруссы въ современной польской этнографіи.

СОДЕРЖАНИЕ.

Руликовскій.—Кольбергъ.—Поповскій.—Быковскій.—Подберескій.—Брыкчійскій.—Зѣмба.—Густавичъ.—Грегоровичъ.—Колесса (Янъ).—Цасекъ.—Коперницкій.—Талько-Гринцевичъ.—Мошинская.—Рокоссовская.—Томашевская.—Шаблеевская.—Малиновская.—Стадницкая.—Ванке.—Рашевичъ.—Нейманъ и Z. D.

Въ польской этнографической литературѣ малоруссы всегда занимали значительное мѣсто, по близкому сосѣдству двухъ родственныхъ славянскихъ племенъ. Въ старое время въ малорусской этнографіи непослѣднее мѣсто занимали труды Доленги-Ходаковскаго, Залѣсскаго (Вадлава изъ Ольска), Жеготы Пазули, Войцицкаго, Голембювскаго, Новосельскаго-Марцинковскаго, Турцевича. Къ новымъ польскимъ этнографамъ, посвящавшимъ свои труды малорусскому племени, можно отнести Руликовскаго, Кольберга, Мошинскую и мн. др., статьи которыхъ были помѣщены большею частью въ краковскомъ изданіи *Zbiór Wiadomości*, когда Коперницкій былъ редакторомъ этого изданія. Украинско-польская этнографія характеризуется двумя чертами: 1) подавляющее большинство статей состоять изъ сырыхъ, этнографическихъ материаловъ, если не считать небольшихъ газетныхъ и журнальныхъ статей, напр. статей г. Неймана о ду-

¹⁾ См. „Кіевск. Стар.“ 1895 г. № 10.

махъ и о чѣсенныхъ размѣрахъ, нѣтъ совсѣмъ изслѣдованій. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что и по польскому фольклору изслѣдованій очень мало: сырой матеріалъ и здѣсь сказывается подавляющимъ. Новая польская этнографія вообще, а малоруссій ея отдѣль въ особенности, отличается обиліемъ женского труда; чуть ли не большинство сборничковъ пѣсенъ составлено женщинами.

Въ виду того, что польские сборники даютъ лишь этнографические матеріалы, мы на предстоящихъ страницахъ ограничимся обзоромъ ихъ содержанія. Сборники эти въ Россіи почти неизвѣстны, и библіографической очеркъ, можетъ быть, наведетъ изслѣдователя на новые нелишенные научнаго интереса, матеріалы, по нѣкоторымъ отдѣламъ фольклора, матеріалы довольно богатые и свѣжіе.

Къ слову сказать, въ украинско-польскихъ сборникахъ очень немногого—одинъ языкъ, или даже одна латиница, т. е. въ дѣйствительности это чисто малоруссіе сборники пѣсенъ и сказокъ, записанныхъ латыницею съ большой научной добросовѣстностью и съ соблюдениемъ мѣстныхъ фонетическихъ особенностей.

Руликовскій (Эдуардъ) родился въ 1809 г., былъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства, солидный знатокъ малоруссіи древностей и исторіи, скончался на 79 году жизни въ 1888 г. въ с. Геленовкѣ васильковскаго уѣзда кіевской губ. Въ теченіе своей жизни онъ усердно занимался наукой; труды свои онъ посвятилъ исключительно разработкѣ археологіи, статистики и этнографіи правобережной Малороссіи. Въ географическомъ словарѣ Сулимировскаго и Валевскаго онъ помѣстилъ рядъ историко-статистическихъ описаній городовъ и мѣстечекъ кіевской губ. Въ 1853 г. Руликовскій издалъ описание васильковскаго уѣзда кіевской губ., довольно объемистую книжку, въ 243 стр. Изъ 22 главъ 5 посвящены этнографіи, главнымъ образомъ глава 18, гдѣ говорится о характерѣ, обычаяхъ, преданіяхъ, повѣряхъ и одеждѣ крестьянъ, и глава 19, гдѣ приведена 51 малорусская пѣсня, въ томъ числѣ нѣсколько цѣнныхъ историческихъ пѣсенъ прошлаго вѣка.

Въ Ш-мъ *Zbiór wiadomości* (1879) напечатаны („*Zapiski etnograficzne z Ukrainy*“ (62—166), сборникъ этнографическихъ материаловъ, собранныхъ Руликовскимъ болышею частью лично отъ крестьянъ киевской губ.

Въ началѣ сборника (62—89) помѣщены *преданія* (59 №№) болышею частью историческія, и отчасти апокрифическія, напримѣръ, о нечестивыхъ великанахъ, потопленныхъ Богомъ. Интересны преданія о Перепетѣ и Перепетихѣ. Жена царя Перепета съ войскомъ пошла отыскивать мужа, встрѣтила его войско, не узнала его, убила мужа, и съ гора лишила себя жизни. Надъ ними насыпаны курганы. Варіантъ преданія о Перепетѣ и Перепетихѣ изданъ Чубинскимъ въ маленькой брошюре о малорусскихъ народныхъ преданіяхъ. Далѣе, у Руликовскаго находимъ интересные варіанты преданій о Кожемякѣ (Деменкѣ) и сказки объ Ильѣ Муромцѣ и Соловьевѣ Разбойнику. Литература предмета старательно собрана въ одной этнографической замѣткѣ *B. B. Калласа* въ „Этнографич. Обозрѣніи“. Въ „Запискахъ“ Руликовскаго въ разрядѣ преданій встрѣчается интересная въ историко-литературномъ отношеніи сказка о Сучичѣ, варіантъ сказки, извѣстной по сборникамъ Чубинскаго, Манжуры и другихъ. Научное изслѣдованіе Потебни о Сучичѣ и др. сходныхъ ему лицахъ указано мной при обзорѣ сочиненій Потебни, съ надлежащими дополненіями по литературѣ предмета. Далѣе у Р. слѣдуетъ вѣсколько любопытныхъ преданій о киевской старинѣ, о древнемъ названіи Киева Арателемъ (62), объ Андреѣ Первозванномъ, о томъ, какъ святой Антоній заперъ демона въ чернильницѣ (69), рядъ преданій о татарахъ, о Батыѣ (72—78), Мамай (79), о набѣгахъ татарскихъ (80—82), сказаніе о затонувшемъ озерѣ (варіантъ обширнаго цикла сказаній, о которомъ мы говорили въ 8 т. сборника Харьк. Истор. Фил. общества 1896 г.), сказаніе объ обращеніи двухъ любовниковъ въ селезня и утку. Совсѣмъ не къ мѣсту среди историческихъ преданій попала сказка о томъ, какъ демонъ сначала далъ лѣсничему денегъ, а потомъ удавилъ его (76). Первый отдѣлъ заканчивается преданіями о Богданѣ Хмельницкомъ, запорожцахъ и гайдамакахъ, въ этихъ преданіяхъ от-

мъчены случаи грабежа, запорожское захарство, ихъ одежды. Интересны и новы преданія о запорожскомъ писарѣ изъ монаховъ Журбѣ и ватажѣ Витрогонѣ (83—87). Въ преданія вошли въ отрывкахъ двѣ думы, одна о Хмельницкомъ „Бодай Хмеля Хмельницкаго перва куля не минула“, известная въ болѣе подробномъ видѣ по сборнику Антоновича и Драгоманова, и начала другой неизвѣстной, забытой думы о Витрогонѣ:

Панъ Боровскій Витрогона прырохае,
А винъ людей не вызнавае,
А панъ его на волю пускае.
„Скажи, скажи, Игнате, кто ще бувъ зъ тобою
То я тебѣ, Игнате, пущу на волю,
Игнатъ словомъ утверждае
А людей не вызнавае.

Во второй отдѣлѣ „*Mity*“ (миѳы) вошли краткія замѣтки о Паликопѣ, мавкахъ, русалкахъ, вѣдьмахъ, чаровницахъ, змѣй летавцѣ, перелестникѣ, дивѣ, упиряхъ, вовкулакахъ, посигаловцахъ, нычкѣ и полозахъ.

Въ отдѣлѣ третьемъ (*Wierzenia*) а четвертомъ (*Wyobrazenia przyrodnicze*) находятся краткія сообщенія о певрѣяхъ, связанныхъ съ разными растеніями и животными, съ силами и явленіями природы. Матеріалъ перемѣшанъ, напр., о журавлѣ говорится въ 3, а объ аистѣ въ четвертой главѣ, о кукушкѣ и дятлѣ въ 3, а о гусяхъ и ласточкахъ въ 4. Вообще, распределеніе матеріала составляетъ слабую сторону „Этн. записокъ“ Руликовскаго.

Въ главахъ 5, 6, 7 и 8 находятся также краткія сообщенія о колдовствѣ, народной медицинѣ, заговорахъ (18 №№) и гаданіяхъ. Между прочимъ приведенъ одинъ архивный документъ XVIII в., о колдовствѣ и 10 наставленій обѣ уходѣ за пчелами, представляющихъ варианты тѣхъ „наукъ“, которыя находятся въ I т. Чубинскаго.

Въ 9 главѣ находится краткое описание обрядовъ крестинныхъ и свадебныхъ (стр. 120—123), матеріалъ незначительный при существующей въ печати массѣ описаній малорусской свадьбы.

Въ главѣ обѣ обычаяхъ, связанныхъ съ годовыми праздниками—мелкія замѣтки о народномъ календарѣ, кулачныхъ бояхъ и писанкахъ. Въ эту главу вошло (126—129) описание до-свѣтокъ, обычай ярмарочные и нѣсколько мелкихъ повѣрій.

Въ 11 главу вошло нѣсколько повѣрій о закладѣ хаты, названія разныхъ частей хаты, воза, плуга, ярма, сохи, бороны и одежды.

Двѣнадцатая глава носитъ название *Moşa* (языкъ), но здѣсь нѣть ничего о мѣстныхъ звуковыхъ особенностяхъ. Въ эту главу вошли названія родныхъ, название быковъ и коровъ, формулы привѣтствія, проклятия и браніи.

Въ 13 главу вошли думы и пѣсни, всего 19 №№. Первая дума о Димитріи Вишневецкомъ ранѣе уже издана въ „Описаніи“ Васильк. у., въ настоящемъ изданіи добавлено въ концѣ 7 строкъ исключенныхъ въ „Описаніи“: „акъ стрелывъ (Д. В.) то вцелывъ въ сердце султана, а султаншу въ потылыцю, а дочь султана въ помисныцю. „Отожь тоби султане, за твою кару“. „Узлымысь языченыци, стали его рубаты; стали янгели крылмы трепаты, стали его тило и душу съ небесъ браты“.

Вторая пѣсня обѣ Иванѣ Вдовыченкѣ представляетъ варіантъ думы, извѣстной по многимъ другимъ сборникамъ.

Въ 14 главу вошло 515 пословицъ и въ послѣднюю, 15 главу, 17 загадокъ—материалъ нелишенный интереса при сравнительномъ изученіи съ болѣе крупными русскими и иностранными сборниками.

Обращаясь къ общей оцѣнкѣ сборника Руликовскаго, нужно оговорить, что главы 1 и 13 заключаютъ въ себѣ историко-преданія и пѣсни, что сообщаетъ имъ большой интересъ и научную цѣнность. Остальная же главы при другихъ сборникахъ не имѣютъ значенія, по краткости и, главное, извѣстности материала. Достоинство „Записокъ“ Руликовскаго состоитъ въ точности записи; слабая сторона ихъ—разбросанность материала.

Въ V т. „Zbiór wiadomości“ Руликовскій напечаталъ интересную статью о каменныхъ бусахъ, находимыхъ на правомъ берегу Днѣпра. Каменные бусы встречаются очень часто по берегамъ рѣкъ: Стугны, Унавы, Ирпеня и др. днѣпровскихъ притоковъ, затѣмъ на Волыни въ овручскомъ уѣздѣ. По р. Стугнѣ каменные бусы встречаются во всѣхъ селахъ. Крестьяне находятъ ихъ въ поляхъ и лѣсахъ. Каждый сильный дождь выноситъ ихъ на поверхность земли. Бусинки сдѣланы изъ краснаго слоистаго камня, который находится въ овручскомъ уѣздѣ, гдѣ, вѣроятно, и фабриковались эти издѣлія. Форма бусинокъ—круглая, съ отверстиемъ внутри, иногда съ орнаментами наружу въ видѣ линій или зубцовъ. Крестьяне называютъ ихъ „каминчики жиночки“ и берегутъ съ суевѣрными и лѣчебными цѣлями. Существуетъ повѣрье, что эти камни „ростутъ изъ земли“ и приносить счастье тому, кто нашелъ ихъ. Послѣ освященія въ церкви эти бусы отгоняютъ „лихую тварь“ т. е. вѣдьмъ, и помогаютъ въ болѣзняхъ скоту и людямъ, въ особенности женщинамъ, „жинкамъ подобаютъ на живѣть“. Эти надѣваютъ коровамъ на шею, чтобы отгонять вѣдьмъ. Въ старинное время женщины вставляли ихъ въ бусы, какъ талисманъ. Въ болѣзняхъ растираютъ камни и пьютъ на водѣ. Въ овручскомъ уѣздѣ эти каменные бусинки называются „помочниками“: помогаютъ отъ сглазу, отравы и боли живота. Мѣстные жида вѣшаютъ ихъ своимъ дѣтямъ на шею вмѣстѣ съ волчьимъ зубомъ, кусочками серебра и желѣза, какъ амулетъ. Сходные каменные бусы были найдены въ Скандинавіи, Германія (Мекленбургѣ) Великороссіи (по р. Окѣ—зеленаго цвѣта). Называютъ ихъ обыкновенно пряслицами. О значеніи и употребленіи ихъ существуютъ разныя мнѣнія, (надѣвались въ прядки и сѣти). Руликовскій держался того мнѣнія, что это были амулеты. Въ пользу этого мнѣнія говорить множество находокъ, красный цвѣтъ бусъ, ихъ орнаментика, народная преданія и современное значеніе ихъ у крестьянъ, какъ охранительного и лѣчебного свойства.

• Кольбергъ (Оскаръ). О почтенной личности и плодотворной дѣятельности О. Кольбера былъ рядъ статей и замѣтокъ

въ 1889 году, по поводу 50 лѣтнаго его юбилея, и въ 1890 г., до съмнѣнія кончины его на 76 г. жизни. Сравнительно наиболѣе подробная биографія Кольберга на русскомъ языке *H. A. Янчука* во II кн. „Этнограф. Обозр.“ 1889 г. (съ портретомъ) и *A. H. Пытина* въ III т. „Ист. рус. этногр.“ литература на польскомъ языке указана въ концѣ помянутой выше статьи г. Янчука. Позднѣе вышла цѣнная статья г. Рафила-Любича—оттискъ изъ *Ateneum'a* 1890 г. Страстный любитель музыки К. началъ съ собиранія народныхъ мелодій и затѣмъ послѣдовательно перешелъ къ собиранію пѣсенъ и сказокъ. Онъ предпринялъ рядъ этнографическихъ экскурсій, собралъ громадный материалъ, и, не щадя собственныхъ очень скромныхъ средствъ, издалъ десять томовъ пѣсенъ, нотъ и сказокъ. Не перечисляя здѣсь сборники, заключающія исключительно польскій этнографической материалъ, остановимся лишь на сборникахъ галицко-русскихъ и малорусскихъ пѣсенъ и сказокъ.

Наибольшей извѣстности заслуживаетъ цѣнныій сборникъ „*Rokusie*“ въ 4 томахъ, заключающій въ себѣ пѣсни и сказки гуцуловъ. Трудъ этотъ составляетъ весьма полезное дополненіе къ извѣстному сборнику пѣсенъ Головацкаго. На страницахъ „Кiev. Стар.“ 1884 № 3 была уже довольно подробная рецензія г. Неймана на первые 2 тома „*Rokusie*“, повторенная затѣмъ г. Пыцинымъ въ 3 т. „Ист. русской этнографіи“. Подробный обзоръ IV т. *Rokusie* мы дали въ „Этнограф. Обозр.“ 1894 г. кн. XXII. Не повторяя сказанного, отмѣтимъ здѣсь лишь содержаніе 3 тома, кажется, совсѣмъ неизвѣстнаго въ Россіи.

Третій томъ „*Rokusie*“ вышелъ въ 1888 году (293 стр.). Послѣ краткаго продисловія и картинки, изображающей танецъ коломыйку, слѣдуетъ описание танцевъ коломыйки, вертака, чабана, серпеня, музыкальныхъ инструментовъ (1—10) и затѣмъ слѣдуетъ цѣнныій сборникъ пѣсенъ коломыекъ съ нотами, всего 721 пѣсня со 102 нотами. Въ литературномъ отношеніи этотъ сборникъ коломыекъ такъ же важенъ, какъ и сборникъ Головацкаго (II и III томы). Въ отношеніи музыкальному это драго-

цѣнныи сборникъ, по массѣ мотивовъ, записанныхъ такимъ знакомъ музыки, какъ Кольбергъ. Желающіе изучить народную малорусскую музыку имъютъ въ III т. „Рокусіе“ полезное пособіе. У Головацкаго нотъ нѣтъ. Дума о Барабашѣ положена на музыку Н. В. Лисенкомъ въ 7 кн. „Кіев. Стар.“ 1888 г., у Чубинскаго въ III т. положено на музыку нѣсколько колядокъ и въ концѣ IV т. свадебныя пѣсни м. Борисполя Переяславскаго уѣзда (138 №№), у Закревскаго 32 №№, кое что. У Неймана въ VIII т. Zbiór Wiadom. Болѣе всего нотъ у сборникахъ Кольберга.

Большая часть III тома посвящена разъясненію народнаго міросозерданія, какъ выразилось оно въ сказкахъ и повѣрьяхъ о происхожденіи міра и въ демонології (79—179). Сюда вошли: космогоническая дуалистическая сказка о сотвореніи міра Богомъ и демоновъ чертомъ, о войнѣ Бога (и ангеловъ) съ сатаной (и демонами), о происхожденіи криницъ, озеръ и рѣкъ (ныряніе сатаны на дно моря за землей), 8 рассказовъ о чертяхъ, 4 о громѣ и вѣтрѣ (молнія бьетъ въ демона; въ вихрѣ празднуетъ чертъ свадьбу), 7 рассказовъ о болѣзняхъ (въ томъ числѣ разсказъ о вѣдьмѣ въ видѣ кошки), 9 о мавкахъ или няняхъ (наружный видъ, название, похищеніе дѣтей, обереги, сходство съ мамунами и дивоженами), 4—о страдчахъ (дѣтяхъ, умершихъ до крещенія, 2—о летавцѣ (обереги отъ него), объ утопленникѣ, 3—о дидѣ (духѣ охранителѣ) и дидъкахъ (демонахъ), 2—о рахманахъ, замѣтки о снѣ—дремотѣ, 4 рассказа о вовкулакахъ, 49 рассказовъ о вѣдьмахъ (отдѣльно сравнительно съ другими полный и содержательный), 29 рассказовъ о чародѣйствѣ, 28 замѣтокъ о птицахъ и животныхъ (медведѣ, кротѣ, волвѣ, аистѣ, ласточкѣ, ужѣ, толкованія значенія крика птицѣ), 28 замѣтокъ о растеніяхъ (чебрецѣ, василькахъ и др.), 63 повѣрья о домѣ, домашнемъ хозяйствѣ, посѣвѣ, жатвѣ, 5 примѣтъ о погодѣ, 42 толкованія сновидѣній, 96 замѣтокъ о народныхъ болѣзняхъ и лѣчебныхъ средствахъ (препленица, золотникъ, укушеніе змѣи и др.). Затѣмъ слѣдуетъ сборникъ пословицъ (616 №), записанныхъ въ коломійскомъ округѣ (стр. 179—198).

Въ концѣ тома находятся разныя дополненія о танцѣ коломытѣ, чертѣ, громѣ, вѣтре, майкахѣ, рахманахѣ, вовкунѣ и др., дополненія мелкія. Выдаются по величинѣ дополненія рассказовъ о вѣдьмахѣ и упирахѣ (27 №№), чародѣйствѣ (12 №№) и замѣтки о народномъ календарѣ (220—226).

Изъ этого сухаго перечня видно уже разнообразное содержаніе III т. Многое въ немъ, правда, повторяетъ уже извѣстные изъ „Трудовъ“ Чубинскаго, но есть много оригинальныхъ мелочей. Такъ, рассказы о вѣдьмахѣ могутъ составить полезное дополненіе къ сборнику г. Иванова.

Есть много любопытныхъ мелочей, напр., мѣстныя галицко-руссکія названія растеній и распределеніе растеній на употребляемыя въ хозяйствѣ, въ чародѣйствѣ и въ медицинѣ, напр., кадило (*Dictamus albus*)—оберегъ отъ мавокъ, обрамашекъ—противъ устарѣнія человѣка, попивъ-мудъ (*Evonimus europeus*) отъ липша. Послѣднее название встрѣчалось намъ въ Подоліи въ пріуроченіи къ писанкамъ. Попова-мудъ, очевидно, по растенію. Это кустарникъ, растущій въ лѣсу и въ огородахъ, съ красными ягодами.

Интересны замѣтки о болѣзняхъ „золотникѣ“ (на 162—163 стр.). Слово золотникъ часто встречается въ заговорахъ малорусскихъ и великорусскихъ (въ сборникѣ Л. Майкова), причемъ обозначаетъ матку. Въ Галиціи болѣзнь эту пріурочиваютъ къ женщинамъ и мужчинамъ. Думаютъ, что золотникъ находится подъ пупкомъ въ животѣ и, если кто подниметъ тяжелое, то опускается книзу, и человѣкъ болѣеть.

Одновременно съ изданіемъ З тома *Pokucie Kольбергъ* напечаталъ въ краковскомъ *Zbiór wiadomości do antrop. krajowej* 1888 г. XII небольшой сборникъ малорусскихъ пѣсень изъ Подоліи „*Piesni ludu Podola rossyjskiego*“. Пѣснямъ предшествуетъ краткая замѣтка о годовыхъ праздникахъ. Всѣхъ пѣсень 40 съ нотами, и самыя пѣсни изданы ради музыкальнаго значенія ихъ и по содержанію ничего особеннаго не представляютъ. Въ XIII т. *Zbiór* изданы „Полѣскія легенды“ (собраны въ пинскомъ

уездѣ) и „Свадебные полѣсскія обычай и обряды“ (записаны тамъ же).

Четвертый (послѣдній) томъ „Рокисіе“ вышелъ въ 1889 г. Сюда вошли 77 сказокъ и 205 загадокъ. Загадки могутъ представить интересъ лишь при специальномъ ихъ изученіи. Интереснѣе сказки. Сборникъ Кольберга восполняетъ сборники Чубинскаго, Рудченка и Манжуры интересными варіантами и представляетъ кое-что новое. Подробный библіографіческій обзоръ всѣхъ галицко-русскихъ сказокъ въ изданіи Кольберга, съ указаніемъ литературы, сдѣланъ нами въ ХХІ ен. „Этнограф. Обозрѣнія“ 1894 г. Наиболѣе интересныя въ историко-литературномъ отношеніи сказки подъ №№ 1, 18 и 21 о трудныхъ задачахъ, подъ № 8 о подмынѣ ребенка злой женщиной, подъ № 7 объ отцеубійствѣ и покаяніи убійцы, изъ круга апокрифовъ, подъ № 32 повѣсть о мученіи прядева, подъ №№ 50, 51 о мудрой дѣвѣ, подъ №№ 49, 50, 76 сказки съ загадками, соотвѣтствующія великорусскимъ пѣснямъ съ загадкой о милой, сидящей на костяхъ милаго и древней повѣсти о Петрѣ и Февронії. Сказка о покаяніи ангела (№ 41) хорошо известна по великорусскому варіанту въ обработкѣ графа Л. Н. Толстаго („Чѣмъ люди живы“). Окончаніе галицкаго варіанта (о пѣніи ангела при отлетѣ на небо) отличается художественнымъ достоинствомъ. Моральнымъ достоинствомъ отличается затѣмъ сказка о судѣ Божіемъ подъ № 39 на тему, что преступникъ не остается безъ наказанія. Наряду съ этими сказками встрѣчаются сказки грубыя, съ оправданіемъ побоевъ жены (№ 38) и съ восхваленіемъ воровства (37, 58—64). Правда, сказки объ искусствомъ ворѣ встрѣчаются съ давнихъ поръ у разныхъ народовъ, причемъ въ особенности популярной оказывается сказка на геродотовскую тему о похищении сокровища царя Рампсина. У гуцоловъ слишкомъ много сказокъ о ворахъ, и къ ворамъ наживная мораль здѣсь относится слишкомъ снисходительно и даже одобрительно. Нѣкоторыя гуцульскія сказки представляютъ большое сходство съ западными новеллами, фацетіями и народными книгами и, по всейѣѣоятности, вышли изъ нѣмецкихъ *Volksbüchern*.

Вообщѣ, четвертый томъ „Рокисіе“ представляетъ значительный историко-литературный интересъ. Въ сказкѣ про алмазную дорогу (№ 74) къ шаблонному сказочному окончанію, въ родѣ обычнаго „и я тамъ былъ, медъ-вино пилъ“ и пр., примкнула любопытная народная пѣсня о еврейскихъ притѣсненіяхъ:

Теперь добре все минуло,
Пришло въ свити нарикаты,
Ряду землю опускать.
Всека нужда имъ прысила,
Зъ жидами зворошила,
Прайде въ свити погибаты.
Хто жъ Гуцула поратує?
Зъ насъ ся каждый покепкуе,
Якъ терпѣчки намъ не стане.

Г. Поповскій въ VIII т. „Zbior“ помѣстилъ Pieśni ludu ruskiego ze wsi Zalewańsczyzny“. Собиратель прямо, безъ малѣйшаго предисловія, начинаетъ съ пѣсни о Нечаяѣ и затѣмъ приводитъ всего 176 №№ пѣсенъ на 61 страницѣ. Не обозначено даже, какого уѣзда, какой губерніи эта Залеванская. Въ читателяхъ, даже у записныхъ географовъ нельзя предполагать знанія всѣхъ малорусскихъ сель. Г. Поповскій, очевидно, пропустилъ, а редакція забыла отмѣтить, где же находится Залеванская. Нельзя требовать отъ читателя справокъ въ многотомныхъ „Спискахъ населенныхъ мѣстъ Россіи“, да и справки не могутъ помочь читателю, такъ какъ Залеванская оказывается въ разныхъ малорусскихъ губерніяхъ, могутъ находиться и въ закордоиной Галиціи. Но языку пѣсенъ приходится лишь догадываться, что мы имѣемъ дѣло съ украинскими пѣснями.

Сборникъ г. Поповскаго, равно какъ многіе другіе сборники малорусскихъ пѣсень новѣйшаго времени, г. Омельченка, № 7 Д и Неймана, Рокосовской, въ значительной степени ограничиваетъ общераспространенное мнѣніе о глубокомъ упадкѣ малорусской народной поэзіи. У г. П. многія народныя пѣсни отличаются художественностью образовъ и изяществомъ выражений. Въ языкахъ встречаются великорусскія слова. Въ сборникѣ отмѣчено, когда и отъ кого записаны пѣсни историческія. Изрѣдка встречаются указанія на варианты у Головацкаго, Чу-

бинского, Рудченка и Мордовцева. Распределение пѣсенъ не отличается систематичностью. Въ виду малой извѣстности сборника г. П., мы здѣсь отмѣтимъ заголовки и содержаніе главныхъ отдѣловъ и выдающихся пѣсенъ.

1) *O Нечап „Ой въ лузи, въ лузи“* и пр.—весьма распространенная пѣсня, извѣстная по многимъ сборникамъ (у Антон. и Драгом. во II т. 38 вариантовъ, въ *Zbiór wiadom.* VIII 162).

2) *O Гаєрilenкѣ „Ей якъ ясно сонечко сходыть“* (Г. одолѣваетъ разбойниковъ).

3) *O татарскомъ набѣгѣ „А въ недилю пораненъку“...* Пѣсня сложная, вначалѣ о татарскомъ набѣгѣ на побережцевъ, въ концѣ о подчиненіи Сѣчи императрицѣ Екатеринѣ. Обѣ части оригинальны, впервые являются въ печати. Въ „Политическихъ пѣсняхъ“ подобнаго варианта нѣтъ.

4) „*Oй зажурывся та сивъ соколонько*“ отнесена г. Поповскимъ къ пѣснямъ о паденіи Запорожья, хотя въ самой пѣснѣ нѣтъ ничего о Запорожье.

5) „*Oй не пугай пугаченьку*“. Г. П. ошибочно относить и эту пѣсню къ историческимъ, именно, къ пѣснямъ о паденіи Запорожья. Въ этой пѣснѣ рѣчь идетъ о спорѣ орла съ конемъ, о чёмъ см. статью *Потебни* въ „Къ ист. звуковъ“ и мою замѣтку о ней въ 1 вып. „Соврем. малор. этногр.“ стр. 34.

6) *O гайдамакѣ Недуменкѣ*—мать совѣтуетъ Н. не пить; Н. послушался, пошелъ въ лѣсъ и попалъ въ тюрьму—изъ разбойничихъ пѣсень.

7) *Мене батько сюдовавъ*—разбойничья пѣсня на распространенный мотивъ: мужъ разбойникъ убиваетъ въ дорогѣ шурина. Подобный великор. у *Аристова* въ соч. о разбойничихъ пѣсняхъ, въ *Лѣтоп. рус. литер. и древн. и др.*

8) „*Oй сердене, серденечку*“, въ вариантахъ „*Oй сербино, сербиночку*“, „*Oй свербыно, свербыночку*“, извѣстна по многимъ сборникамъ Чубин. V 481, Голов. I 206, II 582, *Zbiór wiadom.* II 73, VIII 169, *Kolberg*, *Pokucie* II 52, *Lud* (польск.) I 8 (32 вар.) XVI 475, *Erben*, *Czeske pis* 417, 478, *Wojcick* 150; *Wisła* 1890 стр. 164; 1891 г. I. Содержаніе: девушка на-

взыывается въ жены, даетъ отраву брату, парубокъ ей не береть, она идетъ замужъ за нищаго и терпитъ побой.

10) „*Oй въ Киевъ на подолъ*“—весьма распространенная пѣсня—баллада на мотивъ о превращеніи брата и сестры въ цвѣты. Варіанты указаны г. Нейманомъ въ *Zbiór wiadom.* VIII 166 (Z. D. ib. 166, Чуб. V 479, Holb. Pok. II 32, 33, Erlen 483).

11) „*Oй у яру глубокимъ*“—весьма распространенная пѣсня о кровосмѣщеніи: мать бросаетъ двухъ сыновей въ Дунай, потомъ выходитъ замужъ за одного, дочку выдаетъ за другаго. Варіанты указаны г. Нейманомъ въ *Zbiór* 167 (Чуб. V; 407, стр. 888, 485—II варіантовъ, Голов. I, 45, 73, II, 577—3 вар., Koll. Zud. I, 217, Pokusie II 29—37; Ант. и Драг. I 275, Шейнъ Бѣлор. п. 142—3 варіан.).

12) „*Коло млина червона калына*“—дѣвшушка угожаетъ ко-зака, приглашаетъ переночевать съ ней, козакъ говоритъ, что у него есть любимая жена и дѣти. Варіантъ въ „Политическ. пѣсняхъ“.

13) „*И кинь мини спотыкается*“—весьма распространенная пѣсня: козакъ спить, приближаются татары, дѣвшушка бьетъ его травой по лицу и будитъ. Варіанты въ сказкахъ у *Манжурь* 31, *Садовникова* 30, *Караджича* 266, Шейнъ, Матер. I, 578 и мн. др. Подробнѣе объ этомъ мотивѣ мы говоримъ въ особой приготовляемой для печати монографіи.

74) *О паничинѣ*=настутила чорна хмара, затѣмъ сѣрая, была Польша, затѣмъ Россія и пр.—извѣстна по разнымъ сборникамъ (Z. D., Неймана и др.).

77) „*Ta посіяє л макъ*“—горе мужа, жена которого утонула въ Дунай и оставила ему 4 дѣтей.

176) *О свадьбѣ птицѣ*=„перепелыченька не величенъка“ и пр., варіантъ у Вересая.

Большая часть пѣсень—любовныя—парубковъ и дивчатъ; много пѣсень женскихъ, изъ коихъ выдаются жалобы жены на свекра и свекруху (№№ 59, 78), на мужа пьяницу (№ 80, варіантъ пѣсни „*Oй кудро кудрявая*“ въ I т. Объясн. А. А. Побѣни), вѣсколько характерныхъ пьяницкихъ пѣсень (81, 82,

109—117), шутливыхъ и скабрезныхъ „гудзинокъ“ (118—175). Встрѣчаются оригинальные пѣсенные мотивы, полные одни мѣткаго юмора, другіе глубокаго чувства. Встрѣчается много пѣсень, характеризующихъ любовное отношеніе мужа къ женѣ. Въ одной пѣснѣ (№ 59) свекоръ совѣтуетъ сыну бить жену; сынъ отвѣчаетъ.

За ѿ ін, тату, бить,
Коли въ нею добрѣ житъ:
Вона змелѣ и зтовче,
И заварить, напече,
И помые, помаже,
Быду постѣль постелить,
И со мною слати ляже,
И никому не скаже.

Въ другой пѣснѣ (№ 78) жена жалуется мужу на свекруху.

Яжъ твоеми пеньци не вгоджу,
Поперу хуста на риччи,
А вона каже, що въ дижци,
Поперу хуста на води,
А вона каже въ болоти;
Поперу хуста въ мыли,
А вона каже що въ глини
Принесу воды, тай не пье
Замету кату—не стане,
Помію ложки—не гляне.

Мужъ отвѣчаетъ:

Не роби, мыла, не роби,
Склади ручевики та и сиди
Шежъ моя мати не стара
Принесе воды шей сама...

Въ третьей пѣснѣ (№ 152) жена хвалить своего мужа за то, что онъ добрый, „намеле, натовче, сухихъ дривецъ врубае и горилочки розидбае“.

Самая скора супруговъ воспроизводится въ пѣсняхъ въ мягкой формѣ, съ оттѣнкомъ грусти и юмора, напримѣръ въ пьяницкой пѣснѣ (№ 011):

Не я пьяный, не я пьяный—горилочка пьяна,
Ой отчини, вориточки, Ганусю кохана,
Ты господарь, ты господарь, возьми соби хлопца,
Нехай тоби отчиняе шо вечеръ воротца.

На послѣдующія просьбы мужа сварить вечерю, постлать постель, Гануся предлагаетъ господарю нанять кухарку и горничную. Затѣмъ слѣдуетъ послѣдняя просьба господаря.

Не я пьяный, не я пьяный—горилочка пьяна
Лагай, лагай зо мною, Гануся кохана.
Зажды мини хочь часочокъ, зажды хочь годинку,
Нехай же я приколишу малую дитинку.

Здѣсь чувственность введена въ строгія границы такта и обязанности.

Въ сборникѣ г. Поповскаго встрѣчается много пѣсень, известныхъ уже по прежнимъ сборникамъ, напр. „Ой чумаче“ (105), „Зеленый дубочекъ“ (100), „Ты зиронько“ (50), „Ой пидѣгаемъ“ (42), „Сыдѣть сиромаха“ (22) и др.

Встрѣчается нѣсколько великорусскихъ пѣсень въ передѣлкѣ на малорусскій ладъ, напр., подъ № 23 „Ой зъ пидѣ каменя“ и № 21 „Ой на мори на Дніпри (искаженная донская пѣсня).

Попадаются странные припѣвы, напр., въ № 33 каждая вторая строка оканчивается восклицаніемъ охъ, ха, ха! въ № 69 вохъ-та-ли-ла-думъ-думъ! въ № 97 въ началѣ и концѣ пѣсни повторяется сложный припѣвъ:

Фить, фать, фить, тэхъ, тэхъ, тэхъ
Ай, ай, ай, охъ, охъ, охъ!

Это соловыиное наспистываніе могло быть усвоено отъ странствующихъ музыкантовъ.

Г. Быковскій Pieśni obyczajowe ludu rusniego z okolic Pińska, wъ Zbiór wiadomości do antrop. kraj. 1878 II, 260—285. Содержание: 1) *Кустъ*—обычай водить девушку на зеленыхъ святкахъ, о чёмъ упоминаетъ Мандельштамъ въ соч. „Опытъ объясн. об.“ и подробнѣе см. въ моемъ соч. „Культ. переживанія“ въ ст. „Водить тополю“. Г. Быковскій приводитъ 12 пѣсень „кустовыхъ“, вполнѣ малорусскихъ по языку. 2) *Пѣсни весеннія*, считаемъ 3; 3) *пѣсни лѣтнія*—всего 5, которые точнѣе было бы назвать обжинковыми пѣснями; 4) *пѣсня осенняя*, 5) *разныя пѣсни*—всего 7, изъ коихъ 2 колядки и одна пьяницая. Затѣмъ слѣдуетъ описание свадьбы, причемъ при-

ведено 60 свадебныхъ пѣсенъ. Сборникъ небольшой и не-
важный.

Г. Подбєрскій далъ „*Materiały do demonologii ludu unraińskiego*“, въ VI т. *Zbiór wiadom. do antrop. urajaw.* 1880 года 3—83. Материалы эти, собранные въ чигиринскомъ уѣздѣ, въ научномъ отношеніи представляются цѣнными; они заключаютъ въ себѣ много новыхъ подробностей, не встрѣчающихся въ изданныхъ въ Россіи сборникахъ южно русскихъ этнографическихъ материаловъ. Повѣрья записаны непосредственно изъ народныхъ устъ. Вообще сборникъ этотъ заслуживаетъ вниманія по обилію демонологическихъ повѣрій. Содержаніе: 1) *Привиды и духи*: а) мавки, лоскотки и скарбы, б) русалки, в) домовой, г) дьявольская дѣти (одмина). 2) *Упьри—олицетворенія болезней*: а) перелесники и обоясники, 2) упырь изъ Макіевскаго хутора, в) о покойникѣ Харькѣ и парубкѣ Василь, г) упырь разгоняетъ досвитки, д) Оситняскій упырь Халявка, е) упырь на 13-й верстѣ, ж) борьба упыря съ висѣльникомъ подъ Чигириномъ, з) происхожденіе чумы, и) появление холеры, і) вовкулака и Матусова. 3) *Вѣдьмы*: а) Оситянская вѣдьма, б) вѣдьма—попова жена, в) вѣдьма наречоная, г) Шалабайка (о ярчукѣ), д) Кучурвална, е) Марта Кострубаха, ж) поврежденіе креста въ полѣ (фигуры), з) шабашъ на лысой горѣ, и) китайгородская вѣдьма. 4) *Бѣсы и кикиморы*—8 рассказовъ о дьяволѣ, проживавшемъ въ горильчаномъ заводѣ, о явленіи бѣса въ видѣ свиньи, барашка и др. 5) *Колдовство*: а) знахари, характерники и планетники, б) чары, насланія, уроки, пристрить, в) заговоры отъ болѣзней и повѣрья—13, г) Божія наказанія за несоблюденіе праздниковъ. 6) *Болезни* людей и скота и заговоры числомъ 26, съ краткой замѣткой въ концѣ о народной хирургії (вырываніе зубовъ кузнецами).

Г. Брыкчинскій, *Zapiski etnograficzne z Polesia Wołyńskiego*, въ *Zbiór Wiadom.* 1888 XII 81—103. Краткая замѣтка о крестинахъ. Описаніе свадебныхъ обрядовъ и 30 коротенькихъ свадебныхъ пѣсенъ. Замѣтки о похоронахъ, закруткѣ, купальскихъ обрядахъ и 6 купальскихъ пѣсенъ. Кроме того 7 на-

родныхъ пѣсень, уже известныхъ раньше въ печати. Сборникъ небольшой и малосодержательный.

Г. Земба въ XII т. *Zbiór'a* 1888 стр. 227—230 далъ небольшую заметку „*Zwyczaje pogrzebowe w okolicach Uszycy na Podolu*“.

Г. Густавичъ въ V т. *Zblór* 1881 г. стр. 102—187 далъ интересный сводъ польскихъ и отчасти галицко-русскихъ народныхъ повѣрій о животныхъ. Статья подробная, напр. о ящерицахъ 23 повѣрья, о ласточкахъ 32, аистѣ 28, быкахъ и коровахъ 187.

Г. Грекоровичъ въ V т. *Pamiętnik Tawarzystwa tatrzańskiego* ч. 2, стр. 26—36 помѣстилъ небольшой, но интересный гуцульский словарь. Такіе труды легко затериваются, а между тѣмъ путемъ накопленія ихъ можно было бы подготовить почву для серьезнаго изученія лексической стороны малорусскаго языка.

Колесса (Янъ) въ XIII т. *Zbiór* напечаталъ сборникъ этнографическихъ материаловъ о родинныхъ, свадебныхъ и похоронныхъ обрядахъ русиновъ въ с. Ходовицахъ стрыйскаго повѣста.

Цисекъ въ XIII т. *Zbiór* напечаталъ интересные этнографические материалы изъ м. Жалынь перемышльскаго повѣста. Здѣсь, между прочимъ, приведено описание вертепа, сообщено о братствѣ, основанномъ сапожниками, приведены повѣрья о колдовствѣ.

Коперницкій (Исидоръ), известный польскій антропологъ (род. 1825 † 1891), воспитанникъ кievскаго университета, интересовался, между прочимъ, и малорусской этнографіей и въ положеніи редактора краковскаго антропологического сборника открылъ широкій доступъ на страницы этого изданія малорусскимъ этнографическимъ материаламъ. Біографія И. Коперницкаго и бібліографіческий обзоръ его трудовъ см. въ „*Бібліографическомъ словарѣ профессоровъ кievскаго университета*“, некрологъ въ „*Кiev. Старинѣ*“ 1891 г. № XII 462—465. Коперницкій редактировалъ нѣкоторые вошедши въ *Zbiór* сборники малорусскихъ этнографическихъ материаловъ, а въ VIII т. напечатано двѣ самостоятельныхъ статьи „*Физическая характеристика*“

ристика русскихъ горцевъ“ (въ Галиції) и „Этнографический очеркъ русскихъ горцевъ въ Галиції“. Въ отзывѣ г. В. А. въ „Киевск. Стар.“ 1891 г. XI, 136 эти статьи Коперницкаго оцѣнены, „какъ работы весьма основательныя и точныя“. Здѣсь же данъ обзоръ ихъ содержанія.

Талько-Гринцевичъ—авторъ небольшой статьи „Физическая характеристика украинскаго населенія“ въ XIV томѣ *Zbiór wiadomości*. Содержаніе этой статьи и ея недостатки были отмѣчены въ XI кн. „Киевск. Старинѣ“ 1891 года въ редакціи г. В. А.

Н. Сумцовъ.

(Продолжение сльдуетъ).

ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКО.

(1719—1723 и 1754 г.).

Въ „Киевской Старинѣ“ за 1884—1886 г. Г. А. Лазаревскимъ было напечатано Дневникъ генерального хоружаго Николая Ханенко (1727—1753 г.), какъ представляющій собою важнѣйшій памятникъ для изученія Малороссіи средины XVIII вѣка.

Послѣ обстоятельного предисловія къ этому дневнику Г. Лазаревскій говоритъ: „Мы не знаемъ, въ какомъ видѣ оставленъ дневникъ его авторамъ, и съ какого времени начинается онъ“. Болянскій, видѣвшій этотъ дневникъ въ 1858 г., пишетъ, что дневникъ начинался съ 9 ноября 1819 г., но въ рукописи, съ которой печатается теперь этотъ памятникъ онъ начинается съ 3 февраля 1727 и затѣмъ имѣеть въ срединѣ значительные пропуски; такъ въ немъ недостаетъ, на примѣръ, цѣлыхъ 7 лѣтъ (1734—1741). Настоящій владѣлецъ рукописи А. И. Ханенко, сообщаетъ намъ, что въ такомъ видѣ онъ получилъ рукопись въ подарокъ отъ дяди своего, тоже А. И. Ханенко, который, будучи человѣкомъ очень образованнымъ, цѣнилъ и берегъ дневникъ своего дѣда. „Можно догадываться“, говоритъ теперешній владѣлецъ рукописи, „что части послѣдней были растеряны еще дочерьми Н. Д. Ханенко, въ рукахъ которыхъ одно время оставались всѣ бумаги и книги умершаго ихъ отца, такъ какъ сыновья послѣдняго, во времена его смерти находились на службѣ“. Нами приобрѣтены почти всѣ бумаги покойнаго

профессора московского университета О. М. Бодянского, въ числѣ которыхъ оказался и дневникъ Ханенко, прекрасно переписанный, свѣрненный съ подлинникомъ, со своеуручными поправками Бидянского и съ записью въ концѣ рукописи: „Подлинникъ у потомка его Александра Ивановича Ханенка, черниговской губерніи, стародубскаго уѣзда въ Городищѣ списано 1851 г., февраля 17 двя. Москва, О. Бодянский“.

Въ этой рукописи также не оказывается семи годовъ (1734—1741), но за то удѣлъло начало дневника за 1719—1723 и послѣдніе листы начала 1754 г., что нами и печатается на тѣхъ же страницахъ „Кievской Старины“, какъ пополненіе дневника Н. Ханенко.

Предположеніе напечатать дневникъ Ханенко было высказано покойнымъ редакторомъ „Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и древностей“ еще въ концѣ сороковыхъ годовъ, но несчастное дѣло по поводу помѣщенія въ членіяхъ сочиненія о Роеціи Флетчера, слѣдствіемъ которого было закрытие членій и увольненіе секретаря Общества О. М. Бодянского, остановило ровно на 10 лѣтъ печатаніе дневника Ханенко. Но и впослѣдствіи только ничтожная часть его была напечатана О. М. Бодянскимъ въ 1-й книжкѣ членій за 1858 г. подъ заглавиемъ „Діаріушъ или журналъ о есть повседневная записка случающихся при дворѣ ясновельможнаго, его милости пана Іоана Скоропадскаго, войскъ Всѣпресвѣтлѣйшаго его императорскаго величества, запорожскихъ обѣихъ сторонъ Днѣпра Гетмана оказій и церемоній такожъ и въ канцеляріи войсковой отправляемыхъ дѣлъ наченшійся 1722 году и оконченный въ томъ же году, по представлении и погребеніи поманутаго жъ Гетмана ясновельможнаго Іоанна Скоропадскаго, въ мѣсяцѣ іюль Войсковой канцеляріи старшимъ канцеляристомъ Николаемъ Ханенкомъ“. Къ этой части дневника О. М. Бодянскій сдѣлалъ обстоятельное предисловіе, въ которомъ широко воспользовался не только всѣмъ дневникомъ Н. Хоненка, но и другими материалами, врученными ему потомками послѣдняго.

У насъ уцѣлѣла переписка Бодянского съ Михайломъ Ивановичемъ и Александромъ Ивановичемъ Ханенко по поводу

печатанія дневника. Письма эти не только интересны во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, но и указываютъ на тѣ оставшіеся документы и рукописи, которые сохранились въ 1847 г. въ родовомъ архивѣ Ханенко. Такъ первое письмо М. И. Ханенка отъ 14 декабря 1847 г. начинается спискомъ этихъ документовъ. Списокъ разныхъ бумагъ и документовъ, находящихся у М. Ханенка:

1. Копія пунктовъ Петру Великому отъ гетмана Скоропадского, апр. 11-го, да члобитная о Почепской межѣ и другая на указъ о учиненіи въ Глуховѣ Малор. Колегіи, въ отвѣтъ апр. 28—1722 год. поданныя въ Москвѣ, и какія на это собственной рукой императорской состоялись резолюціи.
3. Печатный указъ Импер. Петра обѣ удаленіи отъ престолонаслѣдія Алексѣя.
3. Приказъ Гр. Разумовскаго съ копіей указа Иностр. Колегіи о пожалованіи Почепа.
4. 1729 г. распись о жалованіи Малороссійскимъ полкамъ изъ Государс. Колегіи.
5. Указы Петра 1-го о взятіи Азова 1696 г. о невзиманіі безъ указа подводъ и о неназываніи измѣнниками и прот. 1710 г. о произведеніи въ чины полковые и сотенные гетману изъ кандидатовъ 1715 г. О измѣнѣ Мазепы 1708 г.
6. О вступленіи на престоль царя Феодора Алексѣевича послѣ Ал. Мих., тутъ же о содержаніи правъ и вольностей. О вступленіи на престоль Ioanna и Петра Алексѣевичей и о подтвержденіи правъ и привилегій.
7. Ядро Исторіи Россійской изъ многихъ достовѣрныхъ исторіографовъ собранное къ угожденію прошкальнымъ (84 листа мелкой печати).
8. Счетъ деньгамъ, даннымъ изъ Генер. Канцеляріи хорунжему Ханенку при отправкѣ изъ Глухова въ С.-Петерб. 1750 года.
9. Печатный дипломъ изъ Академіи Голштинской Килской В. Н. Ханенкѣ и печатныя правила той же Академіи Алберты Христины.

10. Экстрактъ изъ правъ Малороссійскихъ о земской давности, подк. судахъ или межевыхъ 1755 году, писалъ собственоручно Н. Д. Ханенко.

11. Выписка изъ статей гетмана Хмельницкаго, поданныхъ 1654 г.

12. Просьба къ Императору гетм. Скоропадскаго 1720.

13. Краткое описаніе Малороссійского края, народа и состоянія онаго древнемъ, такъ же о гетманахъ, какъ прежде мужественнаго онаго и вѣчныя славы достойнаго гетмана Зеновія Богд. Хмельницкаго, яко и по немъ бывшихъ, о разныхъ тожь малороссійскаго, украинскаго и козацкаго народа храбрыхъ дѣйствіяхъ, преславныхъ надъ поляками многихъ побѣдахъ и о прочемъ, что потомъ послѣдовало, собранное въ разныхъ авторовъ латинскихъ польскихъ и русскихъ, 25 листовъ.

14. Указъ Алекс. Мих. мѣщанамъ кіевскимъ на права ихъ жаловать.

15. Изъ конституції сейма вольного варшавскаго, о правахъ за короля Іоана Казимира; перев. съ польскаго. *Комміssія Годяцкая* 1659 г.

16. Указъ Импер. Петра 1723 г. Малороссійской Колегіи.

17. Челобитная поданная въ С.-Петербургѣ Колегіи иностранныхъ дѣлъ до рукъ самого Государа, сент. 15-го 1723 г. за подписью всѣхъ чиновъ малороссійскихъ. (Генер. суд. Чарныша, Полуботки пол.).

18. О книгѣ конституція варшавская 1578 г.

19. Въ генеральной войсковой канцеляріи по справкѣ съ имѣющихихся Вел. Госуд. Цар. и Вел. Кн. и Импер. и Сам. Всер. грамоты также и привелигіанты, Кор. Польс. и Вел. Кн. Литовскаго на вольности, права и преимущества Малороссійскихъ великихъ чиновъ, шляхетства рыцарства и народа и съ другими письменными документами выписано. (Цѣлая тетрадь).

20. Списокъ о полку компанейскомъ, сколько въ немъ состоить членовъ и рядовыхъ съ показаніемъ жалованья и прочаго.

21. О гербахъ державы россійской и жезлахъ въ ней содержащихъ.

22. Уставъ главнаго магистрата Петра Вел. (Печатная книга въ большой листъ изъ библіотеки Н. Д. Ханенко).
23. Подлинная инструкція изъ Генеральной Канцеляріи 1745 г. Генер. Хоруж. Н. Ханенку.
24. Промеморія изъ войсковой Генеральной Канц. въ государственную военную Колегію 1744 г.
25. Донесеніо о козакахъ 1744 г. отъ Ивана Бибикова.
26. Донесеніе посланныхъ съ нарочнымъ въ Сенатъ 1745 г.
27. О служительскихъ деньгахъ и ранговыхъ деревняхъ 1745 г. отъ Генеральной Малороссійской старшины.
28. Развличныя донесенія въ Генер. Канцел., предписанія къ полковникамъ и другая форменная переписка и различные указы въ копіяхъ.
29. Указы и грамоты Петра II отъ 1728 до 1730 год.—къ Малороссії относят. Анны Іоанновны отъ 1731 до 1736 г.
30. По силѣ указа о винныхъ маетностахъ и, которыя состояли подъ веденіемъ министерской канцеляріи, а кто въ оныхъ управители, вѣдомость съ описаніемъ маетностямъ и какой отъ нихъ доходъ (тетрадь).
31. Указы гетмана Апостола въ Стародубскій полкъ.
32. Грамота гетману Скоропадскому на его гетманскій чинъ и на малороссійскія права 1710 г., также универсаль Богдана Хмельницкаго о индуктахъ, отобранные у гетмана Апостола 1721 год. въ Москвѣ канцлеромъ Головкинымъ и вице-канцлеромъ Остерманомъ и назадъ не отданные.
32. Универсалы Самойловича 1678 года, Мазепы и другіе.
33. Меморіалъ, что къ пользѣ Малороссійскаго народа необходимо нужно, дабы здѣшнему краю сущому какъ не въ прежнемъ состояніи могло воспослѣдовать какое нибудь исправленіе.
34. Меморіаль о нижеслѣдующихъ нуждахъ Малороссійскихъ.
35. Еще о семъ меморіалѣ.
36. Къ свѣдѣнію и произвожденію потребное.
37. Гетману доношеніе о нуждахъ малороссійскихъ (отъ кого и кому неизвѣстно).
38. Письмо Хоецкаго войска брацлавскаго судьи пограничнаго, князю примасу изъ Торговица, 1753 г.

39. Переводъ съ писемъ комисаровъ польскихъ изъ Торговица съ комисаромъ российскимъ, отправленнымъ во время пограничной комиссіи 1753 г.

40. Каталогъ книгъ библіотеки Н. Д. Ханенко, на латинскомъ, польскомъ и русскомъ языкахъ, до 150 сочиненій.

41. Письма къ Н. Д. Ханенко отъ разныхъ лицъ: отъ Василія Демидова о покупкѣ овецъ, отъ Полетики, Журоховскаго, Анастасіи Полуботковой, но не заключающія въ себѣ ничего историческаго; изъ за-границы, изъ Парижа, отъ Прюда, изъ Стразбурга, отъ Гуммеля, изъ Киля, отъ Волькмана, изъ Гамбурга и проч.

42. Письма Васил. Ник. Ханенко къ отцу изъ за-границы, гдѣ онъ учился и находился на службѣ голштинскихъ войскъ, впослѣдствіи же былъ полковникомъ гвардіи и флигель-адьютантомъ Петра III. Описаніе его путешествія, пріемовъ при дворѣ, привозъ знамени въ Голштинію отъ Петра III и проч., писемъ до 50-ти.

43. Указъ Разумовскому Импер. Елизаветы о неявкѣ на комиссию украинскую запорожцевъ гайдамакъ 212-ти человѣкъ 1753 года.

44. Письма гетмана Апостола къ полковнику стародуб. судью Ник. Д. Ханенко, очень ветхія, (Апостоль былъ женатъ на Ломиковской, которой родная сестра была матерью Н. Д. Ханенко).

45. Письма Ник. Д. Ханенко къ сыну Василію заграницу.

46. Конвертъ съ письма, на коемъ написано собственной рукой В. Н. Ханенко: Quelques papiers au sujet des affaires du feu, M-s de Priouda, mort à Strasbourg le du juin 1758. Онъ былъ очень друженъ съ нимъ, но есть черновое письмо къ банкирамъ, гдѣ онъ благодарить ихъ за пощеченіе о немъ передъ смертью и обязывается заплатить всѣ его долги заграницей.

47. Черновые письма Н. Д. Ханенко къ различнымъ лицамъ. Иные очень любопытны.

48. Continuatio Diary privati 1722. Нѣсколько маленькихъ тетрадокъ, изъ коихъ въ первой окончаніе похода на Кавказъ. Кроме известнаго Diariума, веденнаго во время пребыванія

Скоропадского при дворѣ Петра I-го, есть дневникъ, писанный каждодневно собственной рукой Н. Д. Ханенко, въ продолженіе 40 лѣтъ—онъ находится у брата моего Алексѣя Ивановича Ханенко.

Въ слѣдующемъ письмѣ отъ 24 декабря 1847 года М. И. пишетъ: „Исполняю Вамъ мое обѣщаніе и посылаю Диаріумъ Н. Д. Ханенко, въ немъ вы найдете во многихъ страницахъ пропуски словъ и строкъ—но это дѣло неисправимо, ибо списокъ сдѣланъ тоже съ копіи, доставшейся намъ, въ которой тѣ же пропуски; оригиналъ же, мнѣ кажется, находится у Бантышъ-Каменскаго, которому былъ доставленъ покойнымъ нашимъ дядей Ив. Ханенко, и которымъ онъ руководствовался при написаніи своей исторіи, о чёмъ и упоминаетъ самъ; еслибы Вамъ случилось когда нибудь спросить его объ этомъ, то вы бы доставили намъ этимъ великое одолженіе. Но пропуски эти незначительны, вы все таки найдете очень много интереснаго и полезнаго. Условій для напечатанія этой рукописи я не предлагаю и не имѣю права предлагать никакихъ. Надѣюсь также, что Вы доставите намъ въ отдѣльно напечатанной книжѣ этотъ диаріумъ въ числѣ 25 и до 40 экземпляровъ; мнѣ бы хотѣлось раздать его добрымъ достойнымъ землякамъ, а также послать въ черниговскія гимназіи, лицей и полтавскую гимназію. Впрочемъ, во всемъ полагаюсь на Васъ; предлагаю эти условія не съ желаніемъ вознагражденія, но если это не мало не будетъ тѣгостно обществу, то для чего же не доставить случай имѣть другимъ? Брать Александръ просилъ передать Вамъ, что все, что есть у него изъ старины нашей малороссійской, онъ съ удовольствіемъ предлагаетъ для напечатанія обществу“.

Затѣмъ въ письмѣ отъ 21 февраля 1848 г. онъ говоритъ: „видѣться съ братьями, какъ я хотѣлъ, чтобы добрать у нихъ остальное къ нашему родовому архиву, за дальностью ихъ жительства теперь не могу вскорѣ, а между тѣмъ не хочу, чтобы у меня лежало долѣе то, что обѣщалъ Вамъ, и что принадлежитъ вашему ученому разсмотрѣнію, почему, приведя кое-какъ въ порядокъ, посылаю Вамъ второй томъ, который не меныше

перваго, и который заключаетъ въ себѣ болѣе нашего, семейнаго, родового, Ханенковскаго, но, мнѣ кажется, вмѣстѣ и историческаго. Разсмотрѣвъ, Вы увидите, что я не скрылъ отъ Васъ ничего ни самаго пустого, ни самаго важнаго; въ этомъ вся моя заслуга передъ Вами, и хотя малое выраженіе моего истиннаго уваженія къ вамъ. Вмѣстѣ съ бумагами посылаю двѣ книги изъ библіотеки прадѣда: 1) Уложеніе магистрату Петра I-го, если оно имѣть какую нибудь важность историческую и будетъ интересно вашему обществу, то прошу передать въ библіотеку онаго. 2) Рукописная латинская, не знаю, что заключающая въ себѣ, ежели она заслужить какое-нибудь Ваше вниманіе, то прошу ее оставить у себя; отъ правнука въ память прадѣда. Не знаю, писалъ ли я Вамъ, что вся библіотека Ник. Дан. Ханенко, (каталогъ которой вы имѣете), подарена нашими бабками Новгородъ-Сѣверской гимназіи и теперь, кажется, вся на лицо. Многія книги исписаны рукою прадѣда, т. е. его замѣтками. Ежели братъ Александръ, съ которымъ я уже давно видѣлся, не отослалъ Вамъ дневника Н. Д. и другихъ его бумагъ, то могу увѣрить Васъ, что въ самомъ скоромъ времени вы ихъ получите, и тогда исповѣдь нашего семейства передъ Вами будетъ кончена, будемъ хлопотать о другихъ. Мнѣ кажется изъ письма Вашего, что вы незнакомы лично съ Ник. Андр. Маркевичемъ; этотъ человѣкъ такъ добръ, что у него можно взять послѣднюю рубаху, но нужно взять, самъ же онъ неспособенъ исполнить самого пустого обѣщанія по своей безпечности. Вотъ причина, почему Вы могли предполагать, что онъ жартуетъ съ вами, я постараюсь употребить все мое настояніе, чтобы добыть лѣтопись, нужную Вамъ,—но для этого нужно быть мнѣ у него. Предположеніе его о лѣтописи Казара, принадлежащей будто бы Разумовскому, какъ автору, мнѣ кажется невѣроятнымъ по многимъ даннымъ,—пусть пришлетъ ее, Ваше дѣло будетъ увѣриться или разувѣриться въ этомъ“.

Въ письмѣ отъ 3 марта 1848 г. М. И. писалъ: „списокъ, присланный мною вамъ, дневникъ Ник. Дан. Ханенко, переписалъ съ единственнаго у насъ списка брата Александра, и пропуски, сдѣланные въ немъ, находятся и въ его спискѣ, одно не

сдѣлано мною, я его не успѣлъ повѣрить со спискомъ брата, написаннымъ довольно четко, что произошло отъ поспѣшности отправить вамъ, и потому пропуски останутся, кажется, навсегда, а если въ моемъ спискѣ встрѣчаются слова, которыхъ трудно прочесть, и Вы захотите имѣть списокъ брата Александра, то напишите ко мнѣ, онъ съ того времени у меня на удержану, до увѣдомленія вашего. О дневникѣ Маркевича, я почти могу надѣяться доставить его вамъ для напечатанія, Алекс. Мих. изгото-
вилъ его временно къ печати и даже написалъ предисловіе—
но онъ залежался у него и какъ ему съ охотою не передать
вамъ для исполненія его намѣренія и напечатанія въ членіяхъ
Вашего общества. Когда онъ, встрѣтясь со мною и говоря объ
Васъ, сдѣлалъ мнѣ укорь, что мнѣ стыдно не передать для на-
печатанія Вамъ дневникъ моего предка (который онъ читалъ),
но онъ мною уже былъ отосланъ, и онъ повторилъ, что я сдѣ-
лалъ должное. Изъ этого вы можете видѣть и его мысли; и, вѣ-
роятно, тѣ, которымъ вы говорили объ этомъ и не намекнули
ему; я же воспользуюсь случаемъ за это здѣсь полезнымъ. Я
слышалъ отъ кого-то, что Чижовъ его предполагалъ печатать
въ своемъ журналь и потому не обѣщалъ ли ему Алекс. Мих.
и не свяжетъ ли это послѣдняго, но и въ такомъ разѣ я не
разрѣшу. Чижовъ живетъ въ нашемъ уѣздѣ, я съ нимъ часто
вижуся и знаю, что кромѣ формального запрещенія правитель-
ствомъ изданія его журнала, онъ и самъ, по этимъ или другимъ
причинамъ, раздумалъ о своемъ изданіи—онъ мнѣ такъ говорилъ.

Алекс. Мих. Маркевичъ, потомокъ Пав. Л. Полуботки, по
женской линіи, и у него я видѣлъ собственноручную записку
Павла Леонтьевича—не помню года и числа когда она ведена.
Числа выставлены по церковному буквами, и противу каждого
числа писано, что случилось историческаго въ этотъ день изъ
исторіи древней и новой. Такъ исписанъ полулистъ. Не думаю,
чтобы эта записка была интересна для напечатанія въ Члені-
яхъ общества; она драгоценна для насть по воспоминаніямъ о
величайшемъ мужѣ. Жду, что вы мнѣ скажете.

Жалѣю, что я не зналъ, при Вашемъ изданіи Конисскаго,
что списокъ Полуботки Вамъ интересенъ, первое потому, что

мнѣ легко было его достать, а второе, что у брата Александра, находится сдѣланный имъ семь лѣтъ тому назадъ со списка Полетики и хорошо свѣренного. Хотя я слышалъ отъ Полетики о важности его, но не вѣрилъ ему, ибо не зналъ того, что Вы мнѣ пишете. Не хотите ли, чтобы Вамъ прислатъ списокъ брата Александра, Вы его просмотрите и, если найдете разницу, то я могу достать и списокъ Полетики. Полетика, слышавши, что мы послали печатать дневникъ Н. Д. Ханенко, (хотя по его воспитанію и прочему это ему не могло быть интересно), просимъ передать мнѣ черезъ родственника, что онъ доставить лѣтопись или черезъ меня въ ваше общество или просилъ Вашего адреса. Я сказалъ сейчасъ, что эта лѣтопись Конисского, но тотъ мнѣ возражалъ, что онъ говорилъ ему объ этомъ и что это другая, При первой возможности, (ибо онъ живеть за 60 верстъ), я буду у него, узнаю все и пришлю Вамъ. Напишите, какъ Вы нашли моего прадѣда. Ежели можно то прошу Васъ не покидать вашей прекрасной мысли для насть печатать все то, что найдете достойнымъ въ нашихъ бумагахъ, по общимъ сводамъ, (изъ бумагъ рода нашего)“.

Затѣмъ слѣдуетъ письмо отъ 7 апрѣля: „Исполняю Ваше желаніе и посылаю Вамъ списокъ (дневникъ Н. Д. Ханенко), принадлежащій брату Александру Иван., изъ которого сдѣланъ мой, пересланный Вамъ,—не думаю, чтобы онъ пособилъ общей нашей потерѣ, разумѣю о нѣкоторыхъ пропускахъ въ спискѣ. Съ Александромъ Мих. Маркевичемъ надѣюсь видѣться никакъ уже не позже мая 10-го и тогда передамъ Вамъ результатъ моего свиданія. Къ Полетикѣ уже написалъ и просилъ его о присылкѣ его лѣтописей, ожидаю отвѣта и увѣдомлю васъ, почему въ ожиданіи этого не счелъ за нужное посыпать списокъ съ Полетикиной лѣтописи, находящейся у брата Ал. Ив.

Отъ 21 апрѣля 1848 г. М. И. Ханенко писалъ: „черезъ два дня єду въ деревню къ брату Ал. Ив. и надѣюсь, что при мнѣ онъ отправитъ къ Вамъ всѣ бумаги, которыхъ уже и изгото-
вилъ къ сему, о чёмъ говорилъ мнѣ на днѧхъ.“

Благодарю Васъ за обѣщаніе высказать мнѣ мнѣніе о Ник. Дан. Хан., а притомъ, надѣюсь, о важности бумагъ, нами доставленныхъ. Біографію его нельзя очертить, не имѣя въ рукахъ его 40 лѣтніаго дневника, который вы скоро получите, а при этомъ позвольте-ка вамъ передать кое-что, что знаю о немъ, какъ о предкѣ своемъ.

Н. А. Маркевичъ добный человѣкъ, а тому, что онъ разсказываетъ, вѣрить нельзя и потому, ежели онъ пишетъ, что предложилъ академіи наукъ грам. и слов. Косенко, то надо предполагать, что это только была мечта и вполнѣ можно ручаться, что не исполнится и успокоиться. За вѣрность моего показанія мѣстоположенія Вышевекъ я могу ручаться офиціально, ибо прошедшее лѣто, по должности моей предводителя дворянства, производилъ тамъ посредническое, довольно большое поземельное дѣло. Подробности же другія, слышанныя, повѣрялъ на мѣстѣ, жиль же я самъ въ домѣ фельдмаршала.

Посылаю Вамъ въ подлинникѣ письмо Полетики, чтобы Вы изъ него усмотрѣли, что я дѣлалъ, что могъ и надѣюсь, при свиданіи, сдѣлать окончательно, что могу, а между тѣмъ, не найдете ли Вы или не укажете ли мнѣ другихъ путей къ его двоюродному брату,—брать же мой Алек. Ив. доставить вамъ свою копію Конисскаго". Вслѣдъ за этимъ, въ тотъ же день О. М. Бодянскій получилъ письмо отъ Ал. Ив. Ханенко: „Давно я собирался послать къ Вамъ находящіяся у меня бумаги прадѣда моего Николая Даниловича Ханенко, но, желая представить Вамъ ихъ въ лучшемъ видѣ и имѣя въ продолженіи нѣкотораго времени много занятій по службѣ, я отлагалъ это до свободнаго времени, чтобы порыться въ старыхъ сундукахъ съ дѣлами, относящимися къ имѣнію, гдѣ частію отысканы и сіи бумаги. Но, услышавши отъ брата Михаила Ив. пріятнѣйшую для меня вѣсть, что Вы въ предстоящее вакаціонное время хотите при изданіи части дневника помянутаго прадѣда моего, приложить его біографію, я поспѣшаю при семъ препроводить къ Вамъ нѣкоторыя изъ тѣхъ бумагъ, въ которыхъ вы найдете матеріалъ для этого предмета, и дневникъ, часть котораго была передана покойнымъ дядею моимъ Александромъ Ив. Ха-

ненко Бантышу-Каменскому, съ которой копія получена мною отъ того же дяди моего, а списокъ уже съ оной доставленъ вами братомъ моимъ. Еще также передалъ мнѣ братъ, что Вамъ угодно имѣть мой списокъ Исторіи Коннискаго, переписанной слово въ слово изъ рукописи, находящейся у Якова Павл. Полетики, съ радостью всѣмъ, чѣмъ могу, готовъ служить Вамъ, но нужнымъ считаю объяснить, что хотя сей Полетика и потомокъ того извѣстнаго депутата Полетики, но рукопись его, кажется не предковская, а досталась ему изъ Безбородкинской Гриневской библіотеки и притомъ очень неисправная, а подлиннаго экземпляра надо искать у полтавскихъ Полетикъ, двоюродныхъ его братьевъ. Ежели Вамъ угодно будетъ, я, какъ знакомый съ ними, напишу къ нимъ обѣ этомъ и извѣщу Васъ о послѣдствіяхъ моего розысканія. Возвратясь изъ Чернигова, я постараюсь скорѣе собрать остальныя бумаги и также переслать ихъ Вамъ, изъ которыхъ все, что вамъ угодно будетъ, прошу Васъ напечатать въ Изданіи Общества, и, по разсмотрѣніи ихъ, когда онѣ уже будутъ ненужны, покорнѣйше прошу возвратить ихъ мнѣ, по прилагаемому адресу.

P. S. Между посылаемыми бумагами Вы найдете универсалы Меньшикова опошнянскимъ жителямъ послѣ полтавской битвы. Они переданы мнѣ родною теткой жены моей, жительствующей возлѣ самой Опошни въ селѣ Мискихъ Млинахъ, а ей достались отъ предка ея сотника опошнянского Корицкаго⁴.

Въ заключеніе мы должны сказать, что недостающія части дневника Н. Ханенко, по нашему мнѣнію, должно искать, какъ это видно изъ письма А. И. Ханенко, въ бумагахъ, оставшихся послѣ покойнаго Бантышъ-Каменскаго.

1896 февраля 13.

Андрей Татовъ.

1719 годъ Партикулярный журналъ.

Мѣсяцъ ноеврій.

9. Полковникъ¹⁾ литовскій панъ Антоній Танскій приспалъ мнѣ коня мастью гнѣдого, а панъ Василь Кочубей—вороного.

²⁾ Пропуски въ рукописи Бодянскаго.

10. Товарищъ бончуковъ панъ Стефаній Тарнавскій и
канцеляристъ войсковъ панъ Григорій Яснополскій посланы
въ полкъ миргородскій для ревѣзій дворовыхъ числа людей
посполитыхъ.

28. Брать Иванъ отъѣхалъ зъ Глухова зъ писмами гетманскими до епископа переславского преосвященнаго Кирила Шумлянского.

ДЕКАБРЬ.

9. Начало веселья въ домѣ гетманскомъ братанича гетманского жъ его милости пана Михаила Василіевича Скоропадского, обозного полкового чернѣговскаго, передъ котораго начаткомъ говорилъ я орацію, просячи у гетмана и у гетмановой, такожъ и у отца благословенія и того жъ дня отъѣхали въ Дунаецъ.

10. Тамъ въ Дунайцѣ принялъ шлюбъ панъ Михаило Скоропадскій зъ невѣстою своею панною Іуліаною, княжною Четвертенскою, послѣ которой церемоніи обѣдъ продолжался до позна въ ночь, а при концу обѣда давано марцепаны, и коровай раздѣланъ.

11. Отъѣхали мы въ Глуховъ, а прочая веселная компания тамъ осталась.

Сего^{го} числа, за прибытиемъ моимъ въ Глуховъ, вручена мнѣ отъ пана дядка асаула полкового кіевскаго Федора Лаврентіевича Ханенка лаговница и унѣверсалъ небожчика Григорія Гетманича, полковника чернѣговскаго, на добра, нальжне жены дядковой Параскевіи Товстолѣсовны служачie.

22. Универсалъ гетманскій справленъ пану дядку на доб-
ра, въ полку чернѣговскомъ по женѣ доставшееся.

27. Противъ сего числа въ ночи громъ быль и близкавиця.

30. Синъ молодшій его милости пана Семена Савича, писара войскового енералного, Михаилъ Савичъ передъ свѣтомъ за годину преставился.

31. Попрощано тѣло покойного пана писаревича до монастыря петропавловского глуховского, куда и мы зъ его милостью, паномъ писаремъ, отъѣхали.

ФЕВРАЛЬ.

1. Погребеніе ономужъ пану писаревичу отправлено.
3. Принесены двѣ грамоты въ гетману отъ сына енерала лейтнанта Бутурлина: одна о приготовленю си въ походъ, другая о заготовленіи работниковъ на работу до фортецъ, въ Малой Росії будучихъ.
6. Яну Юрію Каспару, купцу вроцлавскому, виданъ декретъ на Стефана Рубана.
7. Захоровалъ я на горячку и хоровалъ по 11 число сего мѣсяца.
19. Посланъ универсаль гетманскій пану дядку на добра въ чернѣговскомъ полку по жевѣ доставшееся, справленный.

МАРТЪ.

3. Панъ Михаило Скоропадскій обѣщалъ мнѣ коня.
9. Пришла вѣдомость къ гетману чрезъ Шостакова, что свѣтлый князь Александръ Даниловичъ Меншиковъ ѳдетъ въ Україну.
10. Віѣхалъ ясновельможный и прочie пани, имѣвшіесь въ Глуховѣ, а тамъ же и мы, канцеляристы, забираючи путь къ Шептакамъ на встрѣчу свѣтлѣйшаго князя.
11. Зъ Гамаліевки рано віѣхавши, проѣхали Новгородокъ и прибыли на ночь въ Шептаки.
17. Свѣтлѣйший князь зъ княгинею и со всѣмъ своимъ домомъ прибыль до Шептаковъ уже позно; которого и самъ ясневельможный и многіе присутствовавшіе особы встрѣчали опол-милъ за Шептаками.

18. Пріймовалъ ясневельможный на квартирѣ своей въ дому попа шептаковскаго свѣтлѣйшаго князя зо всѣмъ его домомъ и ассистенцію, и княгиня по обѣдѣ заразъ отѣхала, а князь забавился ажъ довѣчера при стрѣляню зъ гарматъ, и мождрировъ; тамъ велѣль взять подъ караулъ чернцовъ новгородскаго монастыря, знаменія на небѣ видѣвшихъ, свѣтлѣйшій князь. По отѣздѣ княжомъ, полковникъ миргородскій Даниилъ Апостолъ зъ полковникомъ гадяцкимъ Михаиломъ Милорадовичомъ поссорились въ квартирѣ гетманской.

19. Рано ясневелможный, отъѣхавъ зъ Шептаковъ, прибылъ въ Новгородокъ и тамъ крестиль дитину у пана Кутневскаго, а на ночь отъѣхалъ въ Гамаліевку.

20. Прибыли въ Глуховъ.

Априля.

30. Прибыли зъ ясне велможнымъ въ Гадячъ, гдѣ уже свѣтлыйшаго князя застали и якъ вѣздили гетманъ въ городъ, то палено зъ пушокъ, и сталъ квартирeroю въ замку, гдѣ цѣлая рота драгунская совсѣми офицерами зъ знамерь и зъ музику поставлена была на караулъ, имъ отдавала честь гетману зъ барабаннымъ боемъ походу и зъ граньемъ музыки.

Май.

1. Панове полковники и енералные персоны были у свѣтлыйшаго князя (а гетманъ не былъ, бо жестоко еще на дорогѣ занемогъ) на обѣдъ послѣ службы и послѣ казанія.

5. Пана асаула енералнаго Жураковскаго и пана Валкевича отправлено до Стародуба для межованія Почепа.

15. Свѣтлыйшаго князь отъѣхалъ зъ Гадяча.

16. Ясневелможный отъ толь же вѣзжалъ.

Въ послѣднихъ числахъ мая сего году женился пане Федоръ Чуйкевичъ въ Кролевцѣ на дочерѣ умершаго священника тамошнаго Маковскаго.

Іюнь.

30. Написанъ пану Яну Голембіовскому на село Засуху унверсалъ.

Іюль.

1. Оныи же унверсалъ ему виданъ.

11. Купилъ у пана Корецкаго наметъ, за который далъ 5 р. 50 коп.

31. Преосвященный епископъ Переяславскій Кирилъ Шумлянскій отъѣхалъ зъ Глухова къ Москвѣ.

Августъ.

7. Панъ Валкевичъ отъѣхалъ до С. П. Бурха.

14. Купилъ рондъ, въ которомъ ваги сребра 4 гривны безъ двохъ лотовъ и двохъ золотниковъ; дано за оный 17 рублей.

17. Зъ Яснополскимъ перемовимось.

19. Слухана справа пана полковника чернѣговскаго Полуботка зъ Цибулскимъ.

25. Виданъ дикретъ пану Мочсю Костантиновичу Левицкому, асаулу полковому иѣжинскому, за которій обѣщалъ коня въ 30 талерей.

С е п т е м б� і.

6. Виданъ дикретъ пану полковникамъ чернѣговскому въ справѣ его зъ Цибулскимъ, за которого переписыване начисто далъ я пану Григорію Максимовичу канцеляристѣ 11 локотъ атласу зеленого.

14. Преосвященный епископъ Переяславскій Кирилъ Шумлянскій возвратился зъ Москви, и служилъ въ церкви святаго Михаила.

15. Былъ жестоко боленъ, чего для нѣсколко дней слѣдуетъ лѣчиться мусъль.

21. Отправилъ слугу Томаша Лятошевскаго, давши ему аѣшить, которій служилъ мнѣ болѣе двохъ годъ.

Н о е в р і й.

10. За уневѣрсалъ на маєтности, писанный пану Семену Ганецкому, сотниковѣ погарскому, далъ онъ 5-ть талерей битыхъ.

Д е к а в р і й.

20. Принесена грамота о Григоріи Михайлову, канцеляристѣ, и о Василю Дорошенку.

1721 г о дъ.

Г е н в а р Ь.

6. Былъ у гетмана еденъ знатный полякъ Николай, прозваниемъ Бучинскій, подъчашій троцінскій столнику великаго княжества литовскаго пана Юрія Сапіги и поимѣвшійся отъ

него привѣтственной мовѣ отдалъ ясне велможному отъ принципала своего изрядныхъ пару пѣстолетовъ и щировложеній дзигаронъ въ подарку.

10. Столникъ Федоръ Ивановичъ Протасіевъ отъѣхалъ до С. П. Бурха.

13. Отъѣхалъ полякъ Бучинскій.

14. Отправлена експедиція до двора царского величества взглядомъ Ивановича глуховскаго и взглядомъ Сухоты стародубовскаго, и декреты посланы.

18. Иванъ Граевскій, старій канцеляриста, віѣхалъ зъ канцеляріи до монастыря петропавловскаго совсѣмъ.

22. Отъѣхалъ панъ Стефанъ Максимовичъ К. В. женитись въ Стародубѣ, зъ которымъ отъѣхалъ же и панъ Яснополскій. Въ семъ мѣсяцѣ панъ Андрей Горошинскій женился.

ФЕВРАЛЬ.

7. Антипъ Соколовскій, сотникъ бакланскій, отъѣхалъ до С. П. Бурха.

10. Привезъ грамоту зъ С.-П. Бурха Онишенко о оставленю поротной станціи.

24. Пріѣхалъ въ Глуховъ енералъ Кантакузинъ.

26. Отправленъ зъ Глухова до Стародуба за стаціею и показанциною.

28. Прибыль въ Стародубъ и быль у генерала Ропша, которому и листъ отъ гетмана вручилъ.

МАРТЪ.

8. Поданную суплѣку отъ магистрату стародуб. принялъ и о уменшению стаціи отправилъ съ писомъ къ ясневелножному, требуя на то указу.

9. Данилу Никитинку Дятку даны 6 р. съ полтиню на грунтъ.

11. Віѣхалъ зъ Стародуба къ Пактусову.

12. Быль въ Яцковичахъ у пана Покорскаго.

13. Прибыль въ Мглинъ, и быль у тамошнаго сотника пана Максима Бородки.

17. Былъ у пана Афонасія Есимонтовскаго въ хуторѣ Бѣловоддѣ.

18. Віѣхалъ зъ Мглина.

19. Прибылъ въ Баклань, и сталъ квартирeroю у Соколовскаго.

22. Віѣхалъ зъ Бакланѣ, и прибылъ первой въ Баликинъ на службу, а вечеромъ въ Погарь: гдѣ былъ у мене сотникъ пагарскій панъ Семенъ Галецкій зъ своимъ урядомъ.

27. Василью Романовичу даны отъ мене 2 р.

29. Віѣхалъ зъ Погари и прибылъ въ Лобки.

30. Прибылъ въ Стародубъ.

А П Р И Л Й.

4. Обсилка чрезъ мене учинена знатная отъ ясне велможного на кухнѣ естними и питейними рѣчами генералу Роппу.

20. Віѣхалъ зъ Стародуба и прибылъ въ Дохновичи.

22. Прибылъ въ Новгородокъ.

26. Віѣхалъ съ Новгородка.

28. Прибылъ въ Глуховъ.

М А Й.

30. Былъ у гетмана олонецкаго драгунскаго полку господинъ полковникъ Юрій Федоровичъ, послѣ котораго синъ и орацію къ гетману говорилъ передъ обѣдомъ при инспекторѣ своемъ Незабитовскомъ.

І Ю Н Й.

9. Даровалъ мнѣ яснѣвельможный инструментъ, якимъ можно за одnymъ разомъ перо затемперовать. Сего жъ числа отправленъ до двора царскаго величества и до св. синода панъ Кутневскій.

10. Были у яснѣвельможнаго два резиденты, одинъ князь Сергій Григорьевичъ Долгорукій до Полчи, другій Неплюевъ поруччикъ отъ галернаго флота, до Царигорода ординованный.

21. Пріѣхали зъ С.П.-Бурха асауль в. енерал. панъ Василій Жураковскій, обозный прилуцкій и судіа гадяцкій, да канцеляристъ войсковый панъ Петръ Валкевичъ.

22. Тиже пріїжджії были у ясновелможного и принесли грамотъ 4: 1-я о межѣ почеповской, 2-я о лаврѣ кіевопечерской, 3-я о избраніи въ чины енералныхъ особъ вакансовыхъ. 4. о сунодѣ духовномъ, жебы писать и возносить таковою титлою: святѣйшему правительствующему суноду.

І ю л й.

18. Віѣхали зъ ясновелможнымъ зъ Глухова къ Нежину.

22. Прибыли въ Нѣжинъ: и тамъ на квартерѣ гетманской застали роту зъ знамень на караулѣ.

23. Былъ благодарственный молебенъ о полученномъ поиску надъ шведами чрезъ енерала лейтнанта Лессі, потомъ обѣдали у полковника Петра Петровича Толстого зъ гетманомъ генераль лейтнантъ вицъ Иванъ Юрьевичъ Трубецкой зъ княгинею двома дочарми и племенницею.

А в г у с т ъ.

8. Писана експедиція до двора царскаго величества въ интересахъ полковъ гадяцкого и полтавскаго въ заводахъ о грунта зъ слободскими полками и отпуску козаковъ зъ Ладоги за временномъ, и тая экспедиція вручена сотнику опошнянскому Корицкому, асаулу пол., полтавскому Сибилевичу и сотнику старосанджаровскому Тарнавскому; а сіе дѣжалось въ селѣ Дубовомъ Гаю въ полку прилуцкомъ.

10. Прибыли въ Новую Греблю.

14. Прибыли къ монастырю Густинскому.

17. Прибыли въ Прилуку.

18. Віѣхали зъ Прилукъ.

23. Прибыли въ Мутинъ.

26. Прибыли въ Вороглѣ, а потомъ прибыли въ Глуховъ.

С е п т а в р і й.

1. Купилъ у пана Казановича шаблю позлощистую за 25-ть талерей битихъ.

7. Господарь двору рейтмента рскаго Иванъ Даровскій преставился.

23. Пришла въдомость зъ С. П. Бурха о состоявшемся между имперіою россійскою и короною шведскою мирѣ въ Ненштатѣ.

23-го числажъ получилъ ясне велможный отъ сунода листъ о висилки отца Тихорского и отца Горки до С. П. Бурха.

Окторвій.

2. Принесена царскаго величества грамота и за собственною монаршею рукою листъ изъ гabinetа зъ объявленіемъ о состоявшемся въчномъ миру зъ короною шведскою, а оная грамота принесена Даниломъ Тимофиевичемъ Чевкинымъ, отъ лейбъ гвардіи капитаномъ поруччикомъ. Якою въдомостю привѣтствуючи ясне велможного, прїѣздили господа столникъ Протасіевъ да полковники Шарфъ и Балцеровъ и для той же въдомости по всѣхъ церквахъ дзвонено и зъ арматъ бито.

3. Молебствіе о вчора полученной въдомости благодарственное въ церкве святаго Николая отправовалось и публикація о мирѣ была при пушечной стребѣ, и при обѣдѣ у стола гетманского палено зъ пушокъ и зъ межджировъ довольно.

6. Панъ Михайло Скоропадскій купно зъ паномъ Костенецкимъ отъѣхали до С. П. Бурха,

8. Женился Іосифъ Гавrilовичъ на свойственницѣ пана писаря енералнаго.

19. Отъѣхалъ господинъ Чевкинъ зъ Глухова, и полковники разъѣхались.

22. Пришла въдомость, что князь Петръ Алексѣевичъ Галицынъ, сенаторъ и кіевскій губернаторъ, сего мѣсяца 19 числа въ Кіевѣ преставился.

Новврій.

12. Панъ Григорій Яснополскій зосталъ господаремъ двoru рейментарскаго.

16. Комендантъ глуховскій господинъ полковникъ Богданъ Григоріевичъ Скорняковъ Писаревъ отъѣхаль зъ судію надворнымъ курскимъ господиномъ Чириковымъ на межу почеповскую.

20. Отъѣхалъ писарь войсковый енер. панъ Семенъ Савичъ на межу почеповскую.

21. Машталъръ Заецъ привезъ зъ С. П. Бурха грамоты: 1) о полкахъ, чтобы 8 только осталось въ Украинѣ; 2) о Нахимовскомъ и о городахъ имѣющихся дѣлитися между слободскими и полтавскими полками.

22. Посланъ я отъ гетмана къ генералъ-лейтенанту фонъ Вейзбаху зъ указами о выводѣ зъ Украины лишнихъ полковъ сверхъ осми и къ оберь штеръ криксь комиссару Ивану Василевичу Панину на почтѣ.

23. Прибыль въ Конотопъ, а ночью въ Роменъ.

24. Былъ у оберь штеръ крикъ комиссара Панина и ему же вручилъ листъ гетманскій и указъ зъ главнаго военно-го комиссариату.

25. Прибыль въ Лохвицю на свитанию, оттоль до Сенчи, потомъ уже заледва ночью пріѣхалъ въ Лубнѣ.

26. Былъ у его превосходительства у господина генерала Девейзбаха рано и отдалъ надлежащие письма, потомъ у его же превосходительства и обѣдалъ.

27. Такожде у генерала кушаль обѣдъ и комиссію свою исправлялъ.

28 Отобравъ отъ генерала експедицію отвѣтную и отклонился, потомъ обѣдалъ у сотника и, віѣхавъ зъ Лубенъ, ночевалъ въ монастырѣ Мгарскомъ.

29. Прибылъ въ Лохвицю.

30. Прибылъ въ Роменъ и былъ на трактаментѣ у полковника лубенскаго его милость панъ Андрея Марковича ради кавалерскаго праздника именинъ его.

ДЕКАМВРИЙ.

1. Передъ віѣздомъ зъ Ромна обѣдалъ у пана Ясонопольскаго, потомъ былъ у старшого канцеляриста комиссаріатскаго Михаила Василевича Володимерова и оттоль поѣхалъ зъ Ромна.

2. Прибыль съ свѣтомъ въ Конотопъ.

3. Прибыль въ Глуховъ и писма генералскіе и отъ оберь штеръ криксь комиссара Панина вѣрнули ясне велможному, такожъ отъ генерала и столнику Протасіеву.

6. Сего числа по запискѣ скончилось мнѣ 28 годъ отъ роду.

12. Полковникъ чернѣговскій панъ Павель Полуботокъ, повернувшись зъ Ладоги, прибыль въ Глуховъ.

15. Подана супплѣка гетману о опредѣленіи деревень.

17. На оную супплеку положилъ декларацию чрезъ пана Володковскаго.

1722 г. въ Москвѣ.

Мартъ.

8. Былъ у присяги о опредѣленіи наслѣдника престола россійскаго, его же позволилъ императорское величество владѣющій государь по своей воли опредѣлiti, и такъ на формѣ присяги, яко и въ книгѣ о томъ подписался.

25. Въ сей Воскресенія Господня и Благовѣщенія праздникъ изволилъ его императорское величество Петръ Великій зъ государынею, и всею высочайшею фамиліею, также всѣ первѣйшіе господа и гетманъ присутствовать въ церкви соборной успѣнской на утренѣ и на обѣднѣ, а самъ его императорское величество апостоль читалъ.

Апріль.

21. Донесено гетману, что сего жъ априля 19 состоялся въ сенатѣ именный указъ о опредѣленіи въ Малой Россіи коллегіи, въ которую назначенъ президентомъ Степанъ Лукичъ Вильяминовъ брегадиръ.

28. Въ Преображенску подалъ гетманъ его имп. величеству пункта въ общенародныхъ нуждахъ, и челобитную въ дѣлѣ почеповскаго межованія, на которой самъ государь того же часу собственною рукою помѣтилъ указъ для исполненія по оному изъ сената.

29. Посвященъ отецъ архимандритъ нѣжинскій Епифаній Тихорскій епископомъ бѣлгородскимъ, а игуменъ выдубецкій Лаврентій Горка поставленъ архимандритомъ воскресенскимъ, а отправовалъ надъ ними тые церемоніи преосвященный архіепископъ великоновгородскій Феодосій Яновскій съ другими 6 архіереями и архимандритами.

30. Былъ гетманъ въ сенатъ и подалъ указъ собственноручный государевъ на членовъ гетманской, о Почепѣ написанный, а какъ возвратился въ сенату, то принесенъ къ гетману за собственнуюю же императорскаго величества рукою указъ о учрежденіи въ Малой Россіи великороссійскихъ судей для вышшей апелляціи и о протчемъ.

М а й.

3. Противъ оного указу учиненный отъ гетмана отвѣтъ отвезъ панъ Димитрій Володковскій до генерала прокурора Павла Ивановича Якушинского и до Петра Андреевича Толстаго.

Сего же числа его императорское величество изволилъ быть у гетмана на квартирѣ, и позабавится въ годину въ ночь.

4. Государь и адмиралъ генералъ Федоръ Матвіевичъ Апраксинъ изволилъ поплить на судахъ рѣкою Москвою къ Коломинску. Числа 5 знову оттолъ возвратился государь въ Москву.

6. Архимандритъ кіево-межигорскій Іродіонъ Жураковскій посвященъ епископомъ въ Чернѣговъ.

12. Былъ государь въ ризницѣ патріаршой, гдѣ его величество и гетманъ кланялся.

13. Изволилъ отъѣхать государь въ Москви, забѣрая маршъ въ походъ до Астраханѣ.

14. Посвѣщенъ архіепископомъ кіевскимъ отецъ Варламъ Ванатовичъ архимандритъ тихвинскій преосвященнымъ Феофаномъ Прокоповичемъ архіепископомъ псковскимъ.

20. Поставленъ архимандритомъ заиконно-спасскимъ отецъ Гедеонъ Вишневскій и ректоромъ.

21. Принесены пункта отъ гетмана государю, поданныя за отмѣтами, противъ всякого учиненными и резолюціею.

І ю нъ.

4. Свѣтлайшій князь Александръ Даниловичъ Меншиковъ былъ у гетмана на квартирѣ и пожегнался съ гетманомъ.

5. Государини цесаревны и свѣтлайшій князь отъѣхали до С.-П.-бурха въ Москву.

9. Госпожа гетманова и обозъ весь гетманскій выѣхалъ съ Москви.

10. Я зъ паномъ Столповскимъ отъѣхалъ зъ Москви калужскимъ трактомъ и ѿхалъ на Калугу, на Беліовъ, Болховъ, Каравачевъ, Трубчевсвъ и на Стародубъ. А оттоль

27 прибыли въ Глуховъ, куда сего жъ дня и яспе велможный господинъ гетманъ Скоропадскій прибыль больный. По молебствіи о полтавской викторіи, въ церквѣ св. никольской отправленномъ, палено зъ пушокъ.

29. Былъ молебень ради тезоименитства императорскаго величества съ пушечною стрѣлпою, а потомъ банкетъ быль въ домѣ гетманскомъ, токмо гетманъ ни въ церквѣ, ни при банкетѣ не присутствовалъ ради не малой своей немощи, которая що разъ болѣе умножалась.

Іюль.

1. Прибыль въ Глуховъ полковникъ чернѣговскій Павель Полуботокъ.

2. Сочиненъ отъ ясневелможнаго тестаментъ, на которомъ какъ самъ его велможность, такъ и господа полковникъ чернѣговскій Полуботокъ, Семенъ Савичъ писарь, асаулъ Василей Жураковскій енеральныне, да полковникъ лубенскій Андрей Марковичъ.

3. Шестого часа поціодне ясневельможный Іоаннъ Скоропадскій, гетманъ, преставился въ Глуховѣ въку своего—76 году, а гетманства на 14 годъ семого мѣсяца. День быль вторникъ.

4. Тѣло гетманское церемоніално винесено зъ двора въ церковь святаго Николая.

Continuatio diarii privati.

Августъ.

22. Тарки, гдѣ просто заѣхали на дворъ князика тамошнаго, зовемого Алжи Дерей Шафналѣ, которій, давши намъ первѣ авдіенцію. потомъ велѣлъ просити до фантани, на дворъ будучой, и туда висилалъ намъ своего татарскаго хлѣба накшталтъ-коржовъ, сира и яблокъ, а далѣ казалъ намъ же отвѣсти квартири, обѣщаючи одправити за арміею поутру. На квартиру

прислалъ возъ сѣна чрезъ своего кортана, якъ бы асаула, а потомъ знову коржами и рибою вялою обослалъ и караулъ свой на всѣ господи, где мы и казаки стояли, подавалъ, на ночь присыпалъ тѣ жъ до насъ еще разовъ зѣ многка зѣ разными уговорами помянутого своего кормана.

23. Рано ходилисмо до Шафнала, которій еще до утра удержатись намъ совѣтовалъ, и для коней знову велѣлъ сѣна дати и корову живую на кухню намъ прислалъ, якую забивши, на всѣхъ раздѣлить велѣлисмо, а тутъ же въ Торкахъ и сей день пробавили

24. Былъ у насъ на квартирѣ прaporщикъ драгунскаго казанскаго полку Иванъ Ждановичъ, въ Таркахъ для пристал-нихъ коней заставленный. Мы тежъ первѣе у Шафнала, томъ и у того прaporщика были. А Шафналь обявилъ намъ, что сухимъ путемъ къ Дербенѣ проѣхать невозможно для татаръ противниихъ товлинцовъ и слимчевцовъ(?), всѣ дороги заступившихъ. Того ради казаль намъ забиратися воднимъ путемъ до Дербенѣ на бусѣ, которимъ мѣль онъ же дербенскихъ аманатовъ туда отпускати, и оное судно намъ показано, але вночѣ противъ.

25 числа, когда зѣ горѣ великий повсталъ вѣтеръ, тое назначенное намъ судно вали на морѣ разбили, и того ради усовѣтовалисмо послать чрезъ татарина о себѣ до его пре-восходителства Петра Андріевича доношеніе, къ чому и Шафналь склонился, а намъ бы доспять возвратитися до транжаменту, и потому составилисмо мененное доношеніе и особенный до пана полковника миргородскаго листъ, а сами еще въ Торвахъ заночевали, гдѣ въ ночѣ, спачимъ намъ, начали нѣкоторіе татаре на часового нашего козака, хотѣли его зѣ оружіемъ схватати, толко татаре, придаванные намъ одѣ Шафнала на каждую ночь для караулу, когда учинили окрикъ, теды тіе вори уйшли, тутъ же заплатилемъ Дмитрашковѣ запог—зол. 7.

26. Скоро свѣтъ прислалъ къ намъ Шафналь своего кармана, же бы одалисмо писма для отвозу, куда надлежить, которому мы вручивши пакетъ, на имя пана полковника миргородскаго подписанный, (въ якомъ и доношеніе свое и другое куріеровъ Якима Савича Украинцова преображенскаго полку сал-

дата, да Ивана Микифоровича Сенатского зъ товарищи въключилисмо, такождо прaporщика, въ Таркахъ будучого, писмо до енерала Кропотова) отпустили оного, да онъ же корманъ пріѣхавши къ намъ на квартиру повторе, при проводиль намъ же въ провожатіи къ Сулаку мурзака, зъ якимъ по обѣдѣ и віѣхалисмо всѣ зъ Тарковъ, а прибывши до помянутой рѣки Сулаку сами начали переправлятись, а мурзана оного зъ другими татарами, якихъ у той же рѣки засталисмо, отпустили, въ свояси. Переprавившъ за съ рѣку мало до паги... натягши, стали на ночь.

Descriptio situs marum a Scytha montanos.

Тарки, помянутое мѣстечко, есть подъ самими и между горами, отъ моря одстоить верстъ 7—6, въ которомъ жилища татарскія суть премногіе, всѣ зъ каменя муранные, тилко въ мѣсто вапна глиною, и не мгивъ не на хатахъ, не на мечетахъ дахового покрову; тилко стелютъ зверху грубою глиною налѣпленою, а внутръ кладенные, довгіе, небарзо товстіе, едно другого, якъ бы въ поллоктя, бервена, а на верхъ ихъ очеретомъ настилано, же бы земля, зверху насыпанная, непросипалась. Дворовъ вѣзвзнихъ болшихъ нѣтъ, але хати такъ густо, же зъ южной на другую можна переступати, и, надѣятьтися, въ томъ мѣстечку самихъ людей, до бою способныхъ, коло—5.000, опрочь малихъ и старихъ. Шафналови будинки зъ тесаного камени, выше всѣхъ жилищъ подъ горою, гдѣ зъ горѣ текутъ води преизбытніе зъ камяння, и идутъ первіе во дворъ Шафналовъ каналами до едной на дворѣ, а до другой въ избѣ приходній чрезъ сребрную буру, фонтаню будучихъ, а оттолъ на весь городокъ каналами и по подземлею текутъ презочистіе води, а на каналахъ, взявши отъ шафналового двора, ажъ внизъ ко концу мѣстечка, будетъ зъ 40 миллионъ построенныхъ, барзо лотвомелючихъ. При дворѣ шафналскомъ и брата зъ тесаного каменя здѣлано въ избахъ... Нѣукого оконъ шкляныхъ нѣтъ, але у южныхъ кратками подѣлано, а въ другихъ нема болшъ нѣчого, кромѣ оконницъ. Коло мѣстечка жадного валу нѣтъ, тилко Сидиръ. Онѣ въ вилахъ гор улицѣ въ немъ барзо маліе, заледво одною горбою проѣхать можна. Ринку до продованія и етихъ и про-

чіихъ вещей немашъ, а тавары, якіе м'яютъ, продають по дворахъ, тилко овощи—едни возять по улицехъ, другіе же, бы и шулъ, кто хочетъ покупать, яко то яблокъ и орѣховъ, кричатъ маліе дѣти, сидачи по хатахъ. Сами тамошніи татаре живутъ и ходятъ чирство, почеркеску, въ сервѣткахъ моднихъ и кожанахъ, а жони ихъ шпетни убіорѣ тако, ходятъ въ безіовихъ сорочкахъ, да въ штанахъ безпоясовъ. Хлѣба квасного у нихъ нѣть, бо и пекти его не умѣютъ, але идять корже прѣсніе, а о інныхъ ихъ исвіахъ не случалось бадатись; идять тож мясо и рибу, да не знать якъ готовують. Въ хатахъ ловоєтъ и становъ немашъ, але коверцами вислано и подушокъ з вовни досидѣнья наслано; печей немашъ; свѣтятъ жиромъ зъ туліеніовъ, собакъ морскихъ; въ мечетяхъ молятся по 3 рази въ сутки въ день и въ ноћѣ; голови всѣ и бороди голятъ, и барзо суть хороши въ мужскомъ полу, хотя и въ женскомъ (опрочь строю) многіе найдутся негрубіе. Хлѣбъ пахаютъ пшеничній, ячмень и просо на низинахъ, способнихъ, не оподоль моря и на ниви водъ зъ горъ каналами пускаютъ, бо въ тамошнихъ сторонахъ дождовъ барзо рѣдко, а горячести превеликіе; соли мають зъ озеръ, понадъморемъ будучихъ, доволно; мають овошней, такожъ не скудно, особливе винограду, яблокъ, кавуновъ и орѣховъ волоскихъ; а питя жадного, кромъ чихиру, то есть вина свѣжого, не достать, бо тамошніе жители нѣ пивовъ, не меду, не квасу, а поветь и борщу дѣлать не умѣютъ; погребища, гдѣ мертвихъ ховають, неопадаль одѣм'стечка, и одѣ сѣль найдутся, а надъ кождомъ гробовищи у головахъ оставляють камень тесаный, столпомъ, бо тамъ окаменя нетрудно, кгдижъ все гори каменные, и щось на томъ каменѣ по татарску пишутъ. Тіежъ горскіе татаре великую охоту мають до оружія, а именно янчарки все зъ сребрими пасками держать, роги едни, а другіе ладовницѣ роговіе зъ ладунками такими, що тилко порохъ зъ нихъ висипается, носятъ; прочіе въ панцерахъ зъ мисюрками и карвашами при сагайдакахъ; ъздятъ коней легкихъ и кулбаки добре держать, и сами барзо чирство ходятъ; вмѣсто люлки, каліанъ курять якій. Подобный есть збанковъ абуваютъ тіе каліани сребрніе, люсяндровіе, кршталовіе и деревяніе, при которихъ чубукъ сафлянавый

крученый зверху неякое зелие . . . тютюну. а въ низу вода и черезъ воду, якъ бардакъ, курятъ; тимъ трактаментомъ и гостей почтуютъ, а иныхъ трунковъ не тѣютъ; грошей тѣжъ передъ симъ у нихъ не было нижшою цѣною надъ пять копіокъ персіан неякая монета, а теперь уже копіїки, тилко мелкіе сребрніе, а не медніе беруть, однакъ все дорого продаютъ; женъ каждіи мѣеть разомъ, сколько хочеть. Такихъ же обичаевъ суть и прочіе татаре горскіе, такъ императору нашему поклонившиеси яко и противніе, въ городкахъ и селахъ мѣшкаючіе. Гори въсѧ тіе не всѣ ровніе, едно барзо високіе, другіе молонижшіе, а запершими горамиinne превисокіе, видать на которыхъ зимою и лѣтомъ лѣжатъ снѣги; каждая тежъ гора и наинижшая верстъ въ три висотою будетъ, а все камяністіе. Да утихъ же татарь много бидла рогатого, овецъ, и верблюдовъ барзъ зоднимъ горбомъ наидутся. Зъ владѣльцовъ горскихъ, которіи монархъ нашему, поклонились сіи суть: 1 Аллідерей Тарковскій Шафналь; другіи салтаному жъ; третить Асламбекъ кабардинскіе князеніи, да Накпъ дербенскій, котораго императоръ и потретомъ своимъ подарилъ. -

27. Рано зночлегу рушивши и мало уѣхавши, почасовали потомъ прибыли до транжаменту о обѣдней годинѣ гдѣ, у пана Ігачскаго и обѣдъ кушали; яжъ у его пана сотника на мѣстѣ сталъ, а панъ Тарновскій у пану хоружого полкового прилукскаго.

28. Принесли до комманданта Маслова чрезъ татарина листи одѣ енерала адмірала и отъ габінетъ секретаря Макарова, чтобы зжданими писмами почтарей зъ Москви, и отколь нибудь прибувшихъ не отпускалъ к арміи и писемъ самъ не пересидалъ, развѣ согласія жъ зъ тарковскимъ Шафналомъ. Тогда жъ принесена вѣдомость, что Дербень мѣсто государю нашему поклонилось, а тавлинцовъ татарь, которое были на армію сторонѣ камянного мосту марширующую въ нѣсколко тысячахъ порвались живцемъ пойманыхъ болшъ—20 еднихъ повѣшано, другихъ колесовано, а старого одного Абиза на поль збито, метацись затое, же и они посланныхъ одѣ государя Козаковъ зъ писмами тиранско замордовали.

29. Полковникъ Чернцовъ на флотѣ въ Аграханской заливѣ прійшовшій зъ капитаномъ морскимъ Никитою Петрови-чесмъ Велбое былъ въ транжаментѣ на службѣ Божій у коммен-данта на учтѣ ради именинъ онаго.

30. Vacat.

31. Помянутый флотъ, а именно 13 болшихъ суденъ, зове-михъ ластовыхъ, а прочихъ шлюпокъ, якіе были наладованы запасами харчевими, и аммуніцією, арматами, кулями, порохомъ, бомбами и проч., пойшолъ одѣ Аграханѣ до Дербенѣ, за которымъ флотомъ и я на шлюпцѣ зъ паномъ сотникомъ Сребрянскимъ Ѵздили, хотячи просити капитана Велбое, жебы и нась на флотѣ взялъ, лечъ онихъ не могши достигнути, возвратилемся и зъ великою нуждою заледво до транжаменту о годинѣ вилка въ ночь прибились.

Мцъ Септеврый.

1 числа прибылъ до транжаменту епископъ орменскій съ 15-ю человѣкъ арменъ зъ Астраханѣ водою, которій и у коменданта былъ; а комендантъ сего дни писаль обѣ немъ и о нась до арміи и послалъ писмо тое чрезъ татарина Шавкал-ского въ Дербенѣ.

2. Вотъ судно пришло отъ Дербенѣ до транжаменту, на которомъ привезенъ писма квартирмистръ язиковъ до коммен-данта Маслова одѣ адмирала.

3. На тотъ же ботъ по опредѣленію коменданцкому и мы тако же почтари Українцовъ зъ товарищи, и Іванъ Михайловичъ человѣкъ Нарышкина, всѣли и пошли заливою одѣ транжаменту въ которой за неспособною погодою на якорѣnochovали.

4. Рано зъ заливи війшли на море, але за противною по-годою въ путь свой ити тілько ходили Реемъ, и ту сѣли противъ Терку, якорь бросивши,nochovati, гдѣ превеликіе волни на судно били и многіе зъ насъ барзо хоровали.

5. Заданною намъ одѣ Бога поносною въ Дербенѣ погодою пойшли, и первіе минули островъ, зовемій Чеченъ, потомъ и флотъ, зъ тогожъ острову поднявшійся, подѣ командою помяну-того капитана Вельбое будучій, оминулисмо долеть обехали кол-

тукъ, въ которій рѣка Сулакъ впала, ишли однимъ вѣтромъ добрымъ и противнимъ намъ, зовенимъ нордъ—вѣстъ якій, вѣеть между полночю и западомъ ажъ до полночи, а зъ полночи противный вѣтеръ Зіондъ всталъ, который не только ѿхать, но и реюовать за превеликими волнами намъ не допустилъ, але назадъ судно погналь, и прибилъ противъ Тарковъ, гдѣ о килко верстъ од чернѣй, замѣривши лотомъ глубини, кинулисьмо на якорь о 5 сажень въ глубъ.

6. И тутъ чрезъ цѣлій сей день якъ гори волни на судно наше были, отчего не тілько въ страхъ великий, но и въ болѣзнь многіе, отчаевающись житія своего, пришлисмо барвѣ и, когда ночь наступала, коло судна зась при томъ великому штурмѣ многіе туленѣ, то есть нѣбы собаки морскіе, плавали: а о полночи иной повѣявл вѣтеръ, зовемій нордъ, а потомъ нордъ—вестъ, за которимъ заразъ, поднявши пароси гротъ и брифокъ, пойшли и до свѣта уйшли верстъ зъ 150, свѣтомъ зась,

7 Пливучи самимъ моремъ, зъ далека видѣли превисокіе усмeeвскіе и тавлинскіе гори, гдѣ и деревнѣ видать было, одѣ войскъ государевыхъ попаленные, далей минули устіе Усмei; и ажъ до полудня и пили доброю погодою, а по полудню почалъ утихати вѣтеръ, въ якое время минулисмо одно судно, шлюпку государеву, на которой будучіе люди сказывали намъ, же государь и вся армія рушили зъ за Дербенѣ назадъ. А когда стали уже видни намъ Дербенскіе гори, тоди весма на морѣ тихо стало такъ, что судно уже и рушитись не могло, того ради и лопатами греблись, а просто змѣрали къ Дербенѣ, за котораго на морѣ и флотъ стоялъ; еще зась и другое судно морское, т. е. далѣе моремъ отъ береговъ ишло, зовемое галють, на которомъ первенствующимъ былъ Филиппъ Петровичъ Цалчиковъ подмайстерій корабельный да Иванъ Даниловичъ хочетъ (кочотъ) паросный, и Тихонъ Игнатьевичъ Блоковъ майстери Когда же сближились уже къ Дербенѣ, якъ бы о 15 верстъ, то по сей сторонѣ города виставлено на берегу морскомъ бѣлое знамя, якое самъ государь, въ калорскомъ полку пѣхотномъ вѣхотвиши взять, виставилъ противъ нашего и помянутого другого судна, приворочали къ берегу,

албо застановились: а при знамъ випалено разъ изъ пушки, но понеже мы на суднѣ не знали, хто и для чого стрѣляетъ, ишли прямо къ Дербенѣ, теды повторе випалено въ пушки кулею; з чо-го порозумѣвшись мѣчманъ судна нашего, же поднялъ флаки не хто иной, тилко самъ государь здесь, и началъ судно къ чернямъ керовати, а на другомъ суднѣ поспущено пароси, и послана зъ людми къ берегу шлюпка до знамя; куда зъ нашо-го судна жадного человѣка не взяли. А якъ прибыли шлюпкою къ берегу, теды самъ государь, тамъ при знамю будучій, при-казалъ на тейже шлюпцѣ привезти зъ судна нашего москов-скихъ почтаровъ, которихъ и побрано, а мы на суднѣ, що разъ ближше къ чернямъ прибѣраючись, заночевали, гдѣ недалеко одѣ чернай государева ставка и вся армія лагеромъ стояла. Судно зась бот такій есть структори: само оно въ сажней поль 4 должнихъ сдѣлано до 6 арматокъ, на которому еденъ посереди-нѣ, другій въ кормѣ меншій каютъ, а третій въ носу и кух-ня, щильно зъ робленные и полотномъ смоленнымъ укритіе, 4 на немъ пароси, первый гротъ, другій фокъ, третій на носу клѣ-фокъ и сіи всѣ суть косіи, а четвертій между фокомъ и клѣфо-комъ брифокъ простій, ровный. Гротъ машта зовѣтся тее дерево, при которомъ паросъ гротъ, а веревка при немъ боковая ді-ринъ фалъ, а якою тотъ же паросъ подіймаютъ гродъ фалъ; ко-торою привязуютъ, на якую сторону надобно, веровкою зовется гротшкотъ. Боковая брифокова веревка—брифокъ брасъ, а низо-віе—брифокъ шкотъ. У машти веревки лѣстничніе, по которихъ лазять матроси, зовутся ванти, другіе—блокъ тали, третіе—юнфери, кормило—руль, а желѣзо, що руль оборачаетъ, руль—пень; знакъ, що на кормѣ—флакъ; що на носу—флакъ; що на маштѣ—флюдеръ дерево, що на носу—букишарокъ; веревка, по которой фока стягають штакъ; по которой брифокова—лопштакъ. Два якори, одинъ большій два зубный зъ колодою, зовомою штокъ, другій меншій дрекъ у обоихъ канати, т. е. лини, на которихъ оніе пускаются въ воду, зовуть кабалковіе, да два дерева, якіе уставичне плаваютъ на водѣ и показуютъ, гдѣ якорь въ водѣ лежить, зовутся буи, а веровка, на якихъ они падаютъ на воду, буйребъ. Два зъ боковъ судна напекталъ криль зовутся шверци, а веровки до нихъ прицеп-

ленны. Шверцъ-тали, чимъ воду зъ судна виливаютъ, вососъ, на чомъ кладутъ знявши паросъ гротъ, вили гротъ и фокъ къ чому привязуются, зовутся покгони, желѣзніе, якими и все судно скрѣплено. Покровъ на болшемъ середніомъ каютъ деревянній зовется люкъ, а полотняній брежентъ, на томъ же суднѣ найдутся, фонарь т. е. лихтарня. Компасъ, на которій смотрячи жекглють и въ день и въ ночь, шости весла, а по бокахъ стоять бочки зъ водою прѣсною, въ кормѣ, въ носѣ, въ каютахъ провіантовіе и прочіе запаси, на низу великие штуки олова лежать, жебы судно глубше въ водѣ ишло и не такъ бы онаго волни видали; людей на томъ суднѣ боту обрѣтаючіеся матроси, лодмани, которое управуютъ паросами и прочіимъ, а що командауютъ судномъ къ людемъ, тотъ зовется мѣчманъ, що править рулу, той есть также лоцманъ, албо кормшарь. Вѣтри на мори принципіалнѣйшіи суть чтири, полуночный зовется нордъ, всходний вѣсть, полуденный зундъ, западный вестъ.

8 Числа септеврія. Скоро свѣтъ припустилисьмо съ судномъ ботомъ къ самому берегу, иже не мѣлисмо лодки, мусили бристи, порозберавшись зъ споднѣхъ убюровъ, а, вайшовши на берегъ, немедля помаршировали до лагеру, гдѣ стояла вся армія отъ моря верстей у 3, а прійшовши въ обозъ и допитавши съставокъ адмиралской и Петра Андреевича, первіе Толстому, и адмиралу, потомъ и габинетъ секретарю Макарову вручилисмо писма, мало зась погода, когда его императорское величество изволилъ прійти до ставки адмиралской, и, тамъ мало позабавивши, выходилъ зъ адмиральского намету, теды мы самому вручили одѣ старшины енер. и полковниковъ нашихъ писаніе, которое пріймуючи одѣ насъ изволилъ сіе формальніе слова сказать: вѣдаю я, что гетманъ умеръ, и, заразъ отдавши писмо наше Петру Андріевичу, самъ обратится изволилъ къ найпу Дербенскому, который близъ намету Петра Андріевича стоялъ, а зъ нымъ де що чрезъ толмача говорилъ, на остатокъ зась, того наипа по плечу рукою поплескуючи, сказалъ: управляйтесь здѣсь гораздѣ, а мы васъ не оставимъ. Tandem всѣль на коня вороного черкесскаго, одѣ Шафкала тарковскаго дарованного, одѣхалъ къ церкви, тамже недалеко разбитой, куда и

государыня императрица каретою пароконною пріѣхала, и началась служба Божія, гдѣ стоялъ государь между пѣвчими и самъ читалъ апостолъ. Ми зась по евангелію отъѣхали до обозу козацкого, о полмилъ одѣ арміи стоявшаго, и тамъ, вручивши пану Миргородскому писма, кушали, а по кушаню знову до арміи пріѣздили къ Петру Андреев., который якъ первый, такъ и повторе сказалъ намъ ѿхати до Астраханѣ, и тамъ отправить декларовавъ, чого ради мы людей своихъ и компанѣйцовъ на тое жъ судно ботъ посадивши, ихъ водою одпустили, а сами до обозу козацкого возвратилисся. Куда скоро прибыли, заразъ смеркомъ уже рушилось козацкое войско въ слѣдъ за бригадою Володимера Петровича Шереметева, и ночью, уйшовши миль зъ двѣ, на дорозѣ спали и тамъ дождали свѣта.

Помянутому наипу дербенскому данъ отъ государя портретъ, который у него пришиленный имъ видѣлисмо, а государыня императрица ему же вчорайшого числа даровала злодѣстый дзиугарасъ, онъ зась государю нѣсколько коней, а адмиралу и Петру Андреевичу по панцеру и по парѣ опеленбасовъ срѣбрныхъ. Дербень мѣста намъ отчасти видать было, которое лежить надъ самимъ моремъ, мури зъ обоихъ сторонъ начавшіеся мало не отъ самого верху горъ притягли въ самому морю, а между мурами поселенія, наверху зась всѣхъ будинковъ замокъ муранный же, въ которомъ и арматъ килко десѧть штукъ найдутся, зъ якихъ, когда монахъ нашъ переходилъ оный городъ, стрѣляно. Въ тотъ замокъ введено президіумъ великороссійское, два баталіони жолнеровъ, и армати зъ суденъ впроважено до города. Въ городѣ зась и ихъ татарскіи жолнерѣ платніи найдутся, подобніи до турецкихъ янчаръ, да такие же бубонки, талерки, якимъ брязглють, и игри мѣютъ, якъ турки. Овощей въ томъ городѣ премного, яблокъ, ореховъ волоскихъ, винограду и проч. есть, лѣски суть коло того же города попадгожами, гдѣ барзо родится шаптали то есть бросквины, много и иныхъ овощей, между ими есть одинъ рожанъ, подобный яблокамъ, тилкожъ онихъ, не зваривши, исти нельзя, виноградовъ и дикихъ много, также рижу не мало, и тамъ якое же колвекъ войску было поживленіе. Тамже дано козакамъ жалованія по ко-

пѣ. Сказовали намъ нѣкоторіе въ государевомъ обозѣ, что будучи его императоръ величество за Дербеню (гдѣ о 15 верстѣ въ Дербенѣ и транжаментъ заложивши, козаковъ 200, а великороссійскихъ 100 человѣка повелѣлъ оставити) мѣритъ самъ изволилъ циркуломъ едну гору превисокую, зовемую Шахъ гора, якая отъ мора отстаетъ о верстѣ килко десять, а въ висоту есть 18 верстъ и 206 сажень.

Сего же числа брегадиръ Володимеръ Петровичъ Шереметевъ зъ своей команды драгунами, и панъ Миргородскій зъ козаками зъ своихъ лагеровъ ночью рушили, и, увойшовши одѣ стану верстѣ съ семъ, якъ ишли лавами, такъ и ночевали. На стану зась мененному, зъ якого рушили, здѣланъ ими же былъ по указу государевомъ невеликій транжаментикъ, и оставлено въ оному козаковъ нашихъ 102 и драгунъ зъ офицеромъ 30; въ ночь великий всталъ ветеръ барвѣ на морѣ.

9. Рушивши государь, и вся армія зъ по Дербенѣ, и, не попасуючи въ обѣдъ, натягли одѣ стану о 8 верстѣ на ночь. А панъ Миргородскій, пойшовши зъ своего ночлегу, о 4 версти обѣдалъ, а о 4 ночовалъ. На обѣдніомъ ставу былъ у пана Миргородскаго Бековичъ.

10. Присланъ указъ одѣ адмирала до пана Миргородского, жебы козаки его команды ишли ровно съ армією отъ мори десятою линіею, а армія въ 9 линий или расположена, и потому такъ устроено.

11. Самъ его императорское величество изволилъ быть передъ обѣдомъ у пана Миргородскаго въ намѣтѣ и горѣлку ганичковую кушаль, которая его величеству пришла до уподобаня, и любо оной государевѣ панъ Миргородскій куфу оферовалъ, однако государь сказалъ, что нѣчимъ везти, и для того велѣлъ, когда зъ барилками зъ двору присылати, давати.

12. Когда подлугъ вишь намененного указу ишли козаки въ десятой линіи при армїи, сего числа о полудню пришли къ тимъ мѣстамъ, гдѣ по под горами текутъ натуральне нефти, накшталть діогтю, що кто хотѣлъ браль для шмарованія осей и колѣсь вмѣсто смоли. Тамъ же ишли мимо тепліе води, въ кото-

рихъ многіе солдати и козаки купались, а ми только мили голови.

13. Стояли при томъ мѣстцу обозами недалеко, гдѣ на армію, еще къ Дербенѣ ишовшую, вдали были зъ горъ Тавлинцѣ татарѣ, съ которихъ якіе тогдажъ зимани были, таможе и повѣшаны; о обѣдной зась годинѣ учинилась була тривога, будто знову явились зъ горъ татаре, чого опасаючись, весь уже день ишли осторожне, козаковъ донскихъ и нашихъ виборнихъ на отводъ коммендировавше. Было сее при уроцищи Унчи рѣчки.

14. Пройшовши уроцище Кольчи, гдѣ противъ деревни Буяна вода добрая была, переправлялись чрезъ камяній мостъ на уроцищи Уллучи, и, уйшовши верстъ сколько наддѣлать, ночевали.

15. Переїшовши рѣчку Монастырь, въ которой вода добрая, натягли валедво о 2 или 3 годинѣ въ ночь къ мѣстечку владѣльца Шафкала Таркамъ и тутъ ночевали, гдѣ передомъ арміи поѣхавшихъ къ городу двоихъ трембачовъ государевыхъ зарѣзали татаре, зъ которихъ поимано пять человѣкъ, и

16. тамъ же подъ Тарками казнено онихъ различно, еднимъ руки и ноги только поперебивано, другимъ поотрубовано.

Зъ подъ Тарковъ рушила армія, а за нею уже назадъ козаки наши надъ вечери: гдѣ когда самъ его императ. величество ѿхать изволилъ передъ арміею, подали наши старшина чолобитную о избраніи гетмана зъ выраженіемъ прошенія такового, якое и въ грамотѣ, чрезъ насть присланной, написано, которую чолобитную его император. величество вичитавши знову нашимъ отдалъ, сие слова сказавши: есть уже писмо зъ малой Россіи такое, а будетъ о томъ впредъ указъ.

17. Весь день ишли, и ажъ

18. натягla армія и государь до рѣки Сулаку, на которой два моста были, единъ на поляхъ, другій на суднахъ устроени. Козаки зась наши

19. пришли до той же рѣки, и особенно одѣ арміи обозомъ стали, гдѣ стояли чрезъ

20—и 21—числа, а

22. перешли на другой бокъ той рѣки мостами; въ сихъ числахъ надъ тою жъ рѣкою въ вершинѣ другой рѣчки, зовемой

Аграханъ, заложенъ городокъ земляный, и названъ городъ Святаго Креста по сей сторонѣ рѣки оной: которой городокъ самъ государь размѣралъ и заложилъ.

На семъ стану панъ Даміанъ Мазаракій, товаришъ полку прилуцкого, преставился, которого тамъ же 23—поховали чрезъ

24—и—25 числа тотъ городокъ Армецяки и козаками здѣланъ, валомъ окопанъ, и палами оставленъ; въ которой запасовъ хлѣбнихъ и военной амунїціи зъ арматами направажено чи мало зъ транжаменту, на Аграханской заливѣ будучаго.

26. Въ наметной церкви, въ томъ же городку розбитой, былъ молебенъ, куда государь, государыня, адмиралъ и другie насъ енерали зѣхавши поздравляли воставленного тамъ подполковника полку драгунскаго Селиванова коммendantомъ, а когда зъ города государь, императрица и прочие отъѣздили, палено зъ 7 штуку арматъ разовъ сѣмъ и

Сего жъ числа всѣ пѣхотніе полки, такожъ и дворъ государевъ рушили одѣ Сулаку къ Аграханской заливѣ всѣдѣть тамъ на судна для маршу моремъ до Астраханѣ.—Мы тежъ, пожегнавши пана Миргородскаго и всѣхъ своихъ въ обозѣ бывшихъ (въ между которыхъ оставлено въ томъ же городку 500 городовихъ, а 100 компанїйцовъ, да 100 донцовъ подъ командою Славуя Требынскаго, сотника Ірклїевскаго, зъ сотниками и другихъ полковъ) поѣхали за арміею, и вѣдучихъ насъ встрѣтиль на дорозѣ господинъ полковникъ брегадиръ отъ кавалеріи Яковъ Сергїевичъ Шамардинъ, зъ которимъ на дорозѣ разними діскурсами прі его жъ трактаментѣ годину и другую пробавили, tandem, разѣхавши, надъ рѣчкою Аграханю въ полѣ ночовали, обминувши армію.

Сего жъ дня въ транжаментъ на Аграханскую заливу прибыль государь.

27. Прибылисмо до того жъ надъ море транжаменту.

28. Былъ въ транжаментѣ въ наметной церкви молебенъ благодарственный въ воспоминаніе бatalіи и полученнай надъ шведомъ подъ Лѣснимъ викторіи: а по молебнѣ випалено зъ 31 штуки арматъ, а потомъ все полки пѣхотніе бѣгучимъ огнемъ стрѣляли разъ одинъ. Кушали обѣдъ всѣ господа подъ наме-

тами у государя и гуляли ажъ до позна, а скоро смеркло, начали пущатись раци въ гору, которихъ на килка сотъ вишиено зъ звѣздами и другими огненными фенгателями.

В семъ походѣ которые енерали и брегадири отъ кавалеріи и інфантеріи были, тихъ имена слѣдуютъ ниже сего.

1) Главный всей арміи и флоту коммендоръ, енераль адмираль Федоръ Матвѣевичъ Апраксинъ.

4) Отъ інфантеріи енерали маюри Михайло Аеонасьевичъ Матюшкинъ. Иванъ Ілічъ Мамоновъ, князь Григорій Дмитріевичъ Юсуповъ князевъ князь Юрій Юріевичъ Трубецкой.

3) Отъ інфантеріи жъ брегадери Василій Яковлевичъ Левашовъ, князь Иванъ Федоровичъ Борятинскій, Александръ Ивановичъ Румянцовъ.

1) Отъ кавалеріи енераль маюръ Гаврило Семеновичъ Кропотовъ.

3) Отъ кавалеріи брегадири: Володимеръ Петровичъ Шереметевъ. Яковъ Сергѣевичъ Шамардинъ и иноземецъ ветеранъ.

Министри:

Князь Дмитрій Кантемиръ, господарь волоскій, Петръ Андрѣевичъ Толстой, дѣйствительный тайный совѣтникъ.

Надъ 10000 козацкаго войска наказнимъ гетманомъ былъ Даніиль Апостоль, полковникъ миргородскій, да при немъ цѣліи два полковники, ирилуцкій Игнатъ Галакганъ, и кіевскій Антоній Танскій, а зъ прочіхъ полковъ наказній.

Надъ 5000 донскаго войска атаманъ былъ Иванъ Матвѣевичъ Краснощокій, да полковникъ Данило Ефремовичъ.

29. Императорское величество зъ государинею императрицею и зъ всѣмъ дворомъ изволили на судна зійти и пойшолъ моремъ къ Астраханѣ за доброю погодою.

30. Бавилися мы еще въ тренжаментѣ.

Мѣсяцъ октоворый.

1. Енераль адмираль и Петръ Андрѣевичъ взошли на судна и, когда прїѣздили адмираль противъ якового судна, зъ каждого стрѣляно и панъ Тарновскій взошолъ на ластовое судно.

2. Я зъ паномъ сотникомъ ічанскимъ сѣли въ судна, именно на островки, въ брегадѣ господина Левашева; я зъ по-рутчикомъ первой роти полку пѣхотного копорского инозем-цемъ Гамантомъ, а панъ сотникъ зъ капитаномъ тоєїже роти Стефаномъ Алексіевичемъ Румянцовимъ, и при божій помощи попліли на море оть транжаменту.

3. Въ ноћ великая была противная погода, которая многіе судна оть флоту одорвала; мы ишли въ флотъ томъ, що и пѣхотніе всѣ полки.

4, 5, 6, 7, 8, 9. То поноснимъ вѣтромъ, то на гребляхъ ишли.

10. Знову была противная погода. Захоровалъ братъ Іванъ.

11. Ишли поноснимъ вѣтромъ.

12. Прибыли къ Волзѣ и, нѣсколько вѣрстъ уйшовши, ноговали на березѣ.

13. Волгою за поноснимъ вѣтромъ ушли.

14. Флотъ ввесь тотъ, въ которомъ мы ишли, и прійшолъ въ Астрахань, и зъ Волги ввойшовши въ рѣчку, прежде званную Хотомова, а теперъ одѣ императорскаго величества нареченную Нева, стали, а мы, зійшовши зъ суденъ, перенеслись на господу въ городъ, гдѣ и пп. Семенъ Рубецъ и Василій Биковскій, присланный въ томъ же интересѣ зъ сенату, стояли.

15. Vacat. 16. Прибылъ адмиралъ, и господинъ Толстой зъ моря ажъ теперъ, поневажъ противная погода ихъ на червоніи морскіи води занесла была и за малымъ въ крайнее не-безпеченство не приправила; а когда пріѣзджалъ подъ городъ адмиралъ выпалено на бляковзу зъ 3 пушокъ.

17. У адмирала былъ банкетъ для имянинъ брата его графа Андрея Матвіевича Апраксина, гдѣ самъ император. величество зъ многими господами кушалъ и гуляль довольно.

18. Былъ государь передъ обѣдомъ у адмирала jacta in hospitio vixo с... 6: nt. v. n. Ich. n. ns.

Даровалемъ хустку едвабную Стефану Алексіевичу Румянцову 1 роти капитану полку копорского.

19. Декларована намъ одѣ права.

20. Прибылъ зъ моря въ Астрахань п. Михайло Прешадвіецкій, и отъ пана Тарновскаго привезъ къ менѣ писмо.

21. Губернаторъ астраханскій господинъ Артемій Петровичъ Волынскій справовалъ для вчорайшихъ именинъ своихъ банкетъ въ кремлѣ; гдѣ государь зъ императрицею и всѣ господа зъ своими паніами были на кушанію, и ажъ до вечера гуляли, а о годинѣ въ ночь одправовали тамъ же въ кремлѣ передъ государемъ и прочими свое набоженство косолбаси: а именно несли вѣякого хлопца въ бѣлой кошулѣ, небы на марамѣ лежачаго, всего стрѣлами поколотого, въ которомъ оніе стрѣли и ножъ въ серду стримѣль, за нимъ несли небы три хорогви зъ персидскихъ поясовъ, а одинъ абизъ на собѣ надъ головою несль щось накшталтъ бандекиму тилко зверхомъ уbrane матеріами. Затимъ ишли паръ зъ 60 онихъ косолбасовъ, кото-ріи всѣ скакали и кричали первей тое слово *Асамъ*, *Асамъ*, уставичне между ними едни накшталтъ походней зъ нему свѣчки невеликіе несучи свѣтили, другіе въ талерки били, а третіи зъ кіями идучи скакаръ приганяли? Потомъ, передъ палацъ губернаторскій прійшовши, всѣ много барзо танцвали ажъ до поту кричали другое щось: *Акшій*, *Бакшій*, далей, подобувавши но-жовъ, начали сами себѣ голови рубати, едни ножами, другіе шаблями, а третіимъ, кото-ріи сами себѣ рубать не хотѣли, абизи тихъ нагнувші, рубали голови, зъ якихъ всѣхъ кровь барзо текла, а они безъ перечь танцвали, и когда кото-рій помянутого накшталтъ умершиго на марамѣ лежачаго миналъ, то на его головою трусиль щорубанною, и кровью крошиль. Итакъ од того порубанія многіи зъ нихъ, зійшовши кровю, не могли сами пойти ку домовѣ, але ажъ они жъ поведено такого зась ихъ на боже-ства, а рабе безъ божія взяло болшъ трохъ годинъ въ ночь.

22. Взяли у Петра Андреевича одправу пану Рубцу зъ Биковскимъ ѿхать къ Москвѣ, а намъ просто на Україну; и чрезъ насъ далъ только одь себѣ Петръ Андреевичъ да совѣтникъ Степанъ листи до пана полковника чернѣговскаго и старшины енеральной, а имъ далъ писмо въ сенатъ, куды такожъ и сотниковѣ ічанскому ѿхать указано

Ажъ сего числа панъ Тарновскій пріѣхалъ зъ моря.

23. Vacat. 24. v. m. r. f, c. m. s. nt. v. n. cz. n. nsf.

Сего жъ числа прибыль панъ судія прилуцкій зъ моря.

25. Готовилисмо себѣ лодку.

26. Одѣхали наши коллеги, то есть панъ Семенъ Рубецъ, сотникъ ічанскій, и Биковскій почтою къ Москвѣ.

1723 г о д ъ.

Г Е Н В А Р Ъ.

6 и 7. Жестоко былъ боленъ на рецедиву горячки, на которую въ прошломъ году въ декабрѣ по возвращеніи изъ Астраханской и Дербенской дороги захоровалъ.

Ф Е В Р А Л Ь.

5. Прибылъ въ Глуховъ ундеръ лейтенантъ преображенского полку князь Петръ Володимировичъ Волконскій зъ указомъ, чтобы ѿхали въ Москву комиссары, бывшіе на межѣ почеповской, асаулъ войсковой енералный Василій Жураковскій и Петръ Васильевичъ съ товарищи, а прочихъ челобитчиковъ тутъ въ Глуховѣ повелѣно ему допрашовать.

6. Куплены у Василія Биковскаго шесть ложокъ сребрныхъ и шесть чарокъ срѣбрьныхъ же, въ которихъ въсю гриневъ двѣ безъ 2 золотниковъ, дано за оные 13 р. 16 к.

14. Пріѣхалъ въ Глуховъ наказный полковникъ стародубовскій панъ Петръ Корецкій съ прочими полчанами тамошними для допросу о межѣ почеповской, въ Глуховѣ имѣюchemъ быть при присутствіи преображенского полку ундеръ - лейтенанта князя Волконскаго.

18. Принесены 3 грамоты: 1, о виправѣ къ крепости Святого Креста на Сулакѣ 10000 козаковъ, 2, о виправѣ 5000 до Ладоги на каналъ, 3, о шпигонахъ.

19. Ночью проѣхали чрезъ Глуховъ куріеръ въ Киевъ по архимандрита печерскаго.

М АРТЪ.

11. Ночью проѣхали чрезъ Глуховъ два куріера, 1 од турецкого солтана Ага Мустафа до посла турецкого, въ Москвѣ обрѣтающагося, 2 отъ французскаго короля. Первій съ объявле-

иемъ войны, ежели войско посланное къ Терку не будетъ возвращено. Вторый зъ медіацію о томъ же.

13. Привезено зъ Москвы тѣло пана Войцеховича, сотника седневскаго, тамъ умершаго, до села Березы.

15. Въ ноче проважено отца Іоанікія Сенютовича, кіево-печерскаго архимандрита, подъ карауломъ къ Москвѣ, и переменено только ночю жъ въ ратушѣ подводы, да заразъ зъ Глухова и повезенъ.

1754 г о д у .

Для памяти повседневная записка.

Г Е Н В А Р Ъ .

1. Получено писмо зъ Глухова обѣ отставки отъ всякихъ дѣлъ Скоропадскаго.

2. Пріѣздилъ обозный Юркевичъ и писарь Гаевскій судовий.

3. Пріѣздила Федорова Шираева зъ дочерми, а по обѣдѣ и отѣхали купно зъ вчорашними гостями.

Писалъ къ намѣстнику ичанскому Ираклію Ляпдашевичу о дровахъ чрезъ Д. Городискаго.

Числа сего жъ зять Савичъ зъ дочерю нашею Анастасіею отѣхаль къ Левенкѣ и далѣе къ Кривцѣ.

4. Писалъ до Губчица о дѣлѣ зятнемъ и до зятя Рословцѣ Гала отѣхала, а я ночевалъ на Василіовцѣ зъ Ивашкомъ.

5. Одтоль возвратились паки въ домъ.

Ивашко занемогъ.

6. При водосвятії какъ стрѣляли, то Козловскому поврежденіе на лицу сдѣлалось.

7. Писалъ писма поздравительные новымъ годомъ до старшинъ генералныхъ и до протчихъ въ Глуховѣ. И до полковника прилуцкого о Горленку и въ Товкачовку.

8. Писалъ же до Якубовича и до асаула компанійскаго за Лавриномъ Цяпою.

9. Овый Цяпа зъ тими писмами отиравленъ въ Глуховъ.
А ночью прибыль къ намъ зъ женою Гудовичъ.

10. Онъ же, отъобѣдавъ, отѣхаль въ путь свой до Хорола
на сватбу, а вечеромъ прибыли подводы зъ Товкачовки.

11. Писаль до Конса о лѣкарствахъ для Ивашки.

12. Писаль писма въ Товкачовку до господаря и до Пет-
руши; да до полковника прилуцкого о дѣлѣ стороны козаковъ
поднскихъ.

13. Послѣ полдня были откупщики Лобисевичъ и турокъ
за показанною и покухоннымъ. Да козакъ Гарбузъ зъ синами
и зъ атаманомъ Кистерскимъ.

14. Писаль до чернця Михаила Ядрилы, чтобъ съ нимъ
видѣться въ Стародубѣ 16 или 17 число.

15. Чубенку кушнеру стародубовскому за работу отъ подши-
ванъ нѣсколько одеждъ данъ рубль денегъ и ему же дано въ
чинбу двѣ куницѣ, да чрезъ его же послано писмо до Ядрила;
лѣкарь Консь прїѣхалъ и сотникъ погарскій.

16. Ёздилъ въ Погаръ зъ женою, и Консомъ на крестины
сина его Петра.

17. Консь по обѣдѣ отѣхаль, и за лѣкарства даны ему
два червонные.

Писаль до писара генералного за Шавломъ Соломахою,
да до Скоропадского о газетахъ и мужикахъ марковскихъ и до
Соломахы.

18. По утру была у насъ старая Соболевская, и я поут-
руже отѣхаль и прибыль въ Стародубъ послѣ полдни. А вече-
ромъ посыпалъ Скорупину болную и сына ей Ивана.

19. По утру многіе мене посыпали и протопопъ съ свя-
щенниками. Писаль и въ домъ къ женѣ, и посылку нѣкоторую
послаль, да отдалъ на бляшкѣ образомъ маліовать маляру косто-
бобрскому Федору Завольскому, по полдни быль у Конса и у
Искрицкого, а вечеромъ были у мене Александрова Корецкая,
обозный и писарь полковые.

20. Рано отѣхавъ зъ Стародуба, заѣздилъ зъ Консомъ до
Андреевой Миклашевской въ Нижномъ, потомъ у графа Мовсея
отъобѣдавъ въ Топалѣ, на ночь прибыль въ Кривецъ.

21. Тутъ же весь день пробылъ, а Консъ по обѣдѣ отѣхалъ ми-жъ проежджались до млиновъ Савичевыхъ, на рѣкѣ Сновѣ будучихъ.

22. Снѣцару въ Кривцѣ заказалъ дубовую скрипку дѣлать, и дано ему въ задатокъ двадцать копѣекъ.

Самъ же по раннемъ обѣдѣ отѣхалъ, и провожали насъ дѣти до своего футора, называемого Рудня, одтоль поѣхавши попасовали коней въ Улицерпѣ, откуда и писалъ до чернца Ядрила о поѣздѣ своемъ въ Лотокы. А на ночлегъ прибылъ въ Удюбное позно, гдѣ и ночевали въ домѣ Плешковомъ.

23. Прибылъ на службу Божию въ Пошову гору и, тамъ откушавъ, пріѣхалъ на Ивановку и тутъ ночовалъ.

24. Зъ Ивановки перѣхалъ въ Лотоки и сталъ въ свое мѣсто дворѣ. А пополдни ѿздили на Щлужъ (?) до построеннаго млина и ступника нашего.

25. Зъ попомъ Семеономъ Пригарою, и знач. товарищемъ Василемъ Озерскимъ разговоры были поутру о обидахъ, людемъ нашимъ отъ ихъ дѣлающихихся.

26. Получены писма въ покетѣ эти разныхъ мѣстъ, изъ которыхъ сына Василя и Мироновскаго писма въ моемъ до жены письмѣ посланы къ Юрьевичу, обозному полковному, для пересилки. А самъ отѣхалъ до Кургаповки, и тамъ у Ивана Курганского ночовалъ.

27. Поутру оттолъ отѣхалъ въ Николаевку, и тамъ отобѣдавъ, прибылъ на ночь въ Лотоки.

28. Попу лотоковскому выговоровалъ за здирства людскіе, а по обѣдѣ ѿздили къ млину и на Ивановку, а оттолъ возвратясь, посыпалъ за разскольщиками, чрезъ фарпостъ эти свиными салами пропущенными.

29. При оныхъ салахъ бывшаго пристава съ слободы Злинки Матвія и пашпорть, у него бывшій въ губернскѣй смоленской канцеляріи, квитъ индукторскій, и карту сотника случановскаго пропускную при моемъ извѣстіи въ полковую стародубовскую канцелярію отправилъ и о томъ же до поруччика Сергія Тихонова въ Тимошкинъ перевозъ писалъ, и тутже былъ у мене тихъ саль

хозяинъ Федоръ Подсевалщиковъ и капраль фортостный. Послѣ полдня ѿздыль въ Макаричи.

Въ писмахъ отъ сына выражено.

Въ 1-мъ, ноябрь отъ 17 п. с. 1746 году полученному: въ С.петербурхѣ декабря 2 тогожъ году началь онъ науки 1 курсъ философической, состоящій въ 12 частахъ, а именно: *in logica, politica, phisica, hypothetica, historia philosophiae, metaphysica. ethica, pneumatologia, theologia naturali juris divini naturali scientia, patrologia, ethico-phisica, et juris divini positivi prudencia. Professor Gentzke.*

2, Collegium Mathematicum. Professor Kosius.

3. Латинскаго языка у профессора Захаріаса.

4. Гисторію юрисъ пруденціи у профессора Дреера, а по воскресеніи имѣль начать юрисъ пруденцію.

Въ 2-мъ, тогожъ году, отъ 29 декабря п. с., полученному 14 января 1747 году.

Разные части философіи, такожъ и математику, и исторію *juris germanici*, и латинскій языкъ.

Въ 3-мъ, 1747 году, 9 января п. с., полученному янвarya 18.

Всю систему философіи г. профессора Gentzke.

Такожъ и математику г. профессора Козе.

Да гисторію юрисъ пруденціи у профессора Дреера.

Латину у проф. Захаріаса.

Въ 4-мъ, тогожъ году, марта отъ 13 п. с., полученному 20, v. s.

Логику и гисторію философическую, такожъ политику и *jus divinum positivum* выслушалъ уже у профессора Genzke.

У профессора Matheseos Козе арифметику и первую часть геометріи въ лѣтѣ на полѣ практиковать будеть. Латину у профессора Захаріаса отсталъ.

Въ 5-мъ тогожъ году, апр. отъ 3 п. с., полученному апр. 19 v. s. у профессора Genzke логику, такожъ гисторію философическую уже выслушалъ, и весь курсъ его системы философической къ приидучему 1-му октября п. с. окончить имѣль.

У профессора Козе арифметику и первые части геометріи и планиметріи прошелъ, а осталъную континуетъ.

У професора Дреера гисторію правъ нѣмецкихъ окончилъ, а по воскресеніи имѣлъ слушать institutiones до правъ нѣмецкихъ.

Въ 6-мъ іюня отъ 6 п. с., полученномъ іюня 26 v. s.

У проф. Genzke us naturae съ частію въ кото-ромъ включается tractatus de affectibus съ мѣсяца априля началь, и скоро окончилъ.

У проф. Козе въ воинской и гражданской архитектурѣ, такожъ и наинужнѣйшей практической геометріи... геодезіи, стереометріи, тригонометріи и планиметріи collegium privatisim.

Въ 7-мъ отъ 1 п. с. декабря, полученномъ декабря 13 v. s.

Оконча у проф. Gentzke cursum totius philosophiae rationalis, отъ сего п. с. Михайлова дня началъ приватно новой философіи у проф. Генинга слушать логику Готтеда, Валеріевого послѣдователя, да Валеріеву политику у одного кандидата juris-prudentiae.

Языкъ французскій у академического шпрахмейстера, име-немъ Гартана, и латину ексерцируетъ.

У проф. Козіуса оконча тригонометрію, и астрономію, имѣлъ начать географію.

Въ 8-мъ декабря отъ 7 п. с., полученомъ декабря 13 v. s.

Оконча у проф. Genzke курсъ totius philosophiae practicae ei theoreticae, началъ у проф. Heninas слушать логику професора липскаго Готтеда; латинскій языкъ приватно, а француз-скій у академического шпрахмейстера ексерцитуетъ.

Притомъ сообщилъ практической геометріи и р. сунковъ двѣ пробы.

Quae collegia frequentanda et quae lingua addiscenda, ac alia exercitia tractanda, hoc. patet infra

In juridica et in philosophia, quae magis sunt necessaria.
In Mathesi arithmeticā, geometria cum suis partibus, trigonometria, astronomia, quae spectat ad geographiam, geodesia, architectura militaris et civilis, et pars magis necessaria mechanica.
In oratoria: eloquentia et poesis latīnae linguae, latīna, gallica, italica, praeter germanicam.

Historia generalis et particularis, geographia.

Примічаніє редакції: Не смотря на такой, до неизнаваемости испорченный текст дневника Н. Д. Ханенка, подлинника которого не сохранилось, редакция печатает его и въ такомъ видѣ, такъ какъ онъ содержитъ нѣкоторыи любопытныи данныи для жизнеописанія какъ самого Н. Д. Ханенка, такъ и для характеристики современного ему общества.

ДОКУМЕНТЫ, ИЗВЕСТИЯ И ЗАМѢТКИ.

Универсалъ гетмана Разумовскаго о прекращеніи старшинскихъ насилий. Приводимый ниже универсалъ Разумовскаго представляетъ собою въ высшей степени любопытный актъ, которымъ высшая въ краѣ администрація, публично свидѣтельствуя, что полковники и вся другая полковая и сотенная старшина чинить надъ подчиненной ей частью народа *неносные наложи и тлюсти* въ угрожая законопреступникамъ лишенiemъ чина, призываетъ этотъ народъ въ подачѣ жалобъ за насплія—*прямо* въ гетманскую канцелярію, причемъ обѣщается *безволокитное удовольствованіе* по такимъ жалобамъ. Однакожъ, повидимому, универсалъ этотъ не имѣлъ никакихъ благихъ результатовъ: старшинскій гнетъ народа въ это время былъ такою язвою, которую канцелярскими мѣроprіятіями излечить нельзя уже было... Интересно-бы только доискаться — кто былъ инициаторомъ этого во всякомъ случаѣ человѣчного распораженія...

А. Л.

Графъ Кирилъ Разумовскій, гетманъ и кавалеръ. Нашей Генералиной Войсковой Канцеляріи. Извѣстно намъ учинилось, что малороссійскихъ полковъ полковники, полковая старшина, сотники и сotенные старшины, несмотря на многочисленные запретительные ея императорскаго величества высочайшиe указы, козаковъ употребляютъ во всегдашние работы для своихъ приватъ, какъ цѣлыхъ, такъ и конныхъ, а особливо въ живое и косовичное время, и отягощаютъ перевозками разныхъ припасовъ, съ ближнихъ и дальнихъ мѣсть, лѣсу на строеніе себѣ домовъ и хуторовъ и то въ нихъ вымогаютъ умышленнымъ прошеніемъ, мана будущою платою или уволненіемъ отъ походу, нарядовъ и другихъ общенародныхъ повинностей, а прочие

угроженіемъ, воображая имъ въ походи и наряды дальнѣйшіе откамандированія отъ домовъ, чѣмъ ихъ легко и устрашать могутъ, икобы безочереднія высылки и прочіе несносные налоги и тигости нарочно для того часто отъ показанныхъ командировъ напрасно и затѣваютъ, что зъ многихъ справедливыхъ жалобъ самими вами усмотрѣно, чѣмъ козаки приходить въ крайнѣйшое разореніе и, оставя свои жилища, принуждены бѣжать за рубежъ и въ Слободскіе полки, зъ того величіе умаленіе въ козакахъ во всей Малой Россіи посыпало и впередъ неслыханнымъ безпорядкамъ конечне сдѣлаться можетъ козаковъ искорененіе, для чего выше писанные обстоятельства приемля мы въ разсужденіе и желая козаковъ отъ такихъ обидъ защитить, нашей генералной войсковой канцеляріи чрезъ сіе приказуемъ—послать во всѣ малороссійскіе полки и сотни открытые ордера зъ сообщеніемъ копіи сего нашего ордера, въ которомъ наирогше запретить, дабы полковники, полковые старшины, сотники и сотенные старшины съ полученія сего козаковъ на свои работизни ни подъ какимъ видомъ неупотребляли, въ походы и командинованія не высыпали безочередно и излишнимъ сверхъ указныхъ отъ генеральной войсковой канцеляріи учивенныхъ расположений никакими налогами и взятками не отягощали, такожъ грунтовъ ихъ напрасно не отнимали. Буди же и за симъ нашимъ ордеромъ кто съ показанныхъ чиновъ въ дѣланіи прописанныхъ обидъ изобличенъ явится, тотъ по данной намъ власти отъ ея императорскаго величества всемилостивѣйшей Государыни, кромѣ что лишенъ будетъ за свое преступленіе чина, зъ собственнаго имѣнія обиженному козаку всѣ его обиды вдвое заплатить долженствуетъ и дабы о семъ всѣ обще козаки вѣдали, для того имъ сей нашъ ордеръ по городамъ, мѣстечкамъ, селамъ и деревнямъ публиковать, съ тѣмъ повелѣніемъ, чтобъ обиженные за симъ ордеромъ козаки безъ всякой отъ кого либо опасности являлисѧ зъ своими обидахъ доношеніями прямо въ генералной войсковой канцеляріи, гдѣ они зъ доказательствомъ въ своихъ обидахъ скоро и беззводокитно удовольствованы будутъ, въ чомъ ихъ всемѣрно и обнадежить.

Оригиналної подписанії посему: гетьманъ графъ К. Радзумовскій.

1754 году, юна 29 д. Санктпѣтербурхъ.

На справочной копіи подписанся старший войсковой канцеляристъ Серпъ Дерунъ.

Дѣло (2—22 октября 1694-го г.) о пожалованіи двухъ черкасъ за выходъ и полонное терпѣніе деньгами и сукномъ изъ Галицкаго и Малороссійскаго приказовъ. Печатаемое ниже дѣло взято мною изъ группы документовъ, хранящихся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи подъ рубрикой столбцовъ *Московскою стола Разрида* (№ 994, частный № 4, сставы 10—18). Въ этой группѣ подавляющее большинство документовъ дѣйствительно относится къ дѣлоизготовству Московского стола Разрида, но встречаются цѣлые столбцы или отдѣлы въ нихъ, которые только по небрежности попали въ этотъ отдѣлъ да такъ въ немъ и остались. Такъ, здѣсь встречаются документы Иноземскаго, Посольскаго, Малороссійскаго приказовъ, Сѣвскаго стола Разрида и др.; всѣ они требуютъ тщательнаго выдѣленія и особаго описанія. Печатаемое дѣло и взято мною изъ такого столбца Посольскаго и Малороссійскаго приказовъ, не имѣющаго никакого отношенія не только къ Московскому столу, но даже и къ Разряду (срв. дѣло дьяка А. А. Винуса, напечатанное мною въ приложеніи къ журналу 53-го засѣданія Тверской Губернской Ученой Архивной Комиссіи и заимствованное изъ тѣхъ же столбцовъ). Подобныхъ дѣло не мало сохранилось въ дѣлоизготовствѣ приказа, вѣдавшаго въ XVII вѣкѣ Малую Русь, вѣкоторыя изъ нихъ известны, но въ общемъ они не изучены, не приведены въ наличность и не эксплуатированы въ извѣстной системѣ. Между тѣмъ они представляютъ вѣкоторый интересъ и цѣнныѣ въ своей массѣ, чѣмъ взятые въ одиночку. Въ нихъ скрывается не мало бытовыхъ чертъ, съ ними связано не мало воспоминаній о томъ порядкѣ существованія, который теперь очень трудно вообразить себѣ, не вчитываясь въ архивные памятники далекаго прошлаго, или въ первы народнаго пѣсенного творчества. Надѣюсь въ будущемъ ознакомить съ материаломъ значительного количества такого рода дѣль, позволяемъ себѣ настоящее дѣло напечатать полностью, дабы подчеркнуть ту разницу въ порядкѣ допроса и распросныхъ рѣчей, которую можно подметить въ записахъ отъ 2 и 19 октября 1694-го г., сдѣланныхъ въ Сѣвскѣ и въ Москвѣ; послѣдней понадобились болѣе точныя справки о выходахъ, ибо она раскошелевалась на цѣлыхъ два рубля да на два гамбургскихъ сукна.

1.—Отписка окольничаго и воеводѣ князя Петра Лукича Львова изъ Сѣвска въ Посольскій приказъ отъ 4 октября 1694 г.

Великимъ государемъ, царемъ... самодержцемъ холопи ваши Петрушка Лвовъ съ товарыщи человѣкъ бывутъ.

Въ нынѣшнемъ, великихъ государи, 203-мъ году октября въ 2 день явились въ Сѣвску въ разрядной избѣ полонниковъ два человѣка черкаской породы.

И по вашему великихъ государей указу мы, холопи ваши, тѣхъ полонниковъ велѣли проспросить, а въ проспросѣ они сказали: адного Тимошкою зовутъ Ивановъ Нѣжинскаго полку города Кабыдже, другово Демкою зовутъ Александровъ изъ за Днѣпра города Павловича. И тѣ ихъ распросные рѣчи за ихъ руками изъ Сѣвска къ вамъ, великихъ государемъ, царемъ... самодержцемъ, къ Москвѣ послали, и ихъ Тимошку и Демку отпустили мы, холопи ваши, съ сею отпискою октября въ 4 день нынѣшнего жъ 203 го году,—и велѣли имъ явитца и отписку и проспросные рѣчи подать въ вашемъ Государственномъ Посольскомъ приказѣ думному дьяку Емельяну Игнатьевичу Украинцову съ товарищи.

Помѣчено на оборотѣ: «203-го году октября въ 19 день проспросить тѣхъ полонниковъ¹⁾ помодлиннѣе.

Была сложена пакетомъ, подписана: «великимъ государемъ, царемъ... самодержцемъ въ Посольской приказѣ.

2. Распросныя рѣчи двухъ выходцевъ-черкасъ изъ турецкаго пленна, сказанныя ими 2 октября 1694-го г. въ спѣской разрядной избѣ.

7203-го году октября въ 2 день въ Сѣвску въ разрядной избѣ окольничему и воеводамъ князю Петрю Лукичу Лвову съ товарищи явились выходцы два человѣка.

И по приказу окольничего и воеводѣ князя П. Л. Лвова съ товарищи тѣ выходцыроспрашиваны порознь.

I.

А въ проспросѣ одинъ человѣкъ сказался, Тимошкою завутъ, Ивановъ сынъ. Родомъ де онъ черкашеникъ Нѣжинскаго полку города Кабыдже. И въ прошломъ де во 169-мъ г. въ разборѣ боярина Василья Борисовича Шереметева подъ Чюдновымъ взять онъ въ полонъ, и былъ въ Крыму у татарина у Приша, жилъ два года; и

¹⁾ Слѣдуетъ обратить вниманіе на дѣлью помѣту, распорядившуюся распросить „помодлиннїе.“

тотъ де татаринъ продалъ ево въ Царьгородъ турченину Карабею, а взялъ за него сто двадцать тарелей. И у того турченина жилъ онъ 36 лѣтъ, работалъ на катарги. И въ прошломъ де 202-мъ году везли де они моремъ въ войска турецкое запасы, и на Дунай де рѣкѣ въ урочища Демирконы съ катарги онъ Тимошка да съ нимъ полонянниковъ пять человѣкъ бѣжали на берегъ тому де нынѣ 15 недѣль. А шолъ де онъ на цесарской городъ Карапшебшъ и жилъ въ томъ городѣ 8 дней; и цесарской камандать, давъ ему прохожей листъ отпустилъ до мажарской земли съ цесарскими людьми.

А съ мажарской земли шолъ онъ на Ляцкую землю, а съ Ляцкой земли шолъ на Каламыю самъ третей, а два де товарища остались въ Можарской земли; а съ Коломыи шолъ на города на Подграецъ, на Лиховецъ, на Полонецъ и пришолъ въ Кіевъ, и въ Кіевѣ де былъ онъ четыри дни. И исъ Кієва де шолъ онъ малоросійскими городами на Козелецъ, на Насовку, на Нѣжинъ, на Батурино, — и два де товарища одинъ батуриинской житель Федкой завутъ да полтавской житель Сенка остались въ Батурино,—а изъ Батурина на Глуховъ, и пришолъ въ Сѣвськъ.

А какъ де онъ Тимошка пошолъ исъ турокъ, и въ то де время турецкое войска съ везирамъ пошли на цесаря христіанского подъ Бѣлгородъ.

А въ турецкой де земли и въ Полши на люди морового поѣздрия нѣтъ, и хлѣбъ радыль.

А идетъ де онъ къ великимъ государемъ къ Москвѣ бить членъ за полонное терпѣнье о жалованьи.

На оборотъ второй и на лицевой сторонѣ третьей склеи и по сстагу написано: «к сѣму роспросу сѣвской площи подъячей Сенка Климовъ вмѣсто выходца Тимошки Иванова по ево вѣрѣнью руку приложилъ».

II.

Другой сказался, Демкою завутъ, Александровъ сынъ. Родомъ де онъ черкашенинъ города Павловича козакъ. И въ прошлыхъ де годѣхъ тому нынѣ будетъ 22 годы взять онъ Демка за Днѣпромъ въ городѣ Ладыжинѣ зъ запорожскими полкомъ въ полонъ, а взято де 2 тысячи человѣкъ. И былъ въ полону въ Царьгородѣ у салтана турецкого, работалъ на ево катарги; и былъ въ Оранской земли и

въ Александрія щесть лѣтъ, а изъ Александріи пришедъ, жилъ въ Царѣгородѣ у салтанского дворового турченина у Гайвась двѣ недѣли.

И отъ того де турченина бѣжалъ онъ на французскіе голены, и французскіе де купцы привезли ево въ французской городѣ Масиля; и въ томъ де городѣ жиль онъ мѣсяцъ. А ись францужъ шоль онъ на Дженевизи, на Сшпанелы, на Венедицкую землю, съ Венедіи на талианскую землю, съ талианской земли на Винѣцю, съ Венѣціи на словянскую землю, съ словянской на шленскую, съ шленской въ цесарскую, и съ цесарской земли на Польшу. И съ Польши потомъ въ Киевъ и жиль въ пещерскомъ монастырѣ десять дней. А ись Киева де шоль онъ на малороссійскіе города на Козелецъ, на Прилуки и ись Прилукъ быль въ Запорожье для сыску свойственниковъ и изъ Запорожья де пришолъ онъ въ Батурино, а изъ Батурина пришолъ въ Сѣвскъ.

А какъ де онъ Демка пошолъ ись полону, и въ то де время въ тѣхъ мѣстахъ на люди морового повѣтрія не было, и хлѣбъ радилъ.

А идетъ де онъ Демка къ великимъ государемъ къ Москвѣ бить челомъ за полонное терпѣніе о жалованы.

На оборотѣ написано: «къ сѣму роспросу сѣвской площеди подъячей Ми—шка Кирпичевъ вмѣсто вы хотца Демка Александрова по ево велѣнью руку приложилъ».

3. Распросныя рѣчи тѣхъ же выходцевъ—черкасъ изъ турецкаго пленя, сказанныя ими 19 октября 1694-го г. на Москву въ посольскомъ приказѣ.

И октября въ 19 день нынѣшняго 203-го году по выше писанной сѣвской отписки явилось въ приказѣ Малыя Росіи полонянниковъ два человѣка черкасскіе породы.

И тѣ полонянники роспрашиваны, а въ роспросѣ сказали.

I.

Тимошка Ивановъ сказалъ:

Тому съ 38 лѣтъ былъ онъ въ молку боярина Василя Борисовича Шереметева при полковникѣ Переясловскаго полку при Иванѣ Цыцурѣ въ козацкой службѣ. И какъ подъ Чюдновымъ обозъ боярской татаровъ взяли, и въ то время взяли ево въ полонъ крымской татаринъ Тарабердѣко и, привезчи ево въ Крымъ, продалъ татарину жъ Пришу, взялъ за него 60 еѳимковъ, и былъ у него два года въ

работъ. А тотъ татаринъ продалъ ево на катаргу турченину Карабею, взялъ за него 120 золотыхъ; и у того турчанина работалъ на катаргѣ 36 лѣтъ. И въ прошломъ 202-мъ году на той катаргѣ исъ Царяграда Чернымъ моремъ везли въ войско турецкіе запасы и на Дунай рѣкѣ въ урошищѣ Демиркопы перель Петровымъ постомъ недѣли за двѣ съ той катарги они спущены были на берегъ тянуть тое катаргу бечевою, и въ то число онъ Тимошка съ той катарги да съ нимъ четыре человѣка половняниковъ Адріанъ Моджаръ, Андрей Волошинъ, Семенъ Поставской, Феско Батурина ушли въ лѣсъ, и шли лѣсомъ семь дней и пришли въ цесарскую землю въ городъ Карапшебешъ; и были бѣ томъ городъ 8 дней у камендана и тотъ де камендать, давъ имъ прохожей листъ, отпустилъ ихъ до моджарской земли, давъ имъ проводника. И пришедъ въ Можары, явились они того города державцу, и тотъ державецъ изъ Моджаръ отпустилъ ихъ въ путь въ Чольшу. И они шли отъ Мотжаръ самъ третей, а два человѣка остались въ Мотжарахъ, чрезъ высокіе горы пѣши, и пришли въ полскую землю въ мѣстечко Коломыю; а исъ того мѣстечка шли на Подгайцы, на Леховцы, на Полоней, на Хвастовъ, и пришли въ Киевъ въ прошломъ же 202-мъ году послѣ Пребображеніева дни спустя двѣ недѣли, и явились въ Киевѣ боярину и воеводамъ князю Петру Ивановичу Хованскому. И были въ Киевѣ четыре дни. И исъ Киева пошли безъ отпуску, и шли малоросійскими городами, и были въ Батуринаѣ; а изъ Батурина пошелъ онъ въ Сѣверскъ, а товарищи ево два человѣка остались въ Батуринаѣ. И пришедъ въ Сѣверскъ явился окольничему и воеводамъ князю Петру Лукичу Лвову съ товарищи, и окончай и воевода, давъ ему отписку и проѣзжей листъ, отпустилъ въ Москву бить челомъ великимъ государемъ о жалованьї за полонное терпѣніе).

II.

Другой человѣкъ Демьянко Александровъ сказалъ: въ прошлыхъ годахъ былъ онъ на Запорогахъ и служилъ десять лѣтъ козацкую жь службу при полковникѣ Савѣ, а какъ по прозвищу сказать не упомянуть. И тому нынѣ 22 года какъ въ городу Ладыжину приходаль войною турской везиръ и, городъ Ладыжинъ взявъ, разорилъ, а полковниковъ Саву и Мурашку да съ ними козаковъ зѣ двѣ тысячи человѣкъ взяли въ полонъ. И онъ Демьянко въ полонъ взять въ тожъ время и былъ въ полону въ Царѣградѣ и посаженъ былъ въ салтанскую тюрьму; и исъ тюрьмы посланъ былъ для работы на катарги

салтанскіе; и былъ на катаргахъ въ Орабской земли въ Александріи шесть лѣтъ, и изъ Александріи былъ по прежнему въ Царѣградѣ и работалъ салтанской тюрьмы у сторожа Гайвача въ виноградномъ саду двѣ недѣли. И отъ того сторожа ушолъ онъ на пристань цареградскую на французскую купецкую галену и у купцовъ на той пристани былъ недѣлю вскрыте. И тѣ купцы, какъ пошли отъ Царѣграда Чернымъ моремъ, и ево взали съ собою и пришли во французскую землю въ городу Масилѣ, и въ томъ городѣ присталъ онъ къ капитану Сикару, и былъ у него въ работе два мѣсяца, и отъ него отшедъ, присталъ на пристани къ французскимъ же купцомъ на галену; (и шелъ на той галенѣ съ купцы бѣлымъ моремъ на Дженевизи, на Шпанелы, на Венецицкую земли; а изъ Венецийскіе земли шелъ сухимъ путемъ на Таліанску землю, и на Венецию, и Цесарскую землю на слованы, и на Шленскъ да на чолскіе города на Krakовъ, на Лвовъ, на Дубны, на Ольку, на Звяглу, на Коростышевъ, на Берегородку и въ Киевъ. А исъ Кіева въ Батурина, а изъ Батурина въ Сѣвскъ, а въ Сѣвску оконичей и военоды князь Петръ Лукачъ Лвовъ съ товарыщи давъ ему съ вышеписаннымъ полонаникомъ отписку вмѣстѣ и проѣзжей листъ отпустивъ ево къ Москвѣ, а къ Москвѣ пріѣхалъ онъ бить челомъ великимъ государемъ о жалованьи за полонное терпѣніе.

На оборотѣ приписано: «Къ симъ роспроснымъ рѣчамъ вмѣсто полонениковъ Тимоѳея Иванова да Демьяна Александрова по ихъ велѣнью посольского приказу пльщадвой подьячей Ивашка Ивановъ руку приложилъ».

4. Приговоръ думного дьяка Ем. Ил. Украинцева отъ 22 октября, 1694-го г.

203-го г. октября въ 22 день, по указу великихъ государей, думной дьякъ Емельянъ Игнатьевичъ Украинцовъ съ товарыщи приказалъ: тѣмъ козакамъ за ихъ службу, и за полонное терпѣніе, и на милостию дать ихъ великихъ государей жалованья по сукну амбурскому изъ приказу *Малые Россіи* да по рублю денегъ человѣку изъ *Галицкого приказу* изъ четвертныхъ доходовъ,—и послать о томъ въ тотъ приказъ указъ, и отпустить ихъ въ малороссійскіе города, и дать имъ ихъ государеву проѣзжую грамоту по указу.

На оборотѣ всего дѣла по составамъ приписано: «Діакъ Василей Пониковъ».

Сообщилъ Василій Сторожевъ.

Бурты (чигир. у.), какъ мѣсто археологическихъ находокъ¹⁾.

Чигиринскій уѣздъ въ изданіяхъ по археологии совершенно обойденъ; только благодаря случайнымъ находкамъ предметовъ древности, онъ не можетъ быть исключенъ изъ археологической карты. Неудобство ли путей сообщенія, предположеніе-ли объ отсутствіи памятниковъ древности, кромѣ еще не выдохшихся и неистлѣвшихъ памятниковъ козацкой старины, или же отсутствіе указаній на хранилища предметовъ древности заставляютъ искателей вещественныхъ памятниковъ не заглядывать въ чигиринскій уѣздъ. Между тѣмъ наши доморощенные археологи продолжаютъ свое дѣло варварскаго разрушенія кургановъ и расхищенія предметовъ древности. Кара закона къ нимъ не примѣняется, потому что они не вѣдаютъ, что творятъ.

Въ Буртахъ происходитъ теперь то, что было на Княжей горѣ до начала правильныхъ раскопокъ: курганы разрываются и находимые предметы или уничтожаются, или переходятъ въ руки евреевъ.

Въ апрѣль мѣсяцѣ я посѣтилъ Бурты, и глазамъ моимъ представилась величественная и вмѣстѣ съ тѣмъ грустная картина: на поляхъ крестьянъ с. Цвѣтной (чигиринскаго уѣзда), въ 6 верстахъ отъ Цвѣтной и въ 2 отъ д. Фарпоста и с. Княжаго (херсонской губерніи) имѣется площадь величиной болѣе 1 десятины, сплошь усыпанная высокими курганами, представляющими собой въ общемъ четыреугольникъ. Площадь эта съ курганами называется крестьянами «бурты», «майданъ», «замковище». Отъ этой площади въ сторону Фарпоста и Княжаго на разстоянії $\frac{1}{4}$ версты имѣется отдѣльно стоящей высокій курганъ, а въ сторону Матронинской казенной дачи тянется по одной линіи болѣе 10 кургановъ, сравнительно низкихъ, еще нетронутыхъ нашими археологами. Курганъ же въ сторону Фарпоста въ настоащее время разрытъ по всѣмъ направленіямъ, по приемамъ, вѣсколько напоминающимъ правильные раскопки. Курганъ этотъ съ прилегающей частью поля принадлежитъ жителю д. Фарпоста, который поручилъ раскопать курганъ 100 лѣтнему старцу крестьянину, наложившему на себя шокуту рыть землю, чѣмъ онъ и занимается уже въ продолженіе вѣколькихъ лѣтъ. Дѣдъ въ этомъ курганѣ дорылся до какого-то склепа изъ большихъ погибшихъ дубовъ; дубы были вытануты, и земля, прикрывавшая ихъ, обрушилась

¹⁾ Въ изд. В. Б. Автономича „Археол. карта Кіев. губ.“ М. 1895 г. на стр. 101 помѣщено коротенькое извѣстіе о курганахъ при с. Буртахъ (чигир. у.). — Ред

и засыпала склепъ. Было-ли еще что найдено при раскопкѣ этого кургана, незвѣстно. Раскопка производилась осенью прошлаго года и теперь продолжается по бокамъ кургана.

Въ Буртахъ вездѣ на курганахъ имѣются слѣды раскопокъ прошлой осени; пріемы раскопокъ одинаковы: съ вершины кургана вдѣть глубокая, ниже почвы, яма съ подковами въ разныя стороны на днѣ ямы; выпаваемая земля частью выбрасывается на вершину кургана, частью складывается въ самой ямѣ; боковые раскопки кургановъ рѣдки и повидимому только пробныя. На склонахъ раскопанныхъ кургановъ и въ ямахъ валяются вездѣ человѣческія кости и куски разбитой глиняной посуды. Въ одной изъ глубокихъ ямъ мною поднять кусокъ уха глиняного сосуда. По разсказу кр—на, присутствовавшаго при находкѣ этого сосуда, сосудъ былъ цѣлый, высокій, съ толстыми стѣнками; нащедшіе его кр—не пробовали крѣпость этого сосуда, какъ ни къ чему негодной вещи, сначала тѣмъ, что бросали его объ землю, но когда сосудъ не поддавался, то они стали колотить его желѣзными лопатками, и имъ удалось такъ въ дребезги разбить его; были-ли какіе предметы въ сосудѣ, разсказывавшій не знаетъ, а величину сосуда онъ опредѣлилъ тѣмъ, что поднятый мною кусокъ уха составлялъ только $\frac{1}{6}$ часть уха. Какой же долженъ быть величины сосудъ, если поднятый мною кусокъ уха имѣетъ длины 2 вершка, ширины 1 верш. и толщины $\frac{1}{6}$ верш.? Допуская преувеличенія разсказчика въ размѣрѣ уха, слѣдуетъ все-таки предположить, что сосудъ былъ внушительныхъ размѣровъ.

О прошломъ раскопокъ въ Буртахъ и узналъ мало по той причинѣ, что крестьяне, скрывая свое участіе въ разрытіи кургановъ, большей частію говорять, что ничего не знаютъ или знаютъ только по слухамъ. Раскопки въ Буртахъ начались лѣтъ 15 тому назадъ и ведутся систематически каждую осень и весну. Для раскопокъ собираются партии кр—нъ с. Цвѣтной отъ 3 до 7 человѣкъ и раскопки производятся преимущественно въ лунные ночи. Ищутъ въ курганахъ только серебра и золота—кладовъ, а не отдѣльныхъ вещей. Найденные при поискахъ вещи лѣтъ уже 8 сбываются за безцѣнокъ евреямъ, которые эти вещи куда-то вывозятъ. На этотъ сбыть вещей евреямъ имѣло вліяніе слѣдующее обстоятельство: лѣтъ 8 тому назадъ семь кр—нъ с. Цвѣтной искали въ курганахъ Бурты клада; въ одномъ изъ разрытыхъ ими кургановъ они нашли золотую чашу, кадильницу и серебряную умывальную чашку; соѣднай помѣщикъ

Б—ій предлагалъ счастливцамъ 300 руб. за эту находку, но они не согласились, считая найденные предметы стоящими больше. Тѣмъ временемъ полиція узнала объ этой находкѣ, отобрала ее и отослала въ С.-Петербургское Археологическое Общество. Черезъ значительно долгое время нашедшіе получили по 7 руб. на человѣка—всего значить 49 руб. Были ли эти 49 руб. выданы нашедшимъ, какъ оцѣнка находки, или какъ награда, неизвѣстно. Послѣ этого случая искатели владовъ въ Буртахъ находимыя ими вещи стали тайно сбывать евреямъ и скрывать свое участіе въ раскопкахъ. Но не всѣмъ это удается. Весной этого года партія кр—нъ начала свои поиски владовъ въ Буртахъ и случайно нашла много древнихъ вещей; не успѣли евреи пристроиться къ этимъ вещамъ, какъ мѣстный урядникъ узналъ о находкѣ и таковую отобралъ; вещи были переданы Чигиринскому исправнику, который отослалъ ихъ г. Киевскому губернатору. Изъ этой находки обращаютъ на себя вниманіе золотой браслетъ, костяные бусы, два глиняныхъ кувшина въ видѣ теперешнихъ крестьянскихъ тыквъ, серебряная чашка, наконечники стрѣлъ и золотые пластинки для украшеній.

Браслетъ оказался тождественнымъ съ браслетомъ, изображенными въ «Матеріалахъ по исторіи русскихъ одеждъ и обстановки жизни народной, издаваемыхъ В. Прохоровымъ 1881 г.» и отнесенными въ этомъ изданіи къ скифскому періоду IV вѣка до Р. Х.

На переходъ находокъ въ руки евреевъ имѣются прямые указанія въ разсказахъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Буртахъ партію кр—нъ былъ найденъ мѣдный котелокъ, окруженный 8-ю глиняными кувшинами; кувшины на мѣстѣ были разбиты, а котелокъ былъ проданъ какому-то еврею. Что было въ котелѣ и кувшинахъ неизвѣстно, а также неизвѣстно, при какой обстановкѣ оказалась находка. Да этими вопросами кр—не и не интересуются. Злостное отношеніе искателей владовъ въ Буртахъ къ глиняной посудѣ можно объясняется тѣмъ, что искатели—кр—не с. Цвѣтной, известной далеко за предѣлами уѣзда своимъ горшечнымъ производствомъ. Въ Буртахъ были открыты два подземныхъ хода; пастухи проникали въ эти ходы, но тщательно ихъ не осматривали и ничего въ нихъ не нашли.

Въ послѣднее время хищническія раскопки въ Буртахъ ведутся весьма энергично въ виду распространенного, будто бы тѣмъ же помѣ-

щикомъ Б., слуха между кр—нами, что въ Буртахъ должна быть церковь или костель, въ которыхъ хранятся драгоценности.

Пока не поздно, археологамъ слѣдуетъ немедленно приступить къ раскопкамъ Буртъ, чтобы предупредить возможность перехода находокъ въ нихъ къ лицамъ, никакого касательства къ археологии не имѣющимъ.

Н. Ве—скій.

Новое изслѣдованіе о жизни французской королевы Анны Ярославны. *Mélanges pour servir à l'histoire des pays qui forment aujourd'hui le département de l'Oise (Picardie meridionale-Nord de l'Ile-de-France) par le vicomte de Caix de Saint-Aymour. Paris. 1895.* Въ іюльской книжкѣ нашего журнала за 1884-й г. былъ помещенъ портретъ дочери Ярослава Мудраго, Анны Ярославны, бывшей въ замужествѣ за Генрихомъ I, королемъ французскимъ. Портретъ сопровождается небольшой замѣткой, посвященной очерку жизни этой королевы. Но послѣ 1884 года во Франціи появились новые данные и новые изслѣдованія о бракѣ Генриха I и судьбы его супруги. Въ 1894 году въ январьской книжкѣ Исторического Вѣстника была напечатана небольшая статья: «Французская королева Анна Ярославна», статья, въ которой были сгруппированы результаты новѣйшихъ французскихъ изслѣдованій. Но всего годъ спустя вопросъ снова поднимается новымъ изслѣдованіемъ, которому посвящена первая глава вышеуказанной книги. Эта глава имѣть такое обозначеніе «Anne de Russie, reine de France, puis comtesse de Valois, fondatrice de l'abbaye de Saint-Vincent de Senlis». Виконтъ де Кэ принялъ въ соображеніе всѣ изслѣдованія своихъ предшественниковъ и на основаніи первоисточниковъ изложилъ исторію брака и жизни Анны Ярославны. Мы вкратцѣ передаемъ адѣсь содержаніе изслѣдованія г. Кэ.

XI в. является эпохой, въ которую государи з. Европы обнаруживаютъ неудержимое стремленіе къ расширению своихъ владѣній и къ удовлетворенію всѣхъ своихъ желаній. Съ цѣлью усиленія своихъ государствъ они не стѣсняются въ средствахъ, изъ которыхъ главнымъ являются брачные союзы. Браки происходятъ иногда между самыми близкими родственниками. Естественно, что церковь выступаетъ энергично противъ такихъ злоупотреблений. Мало по малу дошло до запрещенія браковъ между родственниками даже седьмого колѣна; кромѣ

того, считались предосудительными болѣе близкія связи даже между союзниками, которые приравнивались къ родственникамъ по крови. Пользуясь провѣркой законности браковъ, папы выѣшивались без-престанно во внутреннія дѣла государей. Всѣмъ неудобствамъ и не-приятностямъ отъ такого выѣшательства подвергся король Робертъ, женившись на Бертѣ, дочери Провансаго короля Конрада, приходившейся ему родственницей въ четвертомъ колѣнѣ. Шесть лѣтъ противился Робертъ папскимъ громамъ, но, наконецъ, принужденъ былъ уступить. Въ этой борьбѣ значительно ослабъ престижъ королев-ской власти, столь необходимый для молодого королевства Капетинговъ.

20-го іюля 1031 года Робертъ умеръ, и ему наследовалъ Генрихъ I. Ему предстояла трудная задача: поддерживать миръ съ Римомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, на сколько возможно, не допускать выѣшательства въ свои дѣла. Когда умерла его первая супруга Матильда, дочь императора Генриха II, въ 1044 г., не оставивъ дѣтей, Генрихъ былъ поставленъ въ большое затрудненіе относительно выбора новой подруги жизни: бракъ съ Матильдой поставилъ его въ родственныя связи почти со всѣми государями Германіи. Долго шло отыскиваніе такой личности, которая, сдѣлавшись королевой Франціи, удовлетворила бы вполнѣ требованіямъ канонического права и политическимъ стремленіямъ Генриха I. Въ это то время и дошли до него слухи о красотѣ принцессы, отецъ которой правилъ на другомъ концѣ Европы, въ сосѣствѣ съ Византійской имперіей. Отдаленность этой страны, почти неизвѣстной латинскому западу, могла, казалось, дать Генриху надежду, что съ русской княжной онъ не состоить ни въ какихъ родственныхъ связяхъ, прямыхъ и косвенныхъ, и что черезъ бракъ съ нею онъ избѣгнетъ церковныхъ запрещеній и выѣшательства въ свои дѣла со стороны духовенства.

Бракъ короля Франціи съ русской княжной являлся бракомъ равнымъ. Ярославъ Владиміровичъ, Карлъ В. Русской земли, поднялъ ее на высокую степень могущества. Цѣлымъ рядомъ брачныхъ союзовъ русскій княжескій домъ породился съ сосѣдними династіями. Было-бы грубѣйшей ошибкой, на основаніи только лишь молчанія француз-скихъ источниковъ о Руси, предполагать, что эта страна находилась въ то время еще въ полуварварскомъ состояніи. Напротивъ, Русь зани-мала важное положеніе на Востокѣ. Киевъ являлся столицей monarchii болѣе сплоченной, болѣе обширной и, можетъ быть, даже болѣе мо-гущественной, чѣмъ королевская Франція. Русь находилась въ тѣс-

ныхъ сношенияхъ политическихъ, торговыхъ и культурныхъ съ Византией. Городъ Киевъ представлялъ собой торговый центръ, гдѣ жили, въ отдельныхъ кварталахъ, купцы голландскіе, венгерскіе, нѣмецкіе, скандинавскіе. Греческие художники украшали дворцы и храмы.— Исповѣдный вопросъ не могъ быть препятствиемъ къ браку, ибо раздѣленіе церквей Восточной и Западной не было еще окончательнымъ. Въ противномъ случаѣ союзъ между Генрихомъ I и Анной Ярославной оказался бы абсолютно невозможнымъ. По прибытии во Францію Анна Ярославна не имѣла ни отдельной церкви, ни особаго священника, какъ ошибочно утверждаютъ нѣкоторые, а посвѣщала только церковь своего мужа и, вѣроятно, не замѣчала, что ей совершили обѣданію по латыни, а не по славянски. Благодѣянія, которыми Анна оказывала монастырямъ, письмо къ ей папы Николая II въ 1059 г., наполненное похвалами ея благочестію и благотворительности,— эти факты доказываютъ, что въ то время еще не чувствовалось глубокой разницы въ исповѣданіяхъ запада и востока. Рѣшивъ просить руки дочери Ярослава, Генрихъ поручилъ выполненіе этой миссіи Гтьѣ I, епископу Мо и Госцелину де Шалиньакъ, присоединивъ къ нимъ нѣсколько другихъ вельможъ. Отправившись весною 1048 г., послы вернулись во Францію въ 1049 г. Бракосочетаніе было торжественно совершено въ Реймсѣ 14-го мая того-же года, въ день Штигидесятницы. Въ это время Аннѣ было 25 лѣтъ. Нѣсколько времени у королевы не было дѣтей, вслѣдствіе чего она дала обѣщаніе построить и обеспечить монастырь, если у нея родится сынъ. Затѣмъ у нея было трое сыновей: Филиппъ, который правилъ послѣ смерти отца, Робертъ, рано умершій, Гюгъ, позже графъ де Крепи и родоначальникъ королевской линіи Вермандуа. Они все упоминаются вмѣстѣ съ матерью въ одномъ документѣ, датированномъ 12-го іюля 1058 г., слѣд. все родились между 1049 и 1058 г., а такъ какъ Филиппъ уже въ 1059 г. былъ помазанъ въ короля, еще при жизни отца, то слѣд. долженъ былъ родиться около 1049 года. Почему-то, при жизни Генриха, Аннѣ трудно было исполнить данное обѣщаніе, но мы видимъ однако-же, что королева пользуется большими значеніемъ и уваженіемъ у своего супруга. До насъ дошло нѣсколько документовъ, въ которыхъ имя Анны стоитъ рядомъ съ именемъ короля. Утверждаютъ даже, что Генрихъ хотѣлъ поручить регентство своей супругѣ, и только формальный отказъ ей заставилъ его возложить эту обязанность на своего зата Балдуина V, графа Фландрскаго.

Генрихъ умеръ 4-го августа 1060 года. Королева удалилась вмѣстѣ съ дѣтьми въ замокъ Senlis. Здѣсь Филиппъ I далъ монастырю Saint-Lucien de Beauvais царственную грамоту, подъ которой мы находимъ подпись и королевы Анны.

Анна Ярославна любила жить въ Senlis, частью вслѣдствіе прекраснаго воздуха, частью же благодаря окотѣ, въ которой Анна находила особое удовольствіе. Можетъ быть, она избрала это мѣсто для исполненія своего давняго обѣщанія построить монастырь. Около Senlis, въ предмѣстьѣ Vitel, существовала маленькая часовня св. Винцента, обратившаяся отъ древности въ развалившуюся лачужку. Тутъ и былъ основанъ монастырь. Учредительная грамота была дана ему въ 1060 г. Церковь была выстроена въ формѣ креста. Съ одной стороны была высокая башня для помѣщенія въ ней колоколовъ, а съ другой—южной—монастырскія зданія. Она была посвящена св. Тройцѣ, Божіей Матери, св. Винценту и св. Ioannu Крестителю. Монастырь просуществовалъ до временъ революціи.

Грамота монастырю св. Винцента не была единственной. До насъ дошли такія-же грамоты Анны Ярославны монастырю въ Турніо (Tournus) въ 1060 г., аббатству с. Дени—въ томъ-же году и др. Въ 1062 году мы находимъ ея имя въ грамотѣ монастырю св. Петра въ Шартрѣ: «Philippus cum regina matre sua» выдаетъ этотъ документъ. Наконецъ, самый интересный актъ—это грамота аббатству Saint-Crépin le-Grand въ Суассонѣ. Мы находимъ тутъ собственноручную подпись Анны Ярославны кириллицей: «Ана рѹина».

Въ числѣ лицъ, постоянно бывавшихъ въ Санли, мы видимъ Рауля III, графа Креши и Валуа. Между нимъ и вдовствующей королевой зародилось взаимное чувство, и графъ, который былъ уже два раза женатъ, воспользовавшись однажды прогулкой Анны въ лѣсу Санли, похитилъ ее, привезъ въ свою резиденцію, гдѣ какой-то священникъ обвидалъ ихъ. По всей вѣроятности, это произошло въ первой половинѣ 1063 года, такъ какъ послѣдній документъ, въ которомъ Анна титууется королевой, датированъ этимъ годомъ. Вторая супруга Рауля добилась у папы признанія брака своего супруга съ Анной незаконнымъ и затѣмъ церковнаго на него отлученія. Но это мало помогло, и графъ де-Креши не разстался съ Анной Ярославной. Интересно, что сынъ ея, король Филиппъ, во все это время не прерывалъ хорошихъ отношеній съ графомъ, а по смерти послѣд资料ного въ 1074 году Анна возвратилась къ королевскому двору. Ея имя вновь встрѣчается въ документахъ съ тою только разницей,

что она титууется уже не королевой, а «матерью короля Филиппа» (*signum Annae matris Philippi regis*). Послѣдній такой документъ относится къ 1075 году, послѣ которого мы уже не находимъ обѣ Аннъ никакихъ упоминаній.

Предположеніе, будто по смерти своего второго мужа Анна Ярославна возвратилась на Русь, по мнѣнію автора, ни на чёмъ не основано. Можно почти съ полной достовѣрностью указать мѣсто ея послѣдняго успокоенія. Ученый іезуитъ Мѣнестріе (*Ménestrier*) еще въ 1682 году указалъ могилу Анны Ярославны въ церкви аббатства Вилье (*Williers*) около Ферте—Алей (*Ferté—Aleys*), въ Гатинуа (*Gatinois*). На плоской плитѣ сохранилась надпись: «*Hic jacet domina Agnes uxor quondam Henrici regis*». Конецъ стертъ, а съ другой строки: «*Eorum per misericordiam Dei requiescant in pace*». Хотя аббатство Вилье основано въ 1220 году, но это обстоятельство, по мнѣнію автора, не препятствуетъ отождествленію королевы *Agnès* съ Анной Ярославной: королева-мать могла жить въ какомъ-нибудь замкѣ или монастырѣ тутъ по сосѣдству и быть погребеной въ каплицѣ Бенедиктинцевъ, изъ которой вслѣдствіи образовалось аббатство; можетъ быть, самая могила была перенесена сюда для сохраненія изъ другогососѣднаго менѣе безопаснаго мѣста. Если даже эта могила есть простой монументъ, воздвигнутый въ честь королевы въ позднѣйшую эпоху, то и онъ показываетъ, что королева Анна умерла во Франціи, а не въ другомъ мѣстѣ. Какъ согласовать теперь *Agnès* и *Anne*. Во всѣхъ документахъ мы находимъ подпись «*Anne*». Но въ одномъ изъ нихъ, именно въ грамотѣ въ Санли, 1060 года, аббатству с. Дени, мы находимъ: «*Signum Agne Regine*». Древніе мартіологи и агіографы пишутъ часто: *Agná* и *Anna*.

Въ Национальной библіотекѣ сохранился оригиналъ грамоты Филиппа I аббатству С. Креши въ Суассонѣ. На этомъ документѣ находится собственноручная подпись королевы Анны, представляющая самый древній образецъ русскаго письма. Въ заключеніе авторъ предполагаетъ, что корона королевы, изображенная въ видѣ колпака на плитѣ, такая, которую носили князья Рюрикова дома. Согласиться съ авторомъ, не видя передъ собой самаго изображенія этой короны, конечно трудно.

П. Голубовскій.

Къ исторіи перевода и свода законовъ, дѣйствовавшихъ въ Малороссії. Организованная въ тридцатыхъ годахъ прошлого столѣтія особая комиссія (изъ свѣтскихъ и духовныхъ членовъ) для перевода и свода законовъ, дѣйствовавшихъ въ Малороссіи, свои занятія въ 1735 г. вела въ Москвѣ. Въ числѣ ея духовныхъ членовъ здѣсь, между прочимъ, состояли въ этомъ году ректоръ кіевской академіи архим. Амвросій Дубневичъ, игуменъ Никольского Макошинскаго (черниговской епархіи) монастыря іеромонахъ Димитрій Билѣнскій и Роменскій протопопъ Василій Савицкій. Они, время отъ времени, каждый отъ себя, уведомляли своихъ архипастырей обо всѣхъ дѣйствіяхъ комиссіи. Такъ, Дубневичъ 21 іюня 1735 г. сообщалъ митр Рафаилу Зaborовскому, что комиссія «въ дѣлѣ переводномъ» окончила «двѣ правные книги, статутъ и порядокъ «и исправила» третой книги Саксона не малую часть»; 7-го сентября, что она «переводомъ» окончила «послѣднихъ чиселъ августа, а сводомъ начала»...

Лишь комиссія приступила къ «своду», между ея членами произошло пререканіе.

Дѣло въ томъ, что «мирскіе» члены комиссіи, основываясь на «восьмнадцатомъ рѣшителномъ пункѣ» указа Верховнаго Тайного совѣта, отвѣчавшемъ на просьбу гетмана Даніила Апостола предъ импер. Петромъ II въ 1728 году «отрѣшили указомъ предъѣбывшое въ Малороссіи обыкновеніе о наданію на монастыри духовному чину... грунтовъ и земель и о куплѣ всякихъ угодій», отказывались «въ сводѣ о свободной надачи на монастыри и церкви положить артыкулы эъ правъ». Вслѣдствіе этого архим. Дубневичъ представилъ въ Глуховъ свое мнѣніе съ такимъ (пятимъ) пунктомъ.

«О надачѣ недвижимого имѣнія тестаментомъ кому кто похочеть такъ духовнимъ особамъ, яко и мирскимъ, артыкулы статута и другихъ правъ въ свободѣ показать не будетъ противно, хотя по прошенію покойного господина гетмана Апостола въ рѣшителномъ 18 пункѣ и повелено въ Малой Россіи монастырямъ обрѣтающимъся, попамъ и всякого чина духовного людемъ козачихъ земель, грунтовъ и никакихъ угодій не покупать, и козакамъ и всякого мирскаго чина людемъ имъ не продавать и не закладывать и вноминовеніе вкладомъ и никакими здѣлками не давать, и не укрѣплять, ибо Всемилостивѣйшимъ указомъ ея Императорскаго Величества намъ повелено зъ трехъ правъ въ одно токмо свѣсть, а не узаконять. Сія же власть узаконять въ волѣ и самодержавствѣ Ея Императорскаго Величества состоить, и потому все духовенство малороссійское, такъ въ надачѣ грунтовъ на

поминовеніе, яко и въ покупкѣ оныхъ на самоповелителное Ея Императорскаго Велчества узаконеніе и милостивѣйшій Монаршій указъ впередъ слагается.

Объ этомъ Дубневичъ увѣдомилъ митр. Зaborовскаго, представивъ и копію приведеннаго пункта изъ своего мнѣнія.

Биленскій о пререканій членовъ комиссіи далъ знать 15 сентября Иларіону архіеп. черниговскому, прося его войти по этому поводу въ сношеніе съ митроп. кіевскимъ, епископомъ Переяловскимъ, и архимандритомъ печерскимъ.

Архіеп. Иларіонъ 23 сентября адресовался къ митр. Зaborовскому, выражая ему свое соображеніе, что комиссія, которой вообще «не повелѣно оставлять зъ правъ малороссійскихъ пунктовъ, кои прежде въ ненарушной были силѣ», не можетъ опускать и пункта «о паданію грунтовъ и земель на монастыры и о куплѣ духовному чину» тѣмъ болѣе, что и «рѣшителній» пунктъ, исходатайствованный гетм. Даніиломъ Апостоломъ (безъ согласія духовнаго чину), въ видахъ «единой козачей ползы» и именно «для того, чтобы служба козачая не умалилась»), уничтоженъ Высочайшею грамотою князю Алексію Ив. Шаховскому на правленіе Малороссіею, такъ какъ въ этой грамотѣ, между прочимъ, «дано на-волѣ хто похочеть зъ козаковъ и послолитыхъ спродаваться за кого—нибудь зъ мирскіхъ господъ и жить за тѣми» («чрезъ що,—разумѣется,—умаленіе службы козачай дѣлается не малое»); и проси митрополита «здравій учинить совѣтъ съ еп. Переяловскимъ и архим. Печерскимъ, чтобы написать затѣмъ отъ лица всего духовенства доношеніе на Высочайшее имя, «была бы по прежнему воля боголюбцемъ въ дачи воихъ либо угодій на монастыри и въ куплѣ свободы по правамъ малороссійскимъ духовному чину», съ обѣщаніемъ подписать и отъ себя такое доношеніе...

Доношеніе, дѣйствительно, было подано на Высочайшее имя митр. Зaborовскимъ; и онъ 12 ноября написалъ Дубневичу, что уже предпринято «старателство» по поводу пререканій комиссіи, не указывая однако, «въ чёмъ тое старателство есть».

Между тѣмъ, пока небыло никакой резолюціи, свѣтскіе члены комиссіи продолжали быть «спорливыми», «крѣпко» настаивая на своемъ, «чтобъ о надачи доброволной на монастыри и церкви грунтовъ артыкули въ сводѣ не были положены... Духовные члены, видя, что «о покупки во всѣхъ правныхъ книгахъ, зъ которыхъ сводъ дѣлается, артыкуловъ ни воспішающіхъ, ни позволяющихъ не імѣться», и разсуждая, что стаковая покупка духовенству свободна можетъ быть

(уже и) потому, что духовный чинъ во всѣхъ тѣхъ правахъ съ шляхтою въ равенствѣ полагается, да и тая покупка зъдавна (до прошениіи геты. Д. Апостола) духовенству и священству воспашена не была», тревожились подобнымъ управствомъ свѣтскихъ своихъ сотоварищай. И воть Дубневичъ и Савицкій, желая имѣть у себя «для информаціи» что - либо вѣское въ глазахъ своихъ противниковъ по возбужденному дѣлу, обратились 28 ноября къ митр. Рафаилу Зaborовскому, прося его извѣстить ихъ, для этой цѣли, въ чемъ именно состоитъ его «старателство», о которомъ онъ уведомлялъ Дубневича 12 ноября¹⁾

Чтобъ отвѣчалъ Зaborовскій, не знаемъ.

Д. Вишневскій.

Къ біографіи Ивана Мазепы²⁾. Въ недавно вышедшемъ II-мъ томѣ дневниковъ епископа Порфирия (Успенского), Спб. 1895, подъ 14 мая 1844 года читаемъ: «Богъ удостоилъ меня сегодня отслужить обѣдню въ часовнѣ Гроба Господни вмѣстѣ съ архіепископомъ Газскимъ. Жертвенникомъ служилъ Гробъ, а престоломъ тотъ камень который отваленъ былъ ангеломъ отъ двери Гроба. На этомъ камнѣ положена была богатая серебряная доска съ прекраснымъ изображеніемъ Снятія со Креста подъ чернь и съ чеканными ликами четырехъ евангелистовъ по угламъ и другими фигурами и цвѣтами, тоже чеканными. Эта доска пожертвована была Ванькою Мазепою. Вверху оной есть надпись подъ чернь славянскими буквами: «Иаждивеніемъ ясневельможнаго Ioanna Mазеы Rossійскаго гетмана», а внизу на латинскомъ языкѣ: Sumptu illustrissimi Ducis Iohannis Maserae Rossiae. «Вотъ судьба Мазепы, подумалъ я; въ Россіи его проклинаютъ, а здѣсь молятся о упокоеніи души его и прощеніи и оставлениі грѣховъ его. Не знаю, что дѣйствительнѣе предъ Богомъ: наше ли торжественное, всенародное проклятіе, или здѣшняя молитвы. Вѣрно, ни то, ни другое. Богъ воздаѣтъ и возлаетъ ему по дѣламъ его, а не по нашему хотѣнію».

(Книга Бытія моего, часть II, стран. 85—86).

В. И.

¹⁾ Письма, послуживши источникомъ настоящей замѣтки, нами будутъ переданы въ библіотеку церковно - археологического музея при Киевской духовной академії. Ихъ числомъ пять.

²⁾ Въ „Кievsk. Стар.“ 1893 № 11 была помѣщена подробная замѣтка кн. А. Дабижи объ этомъ дарѣ Мазепы Гробу Господни, при чёмъ былъ приложенъ и

Интересный народный обычай во время жатвы. Жизнь нашего простого народа, его вѣрованія имѣютъ много еще неизслѣдованныго. Особенно много еще неизслѣдованныхъ, неизученныхъ этнографами народныхъ обычаевъ.

Нашъ народъ слѣпо и безразсудно исполняетъ всѣ обряды и обычая,—но почему такъ, а не иначе нужно дѣлать—это для него никогда неразрѣшимая загадка.

На вашъ вопросъ, почему, напр. о пожарѣ пельзя говорить, что горитъ, а нужно говорить—«можне», или почему журавлей нельзя называть журавлями, а нужно называть «веселыками»,—вы всегда, вездѣ и отъ всякаго изъ простого народа услышите одинъ короткій отвѣтъ—«такъ не годится», но почему именно «не годится»—такъ отъ народа никогда не добьетесь, не узнаете.

Въ такомъ точно положеніи очутался я предъ однимъ народнымъ обычаемъ, или, правильнѣе сказать, предразсудкомъ.

У крестьянъ есть обычай: во время жатвы на полѣ серпъ изъ рукъ въ руки одинъ другому ни зачто не дастъ, а непремѣнно положить серпъ на землю, и тотъ, кому нуженъ этотъ серпъ,—долженъ поднять его съ земли.

Сколько я ни спрашивалъ объ этомъ бабъ въ Староконстантиновскомъ уѣздѣ (волын. губ.),—другого отвѣта кроме неопределѣленного слова «такъ негодится»—добиться не могъ.

Этотъ предразсудокъ, какъ и многіе другіе, свято и слѣпо соблюдается нашимъ народомъ, и никто изъ народа ни за что не нарушитъ его.

Не имѣя никакихъ свѣдѣній о томъ, какъ нужно истолковать этотъ обычай, я рѣшаюсь путемъ печати поставить вопросъ, обращенный преимущественно къ этнографамъ, не объяснить ли кто либо изъ нихъ значение этого интереснаго обычая.

Ив. Вѣньковскій.

Эпизодъ при выборахъ въ законодательную комиссию 1767 г. Извѣстно, что манифестъ о выборѣ депутатовъ въ комиссию для составленія проекта новаго уложенія вызвалъ въ Мало-

фототипическій снимокъ съ него. Въ дополненіе къ этому печатаемъ теперь справку изъ дневниковъ заменитаго епископа Порфирия Усценского, причемъ замѣтишь, что надписи еп. Порфириемъ были неточно прочитаны.—Ред.

россія довольно сильное броженіе. Отвлеченные идеи французской просвѣтительной литературы, на основаніи которыхъ должно было вырабатываться новое законодательство, ищущее цѣлью «блаженство каждого и всѣхъ», менѣе интересовало мѣстное населеніе, чѣмъ сохраненіе старинныхъ «правъ и вольностей» Малороссіи, во многомъ уже нарушенныхъ и подлежашихъ полной отменѣ со введеніемъ нового, общаго для всей имперіи уложенія. Особенно боялась этой отмены козацкая старшина, эгоистической стремленія которой давно уже представляли удобный поводъ къ ограниченію не только злоупотреблений, но и всего старого строя Малороссіи; другій сословія также опасались за свои права — «вольному козачеству» грозило обращеніе въ безсловесную массу землемѣльцевъ, «посполитству» — прикрѣпленіе къ землѣ¹⁾). Недовольство обнаружилось при самыхъ выборахъ депутатовъ, и Румянцеву, управлявшему тогда Малороссіей, стоило большого труда руководить выборами согласно съ видами императрицы, что видно изъ его донесеній. Имп. Екатерина довольно легко относилась къ проявленіямъ недовольства, что можно видѣть, напр., изъ слѣдующаго письма ея къ Румянцеву: «Изъ писемъ вашихъ усмотрѣла я препитствія, кои въ вашемъ мѣстѣ встрѣчали извѣстный манифестъ 14 декабря 1766 г. Однакожъ я ихъ почитаю за весьма маловажныя, а только они означаютъ умоначертанія прежнихъ временъ, кои несомнѣнно исчезнутъ, понеже ни вы, ни я не дадимъ имъ никакого уваженія тутъ, гдѣ они несходственны съ общимъ добромъ; и только единственно надлежитъ требовать, чтобы исполняли по предписанному, какъ и всѣ прочіе вѣрные поданные, изъ тѣхъ, коихъ ни они себя, ни мы ихъ исключить не можемъ. Итакъ, тонъ начальничества, который вы принуждены были употребить, вполвѣ приличенъ быль»²⁾.

Одинъ изъ наиболѣе интересныхъ случаевъ примѣненія Румянцевымъ «тона начальничества» представляютъ выборы депутата отъ Нѣжинскаго и Батуринскаго шляхетства. Вотъ какъ описывалъ эти выборы самъ Румянцевъ въ своемъ донесеніи Им—цѣ. На выборахъ, происходившихъ въ Нѣжинѣ, предводителемъ былъ избранъ отставной полковникъ Тарнавіотъ, а депутатомъ земскій судья Лаврентій Селепкій. Послѣ этого избиратели, «не давъ ему полномочія, ниже сочиня наказъ, самовольно разѣхались, отложа все сіе на цѣлый мѣсяцъ, а потомъ, на срокъ собою положенный съѣхавшись, присту-

¹⁾ См. И. В. Теличенко. Сословныя нужды и желанія малороссіанъ въ эпоху екатерининской комиссіи („Киевс. Стар“). 1890, августъ.

²⁾ Соловьевъ Ист. Россіи, т. XXIII, стр. 321 (изд. 1895).

пали къ сочиненію наказовъ и коснулись, вмѣсто объясненія своихъ нуждъ и отагощеній, разсуждать о сдѣланыхъ обѣщаніяхъ Е. И. В. предковъ въ сохраненіи ихъ всегда при ихъ правахъ и вольностяхъ непремѣнно и вносить особливо дарованныя грамоты и указы Петра В. во время бѣдственнѣшія для сей земли, и между тѣмъ, что будто безъ гетмана крайняя нужда и опасеніе всей Малороссіи состоитъ, и причитає быть все только одною тягостію, что государственными тамъ узаконеніями сдѣлано, а расположение войска наилѣнѣйшею, и чтобы выборъ гетмана, будто на прежнемъ основаніи, обще съ Запорожскою Сѣчью имъ сдѣлать должно было. «Когда нѣкоторые избиратели, въ томъ числѣ и Селецкій, стали возражать противъ предъявленныхъ требованій, а Селецкій предлагалъ слѣдовать черниговскому наказу (составленному Безбородкомъ въ самомъ умѣренномъ духѣ), большинство избирателей, пользуясь «простотою» предводителя Тарновіота, выбрали на мѣсто Селецкаго депутатомъ подкоморья Григорія Долинскаго. Румянцевъ требовалъ отъ предводителя отвѣта въ нарушеніи обряда выборовъ и увѣщевалъ отправить въ комиссию Селецкаго, но увѣщаніе «не произвело никакого дѣйствія». Затѣмъ дѣло было передано въ Сенатъ, который постановилъ: 1) выбору Селецкаго оставаться въ силѣ, а выборъ Долинскаго уничтожить; 2) предв. Тарновіота въ виду того, что онъ поступалъ незаконно «единственно по своей простотѣ» отъ штрафа освободить, но отрѣшиТЬ отъ должности предводителя, 3) зачинщиковъ непорядка отослать воинскихъ на военный, а гражданскихъ и неслужащихъ—на гражданскій судъ¹⁾.

Какіе суды и какъ судили обвиняемыхъ—намъ неизвѣстно, но въ одной изъ рукописей библиотеки К.-Соф. Соб. (Сборн. № 593) намъ встрѣтилась копія прошенія о помилованії, поданного на Высочайшее имя въ 1769 Долинскимъ и его товарищами, изъ которой можно видѣть ихъ дальнѣйшую участіе. Вотъ этотъ документъ.

Державнѣйшая Императрица Всемилостивѣйшая Государына!

Претерпѣвшіе отъ Бога и отъ Монарха своего не только тижное наказаніе осмимесечнымъ заключеніемъ въ оковахъ и попытѣ состоящіе еще подъ гнѣвомъ В. И. В. лишениемъ нашихъ чиновъ, дерзаемъ всечодданиѣйше и недостойные рабы подвергнуть себя ко священнымъ стопамъ В. В., проса помилованія.

Всемилостивѣйшая Государына! Богъ сердцевѣдѣцъ; Онъ Самъ да будетъ на своемъ страшномъ судѣ свидѣтель душъ нашихъ, что

¹⁾ Дополн. Румянцева журналъ? у Соловьевъ XXVII, 322—323.

осуждены мы за такое преступление, которое не отъ злоумышленного нашего намѣренія началомъ своимъ произошло, и не отъ твердой нашей надежды на милосердіе безприкладное, которымъ В. И. В. дать всѣмъ вѣрноподданнымъ новые законы, сродные матернemu чадолюбію намѣреніе воспріяли (sic).

Когда обрядамъ публикованнымъ и мы вѣрно подданнѣйшie по совѣту Нѣжинскаго и Батурина малороссійскаго шляхетства состоящее изъ 54 человѣкъ дозволеніе получили выбрать себѣ депутата, то счастье наше постигло, что выбраннаго недѣйствительнъ еще почли депутатомъ, когда онъ нашего наказа принять отъ насъ не хотѣлъ, а сочинилъ свой безъ согласія нашего.

Сie было причиною, что онъ депутатомъ болѣе быть отказывался, а мы на его мѣсто яко единожды выбраннаго дерзнули новаго выбрать, и въ томъ, по неразумѣнію нашему, правыми себя быть почитали, въ разумѣ такого нашего мнѣвія. Никогда мы не противлялись прямому толкованію обрида. Ежели бы могли мы еть кого на то время лучшій совѣтъ получить, но къ несчастію нашему, ни предводитель напѣ, ни мы во отдаленіи нашемъ того не разумѣли.

Всемилостивѣйшая Государыня! Все что по сему отъ насъ происходило, хотя преступленіе наше можетъ быть умножало, но вѣрность и рабское повиновеніе ко священной Особѣ вашей такъ, какъ къ Монархинѣ Богомъ избранной, а любовь и усердіе такъ, какъ къ Матери всего отечества, въ серцахъ нашихъ глубочайше вкоренены были, мы почитаемъ во священнѣйшемъ лицѣ вашемъ божественные дарованія, между которыми блистаетъ напаче въ правосудіи милосердіе ваше.

Не вниди въ судъ съ рабами своими, а паче не приносящими никакого оправданія. Шомилуй и прости наше разрѣшеніемъ отъ гнѣва вашего и возврати по милосердію своему тѣ намъ чины и должности, которыхъ мы прежними нашими вѣрнѣйшими заслугами къ престолу В. И. В. достигли. Обрадуй, милосердая мать, domы наши и потомство великодушіемъ вашимъ; отри слезы и отъими вздыханія наша, сокращающія вѣкъ нашъ; дай, благоутробная мать всего отечества, намъ и дѣтамъ нашимъ соучаствовать радость, которую отъ милосердія В. В. всѣ вѣрноподданные рабы съ веселіемъ наслаждаются, сего прося и моля, съ подобострастіемъ повергаемъ себя ко освященнѣйшимъ стопамъ В. И. В. всеподданнѣйшie и недостойные рабы бывшій подкоморій повѣту Батурина Григорій Долинскій, бывшій полковой нѣжинскій писарь Яковъ Почека; бывшій сот-

никъ Басанскій Михайло Яновичъ; бывшій войскової товарищъ Пётръ Жураковскій. Октября « » дня 1769 году.

Копія передаєть и положенную на прошеній резолюцію. «На подлинномъ надписано такъ: «Богъ проститъ».

В. Щербина.

Письмо архимандрита Кіево—Печерской Лавры Тимоѳея Щербацкаго къ митрополиту кіевскому Рафаилу Зaborовскому. (Съ подлинника, хранящаюся въ архивѣ Кіевской Духовной Консисторії). Ясне въ Богу преосвященнѣйшій Владико, Высокомилостивый мой по Дусъ Святѣ Господине, отче и собственнѣйшій патроне.

При низайшомъ поклонѣ моемъ объявляю Вашему преосвященству, что благопоспѣшствующими архиастирскими Вашего преосвященства молитвами сего априля 6 прибылъ я въ Москву (кроме дорожной нужди) благополучно. Девятого же числа чрезъ милость добрыхъ благодѣтелей представленъ Высокомонаршему Ея Императорскаго Величества лицу, и по принесеніи моего всеподданнѣйшаго Ея Императорскому Величеству поздравленія удостоенъ я тогожъ дни при Высочайшей Ея Императорскаго Величества персонѣ кушать. При томъ случае слышалъ я всемилостивѣйшее Ея Величества непремѣнное намѣреніе посѣтить святіе Кіевскіе мѣста: точію би всемогуществомъ Божімъ таки воспослѣдовала мирная з сосѣдственныхъ государствътишина, которо и чантельно есть. День коронаціи Ея Императорскаго Величества объявленъ сего априля 25 числа, но еще не твердо, точію уповательно, что конечнѣе далѣй отъ 27 числа не продолжится. За симъ низайшимъ моимъ объявлениемъ наступающими высокими и всеторжественными празднества Ваше преосвященство всеблагопріятнѣйше поздравляю и праздновать овіе въ добросостоятелномъ здравіи и всеблагополучнѣйшемъ поведенії всеусерднѣйше желаю и остаюсь.

Ясне въ Богу преосвященства Вашего вѣрно желателнѣйшій Богомолецъ, послушнѣйшій сынъ и низайшій слуга Кіево-печерська Лавра Архімандритъ Тимоѳеей.

Априла 15 д. 1742 году. Москва.

Къ этому письму приложены двѣ записи («цедулы» — по тогдашнему) слѣдующаго содержанія:

I.

«Ея Императорскому Величеству отъ Вашего преосвященства всенижайшій рабскій поклонъ отдалъ я прежде кушания, на что

изволила испросить о здравії вашемъ: я отвѣтствовалъ обстоятельно о болѣзни вашей архіерейской часто бывающей, и всегдашней ножной и сіе сказалъ: всѣмъ усердіемъ желалъ преосвященный Рафаиль собо—персонально всецѣданный свое Вашему Величеству отдать поклоненіе точію крайная болѣзнь къ тому желаемому намѣренію воспрепатствовала: сіе Вашему Архипастырству по вѣрной моей синовской склонности доношу всеніжайше.

II.

Всемилостивѣйшая Государыня по высокоматерному своему милосердію всѣхъ впадшихъ въ вины всемилостивѣйше простить для наступающаго высокого торжества соизволила, о чёмъ изъ Правительствующаго Сената во всѣ Коллегіи и Канцеляріи, а изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода въ Духовные консистории указы посланы. Вышеозначенному высокомонаршому милосердію ревнуя, Ваше преосвященство, протоіерея Павла Свѣта вину простить и отъ платежа на немъ положенного для наступающей радости милостивно свободить повелѣте, всепокорѣйше и всепрілѣжнѣйше прошу и несумѣнно въ вышеписанномъ благонадѣженъ остаюсь.

Всеніжайший слуга Архимандритъ Тимоѳей.

По вопросу о происхожденіи названія „Полтава“. Въ Майской книжкѣ «Кievskой Старинѣ» текущаго 1896 г. въ отдѣлѣ *Библіографіи*—помѣщены замѣчанія г. Н. В. по поводу мнѣній г. Л. В. Шадалки о происхожденіи названія города *Полтавы*. Намъ кажется, что въ этомъ возникшемъ спорѣ весьма кстати будетъ припомнить мнѣнія по этому предмету такого филолога и историка, какъ приснопамятный *Осипъ Максимовичъ Бодянскій*,—мнѣніе, остающееся, повидимому, неизвѣстнымъ ни г. Л. В. Шадалѣ, ни г. Н. В.

Въ московскомъ журнале «Телескопъ» за 1834 г. № 21-й помѣщенъ разборъ книги: «Малороссійскія пословицы и поговорки, собранныя В. Н. С. Харьковъ, въ универс. типографіи. 1834. (8). 34. Разборъ подписанъ: I. *Мастакъ*—псевдонимъ, несомнѣнно принадлежащимъ О. М. Бодянскому. Здѣсь—по поводу пословицы *пропасть ля Шведъ пидь Полтавою*, I. Мастакъ дѣлаетъ слѣдующее любопытнѣйшее подстрочное примѣчаніе:

«Замѣчательенъ случай, подавшій поводъ къ названію Полтавы. Въ 1608 году, по словамъ одной Малороссійской Лѣтоциси (издан.

Рубаномъ), козакъ Миргородского полка, *Масло*, вышелъ съ шестью семьями изъ *Олтавы* (Олты, Голты), бывшей тогда Малороссійскимъ городомъ, поселился на мѣстѣ нынѣшней *Полтавы*, которую, вѣроятно, и назвалъ по имени прежнаго своего жительства *По-Олтавою*, (о—оо) *Полтавою*, (оо—у) *Пултавою*, *По-Олтвою*, т. е. другою, новою *Олтавою*. Самая же *Олтава*, безъ сомнѣнія, названа по рѣкѣ *Олтавѣ*, при которой и рѣкѣ Пслѣ она находится, и въ которую впадаютъ еще двѣ маленькия рѣчки, одна *Олтава-Олшана*, а другая *Суха Олтава* (см. карту Украины Боплана). Но откуда сіи рѣчки получили свое название? Для решения сего нужно сообразить такое же имя одной изъ рѣкъ, при коей стоитъ Переяславль (Переисловъ) Малороссійскій, или какъ говорить Никоновская Лѣтощь, *Переславль Русскій, иже въ Кіевъ*, именно рѣкѣ *Альты* по Нестору *Олты, Олуты* (по Малоросс. *Ильты*, уменьш. *Ильтици*: а—о—и); припомнить обѣ одной провинціи Руссовъ Черноморскихъ и столичномъ ихъ городѣ, называемыхъ, по словамъ Арабскихъ Писателей: *Ибн-эль-Варди* (около 1232 г.) и *Кассини* (въ первой полов. XIV ст.), *Атлава* (Отлава, Олтава, а—о—т переставлено), *Тлава* (Отлава, Лтава, Олтава); далѣе въ Валахіи есть рѣка *Алута*, и еще, не помню гдѣ, другая какая-то *Алута*. Многія Українскія рѣки имѣютъ названія совершенно непонятныя для самихъ Українцевъ, напр., *Воръсколь*, нынѣ *Ворскла*, *Супой*, *Псѣль*; послѣднимъ подобныя встрѣчаете и на Кавказѣ: *Субой*, *Пса*, *Псѣ*; также въ степахъ Кавказскихъ и за-Уральскихъ находится и озеро *Ильмень*... («Телескопъ» 1834 г. часть XXI, стр. 345—346).

Сообщ. Левъ Мацьевичъ.

Подписка на памятникъ И. П. Котляревскому въ Полтавѣ.

Въ теченіе іюня и юла мѣсяцевъ въ контору нашей редакціи поступили вновь пожертвованія отъ слѣдующихъ лицъ: 1) Зъ могилы Т. Г. Шевченка видъ группы пилигримовъ—22 р.; 2) изъ Баку—отъ А. И. Побѣдоносцева, А. Н. Шрамченка по 5 руб., К. К. Пелековича—3 р. и Н. А. Афонскаго—2 р.; 3) отъ Н. А. Б—скаго 1 р.—всего—38 р., что вмѣстѣ съ прежними 529 р. 82 к. (см. № 6-й) составитъ—567 р. 82 к., которые и отправлены въ Полтаву.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Сочиненія Н. В. Гоголя. Издание десятое подъ ред. Николая Тихонравова и Владимира Шенрока. Т. VI и VII. Москва и С.-Петербургъ 1896. Издание А. Ф. Маркса. Стр. VIII+827 и V+1087.

Въ 1889—90 г. некоимъ акад. Н. С. Тихонравовымъ выпущено было въ свѣтъ пять первыхъ томовъ образцового изданія сочиненій Гоголя (М., изд. книжного магазина В. Думнова), обратившаго на себя всеобщее вниманіе. Глубокій знатокъ своего дѣла, изощренный въ особенности въ критическомъ изданіи памятниковъ древнерусской литературы, Тихонравовъ и на Гоголя взглянуль, при изданіи его сочиненій, съ точки зрѣнія строго-научныхъ критическихъ приемовъ, вездѣ стараясь представить окончательно выработанный Гоголевскій текстъ и пользуясь въ самыхъ широкихъ размѣрахъ рукописями Гоголя и печатными изданіями для варьантовъ; текстъ этого изданія, очищенный отъ постороннихъ искаженій и снабженный варьантами, большую частью впервые опубликованными, далъ Тихонравову, при его глубокихъ и разностороннихъ познаніяхъ въ русской литературѣ, обильный и важный материалъ для изученія жизни и дѣятельности Гоголя, чѣмъ онъ въ полной мѣрѣ воспользовался при составленіи своихъ редакторскихъ «примѣчаній», составляющихъ обширныя и любопытнѣйшия изслѣдованія почти о каждомъ отдельномъ произведеніи Гоголя. По своимъ выдающимся достоинствамъ, какъ относительно метода редактора, такъ и его выполненія, это изданіе сочиненій Гоголя составляетъ, безъ сомнѣнія, эпоху въ исторіи изученія послѣдняго, но оно не было доведено до конца, и когда въ ноябрѣ 1893 года Н. С. Тихонравовъ скончался, то любители русской литературы имѣли полное основаніе глубоко сожалѣть объ этой крупной потерѣ особенно по отношенію къ изданію сочиненій Гоголя.

Хотя въ пяти вышедшихъ томахъ напечатаны уже были всѣ главнѣйшія произведенія Гоголя, и на послѣдующіе томы матеріала оставалось сравнительно не много, но этотъ матеріалъ былъ исключительно почти въ рукописяхъ, да и взяться за продолженіе и окончаніе такой образцовой работы было дѣломъ въ высшей степени ответственнымъ и труднымъ: приходилось другому редактору поставить себѣ задачей докончить начатое изданіе такъ же образцово, какъ оно было начато Тихонравовымъ, владѣвшимъ для этого, по общему признанію, исключительными свѣдѣніями и талантомъ. Собственникомъ начатаго изданія сочиненій Гоголя, перешедшимъ отъ фирмы В. Думнова къ фирмѣ А. Ф. Маркса, праглашенъ былъ для его продолженія и окончанія г. Шенрокъ. Выборъ этотъ можно назвать вполнѣ удачнымъ, такъ какъ имя г. Шенрока, въ отношеніи изученія Гоголя, занимаетъ у насъ, особенно послѣ смерти Тихонравова, едва ли не самое видное мѣсто: г. Шенрокъ, съ замѣчательной настойчивостью и умѣньемъ, въ продолженіе многихъ лѣтъ занимается изученіемъ жизни и дѣятельности Гоголя, и ему принадлежитъ, кроме значительного количества вновь опубликованного матеріала, большой систематической трудъ «Матеріалы для біографіи Гоголя», котораго вышло уже три тома (М. 1892—1895).

Въ вышедшихъ теперь двухъ томахъ сочиненій Гоголя, редактированныхъ и снабженныхъ примѣчаніями г. Шенрокомъ, новый редакторъ, при выполненіи своей задачи, въ характерѣ работы старался слѣдовать своему предшественнику: мы поставили своей задачей—говорить овъ въ предисловіи къ VI тому—сохраняя вполнѣ прежній планъ и программу, исполнить дѣло, насколько могли, такъ, какъ, казалось намъ, было бы оно исполнено чокойнымъ (Тихонравовымъ). И въ самомъ дѣлѣ, внимательный читатель, ознакомившись съ обоими вышедшими томами, долженъ прійти къ тому заключенію, что по тщательности, основательности, добросовѣстности работы, по обнаруженному въ ней знанію дѣла и по любопытнымъ результатамъ, эти томы, заканчивающіе изданіе, могутъ достойнымъ образомъ стать рядомъ съ первыми пятью томами, вышедшими изъ-подъ редакторскаго пера Н. С. Тихонравова.

Что касается содержанія, то въ VI томѣ почти сплошь мы находимъ матеріалъ, впервые опубликованный въ печати и рѣшительно впервые появляющійся въ составѣ «сочиненій» Гоголя. Это—стихотвореніе «Неногода» (школьнаго періода); прозаическое отрывки «Хромой чортъ», «О поэзіи Козлова», «Петербургская сцена въ 1835—

36 году», «Александъ», «1846 годъ», «О сословіяхъ въ государствѣ», «Объявленіе объ издаваніи русскаго словаря», «Помѣщаки», «Трудъ», «Альбомная замѣтка», «Строки, написанныя за вѣсколько дней до смерти» (молитвенно-религіознаго содержанія); болѣе крупныя вещи «Первоначальная редакція Коляски», «Переводъ комедіи Мольера Сканарель», «Наброски изъ древней исторіи», «Учебная книга словесности», «Карманныя записныя книжки» и вѣк. другія. Въ VII томѣ напечатаны, также большою частію впервые: первая и вторая полная редакція первого тома «Мертвыхъ Душъ»; отрывки изъ первоначальной редакціи «Мертвыхъ Душъ»; страницы, передѣланныя авторомъ по выходѣ въ свѣтъ первого тома «Мертвыхъ Душъ»; размышленія автора о вѣкоторыхъ герояхъ первого тома «Мертвыхъ Душъ»; вновь найденныя страницы изъ второй части «Мертвыхъ Душъ» и новые наброски изъ первой части этой же поэмы. Конечно, совершенно новаго и вмѣстѣ съ тѣмъ цѣннаго въ художественномъ отношеніи въ вышедшихъ двухъ томахъ немногого, но этотъ материалъ имѣетъ большое значеніе въ біографическомъ и историко-литературномъ отношеніи, такъ какъ представляетъ новыя и важныя данныя какъ для исторіи развитія самого Гоголя, такъ и для исторіи возникновенія и выполненія его творческихъ замысловъ. Смотря, очевидно, съ этой точки зренія на свою задачу, г. Шенрокъ не жалѣлъ труда при отысканіи и подготовкѣ къ печати даже самыхъ незначительныхъ письменныхъ остатковъ отъ Гоголя; онъ относился къ Гоголю какъ къ настоящему классику, малѣйшая черта котораго должна быть сохранена для потомства и можетъ такъ или иначе пригодиться для всесторонней будущей его оценки. Поэтому, напечатаны, напр., не только случайные наброски и отрывки произведеній, къ которымъ Гоголь никогда потомъ не возвращался, или беспорядочныя замѣтки записной книжки, но даже газетное объявленіе Гоголя, шутливое условіе дружескаго пари или фрагменты комедіи «Женитьба», не вполнѣ сохранившіеся на изорванныхъ листахъ. Въ своихъ примѣчаніяхъ редакторъ, видя историческую цѣну въ каждомъ словѣ, написанномъ рукою Гоголя, не упускаетъ случая комментировать самымъ обстоятельнымъ образомъ все, помѣщаемое въ текстѣ: такъ, по поводу напечатанныхъ изъ записной книжки Гоголя разныхъ интересовавшихъ его отдельныхъ словъ и выражений, г. Шенрокъ съ величайшей внимательностью производить сравненіе этихъ словъ и выражений со словаремъ Даля; по поводу сдѣланныхъ Гоголемъ записокъ изъ научныхъ сочиненій во время его историческихъ занятій, г. Шенрокомъ

приводятся отрывки изъ Геродота въ подлинникѣ. Наконецъ, къ VII тому приложено весьма обширное «описаніе рукописей» Гоголя (стр. 827—947) съ извлечениемъ изъ нихъ всего неизданнаго въ предыдущихъ томахъ. Разумѣется, такие пріемы понятны также при взгляде на Гоголя, какъ на совершенно признанного классика, и только исторической интересъ специалиста оправдываетъ эти, иногда не имѣющія границъ, увлеченія редактора; для широкой читающей публики эти два тома существовать не будутъ, какъ не будетъ существовать и многое изъ пяти первыхъ томахъ, редактированныхъ Тихонравовымъ.

Сверхъ всего этого, VII томъ снабженъ полнымъ хронологическимъ указателемъ ко всѣмъ томамъ «Сочиненій Н. В. Гоголя» и подробнѣйшими алфавитными указателями собственныхъ именъ и предметовъ. При VI томѣ имѣются художественные приложения—портретъ Гоголя и три снимка съ собственноручныхъ рисунковъ Гоголя изъ послѣдней сцены «Ревизора»; къ VII тому также должны быть приложения—портретъ А. С. Пушкина, набросанный Гоголемъ и домики Гоголя,—но въ нашемъ экземплярѣ этихъ рисунковъ не имѣется.

Не претендуя на сколько-нибудь обстоятельную оцѣнку такого капитального явленія въ нашей историко-литературной науки, какъ 10-е издаваніе «Сочиненій Н. В. Гоголя», исполненное трудами Н. С. Тихонравова и В. И. Шенрока, мы имѣли лишь въ виду, въ нашей краткой замѣткѣ, привѣтствовать окончаніе большаго и важнаго литературнаго предпріятія, по качествамъ своего исполненія вполнѣ достойнаго великаго имени того писателя, трудамъ и гenю которого оно посвящено.

Е. Пѣтуховъ.

Сборникъ Харьковскаго Историко-филологического Общества. Т. VIII-й. Харьковъ 1896 г. стр. 1—18 + 1—67 + 1—323 + 67—112 (Прилож.).

Настоящій томъ «Сборника» особой нумераціей для каждого дѣлится на четыре отдѣла: некрологический, официальный, отдѣлъ изслѣдований, сообщеній и материаловъ и приложеніе.

Въ некрологическомъ отдѣлѣ помѣщены статьи, посвященные памяти почившихъ членовъ Общества И. М. Собѣстіанского и И. Ф. Одарченка, нагробная рѣчи, говоренные при погребеніи Собѣстіанского и обзоръ его ученой дѣятельности.

Въ официальномъ отдѣлѣ главное мѣсто занимаетъ «Отчетъ о дѣятельности историко-филологического Общества въ 18⁹⁴/95 академическомъ году», составленный Н. Ф. Сумцовыи. Изъ него мы узнаемъ, что въ отчетномъ году Общество имѣло десять засѣданій, но въ нихъ сообщеній съ характеромъ изслѣдованія было сдѣлано три: А. С. Лебедевыи: «О просвѣтительной дѣятельности бѣлгородскаго архіепископа Феоктиста Мочульскаго», и М. М. Плохинскими: 1, «О почетныхъ членахъ Харьковскаго университета за первое десятилѣтие его существованія (до 1815 г.)» и 2, «О Нѣжинскомъ греческомъ братствѣ» и «Торговлѣ нѣжинскихъ грековъ въ прошломъ вѣкѣ» (два послѣднія сообщенія мы предполагаемъ однимъ цѣлымъ); остальные сообщенія въ засѣданіяхъ касались болѣею частью печальныхъ событій, постигавшихъ общество и государство.

Педагогический отдѣлъ Общества имѣлъ семь засѣданій; изъ читавшихся въ нихъ докладовъ по вопросамъ правильной постановки преподаванія исторіи, географіи, логики и проч. выдѣляется изслѣдованіе М. И. Демкова: «Педагогические взгляды Симеона Полоцкаго».

Какъ и въ прежнихъ томахъ «Сборника», отчетъ страдаетъ недостаточно строго приведенной систематизаціей предметовъ занятій Общества въ засѣданіяхъ, что при сплошномъ однообразномъ шрифтѣ сильно затрудняетъ чтеніе.

«Отчетъ объ историческомъ (!) архивѣ Общества» походитъ больше на библіотечный отчетъ. Къ чему этотъ хаотическій перечень пожертвованныхъ книгъ? Не лучше ли было бы сообщать, вместо него, подробности о новыхъ приобрѣтеніяхъ Архива—старыхъ дѣлахъ, какихъ-либо рукописяхъ, а перечень книгъ соединить съ такимъ же перечнемъ книгъ, пожертвованныхъ Обществу Академіей Наукъ, только все-таки расположивъ ихъ въ алфавитномъ порядкѣ, игнорируемомъ редакціей «Сборника», но очень удобномъ для справокъ.

Въ «Приложениі» къ «Отчету» мы находимъ: 1, правила о преміи имени А. А. Потебни; 2, темы, интересовавшія покойнаго ученаго и служащія руководствомъ для выбора темъ на премію его имени; 3, разборъ студенческихъ работъ, представленныхъ на эту премію; 4, записку Г. В. Левицкаго объ организаціи курганныхъ раскопокъ въ харьковской и смежныхъ губерніяхъ; 5, отчетъ и программы «научныхъ» чтеній для женщинъ, и 6, протоколъ юбилейного засѣданія 13 ноября 1895 г., посвященнаго чествованію памяти Г. С. Сквороды, и рѣчи по этому поводу А. С. Лебедева, Ф. А. Зелено-горскаго и Д. И. Багалѣя. Наиболѣе важными изъ этихъ приложений

мы считаемъ отчетъ и программы «научныхъ» членій для женщинъ. Важность эта тѣмъ больше, чѣмъ менѣе женщина имѣеть возможноти пополнить скудный запасъ своихъ знаній. Почки Харьковскаго Общества въ такомъ благомъ дѣлѣ, какъ чтенія, заслуживаетъ полнаго сочувствія и подражанія со стороны ученыхъ обществъ другихъ городовъ. Членія открыты по инициативѣ и ходатайству Харьков. Общества взаимнаго вспоможенія учительницамъ по примѣру такихъ же членій, ведущихся въ Тифлисскомъ, Нижегородскомъ и Московскому Обществахъ. При открытіи членій въ Харьковскомъ Обществѣ сразу записалось 247 слушательницъ; семью членами Общества было прочтено 48 лекцій, а всѣхъ посѣщеній слушательницами было сдѣлано 5181 (должно было бы быть болѣе 10,000, т. е. ровно вдвое); разсматривая таблицу посѣщеній по лекціямъ (за напечатаніе ея нельзѧ не поблагодарить редакцію «Сборника»), мы замѣчаемъ, что вообще къ послѣднимъ лекціямъ интересъ слабѣеть, при чѣмъ къ однимъ лекціямъ интересъ очень мало слабѣеть (г. Багалѣя), къ другимъ слабѣеть больше (г. г. Сумцова, Овсянниково-Куликовскаго, Собѣстянскаго и Соловьевы) и къ третьимъ рѣзко слабѣеть (г. г. Лапина и Шепелевича). Гдѣ же лежать причины этого грустнаго явленія? Мы думаемъ, что онѣ лежать не въ преподавателяхъ (хотя, несомнѣнно, кое-что слѣдуетъ отнести и на ихъ счетъ) и не въ слушательницахъ, а въ самой постановкѣ членій, въ способѣ сообщенія высшихъ знаній людямъ болѣе или менѣе уже подготовленнымъ къ ихъ восприятію; такое явленіе наблюдается и въ университетахъ. Обѣ стороны, безъ всякаго сомнѣнія, горячо желали достичь поставленной себѣ цѣли: одни научить, другіе научиться; но число слушательницъ на лекціяхъ стало замѣтно падать; слѣдовательно, слушательницы испытывали неудовлетворенность (да, пожалуй, еще во всемъ винять своихъ безкорыстныхъ учителей). Но вопросъ о желательной постановкѣ членій—вопросъ сложный и серьезный, и обсуждать его въ краткой рецензіи неудобно.

Переходимъ, поэтому, къ отдѣлу сообщеній, изслѣдований и материаловъ.

Въ статьѣ г. Алякритскаго, посвященной «памяти Н. С. Тихонравова» представленъ обзоръ трудовъ профессора за времена его студенчества и преподавательской дѣятельности до выступленія на университетскую кафедру; труды эти обнаруживаются въ ихъ авторѣ человѣка недюжинныхъ способностей.

Междуд рукописями Імператорського Общества любителей древней письменности есть коллекція бумагъ, заключающа въ себѣ иѣвото-
рые «матеріали для исторіи Харьковскаго университета»; г. Ля-
щенко извлекаетъ изъ этой коллекціи циркуляръ попечителя Харь-
ковскаго учебнаго округа З. Я. Корнилова Харьковскому университету
отъ 25 января 1819 г. и письмо В. Н. Каразина къ министру В. Н.
Кочубею по поводу этого циркуляра; эти два документа имѣютъ не
только частное значеніе для исторіи университета, но и общее, пред-
ставляя господствовавшій въ началѣ текущаго столѣтія характеръ
университетскаго преподаванія и ту крайность, къ которой оно при-
ходило вслѣдствіе того, что цѣлью преподаванія ставилась не сама
наука и ея незыблемыя истины, а выработка людей желательнаго
наиправленія.

На пѣсколькихъ замѣчаніяхъ г. О. Корша «Къ греческой фон-
нетикѣ Брунмана» мы не будемъ останавливаться, какъ на статьѣ, не
имѣющей общаго интереса и важной лишь для немногихъ специа-
листовъ; замѣтимъ только, что она дающій разъ показываетъ слабость
современной филологіи, какъ науки, не вышедшей до сихъ поръ изъ
области гаданій.

«Очерки изъ исторіи и юридической быта старой Малороссіи. Суды земскіе, градскіе и подкоморскіе въ XVIII в.» — выдающійся на-
учный трудъ г. Д. Миллера. Потребность въ разъясненіи существо-
вавшихъ смутныхъ и сбивчивыхъ понятій о судахъ полковыхъ и со-
тенныхъ, отношеніи ихъ къ земскимъ, градскимъ и подкоморскимъ
судамъ, о формѣ и компетенціи послѣднихъ въ связи съ исторіей
ихъ давно уже чувствовалась всѣми занимавшимися изслѣдованіемъ
южно-русскихъ актовъ лѣвобережной Украины. Названное сочиненіе
и пытается удовлетворить этой потребности. Оно основано авторомъ
на неизданномъ матеріалѣ, главнымъ образомъ, на дѣлахъ суще-
ствовавшій въ прошломъ столѣтіи Малороссійской Коллегіи, храня-
щихся теперь въ центральномъ Архивѣ Харьковскаго университета.
Въ началѣ своего изслѣдованія авторъ говоритъ о малорусскомъ су-
доустройствѣ до 1648 г., которое ничѣмъ не отличалось отъ тако-
ваго же польскаго; войны Хмельницкаго вызвали къ жизни полковые
и сотенные суды; но первые годы польскіе суды, говорить авторъ,
продолжали еще существовать; указаніе на это онъ видѣть въ томъ,
что королевская грамота, данная Хмельницкому въ 1652 г., внесена
въ актовыя книги Кіевскаго градскаго суда; но, прибавимъ мы, суда
королевскаго, потому что Кіевъ продолжалъ оставаться польскимъ

городомъ, и Кіевскіе гродскіе и земскіе суды не переставали существовать до окончательного присоединенія юго-западнаго края къ Россіи и только послѣ уступки Кіева Московскому государю переходили то въ Овручъ, то въ Житомиръ; козацкіе же суды на правомъ берегу Днѣпра (а тѣмъ болѣе это должно было быть на лѣвомъ) мы встрѣчаемъ рядомъ съ королевскими въ эпоху войнъ Хмельницкаго; полковые, напр., суды въ это время сливаются съ магистратскими, какъ показываютъ акты, касающіеся козацкаго землевладѣнія¹⁾. Доказательствъ того, чтобы въ этотъ же періодъ времени на правомъ берегу существовали сотенные суды, мы не имѣемъ, да едва ли, въ виду небольшихъ территорій полковъ и подчиненія населенія въ весьма значительной степени польскимъ панамъ и старостамъ, они и были тогда; между тѣмъ на лѣвомъ берегу обширныхъ пространства полковъ, при полномъ отсутствіи польского вліянія, должны были привести къ необходимости учрежденія сотенныхъ полковъ, изъ которыхъ потомъ выдѣлились полковые, какъ высшая инстанція; высшимъ апелляціоннымъ учрежденіемъ былъ войсковый генеральный судъ и въ періоды междугетманства малороссійская коллегія, исторію развитія которыхъ авторъ и излагаетъ, говоря о нихъ. Въ половинѣ XVII в., съ отдѣленіемъ малороссійскаго дворянства отъ массы остального населенія, явилась мысль о коренной реформѣ судовъ и соглашеніи ихъ съ малороссійскими правами, т. е. говоря проще, о возстановленіи польскихъ судовъ, память о которыхъ въ лѣвобережной Українѣ была жива. Авторъ подробно излагаетъ хлопоты объ этомъ дворянства, созывъ гетманомъ малороссійскихъ чиновъ на съездъ въ г. Глуховъ, выработка на съездѣ проекта судебнай реформы и сдѣланная въ немъ гетманомъ измѣненія. Измѣненный гетманомъ проектъ универсаломъ отъ 19 ноября 1763 года былъ предложенъ полковымъ и сотеннымъ судомъ къ свѣдѣнію и руководству; исполненіе универсала, вслѣдствіе противодѣйствія со стороны старыхъ судовъ шло очень медленно. Высочайшою властью проектъ было утвержденъ лишь указомъ отъ 10 ноября 1764 года, одновременно съ уничтоженіемъ гетманства. Далѣе авторъ приводить любопытныя подробности открытія земскихъ судовъ, ихъ устройство, квартиры и материальную обстановку; указываетъ на случаи проявленія вражды старыхъ судовъ къ новымъ, которая вмѣстѣ съ другими непредвидѣнными препятствіями тормозила дѣятельность послѣднихъ; изображаетъ выборы должностныхъ лицъ,

¹⁾ Членія въ Истор. Общ. Нест. Лѣтоп. кн. VIII, отд. 3-й, стр. 19—22.

ихъ утверждение, и, наконецъ, опредѣляетъ компетенцію земскихъ и гродскихъ судовъ; опредѣление компетенціи ихъ до сихъ поръ составляло камень преткновенія многихъ изслѣдователей, и мнѣніе автора очень интересное и важное, заслуживаетъ полнаго вниманія и привѣрки¹⁾. Малороссійскіе суды, говорить онъ, не знали раздѣленія дѣлъ на уголовныя и гражданскія; въ XVIII в. ихъ дѣлили обыкновенно на колодничіи и чelобитчиковы. Но и это дѣленіе не можетъ служить основаніемъ для разграничения компетенціи гродскихъ и земскихъ судовъ, ибо тотъ же гродской судъ, который вѣдалъ дѣла колодничіи, разбиралъ и постановлялъ свои решения и по дѣламъ чelобитчиковъ. Гораздо вѣрнѣе опредѣляется кругъ вѣдомства каждого суда, если мы примемъ дѣленіе «сравѣть по степени наказуемости. Литовскій статутъ, служившій главнымъ основаніемъ малороссійскіхъ правъ, различаетъ *«речи крвавые, за что горломъ караются»* и *«речи меншіе, некрвавые, где о горло нейдетъ»*; и вотъ, если мы выдѣлимъ въ особую группу *«речи крвавые»*, то и получимъ какъ разъ тотъ кругъ дѣлъ, который подлежалъ исключительно вѣдѣнію гродскихъ судовъ; его-же вѣдѣнію подлежали кое-какія полицейскія правонарушенія; былъ еще родъ дѣлъ, одинаково подсудныхъ и гродскому и земскому суду: уходъ слугъ, угрозы здоровью и жизни, захватъ имѣній и т. п. Всѣ остальные дѣла были подсудны земскимъ судамъ, исключая дѣлъ обѣ имѣніяхъ вымороочныхъ и государственныхъ, разбиравшихся въ особыхъ комиссіяхъ. Высказавъ мнѣніе о компетенціи гродскихъ и земскихъ судовъ, которое справедливо можетъ быть оцѣнено лишь послѣ его повѣрки по актовымъ книгамъ, авторъ переходитъ къ разсмотрѣнію законовъ, которыми руководствовались гродские, земскіе и подкоморскіе суды: Литовскаго Статута, Шорядка, Правъ цесарскихъ, магдебургскихъ, Саксона и общерусскихъ узаконеній XVIII в. и въ заключеніе характеризуетъ отношеніе къ шляхетскимъ судамъ малороссійского дворянства; отношеніе его къ нимъ было вполнѣ благопріятно; новоучрежденные суды пользовались общей симпатіей, однако они сильно страдали медленностью и волокитой вслѣдствіе недоконченности судоустройства, халатности судающихъ, несовершенства законодательства, «неожиденія» самихъ чelобитчиковъ и злоупотребленія судейскаго персонала; тѣмъ не менѣе разница между велико-

¹⁾ D-r Alojzy Winiarz въ недавной статьѣ своей (*„Ziemia sanocka w latach 1463—1552“*), помещенной въ *„Kwartaln. Histor.“* (№ 2 за 1896 г.) указываетъ также на трудность определенія компетенціи земскихъ и гродскихъ судовъ (стр. 305 и 306).

руссими и малорусскими судами была весьма значительна: «одного права выбора урядниковъ вольными голосами, а тѣмъ болѣе свободы оть нытокъ и тѣлесныхъ ваказаній было вполнѣ достаточно, чтобы заставить шляхетство держаться за свой «национальный» судъ обѣими руками. Послѣ же указа Петра III о вольностяхъ дворянъ и высочайшей грамоты о дворянствѣ, когда преимущества малороссійского суда стали достояніемъ и суда великого россійского, стоять за свой судъ малороссійскому дворянству не было уже смысла. Земскіе, гродскіе и подкоморскіе суды просуществовали до 1782 г., когда въ лѣвобережной Украинѣ было введено екатерининское учрежденіе намѣстничествъ. При Павлѣ статутовые суды были вновь возстановлены, но лишь на короткое время.

Въ «Приложенияхъ» къ изслѣдованию г. Д. Миллера помѣщены: ордеръ гетмана Разумовскаго обѣ избраціи подкоморыхъ, ордеръ полковникамъ о съѣздѣ въ Глуховъ и универсаль обѣ учрежденіи земскіхъ и гродскихъ судовъ. Мы не сомнѣваемся, что почтенный трудъ г. Миллера послужить основаніемъ для появленія нѣсколькихъ новыхъ работъ.

Въ дополненіе къ изданному раньше А. М. Лазаревскимъ и Н. П. Василенкомъ генеральному слѣдствію о маєтностяхъ полковъ Кіевскаго, Черниговскаго и Гадяцкаго *в. В. Мякотинъ* печатаетъ въ настоящей книжѣ «Слѣдствіе о маєтностяхъ Переяславскаго полка» по рукописи (№ 1159) Румянцевъ музѣу; этому матеріалу онъ предпосыпаетъ небольшое предисловіе, въ которомъ старается показать важность «слѣдствія» для изслѣдователей, извлекая изъ него иѣкоторыя данныя по землевладѣнію малороссійскихъ чиновъ.

Г. М. Плохинскій, печатая во многихъ отношеніяхъ интересное путешествіе въ 1697 г. іеромана Тарасія Поклонскаго въ г. Барь въ Италію на поклоненіе мощамъ святителя Николая Чудотворца (перепечатано въ нашемъ журпалѣ за прошлый мѣсяцъ), приводить въ предисловії и цифры богоомольцевъ, направляющихся въ Кіевъ на поклоненіе пещерскимъ угодникамъ.

Г. Н. Сумцовъ, сообщая сказанія о затонувшихъ городахъ, селахъ или монастыряхъ, передаваемыи во многихъ мѣстахъ Малороссіи и въ разныхъ другихъ странахъ, въ пріуроченіи къ озерамъ, болотамъ и рѣкамъ, приходитъ къ заключенію, что въ основаніи ихъ лежать воспоминанія обѣ исключительно рѣликихъ явленіяхъ природы; при передачѣ ихъ собственные имена переносились, обобщались, исчезали, и получалось общее излюбленное сказаніе съ разными мѣстными

пріуроченіями и легендарной окраской; легендарная окраска проистекала отъ введенія морали—неси наказанія за грѣхи; нѣкоторыи сказанія носять на себѣ слѣды вліянія біблейскаго сказанія о разрушенніи Садома и Гоморры.

Кромѣ того, г. Сумцовъ, указывалъ на важность изученія апокрифовъ и легендъ, дѣлаетъ подборъ не многихъ старинныхъ малорусскихъ легендъ, связанныхъ большей частью съ малорусскими историческими лицами и событиями, именно, о странствованіи церкви изъ одного мѣста въ другое, о сверхъестественномъ огражденіи русскихъ во время татарскаго нашествія, о порчѣ иконъ татарами, о построеніи церквей на мѣстахъ побѣдъ и т. п.

Г. М. Линда сообщаетъ историческія преданія о селѣ Рублевѣ (богодухов. у. харьков. губ.), рисуяція колонизацію далекой окраины того времени и условія жизни колонистовъ въ борьбѣ съ кочевниками. Настоящій томъ «Сборника» заключается продолженіемъ описи старыхъ дѣлъ центрального Архива при Харьков. у—тѣ, но разборъ этой описи мы откладываемъ до окончанія ея печатанія.

И. Каманинъ.

Fontes historiae Ukraino-Russicae (Ruthenicae) a collegio archaeographico Societatis Scientiarum Ševcenkianae editi. Vol. I.

Жерела до історії України-Руси. Видає комісія археографічна Наукового Товариства імені Шевченка. Том I. Люстрації королівщин в земляхъ Галицькій, Перемиській З р. 1565 — 66.
У Львові 1895.

Основанное въ 1892 г. въ Львовѣ ученое общество имени Шевченка съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе расширяетъ свою дѣятельность. «Записки» общества, выходившія сначала по одной книжкѣ въ годъ, въ 1895 г. вышли уже въ 4 книгахъ, а съ 1896 г. предполагается издавать по 6 кн. въ годъ. Одновременно съ «Записками» обществомъ велись слѣдующія изданія: 1) юридический трехмѣсячникъ «Часопись правника», который съ настоящаго года преобразовывается въ ежегодникъ «Розвідки правничі історично-філозофічної секції Н. Т. ім. Шевченка»; 2) «Історична Бібліотека» (переводы важнѣйшихъ сочиненій по южно-русской исторіи—Костомарова, Антоно-вича и др.); 3) журналъ «Зоря». Съ настоящаго года общество пред-

принимаетъ новыи радъ изданій: 4) «Жерела до історії України-Русі», 5) Памятки українско-руськои мови и літератури» (для веденія этихъ изданій избрана особая археографическая комиссія); 6) «Етнографічний збірник». Изданія общества представляютъ большой интересъ для всякаго занимающагося южно-русской исторію, такъ какъ въ нихъ помѣщается много важныхъ материаловъ и изслѣдований, относящихся не къ одной только Галиціи, но и ко всей территории, населенной малорусскимъ племенемъ.

Книга, заглавіе которой выписано выше, представляетъ первый томъ изданій археографической комиссіи общества. Въ немъ помѣщена часть древнѣйшей люстрація «руссихъ земель» (т. е. Галиціи), окончанію которой будутъ посвящены и два слѣдующихъ тома изданія, и вступительная статья редактора проф. Грушевскаго «Економічний стан селян на Подністровѣ галицькім въ половині XVI в.»

Значеніе люстрацій королевскихъ имѣній для изученія экономическихъ и соціальныхъ отношеній края настолько уже выяснено, что едва-ли нужно говорить о научной важности помѣщенныхъ въ настоящемъ томѣ материаловъ. Значеніе ихъ увеличивается еще тѣмъ, что они относятся къ странѣ, мало затрагиваемой russkими историками и досихъ поръ не находившой изслѣдователей среди местныхъ ученыхъ. Самое изданіе сдѣлано сть подобающею тщательностью: издатель пользовался двумя рукописями—люстрацію, сохранившуюся въ части Коронной Метрики, хранящейся въ Московскомъ архивѣ М. Юстиціи, и инвентарями, сохранившимися въ архивѣ Варшавской казеннай палаты; въ предисловіи дано подробное описание обѣихъ рукописей и объясненіе того, какъ пользовался ими издатель.

Вступительная статья, составленная преимущественно на основаніи помѣщенныхъ въ настоящемъ томѣ материаловъ, представляетъ начало цѣлой серіи подобныхъ работъ относительно внутреннаго строя Галиціи въ XVI в., задуманныхъ авторомъ. Въ данномъ случаѣ онъ ограничивается очеркомъ экономического положенія крестьянъ галицкаго Поднѣстровья, а именно—староствъ Снятинскаго, Теребовльскаго, Галицкаго, Рогатинскаго, Сtryйскаго, Дорогобычскаго и Самборскаго. Самое изслѣдованіе распадается на слѣдующія рубрики: 1) разряды крестьянъ; 2) формы землевладѣнія; 3) подати и повинности; 4) благосостояніе крестьянъ. Вотъ главныя положенія, къ которымъ приходитъ авторъ по этимъ вопросамъ. Наиболѣе многочисленный разрядъ крестьянъ представляютъ таглье (въ люстр. по-

тужники, затяжные, работные, данные и т. п.), переходъ къ которымъ составляютъ «свободные» (т. е. живущіе известное число лѣтъ «на свободѣ»); встречаются еще служки, загородники, подусуѣдки—какъ поселане менѣе состоятельные и, наконецъ убогіе. Основная форма землевладѣнія — дворищна, находящаяся уже въ упадѣ: дворища почти всѣ «мѣранныя», т. е. обращенные въ ланы; въ нѣкоторыхъ староствахъ и ланы уже распадаются на $\frac{1}{2}$ и $\frac{1}{4}$ ланы. Вообще грунта уменьшаются по направленію съ В. на З. и съ Ю. на С. (такъ въ ст. Снатинскомъ и Теребовльскомъ преобладаютъ цѣлодворищныя хозяйства; въ Дорогобычскомъ полдворищныхъ хозяйствъ 150, $\frac{1}{4}$ дворищныхъ 76, но есть $\frac{1}{6}$ и $\frac{1}{8}$ дворищ). Вопросъ о крестьянскихъ податяхъ и повинностяхъ разработанъ съ особеною полнотою: каждому старству посвящена особая глава. Мы приведемъ только заключительныя обобщенія. Главныя формы обложенія—денежный чиншъ, хлѣбная дань, десятина отъ скота и пасѣкъ, стація и работы. Величина чиншей и хлѣбной дани втечение нѣсколькихъ поколѣній оставалась безъ измѣненій; работа представляла большія колебанія; стація и десятина также. Особенно измѣняется количество работъ: въ инвентарѣ Теребовльского, стар., относящемся къ болѣе раннему времени, работа является только въ видѣ т. наз. «помочи», составляющей 8 рабочихъ дней въ годъ; въ люстраціи устанавливается уже 2 дня рабочихъ въ недѣлю (за что нѣсколько уменьшены чинши), но помочные дни остаются по прежнему; въ другихъ случаяхъ помочь прямо замѣняется еженедѣльно работой; въ тѣхъ случаяхъ когда работа замѣнялась денежнымъ платежемъ, оставались помочи, размѣръ которыхъ впослѣдствіи увеличивался; еще удобнѣе подвергалась увеличенію работа неопределеннага («роблять що скажуть»), иногда обращавшаяся въ ежедневную (въ нѣкоторыхъ селахъ Галицкаго и Теребовльского стар.). Наконецъ работа могла увеличиваться вслѣдствіе раздробленія грунтовъ: особенно ясно это явленіе замѣчается въ поѣздѣ Стрыйскомъ, гдѣ податною единицею считается дворище, а работа отбывается съ $\frac{1}{4}$ дворища. Тоже причина приводила и къ чрезмѣрному возрастанію денежного обложенія; при этомъ старости могли увеличивать свои доходы, оставляя безъ измѣненій номинальные размѣры податей и повинностей, но облагая имъ меньшіе надѣлы; земли, неоставшіяся свободными послѣ помѣра, они или отдавали прежнимъ владѣльцамъ въ видѣ «прирѣзковъ» за увеличенныя повинности, или же принимали на нихъ новыхъ поселенцевъ. Размѣры повинностей и податей въ различныхъ староствахъ были неоди-

наковы. Не вдаваясь въ изложение подробныхъ вычислений г. Грушевскаго, не сведенныхъ по недостатку материала къ какимъ либо определеннымъ выводамъ, ограничимся только числомъ рабочихъ дней въ иѣкоторыхъ староствахъ: въ Снятинскомъ на дворище приходилось отъ $\frac{1}{4}$ до 2 рабочихъ дней, Теребовльскомъ—3, Галицкомъ—4—6, Стрыйскомъ—4, Рогатинскомъ—8,—т. е. и здѣсь положеніе крестьянъ ухудшилось по направленію отъ Ю.-В. къ С.-З. Кажется, къ подобному выводу можетъ привести и помѣщенная на стр. 49 предисловія общая таблица податей и работы въ разл. сторонахъ. Въ заключительной главѣ авторъ высказываетъ иѣсколько замѣчаній о благосостояніи крестьянъ, насколько его можно видѣть изъ данныхъ листраціи. Такъ, на основаніи количествъ десятины онъ опредѣляетъ общее количество скота и пасѣкъ на каждое хозяйство. Для Снятинскаго—10 воловъ, 7₃ свиней, $4\frac{1}{2}$ пней; для Галицкаго—12 воловъ, 6 пней; для Теребовльскаго—8₃ вола, $5\frac{1}{2}$ овецъ, 6 пней. Но въ этихъ ю.-з. сторонахъ крестьянамъ жилось лучше, чѣмъ въ сѣверо-зап. Тамъ грунты были уже такъ раздроблены, что становились недостаточными для веденія хозяйства; новые поселенцы избѣгали этихъ новѣтствъ; въ Стрыїщинѣ сама администрація находила обложевіе чрезмѣрнымъ; въ ст. Рогатинскомъ положеніе крестьянъ было такъ тяжело, что они разбрѣгались, несмотря на то, что правительство казнило смертью за побѣгъ; въ этомъ староствѣ сама администрація освобождала иѣкоторыхъ крестьянъ отъ налоговъ «для ихъ нужды».

Таково содержаніе интересной статьи г. Грушевскаго. Общий характеръ ея вполнѣ соответствуетъ взгляду автора на современные потребности южно-русской исторіи, высказаннымъ въ предисловіи къ изслѣдованію его о Барскомъ староствѣ. «Южно-русская исторія, обрисованная уже въ общихъ контурахъ на всемъ своемъ протяженіи трудами предшествующаго поколѣнія историковъ, требуетъ для проверки и болѣе прочнаго обоснованія многихъ своихъ положеній возможно детальныхъ изслѣдованій—въ особенности въ видѣ «изученія различныхъ явлений внутренней исторіи въ ихъ территоріальной связи... Это будутъ какъ-бы пробныя скважины, дающія возможность прослѣдить въ почвѣ расположеніе пластовъ». Настоящая работа несомнѣнно представляетъ новую попытку въ томъ же направленіи. Придавая большое значеніе подобнымъ работамъ, не можемъ не замѣтить, что авторъ въ данномъ случаѣ м. б. слишкомъ увлекся своимъ «лабораторнымъ» методомъ и слишкомъ тщательно избѣгалъ

всакихъ обобщеній и болѣе или менѣе общихъ объясненій приводимыхъ фактovъ. Впрочемъ, эта особенность въ значительной степени объясняется неполнотою матеріала, которымъ пользовался авторъ, а также намѣренiemъ его отложить общie выводы до окончанія цѣлаго ряда детальныхъ изслѣдований, открываемыхъ настоящей статьею. Изъ частныхъ недосмотровъ не можемъ не указать непонятное для насъ вычисление количества скота въ послѣдней главѣ: въ Снятинщинѣ съ 300 тяглыхъ хозяевъ и 36 вольныхъ и загородниковъ берется десятина въ 30 воловъ, и въ результатѣ получается 10 воловъ на хозяйство (вѣроятно это опечатка: вм. 30 д. б. 300). Несовсѣмъ понятна и заключительная фраза этого отданія: опредѣливъ, что на хозяйство приходилось 8—10 воловъ, г. Грушевскій прибавляетъ «достатокъ не великій! Нельзя не пожалѣть также, что г. Грушевскій не сдѣлалъ попытки вычислить, насколько позволяли его матеріалы, количество населенія и его густоту въ староствахъ.

В. Щербина.

**Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1892 годъ.
СПБ. 1895 г., стр. 1—356; 1—29; 1—167.**

Какъ и всѣ прежніе отчеты Императорской Публичной Библіотеки, о которыхъ намъ приходилось говорить уже нѣсколько разъ, данный отчетъ отличается полнотой и обстоятельностью свѣдѣній о матеріалахъ, поступившихъ въ Публичную Библіотеку въ 1892 году. Разсмотрѣвъ этотъ отчетъ, каждый интересующійся специальнымъ вопросомъ можетъ смѣло идти въ библіотеку, зная болѣе или менѣе точно, съ какими матеріалами онъ тамъ встрѣтится, а это одно изъ существеннѣйшахъ условій пользованія обширными книгохранилищами. Мы не будемъ перечислять со всей подробностью громаднаго матеріала рукописнаго, поступившаго въ библіотеку въ 1892 году, а отмѣтимъ только то, что можетъ интересовать преимущественно читателя нашего журнала, т. е. матеріалы, касающіеся жизни юга Россіи.

На первомъ планѣ нужно отмѣтить переданные изъ Мин. Нар. Пресв. бумаги и брошюры, хранившіяся до того времени при департаментѣ народнаго просвѣщенія. Тутъ наибольшій интересъ представляютъ выписки изъ цензурныхъ дѣлъ и разныя бумаги по вопросамъ цензуры, находившейся прежде въ вѣдѣніи Мин. Народ. Пресв., а не Мин. Внутр. Дѣлъ. Укажемъ, напримѣръ, выписку по поводу

издававшагося въ 1846 — 49 гг. альманаха «Gwiazda», который главнымъ образомъ принадлежитъ Кіеву (объ этой перепискѣ, равно какъ и о самомъ альманахѣ см. нашу замѣтку въ «Кіев. Стар.» 1896 г. № 2); а также любопытную подлинную памятную записку генералъ-фельдмаршала князя И. О. Паскевича о сочиненіи профессора Мацѣевскаго «Pamiętniki o dziejach, piśmennictwie i prawodawstwie Słowian». (см. этотъ документъ также въ нашей замѣткѣ въ «Кіев. Стар.» 1896 г. № 2). Кроме этого, отмѣтимъ еще одинъ документъ: два черновыхъ проекта всеподданнѣйшаго доклада министра народнаго просвѣщенія о разсказѣ М. Елагина «Откупное дѣло», помѣщенному въ № 9 «Современника» за 1858 годъ, въ каковомъ разсказѣ новороссійскій и бессарабскій генералъ-губернаторъ графъ Строгановъ усматривалъ насекиль противъ ~~которыхъ~~ лицъ общественного круга г. Екатеринослава (Отчетъ, стр. 148). Самымъ цѣннымъ приобрѣтеніемъ изъ рукописныхъ матеріаловъ, безспорно, нужно признать купленныя Бібліотекою бумаги извѣстнаго профессора Московскаго университета и академика Степана Шевырева, который, благодаря своимъ многолѣтнимъ ученымъ и литературнымъ трудамъ, вѣль обширную переписку съ разными лицами. Всѣхъ писемъ къ нему сохранилось 3437; изъ нихъ очень немногія пока опубликованы, главнымъ образомъ въ «Русскомъ Архивѣ» 1878 и 1885 гг., да письма Н. В. Гоголя къ С. Н. Шевыреву напечатаны въ сочиненіяхъ Гоголя, подъ редакціей П. Кулеша. Всѣ эти письма принадлежать 565 лицамъ, алфавитный перечень которыхъ и напечатанъ въ «Отчетѣ» (стр. 182 — 192), съ указаніемъ, сколько писемъ какому лицу принадлежить. Нечего и говорить о томъ, что среди этихъ лицъ мы находимъ много имѣнъ такихъ, которые по дѣятельности своей всецѣло или отчасти принадлежать нашему югу Россіи; перечислять мы не станемъ, а упомянемъ лишь о томъ, что изъ этого собранія мы списали 11 писемъ М. А. Максимовича, которая и напечатаемъ въ слѣдующей книжкѣ журнала.

Цѣнныи даръ получила Бібліотека отъ С. Н. Батюшковой, а именно: альбомъ автографовъ, принадлежавшій ея покойному мужу Помпею Николаевичу Батюшкову и содержащій 250 писемъ разныхъ лицъ, тутъ-же въ «Отчетѣ» и перечисленныхъ, а также отдельное собраніе писемъ къ самому П. Н. Батюшкову (Отчетъ, стр. 209—221). Тутъ встрѣчаемъ тоже цѣлый рядъ имѣнъ, имѣющихъ близкое отношение къ культурной жизни нашего края, какъ-то: Я. О. Головацкій, митрополитъ Іосифъ Сѣмашко, М. О. Кохловичъ, прот. П. Г. Лебединцевъ, И. И. Малышевскій, Н. И. Петровъ, М. В. Юзефовичъ.

Кромъ того, ею же пожертвованы разныя дѣловыя бумаги покойнаго мужа—то по части учебнаго дѣла въ Сѣверо-Западномъ краѣ, то касающіяся греко-украинскаго дѣла и католической пропаганды въ этомъ краѣ, то относящіяся къ церковно-строительному дѣлу здѣсь-же, то, наконецъ, касающіяся изданія «Памятниковъ русской старинѣ въ западныхъ губерніяхъ».

Изъ старопечатныхъ книгъ, приобрѣтенныхъ Библіотекою въ отчетномъ году, отмѣтили только одну, имѣющую для насъ специальный интересъ: Малороссійская пѣсня «На бережку у ставка», съ полнымъ хоромъ и со всемъ вокальной и инструментальной музыкой. Москва. 1794, въ листъ (Отчетъ, стр. 258); обѣ этой книгѣ нѣсколько словъ мы скажемъ въ слѣдующей книжкѣ въ видѣ особой замѣтки.

Какъ и раньше, къ «Отчету» даны очень цѣнныя приложенія, а именно—разныя письма, представляющія большой интересъ для занимающихся вопросами литературными и общественными. Дѣлать выписки изъ этихъ писемъ значило-бы перепечатывать ихъ цѣликомъ, а потому мы ограничимся указаніемъ только на нихъ и помѣстимъ одну выдержку изъ письма Н. Ф. Павлова къ С. П. Шевыреву о постановкѣ «Ревизора» Гоголя на московской сценѣ въ 1839 г. въ присутствіи его самого. «Гоголь здѣсь и онъ немножко гrimasничаетъ. Аксаковъ и я постарались, чтобы его вызвали въ Ревизорѣ. Загоскинъ¹⁾ нарочно далъ піесу. Гоголь сидѣлъ въ бенуарѣ у Чертковой²⁾). Послѣ второго дѣйствія стали вызывать, хотя въ театрѣ было не-много, но публика приняла единодушное участіе въ вызовѣ, а Гоголь посидѣлъ, посидѣлъ, да и уѣхалъ, не показавшись. Загоскинъ лѣзъ на стѣну. Еслибы публика не вызывала Гоголя, мы бы назвали ее публикой вандаловъ да готтентотовъ; теперь она узнала о его пріѣздѣ, и тутъ виновата. На другой день, разумѣется по внушенію Погодина, а можетъ быть и нѣтъ, Гоголь написалъ извинительное письмо, въ которомъ говорить, что онъ былъ разстроенъ, что у него есть се-мейныя отношенія, какое-то горе, которое помѣшало ему выйти. Этого письма въ ходъ не пустили и умно сдѣлали». (Приложенія къ «Отчету», стр. 119).

Тутъ-же, въ Приложеніяхъ, въ одномъ изъ писемъ А. О. Воеікова къ П. И. Гаевскому находимъ любопытную приписку, относя-

¹⁾ Мих. Ник. Загоскинъ, бывшій въ то время директоромъ Императорск. Московск. театровъ.

²⁾ Елизавета Григорьевна, урожденная графиня Чернышева.

щуюся къ личности А. А. Перовского, извѣстнаго въ литературѣ подъ именемъ Антонія Погорѣльскаго (о немъ см. стат. «Кіевск. Стар.» 1888 г. № 4). Вотъ эта приписка: «Позвольте узнать, можно-ли будетъ, напримѣръ, Алексѣю Алексѣевичу Перовскому, заявка о семъ своему цензору, подписываться Антоніемъ Погорѣльскимъ? Разрѣшите меня, ради самого Бога». Что можетъ означать этотъ вопросъ въ связи съ біографіей А. Перовского?

В. Науменко.

левца на Ревутинци и Андреевку, а зъ Кролевца до Тулиг., де и обѣдалъ, а по обѣдѣ вечоромъ пріехалъ въ Глуховъ, где матки незасталъ, отехавшой сегодня въ Богдановку до образа.

Вовтор. 10. День и ночь были сходніе зъ вчорайшими зъ жаромъ. Сегодня рано былъ я у генерала и посля у генералской церкви. Обѣдалъ въ дому, а по обѣдѣ былъ на Бѣлополовцѣ, отвѣду поехалъ я до Паска, а оттоль въ Сварковъ, где и заночевалъ. Получилъ листъ отъ Янѣшевскаго и реестри коней езджалихъ 21 въ футорѣ Гамал., да сеголѣтнихъ всѣхъ лошачковъ 20, да юшичокъ 16, всего 36.

Середа. 11. День былъ свѣтель и тепель, только велики вѣтраны, а передъ вечоромъ дождь зъ силнимъ громомъ, а на ночь знову собрался дождь, который въ ночь ишолъ. Только же воздухъ теплій и тихій. Рано въ Сварковѣ осмотрѣлъ и приказалъ: 1) людей висилать войту и Забарѣ пахать Шовкунувщину и Горловщину; 2) Омельку здѣлать другое пуздро; 3) окна переправитъ теслямъ; 4) Ковернику смотрѣть тесель и илина и требовать, что потреба до оногого; 5) да ему же требовать свитъ двохъ машталѣру Павлу и Омелкови. Пріехалъ у футорѣ и приказалъ дворнику: 1) сискать клунниковъ, чтобы клунѣ доробыли; 2) чтобы Крисковци скирту вимолотили жита; 3) чтобы зъ того же жита четверть 1 взять тамъ на росходъ. Поехалъ до пасѣкки Вистровской и пріехалъ передъ полднемъ, где и обѣдалъ, а по обѣдѣ поехалъ и, не доїжджая Уздицѣ, дождь силний змочилъ. А якъ пересталъ, то я, пріехавши въ пасѣкку Уздицкую, мало позабавилъ, и оттоль поехалъ и пріехалъ въ Глуховъ за 3 часа позно.

Четвер. 12. День былъ хмарній зъ дощемъ и холодній, осѣнний, а къ вечору пересталъ, ночь свѣтла, ясна и холодна. Обѣдалисмо въ дому, а по обѣдѣ у вечеру ездилъ я на Бѣлополовку, где зъ и. Михайломъ и Валкевичемъ видѣлся. До Василя Филиппъ писалъ писмо въ Криски и денегъ 6 р. 50 к. послалъ, а писалъ: 1) чтобы былъ приставъ, когда подводи сюда отправляются; 2) чтобы колодки привозили должніе и еще, буде кто похочеть, жита; 3) Василя Шашченка, утекшаго, вибить 10 кіевъ; 4) дрань сюда

присыпать и крокви зъ Розлетъ и 15 пѣтихъ на сѣнокосъ; 5) мѣроочника Стелка зъ Казимовки сискать и кто искуснѣйшій, тому строить; 6) зъ денегъ, якихъ всѣхъ у его есть 17 р., по сей день платить тертичникамъ и грабарей наниматъ; 7) впередъ тертичникамъ платить зъ шинковыхъ криск., а урѣзать тертиць шелюванихъ 500, двоедалнихъ 200, а остатокъ на брусся до будинку и складать; 8) старостѣ, якъ пріедеть смотрѣть греблѣ, а Демину въ Роменъ.

Пятокъ. 13. День былъ почасти подобній вчорайшому, дожеватъ отъ перебѣгающихъ хмаръ и холодноватъ, у вечеру випогодилось. Ночъ тиха, свѣтла и холодновата. Обѣдалисмо въ дому ради праздника, а по обѣдѣ жена поехала въ Сварковъ, а родитель до матви въ Кролевецъ, а я на Бѣлоноловку, где играли у карти зъ п. Михайломъ, Валкевичемъ у панфиля, зъ проиграпомъ 50 к.

Субота. 14. День быль свѣтлій, вѣтрянъ и съ ранку холодноватъ, ночь тиха, свѣтла. Отъ грека Іотія, посля порахунку, принялъ я черезъ Тараса 10 р., а еще на немъ 51 р. Да принялъ же я отъ Тараса шинковнихъ свар. 5 р. 44 к. въ доплатку за куеу. Обѣдалисмо дома зъ женою, а по обѣдѣ ездилъ на Бѣлоноловку, где игралъ у карти зъ виграпомъ 20 к.

Неделя. 15. День быль свѣтлій, теплій, чили рачей жаркій, тихій. Ночь такова жъ. Обѣдалисмо у себе и съ нами п. Миклашевская и Кондзеровская и Гапка, а по обѣдѣ пріехали п. Михайло, Валкевичъ и Холодовичъ, зъ которими игралъ въ карти зъ виграпомъ 1 р. и 70 к. Жена передомъ зъ дѣтми отехала у Тулиг., а я заночовалъ самъ въ Глуховѣ. Алексій Полуденскій, Максимъ Забара и Леско Дѣдикъ виправлени въ Лещѣ у Астрахань по Гилю и Архипа, и дано имъ на дорогу 15 р., и приказъ и писма, чего всего копія тутъ оставленна.

Понедел. 16. День быль свѣтлій, тихій, жаркій, а къ вечеру вѣтрянъ, ночь свѣтла, тиха и ядрана. Рано ездилъ я на Бѣлоноловку за пріездомъ зъ Кролевца въ Глуховъ родителскимъ и, простившись, повернулся и обѣдали совокупно. А по обѣдѣ поехаль въ Сварковъ, оттолъ въ футоръ Калюжновскій, зъ футора до

Тул. черезъ Некрасовъ, поузы Щебри и пріехалъ о полночѣ въ Тул. Далъ я приказъ Тарасови, другій войту свар. и Забарѣ, третій коберникови, да словесно приказалъ дворникови футорнику пашню у клунѣ складать и клуню оправить.

Вовтор. 17. День былъ свѣтлій, тихій, зъ малимъ вѣтромъ, жаркій, ночь сперва свѣтла, почасти хмарна, а послѣ знову свѣтла, тиха и тепла. Обѣдалисмо зъ женою у Тулиг. а по обѣдѣ поехали вечоромъ и, пріехавши смеркомъ у Мутинъ, стали у дворцѣ и ночевали. Далъ Роману, стар. тулиг., на росходи 5 р. и записалъ. Роювъ 9 стало у Тулиг. пасѣцѣ.

Середа. 18. День былъ подобній прежнимъ, тихій, свѣтлій и жаркій, ночь почасти хмарна, толко жъ тиха и тепла. Рано зъ Мутина поехали и, переехавши поромомъ черезъ озеро Мутинъ, а Сеймъ другимъ поромомъ, пріехали до Грузской, где и обѣдали. Отъ обѣда уехали верстъ зъ 10 до Терну, где полкъ Гадяцкій стоить, и переехавши тамъ черезъ греблю, вновъ онимъ полкомъ здѣланную, уехали зъ милю и стали надъ болотомъ, Московкою именуемимъ, на ночлѣгъ. Сеймъ у своеемъ стремю сталъ ити и еще почасти вода спадаетъ.

Четвер. 19. День былъ теплій, сперва хмаренъ и дощеватъ, а послѣ свѣтлій, знову дощеватъ, а къ вечеру вишогодился, ночь свѣтла, тиха и тепла. Зъ ночлѣга поехавши, пріехали въ Смѣлое и, для найдшаго дожчу, стали въ дворѣ Гресья и обѣдали, а по обѣдѣ оттолъ поехали и пріехали позно у Роменъ, где застали въ добромъ здоровью брата Марка зъ женою, братовую п. Семенову и сестру Олесю и другихъ.

Пятокъ. 20. День былъ свѣтлій, теплій, тихій, у вечеру вѣтрянъ и хмаренъ, ночь свѣтла, тиха почасти и почасти вѣтряна и холодна барзѣй къ свѣту. Сей день пробавили зде, въ Ромнѣ; были у мене протопопъ Савѣцкій и Лучанскій отецъ Федоръ.

Субота. 21. День былъ зранку холodenъ и почасти хмаренъ и вѣтрянъ, а послѣ тепелъ и зъ дощемъ густимъ, переходачимъ. Ночь свѣтла, вѣтрана и холодновата. Сей день тутъ въ Ромнѣ пробавилисмо, Вѣжевскому ~~Для~~ покупокъ ярмарковыхъ далъ я 10 р.

Получилъ я писмо зъ Крисіокъ отъ Василя, что договорился онъ зъ мѣрочникомъ строить греблю и млинъ, а ему за то 6 р., сукно и габа.

Неделя. 22. День былъ зранку хмаренъ и холоденъ, послѣ тепель и свѣтель до вечора, ночь тиха, свѣтла и мѣрна, къ свѣту хмарна зъ дощиковъ. Сей день тутъ продновалисмо, купили сутой парчи золотой локоть за 6 р., а у юріевого шафара Павла взяли локоть красной парчи за 3 р., да локоть блакитной за 12 зол., да 14 локоть канавацу безъ чвертки по 65 к. штабного желѣза 3 пуда по 19 а., полъ пуда свинцу за 1 р., да полтори тисячи чабаковъ за 12 зол., полуедвабной матеріи у жидовъ локоть 33 по 11 а., оливи по 8 к. фунтъ, мисдаловъ по 12 а.

Понедел. 23. День былъ хмаренъ велми зранку и холодноватъ, а послѣ свѣтель, вѣтранъ, однакъ тепловать, ночь свѣтла, адрана и вѣтрана почасти. Вѣжевскій отправленъ въ Глуховъ, а данъ ему приказъ въ 12 пунктахъ о знятти пашнѣ и сѣнокосѣ и проч. Обѣдалисмо въ Ромнѣ, а по обѣдѣ поехали и пріехали въ футоръ свой Артополотскій передъ вечеромъ, где и ночовали.

Вовтор. 24. День былъ зранку холодновать вѣтромъ холдинъ велми и хмарками переходящими, свѣтель по большой части, ночь сперва свѣтла, послѣ хмарна зъ малимъ дощиковъ, а къ свѣту знову ясна. Сей день пробавилисмо тутъ въ футорѣ, рано ездили осматривать пашнѣ и сѣно, которого уже на нѣсколько скирть укошено. У пасѣцѣ ичоли показалось всесїй старой и новой, зде у футорѣ 146, а 2 у Данила, да у другого подданого, которое они половили. Набѣлу тутъ у футорѣ 2 дѣжки болшихъ, а 2 меншихъ масла, а 2 кодовба сира.

Середа. 25. День былъ сперва свѣтель, послѣ почасти хмаренъ и вѣтранъ велми, однакожъ тепель. Ночь свѣтла, тиха, а послѣ хмарна и тепла. Рано поехалъ зъ футора своего Гамал. до Андрѣевки, где службы Божій вислушавши, пріехалъ на обѣдѣ въ Токарѣ. Приказалъ дворникови Гамал., чтобы толоки еще зораль столко жъ; да чтобы даваль съ третьей копицѣ косить сѣно постороннимъ на нашомъ статку. Получилъ я писмо отъ Шоха и Куз-

мънскаго, что сказку Ерофееву въ судѣ пол. чер. перемѣнено че-резъ Березничаго. По обѣдѣ поехаъ и пріехаъ на ночь въ Лох-вицю и стали въ гаи, въ дворѣ тютки п. Павловой.

Четвер. 26. День быль сперва свѣтель и тихъ, потомъ вѣтранъ велми, толко жъ тепловатъ. Ночь свѣтла, тиха и тепловата. Рано зъ ночлѣга отъ тютки п. Павловой поехали и пріехали на обѣдѣ въ Сухоносовку, где и ночевали.

Пяточъ. 27. День быль свѣтель и жарокъ, зъ малимъ вѣтромъ, ночь свѣтла, тиха и ядрана. Въ Сухонос. по мой отездъ было всеей пчоли 146 и еще роилася. Получилъ я отъ род. зъ Глух. вѣдомость, что Архипъ съ товарищи повернулся зъ низу и при-вездъ... Поехали зъ Сухонос. и, переехавши Удай, въ Оробяхъ, заночовали. До брата Марка писаль черезъ козака Токар., чтобы завернуть Алексея послалъ зъ дороги.

Субота. 28. День быль свѣтлій, теплій, тихій, а около полдня вѣтряний, потомъ тихшій, ночь свѣтла, тепловата, толко ядрана и тиха. Рано отъ Оробювъ поехали и пріехали въ Лубнѣ на обѣдѣ и въ дворѣ Іавиши Корнѣенковой стояли. А по обѣдѣ поехали зъ Лубенъ и пріехали къ Березнякамъ, перебувши зъ трудностю рѣчку Багачку чили болото и стали на ночлѣгъ. Петру Кухару далъ на расходъ столовый 2 р.

Неделя. 29. День быль зранку тихъ, а заразъ вѣтранъ, хмаренъ и гараздъ холоденъ зъ маленькимъ дощиковъ, а къ полдню тепель и посля свѣтель и жарокъ, ночь тиха, свѣтла и ядрана велми. Зъ ночлѣга поехали и проехали Березняки и пріехали передъ полднемъ у футоръ свой Криворудскій миль зъ 4 было, где и обѣдали и ночевали. Сего лѣта вездѣ тутъ въ поляхъ степ-нихъ, взявши отъ Сейму, жита худи, овси добри и лутшіе гречки, проса и ячменъ и пшеница нехуди.

Понедел. 30. День зранку тихъ, свѣтель и велми жарокъ, ажъ до вечора, ночь свѣтла, тиха, ядрана велми, къ свѣту хмарна и почасти вѣтряна. Ездилемъ по заору, отъ Городинціовъ уступлен-ному, якому таковий слѣдъ: взявши отъ футора Городка по могилу Майданъ, и отъ Майдану просто до могили Столповахи,

где шляхъ идетъ зъ Говтви говтвянскій, и тимъ шляхомъ (поузъ который идетъ старий заоръ Жостѣрскій) по дорожку, зъ Лубенъ до футора нашего идучую, чили барзѣй поузъ тотъ старий жостѣрскій заоръ до заору Криворудскаго, который идетъ черезъ Кривуху по узъ могилки Близницы, близкіе къ футору нашему, а сѣнокосніе луки здавна наши бывали отъ шляху говтвянскаго, где дорожка зъ Лубенъ до нашего футора идетъ, почавши просто черезъ могилки и Кривуху до могилокъ Близницъ далшихъ, где футоръ сѣла теперь бувшая сотничка Лукомская до Довгой могили.

Вовтор. 31. День былъ зранку ядраній, свѣтлій, жаркій велми, ночь подобная вчорайшимъ, свѣтла, тиха и ядрана. Сей день тутъ поизабавили у футоръ и переночевали. Набѣлу по сейчасъ у футорѣ: дѣжокъ меншихъ масла 9, девятая неповна, а 3 дѣжки великихъ, всѣхъ 12, сира куховъ 5, чили кадовбовъ, а особливо было 3 горшки болшихъ сметани и молока, въ гладушахъ. Ездиль я передъ обѣдомъ къ футору Глумишиному, оттолъ къ бугру, где усмотрѣлъ мѣстце гребелку загатить, вмѣсто тоей, что въ слободцѣ.

Августъ. Середа. 1. День былъ свѣтлій, тихій и очинъ жаркій, ночь тиха, свѣтла и тепла. Рано зъ футора Криворудскаго поехали на службу до Горошина, где вислушавши службы, поехали до перевозу Горошинскаго, отколь перевезшись, поехали и пріехали на ночь въ Денисовку, миль 3 добрихъ отъ Сули.

Четвер. 2. День былъ зранку мало хиаренъ, потомъ свѣтель и жарокъ, ночь свѣтла, только по бокамъ хмарна, почасти вѣтрана, только жъ тепловата. Зъ Денисовки по службѣ Божой, которую служилъ отецъ Орановскій, поехали и пріехали на обѣдъ въ Перервинцѣ, куда будетъ миль 3. Застави тутъ набѣлу: масла фасокъ 9, сира дѣжокъ 5. Увѣдомился я, что Клиниѣ вибраховалъ зде 40 овецъ и продаль по 32 к., а срокъ отдачѣ грошай обѣ Успеніи положенъ.

Пятое. 3. День былъ свѣтель и жарокъ, ночь такъже тепла, свѣтла и тиха. Рано ездилемъ за село и за Левкову долину, где футоръ Троцкій, на степъ, где сѣно мое кошено, которого въ скиртахъ сотеннихъ будетъ скирть 20. Да тамъ же осмотрувалъ

Заору давнаго и теперешняго веснянаго, который отъ дороги пошолъ горбомъ по надъ Левкою (?), да завернувшись прийшолъ до Оржицъ Сухой, противъ Исаенкового футорца. Ячменю нажали тутъ всего копъ 24, да жита на лану однимъ 35 копъ.

Субота. 4. День быль свѣтлій, жаркій, только вѣтряний, а къ вечеру тихъ, ночь свѣтла, тиха и ядрана. Приобщались Прест. Тайнамъ; духовнимъ билъ отецъ Потапий Городисскій, зъ Василкова попъ, который зъ другими попами, зъ Орановскимъ, священнодѣйствовавшимъ, и Петромъ Перервинскимъ и обѣдали. По обѣдѣ поехалъ я зъ Перервина по уезъ ярь Мехеевскій и стѣнки Тараненкови до яру Исаенковъ, где заоръ видѣли и пріехали позно велми въ Коровай, где и ночевали. Приказалъ я въ Перервинахъ: 1) денги 13 р. зъ чимсь, у Васила Крутня обрѣтаючися, употребить ему на сѣно поденное и укосить скиртъ 10 или большъ великихъ. 2) Старостѣ Демяну Тараненку въ харчъ призапаситись. 3) Пашню забрать, въ заорѣ насѣянную, отъ футорянъ сотничихъ. 4) Сѣно забрать Свѣчки Ивана, въ заорѣ покошенное. 5) Болше прежнаго жита посѣять. Послалъ я 3 р. до Кращенка, дворника Криворудскаго, на куплю жита,—засѣвать черезъ слобожанъ Криворудскихъ.

Неделя. 5. День быль зранку хмаренъ и холодноватъ, а послѣ свѣтель и тенель, къ вечеру хмаренъ, ночь хмарна, тиха и зъ великимъ дощемъ и густимъ. Служби Божій вислушавши въ Короваяхъ, и обѣдали, а по обѣдѣ виехали до Пѣратина и пріехали, а отоль пріехали позно до Сухоносовки, где застали зятя п. Стефана и Клима и машталѣра, отъ швакgra п. Андрѣя Полуботка присланнаго, зъ листомъ просительнимъ объ отсрочкѣ денегъ, должникъ, позиченыхъ. Петро Кухаръ посланъ въ Лубнѣ для напитку и хлѣба и риби.

Понедел. 6. День быль зранку вѣтряний, и холодний, и хмарный зъ дощемъ, а передъ полуднемъ дощъ пересталъ, а послѣ, а особливо къ вечеру, очинъ израдно вѣдро, таково жъ въ ночь, свѣтло, тихо, ядрано. Сей день въ Сухонос. пробавилисмо и отъ зятя п. Стефана получилъ я листи родителя ег., такъ же писара енер. и род.

Вовтор. 7. День быль свѣтлій, теплій, мало вѣтраній, ночь свѣтла, тиха и тепловата, а около полночи дощикъ малий. Сей день продновалисмо у Сухонос. и съ нами зять нашъ Стефанъ. Ездилъ осмотривать левадъ, одной поповской, другой Куцубовской, третей Шереметишиной, где тютюнъ саженъ не въ пору, и садовъ Канатовскаго, Козубувщины и Шереметовщины. Пчоли осматривали Сухонос. и означили въ зиму пустить 109, а убить 36, а всеи 135 (?)

Середа. 8. День быль свѣтлій и теплій, а зъ полудня хмаренъ, а посля свѣтель, а къ вечору хмаренъ, ночь была хмарна и вѣтрина, только жъ тепловата, къ свѣту дощикъ. Рано поехалисмо зъ Сухонос. до Лохвицѣ всѣ обще и обѣдали у тіотки п. Павловой въ гаи. Далъ я приказъ Янѣшевскому о Кривой Рудѣ: 1) Поле оратъ на жито слобожанамъ къ заору. 2) Толоку одну имѣть имъ къ Горошину. 3) Скопщини зъ... братъ. 4) Овесь доить не переставать. 5) Жита свѣть до 20 четвер. луб. 6) Лѣсь поблизу для хворосту сторговать. 7) Гребелку низше загатить. По обѣдѣ отъ п. Павловой поехали, виехавши отъ греблѣ Лохвицкой, розехались зъ зятемъ п. Стефаномъ, онъ поехалъ просто въ Роменъ, а мы въ Токарѣ, где и заночовалисмо.

Четвер. 9. День быль хмарний зъ переходящими хмарами и дощеватъ, а посля свѣтель и жарокъ, ночь свѣтла, тиха и тепловата. Рано зъ Токаровъ пріехалисмо въ Гамалѣвскій футоръ, а я, едучи, заездилъ до нового футора вигонного родителскаго, который межи слободкою Галецкого и футоромъ обозного луб. Мартоса устроенъ. Обѣдалисмо въ Гамал. футорѣ, а у вечеру ездили въ Андрѣевку до родителки, где вечерали и ночевали. Съна тутъ у Гамал. футорѣ отъ шляху Ромадановскаго скиртъ 7, на Поповщиной 4, а къ Андрѣевцѣ, на томъ боцѣ, скиртъ 12, всего 23, а торочная 1. Жита најато зде, опрочъ зажонного, конъ 71, а ячменю копъ „“. Пчоли у футорѣ Гамал. 146, въ томъ числѣ старой 83, молод. 61, да у людей 2, въ томъ же числѣ допулнихъ старихъ 20, а молод. 14, зъ того числа убить старихъ 21, а молодыхъ 5, всѣхъ 26, а на зиму оставить 120.

Пятокъ. 10. День былъ свѣтлій, теплій и мало вѣтранъ, ночь свѣтла, тиха и ядрана. Рано зъ Андрѣевки поехалисмо я футоръ Гамал., а отоль зъ полдня у Роменъ, куда пріехали смеркомъ и заночевали.

Субота. 11. День былъ зранку холодноватъ, свѣтель и послу тепелъ, ночь тиха, свѣтла и очинъ ядрана. Родителка зъ Андрѣевки пріехала на обѣдъ въ Роменъ, зъ которою обѣдалисмо, а по обѣдѣ поехали зъ Ромна и съ нами племянница Заборовская, и не доїжджаи Хмѣлова, близъ луки Савуского старого, заночевали.

Неделя. 12. День былъ свѣтлій, сперва ядранъ, посли тепловатъ и почести вѣтранъ, ночь свѣтла, тиха и ядрана. Рано отъ ночлѣга поехавши, были на службѣ у Смѣломъ, а обѣдали у слободцѣ Стаковичевой, а отъ обѣда поехавши, ночевали на Кроснахъ.

Понедел. 13. День былъ свѣтлій, тихій, жаркій, ночь хмарна зъ дощемъ и вѣтромъ, а къ свѣту випогодилась почести. Отъ Кросенъ поехали и обѣдали въ Мутинѣ, а по обѣдѣ зъ Мутина поехали и пріехали въ Тулиг. на ночь, где и ночевали. Въ Тулиг. ужали жита 150 конъ, опрочь отшедшихъ женцамъ 30 конъ, а сѣна укосили 300 воз. Въ имбарѣ гор. куеа вел. 1, а въ другой—4 или 5 нос.

Вовтор. 14. День былъ свѣтлій и почести хмарній, только жъ теплій, о полднѣ дощъ и хмарно до вечора, ночь хмарна и почести свѣтла, къ свѣту вѣтеръ. Зъ Тулиг. рано поехали на обѣдъ въ Глуховъ, где застали родителя при добромъ здоровью, зъ которимъ и обѣдалисмо. По обѣдѣ былъ я на Бѣлополовки у гетмана и п. Михайла. Тутъ увѣдомился, что по іменному ея величества указу, который приеланъ до генерала поручтика Загрязкого, обозний енер. Яковъ Лизогубъ зъ бунчуковыми товарищи и съ полками рушиль къ Смоленску за границу у Польшу, а велено ему стать у селѣ Мисновичахъ.

Середа. 15. День былъ почести свѣтлій и почести хмарній, только вѣтряний велики, ночь хмарна и тиха стала, а къ свѣту вѣтеръ. Рано были мы, род. и я, у генерала Нарышкина зъ поздравленіемъ праздника и обѣдали у него, и до вечора позабавились.

Четвер. 16. День былъ свѣтлій, только велми вѣтрянъ, а къ вечору тихъ, ночь свѣтла, тиха и тепловата, только къ свѣту ядрано. Рано ездили зъ род. на службу на Бѣлополовку, заходили до двора гетьманского, а обѣдали у себѣ и никуда не ездили. Приняль я отъ Тараса шинковыхъ сварков. 10 р. да отъ Іотія 10 р. да за склѣпъ отъ грека 13 р.

Пятокъ. 17. День былъ подобній вчорайшому, вѣтряній, свѣтлій и тепловатій. Ночь тоже подобна вчорашой, тиха, свѣтла и тепловата. Архипомъ привезеніе денги раздѣлилъ родитель себѣ и мнѣ; мнѣ далъ 1200 р. и платковъ топъ 90, а во всякой топѣ по 4 платка, а себѣ изволилъ взять 800 р. Ярема посланъ и дано ему 27 р. 50 к., зъ которихъ велено дать ему на Кривой Рудѣ приставу 20 р., на сѣно, тамъ же дворнику 2 р. на гуси и утят, тамъ же дворничцѣ за услугу еи прежнюю 1 р. 50 к., а 4 р. въ Лохвицѣ п. Павловой и 2 платка гостинца, а денги на пшеницу, и данъ ему во всемъ томъ на писмѣ приказъ. Заболѣль я на ухо лѣвое.

Субота. 18. День былъ свѣтлій, почести вѣтрянъ и почести тихъ, только жь теплій. Ночь тиха, тепла и почести свѣтла до половины, изъ половины хмарна, дощъ, громъ и блистанія до свѣта, дощъ пересталъ, только былъ вѣтеръ и холодъ. Купилъ я у Кузми, Якима и Федора Лядвижченковъ млинъ зъ боромъ и сѣножатки близъ Бистрика ихъ 3 части, а 2-хъ частей не куповалъ, и купчую принялъ и далъ 90 р. Были на службѣ у церкви генералской и обѣдали зъ род. въ дому. Даль я 4 р. Роману, господареви тулиг., на росходи, а 1 р. на сѣно, на Клевени,—косить Вѣжевскому.

Неделя. 19. День былъ вѣтрянъ, хмаренъ и холоденъ, а съ полдня свѣтель, ясенъ, а къ вечору и тепель, ночь тиха, свѣтла и ядрана. Никуда я не ходилъ для умножившоїся во мнѣ въ ушахъ болезни. Только п. Михайло въ день прїездилъ ко мнѣ и посидя отехалъ.

Понедел. 20. День былъ свѣтель, тепель и тихъ, ночь свѣтла, тиха и тепловата, только къ свѣту ядрана. Принималъ я вчера, спать лаговлачясь (*sic*), шѣгуль 16 зъ аптеки своей и имѣль стод-

Цовъ зъ 9 и вомѣтъ 1, а опѣрація била часа 8, 9 и 10-го зъ полночѣ, и никуда я не ездилъ. Сторжился я зъ Марею Есенчинкою Лядвижченковою за часть ея въ млинѣ и бору и съножатехъ за 44 р. и кадку гор., и 10 р. задатаку ей даль, а она мнѣ дала писмо. Кровъ у вечеру зъ головной жили пускалъ доволно.

Вовтор. 21. День былъ и ночь подобніе вчорайшимъ, свѣтліе, тихіе и тепліе. Лутше мнѣ, слава Богу, стало сего ранку. Обѣдалисмо зъ род. совокупно. Спалю здѣлали плотики, новий станокъ передний за 1 р. 50 к.

Середа. 22. День былъ почасти свѣтлій и почасти хмарній, дощевать и вѣтрянъ, ночь хмарна и зъ великимъ дощемъ. Жена иоехала у Сварковъ на обѣдъ, а мы зде зъ род. обѣдали, пріехаль у вечеру п. Михайло, зъ которимъ у пѣкетъ игралъ. Архипа и другихъ о ихъ дорозѣ стали допрашивать.

Четвер. 23. День былъ хмарній, вѣтряній, холодній, осінний, посля випогодилося мало, ночь почасти болшой хмарна, только тиха. Сего дня обѣдали всѣ совокупно и жена, а по обѣдѣ п. Михайло пріехаль и въ пѣкетъ долго играли. Отъ архиеря Кіевскаго писмо къ намъ отвѣтное прішло о Гамал. обители и пункта, рукою архиерейскою закрѣпленне.

Пятокъ. 24. День былъ хмарній сперва и вѣтряній, а посля ясенъ и тихъ и тепловатъ, ночь тиха, ясна и тепловата, а къ свѣту ядрана. Сей день знову умножилась боль въ ушахъ моихъ, чего нѣ-чимъ не лѣчишь, кроме что мѣшечки зъ сухимъ зѣллемъ прикладаль до ушей. Доношеніе даль я въ енер. к—рію о посилкѣ повторного указа въ полкъ Чернѣг. о безволокитномъ вершениі дѣла моего зъ Ероѣвемъ. Послалъ я до Максима Ровнѣцкаго на покупку олѣи 5 р. черезъ нового старосту.

Субота. 25. День былъ свѣтлій, а найпаче по полднѣ, тихій и теплій и ночь такова жъ. Принялъ я денегъ за 8 куоѣ остал-нихъ отъ Михайла Гавриленка 79 р., а еще долженъ о Покровѣ отдать 13 р. и 58 к. Да Архипъ отдалъ теперь денегъ, удер-жанныхъ у себѣ, 70 р. Писалъ письма до князя и Ахтирского пол-ковника Лесевицкого, прося на веселле дочери моей, такъ же и о

томъ же до мачухи жениной и Войцеховичевой. Посланъ опять (?) въ Криски Василь Филимоновъ и данъ ему приказъ пунктами о медовой десятинѣ и строеніи млина и присилцѣ сюда 500 дранѣ и денегъ; даль ему 8 р., итого всѣхъ денегъ у его 25 р.

Неделя. 26. День былъ свѣtlй, теплій и тихій, ночь тиха, первой свѣtла, посля хмарна и зъ густимъ дощемъ. Былъ у мене зъ Устюга архимандритъ Пахомій, бывшій городничій Смѣлянскій¹⁾. Обѣдалисмо обще зъ род. Сватба была у господара за сына бывшаго сотника Глуховскаго Омеляновича, где была жена и проч. Архипъ по окончанію щоту остался виноватъ 203 р. 60 к. за дорогу. Мѣди, Архицомъ привозной, пудовъ 4 безъ двохъ фунтовъ, якую всю въ имбарѣ взято.

Понедел. 27. День былъ хмарній зъ дощемъ и холодній, а зъ полдня вияснился, а посля знову хмаренъ и дощеватъ, ночь свѣtла, тиха и ядрана. Андрушка признался, что вивезъ денегъ 45 р. зъ Глухова въ домъ свой и зверхъ расходу, который имѣлъ теперь въ дому, осталось въ дому 32 р. Обѣдалисмо у себе зъ род., я въ болезни своей поможку имѣлъ зъ приложенного пластра, который составленъ зъ цибулѣ печеной, фѣкѣ и саля (?).

Вовтор. 28. День былъ холодноватъ, однакожъ свѣтель почасти и вѣтрянъ, ночь тихшая, но холоднѣйшая, почасти свѣtла и почасти хмарна. Посланъ Климъ въ Кролевець, продавать овець 100 и коней 2. Андрушкову мѣдь удержали тутъ, которой 59 фунт.

Середа. 29. День былъ хмарній, вѣтряній, а посля свѣтель, а особливѣ къ вечеру, ночь свѣtла, тиха и ядрана. Сегодня ездилъ я въ Сварковъ, где и ночеваль. Господарь посланъ въ обѣ пасѣки пчоли бить.

Четвер. 30. День былъ ясній, свѣtlй и теплій, ночь холоднѣйша, хмарна зъ дощемъ, особливѣ къ свѣту и зъ холодомъ. Рано зъ Сваркова поехалъ я и пріехалъ у футоръ, а зъ футора на обѣдъ въ Глуховъ. Копачѣ около Калюжновскаго футора окопали 300 са-

¹⁾ Т. е. управляющій Смѣлянскимъ имѣніемъ (Роменск. уѣзда) Киево-Печерской земли.

женъ по 6 пядей въ ширъ и въ глубъ ровъ, которими ведѣлъ я Тарасови заплатить 5 р. и 50 к., а 50 к. первое имъ дано, только бы поровняли ровъ.

Пятокъ. 31. День былъ хмарній зъ велиkimъ дощемъ, а послѣ свѣтель и тихъ, къ вечеру; такова жъ и ночь, къ свѣту хмарна и вѣтрана. По службѣ Божій ездилъ я у склепъ и зъ бутель повиниспалъ вино. Панъ гетманъ по обѣщанію повезенъ до образа Пресвятой Б—цы въ Богдановку. Архипъ отпущенъ отъ оковъ въ домъ свой за свою вину. Присланы грамоты, чтобы зъ землѣ зъ Малой Россіи собрать 2000 лошадей, а генералу Вейзбаху принимать оніе лошадѣ, а платить зъ скарбу войскового отъ 10 р. до 18 р., да чтобы еще 10000 козаковъ нарадить къ походу и били бъ по всякой готовости.

М-ць Септевр. Субота. 1. День былъ иѣтрянъ почести, однако жъ теплъ и свѣтель, ночь свѣтла, тиха и тепла. Праздновали день тезоименитства генерала нашего Нарышкина и всѣ подпіахомъ, а я позно зъ п. Михайломъ пріехалъ домой. Жена отехала зъ дѣтми и со всѣмъ въ Тулиг., забираючи путь къ Ромну.

Неделя. 2. День былъ сперва хмаренъ и вѣтрянъ, а послѣ свѣтель, тихъ и теплъ. Ночь хмарна и дощевата, дощъ ишоль передъ полночью, а къ свѣту пересталъ. Рано я прикази оставилъ Вѣжевскому и Тарасу и отехалъ по службѣ у Тулиг., где зъ женою и обѣдалъ. Писаль я писмо до войта иѣжинского Стерѣевича о денгахъ моихъ на Юрія Горѣ (?) 339 червон., чтобы онъ отобралъ и удержаналъ.

Понедел. 3. День былъ сперва хмарній, а послѣ свѣтлій и велми теплій, ночь свѣтла, тиха и между тимъ хмарна, а къ свѣту знову свѣтла. Рано зъ Тулиг. шоехалъ я и, обехавши млиновъ зъ боромъ, у Лядвижченковъ кущленний, пріехалъ зъ женою у Кролевецъ на обѣдъ и обѣдалъ зъ родител. Василь Филимоновъ явился и обявилъ, что медовую десятину у Крискахъ вибылъ, а именно у Данила Шилипенка 1, у Гаврила Гребеника 2, у Федора Бerezиничаго 1, а небытихъ: у Ковшика 5, у Бази 5, у Ивана Ступа-

ченка 1, у Кривоносенка 1, у Гребенника и въ Панаса 2, итого 14 небитихъ.

Вовтор. 4. День былъ свѣтлій, тихій и теплій и ночь та-
кова жъ, а къ свѣту вѣтеръ. Сего дня торговали, а за поворотомъ
родителя зъ Добротова обѣдали. Василь Филимоновъ отправленъ въ
Криски и дано ему денегъ еще 5 р.

Середа. 5. День былъ свѣтлій, теплій, а къ вечору хмаренъ
и холодноватъ, ночь такъ же почасти свѣтла и почасти хмарна и
холодновата зъ вѣтромъ. По обѣдѣ родитель отехалъ зъ Кролевца
въ Глуховъ, а мы остались. Продали наши персидскихъ поясовъ 8
по 3 р. и 30 к., да одинъ болшій за 5 р. и 50 к.

Четвер. 6. День былъ свѣтлій и теплій или болше сказать
жаркій, ночь тиха, свѣтла и тепловата. Обѣдалисмо въ Кролевцѣ
для неспораженныхъ покупокъ, а особливе для пріехавшихъ зъ лѣп-
скими товарами Димитрія Лѣпскана. Генералъ Нѣрѣшкинъ пріехалъ
посля зъ Глухова въ Кролевець. Клима Пѣщанского оставилъ я въ
Кролевцѣ и при немъ облѣкъ Димитрія Лѣпскана на 330 червон.,
да карту на 50 чер., да облѣкъ Анастасія Шакота на 104 р., да
облѣкъ Михайла Шати на 110 чер. и 55 р., и приказъ далъ ему
по тихъ облѣкахъ денги доправлять па должникахъ, а именно, у
Шакоти доправить 104 р., отдать Миколаю Греку давний долгъ
50 р. да Енченку за прежнее и нинѣшное сукно 9 р. 72 к., да
за гарда лисчи заплатить, 2 пари, 3 р. 60 к., да за дуклю ве-
нецкую алую заплатить 4 р. да 60 к., да стар. Роману тулиг.
15 р. на расходи дать, да ему Климу взять себѣ 6 р., а зъ Ми-
хайла тіе до 50 р. доправить. А вновъ Николаю Греку задол-
жился я на 69 р. 87 к. Виплатиль я всѣ денги за четвертую
часть млина вдовѣ Ксѣнчисѣ Ладвізской до данихъ ей въ зада-
токъ 100 р. еще теперъ отдалъ 34 р., итого за всѣ 4 части
млипа и пущи и съножатей заплатиль я четырому 134 р., опрочь
расходу, якого будеть на 6 р., итого 140 р.

Пятокъ. 7. День былъ свѣтлій, тихій и жаркій, ночь свѣтла,
тиха и ядрана. Рано поехалисмо зъ Мутина и, перевозвшись черезъ
Сеймъ, догнали воловий нашъ обозъ, зъ Глухова зъ Демяномъ

идучій, а пріехавши мы до Кросенъ, тутъ на становиско стали, а отъ становиска поехавши, не доездя Сухого. Ромна въ милю, стали на почлѣгъ. Черезъ Петровскаго, слугу гетманского, писаль я до Вѣжевскаго о приняттю соли 9 воз. четвернихъ, Дядею зъ Криму припроваженнай въ Глуховъ, и зложенню оной въ Сварковѣ.

Субота. 8. День быль подобній вчорайшому, тихій, свѣтлій и жаркій и ночь такова же. Зъ Смѣлого писаль я до свата о нашемъ отездѣ въ Роменъ и до п. писара енер. обѣ отсыпцѣ оногого писма къ нему. Тако же до Клима о куплѣ ока качве, готовленки, сукна поставовъ, каруну, тузїнку и бенкліового. Въ Смѣломъ службы Божій слухали и обѣдали, а по обѣдѣ поехали и пріехали въ Роменъ передъ заходомъ слонца и не застали матки, въ Андрющевку отехавшой. Сего дня погребена зде баба Флоровская, давно при дворѣ служачая.

Неделя. 9. День быль подобній прежнимъ, только же нежаркій уже, ночь подобна же. Отправленъ Улаєть до Кролевца для куплѣ ложокъ и талѣрокъ красныхъ по 100, да ножовъ дюжинъ 3-хъ, на что ему дано 5 р. и приказъ. Отправленъ Петро въ Кривую Руду и Сухонос. за дробиною и за денгами, у Андрушкиномъ домѣ оставленнimi.

Понедел. 10. День быль хмаренъ, однако же почаси тепловать, а къ вечеру дощъ, и въ ночь дощъ такъже ишоль и стало холодно. Родителка пріехала на обѣдѣ зъ Андрющевки и обѣдалисмо вкупѣ. Послалъ я козака въ Кролевець о куплѣ двохъ косяковъ лудану красного.

Вовтор. 11. День быль хмарній, холодноватий, а въ день потеплѣло, ночь хмарна почаси и почаси свѣтла, только же холодновата. Паробокъ тулиг. отправленъ рано въ домъ и черезъ его повторно до Клима писаль о косякахъ лудану червоного. У вечеру паробки зъ волами, пятна парами и 4-ма возами, отправлены въ Глуховъ, которій сюда привозили коляску и проч.

Середа. 12. День быль вѣтряний, хмарній и холодній, такова же и ночь осѣнне. Сей день по прежнему въ Роменѣ отправилисмо, а рано посѣщалъ насъ... (?) гость Несторовичъ.

Четвер. 13. День былъ хмаренъ, вѣтрянъ и холоденъ, а съ полдня стала дощикъ прориватись до ночи, а черезъ всю ночь до свѣта вѣтеръ жестокій съ густимъ дощемъ и великимъ холодомъ былъ. Родитель эъ Глухова пріехалъ въ Роменъ передъ обѣдомъ. Пріехалъ Грицко Дядя эъ Глух., припровадившій эъ Криму соли 10 воз. и въ Сварковѣ зложившій 9 воз., эъ якихъ возовъ одинъ серединій зважили и показалось ваги 90 пуд. Стратилъ денегъ на всю соль 20 червонихъ, которое менѧль по 14 зол., а вернуль въ цѣлости 32 р., да утерялъ вола одного, которого оцѣнено за 3 р. При обѣдѣ пріехалъ посланецъ отъ свата нашего Есимонтовскаго, обозного пол. стародуб., что сынъ его, а нашъ зять, Степанъ едетъ эъ веселною компанїею въ домъ родителскій въ Роменъ, а мы многихъ персонъ запрошували на 16 число сего септевр., когда имѣеть акть веселний отправлятись дочерѣ моей Аннѣ. Поехалъ я по обѣдѣ въ Андрѣевку, где заночевалъ для наступающаго праздника.

Пятокъ. 14. День былъ холодній, вѣтряній зъ густимъ дощемъ до вечора, а у вечеру пересталъ ити дощъ, ночь холодная, хмарная и тихая. По службѣ Божій эъ Андрѣевки поехалъ я въ футоръ свой Гамалѣвскій, где выбралъ за Гапнусею коней 21, въ томъ числѣ пудъ воронихъ и верховыхъ. У футорѣ вилучили барановъ 40, яловицъ старихъ 2, а молод. 1, воловъ 2 на зарѣзъ для веселля. Жита съ поля у футорѣ зняли конъ 70, пшеницѣ яромъ 30, отѣмной 20, да еще овса 50, ячменю 35, гречки 60, проса 60, комопель 4, сѣна было при мнѣ скиртъ 36, да еще скиртъ на 4 въ покосахъ; а посѣяно жита на лану 8 четвериковъ луб., а на гречк... 10, да еще 2, итого 20, гороху зято четвериковъ 9.

Субота. 15. День былъ хмарній вѣтряній, холода, ночь такова же, а въ свѣту дощъ. У вечеру пріехалъ зять мой Стефанъ Есимонтовскій въ домъ родителскій эъ веселною компанїею, а съ нимъ въ старостахъ швакгеръ его Иванъ Максимовичъ, да Максимъ Турковскій, въ дружкахъ Косачъ, да Лѣвинскій, жена Максимовичева, да жена Семена Карпѣки, сестра его Стефанова, зъ бояръ: Иванъ Турковскій, Роговскій, Якимовичъ и братъ двоеродный зятевъ.

Неделя. 16. День былъ хмарній зъ дощемъ переходачимъ, вѣтряний и холодній, ночь была хмарна, холодна и мокра. Сватба совершилась сегодня дочерѣ моей Аннѣ зъ затемъ моимъ Стефаномъ Есимонтовскимъ, вѣнчаль ихъ въ церкви намѣнику Роменскому Иоанну.

Понедел. 17. День былъ мокрый, вѣтряний и холодній зъ дощемъ и ночь такова жъ. Сей день пробавилисмо зъ музикую, стрелбою и подпіахомъ. Дарилисмо дѣтей новобрачныхъ денегъ 300 р. да сребра зъ полпуда, въ томъ числѣ родитель подарилъ отъ себе коновку, чарокъ 10, кубковъ 2, пучарь и ложокъ 6 сребраной посуды. Жена швакга моего Андрея Полуботка умре.

Вовтор. 18. День былъ хмарній, вѣтряний и холодний, безъ дощу однакъ, такова жъ и ночь, а къ свѣту вияснился воздухъ зъ морозомъ и перемѣною отъ дощу. Сей день продновали компанію и подпіахомъ до ночи.

Середа. 19. День былъ зранку ясенъ и холоденъ, воздуха сухого, а послѣ хмаренть, знову свѣтель, ночь ясна и холодна, а къ свѣту хмарна. Сей день продновали зде мы и съ нами веселнє гостї всѣ и подпіахомъ.

Четвер. 20. День былъ сперва хмарній, а послѣ свѣтлій, тихій и погодній, ночь свѣтла, тиха и сухого воздуха зъ морозомъ. Обѣдали у насъ всѣ веселнє гостї, а послѣ обѣда дѣтей и гостївъ всѣхъ опроважалисмо зъ женою до Процювки, где и заночевали у... и зъ братовъ Марко зъ женою и Лука поехали зъ дѣтми. Зъ дѣтми дано: новая коляска зъ вороними 6-ма конми и конь сивий верховий зъ кулбакою зеленою и сутимъ рондомъ, палубовъ маліованихъ 3, возковъ 2, и будка и молодиковъ при нихъ два, Ярема и Уласъ, коней всѣхъ 21; да особливо палубъ и возокъ для харчи, да при томъ Демянъ, коней 5, якіе вернутся назадъ; Демяну жъ даль я на расходъ 10 р., да особливо дочерѣ Ганнусѣ 10 р.

Пятокъ. 21. День былъ почасти болшой свѣтель, нѣжели хмаренть, воздухъ сухій и холдиновать, ночь сперва свѣтла, а потомъ хмарна, а къ свѣту знову свѣтла. Въ Процювѣ розеха

лисмося зъ дѣтми нашими и зъ гостми и зъ братами; они поехали въ Стародубъ, а мы зъ женою и п. Войцеховичевою въ Роменъ, отколь они обѣ знову поехали въ Слободку до Заборовскаго, где и ночевали, а я въ Ромнѣ остался.

Субота. 22. День былъ по большой части свѣтлій, тепловатъ и тихъ, такова же и ночь. Сей день передновалисмо зде зъ женою у Ромнѣ. У балѣ кровъ банками пускалъ я себѣ.

Неделя. 23. День былъ подобній вчорайшому, а къ вечеру хмарно и дощъ. Ночь хмарна и до полночи дощъ, а зъ полночи хмарно же и холодно. Сей день тутъ въ Ромнѣ забавилисмо.

Понедел. 24. День былъ почасти холодній и почасти свѣтлій, только же холодновать, осѣнний воздухъ. Обѣдалисмо вкупѣ зъ маткою и женою въ Ромнѣ, а по обѣдѣ поехалъ я къ Нѣжину и ночевалъ у Бубнахъ, у отца Свѣта; верстъ 18 зъ Ромна до Бубновъ.

Вовтор. 25. День былъ сперва хмаренъ, послѣ свѣтель и тепель, особливо надъ протчіе. Ночь тиха, хмарна и почасти тепловата, а въ ночь дождь ишолъ маленкій. Рано зъ Бубновъ поехалъ я и на дорозѣ откушавши, пріехалъ до Ярошовки, села Горленковаго, въ 3-хъ миляхъ, а верстъ 27 отъ Бубновъ отстоящаго, где мало отдохнувши, уехали миль 2 еще въ 18 верстахъ до Парафѣевки Сави Рагозинскаго, где въ дворцы графскому и ночевалъ.

Середа. 26. День былъ хмарній и холодновать, а послѣ тепель и почасти свѣтель, ночь почасти свѣтла и холодновата, воздуха сухого. Зъ Парафѣевки уехалъ до Рожновки села милю, а оттолѣ до Максимовки полмилѣ, а зъ Максимовки до Крупичъ-поля болѣшь полъ милѣ, где и обѣдалъ. Зъ Крупичъ-поля простою дорогою лѣсомъ поехалъ я, а ехалъ миль болѣшь 3-хъ лѣсомъ и виехавши зъ лѣса, заночовалъ у футорцѣ, недосяджаю Нѣжина въ милю. Зъ Ромна до Нѣжина верстъ около 120.

Четвер. 27. День былъ сперва свѣтель, а послѣ хмаренъ и къ вечеру дощеватъ, ночь же хмарна, воздуха мокрого только же не дощевата. Сегодня рано зъ ночлѣга поехалъ и пріехалъ въ

Нѣжинъ, и сталъ квартерою въ дворѣ грека Петракѣя и ночевалъ тутъ же.

Пятокъ. 28. День былъ почасти хмаренъ, только жъ—посля свѣтель и тепловатъ, воздуха сухого, ночь хмарна и мокровата, къ свѣту дощъ. Сей день тутъ я въ Нѣжинѣ позабавилъ и ночевалъ, въ день ездилъ до войта и видѣлся съ нимъ. Часи у Пѣпера взялъ ценою у 25 р.

Субота. 29. День былъ почасти свѣтлій и почасти хмарній, къ вечеру зъ дощемъ, ночь хмарна и мокра зъ дощиковъ. Обѣдалъ сегодня въ дому.

Неделя. 30. День былъ свѣтлій почасти и хмарній почасти, подобній вчорайшому, и ночь такова жъ. Сегодня обѣдалъ я у асаула полкового Левицкого зъ Голяховскимъ канцеляристою и, позабавивши, повернулся въ свою квартеру.

М—ць Окторвій. Понедел. 1. День былъ сперва хмаренъ, а послѣ свѣтель и тепель, воздуха сухого, ночь свѣтла, тиха, а къ свѣту хмарна. Обѣдалъ я у Тerezѣя, а у вечеру биль у войта.

Вовтор. 2. День былъ сперва хмаренъ и почасти дощеватъ, а послѣ свѣтель и тепловатъ, потомъ знову хмаренъ и дощеватъ, ночь хмарна, а къ свѣту дощевата. Сегодня обѣдалъ я зъ Добронизкимъ и проч. у войта Нѣжинскаго. У Пѣпера взялъ пару пѣстолетовъ за 10 р. да табакерку за 40 а., да 3 хустки за 1 р. и 50 к., да пряжку до португей за 50 к., а у Енченка 10 локтъ сукна зъ чверткою за 40 а. зъ 5 копѣйками локоть и заплатилъ.

Середа. 3. День былъ сперва хмаренъ и дощеватъ по малу, а къ вечеру свѣтель, ночь свѣтла, тиха и холодна, а къ свѣту хмарна. Сегодня обѣдалъ я у себѣ и дноваль зде въ Нѣжинѣ. Купилъ у Пѣпера сукна понсового полъ 5 локтя по 12 зол., перцоваго полъ 5 локтя по 9 зол., блакитнаго, тонкаго по 9 зол. и сѣрого локоть 5, по 7 зол. Каракатицу готовала баба, въ окроинъ сперва вложила и варила, а послѣ соллю перетирала и покраяла, да цибулю въ оливѣ усмаживши, туда вложила и каракатицу,

а виномъ налила, что поняло и роздѣнковъ укинула, а приваривши, до столу дала.

Четвер. 4. День былъ свѣтлъ по большой части, а хочай и хмарень, только жъ воздуха сухого, ночь свѣтла, холодна и велми вѣтрана, а къ свѣту потихше. Обѣдалъ я у Нѣжинѣ еще, а по обѣдѣ вѣхаль и пріехалъ до Комаровки, села архиерея Кіевскаго, отъ Нѣжина верстъ 26, где и почевалъ у дворцѣ архиерейскомъ. У Шѣпера взялъ я часи ценою у 27 р. Зъ Михайлата вѣзъ раздѣлялись, поручились за него Янъ Гасанъ и Анастасій Шалита въ 183 р. до 1635-го году, октовор. 4-го, а на 26 р. самъ даль облѣкъ половину дать 1734-го году, февр. 1-го, а другую половину 1735-го февр. 1-го. Климъ у Нѣжинѣ оставленъ и зъ нимъ оставилъ я облѣкъ у 330 чер. да въ 5 червон., для того первое, чтобы Шѣперу взялъ поруку, что отдасть денги 1735-го генвар. 26-го; другое, чтобы по Юрію Готѣ взалъ поруку Тerezѣя въ 300 р.; третее, чтобы купить дрикгантъ, хочай гнѣдого, вел. турецкаго у Димитрія Коцаро за 160 р., хочай гнѣдого меншаго у Тerezѣя за 60 р. и человѣка до досмотру его принаѧть. Да ему жъ Климу для харчи даль я 5 р. денегъ.

Пятокъ. 5. День былъ свѣтлій, ясный, только вѣтряний велми, ночь свѣтла и ясна, холодна да вѣтрана жъ. Рано зъ Комаровки поехалъ я черезъ Берестовець село полковничое и пріехалъ до Борзни верстъ у 19 отъ ночлѣга, где и становиско имѣлъ, а отъ Борзни до Шаповаловки верстъ 9, а отъ Шаповаловки до болота Дочи верстъ 11, где мостъ и уездный дворъ, оттолъ до Батурина верстъ 12, где у Клима Стоjка и ночлѣгъ имѣлъ.

Субота. 6. День былъ свѣтлъ, только вѣтрянъ, а послѣ хмарень, да вѣтрянъ. Ночь сперва вѣтряна велми зъ дощемъ, а послѣ свѣтла и велми холодна зъ морозомъ. Рано зъ Батурина поехалъ и пріехалъ до Ксендзювки верстъ 14, где у дворѣ Тарицина и обѣдалъ.

Неделя. 7. День былъ свѣтлій и холодній велми, а послѣ хмарень, ночь хмарна и вѣтрана, только холодна. Сегодня у

Подоловъ у сестри обѣдалъ, а по обѣдѣ поехалъ отоль и пріехаль до Тулиг. на ночь.

Понедол. 8. День былъ почести свѣтлій и почести хмарній, а особливе къ вечеру только вѣтрянь и холодень, ночь свѣтла, холодна и вѣтрана. У Тулиг. стар. далъ на росходъ 5 р. и приказаль ему З рѣчи, о греблѣ Лядвижганской, чтобы коло устроить дабы мололо, да о броварѣ, чтобы посудъ и броварника зъ Воронѣжа сискать, о чёмъ и писаль я до п. Заруцкой, да о зробленію деревянного на рибу сажа. Обѣдалъ я у Тулиг. въ отоль по обѣдѣ поехалъ на Некрасовъ, куда ехалъ полъ З час., отоль зъ полчаса до футора, где засталъ овину Демкову згорѣвшую.

Вовтор. 9. День былъ свѣтлій, вѣтряний и холодний велими, ночь холодна, свѣтла. Дновалисмо здесь въ Сварковѣ и подпіяхомъ для моего тезоименитства, и съ нами п. Кондзеровская, Гапка, попи сварковскій и капелянъ Кучарскій. Зъ Царицина прійшоль Дѣдикъ зъ Максимомъ Забарою и привезли короповъ 116, визики пучокъ, да осятровъ коренихъ 16, съ ними кобиль З, въ томъ числѣ бурая кобила колмицкая, куплена за 4 р.

Середа. 10. День былъ свѣтлій, тихій, только зъ морозомъ, а къ вечеру хмаренъ зъ малымъ дощиковъ, ночь сперва хмарна, а послѣ свѣтла, тиха и зъ морозомъ. Дновалисмо зде у Сварковѣ и съ нами гостѣ, Кондзеровская и Гапка. Войтомъ забара устроенъ по прежнему.

Четвер. 11. День былъ свѣтлій, сперва холоденъ велими, тихъ, ночь свѣтла, тиха, къ свѣту морозъ. Обѣдалисмо тутъ въ Сварковѣ, а послѣ обѣда поехали всѣ, я на футоръ Калужновскій, а жена, зъ п. Кондзеровскою и Гапкою, просто въ Глуховъ, пріехали позно уже. У Сварковѣ у млинѣ моемъ стало коло другое молоть.

Пятокъ. 12. День былъ свѣтлій, отчасти вѣтрянь, только велими холоденъ, ночь свѣтла, тоже почести вѣтрана, а велими холодна. Ставъ здешній Глуховскій по берегахъ ставъся. Отъ Григорія Гила отобралъ я привезеннихъ денегъ 188 р., да иѣднихъ 30 р., да мяди З пуда и 9 фунт., юхту красную, коней двое и

другіє мѣлочи и два барана. Черезъ Стар. Криск. Шоха послалъ писмо до Клима и 65 р. за дриганта до Нѣжина и ему, Шоху, далъ приказъ въ 11 пунктахъ, о чёмъ въ термѣнахъ. Янѣшевскій отпущенъ и съ нимъ отправилъ дриганта вороного нѣмецкого, такого же третяка и стрижака и далъ ему приказъ и 3 р. о чёмъ въ термѣнахъ. Купили овса четверикъ и осмухъ 6 по рублю зъ 10 к., дано 1 р. 94 к.

Субота. 13. День былъ свѣтлій, тихій зъ велиkimъ морозомъ, ночь свѣтла вѣтряна зъ великою стужею, ставъ побольше ставъся. Сегодня былъ я у генерала, а отоль въ домъ пріехалъ и обѣдалъ. Въ лазнѣ мился и кровъ банками пускалъ.

Неделя. 14. День былъ свѣтлій, холодній и вѣтрянъ велми, ночь хмарна зъ дощемъ и зъ вѣтромъ великомъ. Былъ я на службѣ у ст. Анастасіи и въ гетманскомъ дому, обѣдалъ у себѣ и съ нами тіотка Кондзеровская и никуда неездилъ.

Понедел. 15. День былъ хмарній, вѣтряний, холодний, у вечеру дощикъ и черезъ ночь. Обѣдалъ въ дому, а по обѣдѣ ездили на Красную Горку и до Паска.

Вовтор. 16. День былъ хмарній, вѣтрянъ велми, дощеватъ отъ хмаръ, перебѣгающихъ, такова же и ночь была, саміе осінніе. Родитель пріехалъ на обѣдѣ рано, зъ которимъ обѣдалисмо въ дому, а по обѣдѣ ездилемъ до п. Михайла въ городъ и посидя, повернулся. Климъ повернулся зъ Нѣжина и припровадилъ зъ собою купленного аргамака турецкого, гнѣдого за 165 р. у Димитрія Коцари.

Середа. 17. День былъ хмарній, дощеватъ, холodenъ и ночь такова же зъ вѣтромъ. Праздновалисмо именини родителскіе въ которыхъ обѣдали и зъ Кондзеров. и Александ. подпіяхомъ.

Четвер. 18. День былъ вѣтрянъ велми зъ силнимъ морозомъ, хмаренъ и ночь токова же, а въ ночѣ и ставъ истаявъ увесь впервое. За поле и сѣнокосъ Дорофѣевскій черезъ Глуховскаго и Семена Заруцкаго заплатиль 30 р. за роспискою. Обѣдалисмо обое зъ женою у гетмановой.

Пятокъ. 19. День быль хмарній, вѣтрянъ почасти и холоденъ велми, отчего все померзло грудою, ночь такъже холодна, хмарна и вѣтрана. Купили жита впервоє четвериковъ 2 и осмухъ 6, а на тое даль я Алексееви Полуденскому да Тарасови 10 р. впервоє. Дровъ купилъ 8 воз. по 6 и по 7 к., да сѣна 3 вози по 18 и по 20 к. Брать п. Марко пріехалъ зъ братовою и братомъ Лукою, который себѣ заручилъ дочь п. Плотной въ Стародубѣ за невѣсту. Панъ гетманова бочку прислала вина намъ кримского.

Субота. 20. День быль подобній вчорайшому, только почасти свѣтлѣйшій, такова же и ночь. Обѣдалисмо въ дому зъ род. и братомъ, а жена зъ братовою у паней гетмановой. Брать п. Михайло поехаъ въ Суми до князя Шаховскаго, черезъ которого писалъ я до швакгра Андрея Полуботка въ утоленіе скорби его. Даль я людямъ своимъ крисковскимъ два коня заложить за нихъ по указу понеже зъ 50 дворовъ коня рослого двохъ аршинъ и двохъ вершковъ велено дать подъ армѣю. Получилъ я указъ зъ суда енер., чтобъ до попа Криска трудовъ не интересоватись до переверненія.

Неделя. 12. День быль свѣтлій, тихій зъ сухимъ морозомъ силнимъ, ночь тиха, свѣтла и еще холоднѣйшая, а зъ полночи снѣгъ сталъ ити до свѣта самого и покрилъ всю землю. Обѣдалисмо въ дому и съ нами род. п. Якимъ Горленко и хороший енер., братъ зъ братовою, которое послѣ обѣда отехали въ Роменъ. Дарили я брата и братову за трудъ ихъ, что ездили за дѣтми нашими въ Мглинъ, даль ей канаваду, а ему сукно бѣлое, а дитинѣ рубля.

Понедел. 22. День быль хмарній, тихій зъ морозомъ, а зъ снѣгомъ великимъ, который покрилъ такъ землю, что можно санами было ездить и ездили; ночь хмарна, тиха, только безъ снѣгу. Обѣдалисмо у генерала зъ род. и оттоль пріехали домой. Стар. Сухонос. пишеть что на Кривой Рудѣ собралось набѣлу; сира куны 6 и кадовбовъ 2, масла фасокъ 17, сѣна скиртъ 25; воли, что зъ соллю прішли, отослали на кривую Руду. Пчоли въ погребъ уставили 119, а убили 20. Зъ Крисюкъ вѣдомость, что пчоли на зиму

уставили старой 12, а молодой 5, всеей 17; да что зъ поля зято жита копъ 68, вимолотили 38 четвериковъ, а посыпали на приидучій годъ четвериковъ 7 и пол., ярии зняли, гречки копъ 40 и 5 полукошевъ, овса копъ 37. Тарасу и Алексю на куплю жита вновь далъ 10 р.

Вовтор. 23. День быль хмарній, тихій, зъ мокроватимъ воздухомъ, отчего стала сильгъ пропадать, ночь еще зъ большимъ раствореніемъ и нехолодна. Сего дня быль я въ судѣ енер. и допрашиванъ Запасоцкій по дѣлу Петра Коховскаго смолянина, сторони бывшаго его.

Середа. 24. День быль мокроватого воздуха почости ясенъ, а зполдня свѣтель и ясенъ, ночь свѣтла, ясна, холодна зъ морозомъ, къ свѣту хмарна. Отправленъ каберникъ въ Криски и съ нимъ отправили жита четвертей 7, да Василю послалъ 6 р. на докладку тертичникамъ. До стар. повторно писалъ до грунтовъ попа Крие. не интересоватись и чтобы на 6 казановъ гор. робилась. Сего дня обѣдалисмо вкупѣ и по обѣдѣ ездили до млина Радіоновскаго, оттоль заехалъ до Борзни.

Четвер. 25. День быль хмарній, только жъ воздуха сухого, такова же и ночь безъ вѣтра. Сего дня обѣдалисмо вкупѣ, а по обѣдѣ ездили я до Синявина и до енерала, где долго посидѣвшіи повернулся ноччу въ домъ. До стар. Сухонос. писалъ о конѣ подъ мѣру на Сухонос. наложенную, взять моего; если прійдетъ, о заплатѣ 20 р. полков. луб. за сѣно. О конѣ же писалъ и до конюшаго Янѣшевскаго.

Пятокъ. 26. День быль сперва хмаренъ, а посля къ вечеру свѣтель зъ морозомъ же, ночь сперва свѣтла, а посля хмарна зъ морозомъ же. Повторно далъ я на куплю жита 10 р. Принималъ я 120 капель R. panch. magag. и имѣлъ довольно онерацій. Уговорили нового дворника у футоръ Калюжновскій на годъ за 5 р. и 50 к. и напередъ далъ ему 3 р.

Субота. 27. День быль хмарній, вѣтранъ почости, воздуха сухого, ночь такова же. У лазиѣ кровъ банками пускалемъ.

Неделя. 28. День быль хмарній, а зъ полдня дощеватъ, такова же и ночь, отчего гразко становится начало. Рано были у генерала, служби слухали у ст. Анастасіи, обѣдалисмо у себѣ.

Понедел. 29. День и ночь были сходніе вчорайшимъ, хмарніе, тихіе и мокріе. Новий дворникъ устроенъ въ Калюжновскомъ футорѣ Леско Кубраченко, житель ясманскій, за 5 р. и 50 к., якіе ему деньги передомъ дани, а у его расписка взята. Купили овса полъ четверика за 50 к.

Вовтор. 30. День былъ и ночь сходни вчорайшимъ, только у вечеру вѣтеръ силний. У гетманскомъ дворѣ банкетъ былъ: Максимовича служителя виправили зъ дому до Глинска женится на Глинского сотника дочерѣ.

Середа. 31. День былъ хмарній зъ туманомъ и зъ дощемъ, ночь хмарна, тиха и мокровата, отъ чего еще грязи умножилось. Сегодня обѣдалисмо у себе, а у вечеру пріехали дѣти п. Стефанъ зъ Ганнусею. Отобралъ я отъ Тара(са) горѣлочныхъ свар. грошей 2 р. 60 к. отъ шинкарки.

М—ць Ноеврій. Четвер. 1. День былъ хмарній зъ дощемъ маленькимъ, ночь свѣтла, зъ перемѣною воздуха, такъ что къ свѣту все померзло. Принялъ я отъ Вѣжевскаго деньги имъ собранніе въ Сварковѣ, а именно: отъ Богомаза 21 р.; отъ Сивака старос. 8 р. отъ молодого Опанаса 7 р. и 50 к. Ездили дѣти въ городъ у дворъ гетманскій при женѣ и тамъ обѣдали.

Пятокъ. 2. День былъ хмаренъ зъ морозомъ, ночь свѣтла, тиха зъ стужею. Неездилъ я никуда, господареви даль 2 р. на задатокъ за Леска 3 р. Получилъ вѣдомость отъ Янѣшевскаго, что сїна уроблено у футорѣ Гамал. скирть 40, у Сухонос. скирть 5, у кривой Рудѣ скирть 25, у Перервинцахъ скирть коповихъ 50, поденихъ 12, забраннихъ у людей скирть 8, итого скирть всѣхъ 20, а везде скирть 140. Овса полъ четверика купилъ за 50 к. и отослалъ въ Тул. на конѣ.

Субота. 3. День былъ свѣтлій, тихій, холодній зъ морозомъ, отчего людъ на ставу еще укрѣпился, ночь такова же была, а зъ полночи вѣтеръ зъ хмарою. Сегодня рано ездили мы до генерала, которого на утро къ себѣ просили, также и прочтіихъ. Обѣдалисмо у себе. До Крисіоукъ послалъ 2 пуздерка до Гути для зробленя фляшокъ и писаль до стар. обѣ устроенню дворникомъ Трохима Прокопенка и чтобы сюда прислалъ Клима подданного крис.

Неделя. 4. День былъ хмарній, холодній, а послѣ мокрій, почасти зъ силнімъ вѣтромъ, ночь хмарна зъ дощемъ и зъ вѣтромъ, къ свѣту снѣгъ и холодъ. Банкетъ былъ у насъ для пріезду дѣтей нашихъ. Былъ генералъ зъ генералшою и гетманова, и прочіихъ много и подпіахомъ.

Понедел. 5. День былъ хмарній, холодний и снѣжокъ упадшій примерзлъ, а послѣ растворенъ, къ вечору знову зъ морозомъ, ночь тиха, хмарна, зъ болшимъ снѣгомъ, который израдно покриль землю изъ морозомъ. Обѣдалисмо въ дому и никуда я неездилъ.

Вовтор. 6. День былъ по большої части ясній, нежели хмарній, холодний зъ морозомъ, ночь свѣтла, тиха, холоднѣйшая еще. Банкетъ былъ у Радищева, где генералъ былъ и проч., родитель и я, куда санками ездили, только жъ санная дорога худа. Климъ Пѣщааскій посланъ въ Роменъ для заарештования Пѣкера въ Сухонос. для устроенія Миколая Товкаченка, нового тамъ старости, ему же далъ я 12 р. на покупку сукна зеленого 8 локотъ, 10 р. на покупку жита въ Сухонос. винницю, 20 р. на уплатку пол. Луб. за сѣно, 38 р. на куплю грунту у Сеника близъ Чорнухъ, всѣхъ денегъ 80 р. и приказъ далъ въ особливыхъ пунктахъ. Черезъ его же писалъ до родителки, братовъ п. Семена и п. Марка.

Середа. 7. День былъ по большої части свѣтлій, подобній вчорайшому, толкожъ холодаѣйшій, воздуха сухого, ночь еще холодаѣйшая и мало вѣтряна и хмарна. Сей день у себѣ праздновали и никуда неездили. Даљ я интеллѣгаториви тестаментъ Compendium medicale—и 3 лѣбri зъ 5 аркушами, книжицею оправить, за все 90 к., а 40 к. даљ напередъ, а зробить къ другой недѣлѣ по слѣдуючої. Капачей на двѣ ями у футоръ наняли отъ четверика по 2 а., а отъ 10 четвериковъ 3 путивки жита, полъ путивки гречанихъ крупъ, 5 фунт. сала и задатку даљ имъ Таراسъ 1 р.

Четвер. 8. День былъ свѣтлій поболішъ, нежели хмарній, сходній зъ вчорайшимъ, холодній, тихій, ночь такова же зъ стужею тиха. Рано былисмо у генерала на службѣ у ст. Михаила, обѣдалисмо у себѣ, на вечеринку ездили до Паска, где доволно сидѣли и подпіахомъ.

Пятокъ. 9. День былъ свѣтлій, холодний зъ морозомъ, ночь такова жъ, зъ большимъ холодомъ. Климу Прокопенку Крисковскому далъ я 60 р., на покупку жита въ Крискахъ до винницѣ Крисковской, зъ которымъ отправленъ и Василь Шмуйло, на время сюда пріездившій.

Субота. 10. День былъ почасти свѣтель и почасти хмаренъ, а къ вечору зъ отмѣною воздуха, для чего ночью и малій снѣжокъ випалъ, которая била хмарна и тиха. Обѣдалисмо у себѣ, а на вечеринцѣ били у коменданта Кишкина, где ужинали генераль и проч., и я.

Неделя. 11. День былъ подобній вчорайшому и ночь потепляє прежнихъ. Рано были у гетманскомъ дворѣ по службѣ, а обѣдали въ дому, у вечера били на вечеринцѣ у подполковника Жураховскаго, у которого совершилась сватба дочерѣ его зъ прапорщикомъ гварнѣзону глуховскаго.

Понедел. 12. День былъ хмарній, почасти вѣтранъ съ полдня зъ отлигою знатною, а особливѣ въ вечеру, что роставать стало. Ночь такова жъ, а зъ полночи къ свѣту морозъ невеликій, однако жъ примерзло. Сего дня обѣдалисмо у себѣ зъ род., а у вечера были на сватанню Зварковскаго нашего у госпожи Островской, которой дочь онъ себѣ приговорилъ:

Вовтор. 13. День былъ хмарній и мокроватъ, ночь хмарна и болѣе мокровата. Были рано зъ род. у генерала, обѣдалисмо у гетманскомъ дворѣ, прошени за тимъ, что Максимовичъ Іванъ, женись на дочерѣ глинского сотника, пріехалъ зъ женою.

Середа. 14. День былъ хмарній, дощеватъ и зъ мокримъ же туманомъ, у день дощъ ишоль, ночь такова жъ была, только безъ дощу, а къ свѣту перемѣна воздуха отъ мокрого на сухій и на мороузъ, бо и примерзло. Сего дня я не ездилъ нигуда. Обѣдалисмо въ дому, а у вечера забавлялись картами зъ собою и дѣтми. Писалъ я до Клима о неприсилки сюда, но обѣ отсылки всего дойва въ Кіевъ для продажи, а сюда только Гамалїевскаго, да о покладѣ у Ромнѣ тютюну Гамал. и Сухонос. и о видачѣ брату п. Марку 20 рунъ вовни и проч., о чемъ въ терм.

Четвер. 15. День былъ зъ морозомъ свѣтлъ, а къ вечеру и прибавилось стужи, ночь свѣтла, а болѣе хмарна, зъ вѣтромъ и зъ морозомъ. Ездили я до п. Борзни, жени его болѣзнуючай посѣщать, оттолѣ до п. Михайла. Архипъ зъ конемъ подъ мѣру отправленъ до Борзни до капитана Арапова, до которого я и писалъ и 1 р. сцѣлнаго Архипу далъ, а буде не пріиметъ довести въ Прилукъ до полковника фонъ—Венделя, которого о пріемѣ онаго коня просить—пана Федора дядка просилемъ писмою.

Пятокъ. 16. День былъ тихій, свѣтлій зъ морозомъ, къ вечеру хмарно, ночь такъ же хмарна и почасти свѣтла зъ морозомъ. Принялъ я на службу маштабромъ Павла, Ивашкинаго батка, а дать ему въ годъ 4 р., сукно и кожухъ и чоботи и харчи на и—дъ неболішъ четверичковъ 2-хъ жита, одного крупъ и 5 фунт. сала въ мясницѣ. Принималъ я R. Panch. mag. 150 капель и имѣлъ довольно операцій. Боку доктору позичилъ 20 р., а отъ него взяль дукать въ 20 чер. въ заставу.

Субота. 17. День былъ свѣтлій, тихій, холодний велми, такова жъ и ночь. Обѣдалисмо всѣ въ дому и никуда неездили для бездорожья и груды. Послалъ я доношеніе до п. писара енер. о Нѣперу. Пускалъ я кровь зъ головной жили.

Неделя. 18. День и ночь сходніе вчорайшимъ, толкожъ ночь хмарна, а холодно. Рано били у генерала и обѣдали и до полночи просидѣли.

Понедел. 19. День былъ свѣтлъ почасти, холоденъ велми, сухого воздуха, зъ великимъ инеемъ, который вмѣсто тумана сталъ, ночь хмарна, холодна, такъже и почасти вѣтра на отъ полдня. Сегодня обѣдалисмо у себѣ и никуда я не ездили.

Вовтор. 20. День былъ хмарній, снѣгъ зъ полдня ишоль до вечора, ночь вѣтра на отъ полночи холодна, къ свѣту со жестокимъ морозомъ. Обѣдалисмо въ себѣ, а по обѣдѣ посѣщалъ братъ п. Михайло и Валкевичъ, вчора сюда пріехавшій, который, посидѣвши у мене и кофе напившись, отойшли во свояси.

Середа. 21. День былъ свѣтлій, тихій съ жесточайшимъ морозомъ и еще небывалимъ, ночь такъже свѣтла и тиха съ такимъ

же морозомъ. Рано были у генерала съ поздравленіемъ праздника Воведенія, у службѣ были зъ род. у ст. Михайла; обѣдалисмо у себе.

Четвер. 22. День былъ вѣсма сходний зъ вчорайшимъ, тихій и холодній на збитъ, ночь такова жъ, якъ и вчорайша. Сего дня обѣдалисмо у себе, а у вечеру ездили до п. Михайла, где съ нимъ, съ Валкевичемъ и съ Холодовичемъ, сотникомъ Воронѣжскимъ, играли у карти зъ моимъ виграшомъ зъ полъ 2 рубля.

Пятокъ. 23. День и ночь были во всемъ вчорайшимъ и по-завчорайшимъ подобніе. Никуда я сегодня не ездили, а праздновали сегодня Александра Невскаго.

Субота. 24. День и ночь были такіе якъ вчорайшіе и позавчорайшіе. На службѣ Божій у генералской церкви были и по службѣ у себе обѣдали, послая игралъ у карти зъ товаришамъ своимъ, проигралъ 1 р.

Неделя. 25. День былъ и ночь во всемъ подобніе прежнимъ, а зъ полночи въ свѣту вѣтеръ сталъ великий и снѣжокъ прориватись. Рано были у генерала у службѣ у ст. Анастасії, а у вечеру на вечеринцѣ у маюра Хрипунова, где зъ енераломъ и п. Михайломъ играль у ломбаръ зъ проиграшомъ 39 к. Зъ Крисюкомъ прѣхалъ каберникъ и привезль пробу винника Березинскаго, который вновь далъ носатку отъ прежней Крисковской болшую 25-ма квартами. Черезъ Романа, стар. тулиг., писаль стар. Криск., что у Чернѣг. у магистратовомъ судѣ срокъ положенъ Лопатѣ до ноевр. 8-го 1734 году уплатить долгъ нашъ 75 р.

Понедел. 26. День былъ вѣтраний, хмарній зъ снѣгомъ дробнимъ и сухимъ, и холодъ уменшился, ночь такъ же была хмарна, почасти вѣтрани и не такъ холодна. Обѣдалъ я сегодня у столу гетмановой, играль въ карти зъ товарищи зъ проиграшомъ 3 р. Романъ тулиг. былъ и отехалъ, которому велѣлъ лѣсь на дрова купить.

Вовтор. 27. День былъ хмарній, тихій зъ снѣгомъ, который до полдня ишоль и пересталъ, ночь хмарна, тиха зъ отлигою воздуха. Обѣдалъ я у дому, а по обѣдѣ у енерала подпіяхомъ и играль зъ проиграшомъ 1 р. 30 к. у ломбаръ.

Середа. 28. День былъ хмарній зъ снѣгомъ, ночь хмарна, тиха. Сегодня обѣдалъ я зъ п. Михайломъ и играли въ карти зъ нимъ, Валкевичемъ и Максимовичемъ зъ проигравшомъ 38 к. Указъ присланъ до генерала Нарышкина ехать ему у С.-П.Бурхъ. Коберникъ отправленъ въ Криски зъ писмомъ до стар. и Василя.

Четвер. 29. День былъ подобній вчорайшому и ночь такова же зъ отлигою. Обѣдалисмо у себѣ род. и мы зъ дѣтми, по обѣдѣ ездили я до п. Михайла, оттолъ зашли совокупно до генерала, которій правленіе генералной к—ріи уручивши суддямъ троемъ, отъ великороссійскихъ Радищеву, да коменданту Кишкину, Синявину, да смоленскому ротмистру Паску, отехалъ по указу въ С.-П.Бурхъ и при немъ Денисовъ, Филатіевъ и Ассонъ. Росплатилися мы работникамъ 8 человѣкамъ великороссійскимъ, крестанамъ Дорогобузкого уезду, Пауского стану, вотчини Ивана Качалова, деревнѣ Артюшина, по имени: Семенъ Матвѣевъ, Федоръ Ігнатіевъ, Филиппъ Юрьевъ, Илля Ивановъ, Сидоръ Дороѳѣевъ; да тогожъ уезду, вотчини Димитрія Федорова сына Нелидова, деревнѣ Сковородина, Иванъ Дмитріевъ, Захарій Федоровъ, да его же, Нелидова, вотчины, деревнѣ Алешина, Степану Василіеву, которимъ изъ штатного двора дани печатніе пашпорты до 1734-го году со срокомъ, а заплатили имъ теперь повторно 7 р. 64 к. зъ скиртъ трохъ жита оніе работники одну вимолотили, зъ которой вийшло 11 овинъ, да 5 овинъ ячменю со стога у футорѣ Калюжновскому.

Пятокъ. 30. День былъ хмарній зъ снѣгомъ густимъ, только не долгимъ, тихій. Ночь хмарна, тиха зъ отлигою, подобная вчорайшей. Рано были на службѣ у церкви ст. Анастасии, обѣдали у себѣ. У вечеру играли у мене въ карти зъ проигравшомъ 2 р.

М—ць Декаврій. Субота. 1. День былъ хмарній зъ невеликимъ на малое время снѣгомъ, ночь хмарна тиха и мѣрно холодна. Звани били до Паска на банкетъ для тезоименитства его вчорайшаго и подпіяхомъ зъ протчими. Въ газетахъ иностраннихъ написано, что октовор. 5-го полскаго, а нашого септ. 24-го, електоръ саксонскій Фридрикъ Августъ избранъ отъ конфедераторовъ королемъ полскимъ на мѣсто отца его, а король прежде избранный Станѣс-

лавъ Лещинскій зъ Варшави ушолъ зъ своими партизанами въ Сданскъ, для того, что енералъ аншефъ Лессій зъ великороссійскими и малороссійскими войсками и бунчуковимъ товариствомъ пришли въ Варшаву совокупно съ конфедератами.

Неделя. 2. День и ночь хмарніе, тихіе и мѣрно студеніе. У службѣ били енаралской, а по службѣ у генералшѣ по чаркѣ водки винили; обѣдали въ дому. У вечера ездилъ до п. Михайла, играль въ карти зъ проигр. 1 р.

Понедел. 3. День и ночь подобніе прежнімъ, хмарніе, тихіе, мало холоднѣйшіе. Никуда сегодня не ездилемъ, а обѣдалисмо всѣ въ дому, родитель, мы, дѣти; а по обѣдѣ посѣщали мене братъ п. Михайло, Валкевичъ и Максимовичъ и посида и чаю напившиесь, отойшли домой, неигравши въ карти.

Вовтор. 4 День былъ хмарній зъ густимъ и дробнимъ снѣгомъ, который черезъ день до вечора ишоль, отчего прибавилось снѣгу, ночь такова жъ была зъ снѣгомъ, мѣрно холодна. Банкетъ биль у маюра Неплюева, у которого подніяхомъ, а оттолъ я, едучи, рѣкою, провалился и заледво коней виратовали.

Середа. 5. День былъ хмарний зъ снѣгомъ, отъ чего дорога санная первая стала хорошая, такова жъ и ночь била, только зъ мелкимъ снѣгомъ. Обѣдалисмо въ дому, а по обѣдѣ ездилъ я до п. Михайла, где играли въ карти безъ проиграншу моего.

Четвер. 6. День былъ хмарній, холодній, а къ вечеру вѣтеръ и метель снѣжной, ночь зъ вѣтромъ и зъ метелицею сильною, отчего много вели снѣгу стало. Обѣдалисмо у себѣ, а по обѣдѣ у вечера биль у п. Михайла, брата, играли въ карти зъ выиграншомъ 1 р. 50 к. Послани въ Нѣжинъ Вѣжевскій зъ Алексѣемъ за доправкою долговъ.

Пятокъ. 7. День былъ хмарній зъ вѣтромъ и зъ симною метелицею, отчего премного прибавилось снѣгу, ночь тиха и снѣгъ пересталъ. Праздновали день рожденія принцессы Анни и кушали всѣ въ гетманскомъ дворѣ; у вечера игралисмо въ карти зъ выиграншомъ моимъ 1 р. 20 к. зъ залишкомъ.

Субота. 8. День былъ хмарній, тихій и холодний, ночь такова жъ. Никуда я не ездилъ сегодня, а обѣдалисмо у себѣ зъ род. У вечеру пріехалъ слуга брата п. Семена зъ зваромъ родилнимъ, что дочь ему Варвара сего декабря. 4-го родилась.

Неделя. 9. День и ночь были тихіе, тепловатіе зъ нѣкоторою отликою, а хмарніе, ночь почасти свѣтлійша. Праздновали день тезоименитства ея височества принцессы Анны и подпіахомъ у дворѣ гетманскомъ, откуду пріехавъ домой и уснувъ мало, ездилъ до Валкевича и просидѣлъ довольно, а онъ розговоръ... (?) зъ черцомъ о гол. и... (?) и со мною биль Косовичъ. Стар. Крис. Шохъ отпущенъ въ Криски и данъ ему приказъ въ пунктахъ.

Понедел. 10. День былъ хмаренъ и почасти вѣтрянъ, только жъ тепель. Ночь хмарна, тиха и тепловата. Ездилъ по вчорайшемъ банкетѣ и витверизовался. Отпущенъ служитель брата Семена въ Роменъ, черезъ которого до его и до родителки писаль я. Получилъ я писмо отъ швакра моего п. Якова Полуботка зъ походу войскового отъ Бреста Литовского писанное — ноевр. 3-го, въ якомъ обявляетъ, что монета наша идетъ особливою ценою, копѣйка за 3 шеляги, а рубль за 6 или 7 гривенъ. Да онъ же писалъ до жени, уступающи ей и другой сестрѣ, Войцеховичевой, имѣнія, по покойной племянницѣ Журавковнѣ оставшагося, по сей часъ въ вѣдомствѣ мужа ея Максима Турковскаго имѣючагося.

Вовтор. 11. День былъ хмарній, тихій, а къ вечеру вияснилось зъ морозомъ, ночь была свѣтла, тиха и холодна. Сегодня обѣдалъ я у брата п. Михайла зъ Валкевичемъ и Косовичемъ, у вечеру игралъ зъ ними въ карти зъ виграншомъ 45 а. Генералша Нарышкинова, Анна Ивановна, отехала въ Москву.

Середа. 12. День былъ хмарній, тихій, а особливе къ вечеру, ночь такова же и нѣчто туманное на примѣръ инею было, посля вияснилось. Обѣдалъ я въ дому, а по обѣдѣ уснувъ ездилъ до п. Михайла и игралъ съ нимъ и товарищи въ карти зъ проиграншомъ 2 р. Жена отехала въ Тулиг. и съ нею дѣти и зять п. Стефанъ.

Четвер. 13. День былъ свѣтлій зъ морозомъ и тихій, ночь такжѣ свѣтла и тиха зъ морозомъ же, а посля хмарна. Ездилъ я

98. Любезная моя вънучка Н. П. Знаю, что вамъ надобна ли-
ліея, которой 27 стеблушки посылаю, дай Господи ползу въ семъ ра-
тующимъ получать. Если еще мастеръ не виѣздили, не запомнить,
прошу, его вислать, ико въ работѣ остановка. Увѣдоми мене, ангель
мой, о своемъ здоровыи, равно и о Алексашенкиномъ, также когда
Иванъ Степановичъ віехалъ и какъ скоро отоль ожидаете. Въ нась
коръ весьма худой, дѣти мрутъ часто. Сохранийте, Бога ради, Але-
ксашенку, а лучше въсего мое мнѣніе, что если тамо хорошой коръ
етотъ, не берегти, ибо сего не миновать, а во время доброго кору или
оспи скриватись не должно. Какого матушки ваша, а мои Парасковья
Григорьевна будетъ о семъ расположения, увѣдомить прошу. Сахару
голову одну посылаю, прошу, душенка, попросить матушки, чтобы дозволить
сварить вишень, яко у мене ничемъ ничего нѣтъ онихъ. А
вари, душа моя, тако: въ сей головѣ 14 фунтовъ, то десеть сварить
по полтора фунта на фунтъ ягодъ сахару положить, а четыри фунта
сколько ягодъ столько и сахару положить, и сіе то будутъ для пирожного хороши. Я для тебя только рожи еще съварила, а болѣе—ни-
чего болше. За недосугомъ не распространяю, а скажу только то, что
я здорова, дай Господи, чтобы и ты въ такихъ лѣтахъ такова была.
Засимъ палую въ мисляхъ тебя, ангель мой, и чадо твоє тысячу
разъ, препоручивъ божему милостивому призвѣнію и покровительству,
пребивая во всю мою жизнь, тебѣ въсего дображелательнейшему баб-
кою и маткою Н. П. 1790 году, июля 2. Изъ Боровичъ. М. г-нѣ мо-
ей, а вашей драгоценнейшей матушки Парасковии Григорьевнѣ про-
шу мое почтеніе засвѣдѣтельствоватъ, равно и м.м. моимъ г.г. Маріи,
Варварѣ, Евфросиніи и Катеринѣ Степановнамъ прошу низохенкой
поклонъ засвѣдѣтельствоватъ. Ульяна Семеновна всѣмъ вамъ нижай-
шой поклонъ свѣдѣтельствуетъ и палуетъ ручки всѣхъ. Благодарст-
вую за присилку кузнеца, котораго одначе жъ теперь прошу не при-
силать.

99. Любезніи мои внуки Н. П. и И. С. Я только, что хотѣла
своего нарощного посыпать къ вамъ съ мохнатинскимъ войтомъ, ко-
торого приказчикъ побилъ, по его показанію, невино, а какъ на-
рощной сію жъ минуту едетъ къ вамъ съ вѣдомостю изъ Жукотокъ,
то съ нимъ и посыпаетсѧ сей жалобщикъ. Ви, какъ хозяева своему
добру, такъ и ислѣдуйте, какъ вамъ угодно, а мое мнѣніе—запретить
отнюдь побои дѣлать приказчику; однако вамъ то знать, а побоевъ
изволте освѣдѣтельствовать. Тутъ было ихъ два пришло, но я, зная
рабочое время, одного отправила, а сей все прескажетъ вамъ обсто-

ятельно. Въ приказчика вашего жукоцкого двоє дѣтокъ померло съ Мору, да и у насъ весма нехорошъ коръ, берегите ради бога Сашенку. А когда хорошъ у васъ коръ, такъ мое мнѣніе не берегите, лучше будетъ, когда она перебудетъ оной при хорошемъ кору, чего отъ искренѣйшаго моего сердца ей и желаю. За присилку вишень чувствительно благодарю, малинъ весма мало да здѣсь оныхъ почти и нѣтъ; я послала въ Каруковку варить, когда есть до свару, только страно мнѣ, что ви пишите, чтобъ въ меду сварить, на что онѣ, увѣдомте чрезъ сего—въ меду или въ сахарѣ сварить для васъ? Я теперь глазомъ не могу, запухъ и болитъ, и сижу въ комнатѣ, не вѣда ни ногою. Что у васъ слышно о новомъ нашемъ намѣстникѣ, а у насъ ничего и слыху нѣтъ. А губернаторъ пріехалъ и ни за что не принимаетса и не обавливаетъ о себѣ, что онъ опредѣліонъ. Болше писать чего не сискую и проч. Н. П. 1790 году, іюля 11. Изъ Боровичъ. М. моей г. драгоцѣнѣйшей матушки вашей и сестрицамъ всмъ назіохенко кланяюся.

100. Любезніе мои вънуки Н. П. и И. С. Для вашей драгоцѣнѣйшей матушки, а моей м. г. Парасковы Григоріевны посылаю лілей корней восъмъ, кои нерозреваніе и кои розорвавши, будеть боле двадцати; и всѣ зубочки посадить же, счистивши понемножку, а корни раздѣлить такъ же всѣ, чтобъ не было по два, землю смѣшать съ пѣскомъ, чтобъ отнюдь не чернозѣмъ била, а что на зиму укрывать должно, то о томъ Настасія Петровна знаетъ совершенно, равно какъ и разривать и зубки садить—знаетъ же, цибы изъ средини въ каждой повикуручивать, а изъ цибами не садить. Съкоро ли къ намъ пожалуете, прошу чрезъ сего увѣдомить. Вашъ человѣкъ, кой за письмами потераними пошоль у Жукотки, такъ подбился, что я ему принужденна дать подводу, кой еще въчерась только отехалъ отсель. Засимъ препоручивъ васъ и проч. Н. П. 1790 году, июля 22, изъ Боровичъ.

101. Любезніе мои вънуки Н. П. и И. С. Отездъ вашъ столько мнѣ прискорбенъ, что я ничему и уподобить не въ силахъ, когда притомъ одно съ васъ несовсемъ здорово. Прошу увѣдомить чрезъ сего каково ви даехали, не безшкоила ли болѣзнь извѣстная Настенку? И где ночевали и какъ заранѣй пріехали въ домъ? Застали ли въ домѣ драгоцѣнѣйшую вашу матушку и здоровихъ ли застали домашнихъ, ровно и Алексашенка здорова ли—увѣдомить прошу не оставить мене. Сей податель просилъ мене, чтобъ его отпустить въ домъ, коего и посылаю съ тiemъ, чтобъ на сей же подводѣ и возвра-

титись ему непремѣнно въ слѣдующой понедѣлникъ. Тутъ же и работникъ вашъ отпущенъ отъ мене съ награжденіемъ. Нѣть ли извѣстія о намѣстнику нашему и вашему? Проехалъ ли или еще нѣть? Да и о старемъ нашемъ намѣстнику нѣть ли какихъ вѣстей? Увѣдомить прошу. Засимъ, препоручая васъ божіему милостивому призрѣнію и покровителству, пребуду во всю мою жизнь вашею всегодоброжелателнѣйшею бабкою Н. П. 1790 году июля 29 изъ Боровичъ.

102. Ангелъ мой Н. П. Знаю, что Ивана Степановича нѣть въ домѣ, почему къ нему и не пишу, а буди паче чаинія въ домѣ, то извини мене и кланяйтесь отъ мене прошу. Кирушка твой не поехалъ въ Жукотки, не знаю почему, то онъ самъ перескажеть, кото-рого посылаю къ вамъ по просби его. Каплуновъ ужо и неудобно каплунить, ибо послѣ Семена отнюдь не каплунять, а для Жукотокъ я отсель отправлю 40 каплуновъ, но по крайности, чтобы сей же Кирушка принялъ оніе на свои руки и отвезъ порядочно и до морозовъ. Я хотела било въ Каруковку поехать, но что-то нездорова, на подобіе лихорадки, а таперь вся въ испаринѣ, и голова болитъ, и такъ, покуда совершено не виздоровлю, не поеду. Котли (винокурен-ные) приказала я видать въ Савинки и чтобы саміе лучіе виданія били, то до вашего приказчика писала, чтобы онъ самъ поехалъ и выбралъ, и въсѣ четири съ трубами би били бѣ, о чёмъ и до своего приказчика писала же, чтобы саміе лучіе выбралъ. Трубку Ивана Степановича и забутой вами гребешокъ посылаю, а для Сашечки коробочку грибы братъ, какъ таперь и время оніе собирать. Прошу за мене ея поцаловать сто разъ и въручить оную. Какъ ви скоро намереваете пріѣхать, и сюда ли или прямо въ Савинки—увѣдомить прошу. Больше писать чего не сискую, препоручая васъ въсѣхъ трохъ божіему милостивому призрѣнію и покровителству, пребуду во всю мою жизнь вашею всегодоброжелателнѣйшею бабкою Н. П. 1790 году, авгуаста 25, изъ Боровичъ. Напиши, душа моя, какова ти въ своемъ здоровыи? Да и обо всѣхъ вашихъ домашнихъ не оставъ увѣдомить, а у мене въ дворѣ полно болнихъ. М. г-нъ моей вашей драгоцѣнѣйшей матушки Порасковыи Григоріевнѣ прошу засвѣдителствовать мое почтеніе, такъ же м. моимъ г-нямъ Маріи Степановнѣ, Варварѣ Степановнѣ, Ефросинї Степановнѣ и Катеринѣ Степановнѣ кланяйтесь прошу.

103. Любезніе мои вѣнуки Н. П. и И. С. Получила я отъ ва-шего жукоцкого уприказчика писмо, кой пишетъ, требующи вѣрющей, а по какому дѣлу—усмотрите съ оного, кой и прилагаю, а яко ви

имѣете онью вѣрочную отъ мене, то и не умѣдлѣть послать къ нему, вашему привазчику. Сей вѣручитель перескажеть вамъ, что никогда Закревской не вдирался, почему и недопущать можетъ быть прикажете, а въ томъ какъ вамъ угодно. Я сегодня получила билетъ о вистатченіи трохъ человѣкъ по губерній Новогородской, которого коню къ вамъ посылаю, потому что и Савинки и Тѣлное здесь же приписаны. Пожалуйте, расположите, какъ ви намираете—кого ли примете въ дополніе къ себѣ? Да и мнѣ прошу посовѣтовать, какъ съ приписными поступить, т. е. отъ нихъ я думаю требовать лошадей и убору съ нимъ да повидимому и доплатка слѣдуетъ, но, не знаяъ совершенно ничего какъ должно поступить, прошу не оставить мене въ семье, ико у васъ ужо по сіе время здѣлано вѣрно порядокъ. Болше писать чего не сижу, препоручивъ васъ и проч. Н. И. 1790 г., августа 27, изъ Боровичъ.

104. Ангель мой Н. И. Къ несказаному моему соболѣзнованію получила я отъ тебе, душа моя, писмо, въ коемъ пишешъ, что Иванъ Степановичъ весма слабъ, но какой болѣзни страдаетъ или послѣ болѣзни таковая слабость—того не поясняешьъ. Зачемъ посылаю сего нарощнаго единственно для того, чтобы знать мнѣ о здоровыи Ивана Степановича, а также прошу, ангель мой, немедля сего увѣдоми мене со всякимъ обстоятельствомъ о стараніи, о виздоровленіи болѣющаго. Совѣсть мнѣ запрещаетъ указывать тіемъ, кои не менше моего усердствуютъ, но чистосердечно жалѣя только, прошу увѣдомить со всякимъ обстоятельствомъ, какъ пчѣмъ страдалъ Иванъ Степановичъ и отъ чего таковая слабость. Мнѣ сдѣсь только остаетца за его Господа помолить, на котораго все мое упованіе. Онъ да пошлетъ первобитное здоровье ему и всѣмъ вамъ и должностіе лѣта при покровителствѣ своеемъ височайшемъ, всѣмъ сердцемъ и всею душою вамъ того желаю. Что принадлежить до выбору извѣстникъ людей, то вовсе не такъ приходитъ, какъ ви пишете, почему виписку посылаю съ присланого оповѣстка и выбирать, по моему, съ людей съ души по 25 к. весма много сего будетъ для бѣдныхъ нашихъ людей, а, по моему мнѣнію, приписніе должны положить на вспомоганіе, то есть: лошадѣ, приборъ лошадиной; довольно съ нась и того, что мы людей лишаемось. Совсѣмъ тіемъ послала я ешо и до брата Г. Г., прося совѣта. Зачемъ ви и не беспокойтесь о семье, а толко ешо прошу увѣдомить о здоровыи Ивана Степановича, твоемъ, ангель мой, и Сашенкиномъ. А я глазами страдаю, половину зрачка заслоняетъ, а въ прочемъ здорова, до коего часу Богъ велить. За присилку сапо-

говъ чувствителнѣйше благодарю, они таѣхъ хороши, что желать луч-
шихъ нельзѧ, а тіемъ ешо лучше, что съ вашихъ рукъ. За яблока,
огурци, лимони равно благодарю, но жаль, что яблока побити весма
доволно, развѣ десято дай то не совсѣмъ, а всѣ боки обити, а вид-
но, что чрезвычайно хороши. Болше не распространю и проч. Н. П.
1790 году, сентября 1, изъ Боровичъ.

105. Любезнѣйшіе мои вѣнуки Н. П. и И. С. По требованію
вашему, бабиного сына посылаю, а при томъ прошу его не слушатись,
онъ сказывалъ мнѣ съказатъ, что скучили безъ матери, но я ему
грозила жестоко, чтобы онъ сего не сказывалъ, а сказавъ би, что не
скучили, а ви напишѣте, что онъ будеть говорить. Естли оздравилъ
совершенно Иванъ Степановичъ, то бъ весма нужно расположить о сол-
датахъ по расположенню приписнхъ вамъ къ Савинкамъ и тѣхъ, кому
только надлежить душъ 85, а мнѣ къ моимъ душъ 220 надлежить и по
моему еслиби захотѣли приписніе дать отъ себе лошадѣ и уборъ, тобъ
намъ только однихъ людей дать да и только, ибо предводитель пола-
гаетъ цену человѣку рублей 300, лошадѣ 40, уборъ на 20 р. А при-
писнхъ душъ къ нашимъ отъ Прохора Иванов. 157 ду., отъ Мар.
Мит.—148 душъ; когда жъ таковую цену положить, то виходить на
всякую душу по 94 ко. и 4 четѣ, а такъ за сie души довлѣло бы
имъ вистатчить лошадѣ и уборъ, ибо съ нихъ приписнхъ 287 д.
46 ло., а когда положить на трохъ лошадей по 40 р., то 120 ру-
да на убори по 20 р., на трохъ 60; итакъ переходу не лишне, во
почему списатись надлежитъ съ вими непремѣнно. Я послала вамъ
билета конію, съ коего ви разсмотрѣте порядочно, то и увидите, что
точно виходитъ съ души вѣзть по вищеписаному и что вамъ къ
Савинкамъ только приходитъ, какъ више сего значить. Мнѣ кажетца,
что ешо и дешево положено человѣка въ 300 ру. Подумайте не дов-
лѣть того, что я вѣчно его лишаюсь, но еще и подушное платить,
жену и дѣтей кормить. Что жъ ви написали, что по 25 копеекъ зъ
души вѣзть, то тутъ вовся несколко будетъ, да если намъ ешо изъ
свопхъ братъ и деньги, то и тутъ обѣда бѣдномъ немалая. Какого ви
будете осемь мнѣнія—не оставте увѣдомить. Болше не распространю
и проч. Н. П. 1790 году, сентября 7, изъ Боровичъ.

106. Любезніе мои вѣнуки Н. П. и И. С. Пасмо отъ Гурина
вашего, какое получила, изъ симъ нарощнімъ къ вамъ посылаю, при
которому и всѣ заграбленіе вещи. Я для то сие дѣлаю, что ви тамо
можете поценить (?) какъ одной губерніи, а здесъ отнюдь не хотятъ
въ Городахъ сего дѣлать. Весма би хорошо сдѣлали, еслибы то учи-

нили, что было положили, ибо такъ рублять всѣ, что и способу нѣть обронитись. Мой приказчикъ былъ у мене каруковской, которой сказывалъ, что лѣсничіе мои и онъ боятца въ лѣсъ и за своею надобностію ехать: по меньшай мѣри по пятьсотъ и болше вѣзжаютъ и рублять. Данька вашего я ту же минуту отправила на своихъ лопадахъ въ Чернѣговъ. Вы мене въ такой страхъ привели вашимъ письмомъ въ разсужденіи дѣла вашего въ Новогородки, что я истинно чутъ съ ума не сошла. А болше то мене смущило, что не написали, что то значить—уничтожить ли бракъ или что изъ сего можетъ худо здѣлаться, отъ чего Предвѣтной толко васъ сохрани. Если сами съкоро не можете бить, то по крайней мѣри напишите ко мнѣ со всякимъ обстоятельствомъ, что предслѣдуется для васъ худое. Григорій Григоріевичъ предъ симъ писаль, что онъ и Николаша къ масляницѣ буду(ть) сюда; вамъ би весма хотя на короткое время пріѣхать, чтобы положить мѣри всему. Алексашенка и я слава Богу здорови. За симъ и проч. Н. П. 1791 году, февраля 7, изъ Боровичъ.

107. Государи мои, любезніи внуки Н. П. и И. С. Что вашъ человѣкъ прямо съ Брахлова поехалъ на Городню, то я тому радуюсь; правда, что виновать, но я Богъ знаетъ въ какихъ била мысляхъ и думала уже била сей день посыпать въ Брахловъ, что тамо дѣлаетца и думала, чтобы человѣкъ по дороги где либо не заболѣлъ; однако легче сие слышать, что онъ ужо пріѣхалъ къ вамъ. Что принадлежитъ до вашихъ денегъ, присланнихъ на хлѣбъ, то ви увидите все тое съ прилагаемой отъ вашего писара вѣдомости въ квитанції, которое и посылаю при семъ. Равно и оплетки (?) записку, сколько оной тепрѣ отправлено, а что вамъ по сіе время не прислано отсель, какъ вѣдомости, такъ и обѣ отправки хлѣба и о деньгахъ, то потому что ожидали изъ Брахлова человѣка вишеписаного. Писмо къ матушки вашей при первой оказїи отправлено будетъ. Стелмахъ, пріѣхавши съ Чернѣгова, отехалъ тую жь минуту доканчивать вашихъ кибитокъ, чemu ужо прошла нужда. Ярмонку, что завели ви въ Жукоткахъ, радуюсь, даруй Господи съ оной вамъ получить мильони. Отъ человѣка невозможно, а отъ Бога все возможно, кой да пошлетъ вамъ все по желанію сердца вашего, отъ искренего моего сердца желаю. Вовни посылаю рунъ двадцать, въ коихъ два пуда ровно, но немножай еще. Шляпку такъже посылаю, а перчатокъ вездѣ искали, но не сискали нигдѣ. Основы не давала ешо, яко работа есть у ткачовъ, да и какимъ узоромъ ткать не написала, Настенка, ти, и понеже оне не поспіеютъ въ бѣль, то кажется и спѣшить нѣчево,

а лучше какъ пріедешь, то сама скажешь, какъ угодно будетъ виткатъ. Поедете лъ и когда ви на свадбу Николая Ми., не оставте увѣдомить, да еще спросйтесь Николая Михайловича, онъ мнѣ сказывалъ, что отецъ вашъ не хотить васъ видѣть, а онъ о семъ счишилъ отъ Григорія П. Самы ви о семъ обстоительно поговорѣте и пріймѣте мѣри, но все мнѣ кажетца лучше поехать и старатись, нежели опасатись и не ехать; при томъ же, ежели Андрей Степановичъ за сее озметца, дакъ то мнѣ кажетца, что едуши до свадби сіе дѣлать, а не изъ свадби заехать, тутъ ужо кажетца не будетъ почтително. Просѣте Андрея Степановича, чтобы онъ доказалъ, какъ обѣщалъ вамъ. Бесма би хорошо, когда бъ хоть на малеякое время съ Чернѣгово заехали сюда, чего и ожидать буду, пребываю во всю мою жизнь и проч. Н. П. 1792 году, мая 12, изъ Боровичъ.

Лящовъ посылаю валихъ 5, а печонихъ нѣть. Когда и болше надобно, то пишѣте, да съ таковыхъ еще 5.

108. Государи мои любезніе внуки, Н. П. и И. С. Сей вручитель привезъ отъ матушки вашей Сашечки кроватку, которая весма хороша и за которую она чувствителнѣйше благодарить и цалуетъ обѣихъ васъ ваши ручки. Благодареніе Бога, обое ваши дѣточки дужи и здорови, и обое вамъ нижайшой поклонъ и почтеніе свѣдителствуютъ, а между тіемъ и просятъ, съ которими и я врошу, если что не мѣшаетъ, въ намъ пожаловать пріехать; буди же зачѣмъ невозможно, то хотя часто пропу писать о вашемъ для мене драгоцѣнномъ здоровыи, которое да сохранитъ предвѣтной на должностія лѣта, отъ искренего моего сердца желаю. Что у васъ тамо происходитъ въ расужденіи вашего къ отцу віезда увѣдомить прошу. Въчерась у меня Габрилловици¹⁾ были, привозили кирпичъ на подмурокъ церкви, которое сказывали, что козаки зайду Габрилловецкую не ту, что близъ села, а другую, которая съ полемъ каруковскимъ граничитъ, совсѣмъ вывѣстошили, лики и лубя подрали и что человѣка по двѣстѣ вѣзжаютъ, но прикажчикъ ни слова не пишетъ о семъ, почему я той же часъ отиравила Якова Онищенка и писала, чтобы и вашъ савинской и мой каруковской приказчикъ и Яковъ старались всячески не допускать и грабить сколько возможно, а Горлянскій сейчасъ прислалъ бы отвѣтъ—почему онъ ни о чёмъ не упоминаетъ, о таковой шкодѣ. Больше писать чего не сiskую и проч. Н. П. 1792 году, мая 29. изъ Боровичъ.

¹⁾ Д. Габрилловка въ сосновецкомъ уѣздѣ.

109. Государи мои, любезніе внуки Н. П. и И. С. Писмо отъ васъ я получила чрезъ романовскаго человѣка, въ которомъ яко не пояснили о Настенкиномъ здоровыи, въ несказаномъ соболѣзнованіи сего нарочно посылаю, прошу со всякимъ обстоятельствомъ не оставить написать, чтò съ нею дѣлаетца. О дай, Всевилущой, получить мнѣ радосніе вѣсти, отъ искренего моего сердца обѣйтъ вамъ здоровья и всякаго благосчастія желаю. Я и дѣточки ваши, благодареніе Всевищнаго, дужи и здорови и зъ самого вашего отезда, чрезъ часъ мѣста, сестра Целагея С. съ дочерью Варварою и унучкомъ пріехали. За ею Александръ на третой день изъ супругою и сынами обѣими; и по сей день гости мене прямо ужо безъпокоятъ, хотя и свои, ни мицуты нѣтъ, чтобъ все разъехалось. Какіе у насъ разговоры были съ Александромъ—описывать весма много, а скажу толко, что онъ 2 часа на колѣнахъ предъ братомъ Г. Г. стоялъ, самъ рассказывалъ и братъ тоже пишеть, а за пріездомъ ко мнѣ, что блевалъ, уподобить ничему не могу, яко и повѣрию мене дѣлавъ, въ чмъ и ему грубо отказалася. Таперъ же пишеть братъ ко мнѣ и его писмо присыпаетъ, въ которомъ благодаритъ за прощеніе, а между темъ пишеть, чтобъ братъ въ семъ іюлѣ на урадѣ ствердилъ, чмъ онъ помалуетъ. Я би вамъ писмо прислала его, но нарочной едетъ сей же день, а писмо Лисенково обратно велено прислать, кое и послано сей же часъ. Сестра раскаиваетца и сказываетъ, что по мужнему приказанию здѣлала; что будетъ, не знаю даліе. За присилку лампади премного благодару и денги за оную 9 рублей посылаю, а пять другіе рублей посылаю, покорно прошу приказать хорошой оліви купить и чрезъ сего прислать. Никола Ми. и Полинѣ еще не было и извѣстія никакого не имѣю, даруй Господи, чтобъ только здорови били обое. Болше бъ писала, да право не имѣю времени. Поручаю наконецъ обѣихъ васъ и проч. Н. П. 1792 году, июля 1, изъ Боровичъ.

110. Государи мои любезніе внуки Н. П. и И. С., что я такъ долго не писала къ вамъ и нарочного сво(его) не посила(ла) сими днями, то сіе здѣлалось отъ пресилнихъ беспокойствъ, а вотъ они: 19 числа сего мѣсяца, въ 12 часу, старіе Боровичи со всемъ вигорѣли, такъ что мои осталось только три двора, да козачихъ четыри, а згорѣло моихъ 47 и шинокъ 48-й; и такъ згорело все, что ничемъничево и не вихватили, яко вѣсѣ люде били въ полѣ и кромѣ дѣтей никово не осталось, которое то и запалили. Я и сама ездила туда, но способу нѣтъ въ чмъ либо помочь, за великимъ жаромъ, да покудово я собралась поехать, яко на ту пору былъ у мене Прохоръ

Ивановичъ, то и совсемъ вигорѣло до основанія, такъ что ни одной улицѣ, ни огорода, а о садахъ и хатахъ нѣчево ужо и говорить; и сѣ тихъ то юръ ни минуты покою не имѣю, безпрестано приходять люде съ плачемъ то за хлѣбомъ, то за одѣяніемъ, за хатами, словомъ однимъ сказать—сердце болить, да что дѣлать и помогти трудно и нѣчимъ—доволно, что изъ скотомъ не знаю,—что дѣлать, кой пришедши съ череди и несискавъ въсякъ своего мѣста, бѣжать и сами не знаютъ куда, и люде бѣдніе одво только теперъ—въсякъ свое гонить скотину и не знаютъ куда загонить. Я приказала займи рубить и городитись поскорѣе, а тутъ самое рабочое время, но ни свого не могутъ бѣдніе снимать съ поля за печалю, а о моемъ ужо и думать нѣчего. Вотъ мое таперешное состояніе! Посудѣте, какъ хотите. Хлѣбъ же такой у мене на бору—изъжали совсѣмъ, где сѣли 25 четвертей, а нажали только сто копъ съ чѣмъ то маленькимъ и такъ ліогокъ, что и робіонекъ споповъ 4 понесеть. Завозу ни малѣйшее нѣть ничево, но все сіе для мене не такъ чувствително, какъ пожаръ. Что принадлежить до здоровья моего, то хотя не совсѣмъ, но движуся жъ какънибудь, а дѣточка ваши, благодареніе Богу, здоровенки и дужи, Сашечка и Петрушенка благодаряты васъ за гостинчикъ и цалуютъ ручки ваши, какъ милостивихъ своихъ родителей. Петрушенка на зубочки немножечко было проносомъ заболѣлъ, однакъ теперъ, благодареніе Бога, лучше стало и зубочки показались Софія Василіевна еще и сама не знаетъ, когда поедеть. Григорія Григоріевича ожидаетъ въ суботу. А отсель еще поедеть въ Тупичевъ и во всю тамошнюю околицу до своихъ. Іріедь, ангель мой Настасія Петровна, я знаю, что Ивану Степановичу отлучитись нелзя и если бъ передъ заговѣнами, тобъ лучше было пріехала. Здѣсь можетъ быть и Софію Василіевну бы застала, ибо кажетца, что ей до заговѣнъ успѣть нелзя віехать буде. Бублики изъ вашимъ нарочнимъ пришло, которое только что учинили таперь поугру, ибо очень ужо поздо пріехалъ. А госпожа Бренцевичева едетъ по своей надобности къ вамъ, то и сіе пишу, а чрезъ вашего буду я и Софія Василіевна писать же, а таперь изволить рыбку удить, которой я и не мѣшала. За симъ поручаю васъ и проч. Н. П. 1792 году, июля 22. Изъ Боровичъ.

111. Государи мои любезніе внуки Н. П. и І. С. Понеже я сей же день писала къ вамъ чрезъ панѣ Бренцевичеву, то и нѣчево болше писать, кромѣ то, что пропути васъ не оставлять при оказъяхъ писать о вашемъ для мене драгоцѣнномъ здоровью, которое да сохранитъ предвѣчной на доляшіе лѣта отъ искренѣйшаго моего сердца

желаю. Бубликовъ посылаю, желаю здоровенкимъ кушать, засимъ препоручаю васъ и проч. Н. П. 1792 году, іюля 23. Изъ Боровичъ.

R. S. Что принадлежитъ до Николая Михайловича въ разсуждениі приказа обѣщаного, вамъ извѣстного, чтобы далъ, то суннусь, ибо предоставте себѣ, когда отехалъ онъ отсель, то моихъ лошадей въсѣхъ и Уланкину възялъ подъ свои повозки и еще три подводи мужичіе, чему другая неделя пошла отъ прошедшаго воскресенія; не присыпаетъ и по сіе время и что они тамо дѣлаютъ я ужо не понимаю, а бралъ съ тіемъ, чтобы той же часъ и прислать. Одна подвода пріѣхала, которой повозчикъ съказывалъ мнѣ, что нудимось, да нѣчево дѣлать, какъ только увидимъ де господина и станемъ просить, чтобы отправили, то только и скажеть: вотъ тотъ часъ отправлю, но забавтесь маленко! И когда де я ужо съ терпѣнія вышолъ, что въсякой день сімъ отбувається, то пришедши сказалъ, дозволте ехать, здесь еще остаются два человѣка, то онъ толко и съказалъ: хорошо, поежай, а тѣ пусты останутца... А до коихъ поръ и на что онѣ— Богу ужо свѣдущу. Посему судѣте, можно ли, чтобы онъ вздумалъ на приказъ, когда ви еще не приказали къ нему явитися приказчику вашему. А мнѣ съ клятвою съказаль, что тотчасъ пошли приказъ, да и не пустили довжичане. Пишеть же ко мнѣ чрезъ моего человѣка, которого особо я посыпало до Григорія Г., что они въ следующую пятницу выезжаютъ въ Полтаву, а о лошадехъ моихъ и подводахъ ни слова не упоминаетъ. Вотъ съ такимъ то хозяиномъ какъ хотите думайте, поправлай только Господи ужо. Анна Артемовна и Ульяна Семеновна благодарятъ васъ за неоставленіе, а при томъ и низохенко вамъ кланяютца.

112. Государи мои любезвіе внуки Н. П. и И. С. Каково писмо я получила отъ Катенкиной тіотки, посыпаю для вашего знанія къ вамъ, равно и какого ви будете въ немъ содерянія, не оставте мене увѣдомить, даби знать, что отвѣчать къ ней мнѣ. Мое мнѣніе не терять лѣтъ и времени бѣдной сиротѣ, когда при томъ открываетца ей отъ тіотъ(ки) щастіе, какъ ви и сами о томъ совершенно извѣстни о томъ, что тіотка неубога и небездѣтна, то не смотря на отца, которой, оженясь, не мислить дѣтимъ никакого добра, а когда Катенка утеряетъ свою тіотку и благодѣтельницу, то вѣчно на васъ можетъ плакатись. Я знаю и ваши резони не неправедніе въ разсужденіи вашего обѣщанія отцу, но ви и въ полъ того добра не можете сдѣлать, что она отъ тіотки получить можетъ. Вотъ мои мисли, какъ вамъ покажутца, ви сіе писмо тіоткино и я ешо къ вамъ напишу за

вашимъ совѣтомъ, такъ что я не дожидаючись вашего отвѣта, какъ такая пишеть ко мнѣ съ прозбою, отправила Катенку къ тіотки, а ви можете отца о семъ увѣдомить, сообщивъ то и другое писмо къ нему. Танеръ ей ничево ненадобно, какъ покрайности рубликовъ 50 для доставки въ Москву, да когда есть какое лишное въ Настась Петровни плате пару одну. А ехать ей танеръ весма къстатѣ въ Москву, когда Ефросинія Гарасимовна едетъ туда жъ, въ Москву, а тамо Катенки тіотка родная и тамо какъ себѣ хотятъ ужо. Они хотять вїездить посля Крещенія заразъ. Если ви на сіе согласни, то пожалуйте напишите обстятелно, какъ бить сему, ибо мнѣ надобно до тіотки писать что нибудь. Если получили отъ Софії Василіевни писмо, прошу чрезъ сего прислать. Отъ Григорія Григоріевича извѣстія никакого нѣтъ еще и по сіе время. Вѣстей никакихъ нѣтъ, чѣмъ би васъ увѣдомить, а толко скажу то, что Сашенка и я, слава Богу, здорови и дужи. Не оставте увѣдомить о своемъ здоровыи и проч. Н. П. 1792 году, декабря 3. Изъ Боровичъ. Карандашовъ пришлѣте для Сашенки, начала учитись.

При семъ и я вамъ, драгоцѣнѣйшие мои родители, нижайше кланяюсь и цѣлую ваши руки и ножки. Простѣте, залѣнилась, ваша всепокорнѣйша слуга Александра Л.

113. Государи мои, любезніе внуки Н. П. и И. С. Какъ сей вашъ нарочной посылаемой едетъ къ вамъ съ благопріятнимъ вѣстю, то есть, что куплено вамъ хлѣба четвертей 290, въсякай четверть по 2 р. 40 14-ти пудовой, то и васъ симъ поздравлю, дай только, Господи, чтобъ еще и горелка хороши родила съ оного, да къ тому ешо, какъ я и сама знаю, что Биковъ весма недалеко отъ Нѣжина, теперь вотъ только и старались отискать оной безъ замедленія, что все и возможно въ разсужденіи томъ, что завремено искущленъ. Вѣстей у насъ никакихъ нѣтъ, чѣмъ би васъ увѣдомить, а толко скажу то, что Сашенка и я слава Богу здорови. Болше писать чего не сижу и проч. Н. П. 1792 году, декабря 5, изъ Боровичъ.

114. Любезніе мои внуки Н. П. и И. С. За присилку шокутики, кои вся въ цѣлости получена, покорно и премного обѣимиъ вамъ благодарю. Писмо отъ Софії Василіевни въ вашемъ ковертѣ я получила, а что не писала въ полученіи и не благодарила васъ за доставку, какъ къ ней, такъ и до мене, прошу извинить, свѣдитель Богъ, что столько имѣла беспокойства, что и описать вамъ не могу; нѣтъ сего судѣте: что вомисто писма отъ тіотки Катерини Ивановны ваше обратно послала, да и ви пишете, что обратно ваше писмо посылае-

те, но видно и ви въ таковицъ же обстоятельствахъ, яко не сискала я больше никакого, какъ танерешное писмо отъ тіотки Катенкиной, танеръ посылаю, по которому, что заблагоразсудѣте, не оставте увѣдомить. Она, послившши, что ви пишете, причини въсѣ я ей переказала, неутѣшно плачетца. Я на писмо тіоткино, что пишу къ ней для знанія вашего посылаю терміну, на которое иначе отвѣту получить нельзя, какъ недель семъ или болѣе, какъ то отецъ Романъ пересказываетъ. Что касаетца, что ей съ кѣмъ ехать, то отецъ Романъ на себе сіе береть, онъ и самъ съ нею едетъ до Москви. Разсуждайте на все и не терайтъ лѣтъ сиротѣ, даби не могла плакатись на васъ вѣчно. По моему мнѣнію къ отцу можете сіе писмо послать, или отвѣта пождать на мое писмо въ тіотки, что и будетъ развѣ по веснѣ. А танеръ то ей и отцу Роману хотетца, чтобы вмѣстѣ изъ сестрою ехать и ему и Катенки, которая послѣ крещенія едетъ въ Москву, а отоль никакой нужди нѣть, чѣмъ и съ кемъ ей ехать, вамъ въ томъ нѣть нужди, такъ то мнѣ кажетца, а виротчерь вамъ лучше знать. За присилку двохъ зайчовъ премного вамъ обѣимъ, монимъ государямъ, благодарю, что вашей собственой обѣихъ охоти, то ешо тiemъ оніе тисачу разъ пріятнѣйшими будуть. Алексашенка, слава Богу, дужа и здорова и получивъ отъ васъ карандаши, благодарить безпримѣрно и начувствителнѣйше и цалуя ваши ручки и ножки по сту разъ въ мислахъ. Календарь на новой годъ слѣдующой полу值得一ть, премного вамъ благодарю за присилку онаго. Болше писать чего не сискую, и проч. Н. П. 1792 году, декабря 18, изъ Боровичъ.

115. Государи мои, любезніе внуки Н. П. и И. С. 24-го числа получила я писмо о позволеніи Катенки ехать въ извѣстную дорогу, она столько обрадовалась, что и виздоровила. Вы весма хорошо сдѣлаете, что дозволили ей сіе. Лишне давать нѣчево, а по возможности; мнѣ кажетца, что болѣе 50 рублей ненада, а я обѣщалась 30 дать, да съ платя тоже нелишное. Они скоро хотять ехать и для того и не укоснѣте присилкою, что будетъ ваша милость. Что братецъ Григорій Григоревичъ здесь, то увидите на семъ же листу.... Дай Господи, чтобы на семъ остановилось. Писать болѣе чего не сискую. Поздравивъ васъ, мои драгоцѣніи, симъ празникомъ, желаю отъ искренѣйшаго моего сердца провождать радостно и благополучно и слѣдующихъ дождать, по крайной мѣри отъ сего времени вѣсакому изъ васъ—по сто таковыхъ радосныхъ празниковъ. Съ коимъ моимъ желаніемъ по гробъ мой буду вашею вѣрною и всехъ добръ желательнѣйшую бабкою Н. П. 1792 году, декабря 26, изъ Боровичъ.

Радуясь нечаянной оказіи, что и увѣдомить о себѣ васъ могу. Пріехавши въ Черниговъ 22 декабря, выехалъ оттоль на праздникъ 24, а сюда 25-го прибылъ. И поздравивъ съ праздникомъ обоихъ васъ, государей моихъ, желаю засимъ новый годъ продолжать во всѣхъ благоющащливыхъ поведеніяхъ и здравими со всѣми вашими домашними. Тутъ же и благодаримъ васъ, государя моего, Ивана Степановича за здѣланіе трубъ, о коихъ слышу, что очень хороши и изъ коихъ съ начала донынѣ горѣлка самая лучшая пробная выходитъ отъ 10 пуд. муки—50 в. и 2 квар., а видѣть не довелось. Въ Смачи рѣка общая (sic) Сновъ не пустила переехать. Дорогу я имѣлъ пре-безпокойнѣйшую, съ 15 числа выѣхавши изъ Золотоношки, съ крайнимъ поспѣшеніемъ, насили въ 6 дней до вашего нового трактира доѣхалъ, гдѣ лошади и повозки два дни еще простояли, пока перевезлись. Въ скотопитательныхъ тамошнихъ мѣстахъ, видѣли мы сѣѣгъ въ Николинъ день, да на завтраѣ, а потомъ дожди и туманы такъ дорогу раз(г)разили, что я не ехалъ да плылъ. Нового вамъ сооб-щить нѣчего, а развѣ, что я Настасія Петровны дядюшку видѣлъ отчасти нездорового съ завязаннымъ глазомъ. Таможни здѣсь по по прежнему, сказуютъ, учреждены будутъ, такъ съ Петербурга пишутъ. Князь Алексѣй Степановичъ Мещерскій, сенаторъ, проѣхалъ къ графу въ Ташань 24 числа, черезъ Черниговъ, а я у него былъ. Михайла Никитича (Кречетникова?) ожидаютъ въ Киевѣ, чрезъ Тулу дорогу свою отправляющаго. Каховскаго изъ Варшавы отозвано въ столицу, а на мѣсто его отправленъ генералъ Игельстромъ. Все тутъ, да и бумаги болше не остало. Прощайте! Дай Богъ васъ здоровыхъ видѣть. Вашъ покорный слуга Г. Фридрикевичъ.

116. Государи мои, любезніе внуки Н. П. и И. С. Чрезъ вашего сего нарочного, получила я писмо и при немъ присилку пуда митой вовни. По первому радуюсь, что слышу о вашемъ для мене драгоцѣнномъ здоровью, а по фторомъ, благодарю премного за вовну и труды Настасія Петровни, но почему не написали цени,—пожалуйте дайте знать; я знаю, что не дешева оная, а ви люде ново(го) хазайства, на все сіе имѣть должноуваженіе, прошу безъ церемонїи дать знать, я съ превеликою охотою деньги пришло. Здесь въ ярмонки била вовна по 60 копеекъ руно немитой и я не купила, зная сколько дорого прийдетъ и немитое руно, когда зважила, то только по 3 фунта было. Ещо васъ беспокоитъ осмиливаюсь, покорно прошу, колъ у васъ тамо близко, приказать здѣлать мнѣ три кварти одинацятковіе и три четвертки по квартамъ тіемъ же, и что за оніе

подлежати меть денегъ вмѣстѣ съ вовною написать, да не замедли овіе кварти и чвертки и прислать прошу. О Лисенку и писать иѣчево, когда читали мое писмо, то и довольно ужо, а только скажу то, что брата и сватью посадилъ подъ караулъ въ уездѣ, и дѣти одни одиннадцати остались безъ и малѣйшаго кого либо призрѣнія. Въ доми же Войцековичей все судъ попечаталъ, такъ сказываютъ, но я не знаю совершенно. Я спускивалась Настасью Дмит., которой совѣтовала побѣхать къ унукамъ, но и та отказалась по слабости здоровья. Вѣстей здѣсь никакихъ нѣтъ, а только скажу, что дожчи безпрестаніе и бури тажкіе. Дѣточки ваши и я съ ними, благодареніе Бога, здорови и дужи, пріезда Настасія Петровны ожидать буду и проч. 1793 году, іюня 21, въ Боровичъ. Алексаничка за башмачки чувствително благодаритъ и цѣлуетъ ручки ваши, а съ нею и Ульяна Семеновна низіохенко кланяется и цалуетъ ваши ручки.

117. Государи мои, драгоцѣнѣйшие вѣнуки Н. П. и И. С. Какъ сей вручитель едетъ по своей нуждѣ въ вамъ, то не пропущая сей оказїи, увѣдомить васъ не пропущаю, что дѣточки ваши, благодареніе Господа, дужи и здорови и Николашенка буки-авъ-ба учить. Просить наипрілѣжнѣйше, чтобы шляпу ему прислали, и ему пошила суртучокъ и какъ надѣлъ, то говорить: бабушка! у мене шляпи нѣть, напишьте, чтобы папинка прислаль, у Брахловъ есть моя шляпа.—По сію пору сплатъ обое, а то би онъ много насказалъ, а теперь вѣсѣ трое вамъ нижайшее почтеніе свидѣтельствуютъ и цалуютъ ваши ручки и ножки, какъ милостивыхъ своихъ родителей. Я, благодареніе Богу, свободилась отъ кашлю совсѣмъ, не принимая болѣе ничево, какъ одну магнезию, а присланой травки и не починала; Ульяна Степановна пила, но помочи никакой нѣть, да посыпала Григоріевичу Василию Ждановичу, но оная ничево не помогла, онъ ужо приказалъ вамъ долго жить, а самъ отидеть ко Господу сего мар. 27. За присилку осятринн временного вамъ благодарю, риби здѣсь отнюдь нѣть, таiperъ и людъ ешо держитца и по сіе время. Григорій Петровичъ пишетъ, иросячи неможно ли ему клевѣра (sic) Настасія Петровны для Сонечки прислать, пожалуйте если возможно, не откажитесь. За присилку домашнаго канѣфасу чувствително благодарю. Вѣстей никакихъ нѣть и тіемъ кончу, поручивъ васъ и проч. Н. П. 1796 году, мар. 29, Боровичи.

118. Душа моя, ангелъ, Н. П. Первоначально скажу вамъ то, что дѣточки ваши, а съ ними и я, благодаримъ Господа, лужи и здорови, дай Господи и о васъ тоже слишить, а ешо бы лучше, если бъ

васъ обѣихъ, моихъ ангеловъ, здоровихъ видѣть, сего то нетерпеливо желаю, да думаю, что ужо ви въ своемъ хазайствѣ и упорались довольно, кажетца, можно проездитца, съ чемъ прошу и не оставить. Мадамъ пріехала вчера, но она по своимъ лѣтамъ, далѣй ехать не желаетъ, которой, по ея показанію, 68-мъ лѣтъ; сказуетъ, что естли до дѣтей, то она съ охотою превеликою, до чего то она съ младыхъ лѣтъ привила, а до хозяйства несродна, а только учить чонъмъціи, пополски, шить на дѣтей и смотрѣть за ними; а имѣеть dochъ 18 лѣтъ, которая въ иѣмца и которой годъ о Петрѣ кончитца, та—такъ велика хазайка, что какъ можно за всѣмъ въ домѣ того смотрить, не довольно ключи въ ея всѣ, но и за панциною, дойвомъ, огородомъ, прядивомъ, всесмъ отъ мала до велика, всего смотрить и велику охоту къ тому имѣеть. Да кажетца при тебѣ, душа моя, сказывалъ Корицкой о ея дочери, что она всего смотрить и порядочно. Весьма би хорошо, когда нелзя обѣимъ, хотя би ти сама пріехала, то би поговорить съ нею обо всемъ, какъ тебѣ угодно, то то и здѣлаешь. Батюшка твой давно ужо отехаль обратно, но точного извѣстія нѣть, а сказывала Лукяна кучера жена, которая на прошедшой неделѣ здѣсь била. А Ульяна Семеновна, какъ поѣхала еще предъ Николаевимъ днемъ, то ни ея, ни извѣстія никакого нѣть, а толькоже Лукяніка сказывала, что у Николая Михайловича оставалась. Вотъ и всѣ вѣсти вамъ здешніе. За симъ поручаю васъ обѣихъ, моихъ ангеловъ, и проч. Н. П. мая 19, 1796 году. Изъ Боровичъ.

Швачка скоро дошыють ризъ Богороди(цы), сътарайтесь дисейномъ (рисункомъ) и золотомъ, яко будетъ гулять. Г. Корицкой пріслалъ мнѣ турецкого гороху, я двѣ мѣрки посеяла у себе, а вѣмъ мѣрку посылаю, сія мадамъ сказывала, что чрезвичайно хороши вѣшаны и что весьма родитъ сей горохъ у того господина, где она била.

119. Ульяна Семеновна сію минуту пріехала съ писмою симъ, что тутъ написано, что она то перескажеть, то я, услыша отъ ея, поясняю, а вотъ то: батюшка вашъ, будучи въ Чернѣговѣ сказалъ Александрѣ Павловнѣ при Якову Кириличу, первое, спросиль Алекс. П.—ну: видаетесь ли ви зъ дочерью мою Нас—ю?—Она тутъ съказала, что весьма часто. Да гдѣ ви такъ часто видитесь?— она сказала: въ Жукоткахъ. Тутъ онъ сказалъ: съкажѣте ей мое прощеніе и благословеніе, Господь еи да благословитъ, а я прощаю и благословляю ея и дѣточокъ ея, да съкажѣте ей, съкажѣте... И тутъ то, сказывала Алекс. П., горко стала плакать. Изъ сею вестю въчера Н. Богдановна,

пріехавши, прежде Уляни Семеновни, съказала мнѣ, что сіе Яковъ Кириличъ говорилъ ей и совѣтовалъ, чтобы вы сейчасъ поехали къ батюшкѣ, ибо онъ нарочито сіе сказалъ при Якову Кириличу, чтобы было извѣстно; при томъ же съказывають, что весма слабъ Петръ С. Бога ради, посовѣтуйтесь сами изъ собою и не оставте сего случая въ ползу вашу, а иначо, чтобы не могли сожалѣть, да и всѣ ваши друзья совѣтуютъ вамъ сіе здѣльать. Пріеждайте безъ укошнія, пожалуйте обое, мои ангели. (1796 г., въ маѣ).

120. Драгоцѣнѣйшіе мои внуки Н. П. и И. С. Я пріехавши суда, застала брата въсе въ одномъ положеніи, а сама, благодарю Бога, здоровы, прошу и о вашемъ и любезныхъ дѣточкахъ вашихъ здоровыи не оставитьувѣдомить. Где я буду празновать еще совершенно знать не могу, обстоятельствъ весма много разнихъ, а положителногоничевонѣтъ, а со временемъ писать къ вамъ буду. Что получите о горелки не оставтеувѣдомить. Новостей много, но то самое больше въсего важнѣе, что точно будетъ только двѣ колегіи въ Чернѣговѣ и Кіевѣ и таперь господа присутствующіе въ превеликихъ клонотахъ. О траурѣ указъ посылаю. Адѣ, недосугъ крайне. Прошу прислать обратно, яко здесь нѣтъ. Графъ, нашъ общій благодѣтель, Петръ Александровичъ восмого декабря съкончался и сказывають, что просилъ, чтобы погребенъ биль въ Рихлахъ, а где погребутъ еще неизвѣстно. Константинъ Павловичъ здесь будетъ великомъ гетманомъ, а при немъ Гудовичъ—регентомъ. Всѣ невестки императорскіе—дѣлами обовязаны, императрица въ смолномъ манастирѣ—директоръ, большая—сама смотритъ и располагаетъ милостиню, меньшая—надъ сиротскимъ домомъ. Вотъ смотрѣте какъ хорошо, что никто въ празности не будетъ! (Декабрь, 1796 г.).

121. Государи мои, драгоцѣнѣйшіе вънуки Н. П. и И. С. Предверіемъ нового года васъ, моихъ ангеловъ, проздравляю, желаю отъ искренѣйшаго моего сердца онаго провождать въ радости, помислномъ благоощастій, ненарушимомъ здравіи, со всѣми вашими любезными дѣточками и со всею вашею почтеною фамиліею до самихъ глубочайшихъ дѣтъ. Новостей никакихъ нѣтъ, а хотя и много получено указовъ, но не смытъ никто смотрѣть, яко на имя нового къ намъ губернатора Везмитина, которого съ дня на день ожидаютъ. Каково у васъ слухъ о губернскихъ членахъ; ~~и~~ у насть ~~непрестанно~~ становять, что мѣсть лишаютса и при немъ ~~и~~ ^врѣнтина. Всѣ и все тутъ, а у насть все ~~одно~~ ^{одно} и ни малвишай поправи нѣтъ. Симъ причу и пиш. Н. П. 1796 году, декабря 20. И. С. ~~Причукъ~~

О Т Ъ РЕДАКЦИИ.

Въ „Кievской Старинѣ“ печатаются: самостоятельные изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристиекъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтоекъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служить проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки легенды, пѣсни и проч.

Бібліографическая свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаются критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждѣй, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ.

СЕНТЯБРЬ

1896 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайлівск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою Кіевъ 18 сентября 1896 года,

СЕРБЫ ВЪ ГЕТМАНЩИНѦ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ¹⁾.

XVII.

Прошло лѣто, прошла и осень 1756 года, а дѣло „о разбоѣ дому козака Михайла Мармуты“ покоилось въ глубинѣ канцелярскихъ ящиковъ, потому что Хорватъ не присыпалъ Ивана Требинскаго въ Глуховъ, а генеральная войсковая канцелярія и генеральный судъ не настаивали на присылкѣ гусарина. Тогда Михайло Мармута, по совѣту Рубана, предпринялъ рѣшительный шагъ: онъ послалъ жалобу гетману и „просилъ онъ, нижайшій, дабы тое дѣло его повелѣно было разсмотрѣть и рѣшить“. Жалоба писалась у Рубана—въ Ирклѣевѣ. Возвратившись домой, Мармута сообщилъ женѣ, что онъ послалъ гетману жалобливое доношеніе.

— „Щось воно зъ того та буде, кому-сь галушка стаце поперекъ горла!“ сказалъ Мармута.

Мармутова галушка попала прежде всего въ горло самихъ генеральныхъ судей.

Гетманъ Разумовскій былъ уже недоволенъ на судей—Мировича, Бальневича и Діаковскаго: получивъ множество жалобъ на этихъ господъ и убѣдившись въ справедливости жалобъ, онъ уже подумывалъ о смѣнѣ судей; ему уже падобла эта постоянная возня съ докучливыми козацкими чelобитными, а

¹⁾ См. „Киевск. Стар.“ 1896 г., № 7 и 8.

тутъ выплыла просьба еще одного козака—Михайла Мармуты. Въ прошениі Мармуты излагалось такое вопіюще дѣло, что гетманъ Разумовскій немедленно предписалъ генеральной канцеляріи, дабы составъ генерального суда былъ измѣненъ и назначены были судьями люди надежные, которые рѣшили бы дѣло безъ замедленія, лицепріятія и какъ слѣдуетъ—по правамъ малороссійскимъ.

Согласно этому предписанію, генеральными судьями назначены были: генеральный бунчучный Оболонскій, Петръ Горленко и Илія Журманъ—бунчуковые товарищи. Новые судьи принялись за разборъ запущенныхъ и неправильно рѣшенныхъ тяжбъ и прежде всего хватились за дѣло Мармуты, какъ наиболѣе громкое и вопіющее; къ тому-же, Оболонскій былъ заклятый врагъ Данила Требинскаго—и теперь представлялся случай упечь сего Данила.

Начали съ того, что написали генераль-маюру Хорвату довольно грозное посланіе: „по предписанію гетмана графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго имъ велѣно рѣшить неотложно дѣло о разбои дому козака Михайла Мармуты; а какъ по оному дѣлу оговоренъ капралъ Новой Сербіи гусаринъ Иванъ Требинскій, то генераль-маюръ имѣеть немедленно прислатъ упомянутаго Требинскаго въ генеральный судъ для допроса; о таковой присылкѣ уже многажды писано было, и ежели на сей разъ не послѣдуетъ удовлетворенія генеральному суду, то оный доложитъ гетману, что онъ, генераль-маюръ, такъ долго задерживаетъ Ивана Требинскаго“.

Затѣмъ, въ ожиданіи Ивана Требинскаго, занялись разсмотрѣніемъ дѣла „объ арестованіи его имѣнія“. Здѣсь все было ясно, какъ божій день. Лубенская комиссія нашла хуторъ Ивана Требинскаго впустѣ,—тамъ не оказалось ничего того, что Булябашъ занесъ въ опись и передалъ Боровку да Москаленку; имѣлись свидѣтельскія показанія и о томъ, какъ Боровко и Москаленко были побиты, обруганы и выгнаны изъ Иржавскаго хутора.

Николаю Требинскому генеральный судъ не могъ опредѣлить наказанія, ибо онъ не состоялъ въ его вѣдѣніи. Данилу-же

предстояло, по мнѣнію суда, выполнить то, что значилось „в правѣ малороссійскомъ, въ книгѣ роздѣлѣ 13, артикулѣ 4, пунктѣ 30“; а здѣсь значилось такое: „за причиненой отъ кого-либо гвалтъ (грабежъ) следуетъ заплатить триста рублѣй денегъ, а имущество забранное удвое возвратить“. Своевременно уведомили Данила о томъ, что дѣется въ генеральномъ судѣ, и совѣтовали помириться съ Мармутой. Но Данило и слышать не хотѣлъ о мировой; онъ добылъ крюкотвора, и этотъ началь строчить доношеніе объ отводѣ генерального судьи Оболонскаго отъ разсмотрѣнія жалобъ Мармуты, Боровка и Москаленка; но въ эту пору случилось обстоятельство, которое поворотило намѣренія Данила въ другую сторону.

XVIII.

Во дворъ Данила Требинскаго явился верховецъ и вручилъ ему письмо отъ Хорвата. Хорватъ писалъ, „что генеральный судъ настоятельно требуетъ всенепремѣнной присылки вице-канпраля Ивана Требинскаго; сей вице-канпраль обличается въ такихъ продерзостныхъ дѣлахъ, которыя, если доказаны будутъ, то опозоренъ будетъ гусарскій полкъ и самъ онъ, командиръ полка: ибо правительство призвало ихъ, Сербовъ, и поселило у себя для искорененія разбойниковъ и грабителей, чтобы они въ семъ отношеніи подавали добрый примѣръ козакамъ и запорожцамъ; что же правительство подумаетъ, когда и въ Сербскомъ полку оказываются воры, грабители и разбойники?“ И совѣтовалъ Хорватъ, чтобы Данило помирился съ Мармутой и его товарищами—потушить бы это гадкое дѣло; а если онъ, Данило, яко родной братъ, не приложитъ попеченія о своемъ братѣ и не потушитъ объявленныхъ за нимъ злодѣяній, то онъ Хорватъ вынужденъ будетъ по вышеобъявленнымъ причинамъ поступить такъ, чтобы вице-канпраль Иванъ Требинскій былъ подвергнутъ смертной казни. Такое письмо навело ужасъ на Данила: онъ зналъ, что Хорватъ крайне упоренъ въ своихъ намѣреніяхъ и даже за маловажные проступки, вѣдомые только ему, наказываетъ крайне жестоко, безпощадно.

Данило отвѣтилъ Хорвату, что приложитъ всевозможныя старанія для мировой сдѣлки съ Мармутой.

Немедленно къ Михайлу Семеновичу Мармутѣ былъ отправленъ повѣренный съ предложеніемъ мира.

А въ Каневцахъ уже торжествовали, предвкушая побѣду надъ Требинскими: Мармута бывалъ по сосѣдямъ и хвалился, что по его доношенію самъ гетманъ взялся за дѣло, смѣнивъ генеральныхъ судей и приказалъ новымъ судьямъ рѣшить дѣло во удовольствіе ему—Мармутѣ; теперь уже Требинскимъ не сдѣбовать,—„онъ возьметъ ихъ за бока и утреть имъ носы“: Но оповѣщеніемъ сосѣдей Мармута не удовольствовался,—его такъ и подмывало раструбить подальше о своихъ Глуховскихъ трофеяхъ; прежде всего онъ вознамѣрился сбѣгать въ Иркліевъ, уже и коня велѣлъ осѣдлать, какъ вотъ влетѣлъ во дворъ повѣренный Требивскихъ. Пріѣздъ его нѣсколько озадачилъ Мармуту и въ недоумѣніи онъ спросилъ:—„чи зъ добромъ, чи зъ худомъ?“...

— Зачимъ зъ худомъ!.. Добра та здоровья почтенному Михайлу Семеновичу! сказалъ хитрый крючекъ.

— Бачъ, вже й Михайло Семеновичъ, та ще и поштенный!... А въ Глухови такъ и дывытьця не хотивъ!...

Крючекъ хотѣлъ что-то говорить, но Мармута поспѣшилъ пригласить его въ хату.

— Кѣ лышень у кимнѣту! та тамечки послухаемо вашої речи,—сказалъ Мармута. Вошли. Гость обратился къ хозяйкѣ съ привѣтствіемъ.

— Чого-жъ оце вы прыхихали? спросилъ Мармута.

— А насчетъ того дѣла; то дѣло уже третій годъ продолжается, издержекъ много понесено, а еще и больше того предвидится,—прійдется подавать апеляціи на генерального суда сентенціи; а по смѣхъ несостоявшихся сентенціяхъ зновъ пойдетъ разсмотрѣніе дѣла, и буде воспослѣдуєтъ неправильная сатисфакція, то зновъ воспослѣдуєтъ апеляція,—и такъ дѣло можетъ продолжиться чрезъ многіе годы, и вамъ убыточно будетъ, Михайло Семеновичъ!—запускалъ крючекъ такую пыль,

— Все те, що вы кажете, якъ ваше ім'я-очество, все те чортъ зна що! Вже дилу кинець, а вы плещете, буцімъ-то воно все починатця буде!... сказаль Мармута.

— Э, Михайло Семеновичъ, не надійтесь,—скоро казка кажеться, та не скоро дило робитьца, якъ кажуть! отвѣтиль собесѣдникъ.

— И я колись такъ казавъ, якъ треба було; теперички зовсімъ друга писня!

— А ще лучча писня була-бъ, якъ бы вы, Михайло Семеновичъ, помырились съ Даниломъ Цетровичемъ! сказаль крючекъ.—Чи вы согласни булы-бъ?

— Чомъ не буть? хай тильки Данило Требинський роснєржитъця, та кишеню розвяже—той согласни будемо! отвѣтиль Мармута.

Послѣдовало молчаніе.

— Какъ же, що жъ мнѣ довѣрителю сказать? спросиль крючекъ.

— Я жъ кажу, якъ хоче мировой, хай самъ прыйдиТЬ, та побалакаемо, та порадимося, то може й согласни будемъ,—сказаль Мармута, з'ївнувъ во весь ротъ.

— А какъ они не захотять єхать—и мировая пропала! жалѣть будете, Михайло Семеновичъ! Ой, какъ жалѣть будете!—соболѣзноваль крючекъ.

Михайло Семеновичъ засмѣялся и сказаль: То вже вы, якъ ваше ім'я-очество, будете жалкувать, а намъ ни объ чомъ жалкувать, не буде Галя, буде друга!

— Какая другая? спросиль крючекъ, не понявъ, къ чому эта „галя“ относилась.

— А та, що у Глухови ось якъ невидно заспивае! поясниль Мармута.

— Э, Михайло Семеновичъ, на те не потурайте,—те ще вылами пысано!

— Вылами пысане, та гарнійшъ, якъ вашымъ пирьями, якъ ваше ім'я-очество.

— Надійтесь, надійтесь! А жалкувать будете! сказаль уязвленный крючекъ и поспѣшиль убраться восвояси.

Выпроводивъ непрошенного гостя, Мармута сейчасъ же послѣшилъ въ Ирклѣвъ.

XIX.

Уже до приѣзда повѣреннаго Мармута былъ въ хорошемъ расположениіи духа; а по отъѣздѣ повѣреннаго, поспѣша въ Ирклѣвъ, онъ сіялъ отъ удовольствія и вполноголоса напѣвалъ пѣсенку.

Въ Ирклѣвѣ Мармута таки порядкомъ умаялся: сообщилъ Рубану о томъ, что совершаются въ Глуховѣ по ихнему дѣлу, сообщилъ о приѣздѣ повѣреннаго отъ Требинскаго; посѣтилъ Штепу и Сезопенка, повѣдавъ имъ о томъ же; съ радостными вѣстями метнулся къ остальнымъ своимъ знакомымъ и заглянулъ въ сотенную канцелярію. Разсказывалъ всѣмъ одно и то же, всѣхъ просилъ собраться къ Рубану, дабы всѣмъ вмѣстѣ „поградыться“ о томъ, какъ дѣло „довести до ума“.

У атамана Рубана собралась довольно большая компанія и здѣсь „радылись“.

Долго судили и рядили, какъ быть съ Даниломъ Требинскимъ: заключать ли съ нимъ мировую, или не заключать. Мнѣнія были различныя: одни говорили, что когда самъ Данило Требинскій просить мира, то и пойти съ нимъ на миръ, „зазывши“ съ него „багацько гротей и прочого добра“; другіе совѣтовали не поддаваться просьbamъ Данила, ибо онъ хитрый, какъ лисица: „претензіи“ не отдастъ, а будетъ только водить за носъ; и тѣмъ временемъ, заручившись мировою, дѣло въ судѣ „скрутить“.

Мармута въ этой разноголосицѣ растерялся, не зналъ, какому бы совѣту отдать предпочтеніе. Выспрашивая по нѣскольку разъ то того, то другаго, онъ обратился наконецъ, къ Штепѣ, все время молчавшему.

— Хочъ бы вже ты що-небудь сказавъ!... якъ ще тоби здається?

— Що мени здається?

— Мени здається, що якось краще синиця въ рукахъ, нижъ въ неби журавель! отъ що!... ляпнулъ Штепа, пріосанивася и расправляя свои длинные усы.

— Бачите! обозвался кто-то: отъ розумне слово—такъ-такъ!

— Поки ще ти суды прысудять, воно само у ротъ лизе!... прибавилъ Сезоненко.

Эге - жъ, тильки треба уміючи пійматъ!... сказалъ Штепа.

— Отъ добре слово—такъ - таکъ! подхватилъ Сезоненко, а за нимъ и другіе.

— Эге! сказалъ Мармута и обратился къ Рубану: що намъ атаманъ скаже? Послухаемо, люде добри! Якъ, Хведоръ Ивановичъ, цёму усёму буть?

— А якъ буть?... колы робить мырову зъ Требинськимъ, такъ заразъ тутечки, на столи, у тебе, у хати хай и выклада усю претензію, та ще щобъ и сторонни люди булы, ось якъ! заключиль Рубанъ.

— Отъ розумна ричъ! сказали.

— И я жъ казавъ соби и думавъ, що мабуть гробши и де-яку худобу хай Требинській тутечки у мене выклада, тоди й мырова буде!

— А чого-жъ бо й клопотавсь такъ довго? обозвался Штепа.

— Э, клопотавсь!.. Треба и людей було поспытатись, що вони скажуть, зъ своимъ умомъ сикатись у таке дило якось не годиться!—Спасыби вамъ, добри люде, за добрий совитъ, та за добри речи! теперечки знатыму, що робить и якъ робить!

Такими словами напутствовалъ Мармута совѣтниківъ, удалившихся во-свойси.

Черезъ два дні Михайлъ Семеновичъ имѣлъ новое удовольствіе: предъ нимъ предсталъ тотъ же самый крючекъ съ изъявленіемъ дружбы и мира, предлагаемаго паномъ Даниломъ.

— Чы не передумалы, Михайлъ Семеновичъ?

— Ни, якъ ваше имнѧ-очество, не передумалы! Одно кататыму и кажу: хай самъ Требинській прыйздыть до мене; то може и дійдетъ до мырової.

И Мармута стоялъ на своемъ, сколько его ни урезонивалъ повѣренный ѿхать до Требинскаго. Тогда повѣренный нашелся

вынужденнымъ сказать, что, пожалуй, Давило Требинскій пріѣдетъ въ воскресенье въ Каневцы—не велика бѣда!

Выпроводивъ повѣренного, Мармута отъ удовольствія только руки потирали, да самъ себѣ приговаривалъ: „адже що-сь та буде!.. журавля ухонымъ!“ И первымъ дѣломъ, на радостяхъ, шмыгнулъ въ погребъ до куфы съ медомъ.—„Трошкі выпить, та заразъ и за дило братысь!“—приговаривалъ онъ, выпивая кружку меду.

Сейчасъ же и взялся за дѣло: отправилъ верховцевъ къ Рубану, Боровку и Москаленку—съ оповѣщеніемъ, чтобы они пріѣхали къ нему въ воскресенье „спозаранку на мирову“ съ Требинскимъ. Самъ же пошелъ по знакомымъ; нѣкоторыхъ просилъ къ себѣ „на недилю“ и изъяснялъ всѣмъ, что „въ недилю“ для заключенія мировой пріѣдетъ къ нему самъ бунчуковый товарищъ, Данило Требинскій.

XX.

Въ воскресенье, съ раннаго утра, въ домъ Михайла Семеновича Мармуты начали сходиться гости. Пріѣхали Рубанъ, Штепа, Сезоненко, Боровко и Москаленко; не доставало только Данила Требинскаго. Въ ожиданіи его, любезный хозяинъ занялся угощеніемъ—и все приговаривалъ, что, „лучче мирову зробить, нижъ по судамъ тягатись“. Одни соглашались съ его мнѣніемъ, а другіе нѣтъ. Завязался жаркій споръ. Разговорились до того, что не замѣтили, какъ въ хату вошелъ незнакомецъ,—это былъ челядинацъ Данила Требинскаго. Онъ оповѣстилъ, что панъ по нездоровью своему не можетъ пріѣхать; а коли угодно Мармутъ потолковать о мировой, то онъ, панъ, будетъ завтра дожидаться его въ Чутовкѣ. Мармута и Рубанъ сначала были противъ поѣздки въ Чутовку, полагая, что въ этомъ приглашеніи кроется какал-нибудь уловка; но тотъ же Штепа и теперь одержалъ верхъ; онъ подѣйствовалъ, какъ и прежде, весьма простымъ доводомъ.

— А чому бо и не пойихаты? сказалъ онъ,—хиба волосся облизе чи што?

Почти всѣ гости были того мнѣнія, что поѣхать въ Чутовку—не бѣда.

— Вы кажете—побачытесь зъ Требинскимъ, та поспытатысь, що зъ того выйде?—обратилсѧ Мармута къ Штепѣ, Сезоненку и прочимъ.

— Эге-жъ, кажемо! сказали они.

— А якъ по вашему, Хведиръ Ивановичъ, чы йихаты, чы ни? спросилъ Мармута Рубана.

— Якъ люди кажуть йихаты, то й йихаты, отвѣтилъ Рубанъ.

— Такъ и буть! Пойдьмо! Побачимо, що зъ того буде! сказалъ Мармута, махнувъ рукою; и объявилъ свое рѣшеніе посланцу Данила.

Утромъ, въ понедѣльникъ, вся компанія отправилась въ Чутовку на свиданіе съ Даниломъ Требинскимъ.

Свиданіе произошло въ опустѣлой усадьбѣ Ивановой. Данило Требинскій принялъ козаковъ съ притворной любезностью, какъ какой-нибудь закадычный другъ и пріятель; онъ даже съ Мармутой и Рубаномъ облобызлся, причемъ, какъ-бы шутя, замѣтилъ: „много-жъ васъ наѣхало“!

— Та вже такички, якосъ воно, якъ зъ людьми, якосъ не наче веселійше... побалакаты чи обѣ дили, чи обѣ чимъ! отвѣтилъ Мармута.

— Побалакаемъ, побалакаемъ! сказалъ любезный хозяинъ.

Немедленно же и начали „балакать“ о дѣлѣ. Балаканье это продолжилось далеко за полдень; все никакъ не могли сойтись; Мармута слишкомъ много „правиль“: заломилъ девятьсотъ рублей деньгами, требовалъ выдачи доходовъ съ имущества, попавшаго въ опись, да десяти паръ воловъ, пятидесяти овецъ, пяти коровъ, шести лошадей да два стожка сѣна. Данило же давалъ слишкомъ мало: всего двѣсти рублей, три пары воловъ, два десятка овечекъ, а на стожки и вовсе не соглашался. Послѣ долгихъ преній, Мармута сбавилъ двѣ сотни и четыре пары воловъ и затѣмъ стоялъ на своемъ; а въ заключеніе, на всѣ убѣжденія Даниловы, сказалъ: „нема чого тутъ балакаты! мабуть, добри люде, йидьмо до дому!“ Добрымъ людямъ надоела нескон-

чаемая болтовня, и они поторопились убраться изъ апартаментовъ Данила.

Едва козаки выѣхали со двора, какъ Данило поспѣшилъ воротить ихъ, и мировая была заключена.

По пріѣздѣ Мармуты домой, жена метнулась въ комору— и явился баклажекъ съ горѣлкой. Угощаясь „горилкою“, съ приятелями своимъ—Рубаномъ, Штепою и Сезоненкомъ, Михайло Семеновичъ изъяснялъ своей женѣ условія мировой:— воливъ шість паръ визьмемъ, овечокъ десятківъ зъ пять, добрыхъ стижківъ сина зо два, коней заберемо шестеро, та сімъ сотень рубливъ, отъ що буде, жинко!

— Колы-жъ воно це все буде?—спросила она. Ей сказали, что все это будетъ завтра же.

Раненько утромъ Мармута со Штепою и Сезоненкомъ отправились за полученiemъ претензіи. Претензія отъ Данила Требинскаго была получена, и въ сотенной канцелярії актъ о томъ совершені.

Наполнивъ свой дворъ Чутовскимъ добромъ, Мармута и его жена начали готовиться къ приему добрыхъ людей. Готовились цѣлую недѣлю: наварили меду, напекли хлѣба и сластей, закололи „кабанця“, не пожалѣли и валашка; хату вымазали и выбѣлили хорошенько, образа убрали новыми рушниками. Гостей напрошено было довольно; въ числѣ первыхъ былъ приглашенъ приходской священникъ о. Игнатій; просить его ходилъ Мармута „съ палляницею“ и въ новой одеждѣ.

XXI.

Въ воскресенье, съ ранняго утра, уже начали собираться гости къ Мармутѣ. До прихода священника, они занимались „бесѣдою“—все толковали о томъ, какъ это Мармута умудрился заключить мировую съ такимъ господиномъ, какъ Данило Требинскій. Наконецъ пришелъ о. Игнатій съ домочадцами: женою и дѣтьми; съ нимъ прибыли: дьячекъ съ молодою женой и пономарь тоже съ домочадцами. Первымъ дѣломъ отправили молебенъ; по окончаніи молебна о. Игнатій окропилъ

святою водою вновь пріобрѣтенное имущество. Послѣ того любезные хозяева предложили гостямъ яствie и питie: „жаренаго и варенаго“ на столахъ было въ изобиліи; красовались „гленики“ съ медомъ и „пляшки“ съ горилкою, на каковыя дьякъ уже давно запускалъ свои очи. Его вниманіе къ симъ предметамъ было замѣчено нѣкоторыми еще во время молебна, и они, подталкивая другъ друга—шептали: „дывысь, дакъ вже облызуетъца!“

За столы усѣлись по порядку: о. Игнатія посадили „на покути“, направо отъ него усѣлись жена и дѣти; нальво расположилась остальная духовная братія, а дальше прочие гости, начиная съ атамана Рубана, помѣстившагося ближе всѣхъ къ священнику. Началось „частуванье“. На о. Игнатія „не налегали“, ибо онъ „горилки“ не уважалъ, а лишь изрѣдка, и то понемногу, пивалъ медъ или наливку. Хозяева такъ усердно и любезно припрашивали, что черезъ какіе нибудь полчаса гости порядкомъ развеселились, а дьякъ уже былъ на второмъ взводѣ; но это ничего не значило,—ибо обыкновенно третій для него наступалъ очень нескоро. Батюшка тоже зарумянился и началъ было заговаривать съ дьячихой, пріятно и нѣжно ей улыбаясь; но дальнѣйшаго ему не позволили: ревнивая и ненавидѣвшая дьячиху матушка сначала исподтишка подергивала мужа за рясу; а когда это не помогло, она снялась изъ-за стола, потянувъ за собою батюшку, который обыкновенно не сопротивлялся ей. Сколько хозяева ни упрашивали, матушка осталась непреклонной и бойко отговаривалась, батюшка же былъ безмолвенъ и только бороду свою поглаживалъ. Дѣло кончилось тѣмъ, что хозяева уважили доводамъ находчивой попадыи и отпустили ее домой такъ, какъ то полагалось по обычай: „почастувались на дорожку“. Мармута даль батюшкѣ три серебряныхъ рубля, а хозяйка надавала матушкѣ кое-чего: три десятка яичекъ, маку, гуску, пару курей, нѣсколько аршинъ холста, клубокъ пряжи и добрую четвертину сала сунула въ мѣшокъ.

По уходѣ батюшки содержаніе рѣчей было пока то же; превозносили гетмана, похваляли Рубана и Мармуту, смѣялись надъ Требинскими. Хозяину такія рѣчи бывали не душѣ, онъ

увлекся и расхвастался: онъ, дескать, водилъ за чубы канцеляристовъ, смѣнилъ генеральныхъ судей и такого перду задалъ, что самъ генеральный обозный хватался за голову и извинялся просилъ у него—Мармуты. Сезоненко доказывалъ, что онъ да Штепа помогли Мармутѣ довести дѣло до такого удачнаго окончанія, и въ Глуховѣ они ловко дѣло „оброблювали“. Боровко и Москаленко напомнили о своихъ дѣяніяхъ.

— Всі дружно робили и брались за Требинськихъ! А бильшъ усихъ зробивъ гетьманъ, легенько ёму згадається! Це винъ такъ дило прызвивъ, що Требинськимъ дуже круто стало та треба було братись за мырову!“ объявила Рубанъ.

Напоминаніе о гетьманѣ воспламенило компанію, и сразу нѣсколько голосовъ гарянуло:

— Добра душа! Це вже винъ добре взявся за старшину! Це вже винъ буде стояти за нашого брата!

— Буде, буде! бо самъ лыхо зна! восхлинули другіе.

Всѣ встали и чокаясь чарками приговаривали: „на здоров'я пану гетьману и братови єго! щобъ видъ ихъ та й намъ добре було!“ Только дьякъ и Штепа нѣсколько опоздали съ отвѣтомъ на тостъ. Они вообще не принимали участія во всемъ томъ, что говорилось и дѣжалось возлѣ нихъ: они сидѣли одинъ противъ другого и угощались, причемъ большою частью молчали и смотрѣли другъ на другу посоловѣльми глазами; лишь повременамъ глаза ихъ оживлялись, и дьякъ отпускалъ короткія фразы.

— Все сотворено на потребу человѣка!—говорилъ дьякъ, чокаясь со Штепою, и сотворенное посыпалось въ утробу.

— Эге! бормоталъ ему Штепа.

Послѣ нѣкоторой паузы, готовясь снова выпить, дьякъ говорилъ: „не то, што въ уста, а што изъ усть—оскверняеть человѣка!

— Эге! Будьмо здорови!—говорилъ Штепа, поднося поставецъ къ устамъ.

Но чаще дьякъ повторялъ излюбленную свою фразу: „у нашей хозяйки сердце—камень дорогой, наливай-ка по другой!“ Штепа улыбался и говорилъ на этотъ разъ подлиннѣе:—„якъ

есть добра ричт!.. Послѣ этой рѣчи наливали и выпивали. Дальше счетъ не шель, все выпивали по „другой“.

Развеселившіеся гости не замѣтили, какъ наступилъ вечеръ. Нежданно, негаланно появилась „музыка“—бандура и бубень; для большаго эффекта артисты ударили сразу при входѣ въ хату. Первый не вытерпѣлъ Сезоненко: онъ молодцовато соскочилъ съ ослона и давай отдѣлывать „козачка“. Дѣячиху тоже передернуло, она снялась съ мѣста и передъ Сезоненкомъ начала граціозно ломаться; Сезоненко сначала гусакомъ вертѣлся възлѣ дѣячихи, а потомъ пустился вокругъ нея въ присядку, хватаясь руками то за голову, то за бока. Обое пришли въ экстазъ и стали присказывать.

- Ой, бувъ, та й нема! начала дѣячиха.
- Та й пойихавъ до млына! отвѣтилъ плясунъ.
- А у млыни на камини... продолжала дѣячиха.
- Тамъ вона, тамъ вона! продолжалъ плясунъ, разводя руками поближе къ плахтѣ.
- Не така-бъ я була... заиѣвала дѣячиха, рисуясь передъ молодцомъ.
- Не такой бы я бувъ!.. гудѣлъ молодецъ.
- Якъ бы маты виддала за такого козака...
- Якъ бы жинка була оттака, оттака...
- Щобъ ты зъ нею робывъ? припѣвала расходившаяся баба.
- У садокъ бы водывъ... зъ нею груши-бъ трусывъ... отвѣчалъ козакъ, отхватывая въ присядку и нѣжно затрогивая руками то плахту, то фартухъ у бабы.

Такой забористый плясъ подзадорилъ многихъ, и они одинъ за другимъ пустились ходить възлѣ дѣячихи въ присядку. Уже она утомилась, но продолжала живописно позировать посреди нихъ. И въ то время, какъ вокругъ молодой бабы топтались удальцы-козаки, другие, менѣе горячіе, отхватывали трепака въ одиночку, любуясь сами собой.

Такая потѣха длилась почти до полуночи. По временамъ наставали антракты: музыка умолкала, танцевавшіе угощали музыкантовъ, сами чокались и выпивали.

Душою развеселой компанії была дъячиха: „немножко позволая“, она бойкими рѣчами, развязными и кокетливыми манерами приводила всѣхъ въ восторгъ; даже старые козаки и тѣ воспламенялись, глядя на расходившуюся дъячиху: ерошили свои чубы, покручивали сѣдые усы, и огонекъ свѣтился въ ихъ очахъ поблекшихъ.

— Отто чортова баба! яка жъ вона смашна та жартовлыва! тилько чортъ-зна кому досталася, якому-сь дурневи! — говорили они, указывая на дъячку, который ничего того не замѣчаль, ибо занять былъ пitiемъ.

Послѣ третьаго или четвертаго антракта танцovalи съ особеннымъ азартомъ: присказамъ не было конца, земля гудѣла; пускался въ присядку, выдѣльвали изумительныя и довольно не скромныя фигуры; дъячиха переходила изъ руки въ руки, молодцы поочередно схватывали ее за мясистую талію и круговорачали. На это послѣднее обстоятельство указано было дъяку, дабы онъ созерцаль, какъ увидаются возлѣ дъячихи ребята. Но дъякъ уже мало что видѣлъ и сознавалъ,—онъ былъ на четвертомъ взводѣ; ему мерецилось что-то пляшущее и скачущее, и въ этой сутолокѣ образъ женщины только мелькалъ. Онъ поднялся, посмотрѣлъ-посмотрѣлъ... и торжественно произнесъ: „и се скачущая Иродіада... не упивайтесь виномъ, въ немъ бо есть блудъ“... Послѣ чего усѣлся, обнялъ Штепу и облобызалъ его, проговоривъ: не „упивайтесь виномъ, въ немъ бо есть блудъ!“

— Эге! пробормоталъ Штепа, вытирая усы, и послѣ нѣкотораго молчанія, сказалъ дъяку: „а тымъ часомъ по чарци!“

— По единой точію, оно приличествуетъ..., возгласилъ дъякъ, продолживъ: не то, кажу вамъ, що въ уста...

— Та ну бо вже по чарци, чи що! перебиль его Штепа, и началось „по чарци“.

Въ концѣ концовъ дъякъ былъ отведенъ домой, въ сопровожденіи своей благовѣрной.

Остальные гости тоже уведены были „жинками“ до своихъ хатъ, а прїѣзжіе расположились „пбокомъ“ въ половникѣ, въ коемъ улегся и самъ хозяинъ.

Послѣ пирушки все пошло у Мармуты обыденнымъ порядкомъ: жена „дбала“ полотно, „хустки“ и плахты, разводила курь и прочую живность, а мужъ принялся за остальное хозяйство, которое пришло было въ упадокъ отъ судебныхъ расходовъ и частыхъ поѣздокъ то въ Глуховъ, то въ Переяславъ и другія мѣста.

Углубившись въ хозяйство, Мармута и не помышлялъ о такихъ долговременныхъ и далекихъ отлучкахъ, какъ напр.—въ Глуховъ; здѣсь онъ думалъ побывать лишь въ томъ случаѣ, если пріѣдетъ гетманъ, дабы посмотретьъ на него и полюбоваться имъ; но Мармутъ нашему и раньше того пришлось помѣрять версты до Глухова.

XXII.

Данило Требинскій тоже ошибся въ своихъ ожиданіяхъ насчетъ выручки брата.

Раздѣлавшись съ Мармутой, онъ немедленно же началъ дѣйствовать: послалъ въ генеральный судъ „мировое доношеніе“, велерѣчivo составленное; отправился къ Хорвату, оповѣстилъ его и брата объ успѣшномъ окончаніи дѣла. Иванъ перекрестился, когда узналъ о мировой сдѣлкѣ, и похвалился вернуть добро, улетѣвшее въ руки козака: „какъ Богъ мене освободитъ“, сказалъ онъ брату, „я тое все одберу отъ Мармуты“.

Напрасно Иванъ считалъ дни и часы и все дождался той вожделѣнной минуты, когда его выпустятъ на свободу.

Войсковой генеральный судъ, получивъ „мировое доношеніе“, не восхотѣлъ „поступиться“ съ учиненнымъ фактъ—разбоемъ дому козака Мармуты. „Хотя оной Мармута“, говорится въ судебномъ постановлѣніи, „по претензіи его за заграбленные у него имущество зъ братомъ гусара Ив. Требинскаго, Д. Требинскимъ, примирился и въ томъ удовольствованъ, однако безъ поступленія съ поманутымъ Ив. Требинскимъ и служителми его за тотъ учиненный ими разбой дому козака Мармуты въ сильѣ высочайшихъ Ея И. В. указовъ и малороссійскихъ правъ оставить не должно“ И потому къ генералъ-лейтенанту

Хорвату посланно было требование, дабы онъ немедленно представилъ гусара Ив. Требинскаго въ генеральный судъ для допроса. Но Хорватъ не представлялъ своего вицекапрала, Ивана,—писалъ, что съдѣствіе по важному дѣлу надъ нимъ еще производится.

Наступилъ 1757 годъ. Еще два раза написали Хорвату о присылкѣ Ив. Треб. въ генеральный судъ. Хорватъ на эти оба посланія ничего уже не отвѣчалъ. Тогда генеральный судъ послалъ доношеніе „ясневелможному, високоповелителному го-сподину Малой Россіи, обоихъ сторонъ Днѣпра и войскъ запоро-жскихъ гетману“, графу Разумовскому. Въ доношеніи изъяс-нялись обстоятельства дѣла о разбоѣ дому козака Мих. Мармуты, что дѣлу этому и до сихъ порь нельзя учинить надлежащаго рѣшенія: такъ какъ Новой Сербіи командиръ г. Хорватъ, не смотря на многократныя требованія, не присыпаетъ Ив. Тре-бинскаго въ судъ генеральный. „Того ради, о вишеписанномъ вашей ясневелможности судъ генералний представляетъ и по-корно просить о немедленной висилки въ судъ генералний означенного Ивана Требинского“.

У гетмана Кирилла Григорьевича Разумовскаго дѣла, какъ видно, дѣлались скоро: 11 апрѣля послали гетману упомянутое доношеніе, а 17 апрѣля уже „пущено было писаніе“ къ Хор-вату, въ коемъ предлагалось немедленно выполнить требование генерального суда.

Хорватъ 7 мая „съ должнымъ предпочтеніемъ“, получивъ это „письсаніе“, явился покорнымъ исполнителемъ вельній знат-наго вельможи—графа Кир. Гр. Разумовскаго. Немедленно же онъ сталъ приготовлять своего гусара къ путешествію въ Глу-ховъ: послалъ курьера къ генераль-аншефу Петру Семеновичу Салтыкову, начальнику украинской ландмилиціи, и просилъ его прислать „изъ ландмилицкихъ полковъ“ капрала и трехъ чело-вѣкъ рядовыхъ драгунъ. Разумѣется, изъяснено было Салтыкову, по чьему распоряженію и для чего надобна сія ландмилиція. Ландмилиція была прислана. Какъ это, при случай, скоро все дѣлается! Къ 12 мая капраль и три драгуна уже обрѣтались у

Хорвата, а 13-го гусаринъ Иванъ уже вывезенъ быль въ путьдороженьку.

Снаряжая гусарина своего въ далекій путь, Хорватъ вооружилъ его „пашпартомъ“, коимъ „повелѣвалось“, дабы „подъ отвозъ чрезъ Малую Россію до Глухова“ для означенной въ ономъ персоны „взымаемы были обывателскіе подводы“.

Потаскали бывшаго пана Людтика по горамъ и доламъ на свиданіе съ козацкими судьями. Онъ везенъ быль на это свиданіе заклепанный въ ножные и ручные кандалы, и чрезъ каждые 20—30 верстъ пересаживали его съ одной обывательской подводы на другую; а капралъ и драгуны „слѣдовали на государевыхъ драгунскихъ лошадяхъ“.

Обыватели, коимъ выпадала „черга“ везти „колодника“, только хватались за чубы свои, да почесывали затылки, ибо и себя, и лошадокъ приходилось отрывать отъ настоятельныхъ домашнихъ работъ: одному нужно было „полоть“ огородъ, другому—лѣсу привезти для начатой хаты, третій собирался на ярмарку, четвертый—ради гусарина оставляя хворую жену.

ХХIII.

Отправленный Хорватомъ въ Глуховъ, Ив. Требинскій предсталъ, наконецъ, предъ ясныя очи генеральныхъ судей.

Въ судилищѣ онъ вель себя свободно и весело, говорилъ съ апломбомъ,—не даромъ же и практиковался онъ у Хорвата втечение двухъ лѣтъ. Предъявленное обвиненіе во всѣхъ его пунктахъ, съ начала до конца, Иванъ отрицалъ самымъ решительнымъ образомъ. „Будучи добровольно допрашиванъ¹⁾, къ тѣмъ разбоямъ не винился“, на всѣ вопросы судей отвѣчалъ бойко и не запинаясь; всѣ доказательства, выставляемые судомъ, разбивалъ въ пухъ и прахъ. Онъ, напр., говорилъ, что въ ночь съ 17 на 18 нояб. 1754 г. онъ и дома-то не былъ, а ѿздилъ въ Глуховъ; ѿдучи туда, на дорогѣ былъ настигнутъ Мармутою

¹⁾ Гусарана Ив. Треб., какъ военно-гражданскому суду не подвергалъ пыткѣ—не имѣлъ на то права.

и Рубаномъ, которые хотѣли въ смерть его забить, а онъ давай бѣжать,—говорилъ все то, что вытвердилъ у Хорвата.

Суды только разводили руками, слушая этого оратора; изумлялись, глядя на эту физіономію, которая по временамъ то вспыхивала, выражая ожесточеніе и злобу, то притворялась невиннымъ лгункомъ, ведомымъ на закланіе. Такая комедія повторялась въ судѣ три раза, и всякий разъ суды слышали одно и тоже. Тогда на сцену выведены были еще два артиста, Литвиненко и Шкуренко.

Сначала Литвиненко и Шкуренко были допрошены по одиночкѣ; но къ немалому удивленію суда, они запѣли теперь не ту пѣсню: они самыи рѣшительнымъ образомъ отрицались отъ прежнихъ своихъ показаній. И вотъ ихъ поставили глазъ на глазъ съ Иваномъ Требинскимъ. Иванъ и глазомъ не моргнулъ, держалъ себя еще веселѣе и развязнѣе: онъ „снизывалъ плечами“, разводилъ ручищами своими и, величественно глядя на судейскій персоналъ, говорилъ, что онъ не знаетъ Литвиненка, въ первый разъ видѣтъ его; а если Литвиненко оговорилъ его, то лишь по наставленію Рубана и Мармути.

Литвиненко и Шкуренко и „на очной ставкѣ во всемъ противъ прежде показуемаго заперлись“. Василь Литвиненко показывалъ: яко бы онъ въ службѣ при Іванѣ Требинскомъ не находился и съ нимъ Требинскимъ да служителями его на разбоѣ реченного Мармути никогда не былъ, а показаль о томъ на прежнихъ допросахъ—напрасно, съ одного подущенія и устраниенія атамана ирклѣвскаго Федора Рубана и козака Мармути“.

Іванъ Шкуренко показалъ: что онъ, слѣдя въ Кіевъ для покупки сосновыхъ колодъ, отъ Василя Литвина никакихъ словъ не слыхалъ, а показывалъ о томъ, какъ въ сотенной горошинской канцеляріи, такъ и въ судѣ генералномъ напрасно; да и о бытіи съ Иваномъ Требинскимъ и прочими на разбои козака Мармути *не винился*. Литвиненка и Шкуренка подвергли пыткѣ; но и изъ-подъ кнута суды слышали тоже самое запирательство.

Такого рода „допросныя рѣчи“ Требинскаго, Литвиненка и Шкуренка только запутывали дѣло; дабы распутать его, постановили: „сыскавъ атамана Рубана, Мармуту, такожъ и дру-

гихъ, по тому же дѣлу въ слѣдствію подлежащихъ, допросить", а гусарина Ивана засадили въ Глуховскій острогъ до будущаго свиданія съ означенными лицами.

Пока сыскивали означенныхъ лицъ—наступили для суда „канкулярные дни“, которые продолжались два мѣсяца—съ юля до сентября.

Ив. Требинскій, дабы не сидѣть въ острогѣ во время канкуль, послалъ гетману „нижайшое доношеніе“, въ коемъ изображаетъ положеніе свое неприглядное: „ъ оговору мене нижайшого содержимся въ глуховскомъ острогѣ колодникомъ Василемъ Литвиненкомъ, по писму вашей яснѣвелможности, присланъ я отъ господина генерала лейтенанта Хорвата въ Глуховъ въ судъ генеральній, гдѣ сего жъ іюня 7 для я и допрашеванъ, а по допросу безузнанія еще жадной моей вины отданъ въ острогъ между прочими колодниками, гдѣ и по нынѣ тѣсняемъ нуждою без всякого дальнего следствія нахожусь, винности же моей потому оговору я засобою бить не признаю; а понеже канкулярніе дни уже наближаются, въ которіе судебніхъ расправъ не бываетъ, и буди оное дѣло до наступленія канкуль изслѣдовано не будетъ, я безвинно и въ здоровыи крайне разоритись могу: того ради вашей яснѣвелможности слезно прошу о скорейшомъ по обносному мене дѣлу изслѣдованіи високоповелителнимъ ордеромъ суду генеральному предложить и о содержаніи мене въ иномъ мѣстѣ, а не въ остроге, милостивого разсмотренія“.

Получивъ сіе „доношеніе“, гетманъ написалъ генеральному суду, дабы судъ не дѣлалъ излишнихъ проволочекъ въ дѣлѣ просителя—гусарина Ивана, дабы проситель сей не утѣсняемъ былъ въ острогѣ и, если возможно, былъ переведенъ въ иное какое мѣсто. Генеральный судъ почтительно доложилъ гетману, что обо всемъ томъ гусаръ Ив. Требинскій жалуется понапрасну: въ острогѣ получаетъ онъ достаточную пищу и питіе, содержится особо отъ прочихъ колодниковъ; къ скорѣйшему окончанію дѣла судъ прилагаетъ особое стараніе; но таковое окончаніе не могло воспослѣдовать, какъ по случаю наступившихъ вакаціонныхъ дней, такъ еще болѣе потому, что сами подсудимые стараются затянуть оное дѣло: гусаръ Ив. Требин-

скій совершенно отрицается отъ разбоя дому козака Мармуты, Литвиненко и Шкуренко тоже „заперлись во всемъ противу прежнихъ своихъ показаній“; каковымъ упорствомъ и противорѣчивыми показаніями наводятъ „сумнительство“ и вынуждаютъ судъ прибѣгнуть къ многосложному разслѣдованію—вызову болѣе чѣмъ тридцати свидѣтелей.

Вслѣдствіе такого отвѣта, гетманъ оставилъ просьбу Ивана безъ послѣдствій, и Ив. Требинскій и въ теченіе вакаціонныхъ дней вынужденъ былъ глотать остroжный воздухъ; да потомъ уже, въ сентябрѣ, былъ переведенъ на гауптвахту.

Тѣмъ не менѣе, гусаринъ Иванъ употребилъ эти вакаціи, можно сказать, съ пользою для себя,—коли прямымъ путемъ не удалось выsvobodиться, такъ онъ пустился на хитрости и устроилъ суду препорядочную каверзу: подготавлялъ побѣгъ колодниковъ Литвиненка и Шкуренка. Въ первые же дни послѣ вакацій, когда судъ намѣревался приступить къ слушанію допросныхъ рѣчей, Шкуренко и Литвиненко „ночью противъ 5 сентября обще съ караульнымъ солдатомъ безвѣстно бѣжали“, о чемъ репортомъ доложилъ „говбвахтный оберъ-офицеръ“.

Въ то самое время, генеральному суду прислано было довольно важное донесеніе изъ полковой переяславской канцеляріи, что „сотнѣ ирклѣевской козаки Миронъ Болобанъ и Федоръ Сушко, бывшіе въ командѣ въ заднѣпрскихъ мѣстахъ въ крѣпости св. Елисавети, въ сотенной ирклѣевской канцеляріи сказками показали, что съ обявленныхъ служителей гусара Ивана Требинскаго Тишко Каврайскій нынѣ находится въ Новой Сербіи въ услуженіи при порутчику Григорію Булацелю за прикажчика, котораго они, козаки, самоперсонально при урочищѣ рѣчки прозвиваемой Виски видѣли“.

Съ полученіемъ такой вѣсти, генеральный судъ послалъ „покорное довошеніе“ ясневельможному графу Разумовскому, „чтобы о высылкѣ въ судъ генералній Тишко Каврайскаго подъ крѣпкимъ карауломъ писано было до командующаго Новой Сербіи генерала“.

Одновременно съ этимъ посланіемъ и Иванъ „учинилъ писулю до гетмана: онъ, нижайшій, проситъ освободить его изъ-

подъ караула и жалуется, что его невинного и достаточно очистившагося содержаютъ до сихъ поръ подъ карауломъ съ крайнимъ утѣсненіемъ и поношеніемъ чести его и въ пропитаніи онъ терпитъ немалую нужду.

Гетманъ, зная, что слѣдствіе пріостановлено за отсутствіемъ надобныхъ къ тому лицъ, повелѣлъ: „Ив. Требинскаго отпра- вить къ Хорвату, а буде Ив. Треб. понадобится, то тогда истребовать его отъ Ново-Сербскаго командинга“.

Такое повелѣніе получено было въ ту пору, когда суду вѣдомы стали новыя, довольно темныя дѣла Ивана. Они вы- плыли наружу благодаря стараніямъ нѣкоего Гаврила Фирсова—сержанта владимірскаго пѣхотнаго полка. Онъ временно завѣ- дывалъ гауптвахтой, въ которой содержался Ив. Требинскій, и 23 октября подалъ въ судъ генеральный доношеніе. Въ доно- шеніи Фирсовъ показалъ, что вѣкоторый человѣкъ приходилъ на гауптвахту „къ содержачомусь тамо подъ карауломъ Ивану Требинскому“, звалъ себѣ „дадины его служителемъ“ и объ- явилъ ему, Требинскому, будто бѣжавшій колодникъ Литвиненко въ Ирклѣевѣ поиманъ и отведенъ въ полковую перелюбовскую канцелярію, гдѣ и по сію пору содержится; „тотъ же побѣгъ“, добавилъ Фирсовъ, „уповательно оные колодники возимѣли чрезъ служителя его, Требинскаго—Игната, которій въ тогдашнее время невѣдомо куда и дѣжался“. 24 октября тотъ же Фирсовъ „доношеніемъ представилъ“ суду болѣе интересныя подробности, именно: Иванъ Требинскій Василя Литвиненка и Ивана Шку-ренка, бывшихъ съ нимъ купно на разбои, чрезъ человѣка своего Игната подговорилъ, дабы его во всемъ зговорили и съ онимъ его человѣкомъ побегъ учинили, чтобы ему получить освобожденіе; да и Иванъ Требинскій по злодѣйственному своему умыслу, имѣя надежду освободиться сподѣ караула, говорилъ сіи слова: когда мене мати Божая освободить, тодѣ я въ судіи генералнаго Оболонскаго въ Горошинѣ хотя и середъ днія въ гостѣ буду, дарма что у него имѣются компланѣйцѣ, я ихъ не боюсь; на мене ирклѣевскихъ козаковъ собралось было зо сто, да пуль ихъ не боялся, и знатиму за его господина судіи гоненіе и злобу якъ ему одомстить, яко де домъ мой по

близости его, господина судіи генералного, въ полкужъ Лубенскомъ находится“.

Донесение Фирсова представлено ясневельможному гетману „сь прошенiemъ высокой резолюцїи“, а Ив. Требинского вырядили къ Хорвату. Хотя гусаринъ слѣдоваль къ своему командиру при удвоенномъ конвой, но это нисколько не смущало его,— напротивъ, онъ торжествовалъ: онъ смѣялся надъ генеральнымъ судомъ и учиненнымъ судебнымъ слѣдствиемъ, также какъ „пащековалъ“, сидя на гауптвахтѣ.

XXIV.

Хорватъ получилъ своего буйнаго вице-капрала Требинского въ концѣ ноября и засадилъ его подъ стражу въ тѣхъ самыхъ „ланцюгахъ“. О благополучномъ прибытии сего господина Хорватъувѣдомилъ Разумовскаго и генеральную войсковую канцелярію. Вмѣстѣ съ тѣмъ Новосербскій командръ приблиз. поставлялъ генеральному суду во извѣстіе, что по описаннымъ примѣтамъ, Тишко Каврайскаго у г. Булацеля никогда не было и нынѣ не имѣется. Хорватъ писалъ неправду: розысканій въ хуторѣ Булацеля онъ не чинилъ; а Тишко Каврайскій тамъ обрѣтался.

Литвиненко и Шкуренко, ушедшіе изъ Глуховскаго острога, исчезли безслѣдно; прочія личности, показанныя Литвиненкомъ, тоже не отыскивались. У генерального суда не оказывалось матеріи для дальнѣйшаго слѣдствія. Къ тому же Мармута и Рубанъ съ товарищи долго не появлялись въ генеральный судъ. Они явились сюда лишь въ апрѣль 1758 г.; къ этому времени сюда привезенъ былъ герой дѣла—Ив. Требинскій.

По прибытии сего героя генеральный судъ приступилъ къ производству слѣдствія—къ слушанію „допроснихъ рѣчей“. Первую допросную рѣчь держалъ Михайло Мармута. Онъ, получившій „претензію“ и заключившій „мировую“ съ братомъ Ивана, давалъ такія показанія, на основаніи которыхъ Ив. Требинскій могъ выпутаться изъ бѣды. Мармута предъ судьями повторилъ лишь то, что онъ писалъ въ своихъ доношеніяхъ;

на вопросъ же суда, чинилъ ли Ив. Требинскій разбой въ его домѣ, доказательствъ и уликъ не представилъ; онъ говорилъ, что въ домѣ его „порались“—вязали его и прочихъ и выбирали имущество трое человѣкъ, лицъ коихъ онъ не могъ замѣтить „спросонку“ и будучи въ испугѣ.

Рубанъ, Штепа, Сезоненко и прочие, бывшіе въ командѣ Рубана, говорили только то, что относилось до вооруженного сопротивленія: о пальбѣ и немалыхъ бояхъ, имъ причиненныхъ Иваномъ Требинскимъ, о его ночномъ нападеніи на нихъ въ Чутовкѣ. Затѣмъ послѣдовали рѣчи изъ устъ Ив. Требинскаго. Онъ оправдывалъ теперь еще лучше прежнаго. Онъ отрицался отъ участія въ разбоѣ дому Мартуты, а касательно вооруженнаго сопротивленія козачьимъ властямъ говорилъ то же самое, что вытвердилъ на практикѣ у Хорвата.

На основаніи этого судебнаго разбирательства генеральный судъ нашелъ возможнымъ поставить только такое рѣшеніе: гусаръ Новой Сербіи Иванъ Требинскій виновенъ въ вооруженномъ сопротивленіи козачьимъ командамъ и въ вооруженномъ нападеніи на козачью команду въ Чутовкѣ; за каковыя вины подлежателенъ онъ, Иванъ Требинскій, наказанію, опредѣленному въ воинскомъ уставѣ.

На другой день, по окончаніи судебнаго процесса, Ив. Требинскій былъ отправленъ къ Хорвату. Хорватъ нашелъ неважнымъ и не заслуживающимъ вниманія то, что человѣкъ его команды сопротивлялся козачьимъ властямъ, а если онъ нападалъ на козачью команду, то, молъ, потому, что на него нападали. За дезертирство же и двойное сопротивленіе гусарскимъ командамъ разжаловалъ въ рядовые и рѣшилъ продержать „въ желѣзахъ“ еще два года.

Вотъ разжалованный гусаринъ Иванъ отсиживалъ подъ арестомъ послѣдній годъ, отсиживалъ съ радужными надеждами на будущее. Онъ радовался тому, что, вопреки желаніямъ Оболонскаго и козаковъ,—будетъ гулять на свободѣ; онъ мечталъ, что вотъ снова обзаведется пригожими молодками и отомстить всѣмъ своимъ врагамъ. Мысль о мести особенно занимала Ивана:

на эту тему онъ, можно сказать, строилъ воздушные замки, на разные лады разрабатывалъ планы будущаго отмщенія.

Выпущеній, наконецъ, на свободу, онъ безъ оглядки пустился въ Плеховъ.

Когда онъ пріѣхалъ въ Чутовку и намѣревался мстить врагамъ своимъ—Мармутѣ, Рубану и прочимъ, то братъ Данило не посовѣтовалъ ему дѣлать этого, а посовѣтовалъ заняться хозяйствомъ и устроеніемъ своего разоренного хуторка. Иванъ, наученный все-же горькимъ опытомъ, послушался доброго совѣта. Вотъ онъ и кликнулъ кличъ „на людей“ двоякимъ способомъ: служителя своего послалъ зазывать людей на пустые грунты, обѣщаю имъ заманчивыя льготы; на всѣхъ пунктахъ своей земли поставилъ большие деревянные кресты, на коихъ были написаны тѣ льготы и имѣлись шесть проверченыхъ дырочекъ. Сіи дырочки неграмотными давали знать, что льготы обѣщаются на шесть лѣтъ. Въ теченіе шести лѣтъ каждый, поселившійся у Ивана Требинскаго, будетъ пользоваться тремя десятинами пахатной земли, одною десятиной сѣнокосной, очертомъ и лѣсомъ на хозяйственныя надобности; а отбывать господскія работы по 18 дней въ теченіе каждого года.

Тѣмъ не менѣе, и на такія льготы нашлось охотниковъ совсѣмъ мало: прошелъ мѣсяцъ, а пришло на новоселье всего пять семействъ, да глашатай привелъ троихъ; притомъ, скоро и это количество умалилось: три мужика, усмотрѣвъ, что панъ уже успѣлъ завести съ ихъ женами амуры, въ одну прекрасную ночь снялись съ мѣста, оставили хаты „впустѣ“ и исчезли невѣдомо куда.

Ів. Требинскій, не смотря на это, все еще не терялъ надежды на новыхъ „приходьковъ“, со дня на день ждалъ, что вотъ люди явятся къ нему на жительство; но люди не являлись. Они не являлись по двумъ причинамъ: недобрая молва ходила въ гетманщинѣ о Требинскихъ—Данилѣ, Иванѣ и Николаѣ; въ Каневцахъ, Оржицѣ, Горошинѣ и другихъ мѣстахъ, близкихъ къ Плехову и Чутовкѣ, произошло особаго рода движеніе, когда пронеслась вѣсть, что гусаринъ Ив. Требинскій появился и живеть въ своей слободкѣ. Многихъ обѣялъ ужасъ: ибо вблизи

ихъ снова находился тотъ гусаринъ, котораго и „куля не бере“. Жители упомянутыхъ сель собирались кучками и трактовали о томъ, какъ бы общими силами защититься отъ имѣющихъ быть нападеній на ихъ поля, табуны, скотъ и прочее имущество; жители однихъ селъ юздили въ другія для совѣщаній о томъ же; разтѣздные козачьи команды были умножены и стали дѣйствовать неусыпно, не только ночью, но и днемъ. Гусаринъ Иванъ очутился въ какомъ то осадномъ положеніи, что его копило и злило; къ тому-же и лиси на жительство къ нему не шли. Тогда въ головѣ его блеснула оригинальная мысль—отправиться въ Киевъ и тамъ навербовать бездомныхъ сиромахъ, они будутъ ему нести двойную службу: будутъ исполнять всякия хозяйственныя работы и всякий разъ, когда это надобно будетъ, преобразятся въ отважныхъ воиновъ. Кромѣ того, въ Киевѣ можно будетъ подыскать подходящую красавицу. Осѣненный такими восхитительными мыслями, Ив. Требинскій помчался на всѣхъ парусахъ въ Киевъ.

XXV.

Въ Киевѣ дѣла гусарина Ивана пошли довольно успѣшно: въ теченіе какихъ-нибудь трёхъ недѣль онъ навербовалъ три десятка добрыхъ молодцевъ и пріискать пригожую молодушку. На слѣдъ этой новой пташки онъ не сразу набрелъ. Сначала ходилъ по знакомымъ домамъ и посредствомъ знакомыхъ втирался въ семейства, гдѣ не знали, что это за молодецъ; но такимъ манеромъ гусаринъ не раздобылъ женщины: однѣ ему отказывали, другія ему не нравились. Тогда онъ прибѣгнулъ къ экскурсіямъ по базарамъ и разнымъ кievскимъ закоулкамъ; но и такъ не повезло,—пригожихъ и удобныхъ для похищенія бабъ не оказывалось; главная задача состояла въ томъ, чтобы подѣлить хорошенькую и молоденькую—едва созревшую розу, а такія розы не попадались на глаза.

Иванъ сообразилъ, что въ Киевѣ есть женскіе монастыри, а въ тѣхъ монастыряхъ нерѣдко подъ черными мантіями таятся жгучія очи и тлѣютъ пылкія страсти. Съ некоторымъ трепе-

таніемъ вступаетъ онъ въ церковь Флоровской женской обители. Стройное пѣніе раздается, нѣжными звонкими голосками молитвы произносятся,—гусаринъ почувствовалъ въ себѣ нѣкій бальзамъ; но когда онъ окинуль однимъ взглядомъ молящихся,—чуть не запрыгалъ отъ удовольствія; все женскія лица, больше молодыя и хорошенъкія, взгляды томные и нѣжные. Онъ сталъ разсматривать эти лица и растерялся, не зналъ какое избрать для своихъ амуроў,—одно лучше другого; онъ разомъ всю женскую кучу захватилъ бы, еслибъ это можно было.

И на другой день онъ отправился въ туже обитель; теперь осматривалъ монашечкъ съ болѣшимъ спокойствіемъ и на одну изъ нихъ обратилъ особенное вниманіе. Ея черныя, полныя огня очи, розовый румянецъ на щекахъ, ея статный, крупныхъ размѣровъ бюстъ,—произвели такое сильное впечатлѣніе на соглядатая, что онъ началъ дрожать, какъ въ лихорадкѣ; но пре-возмогъ себя, успокоился и сталъ пристально глядѣть на нее; черница, наконецъ, оглянулась и бросила на незнакомца удивленный взглядъ; незнакомецъ продолжалъ упорно смотрѣть на нее; черница бросила на него вторичный взглядъ, нѣсколько кокетливый, гусаринъ воспользовался моментомъ, пославъ ей воздушный поцѣлуй; лицо врасавицы зардѣлось, какъ маковый цветъ, и она потомъ долго не оборачивалась въ его сторону; наконецъ, глянула на него—и полонъ нѣги былъ взглядъ ея. У гусарина помутилось въ головѣ, когда онъ уловилъ этотъ взглядъ. Тѣмъ не менѣе, и на этотъ разъ гусаринъ пришелъ домой неудовлетворенный собою, своимъ поведеніемъ; ему представлялось невозможнымъ овладѣть предметомъ своей внезапной любви. Долго думалъ объ этомъ, онъ нашелъ необходимымъ употребить въ дѣло своего вѣрнаго служителя—сербина Савву. Прежде всего господинъ повелъ Савву въ церковь и познакомилъ его съ физіономіей своей возлюбленной. Затѣмъ Савва принялъ образъ и подобіе нищаго и сталъ протягивать руку при входѣ въ монастырскую церковь. Чрезъ нѣсколько дней нищему и удалось выполнить порученіе: онъ воспользовался моментомъ, когда желанная черница выходила изъ церкви одна, и сунулъ ей въ руку записку. Въ запискѣ писалось, что панъ

Ив. Требинскій, владѣлецъ слободки Чутовки въ Горопшинской сотнѣ Лубенскаго малороссійскаго полка, увидѣлъ черницу въ церкви и почувствовалъ къ ней такую любовь великую, что не можетъ ни спать, ни есть, и желаетъ „сдѣлать ее своей законной женой“; если она „того хочетъ“, такъ пусть назначить время и мѣсто для того, чтобы можно было повидаться и переговорить“.

Такая писулька пришлась по сердцу молодой черницѣ. Это была круглая сирота, не знаяшая отца и матери. Дочь козака, имѣвшаго жительство въ Черниговскомъ малороссійскомъ полку, она до восьми лѣтъ жила у своей тетки, старушки, которая отдала ее, свою племянницу, на воспитаніе въ монастырь. До шестнадцати лѣтъ ей хорошо и спокойно жилось въ стѣнахъ монастырскихъ, ее часто навѣщала тетушка, и дни этихъ свиданій были для нея такими радостными и праздничными. Но вотъ на шестнадцатомъ году случилась бѣда, измѣнившая внутреннюю жизнь девушки. Богомольцы принесли ей изъ родины вѣсть, что тетушки уже нетъ на свѣтѣ, она поконится въ сырой землѣ. Сильно затосковала сиротка, лишившись единственного существа, къ которому она питала безграничную любовь; нѣкоторое утѣшеніе она нашла лишь въ томъ, что вотъ пойдетъ на родину и тамъ ороситъ могилу горючими слезами; но сиротинушкѣ не позволили и шагу сдѣлать за монастырскія стѣны, и она впервые возненавидѣла эти стѣны, почувствовала, что она, живой человѣкъ, находится какъ бы подъ гробовой крышкой.

Тоска по теткѣ и ненависть къ монастырской жизни были настолько велики, что черница нѣкоторое время проболѣла. Оправившись отъ болѣзни, она все таки грустила и грустила; ненависть къ монастырскимъ порядкамъ и занятіямъ въ ней возрастила, роль послушницы съ каждымъ днемъ становилась ей невыносимѣ и непригляднѣе. Вмѣстѣ съ тѣмъ тотъ невѣдомый міръ, что за монастырской оградой, казался ей такимъ загадочнымъ и заманчивымъ. О, какъ бы ей хотѣлось очутиться среди этого міра, раздѣлить его радость и горе! Навѣрное, въ томъ мірѣ она не испытывала бы той душевной тяготы, какую испытываетъ здѣсь, въ мрачной кельѣ; она тамъ была бы

свободной пташкой, нашла бы себѣ занятіе по желанію и нашла бы друга сердечнаго, который своею любовью замѣнилъ бы ей то, что утратила она со смертью тетки. Эта потребность любить и быть любимой становилась для тоскующей дѣвушки все неотразимѣе. Съ полученiemъ извѣстнаго письма въ ея кипучей дѣственной натурѣ забушевали страсти. За чтеніе этого письма черница нѣсколько разъ принималась, все какъ бы не довѣряя своимъ очамъ. Она радовалась, что является возможность жить въ монастырѣ и быть любимой; но ее начала пугать мысль о томъ, что она оставляетъ монастырь и отдается, довѣряется невѣдомому человѣку; вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ человѣкъ понравился ей, она уже мечтала о немъ и въ этихъ мечтаніяхъ провела нѣсколько беспокойныхъ ночей. Страстное влеченіе къ этому человѣку, чувство радости и ощущеніе страха такъ смѣшились и перепутались, что Наташа (такъ звали героиню нашего разсказа) никакъ не могла рѣшить, которому изъ нихъ послѣдовать. Крайне взволнованная, она падаетъ на кровать и начинаетъ рыдать. Нарыдавшись, Наташа схватывается съ кровати, падаетъ на колѣни и молится. Долго она молилася, все прося Божію Матерь, дабы въ мірѣ ей ни спослано было счастье, и она, сиротка, не была бы обижена. Успокоенная молитвой, она начала мечтать о той новой жизни, о которой она сама же задумала уже давнымъ давно и выходъ въ которую теперь судьба устраиваетъ ей. Со сладкими мечтаніями она уснула.

На другой день, вечеромъ, во время богослуженія, въ одномъ изъ монастырскихъ закоулковъ Наташа очутилась въ объятіяхъ Ив. Требинскаго и получила отъ него первый поцѣлуй. Эти объятія и этотъ поцѣлуй произвели въ юной черницѣ такое сладостное ощущеніе, какого она еще не испытывала дотолѣ.

Въ ту же ночь Ив. Требинскій увезъ Наташу изъ города и благополучно прибылъ съ нею домой. Черезъ три дня Ив. Требинскій обвѣнчался съ Наташою сколько изъ любви къ ней, столько изъ-за боязни, чтобы она не улизнула отъ него обратно въ монастырь, ибо бракосочетаніе она поставила непремѣннымъ условіемъ сожительства. Такимъ то способомъ, сверхъ всячаго

чаянія, Ив. Требинскій сдѣлался женатымъ человѣкомъ,—обзавелся законною женою. Теперь жизнь его пошла иначе: воинственные намѣренія были отложены на задній планъ и главное вниманіе обращено на женку и мирныя занятія.

Мирнымъ занятіямъ гусаринъ Иванъ предался съ особой энергіей, пріимѣтивъ, что дѣлаетъ братецъ Данило. А Данило вотъ-вотъ недавно поработалъ такъ, что шестерыхъ Оржицкихъ козаковъ обездолилъ и, что называется, въ трубу пустилъ: одни должны были за безцѣнокъ продать ему грунты свои и стать его подсусѣдками, другіе за долги должны были лишиться грунтовъ и пошли себѣ на всѣ четыре стороны.

Къ такой же работѣ неудержимо устремился и Иванъ, особенно съ той поры, когда ему удалось пріобрѣсти два сосѣднихъ небольшихъ козачьихъ хуторка,—онъ купилъ ихъ за весьма ничтожную цѣну, каковую козаки получивъ, поплелись съ сумою за плечами Богъ вѣсть куда. Сихъ козаковъ гусаринъ Иванъ обездолилъ двумя способами: одному чинилъ разные прижимки, запахивалъ межи и захватывалъ худобу, якобы за потравы; другому даль на продажу двѣ куфы горячаго вина; продать всей водки не удалось, а уплатить за нее всѣ деньги пришлось; и такъ путался козакъ Добровеличко въ долгахъ до тѣхъ поръ, пока не пришлось отдать Требинскому часть грунта; а какъ забрался сюда Иванъ, то довелъ козака до того, что онъ перекрестился и уступилъ сербину остальную часть своей прадѣдовской земли.

Такого рода мирными занятіями Ив. Требинскій тѣмъ болѣе увлекся, что его законная жена оказалась умѣлой и неусыпной хозяюшкой. Не прошло и двухъ лѣтъ со времени бракосочетанія, какъ Иванъ имѣлъ удовольствіе созерцать въ своей усадьбѣ массу живности всякой и овоцей. Сундуки у Ивана наполнились „сувоями самодѣлковаго холста“, а въ коморахъ лежали большие свертки домашняго сукна, которое выдѣльвалось на собственной сукновальнѣ, устроенной въ мельницѣ по инициативѣ жены; въ домѣ гусарина Ивана появились круженницы, коверницы и золотопвей, на коихъ гусаринъ искоса запускалъ свои огненные глаза и лучшихъ изъ нихъ,

въ удобные моменты, лавливалъ. Сіи продѣлки скоро замѣтила молодая жонка и попробовала было положить имъ конецъ разъ и навсегда; но это молодой женщинѣ не удалось: едва только она произнесла словечко, какъ муженекъ вызвѣрился и такъ взглядомъ пронизаль жонку, что въ очахъ у нея помутилось и едва она не лишилась сознанія; но скоро пришла въ себя, расплакалась и дала обѣщаніе, что никогда ни единаго противнаго слова не вымолвить ему; къ счастью своему, она была не ревнивая и чрезвычайно мягкой души женщина.

Живя съ такою женщиной смироною и домовитою, Иванъ чувствовалъ себя на верху блаженства и вмѣстѣ съ нею „дбалъ добро“. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ постарался окружить себя воинственной челядью, такою, каковая всегда водилась у братца Даниила: то были молодцы, не имѣющіе за плечами ни семьи, ни хаты; для каждого изъ нихъ у гусарина имѣлся боевой нарядъ: лошадь, списъ, ружье, плеть, пистолеть и сабля. Въ такомъ нарядѣ онъ выпускалъ команду на свои поля для береженія ихъ, съ командой въ такомъ нарядѣ онъ выѣзжалъ поохотиться на звѣря лѣсного; въ сопровожденіи ея совершалъ путешествія въ Плеховъ и къ родичамъ въ Ирклѣвъ. Въ такихъ экскурсіяхъ гусаринъ Иванъ, что называется, отводилъ свою душу: ибо у него была врожденная страсть къ боевымъ приключеніямъ; только теперь онъ обнаруживалъ ее такимъ, можно сказать, невиннымъ способомъ, ибо по-прежнему обнаруживать ее нельзя было: козачьи команды зорко слѣдили за Ив. Требинскимъ и держали его въ томъ же осадномъ положеніи; такъ что нанести вредъ Мармутѣ, Рубану, Боровку, генеральному бунчучному Оболонскому и прочимъ не представлялось никакой возможности. Слѣдить же зорко, такъ сказать, выуживать удобный случай для нападенія на упомянутыхъ лицъ—было весьма затрудительно; ибо, какъ мы знаемъ, гусаринъ Иванъ рьяно занялся двумя предметами—молодою домовитою женой и хозяйствомъ. Наконецъ, прежняя воинственный продерзости нужно было оставить и для того, чтобы по истеченіи вѣкотораго времени имѣть возможность снова зачислиться на службу,—совѣтно же и обидно и для потомства вредно

остаться рядовымъ навсегда. А въ лицѣ сынка таковое по-
томство уже появилось на свѣтѣ божій, и жонка тѣмъ настой-
чивѣ начала приставать къ муженьку о необходимости для
него служебной карьеры.

Муженекъ зачислился въ одинъ изъ пѣхотныхъ полковъ,
въ коемъ со временемъ и дослужился до чина подполковника.
Сдѣлавшись подполковникомъ, Ив. Требинскій еще въ большей
степени предался любостяжанію: людей, прожившихъ на его
грунтахъ болѣе шести лѣтъ, началь мало - по - малу утѣснять
оброками и господскими работами; многіе не выдерживали „ра-
ботизны“ и ударялись въ бѣгство; на мѣсто сбѣжавшихъ явля-
лись новыя рабочія силы; видно, голытьбы въ то время много
было въ Малороссіи, изобилующей водою, лѣсами, тучной почвой
и прочими благами земными. Большая же часть людей съ
адскимъ терпѣніемъ выносила иго — тажесть „работизны“, —
жаль вѣль было бросить на произволъ судьбы имущество,
важитое въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, и неудобно съ малыми
дѣтьми лишиться крова да идти Богъ вѣсть куда; убѣгать же
съ нажитымъ имуществомъ невозможно было: для устраниенія
такихъ побѣговъ у господина подполковника имѣлась воин-
ственная челядь.

Тяжелую руку Требинскаго Ивана чувствовали на себѣ и
сосѣдніе козаки—обладатели хуторковъ. У одного изъ нихъ,
Панаса Великохатька, онъ насильно отхватилъ кусокъ земли,
объявилъ, якобы сей кусокъ показанъ на планѣ, учиненномъ
при отводѣ земли родному дядѣ, Славу Требинскому. Возникла
судебная тяжба, которая тянулась пять лѣтъ и окончилась
тѣмъ, что межевая комиссія, назначенная судомъ, будучи под-
куплена Ив. Требинскимъ, утвердила за нимъ желанную зем-
лицу. Такимъ же манеромъ онъ отнялъ двѣ земли еще у
двухъ козаковъ—Гаврила Рудого и Василя Доброштана.

Братецъ Данило точно такъ же продолжалъ раскидывать
свои сѣти въ Оржицѣ. Онъ изъ года въ годъ продолжалъ
„скуплять“ козачьи грунты и довелъ сю куплю до такихъ
размѣровъ, что Оржицкіе козаки увидѣли себя окружеными
земельнымъ кольцомъ; „выбираться“ изъ этого кольца, хотя бы

украдкой, нельзя было: ибо оно было тщательно оберегаемо воинственной челядью господина бунчукового; и дабы не летать по воздуху за предѣлы этого кольца, а имѣть изъ него естественные и удобные выѣзды—вынуждены были козаки уступить Давилу Требинскому „въ его и дѣтей его вѣчное по-томственное владѣніе балку съ лѣсомъ и ставомъ“. Теперь Данило началъ мирно жить съ Оржицкими козаками, число коихъ онъ значительно поуменьшилъ и продолжалъ уменьшать.

Результатомъ таковой дѣятельности было то, что Требинские, Иванъ и Данило, значительно расширили предѣлы мѣстностей, оставшихся имъ отъ дядей Славуя и Алексея, обзавелись большимъ количествомъ „подданныхъ“ и зажили настоящими павами, что называется—на всю губу.

Воть что творили Сербы въ гетманщинѣ: что хотѣли, то и дѣлали. Законнымъ козачьимъ командамъ противопоставляли свои домашнія команды; занимались вооруженными наездами на козачье добро. А когда нельзя стало долѣ предаваться этому ремеслу, занялись иного рода завоеваніями: стали практиковать такой разбой, на помощь которому являлась тогдашняя Малороссійская волокита, т. е. производили разбой легальнымъ способомъ; и этотъ способъ далъ такие результаты, что въ Горошинской сотнѣ Лубенского полка значительное число козаковъ исчезло, и это исчезновеніе совершилось довольно скоро—въ два десятка лѣтъ.

А. Поляницкий.

Смерть, погребение и загробная жизнь по понятиямъ и вѣрованію народа¹).

I.

Почти съ каждымъ изъ такихъ важныхъ моментовъ въ человѣческомъ бытіи, какъ появленіе человѣка на свѣтъ или рожденіе, затѣмъ крещеніе, замужество или женитьба, и, наконецъ, послѣдній актъ въ человѣческомъ существованіи, его тѣлесная смерть,—въ понятіи и вѣрованіи народа связано много повѣрій, суевѣрій, обрядовъ и обычаевъ. Чѣмъ важнѣе событие въ человѣческомъ бытіи, напр. рожденіе человѣка или смерть его,—тѣмъ болѣе оно имѣеть народныхъ повѣрій, обрядовъ и обычаевъ. Но всѣ обряды и обычай, касающіеся такого важнаго со-

¹) Нѣкоторые материалы для изученія малорусскихъ похоронныхъ обрядовъ и представлений, связанныхъ со смертью, появлялись уже на страницахъ „Кievskoy Stariiny“; таковы статьи: 1) Браиловскаго. Малорусская похоронная прічеть и миѳическое ея значеніе. 1885, № 9, 73—84, 2) Васильева. Къ малорусскимъ похороннымъ обрядамъ. 1889, № 5—6, 635—637, и Малоруссіе похоронные обряды и повѣрья, 1890, № 8, 317—322, и 3) Ящуржинскаго. Остатки языческихъ обрядовъ, сохранившихся въ малорусскомъ погребеніи, 1890, № 1, 130—132. Большой запасъ материала напечатанъ въ Трудахъ этнографическо-статистической экспедиціи въ западно-русский край. Т. IV, стр. 697—713. Основнымъ изслѣдованиемъ въ этой области, какъ по методу, такъ и по выводамъ, до сихъ поръ остается вышедшая въ 1868-мъ году диссертациі А. А. Котляревскаго „О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ Славянъ“. Важно было бы сравнительное изученіе народныхъ похоронныхъ обычаевъ и тѣхъ археологическихъ данныхъ, которые добыты въ новѣйшее время при раскопкахъ могилъ въ славянскихъ земляхъ (напр. раскопки В. Б. Антоновича въ странѣ Древлянъ, Радимичей и др.). — Ред.

бытія въ человѣческой жизни, какъ его рожденіе и крещеніе, уже собраны и записаны Х. П. Ящуржинскимъ, („Повѣрья и обрядности родинъ и крестинъ“, отд. от. изъ „Кiev. Стар.“); другое важное событие въ человѣческой жизни,—женитьба или замужество,—однимъ словомъ,—свадьба,—этнографами-собирателями уже многое-множество разъ описаны, записаны, собраны и систематизированы; всѣмъ свадебнымъ обрядамъ очень много есть сборниковъ; не мало также есть и научно-разработанныхъ трудовъ, статей и сочиненій, касающихся втораго важнаго акта въ человѣческомъ бытіи—женитьбы или свадьбы у простаго народа (какъ напр.: „Религіозно-миѳическое значеніе малорусской свадьбы“ Н. Ф. Сумцова).

Собранныхъ же въ извѣстной мѣстности, такъ сказать, во едино сгруппированныхъ и записанныхъ всѣхъ повѣрій, обычаевъ и обрядовъ, относящихся къ послѣднему акту въ бытіи человѣка—его тѣлесной смерти,—мнѣ не приходилось встрѣчать; между тѣмъ съ этимъ событиемъ связало очень много повѣрій, обрядовъ и обычаевъ, но самое главное то, что всѣ эти обряды и обычай имѣютъ чисто-языческий характеръ, какъ остатокъ древняго язычества.

Настоящей моей замѣткой я имѣю цѣлью сгруппировать, собранныя прямо изъ народныхъ усть, всѣ повѣрья, обряды и обычай, относящіеся къ смерти человѣка и его погребенію, записанные мною въ староконстантиновскомъ и заславскомъ уѣздахъ волынской губ.

Безъ всякой и малѣйшей претензіи на научное значеніе моей статьи (такъ какъ для этого у меня нѣть ни времени, ни—самое главное—силъ)—я лишь, какъ этнографъ-любитель и собиратель, по мѣрѣ своихъ слабыхъ силъ и умѣнія хочу пополнить одинъ пробѣлъ въ малорусской этнографіи и собрать все,—насколько это возможно, относящееся къ смерти человѣка и его погребенію, собрать сырой матеріалъ, чтобы дать такимъ образомъ возможность этнографамъ-ученымъ этотъ матеріалъ, или правильнѣе вопросъ, разработать научно.

II.

Сновидѣнія, предвѣщающія смерть.

Прежде, чѣмъ говорить о смерти человѣка, я хочу сказать нѣсколько словъ о сновидѣніяхъ, предвѣщающихъ смерть, предзnamенованіяхъ и предчувствіи смерти, такъ какъ, по вѣрованію нашего народа, смерть почти каждого человѣка—предупреждается или сновидѣніями тому лицу, или ближнимъ его, или предзnamенованіями, или предчувствіемъ близкой смерти.

Особенно сильно распространена въ простомъ народѣ вѣра въ пророческое значеніе сновъ вообще и въ сны, предвѣщающіе смерть, въ частности. Мужики еще не такъ слѣпо вѣрятъ въ сны и значеніе ихъ, но что касается бабъ, то тѣ положительно слѣпо, до глупости вѣрятъ въ пророческое значеніе сновъ.

Въ каждомъ селѣ можно найти не одного даже, а нѣсколько,—такъ сказать,—живыхъ „сонниковъ“, снотолковательницы, обыкновенно ветхихъ старухъ,—которыя, кому бы какой замысловатый сонъ ни приснился, объяснятъ, растолкуютъ его лучше и удачнѣе всякихъ „сонниковъ“ Леухина, Манухина и друг. издан. Никольского рынка.

При этомъ эти снотолковательницы по времени когда, т. е. въ какую часть ночи снится сонъ, замѣ чаютъ, опредѣляютъ, насколько важенъ онъ и когда онъ сбудется; такъ сонъ, снившійся съ вечера и до полуночи,—однимъ словомъ, сейчасъ, какъ заснуть,—никогда не сбывается, такъ какъ относится къ событиямъ уже прошедшемъ, т. е. знаменуетъ то, что уже прошло; сонъ, приснившійся въ полночь, или „коло пивночи“,—сбудется не раньше 7—9 дней; сонъ, видѣнnyй „лосвита, якъ уже пивни спивають“,—сбывается чрезъ 3 дня и, наконецъ, сонъ, видѣнnyй уже „бильмъ днемъ“, предъ-тѣмъ, какъ вставать, сбудется въ тотъ же день.

Сны же, снящіеся „съ субботы на недилю—ничего не значать“, т. е. никогда не сбываются, и, чтобы ни снилось, никакого значенія оно не имѣтъ.

Эти сельскіе снотолковательницы, по времени, когда видѣлъся сонъ, даже какъ-то опредѣляютъ такие сны, которые, по ихъ толкованію, должны исполниться лишь чрезъ двѣ недѣли.

Если однозначущія сновидѣнія (т. е. предвѣщающія одно и тоже) или видятся въ одну ночь сразу нѣсколькими лицами въ семье, или видятся одному лицу три ночи къ ряду,—то предвѣщаемое тѣми сновидѣніями событие обязательно исполнится и даже очень скоро.

Если видѣнное сновидѣніе всѣмъ разсказывать, что, вотъ молъ, мнѣ снилось то-то и то-то, то оно не сбудется; поэтому если приснится „дурной“ сонъ (предвѣщающій дурное), для того, чтобы онъ не исполнился, нужно разсказать его всѣмъ,—какъ можно большему числу лицъ; а о хорошемъ снѣ,—наоборотъ, молчать и никому не говорить (с. Молчаны, старокон. у. вол. губ.)

Но я слишкомъ увлекся снами вообще, хотя все сказанное мною имѣетъ соотношеніе и значеніе и къ снамъ, предвѣщающимъ смерть. А такихъ сновъ у нашего народа не мало.

Такъ если снится, что выпалъ зубъ—непремѣнно ктонибудь умретъ; при этомъ, если снится, что выпалъ зубъ и при томъ кровь и боль—умретъ кто-нибудь очень близкій, чья смерть будетъ тяжела; если зубъ выпалъ безъ крови и боли,—умретъ кто-нибудь, чья смерть не будетъ тяжела и чувствительна.

Если снится, что въ хатѣ печь развалилась, или потолокъ упалъ, или стѣна обрушилась,—тоже кто-нибудь умретъ.

Сонъ, что порвались сапоги, поотлетали подошвы,—тоже предвѣщаетъ чью-нибудь смерть.

Ѣхать (во снѣ) оченьшибко на бѣлыхъ лошадяхъ, или вообще, на лошадяхъ, или быть въ одномъ, при томъ грязномъ бѣльѣ,—быть при смерти больнымъ.

Тонуть (тоже во снѣ) въ очень грязной и мутной водѣ—тоже быть смертельно больнымъ; при этомъ, если снится, что тонулъ, но спасся,—то значитъ,—быть смертельно больнымъ и выздоровѣть; а если снится,—что тонулъ и захлебнулся, пошелъ ко дну,—предвѣщаетъ смерть того лица.

Если видѣть во снѣ драку до крови, или самому бить кого до крови,—то „хто-небудь видебѣецца“ т. е. умретъ.

Если видѣть себя во снѣ въ зеркалѣ—тоже смерть. Слухается также, что человѣкъ вдругъ на яву самого себя видѣть; въ заславскомъ уѣздѣ говорятъ,—что это человѣкъ видѣть свою душу, которая на минуту отдѣляется отъ тѣла; въ староконстантиновскомъ уѣздѣ говорятъ, что въ такихъ случаяхъ человѣкъ видѣть „своего ангела“; итакъ, если человѣкъ увидѣть на яву самого себя, то очень скоро умретъ.

III

Предзнаменование смерти.

Предзнаменованій, или, по народному, „прыкметъ“, предвѣщающихъ смерть,—у простаго народа меньше, чѣмъ сновидѣній о томъ-же.

Такъ, если икона треснетъ, будто кто изъ ружья выпалить, непремѣнно кто-нибудь въ той семье или въ томъ домѣ умретъ¹⁾); точно также, по вѣрованію народа, смерть предвѣщаютъ вообще сильные трески, безъ всякой видимой причины, мебели; лопаніе, безъ всякой причины, оконныхъ стеколъ, посуды, и пр., паденіе со стѣны иконы.

По поводу предзнаменованія смерти—треска иконъ много лѣтъ тому назадъ мнѣ пришлось въ д. Григоровкѣ, старокон. у. вол. губ. отъ одного интеллигентнаго семейства г. Ш—скихъ слышать слѣдующій случай, бывшій въ той деревнѣ.—Дочери г. Шк. г. жи Ю. и М. Ш—скіе и съ ними сестра пишущаго это, въ 9 час. вечера, сидѣли въ комнатѣ и разговаривали. Вдругъ въ особо чтимой въ семье иконѣ Божіей Матери, висѣвшей на стѣнѣ, раздался сильный, на всю комнату трескъ, какъ бы отъ ружейнаго выстрѣла. Сняли и осмотрѣли икону—она оказалась нѣзѣдѣ цѣлой. Спустя нѣсколько дней дѣвушки Шк.—скіе узнали, что въ тотъ самый часъ и минуту, какъ треснула икона, отецъ

¹⁾ Нельзя, чтобы одновременно горѣло въ комнатѣ три свѣчіи и вообще огни; иначе кто нибудь въ домѣ умретъ. Если собака воетъ, повернувшись мордой къ дому и поднявъ ее въверху, за домъ,—кто нибудь въ домѣ умретъ.

ихъ умеръ въ гор. Д—нѣ, волын. губ.—Подобный же случай рассказывалъ мнѣ въ той же деревнѣ г. П., что въ тотъ день, какъ должна умереть его дочь, въ углу, гдѣ висѣли иконы, раздался сильный трескъ, подобный слабому ружейному выстрѣлу.

Также, если птичка ночью ударится въ окно разъ или нѣсколько разъ, какъ-бы стараясь проникнуть въ домъ,—въ томъ домѣ непремѣнно кто-нибудь умретъ.

Птичка эта—вѣстникъ смерти.

Курица, запѣвшая пѣтухомъ, тоже предвѣщаетъ чю-нибудь смерть. Такую курицу нужно сейчасъ же взять и мѣрить ею отъ противоположной порогу стѣны—къ порогу, и если голова курицы окажется на порогѣ—отрубить ее, если же хвостъ—отрубить и хвостъ.

Кто на Пасху, при разговѣніахъ свяченымъ яйцомъ икнетъ,—тотъ „другой пасхи вже не дочекае, вмре“.

Если на „кути“ посмотретьъ чрезъ окно на ужинающихъ, и кого изъ нихъ или совсѣмъ не видно—пустое тамъ мѣсто, или видно, какъ бы пень,—тотъ до другой „кути“ уже не доживетъ.—Если лопнетъ вѣнчальное кольцо—тоже смерть лица, коему оно принадлежитъ.

IV

Предчувствіе смерти.

Предчувствіе смерти, по мнѣнію и понятіямъ народа, почти всегда и у всѣхъ одно и то же и у всѣхъ выражается одинаково.—„Чоловикъ ходить, нибы самъ не свїй: не есть, не пье, нудить свитомъ и не може найти соби мисца“.—Понятіе и вѣрованіе народа о предчувствіи смерти лучше всего выражается въ слѣдующемъ разсказѣ крест. д. Григоровки, старок. у., бабы Захарыхи: „це робилося въ субботу рано, вставъ май небожчыкъ Захаръ, та такий дуже смутный, невесылый. Я й пытаю его: Захаре, може тоби який поганый сонъ снывся, що ты такий смутный?—Ни, каже, ничего не снылся,—ни пога-

ного, ни гарного.—А чого жъ ты,—пытаюся его—такий невесылый?—Такъ чогось, я й самъ не знаю. Ни бы мае що прыключытыся зо мною.

Взявся Захаръ до работы коло хаты, алежъ бачу неробыця ему; все ходыть и нибы що згубывъ, шукае.

Силы обидаты,—сивъ и винъ, алежъ сербнувъ разъ, тай положывъ ложку.—Захаре, чому не исы?—пытаюся его. — Чогось, каже, нехочецця исты; чогось дуже не весело и за сердце шкребе, не можу найти соби мисця. Бачу я, щось недобрее діетця зъ моимъ Захаромъ, тай кажу до него.

— Захаре! може тебе врикъ хто, або дання давъ; пиду я до бабы Марыськи; нехай прыйде пошелче, змовытъ,—може що поможе.

— Дурный той, хто вирыйте вашимъ захаркамъ и ихъ шелтаню,—крыкнувъ сердыто Захаръ, а по тимъ помягчавъ, тай каже:

— Певне! я вже вмру!

Отакъ винъ ходывъ самъ не свій, нудывъ свитомъ весь день въ субботу. Прыйшла недиля. Каже до мене Захаръ:

— Пиду до церкви, посповидаюся, та запрычащуся—може полегшае. Пишовъ...

Прышовъ з церкви вже веселый, спокойный.

— Ну, думаю соби, Слава Тоби, Господы!!...

Силы обидаты; Захаръ мій добре, нибы писля косы, або писля цепа, пообидавъ, та щей за обидомъ выпывъ добрый кишишокъ горилки. По обиди каже мій старый:

— Ляжу трохы, та спочыну. Щось тяжко, пообидавши.

А з нымъ николы того не бувало, щобъ въ день спавъ.

Ого винъ лигъ. Отъ вже и вечеріе, вже и сонце заходыть, а мій старый лежыть, не встає.

Я до него—будыты—эге!—а винъ вже й захоловъ.

Ныхто й нечувъ, колы душа з тила выйшла, колы винъ вмеръ.

— Недаромъ, подумала я соби, нудывъсъ винъ цилый день.

Чула его душенька,—та не могла сказать.

Представленіе народа о смерти.

Нашъ народъ смотритъ на послѣдній актъ въ человѣческомъ существованіи,—смерть,—очень серьезно и вообще относится къ ней съ должной, подобающей серьезностью. По понятіямъ нашего народа, тогда только смерть можно назвать „людейской“ (и „хрыстыянской“), если человѣкъ спокойно умретъ на постели, предварительно приготовившись путемъ исповѣди и пріобщенія св. Таинъ и затѣмъ простившись со всѣми близкими.—О такой смерти народъ отзыается:

— „То-то такому-то Богъ гарну смерть пославъ“

или:

„То-то такой-то гарно вмиравъ“.

Относительно смерти вообще у нашего народа есть много изреченій и поговорокъ, выработанныхъ вѣковой народной мудростью и рисующихъ серьезный взглядъ нашего народа на смерть.

— „Круты-не верты,—а не втечешъ видъ смерты“—говорить одна народная поговорка,—и „колы не вмираты—треба день тыряты“—добавляетъ другая.

— „Люды мрутъ,—дорогу намъ на той свитъ трутъ; а мы сухаривъ насушымъ и соби за нымы рушымъ“.

— „Видъ хлиба люды мрутъ, а безъ хлиба ще скорише“ говорить народъ.—„Смерть, а бида то и на гладки дорози здѣблять..

Народъ говоритъ и вѣрить, что смерть человѣка всегда бываетъ такова, какова и прожитая имъ жизнь. На этотъ счетъ у народа есть даже очень справедливое изреченіе:

„Яке житя—така й смерть“,—

то есть, если жизнь человѣка была спокойна и болѣе или менѣе малогрѣховна,—то и смерть его будетъ тихая, спокойная,—однимъ словомъ—„гарна смерть“, „людейская“ и наоборотъ: если человѣкъ провелъ жизнь страшно грѣховно,—то и смерть такого человѣка бываетъ страшно тѣжела, мучительна и продолжительна и не всегда „людейская“; человѣкъ не умираеть спо-

койно на постели, а „де-небудь згыне, якъ собака“. О такой смерти и вообще о смерти злыхъ людей народъ отзыается:

„Собади—собача и смерть“

или же:

„Живъ по собачи, по товарячи,
По собачи, по товарячи и вмеръ“.

— „Хиба то какъ легко вмерты, якъ-то кажедя?“ спрашиваетъ народъ въ другомъ своемъ изречениі,— и

— „Треба перше ногами попосоваты“—отвѣчаетъ на этотъ вопросъ.

Народъ вѣритъ, что только воистину благочестивые люди умираютъ спокойно, а всякий грѣшный человѣкъ, умирал, непремѣнно „мусытъ ногами посоваты“. Человѣку предъ смертью припоминаются, встаютъ предъ глазами всѣ грѣхи, все злое, сдѣланное имъ во всю его жизнь, человѣкъ, умирал, страшно мучится своими грѣхами и поэтому всякий „мусытъ ногами посоваты“.

По этому же воззрѣнію и понятію смерть всѣхъ вѣдьмъ, колдуновъ, захарокъ, — какъ величайшихъ и страшнейшихъ грѣшниковъ,—бываетъ страшна, страшно мучительна, тяжела и продолжительна.

Все зло, сдѣянное ими во всю жизнь, предъ смертью встаетъ предъ ихъ глазами, черти, а не ангелы окружаютъ ихъ смертный одръ; и души вѣдьмъ и захарей страшно мучатся предъ тѣлесной смертью и разлукой съ тѣломъ и не хотятъ выходить изъ своей земной оболочки. Да и грѣхи, какъ тяжелые камни, облѣпили душу, и не даютъ ей выйти изъ тѣла. А тутъ черти, окружавшіе смертный одръ вѣдьмы, пляшутъ и веселятся, и только и ждутъ, чтобы душа разсталась съ тѣломъ, чтобы схватить ее въ свои объятія и въ свою власть и понести въ пекло.

Таково народное представлениe о смерти вѣдьмъ и вообще великихъ, тяжкихъ грѣшниковъ.

О постоянно живущихъ очень грѣховно и не думающихъ, забывающихъ о смертномъ часѣ, нашъ народъ отзыается: „десь недумаетъ винъ николы вмираты“,

или:

„Якъ буде винъ вмираты—тоди посовае ногамы“.

О людяхъ же, постоянно дѣлающихъ зло другимъ и обижающихъ ихъ, отъ обиженныхъ сплошь и рядомъ можно услыхать:

— „Богъ знымъ; якъ буде вмираты—тоди все зло буде бачиты передъ своимы очымы.

По народному же вѣрованію очень тяжкихъ и большихъ грѣшниковъ часто даже и „сыра земля не пріймае“; и если человѣкъ умираетъ такъ, что тѣло его нельзя предать погребенію въ землѣ, какъ напр.: волки съѣдятъ, сгоритъ, утонетъ и трупа не найдутъ,—то это значить, что тотъ человѣкъ великий грѣшникъ, и самая такая смерть есть кара Божья за великие грѣхи.

— „Нехай Богъ боронить и сохранить видъ такой смерти всякого“, обыкновенно прибавляютъ при разговорѣ о такой смерти крестьяне.

Относительно злыхъ людей, у народа есть даже въ этомъ смыслѣ проклятие: „щобъ тебе (или его) сыра земля не пріняла“.

Въ разговорѣ крестьяне очень часто вместо того, чтобы сказать что такой-то умеръ, говорятъ, что такой то „незахотивъ бильше хлиба исты“.

VI.

Повѣры и обряды при смерти человѣка.

Если смерть человѣка тиха и спокойна, то окружающимъ постель его не предстоитъ никакой заботы, но если смерть тяжела, агонія мучительна, а главное продолжительна, тогда окружающимъ умирающего предстоять заботы, такъ какъ по народному убѣжденію есть разныя средства, чтобы прекратить

агонію и муки и ускорить или самую смерть, или выздоровление“, „щобъ чоловиць, або скорише йшовъ вже соби, куды на мирыся йты—на той свитъ, або скорише вертався назадъ на цей свитъ“,—ибо чоловѣкъ умирающій въ агоніи, по крестьянскому опредѣленію, находится на дорогѣ или „на раздорожі“ между двумя „свитами“ (мірами): „цимъ“ и „там-тимъ“, или по другому, еще болѣе мѣткому опредѣленію крестьянъ, умирающій чоловѣкъ стоитъ „идною ногою на тамъ-тимъ свити, а другою на цимъ свити“. Какъ я уже сказалъ, если смерть, т. е. агонія мучительна и продолжительна, то у крестьянъ есть много средствъ ускорить или смерть, или выздоровленіе. Однимъ изъ первыхъ въ такихъ случаяхъ считается—положить умирающаго на поль на бѣлую простыню и дать зажженную страстную свѣчу въ руки: „тоди вмирающій заразъ вспокоеця и затыхне“.

Въ 1872 году, во время бывшей въ волынской губерніи холерной эпидеміи, пишущій это сильно заболѣлъ холерой, перешедшей въ тифъ, и трое сутокъ лежалъ безъ движенія: руки, ноги, рѣчъ отняло, я лежалъ какъ бревно; по совѣту разныхъ сельскихъ бабъ, меня положили на поль, на разостланую бѣлую простыню и дали зажженную страстную свѣчу, „щобъ скорише вмеръ“.—Этотъ моментъ я хорошо помню.

Я впалъ въ забытье и очнулся уже въ постели на пути къ выздоровленію.

Когда чоловѣкъ умираетъ или, по простонародному, „вже конае“, и на него смотрѣть, дуже „жаловаты его, и надъ нимъ плакаты-голосыты“, то умирающій будетъ сильно мучиться; смерть его или агонія будетъ продолжительна. Душа въ такомъ случаѣ въ чоловѣкѣ мучится, ей „дуже тяжко“, и она не можетъ спокойно выйти изъ тѣла. Поэтому на умирающаго въ агоніи чоловѣка нельзя смотрѣть, и стараются, по возможности, удалить изъ хаты всѣхъ сильно плачущихъ и жалѣющихъ его; самого умирающаго очень часто всего покрываютъ бѣлой простыней, чтобы никто не смотрѣлъ, не видѣлъ муки агоніи.

Если умираютъ вѣдьмы, колдуны, знахари, вообще люди знаящіеся съ нечистою силою, то очень часто умираютъ, „касають“ нѣсколько дней и даже недѣлю,—и „все не могутъ

вмерты, тяжко имъ вмираты". Смерть такихъ людей и вообще всѣхъ „тѣжкихъ" грѣшниковъ страшна и ужасна. Такие „великие" грѣшники очень часто предъ смертью, въ агоніи „ревутъ по товарячи, дывными, не человическими голосами, що ажъ волоса стае дыбомъ". Нѣкоторые изъ умирающихъ такъ ревутъ и кричатъ по дня три.

Въ г. С—въ лѣтъ 8—10 назадъ умеръ извѣстный всему городу ростовщикъ Ф., отставной военный писарь, почти изъ ничего ростовщичествомъ составившій очень крупное состояніе; этотъ Ф. бралъ безбожные проценты, къ кредиторамъ своимъ былъ неумолимъ и многихъ раззорилъ, обнищилъ, просто ограбилъ; ва него многіе плакались. И, дѣйствительно, смерть Ф. была страшно мучительна; онъ, умирая, три дня кричалъ разными дикими, нечеловѣческими голосами, „ревивъ по товарячи". Смерть же его или агонія продолжалась цѣлую недѣлю. Мѣстные крестьяне тогда въ одинъ голосъ все говорили, что, какова была жизнь Ф., такова и смерть его, и что такая страшно-мучительная смерть его была результатомъ проклятій и слезъ раззоренныхъ имъ клиентовъ.

А вотъ интересный разсказъ о смерти одного „видьмара" или колдуна, записанный отъ кр. с. Плесны, заславскаго уѣзда, вол. губ. Федора Ярошкука.

Въ разсказѣ этомъ живо и ярко видно представление народа о смерти видьмъ, видьмарей и вообще „тѣжкихъ" грѣшниковъ.

„То въ идному сели бувъ соби дуже старый дидъ, которого вси считали видьмаромъ. Той дидъ заслабъ и три роки бувъ пры смерти: и не жые и не вмирае. Богато разъ отъ-отъ вмеръни—ожывъ, и зновъ жывый. Булы у того дида сыны, имъ дуже надокучило, що батько такъ довго лежыть и не выздоровлае, и не вмирае, и тылько заважае и имъ хлопоту додае. Иденъ з тыхъ сынивъ пишовъ въ друге село до другого дидка, про котрого также шла чутка, що винъ де що знаеца, порадытысь з тымъ дидомъ, що то робыты. Прыйшовъ до того дида, тай разсказавъ ему, що отъ батько его вже три роки лежыть, конае, и неможе ни сконаты, ни выдужаты. Тай пытаеця, „порадыте, дидусю, що то робыты?"

А той дидъ и каже: возьмы, сыаку, стару маточину зъ колеса, видъ воза, безъ шыцъ, перехресты еи и себе, покропы еи свяченою водою, тай дывыся кризъ ню на батька; тоди за-бачышь, якъ твій батько канae и черезъ що винъ не може такъ довго сканаты; и тоди допиру, твій батько вмре. Той сынъ такъ и зробивъ: взявъ стару маточину видъ колеса, безъ шыцъ, перехристыся самъ и еи перехристысь, и покропивъ святою водою, тай глянувъ кризъ ню на батька, що лежавъ на постили. Якъ глянувъ—такъ просто охолонувъ з переляку. Въ ногахъ у батька стоялы два страшныхъ чортякы з пиками въ рукахъ, а въ головахъ у батька по правій руци стояль янголь въ билимъ убрани, и з мечемъ въ рукахъ, а по ливій сторони по-отдалъ видъ постели и батька стояло зновъ два чортякы, з пикамы, таки сами чорни и страшни, якъ и ти, що въ ногахъ. Отъ тіи чорти, що стоялы въ головахъ, и стали пидкрадатися до батька; пидкрайся вже дуже близъко; тоди янголь маxнувъ на ныхъ своимъ мечемъ и воны видскочылы; такъ воны кильки разъ все хотили пидкрастыся, пидыйты до слабого, и все ян-голь мечемъ видгоняявъ ихъ. Колы дывыся сынъ, а у батька з рота вылизла маленька чорна пташечка; догадався сынъ, що то батькова душа выйшла з тила; тильки що янголь протягнувъ руку щобъ взяты ту чорну пташечку, якъ тіи чорти, що стоялы въ ногахъ, показали янгулу якусь велику чорну книгу, тоди янголь видступивъ видъ постели, трупъ и души, закривъ лыце рукамы и заплакавъ, а чортякы схопылы тую чорну пта-шечку—батькову душу,—вылытали зъ нею въ окинъ изъ хаты; а идень в чортякъ остався, и видкравше въ умершаго батька ротъ,—влизъ въ середыну, въ батька.

Сынъ тее бачывши, якъ пишовъ до попа просыты, щобъ поховавъ батька его, разомъ рассказалъ батющи, якъ винъ ба-чывъ, якъ вмиравъ его батько, и якъ чортяка въ середыну, въ трупъ зализъ.

Тай просить сынъ батюшку, щобъ тило его батька съ про-водомъ прынеслы до церкви видправыты надъ нымъ отправы и службы, и з проводомъ поховаты. А батюшка и ка-же: иди ты додому; приготовъ килька горшковъ окрону капя-

чого и чыкай мене, бо ще невидомо, чи можна тило твого батька несты до церкви, и чы прійдеця ще й несты его до церкви; може и не буде кого и чого несты.

— Черезъ що батюшка? — пытае синъ.

— Иди до дому, прыготуй окрипъ и чыкай мене, а тамъ зобачымо.

Синъ побигъ до дому, прыготовывъ килька горшківъ кипячого окропу и чыкае батюшку.

Батюшка прійшовъ, влывъ въ окрипъ трохы свачоной воды, перехрестывъ его; казавъ поставыты тило батька на ногы, и лыты въ ротъ; а батюшка ставъ читаты молытвы. Отъ якъ вылылы такъ иденъ горшокъ кыпятку, сталы лыты другій,— вдругъ тило вырвалось з рукъ, та въ коминъ, ажъ коминъ развалыло, тылько зашумило и загуркотило занымъ; такъ пропало на сей день“.

Подобный же разсказъ о смерти вѣдьмы, я слыхаль въ с. Молчанахъ, старокон. у. вол. губ. съ тѣмъ варіантомъ, что ничего не говорится о сваченой водѣ,—и трупъ цокойника остался и изъ него вышелъ злой духъ.

По народному вѣрованію, тогда вѣдьма или знахарь, вѣдьмаръ, можетъ умереть болѣе или менѣе спокойно, если передъ смертью, свое знаніе, силу, однимъ словомъ свое вѣдовство и колдовство, передастъ кому либо другому, научить кого либо; если же захочетъ передать свою науку и колдовство кому либо еще при жизни, то сейчасъ послѣ этого умретъ.

По поводу такого повѣрья тотъ же кр. Федоръ Ярошукъ рассказалъ мнѣ слѣдующее: и то рокы зо два зо три назадъ въ нашимъ сели Плесни вмерла баба, которую вси считали видьмою; она вмирала дуже довго—мало ны тыхъдень и не могла вмерть; и все просыла своихъ дочокъ, щобъ которая дала ій на свою руку подышитъ, и потриматъ, но дочки знали, что ихъ маты видьма, и ни една не хотила даты матери своей руки. На решти на пятый день, якъ маты мучилась, конала и немогла сконатъ, старша дочка видважылась и дала матери свою руку; матиръ подышлась пыльно на руку дочки, потрымала еи, крип-

ко стыснула, тай пустыла; и заразъ же спокійно вмерла. А та старша дочка зробилась такою самою видьмою, якою була мати еї".

Крест. д. Григоровки, старок. у. вол. губ. Семенъ Атласюкъ разказывалъ о смерти одной старухи въ этой деревнѣ, тоже слышавшей за вѣдьму—„она три дни ревила по товарячи; потимъ затихла; думали, що вже вмерла; приступы до неї— а вона и видкрыла очи; и такъ, якъ полино, пролежала ще 4 дни; думаютъ, що вмерла, приступлять наряжати — а вона глыпъ очима; а очи таки велики та страшени зробились, той зновъ еї положать. Нарешти вона такы вмерла, но якъ вже обріжалы еї, то ще з очый посыпалысь градомъ слезы.

Такъ тяжко гришній души розлучатись з тиломъ и ити на судъ Божій"—заключиль разказчикъ.

Крестьяне говорять, что если читать псалтирь падь вѣдьмой и вообще надъ великимъ грѣшникомъ, то „тило вздрагнеця, нибы хто пидкине“, какъ бы отъ прикосновенія электрическаго тока.

Тотъ же кр. д. Григоровки Семенъ Атласюкъ, будучи грамотнымъ, постоянно читаетъ въ своеімъ селѣ надъ покойниками псалтирь иувѣрялъ меня, что ему не разъ приходилось читать надъ такими покойниками (которыхъ онъ зналъ при жизни за очень грѣшныхъ людей), которые отъ чтенія псалтири вздрагивали. Надъ однимъ покойникомъ онъ въ теченіе ночи трижды прочель всю псалтирь и покойникъ трижды вздрагиваль, т. е. при всякомъ началѣ псалтири¹⁾.

¹⁾ А вотъ еще,—по народному понятію, вѣсколько средствъ, чтобы ускорить смерть, когда агонія бываетъ мучительна и продолжительна: если человѣкъ долго мучится—„канае, то треба поодчинати викна“ двери, печные трубы, щобъ душа ма-ла куды выплитити“. Эти средства всегда почти практикуются при тяжкой и мучительной смерти вѣдьмъ. Эти средства бываютъ особенно варварскими, жестокими зимою,—ибо если зимою пооткрывать окна, двери и трубы—то дѣйствительно всегда можно ускорить смерть, превратить агонію, заморозивъ больнаго или умирающаго.

VII.

Обряженіе покойника и приготовленіе къ похоронамъ.

Какъ только что человѣкъ „скончыцца“ (или „кончыцца“), прежде всего идутъ до церкви и даютъ 15 коп. на „подзвинъ по души“ или просто кратко „на подзвинне“, т. е. чтобы позвонили по умершемъ—„по душѣ“. Затѣмъ покойника обмываютъ и „обряжаютъ“, или иначе „наряжаютъ“: т. е. одѣваютъ, если не въ новую, то въ самую лучшую одѣжду. Ноги вмѣсто обуви обертываютъ холстомъ или бѣлыми тряпочками; на палецъ, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ надѣваютъ колечко, сдѣланное изъ воску; въ сложенные на груди руки даютъ крестикъ сдѣланный изъ воска или дерева, у богатыхъ иконку. Но самое важное и главное дѣло и обязанность, какъ только человѣкъ „кончыцца“, это закрыть покойнику глаза; для этого на закрытые вѣки покойника кладутъ тяжелые мѣдные пятаки: если это не помогаетъ, и глаза всетаки открываются, кладутъ на глаза мокрыя, теплые тряпки. Если глаза покойника не удается или трудно закрыть, и они все открываются,—то домашніе бываютъ обыкновенно въ страшномъ испугѣ и переполохѣ и не успокаются дотѣхъ поръ, пока не удается закрыть глаза мертвцу такъ, чтобы они не открывались больше.

Дѣло въ томъ, что у крестьянъ существуетъ повѣрье, что если покойникъ смотрить, то обязательно еще кто-нибудь умретъ; покойникъ высмотритъ и намѣтить себѣ, чтобы взять съ собою на тотъ свѣтъ еще кого-нибудь изъ домашнихъ.

Если ротъ у покойника открывается, то щеки подъ подбородкомъ тѣсно подвязываются платкомъ, пока „тило зовсимъ не захолоне“; тогда платокъ снимаются, и прячутъ его и онъ потомъ употребляется какъ средство отъ зубной боли для подвязыванія лица.

Въ заславскомъ уѣздѣ (сел. Плеснѣ, Городища и друг., существуетъ повѣрье и о другомъ значеніи платка, которымъ подвязываются лицо покойнику. Здѣсь крестьяне говорятъ, что если съ этимъ платкомъ въ карманѣ или въ рукахъ быть при

какой угодно ссорѣ или дракѣ, то нужно лишь стиснуть въ рукѣ этотъ платокъ, какъ ссора и драка сейчасъ прекратятся, и все успокоится. Затѣмъ имѣющаго такой платокъ никогда никто не обидитъ, не изругаетъ и не побьетъ, такъ какъ, если бы кто вздумалъ такого человѣка изругать или побить, и даже началъ бы, то стоитъ лишь владѣльцу платка сильно сжать его въ рукѣ, какъ моментально все утихнетъ и прекратится.

Мужчинѣ кладутъ подъ мышку или сбоку шапку, а женщинамъ на голову, поверхъ „очипка“ (чепца), надѣваютъ „намитку“.

Наряженаго покойника кладутъ на столъ въ переднемъ углу, подъ образами—головой подъ образа, ногами къ порогу; въ головахъ покойника ставятъ взятый изъ церкви крестъ и большую зажженную восковую свѣчу, взятую тоже въ церкви, и за которую платится въ церковь по 16 коп. за всякий сгорѣвшій „корхъ“ свѣчи (въ заславск. уѣз.).

Другія двѣ важныя заботы, приводимыя въ исполненіе сей-часъ же послѣ того (или даже одновременно), какъ покойника „нарядятъ“ и положать на столъ,—это сдѣлать „домовыну“, или иначе, „труну“, и выкопать „яму“. „Труна“ или „домовына“ дѣлается изъ досокъ, у богатыхъ окрашивается въ черный цвѣтъ снаружи и обивается ситцемъ внутри; у бѣдныхъ это просто грубо и наскоро сдѣланный ящикъ изъ досокъ, который даже непочищены рубанкомъ. „Труна“ внутри выстилается травами и зельями, освященными на „Спаса“. Изъ такихъ травъ дѣляется покойнику и подушечка подъ головы.

Вмѣстѣ съ „труной“ одновременно дѣляется и „фигура“ или крестъ на могилу.

Очень часто небольшой деревянный крестикъ прибиваются плашмя и на гробъ, на наружной сторонѣ крышки.

Входа въ домъ, гдѣ есть покойникъ, не принято говорить въ видѣ привѣтствія „здравствуйте“. Если бы кто по незнанію сказалъ бы такъ,—то вызвалъ бы (понятно, за глаза) отзывъ: „отъ неотеса! прыйшовъ до мерця, тай не вміє прывытатися з

нымъ: хиба мерцеви кажутъ здравствуй, будь здоровъ, якъ чоловикъ вже не жывый" (заслав. уѣзд.)¹⁾.

Пока покойника не вынесутъ въ церковь или не похоронять, нельзя оставлять его въ хатѣ одного безъ присмотра; иначе въ покойника войдетъ и поселится въ немъ злой духъ и тогда покойникъ по ночамъ будетъ ходить и беспокоить людей. Поэтому пока тѣло въ хатѣ, принято и въ обычай, что денно и нощно обязательно при немъ кто-нибудь, по очереди, дежурить.

Пока покойникъ въ хатѣ, нельзя подметать пола въ хатѣ, чтобы не вымести душу покойника; нельзя также „мазать“ (бѣлять), чтобы „незамазать“ душу покойника. Въ заславскомъ уѣздѣ „не мажутъ“ (не бѣлятъ) по этой причинѣ до девяти дней.

Если возлѣ тѣла летаетъ большая муха, которая садится на тѣло,—то эту муху нельзя ни убивать, ни отгонять отъ тѣла или выгонять изъ хаты; это душа умершаго въ видѣ мухи кружится возлѣ своего земнаго жилища—часто душа умершаго въ образѣ мухи до 40 дней летаетъ и живеть въ домѣ²⁾.

VIII

Разорительный обычай.

Похороны у крестьянъ обходятся сравнительно дорого, а именно отъ 15 р. (minimum, у бѣдныхъ), до 25 р. (у богатыхъ); обходятся такъ сравнительно дорого потому, что на похоронахъ у крестьянъ, какъ и при всѣхъ другихъ оказіяхъ, идетъ очень много водки (2, 3 ведра и больше), а водки много выпивается у крестьянъ на похоронахъ въ силу существующаго обычая, что всякому, пришедшему помолиться надъ покойни-

¹⁾ Также весьма распространенъ и употребителенъ обычай, что пока не вынесутъ изъ дома покойника—закрываютъ въ домѣ всѣ зеркала. Толкованій и объясненій этого обычая есть нѣсколько, но самое распространенное то, что, если не закрыть зеркалъ, то будетъ еще одинъ гробъ въ домѣ.

²⁾ Такое же повѣрье существуетъ и въ полтавской губернії. Смотри стат. свящ. А. Иванца „Домашній бытъ малоросса“ въ этнogr. сборн. Импер. геогр. общ. т. 1-й 1853 г. страница. 371.

комъ—дается чарка водки и закуска—(староконст. у.). Вследствіе этого, если въ домѣ есть покойникъ, то тамъ перебываетъ чуть не все село. Иногда умершій до того проболѣлъ вѣскользко мѣсяцевъ, и во время болѣзни никто его не навѣстилъ; но вотъ человѣкъ умеръ, и даже незнающіе его считаютъ своею обязанностью „одвидаты мерця“; это у крестьянъ почитается добрымъ, чуть ли не душеспасительнымъ дѣломъ. По народному воззрѣнію и понятію, если, когда человѣкъ умретъ—люди идутъ, то значитъ, „не цураюця“, значитъ, покойникъ пользовался популярностью; а въ дѣйствительности, строго и по правдѣ говоря, если не всѣ, то большинство идетъ, ради возможности или случая выпить добрую чарку водки. Есть такие, что даже не скрываютъ этого своего желанія и, идя въ домъ, гдѣ есть покойникъ, прямо заявляютъ: пиду, выпью чарку.—По поводу поголовнаго, всѣмъ селомъ посвѣщенія покойника, т. е. дома, гдѣ есть покойникъ, у крестьянъ есть и такое воззрѣніе: „бояться, цуратыся мерця грихъ; вси помремо, мерцамъ будымо, жыви на небо не пидемо. Хто знае—ще не видомо,—яку каждому знастъ Богъ смерть пошле. Хиба добре якъ люды, писля нашои смерты, будутъ настъ бояться и цуратыся“—(старокон. уѣздъ).

Но такое разсужденіе и воззрѣніе крестьянъ—по моему мнѣнію, нужно признать искусственной натяжкой, чтобы скрыть за ней, какъ за ширмами, сильное и большое пристрастіе и влеченіе нашего крестьянина къ чаркѣ, даже и въ этомъ случаѣ,—ибо обѣ обязанности посвѣщенія того самаго умершаго, еще при жизни его,—но во время предсмертной и часто продолжительной болѣзни,—такого воззрѣнія у крестьянъ не существуетъ; и мнѣ не приходилось слышать о немъ, вѣроятно, по той простой причинѣ, что нѣть обязательнаго обычая, чтобы при посвѣщеніи больного давать всякому чарку водки.—Поэтому, чѣмъ богаче покойникъ,—тѣмъ больше стоять его погребеніе, тѣмъ большій расходъ на водку, и тѣмъ лучше, правильнѣе сказать, тѣмъ пьянѣе поминки его, и на оборотъ у бѣдняковъ, которые по бѣдности своей, туги и скучны на водку, на угощеніе—очень часто не хватаетъ нужныхъ людей, чтобы нести „хвореныгвы“.

Къ такимъ людямъ, т. е. бѣднякамъ не больно спѣшать, или лучше совсѣмъ не спѣшать, не идутъ на погребеніе.

Даже малорусская поговорка говорить, что „якъ умре богатырь—то йде весь мырь (общество); а умре биднякъ—то тылько пипъ та дякъ“.

И тутъ, какъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ, „оказіяхъ“ въ крестьянской жизни, первую и важную роль играетъ „горилка“.

По этой то причинѣ, въ той мѣстности, гдѣ существуетъ обязательный обычай давать всѣмъ посѣтителямъ по чаркѣ—(почти весь староконст. у.) стараются, какъ можно скорѣе сбыть покойника изъ хаты, похоронить его, чтобы какъ можно скорѣе прекратить и сократить совершенно лишній расходъ водки, совершенно лишнюю раздачу чарокъ.—Впрочемъ обычай обязательного угощенія всѣхъ водкою существуетъ только въ староконстантиновскомъ уѣздѣ; уже въ со-сѣднемъ заславскомъ обычай этотъ, какъ тяжелый для кармана, разорительный, выводится изъ употребленія и почти вышелся; но и въ заславскомъ уѣздѣ тѣмъ не менѣе при отсутствіи этого обычая, расходы на погребеніе вообще и въ частности на водку, на угощеніе ничуть не сократились, не стали менѣе; отсутствіе обычая обязательного подчиванія водкою всѣхъ—лишь даетъ возможность и случай близкимъ покойнаго пьянствовать и пить сильнѣе и больше, чѣмъ тамъ, гдѣ существуетъ этотъ обычай, и выпивать самимъ 2—3 ведра водки, которая въ другихъ мѣстахъ выпиваетъ чуть не все общество; въ староконстант. у. же этотъ обычай—всеобщаго угощенія водкой держится твердо, хотя и здѣсь уже въ нѣкоторыхъ селахъ начинаютъ сознавать безполезность и тѣжесть его для кармана, но ни у кого не хватаетъ мужества и смѣлости первымъ нарушить, не исполнить этотъ обычай.

— „А люди що скажуть?!! Осудятъ, засміютъ, назовутъ: расколоныкомъ, ерытыкомъ“, замѣтилъ мнѣ одинъ крестьянинъ на мое предложеніе оставить этотъ тяжелый и разорительный для кармана обычай.

IX

Обряды при смерти и погребеніи парня или дѣвушки.

Обряды при смерти и погребеніи парней и дѣвушекъ у крестьянъ совсѣмъ другіе, чѣмъ обыкновенные похоронные обряды, или правильнѣе сказать, чѣмъ обряды при смерти всякаго другого человѣка.

При смерти и погребеніи парня или дѣвушки у крестьянъ встрѣчается странная смѣсь печальныхъ и чисто похоронныхъ обрядовъ и обычаевъ, съ не по времени—неурочными свадебными обрядами и обычаями. Однимъ словомъ, по смѣси и обилию и тѣхъ и другихъ обрядовъ, и особенно свадебныхъ, на похоронахъ парня или дѣвушки у крестьянъ—такіе похороны можно назвать смѣло: „свадьбой-погребеніемъ“; т. е. вмѣстѣ и свадьбой, и погребеніемъ. Такъ, умершую дѣвушку „наряжаютъ“, какъ невѣstu къ вѣнцу; волосы распускаютъ по плечамъ, а на голову надѣваютъ „бынды“ (ленты) и вѣнокъ, смотря по времени года, изъ искусственныхъ или натуральныхъ цвѣтовъ. Парня одѣваютъ,—какъ жениха, и къ шапкѣ, которую кладутъ съ нимъ въ гробъ, какъ жениху на свадьбѣ, призываютъ „квитку“ (цвѣтокъ).

Умершимъ, какъ парню, такъ и дѣвушкѣ, на палецъ надѣваютъ колечко и, уже не восковое, а непремѣнно металлическое; равно, какъ тому, такъ и другой къ боку цѣпляютъ „хустку“, подобно тому какъ цѣпляютъ платокъ къ боку—жениху и невѣстѣ во время свадьбы.

Но главный обычай при погребеніи парня или дѣвушки состоить въ томъ, что пекутъ „коровай“ и „шишки“. Коровай кладутъ на „вико труны“ (крышку гроба), которое несутъ обыкновенно отдѣльно отъ гроба на кладбище и здѣсь, предъ тѣмъ, какъ опустить тѣло въ яму, предъ открытымъ гробомъ, коровай рѣжутъ на куски и по кусочку одѣляютъ всѣхъ участвующихъ въ погребеніи. „Шишками“, а равно „бындами“ (лентами), если хоронятъ дѣвушку, и „хустками“, если хоронятъ парня, одѣляютъ всѣхъ участвующихъ въ погребеніи еще въ хатѣ, предъ выносомъ тѣла изъ хаты на кладбище.

Всѣ эти обряды чисто свадебные, такъ какъ все это (пѣчется коровай, шишки, и одариваются ими, а равно лентами или платками)—продѣлывается у крестьянъ на свадьбахъ.

На кладбище „гробъ съ тиломъ“ несутъ всегда открытымъ и отдельно отъ крышки; а „вико“ отъ гроба (съ короваемъ) несутъ отдельно; при этомъ, если хоронятъ парня,—то гробъ и крышку несутъ дѣвушки, а если хоронятъ дѣвушку, то гробъ и крышку несутъ парни; въ нѣкоторыхъ селахъ такихъ парней, которые несутъ умершую дѣвушку, называютъ въ то время свадебной кличкой: „боярами“, а дѣвушекъ, несущихъ умершаго парня—„дружками“, подобно тому, какъ на свадьбѣ называютъ „боярами“ парней, ведущихъ невѣсту къ вѣнцу, а „дружками“ дѣвушекъ, ведущихъ парня къ вѣнцу.

Нашъ народъ вѣритъ, что если умереть парнемъ или дѣвушкой въ полномъ смыслѣ слова (т. е. дѣственницей), то душа такого покойника „иде прямо въ рай“. Впрочемъ, такое вѣрованіе относительно парней мало и не вездѣ распространено, въ то время, какъ относительно дѣвушекъ такая вѣра распространена не только на Волыни, но и по Подольи, и въ кievской губерніи.

Въ силу такой вѣры простого народа, что душа парня или дѣвушки „иде прямо въ рай“, очень часто по поводу смерти парня или дѣвушки можно услышать среди крестьянъ отзывы:

„Отъ щаслива ёго (или еї) душенька у Бога: пишла прямо въ рай“.

X.

Оплакиваніе умершихъ. Причитаніе и голошеніе надъ покойниками.

У нашихъ крестьянъ установился своеобразный взглядъ относительно плача вообще и оплакиванія умершихъ въ частности. По этому народному взгляду, сдѣлавшемуся просто обычаемъ, если человѣкъ плачетъ тихо, хотя бы самыми горючими слезами,—которые просто душили бы и не давали возможности

слова сказать — это не есть оплакивание умершаго, плачь надъ покойникомъ, а если человѣкъ вопить „голосить“, да такъ громко, что на другомъ концѣ села слышно, да еще къ этому складно да ладно причитаетъ,—это—по народному взгляду—есть настоящій плачъ надъ покойникомъ, хотя бы это говоше-ніе и причитаніе производилось съ совершенно сухими, и даже веселыми глазами.

Чѣмъ громче голосить, лучше, складнѣе-ладнѣе причиты-ваетъ,—тѣмъ лучше,—считается у народа,—оплаканъ покой-никъ, хотя бы, повторяю, голосившій не уронилъ ни единой слезинки и голосилъ не съ печальными, а съ веселыми и даже смѣющими-ся глазами.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ д. Григоровка, старокон. у. мнѣ пришлось быть у крестьянъ на похоронахъ и видѣть какъ двѣ женщины: Приська и Палажка оплакивали своего отца Захара. Приська отъ душившихъ ее слезъ не могла вы-молвить слова, слезы и рыданія буквально душили ее, и она молча шла за гробомъ, лишь въ отчаяніи ломая руки. Сестра же ея Палажка вопила и голосила на все село и такъ громко, что даже заглушала пѣніе духовенства и при этомъ складно, не хуже какого либо барда или поэта сочиняла импровизацію, въ которой восхваляла своего отца, а равно описывала и вы-ставляла всю тяжесть и потерю отъ смерти его; при этомъ, я замѣтилъ, глаза Палажки были совсѣмъ сухи.

На обратномъ пути съ кладбища, мнѣ случайно пришлось услышать отзывъ или оцѣнку сельскихъ бабъ относительно оплакиванія обѣими сестрами Приськой и Палажкой—своего отца Захара:

— Тото Палажка гарно оплакала своего батька, дуже хо-роше плакала, а Приська десь чы не вміє плакаты, чы не хтила.

Такимъ образомъ, по народному взгляду, для плача надъ покойникомъ требуется, не большая или не меньшая скорбь, пе-чаль и сожалѣніе о покойнике, и не больше или меньше слезъ, а просто одно только умѣніе... умѣніе громко голосить и склад-но, хорошо причитывать; восхвална умершаго.

Какъ я уже сказалъ, голосить и причитывать при плачѣ надъ покойникомъ, у нашего народа вошло въ обычай; основаніе этого обычая, т. е. такого страннаго, своеобразнаго и даже дикаго оплакиванія умершихъ—кроется, теряется въ глубокой, сѣдой старинѣ,—временахъ язычества, когда существовала особая каста плакальщицъ и голосильщицъ по умершихъ, голосившихъ надъ умершими по первому зову и требованію.

Какихъ либо похоронныхъ пѣсень, такъ сказать похоронно-пѣсенной литературы у здѣшнихъ крестьянъ не существуетъ; каждый, оплакивая умершаго, самъ сочиняетъ импровизацію, принаровляясь къ случаю и обстоятельствамъ, какъ кто можетъ и умѣеть.

На этотъ счетъ у здѣшнихъ крестьянъ есть даже особая поговорка: „якъ хто хоче, такъ по свои мами и плаче“ т. е. надо понимать „какъ кто хочетъ“ въ смыслѣ импровизаціи и причитанія. Благодаря такому странному понятію и взгляду народа относительно оплакиванія умершихъ,—почти всегда на похоронахъ у крестьянъ можно наблюдать такія сцены: чѣмъ меньше кто скорбитъ, сожалѣть объ умершемъ, чѣмъ спокойнѣе можетъ говорить и сочинять, складывать импровизацію,—тотъ тѣмъ лучше (по народному взгляду) оплакалъ покойника, и умѣеть плакать, и на оборотъ: чѣмъ больше кто скорбитъ, сожалѣть и даетъ волю слезамъ по умершемъ, тотъ—по тому же понятію: не горько, не хороше, оплакалъ покойника, и вообще „не вміє“ плакать надъ покойникомъ.

XI.

Еще похоронные обряды и обычаи.

Прежде чѣмъ вынести тѣло изъ хаты на кладбище,—наблюдаются еще за нѣкоторыми обрядами и обычаями, чтобы они исполнены были; такъ напр., если умираетъ кто либо изъ супруговъ, то для того, чтобы оставшійся въ живыхъ супругъ могъ вторично вступить въ бракъ,—на умершемъ воротникъ отъ рубахи нужно оставить растегнутымъ—„розхристанымъ“,

потому что въ противномъ случаѣ, если рубаху на умершемъ застегнуть, — оставшійся супругъ ни зачто не вступить вторично въ бракъ. Съ той же цѣлью, чтобы вторично вступить въ бракъ, живой изъ супруговъ передъ выносомъ изъ хаты на кладбище мертваго—перепоясывается краснымъ поясомъ и трыжды перебѣгаетъ поперекъ дороги.

Затѣмъ у крестьянъ существуетъ повѣрье, что если умретъ вѣдьма или вѣдьмаръ, однимъ словомъ, знавшійся съ нечистой силой, то для того, чтобы послѣ смерти не ходить, не шатался, нужно трупъ его весь исковоть шиломъ.

По поводу такого повѣдья въ с. Молчанахъ, Старокон. у. я слыхалъ слѣдующій разсказъ.

„То въ иднога человека вмерла жинка, котра була видьмою; и вмираючи, стала просыты своего человека: „якъ вмру, человиче, то возьмы, перше, чимъ сховаты, зколы мене всю шиломъ“.

— Тай на що—пытаецца человека.

— Колы хочешъ знаты на що, пиды на третю ничь на цвянутарь, въ пивничъ, дывысь на мою могылу, то забачышъ, на що то треба.

Сказавши цее, вмерла.

Чоловикъ такъ и зробивъ: зколоў трупъ жинки шиломъ, поховавъ, а на третю ничь, въ пивничъ пишовъ на цвянутарь подывытись на жинчину могылу; дывыця, а чорты выйнялы трупъ жинки зъ могылы, тай давай дуты въ него; дулы, дулы, мало не лоплы; алежъ скілько не дулы, не старались надуты—ничего не могли зробити, бо тило було сколоте шиломъ. Алежъ тутъ якъ разъ заспивали пивни,—чорты кынулы тило назадъ въ могылу, а сами сchezлы.

Тоди догадався той человекъ, что его жинка була видьма и умираючи хотила, щобъ, хотя писля смерты еи, чорты не владили еи тиломъ, и на те и просыла человека сколоти его шиломъ“.

Затѣмъ въ нѣкоторыхъ селахъ существуетъ обычай, вся кому покойнику безъ различія давать въ гробъ (привязываютъ съ

боку) платокъ,¹⁾ впрочемъ, надо сказать, что этотъ обычай не вездѣ существуетъ, обычай же давать покойнику на тотъ свѣтъ нѣсколько копѣекъ, смотря по состоянію покойнаго,—хоть гроши, сильно и широко распространенъ по всей Волыни, Подоліи и кіевск. губ.; вся разница только въ томъ, что въ однихъ мѣстахъ деньги кладутъ покойнику въ труну, въ другихъ бросаютъ въ яму, въ третьихъ завязываютъ въ платокъ, который цѣпляютъ покойнику къ боку.

По поводу обычая класть въ могилу покойнику деньги, мнѣ пришлось слышать два толкованія или объясненія крестьянъ. По первому толкованію, записанному въ заславскомъ уѣздѣ, деньги покойнику въ могилу кладутъ для того, что „часто бувае такъ, что на тому мисци, де ховають мерца, вже раньше булы поховани люды, и тіи що раньше булы тамъ поховани и закопани, прыйдуть, тай станутъ выгоняты того, що потимъ тамъ похованый, скажутъ ему:

— Уступысь з витциль; ты чого наше мисце зайнявъ, на нашему мисци лигъ. То якъ той, що на остатку похованый, буде маты при соби гроши, то винъ видкупыця видъ тихъ, що раньше тамъ закопани, купыть соби у ныхъ мисце и воны его оставлять въ спокой и не будуть бильше чыпаты; а якъ не буде чимъ видкупыться, то его проженуть и выкинутъ з видтиль“ (отъ крестьянина с. Плещина, заславскаго уѣзда Федора Ярошука).

По другому же объясненію, слышанному мною какъ въ томъ же заславскомъ уѣздѣ и отъ того же лица, такъ и въ с. Молчанахъ, староконстантиновскаго уѣзда, „гроши мерцеви въ могилу кладутъ на тее, що на тимъ свити душа мае стояты на варти, коло якоись брамы, и якъ мае при соби гроши, то ско-

¹⁾ Обычай давать всякому покойнику платокъ существуетъ тоже и въ нижегородской губ. въ Лукояновскомъ уѣздѣ.

Смотр. „Этнogr. сбор. импер. геогр. общ.“ т. I-й 1853 года стат. священ. Доброзракова: „село Ульяновка нижегородской губерніи, стр. 51 сборника.“

²⁾ Подобный же обычай существуетъ при похоронахъ и въ нижнедѣвицкомъ уѣздѣ воронежской губ. Смотр. „Этнogr. сборн. императ. геогр. общ.“ вып. I-й 1853 года, статья учителя Малыгина. „Быть крестьянъ воронежской губ. нижнедѣвицкаго уѣз.“ страница 226.

ро видкупыця видъ тыен варты и довго стояты не буде; а якъ не мае чимъ видкуптыся,—то буде довго стояты на варти".

Вообще же по народному вѣрованію, тоже сильно и широко распространенному, всякая душа умершаго „на тимъ свити мусытъ стояты на варти коло якоись брамы“ (воротъ), пока ее не смѣнить душа другого покойника. Затѣмъ въ обычай класть покойнику въ гробъ то, что покойный при жизни любилъ: если куриль, то „люльку“ и „тютюнъ“; если нюхалъ, то табакерку съ нюхательнымъ табакомъ; если пиль, бутылку водки.

Впрочемъ этотъ остатокъ язычества постепенно начинаетъ выходить изъ употребленія и обычая.

XII.

Похороны.

Когда выносятъ покойника изъ хаты, то въ однихъ мѣстахъ хлѣбомъ, вымолоченнымъ изъ спона, который на „кутю“ ставятъ въ переднемъ углу, подъ образами, обсыпаютъ гробъ¹⁾, въ другихъ мѣстахъ тѣмъ же хлѣбомъ, послѣ выноса тѣла изъ хаты, обсыпаютъ снаружи кругомъ хаты, а также внутри; равно зерна хлѣба посыпаютъ на уголья и накуриваютъ внутри хату.

Когда вынесутъ покойника изъ хаты, сейчасъ же затворяютъ за нимъ двери, и нельзя отворить ихъ до тѣхъ поръ, пока покойника не отнесутъ настолько, что его не видно: иначе еще кто нибудь умретъ въ этой семье²⁾.

Въ староконстантиновскомъ уѣздѣ въ обычай, что ближніе причитаютъ и голосятъ по покойникѣ все время, какъ нач-

¹⁾ Такой обычай при похоронахъ существуетъ и въ новоградъ-волынскомъ уѣздѣ и описанъ протоиереемъ И. Морачевскимъ въ стат. „село Кобылье, волынской губерніи“ въ этнографическомъ сборн. Императ. геогр. общест. томъ I-й 1853 годъ страница 306.

²⁾ Этотъ же обычай существуетъ въ полтавской губ. въ хорольскомъ уѣздѣ; смотр. „Этногр. сбор. Императ. географ. общ.“ вып. I-й 1853 г. стат. священ. А. Иваницы „Домашній бытъ малоросса“ на стр. 371 сборника.

нуть укладывать въ труну и выносить изъ хаты, во все время пути до кладбища и пока не похоронять, но на время остановокъ для чтенія Евангелія такие плакальщики умолкаютъ, за-тихаютъ, а затѣмъ вновь продолжаютъ голосить.

XIII.

Поминки.

Когда могилу засыплють, т. е. покойника похоронятъ, то всѣ участвующіе приглашаются на угощеніе или на поминки души покойника. Нѣкоторые, какъ, напримѣръ, лѣтомъ при тѣснотѣ крестьянскихъ избъ, поминки или угощеніе устраиваютъ тутъ же на кладбищѣ, при свѣжѣ насыпанной могилѣ, для чего все наваренное и напеченное для этой цѣли, а равно водку, везутъ за гробомъ „и процессіей“ на кладбище, другое же для поминокъ и угощенія приглашаютъ присутствующихъ въ домѣ. На кладбищѣ угощеніе устраивается часто и въ тѣхъ случаяхъ, если кладбище отъ села и вообще домовъ далеко, и далеко участвующимъ идти.

Во время поминокъ душу покойника обыкновенно поминаютъ такъ: „нехай съ Богомъ (или: со святыми) спочывае, та нась не скоро до себе ожыдае“.

Чрезъ 9 дней послѣ смерти дѣлаютъ „девятыны“, чрезъ 40 дней—„сорочины“ или „сороковины“ и чрезъ годъ—„рочины“, т. е. во всѣ эти дни дѣлаютъ поминки по душѣ. Поминки эти заключаются въ томъ, что даютъ, „до церкви на служеніе“ (т. е. на заупокойную обѣдню, на поминовеніе души покойника при литургії), обязательно въ эти дни приносить въ церковь „мысочки“: хлѣбъ и пр. для панихиды, и, наконецъ, въ эти дни „одаряютъ дидивъ“, т. е. даютъ пищимъ милостыню.

У богатыхъ на „сорочины“ и „рочины“ рѣжутъ быка, овецъ или бьютъ свинью, берутъ ведра два водки и устраиваютъ „обиды для дидивъ и бидныхъ“. Кромѣ этихъ дней поминки дѣлаются и въ нарочито установленные церковью для этого

го дни для поминовенія умершихъ,—великимъ постомъ и въ октябрѣ. Въ такие дни обязательно несутъ „мысочку до церкви“ и даютъ милостыню нищимъ.

XIV.

Послѣ похоронъ.

Въ первую же ночь послѣ того, какъ вынесутъ покойника изъ хаты и похоронятъ,—въ переднемъ углу подъ образами на столѣ, гдѣ лежало тѣло, ставятъ для души покойника рюмку водки, рюмку вина или найдающе рюмку меду¹⁾ и „цилушки“ хлѣба съ солью (въ староконст. у.), въ заславскомъ же уѣздѣ ставятъ для души покойника на ночь на столѣ лишь рюмку водки и рюмку воды. На всѣхъ окнахъ ставятъ стаканы или миски, вообще посуду, съ чистой водой. По вѣрованію нашего народа, душа въ первые три дня послѣ разлученія съ тѣломъ находится безотлучно въ томъ домѣ, гдѣ умерло тѣло, и по ночамъ ёсть положенный для нея хлѣбъ, пьетъ поставленную водку и медъ, а въ поставленной на окнахъ чистой водѣ купается; поэтому въ нѣкоторыхъ селахъ староконст. у. ставятъ какъ воду на окнахъ, такъ водку и медъ для души въ переднемъ углу въ теченіи первыхъ трехъ почей смерти.

Какъ я уже сказалъ, душа умершаго первые трое сутокъ послѣ выхода изъ тѣла безотлучно находится въ домѣ, и если то душа „господара“ или „господыни“, то по ночамъ „господаруе“, особенно въ послѣднюю третью ночь, „господарь господаруе“ въ конюшнѣ, въ сарайахъ, повыгоняетъ оттуда „худобу“; „господыня човпеця въ комори“; подобныхъ разсказовъ о похожденіяхъ душъ умершихъ отъ простого народа можно услышать немало, и положительно въ каждомъ селѣ.

Также по разсказамъ нашихъ крестьянъ, тоже почти въ каждомъ селѣ, рѣдкій покойникъ, или, правильнѣе, рѣдкая

¹⁾ Этотъ обычай существуетъ и въ полтавской губ., въ хорольскомъ уѣз. Смогр. Этногр. сборн. Импер. геогр. общ. т. I-й 1853 г. Стат. свящ. А. Иваницы „Домашній бытъ малоросса“, стр. 371.

душа покойного (послѣ смерти) по ночамъ „не шатается“, не ходить. Только и слышите разсказы, что такой то „вмеръ и ходить въ ночи каждой ночи до жинки“, а такая то „вмерла и ходить що ночи, годуе покинуту малу дытыну“ и т. д. Подобныхъ разсказовъ положительно не переслушаешь, а тѣмъ болѣе трудно списать ихъ всѣ. мнѣ долго пришлось жить въ с. Григоровкѣ и Молчанахъ, староконст. у., и, если вѣрить крестьянамъ этихъ селъ и ихъ разсказамъ, то у нихъ положительно всякий умершій по ночамъ „шатается“.

По вѣрованію нашего народа, бываетъ, что иногда добрый, а иногда злой духъ, принимаетъ видъ или обликъ извѣстнаго покойника, или вселяется въ „тулубецъ“, въ тѣло извѣстнаго покойника и по ночамъ ходить; для того, чтобы знать, какой духъ это, добрый или злой,—при встрѣчѣ съ нимъ—нужно спросить: „Во имя Отца Сына и Свят. Духа. Всяка тварь хвалить Бога, а ты хвалишь?“ Если то добрый духъ, то скажеть „хвалю“, будетъ говорить и скажетъ, что ему, т. е. ей—душѣ нужно, а если то злой духъ, то на подобное привѣтствіе или вопросъ будетъ молчать и ничего не отвѣтить, а если его переврестить, или читать „Да воскреснетъ Богъ“, то злой духъ въ образѣ умершаго человѣка сейчасъ „сchezne“.

При посѣщеніи покойниковъ, т. е. если умершій по ночамъ шатается, есть безчисленное множество, по понятіямъ простого народа, средствъ: обсыплютъ домъ, въ который ходить покойникъ, а равно и могилу того покойника освященнымъ на Спаса макомъ, приговаривал: „тоди зъ могилы встанешъ, и въ хату ввѣдешъ, якъ цей макъ зберешъ“. Варятъ какимъ-то особыеннымъ способомъ гречневую кашу и кладутъ ее на окна; носятъ на шеѣ амулетики съ защитными въ нихъ освященными на Спаса травами; обкуриваютъ кругомъ снаружи и накуриваютъ внутри тѣми же травами домъ, посѣщаемый покойникомъ, и т. п. Всѣхъ этихъ средствъ и не перечесть. Но самое извѣстное средство—это вбиваются въ могилу такого неспокойного покойника „осыковый“ коль, а если этотъ покойникъ самоубийца, то похоронять его на „роздорожи“ или въ болотѣ, но не на кладбищѣ.

До 40 дней душа умершаго „блукае по свити, ходыть по земли“ и на 40 день является „до Бога на судъ“, и тогда ей опредѣляется, гдѣ ей быть: въ раю или аду.

Если оставшиеся въ живыхъ сильно убиваются—тужать по умершемъ, то для того, чтобы скорѣе они успокоились, „забулы покойника“, заставляютъ смотрѣть ихъ въ цечную трубу—„въ коминъ“, берутъ землю съ могилы покойника и сыплютъ ее за шиворотъ,—„за комиръ“, или просто носятъ ее зашитой въ амулетикъ нѣкоторое время на шеѣ, или же сильно скорбящимъ по покойникѣ перевязываютъ на нѣсколько дней очень крѣпко, ниточкой или ленточкой, „мизиный“ палецъ; отъ этихъ средствъ, по вѣрованію народа, живые очень скоро забываютъ иокойника.

А вотъ еще нѣсколько вѣрованій и обрядовъ народа, относящихся къ смерти и памяти умершихъ.

На Пасху во многихъ мѣстахъ въ обычаяѣ, чтобы живые, послѣ разговѣнья, шли на кладбище христосоваться со своими умершими родными, напр. дѣти съ родителями.

Придя на могилу умершаго, говорять: „Христосъ Воскресъ“, тату (или мамо, или же сестра, братъ и т. п.) и кладутъ на могилу одну или пару крашанокъ. Въ другихъ селахъ молча кладутъ на могилу родныхъ крашанки.

Еще нашъ народъ говоритъ и вѣритъ, что умершіе на Свѣтлой недѣлѣ идутъ прямо въ рай, каковы бы великие грѣшники ни были, такъ какъ во всю Свѣтлую недѣлю двери рая отверзты „настежъ“ безразлично для всѣхъ умершихъ въ это время. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ заславского уѣзда подобное вѣрованіе народа существуетъ лишь относительно первыхъ трехъ дней Пасхи, а въ нѣкоторыхъ — лишь относительно одного первого дня Великодня: но все таки самое первое вѣрованіе относительно всей Свѣтлой недѣли нужно считать преобладающимъ и наиболѣе распространеннымъ.

На „вилію“ въ обычаяѣ класть на всю ночь всѣ ложки въ макотру съ кутей, такъ какъ ночью, по вѣрованію народа, души всѣхъ умершихъ родныхъ придутъ, соберутся въ домѣ йтися кутю.

При воспоминаніі объ умершихъ, у нашего народа въ обычѣ, свято и строго соблюдаемомъ, всякий разъ прибавлять: „нехай ему (т. е. покойнику) на тимъ свити легенько згадаецца; или: нехай ему легенько икнепця, или же: нехай ему буде земля перомъ“ (т. е. легка какъ перо), но самая употребительная фраза,—это „царство небесне, вичный покой“.

Если говорять о какомъ-либо зломъ дѣлѣ или грѣхѣ какого-либо покойника или вообще о какомъ-либо умершемъ зломъ человѣкѣ, то въ обычѣ прибавлять фразу: „нехай ему (покойнику) на тимъ свити Богъ че памятуе“, или: „нехай ему на тимъ свити Богъ простыть“ (подразумѣвать нужно злыхъ его дѣла).

При всѣхъ торжественныхъ тостахъ въ торжественныхъ слушаахъ, напр., когда пьютъ водку въ большие праздники, какъ Пасха, Рождество, на „вилю“ и пр.—въ обычѣ у крестьянъ пить не только за живыхъ, но разомъ и за умершихъ, поминать во всѣхъ такихъ слушаахъ и покойниковъ.

Пьющій водку въ такихъ слушаахъ обыкновенно говоритъ: дай намъ Боже здоровье (или: за здоровье живыхъ), а померлымъ царство небесное; при этомъ иногда поименно поминаются „померши“: такому-то и такому-то „царство небесное“. Такъ поминаютъ покойниковъ и на всѣхъ поминкахъ по умершихъ.

XV.

Представлениѣ народа о загробной жизни.

О представлениі народа о загробной жизни приходится сказать очень мало. Все оно выражается въ цѣломъ рядѣ выше описанныхъ похоронныхъ обрядовъ и обычаевъ; нельзя однако не сказать, что представлениѣ народа о загробной жизни—смѣсь языческаго съ христіанскимъ, на половину то, на половину другое, и даже больше языческое, чѣмъ христіанское.

Языческое понятіе народа о загробной жизни выражается въ цѣломъ рядѣ обычаевъ и обрядовъ, такихъ напримѣръ, какъ

обычай давать покойнику па тотъ свѣтъ то, что онъ любилъ при жизни, какъ то: водку, табакъ, обязательно давать покойнику па тотъ свѣтъ деньги, обязательно ставить первые три дня для души покойника пищу и питье. Всѣ эти обычай и обряды часто языческіе и соединяются съ языческимъ представлениемъ о загробной жизни.

Представлениe народа, что души умершихъ летаютъ въ видѣ мухи или ходятъ по ночамъ въ видѣ кошекъ, собакъ, свиней сродно съ вѣрованіемъ буддистовъ и вообще язычниковъ, что души умершихъ переселяются въ птицъ и животныхъ.

Вообще же нашъ народъ вѣритъ, что умершимъ не только конечужды, но даже близки, сродны всѣ земные, житейскіе интересы и дѣла, однимъ словомъ все земное. Къ такимъ вѣрованіямъ относятся разсказы народа о томъ, какъ умершій мужъ по ночамъ посѣщалъ свою живую жену и раздѣлялъ съ нею ложе, или какъ мать по ночамъ приходила и кормила грудью оставшагося въ живыхъ грудного ребенка.

По вѣрованію народа, умершимъ не только не лишнее, но такъ-же, какъ и живымъ, нужны: пища, питье, одежда. Подобное вѣрованіе отчасти напоминаетъ вѣрованіе и понятіе магометанъ о загробной жизни въ раю. Если къ этому прибавить, что умершихъ нашъ народъ хоронить по христіански, но что поминки по умершимъ—смѣсь христіанскихъ поминаній и молитвословій (панихиды, обѣдни и пр.) съ древне-языческой тризной по умершихъ—то и выйдетъ справедливымъ въ началѣ высказанное мною, что понятіе народа о загробной жизни есть смѣсь языческаго съ христіанскимъ, и много еще нужно времени и свѣта, чтобы верхъ взяло и восторжествовало второе, т. е. христіанскоe надъ языческимъ.

Ив. Бѣнѣковскій.

СОВРЕМЕННАЯ МАЛОУРУССКАЯ ЭТНОГРАФІЯ¹⁾.

Г-жа Мошинская. Среди довольно многочисленныхъ польскихъ этнографическихъ сборниковъ, составленныхъ женщинами, сборники г-жи Мошинской выдаются по значительной величинѣ, точности записей и, что для насъ представляетъ специальный интересъ, всецѣло посвящены коренному украинскому населенію бѣлоцерковскаго, таращанскаго и васильковскаго уѣздовъ кievской губерніи. Въ русской научной литературѣ сборники эти совсѣмъ неизвѣстны, по крайней мѣрѣ, я не встрѣчалъ на нихъ ссылокъ или указаній, если не считать одного краткаго упоминанія въ III т. „Ист. рус. эти.“ Пыпина. Малая извѣстность сборниковъ г-жи М. обусловлена отчасти помѣщеніемъ ихъ въ такомъ специальному и сухомъ изданіи, какъ „Zbiór wiadomości“ краковской академіи наукъ. Мнѣ извѣстны три сборника, именно:

1) *Zwyczaje, obrzedy i pieśni weselne ludu Ukrainskiego Z okolic Bialejcerkwi*, въ Zbiór wiadomości do antrop. krajowej 1878 II, 183—209. Свадьба здѣсь разсмотрѣна въ слѣдующихъ главахъ: 1) ухаживаніе (zaloty), 2) любовь и чары, 3) сваты, 4) змовины, 5) предсвадебная суббота; коровай, 6) дѣвичій вечеръ (плетеніе гильца), 7) слюбъ, 8) поѣздка къ

¹⁾ См. „Кievsk Стар.“ 1896 г., № 7 и 8.

родителямъ жениха, 9) поѣзда къ родителямъ невѣсты, 10) возвращеніе къ жениху; 11) свадьба въ домѣ невѣсты, 12) благословеніе, 13) свадьба въ домѣ жениха, 14) другой день по вѣнчаніи, 15) купаніе свекрови (обливаютъ холодной водой). При описаніи обрядовъ свадебныхъ приложено 60 свадебныхъ пѣсенъ. Какъ въ пѣсняхъ, такъ и въ обрядахъ новаго мало; кое-какія любопытныя новыя мелочи находятся въ послѣдней 15 главѣ, которая относится къ обычая „перезвы“.

2) *Kupajlo, tudzceż zabawy doroczne i inne z dodatkiem niektórych obrzędów i pesni weselnych ludu ukraińskiego z okolic Białyj Cerkwi, wъ V t. Zbiór wiadom. do antrop. krajow. 1881, 24—102.* Представленное г-жей Мошинской описание купальскихъ обрядовъ и пѣсенъ является самымъ подробнымъ и обстоятельнымъ изъ всѣхъ существующихъ нынѣ описаній этого рода. Здѣсь приведено 17 описаній, записанныхъ въ 17 селахъ бѣлоцерковскаго уѣзда, съ точной передачей купальныхъ пѣсенъ, изъ коихъ нѣкоторыя отличаются древностью и поэтическимъ достоинствомъ, напр.—варіанты извѣстной пѣсни „Ой тыко, тыко Дунай воду несе“ (36—37). Купальные обряды и пѣсни составляютъ первую, наиболѣе содержательную главу въ сборникѣ г-жи Мошинской. Вторая глава посвящена юдовымъ праздникамъ и весеннимъ и лѣтнимъ играмъ молодежи (пущанье, вязаніе колодокъ съ приложеніемъ пѣсенъ, 2 варіанта игры въ Володаря съ 8 пѣснями, кривой танецъ съ 3 пѣснями, шумъ, макъ, груша, зайчикъ, нелюбчикъ, царенко—всѣ эти игры приведены съ пѣснями, повѣрья и обряды, связанные со днемъ весеннаго Юрія, зелеными святками (розегри), днемъ Екатерины, ап. Андрея, Рождества Христова, причемъ приведено 9 колядокъ религіозно-апокрифического содержанія, „богатый вечиръ“ съ гаданіями и 3 пѣснями). Третья глава заключаетъ сообщенія объ уличахъ и досвіткахъ съ 34 пѣснями и о дѣтскихъ играхъ: 1) квасъ, 2) краска, 3) пижмурокъ, 4) бджолы, 5) блоки, 6) жукъ, 7) мышка, 8) жинка, 9) грибъ, 10) шулякъ, 11) гуси, 12) реготынь, 13) хрещикъ, 14) карапузныца, 15—16) силь, 17) довга лоза, 18) верныголова, 19) коромысло и 20) щука. №№ 6, 7, 8, 10, 11

снабжены пѣснями. Четвертая глава заключаетъ въ себѣ краткое описание свадебныхъ обрядовъ и 47 свадебныхъ пѣсенъ, известныхъ уже по другимъ сборникамъ свадебныхъ пѣсень.

3) *Bajki i zagadki ludu ukraińskiego*, въ IX т. Zbiór. wiadom. do antrop. kraj. 1885, 73—173. Въ сборнике находится 35 сказокъ, три небылицы и 156 загадокъ. Сказки про богатаго Марка, счастливаго дурня, трехъ братьевъ, Покотыгородка, злую мачиху, Сучича, дядовы козы (со стихами), царя Іона, про разбойниковъ, о злыхъ и лѣнивыхъ женахъ, о томъ, какъ баба обманула чорта, про Гиржу семилитку, про глупыхъ людей на свѣтѣ, что мѣшкомъ свѣтъ ловили, про мудраго дурня, про Кирика (въ стихахъ), про поповыхъ наймитовъ и нѣсколько другихъ.

Сборникъ г-жи М., хотя и не великъ по объему, но по богатству мотивовъ, по историко-литературной важности сказокъ, принадлежитъ къ числу наилучшихъ сборниковъ малорусскаго этнографического материала. Сказки, какъ на подборъ, въ высшей степени интересны въ научномъ отношеніи. Сюда вошла цѣнная по своеобразнымъ деталямъ сказка о Маркѣ богатомъ (см. мое изслѣд. въ ХХ кн. Этногр. Обозр. и дополненія къ нему въ ХХІ кн. 1894 г.). Сказка „про мылосерднаго хлопца“ очень близко подходитъ къ новогреческой, изданной въ „Les traditions popul. de l'Asie Mineure“ Carney et Nicolaides. Сказка „про братыка баранця“ представляетъ одинъ изъ лучшихъ вариантовъ, изданныхъ ранѣе Чубинскимъ и др. этнографами. Эта сказка имѣеть очень древнихъ родственниковъ; такъ, она весьма близко подходитъ къ древне-египетской сказкѣ о двухъ братьяхъ (Maspero, Contes popul. de l'anc. Egypte № 1). Сказка о Сучичѣ, обратившая на себя вниманіе Потебни, въ варианѣ г-жи М. изложена со многими любопытными подробностями. Чрезвычайно интересна затѣмъ сказка „про царя Іона“, какъ отзвукъ талмудического и др. сказаний о наказаніи царя за гордость. Столь же интересны двѣ большія сказки на чрезвычайно популярную и цѣнную въ историко-литературномъ отношеніи тему о мудрой дѣвѣ, задающей загадки, сказки, родственная апокри-

фамъ и повѣстямъ (царица Савская, Петръ и Февронія и др.). Затѣмъ весьма интересны небольшія сказки или анекдоты въ родѣ западныхъ новелль и фацецій. Наконецъ, въ сборникоѣ г-жи Мошинской есть нѣсколько новыхъ сказокъ и оригинальныхъ передѣлокъ извѣстныхъ. Все это въ совоѹности сообщаетъ сборнику г-жи М. значеніе полезнаго пособія при изученіи малорусской народной словесности. Болѣе подробный обзоръ содержанія сборника г-жи Мошинской сдѣланъ нами въ „Этнографич. Обозр.“ 1894 г. кн. XXII.

Г-жа Рокоссовская дала столь же значительные по величинѣ этнографические сборники пѣсенъ и повѣрій малоруссовъ волынской губерніи:

1) *Wesele i piesni ludu ruskiego ze wsi Jurkow, szczyzny w pow. Zwiahelskim na Wołyni w VII t. Zbiór wiadom. do antrop. kraju. 1883, 154—244.* Въ сборникоѣ находится 75 свадебныхъ пѣсенъ, изъ которыхъ пѣкоторыя отличаются величиной и своеобразнымъ характеромъ живой импровизаціи на данный случай. Далѣе слѣдуютъ 39 думокъ и 293 пѣсенъ бытовыхъ, колыбельныхъ, дѣвичьихъ, и др. Встрѣчаются изрѣдка указанія на сходные варіанты въ „Рокисіє“ Кольберга. Въ числѣ думокъ находятся пѣсня объ обращеніи женщины въ былину (№ 2), о Бондаринѣ (№ 2), объ отравленіи козака дивчиной (№ 5), казнь Петруса за связь съ паней (№ 11). Въ „думки“ вошли обычныя любовныя и свадебныя пѣсни, изъ которыхъ много извѣстныхъ. Болѣе своеобразія представляютъ бытовыя пѣсенки. Изрѣдка въ пѣсняхъ проскаакиваютъ великорусскія слова, подчеркнутыя собирательницей, напр., окочечко, карманъ, дворянинъ. Крайне исковерканной посторонними примѣсями пѣснею является лишь одна подъ № 149, какъ рѣдкое исключеніе, пѣсня, несомнѣнно солдатская. Вообще, пѣсни, собраныя Рокосsovskой, представляются любопытными образцами современной украинской народной поэзіи въ мѣстностяхъ, наименѣе затронутыхъ посторонними вліяніями.

2) Въ XIII кн. *Zbiór* г-жа Рокоссовская помѣстила интересный сборникъ о вѣрованіяхъ и преданіяхъ малоруссовъ с.

Юрковщины новгородъ-волынскаго уѣзда о предметахъ растительного царства.

3) *Przyczynek do etnografii ludu ruskiego na Wołyńiu*, въ XI т. *Zbiór wiadom. do antrop. kraj.* 1887 г., с. 130—229. Въ этотъ сборникъ вошелъ этнографический материалъ, собранный г-жей Рокоссовской все въ томъ же селѣ Юрковщинѣ. Материалъ редактированъ Коперницкимъ. Содержаніе сборника: 1) *родины и крестины* (скрываніе имени ребенка, злевины, осыпаніе частей житомъ, подарки матери „на мыло“; кладутъ борону передъ порогомъ хаты, приведено 5 пѣсенъ); 2) *свадьба* (краткое описание обрядовъ при хорошей и плохой свадьбѣ, когда невѣста оказалась нечестной, и 35 пѣсень); 3) *похороны* (поворья и обряды); 4) *праздникъ Рождества Христова и Нового года* (описаніе обрядовъ, 20 колядокъ и 8 щедровокъ; колядки обильны апокрифическими чертами; кроме того приложено нѣсколько стихотворныхъ пожеланій здоровья и богатства); 5) *масляница и великий постъ* (4 стиха о св. Петре и Павле, св. Алексѣи и св. Варварѣ); 6) *Свѣтлый праздникъ, замѣтка о пѣсняхъ веснянкахъ, 4 весеннихъ игры (жена, зайчикъ, пелюбъ и кривой танецъ) и 18 веснянокъ, наскій тыждень, день св. Георгія и русалыній тыждень; 7) купальскіе обряды и пѣсни (38); 8) *обжинки* (12 пѣсенъ) и осеннеѣ праздники (Спаса, Маковея, Катерины, Андрея); 9) *дѣтскія игры* (6 и 3 дѣтскихъ пѣсни); 10) *демонологій* (вѣдьмы, самоубійцы и упыри); 11) *колдовство уроки, чары, ворожба*; 12) *поворья и предразсудки* (относящіеся къ дому, печенію хлѣба, скоту, земледѣльческихъ работъ, разныхъ болѣзней); 13) *міровоззрѣніе* (мнѣнія о явленіяхъ природы, о великанахъ и о животныхъ); 14) *загадки* (107).*

Наибольшій интересъ по обилію фактovъ представляютъ данные о народныхъ повѣряхъ о болѣзняхъ (207—216).

Вообще, сборники г-жи Рокоссовской, по обилію матеріала, принадлежать къ сравнительно довольно крупнымъ въ малорусскомъ отдѣлѣ польской этнографической литературы.

Къ ряду сгруппируемъ здѣсь еще нѣсколько описаній малорусскихъ свадебъ, составленныхъ польскими писательницами,

сь оговоркой; что все эти описанія не имѣютъ крупнаго научнаго значенія, при существованіи въ печати громаднаго однороднаго матеріала.

Г-жа Томашевская. 1) *Obryzedy weselne ludu ruskiego we wsi Cetuli w pow. Jaroslawskim, w X t. Zbiór wiadom. do antrop. kraj. 1886, 55—75.* Въ с. Цетулѣ живутъ малороссы и поляки; записанныя г-жею Т. пѣсни заключаютъ кое-какія особенности польской рѣчи. Въ сборникѣ 67 свадебныхъ пѣсень, коротенькихъ и большею частью извѣстныхъ. Много пѣсень относится къ обрядовому печенюю коровая и къ вѣнку невѣсты.

2) *Obrzedy weselne ludu ruskiego we wsi Winnikach pow. Drohobyciego, w Zbior wiadom. do antrop. kraj. 1888 XII 60—80.* Описаны подробно мѣстные свадебные обычай и приведена 71 пѣсня. Между тѣми и другими попадаются любопытныя черты, напр.: обычай наклеивать на стѣнкѣ за головами молодыхъ на свадьбѣ по зажженой восковой свѣчѣ, оригинальная пѣсенка при обсыпаніи молодыхъ хлѣбнымъ зерномъ: „сій, маты, пшеницу по гори, по долыни“, сближеніе вѣнка съ солнцемъ въ пѣснѣ: „хороше соненько сіяе; на Касунуньци, на молоденъци зеленый вѣнокъ сіяе“ (65).

Г-жа Шаблевская. *Wesele i krzywy taniec u ludu ruskiego w okolicy Zbaražu, w XII t. Zbior wiadom. do antrop. krajow. 1883, 120—135.* Описаніе свадьбы распадается по слѣд. главамъ: любовь и заручины, уговоръ, печеніе коровая, созывъ гостей, расплетеніе косы молодой и благословеніе ее, предсвадебная вечеринка, вѣнчаніе, очепины и подарки. При описаніи свадебныхъ обрядовъ приложено 24 свадебныхъ пѣсни, большею частью извѣстныхъ. Описаніе игры въ *криквой танец* снабжено 12 пѣснями, изъ коихъ три польскихъ.

Г-жа Малиновская. *Obrzedy weselne ludu ruskiego we wsi Kudynowcach pow. Złoczowskim, w XII t. „Zbior wiadom. do antrop. kraj.“ 1883, стр. 244—264.* Описаніе свадебныхъ обрядовъ въ селѣ Кудиновкѣ, безъ указаній на литературу предмета. Всѣхъ пѣсень 74, и все онѣ извѣстны изъ другихъ сбор-

никовъ. Любопытны лишь кое-какія отдельныя слова, напр.: коникъ пущенъ въ „пастивникъ“ (старинное слово), невѣста „пелехаталъ“ и др.

Г-жа Стадницкая. *Piesni i obrzedy ludu ruskiego z okolic Niemirowa na Podolu, w Zbior wiadom. 1888 XII 103—117.* Здѣсь приведены 44 свадебныя пѣсни, извѣстныя уже въ печати по другимъ сборникамъ. Упоминается про печенье ковровая, гильце и пѣкот. др. обряды.

Г-жа Ванкѣ (Анна) въ XIII т. *Zbior wiadomości pomѣstila небольшой сборникъ галагивокъ, или игръ во время свѣтлого праздника у русиновъ перемышльского повѣта.*

Г-жа Ропкевичъ и г. **Франко** въ X т. *Zbior* издали небольшой сборникъ обрядовъ и пѣсенъ м. Лолына Стрыйскаго повѣта. Въ началѣ находятся краткія сообщенія объ экономическомъ бытѣ лолынянъ (бѣдное горское поселеніе съ курными избами), затѣмъ приведено описание мѣстной свадьбы (181 пѣсна) съ указаніемъ на варианты въ сборникахъ Чубинскаго и Головацкаго.

Г. Нейманъ редактировалъ „*Materjały etnograficzne z okolic Pliskowa*“ (липовец. у. кіев. губ.), собранные г-жей **Z. D.** и напечатанные въ VIII т. *Zbior wiadomości* (115—246).

Въ началѣ сборника (115—121) въ видѣ введенія къ нему находятся краткія замѣтки о мѣстности и населеніи с. Плискова, одеждѣ, домашней обстановкѣ, повѣрьяхъ о даньѣ и мѣстномъ говорѣ (17 замѣтокъ о фонетикѣ). Самый сборникъ состоитъ изъ довольно обширного отдѣла пѣсенъ (121—234) и маленькаго отдѣла сказокъ (234—245). Въ концѣ сборника помѣщено 18 проклятій.

Малорусскія пѣсни въ сборникѣ г-жи **Z. D.** распадаются на пѣсни свадебныя, бытовыя, историческая, чумацкая, балладныя и любовныя. Пѣсни записаны въ лѣтнее время 1883 года и потому зимнихъ, весеннихъ и осеннихъ обрядныхъ пѣсенъ въ сборнике очень мало (двѣ колядки, одна великопостная). Г-жа **Z. D.**, какъ дама, записывала почти исключительно отъ женщинъ, и потому въ ея сборникѣ много пѣсень любовныхъ и свадебныхъ

и весьма мало пѣсень историческихъ, чумацкихъ, рекрутскихъ, вообще мужскихъ пѣсень.

Г. Нейманъ со вниманіемъ редактировалъ сборникъ. Многія бытовыя пѣсни и вся пѣсни балладныя онъ снабдилъ указаніемъ стихотворного размѣра, по формулѣ, предложенной А. А. Потебней. Кромѣ того, подъ многими пѣснями показаны варианты въ сборникахъ Антоновича и Драгоманова, Чубинскаго, Рокоссовской, Головацкаго, Кольберга, Якушкина, Шеина и Эрбена. При двухъ-трехъ пѣсняхъ находятся интересныя литературныя комментаріи г. Неймана. При 17 пѣсняхъ помѣщены мелодіи, записанныя специально для этого сборника извѣстнымъ знатокомъ малорусской музыки г. Лысенкомъ. Мѣстами (напр. на стр. 143, 154) обнаруживается увлеченіе г. Неймана миѳологическими предположеніями (въ христіанскихъ колядкахъ усматриваются „сесы староѣтнѣй піесні paganskiej“).

Свадебные обряды и пѣсни (76 №№) немногое прибавляютъ къ сборникамъ Чубинскаго и Мошинской. Замѣтно, что обрядность ослабѣла, особенно въ первые дни свадьбы. Для соблюденія старой обрядности нѣть ни досуга, ни средствъ. Пѣсни и обряды записаны по слѣдующимъ рубрикамъ: 1) суббота (коровай, гильце, расплетаніе косы), 2) воскресеніе (отправлениe къ вѣнцу и возвращеніе изъ церкви, очепины, отъездъ въ домъ мужа) и 3) понедѣльникъ (похвалы и одариваніе молодой).

Пѣсень обрядныхъ и годовыхъ, какъ сказано, мало, и пѣсни не важныя, 2 колядки, 2 щедровки (шутливыя), великопостная (пѣсня про Алексія, человѣка Божія), 5 пасхальныхъ (игорныя: въ Шельмана, въ зайца, въ жену старого мужа) и 17 купальскихъ (изъ нихъ двѣ скабрѣзныхъ подъ №№ 99 и 102).

Въ отдѣль бытовыхъ пѣсень вошла одна дожиночная, три рекрутскихъ (вар. Чуб. V 64, 82, 84, 312), двѣ бурлацкихъ, 5 чумацкихъ, три козацкихъ (общаго содержанія, вар. Чуб. V 44, 87, 90, 239).

Въ отдѣль историческихъ пѣсень: „Ой була у Польши воля“ (согласное житіе козака съ крымскими татарами), „Ой на гори та женци жнуть“ (вар. Чуб. V 45), о Нечайѣ (у Авт. и

Драг. 38 варіантовъ), о Паліѣ (турки поймали П. и ведуть на висълицу), о Бондаривнъ (вар. у Чуб., Закревскаго, Кольберга и Рокоссовской ср. Шейна, Мат.—579). Редакція (т. е. Коперницкій) прибавилъ двѣ краткихъ историческихъ пѣсни съ нотами, одна о Костюшкѣ и Потоцкомъ сомнительного происхождения, другая (изъ Полтав. губ.) также о Костюшкѣ, („Чи я жъ тебе, пане Костюшко, та й не говорыла, ой не зайдай Москаливъ, то не наша сила“). Въ сборникахъ малор. пѣсенъ, изданныхъ въ Россіи, имени Костюшки, кажется, не встречается.

Отдѣль балладныхъ пѣсенъ—лучшій въ сборникѣ не по полнотѣ, у Чубинскаго такихъ пѣсенъ болѣе, а по указанію варіантовъ въ другихъ сборникахъ. Нельзя сказать, чтобы указанія эти были многочисленны, но все таки и данныхъ нельзя не признать полезными въ виду особенного интереса, представляемаго балладными пѣснями. Въ этотъ отдѣль вошли: „Ой у вдовы ажъ три дочки“ (и три сына, сыновья пошли въ разбойники, меньшая сестра попала къ нимъ, и чуть не была изнасилована: вар. указаны у Чуб. V 479, Кольберга II 32, 33, (чешскій у Эрбена 483). „Тамъ де Дунай глыбокій“ (о кровоизмѣщеніи матери съ сыномъ и ея дочери съ братомъ, вар. указаны г. Нейманомъ у Чуб. V 407, 458, 485, Головац. I 45, 73, II 577; Кольберга-польскіе I 217, въ Рокисіе II 29, 35, Ант. и Драг. 275, Шейна-блорус. 143), „А маты сына послала въ дорогу“ (проклятая свекровью невѣстка обращается въ тополь; указаны вар. у Чуб. V 308; Кольб. II 45, Голов. I 712, Рокоссовской 1, Якушк. 22 и Эрбена 466), „Ой жила вдова на край села“ (мать отравила сына и невѣстку; вар. у Чуб. V 310, Гал. I 81, 186, II 578, 585, 711 и Кольб. II 48), „Ой Свербыно“ (дѣвушка по совѣту парубка, отправляетъ брата; варіанты см. въ моей статьѣ о Поповскомъ), „Туманъ яромъ покотывся“ (отецъ изгоняетъ сына; вар. у Закрев., Чуб. V 442, 460, 477, Голов. II 55, 585, Якушк. 109), „Ой въ недилю пораненку“ (мужъ, по совѣту любовницы, убиваетъ свою жену; вар. указаны, какъ и ранѣе, г. Нейманомъ у Чуб. V 236 и

Кольб. II 313), „*Пиду я въ садокъ*“ (козакъ достаетъ вѣнокъ и уточаетъ; вар. у Чуб. III 115, Голов. I 97, II 592, 705, Якушк. 102, 176), „*Ой любилося двое*“ (умерли въ одно время, вар. у Кольберга въ Рокусіе II 65 и zud I 11) „*Ой у поли коршомо-ника*“ и „*Ой въ мистечку на рыночку*“ (объ уводѣ и ограбленіи дѣвушкі). Г. Нейманъ говоритъ въ примѣчаніяхъ, что двѣ послѣднихъ пѣсни встрѣчаются и у поляковъ въ подобныхъ вариантахъ, у малоруссовъ въ болѣе слабыхъ и совсѣмъ не встречаются у великоруссовъ. По справкамъ г. Н., ея не оказалось въ сборникахъ Шейна, Якушкина и Кирѣевскаго. Сюжетъ пѣсни принадлежитъ къ числу широкораспространенныхъ балладныхъ мотивовъ и встречается у многихъ народовъ. На эту тему подобрана обширная литература въ сборникѣ англійскихъ и шотландскихъ балладъ *Чайльда*.

Слѣдующіе три отдѣла заключаютъ въ себѣ пѣсни любовныя, семеинно-родственныя, шутливыя, пьяницкія и тривіальныя. Большая часть—пѣсни любовныя (57 №№). Въ краткомъ предисловіи г. Н. говоритъ, что „любовь въ малорусской народной поэзіи болѣе глубока и болѣе идеальна, чѣмъ въ поэзіи другихъ славянскихъ народовъ... Въ сравненіи съ малорусской народной любовной пѣснею польская плоска и пошла, великорусская груба, иногда цинична“. Далѣе г. Н. отмѣчаетъ то обстоятельство, что радостныхъ любовныхъ пѣсень въ Малороссіи мало; большую частью въ нихъ звучитъ тихая грусть и мягкое мечтательное настроение. Въ заключеніе г. Н. даетъ такую высокую общую оцѣнку малорусской лирики: *Wysoko idealne uczucie, tkliwa rzewność, piękna obrazowość i samorodna głęboka starozytna symbolika nadają pieśniom ruseńskim znamień oryginalne i podnoszą niektóre z nich do znaczenia arcydzieł literycznych*“. Въ сборникѣ г.-жи Z. D. находится 15 пѣсень о любви счастливой, 43 о несчастной, около 20 пѣсень о семейномъ положеніи мужа и жены, 19 пьяницкихъ и тривіальныхъ.

Сборникъ пѣсень оканчивается тремя „бесѣдами“, о которыхъ мы уже говорили въ статьѣ о г. Эвартицкомъ, при разборѣ его „*Присказки до нюхарей*“.

Отдѣлъ сказокъ—краткій (26 №№), и сказки кратки, анекдотическаго характера:

1) *Цыганъ и дурный панъ*—цыганъ береть у пана зимой одежду и сани, послѣ того какъ панъ надѣлъ рыболовную сѣть, въ которой былъ цыганъ.

2) *Цыганъ и черты*. Цыганъ видѣлъ, какъ черти въ одну ночь смолотили пану хлѣбъ, поджегши его, поступилъ такъ и попалъ въ тюрьму. Эта сказка чаше встрѣчается какъ легенда о Христѣ и солдатѣ.

3) *Сказка о цыганѣ*—тема игра словами, нѣсколько неясная.

4) *Жидъ чванливый*—хвалится женѣ, какъ онъ билъся съ мужикомъ (мужикъ билъ его лошней отъ воза, а онъ мужика ермолкой).

5) *Жидъ и коняка*—жидъ тянулъ возъ, чтобы лѣнивая лошадь въ наказаніе шла пѣшкомъ.

6) *Жиды и мужикъ*. Жиды не хотѣли сойти съ воза при подъемѣ на гору. Козакъ сталъ ихъ бить, крикнувъ нарочно мужику, что мстить ему за своихъ жидовъ, будто бы нѣкогда побитыхъ мужикомъ. Жиды поспѣшно сошли съ воза.

7) *Жидъ судылся съ мужикомъ у пана за деньги*, которыя мужикъ поднялъ, и оба были высѣчены.

8) *Жидъ и разбойники*. Жидъ, боясь разбойниковъ, спрятался въ мѣшкѣ, когда Ѣхаль лѣсомъ, и кучеръ его прибилъ, притворно переговариваясь съ разбойниками.

9) *Шинкаръ и мужикъ*. Мужикъ заложилъ шинкарю кожухъ за рубль и, по обману, отдалъ шинкарю этотъ рубль.

10) *Про стару бабу, що замужъ хтила и 14) Якъ баба за парубка замужъ пишла*—варіанты сказокъ, известныхъ по сборникамъ Манжурьи и Мошинской. Въ обѣихъ сказкахъ баба обманута парубкомъ.

11) *Жинка хозяйка* совѣтуетъ мужу украсть у пана пшеницы, а спечь хлѣба не умѣеть.

12) *Якъ жинка пекла боця* — варіантъ сказки у Манжуры.

13) *Жинка безъ сорочки*—лѣнивая спалила свою сорочку въ ожиданіи, что мужъ привезетъ съ ярмарки новую.

14) *Баба и кувшинъ молока*. Баба мечтала, что изъ занятаго кувшинчика молока соберетъ и продастъ масло, купить курицу, продастъ курицу, купить кабана и т. д. до предположенія, что она пойдетъ на своихъ бычкахъ на ярмарокъ и tolknetsъ ногой, кто будетъ проситься къ ней подвезти; при этомъ она толкнула ногой кувшинъ и разбила его. Подобная великорусская сказка у Садовникова („Мордвинъ и заяцъ“), болгарская въ Сборн. за народ. умотворенія 1891 г. VI 126.

15) *Дидъ, баба, дивка и сучка* не хотѣли работать, зимой въ нуждѣ стали собирать колоски по полю въ снѣгу; панъ пообѣщалъ дать хлѣба; но они захотѣли еще молотаго и не получили никакаго. Здѣсь любопытна одна черта: собираючи колосковъ, какъ знакъ бѣдности, встрѣчается въ книгѣ Руѣвъ, въ малорусской сказкѣ у Манжуры 52, греческой у Гана II 67.

16) *Лѣнивая кума* отказалась кумѣ нажать жита, и потомъ послѣдняя отказываетъ ей въ хлѣбѣ.

17) *Дидъ, баба и дивка едыныця*. Пришли сваты. Мать и дочь, а потомъ и отецъ заспорили, кого братъ въ кумовья, когда родится ребенокъ. Сваты подумали, что дочь собирается родить и поспѣшили уйти.

18) *Баба жебрушка* посовѣтовала сварливой женѣ братъ воду въ ротъ, чтобы мужъ не билъ ее, и супруги стали жить согласно.

19) *Кума пидперезана* — голая, куму стало стыдно; онъ сталъ говорить ей про голую куму и получилъ въ отвѣтъ, что та безъ стыда, а она хотя пидполасалась.

20) *Вода зз ледомъ.* Панъ въ Петривку спросилъ у бабы воды со льдомъ; баба сказала, чтобы спросилъ зимой; тогда у ней и свини пьютъ воду со льдомъ.

Г. Нейману кромѣ того принадлежитъ еще статья о пѣсен-ныхъ размѣрахъ и нѣсколько библіографическихъ статей въ Кіевск. Старинѣ (см. по „Указателю къ Кіевск. Стар.“ 1893 г. стр. 100) и статья о малорусскихъ думахъ въ „Ateneum“ 1885 года.

Н. Сумцовъ.

ПИСЬМА М. А. МАКСИМОВИЧА КЪ С. П. ШЕВЫРЕВУ.

Частная переписка лицъ, игравшихъ роль въ жизни общественной, конечно, заслуживаетъ того, чтобы быть опубликованной во всей полнотѣ своей, т. к. всегда въ такой перепискѣ найдутся строки, проливающія свѣтъ въ тотъ или другой уголокъ нашей общественности. Уже одни эти соображенія вполнѣ достаточны для того, чтобы оправдать помѣщеніе на страницахъ журнала писемъ такого сильного представителя науки, особенно по вопросамъ исторіи и литературы Южной Руси, какъ М. А. Максимовичъ, къ неменѣе знаменитому въ свое время профессору московскаго университета С. П. Шевыреву. Если прибавимъ къ этому, что данныя письма имѣютъ еще и исключительное значеніе, какъ дающія нѣсколько новыхъ свѣдѣній изъ біографіи Максимовича, а равно помогающія лучше уяснить себѣ нравственный обликъ этого человѣка,—то печатаніе ихъ получитъ еще большій интересъ. Считаемъ при этомъ нeliшнимъ напомнить нашимъ читателямъ, что личность М. А. Максимовича, какъ по оригиналной судьбѣ жизни его, такъ еще болѣе по той роли, какую пришлось ему сыграть въ культурной жизни нашего Киева, до сихъ поръ не изучена во всей полнотѣ и не охарактеризована съ полнымъ и всестороннимъ освѣщениемъ всѣхъ изгибовъ его души. А между тѣмъ черезъ 2 года исполнится 25 лѣтъ со дня смерти его, и черезъ 8 лѣтъ—столѣtie со дня рожденія его. Мы не сомнѣваемся, что къ тому времени благодарная память потомства найдетъ нужнымъ сказать о немъ свое вѣсѣлое, удостовѣренное фактами слово, а

равно исполнить и другое обязательство—издастъ дополнительный томъ его сочиненій, не вошедшихъ въ изданіе раньше *тири тома*, и прибавить еще одинъ томъ—его письма, отчасти напечатанныя въ разныхъ изданіяхъ, но вѣроятно въ большинствѣ оставшіяся еще неопубликованными. Чтобы успѣшиѣ можно было исполнить все это впереди, нужно теперь же начать собирать необходимые материалы; вслѣдствіе чего, печатая на первый разъ *одиннадцать* писемъ М. Максимовича къ С. П. Шевыреву, мы считаемъ себя вправѣ попросить всѣхъ лицъ, знаяшихъ Максимовича и могущихъ передать о немъ свои впечатленія или сообщить новые факты изъ его жизни, подѣлиться ими печатно, для чего между прочимъ мы охотно открываемъ страницы нашего журнала.

Печатаемыя теперь 11 писемъ М. А. Максимовича къ С. П. Шевыреву поступили въ 1892 году въ Императорскую Публичную Библіотеку вмѣстѣ съ другими цѣнными рукописями, купленными у наследниковъ С. П. Шевырева. Благодаря любезности Директора Импер. Публичной Библіотеки, А. Ф. Бычкова, мы имѣли возможность воспользоваться этими письмами, за что считаемъ своимъ долгомъ выразить ему нашу сердечную благодарность.

Письма эти, главнымъ образомъ, относятся къ періоду 1854—1861 гг., т. е. только одно (первое) помѣчено 1840 годомъ, а одно (въ видѣ записки) хотя даты не имѣть, но очевидно писано въ тотъ-же періодъ, какъ и остальные.

Извѣстно, что дружескія отношенія Максимовича съ Шевыревымъ установились давно и тянулись очень долго. Первое знакомство ихъ произошло въ то время, когда только-что начинавшій свою ученую и литературную дорогу естественникъ М. А. Максимовичъ, вошедши въ московскій литературный кругъ кн. В. Ф. Одоевскаго и А. П. Елагиной, встрѣтился тамъ съ цѣлымъ рядомъ лицъ, оказавшихъ сильное вліяніе на совсѣмъ еще юнаго ученаго. Было это въ 1824 году, когда Максимовичъ, конечно, и не мечталъ о томъ, что впереди его связи и переписка съ Шевыревымъ могутъ держаться на общей для обоихъ

спеціальности—на вопросахъ о языке и литературѣ; когда онъ только-что обратилъ на себя вниманіе ученаго круга своей книгою по зоологіи. Знакомство его съ Шевыревымъ далѣе стало укрѣпляться благодаря тому, что онъ понемногу началъ пріобщаться къ занятіямъ обще-литературнымъ, не покидая, впрочемъ, своей спеціальности. Такъ, въ 1830 году онъ издаетъ альманахъ „Денницу“, во 2-й части котораго, вышедшей въ 1831 году, и въ 3-й, вышедшей въ 1834 году, мы встрѣчаемъ въ числѣ со-трудниковъ и Шевырева. Полная-же дружеская связь установилась между ними, очевидно, въ тотъ періодъ, когда Максимовичъ жилъ въ 1857—1859 годахъ въ Москвѣ, спачала въ качествѣ завѣдывающаго редакціей „Русской Бесѣды“, затѣмъ въ качествѣ секретаря общества любителей русской словесности, и наконецъ, какъ редакторъ сочиненій И. В. Кирѣевскаго. Объ этой дру-жеской связи свидѣтельствуетъ тонъ писемъ, начиная съ 1860 года сразу переходящій въ обращеніи другъ къ другу на *ты*, между тѣмъ-какъ всѣ письма до этого времени писаны съ *Вы*.

Можно почти навѣрно сказать, что, кромѣ этихъ сохра-нившихся 11 писемъ, были и еще письма Максимовича къ Ше-выреву; по крайней мѣрѣ одно письмо можно удостовѣрить фактически изъ печатаемаго теперь матеріала; такъ, въ письмѣ отъ 5 апр. 1854 г., Максимовичъ говоритъ: „отправивъ на почту 3 апрѣля мое длинное письмо къ Вамъ“...—и этого то письма и нѣтъ въ данномъ собраніи. Да оно и понятно, т. к. письмо это было возвращено Максимовичу самимъ Шевыревымъ, что видно изъ письма отъ 23 марта 1857 г., гдѣ сказано: „это (книги, присланныя Ш—ымъ) для меня, былъ драгоцѣнныи подарокъ, включая туда и автобіографическое мое письмо къ Вамъ, съ слѣдами Вашего историческаго на немъ труда“. Впрочемъ, можно думать, что это письмо представляло изъ себя автобіографическую записку, которую воспользовался Шевыревъ для Біографическаго Словаря Профессоровъ Московскаго Уни-верситета, но воспользовался не цѣликомъ, а только взявши изъ него необходимый матеріалъ для біографіи. Это видимъ изъ примѣчанія въ статьѣ С. Пономарева „М. А. Максимовичъ“ (Біографич. и историко-литературн. очеркъ), гдѣ на стр. 2 чи-

таемъ: „ее (біографію Максимовича) обыкновенно считаютъ автобіографіей, но строго говоря, она не можетъ быть такъ названа. Максимовичъ послалъ, по требованію Шевырева, только сборникъ свѣдѣній о своей служебной и литературной дѣятельности для Словаря профессоровъ московскихъ, въ столѣтнему юбилею университета. Матеріалы эти подверглись немалымъ передѣлкамъ Шевырева, т. е. статья въ Словарѣ скорѣе можетъ быть названа его сочиненіемъ, нежели автобіографіей Максимовича“¹⁾). Если г. С. Пономаревъ такъ положительно утверждаетъ этотъ фактъ, то мы не имѣемъ никакого права не принять его зная, что вся статья эта, писанная при жизни М. А. Максимовича, конечно, была составлена по указаніямъ его самого.

В. Науменко.

I.

11 окт. 1840 г. Кіевъ.

Почтеннѣйший Степанъ Петровичъ.

Съ особеннымъ удовольствіемъ прочелъ я письмо Ваше, напомнившее давно минувшее для меня время и нашу благодатную матушку Москву, и если бы въ силахъ былъ, исписалъ бы въ отвѣтъ Вамъ листокъ размѣра гораздо большаго, чѣмъ сей. Но я такъ слабъ, особенно очами, что пересталъ быть не только преподавателемъ и писателемъ книгъ, но можетъ быть скоро перестану (чего Боже упаси!) читателемъ и писателемъ даже писемъ, и безъ того уже пользуясь обыкновенно чужими очами и руками для сего дѣла²⁾). Спѣшу однако же собственоручно сказать Вамъ въ отвѣтъ:

¹⁾ Напечат. въ Журн. Мин. Нар. Прosв. 1872 г.; пользуемся отдельн. оттискомъ.

²⁾ Еще живя въ Москвѣ, т. е. до 1834 года, Максимовичъ началъ замѣчать общее ослабленіе здоровья, а особенно зрѣнія, благодаря кропотливымъ и усидчивымъ работамъ при помощи микроскопа. Жизнь-же его въ Кіевѣ, при многосложныхъ занятіяхъ по новой для

1) Піеса, о кої Ви спрашиваете моего мнѣнія, слишкомъ изобилуетъ лирическимъ безпорядкомъ, а потому, не смотря на поэтическое свое достоинство, столь громко оглашенное въ прошломъ году журналами, она едвали съ желаемою пользою можетъ занять мѣсто въ педагогической хрестоматіи для юношества.

2) Москвитянинъ да подвигается во благо литературы нашей и за честь нашей Москвы!.. Богъ да поможетъ вамъ всѣмъ! Если и мнѣ будетъ Его благословеніе, и я сколько нибудь оправлюсь, то не премину явиться съ кирпичемъ хоть для задней стѣны, если съ камнемъ для закладки не въ состояніи. Теперь и для своего бѣднаго Кіевлянина¹⁾ не могу дописать двухъ уже начатыхъ давно статей,—и вѣроятно не самъ буду держать корректуру второй книжки, которая все таки выйдетъ... да не всѣ мои начинанія будутъ спотыкаться на первомъ томѣ²⁾.

него кафедрѣ русской словесности, а особенно по должности ректора вновь открытаго университета, усилила эту слабость здоровья до того, что онъ уже чрезъ годъ, т. е. въ 1835 году, по болѣзни оставляетъ ректорство, а въ 1839 году доходитъ до такого состоянія, что читаетъ лекціи студентамъ у себя въ квартире, и 30 сентября 1840 года подаетъ прошеніе о полной отставкѣ, которая послѣдовала только въ апрѣлѣ 1841 года. Какъ видно изъ даты на этомъ письмѣ, оно писано 11 октября 1840 года, т. е. вскорѣ послѣ подачи прошенія объ отставкѣ.

1) Максимовичъ, какъ человѣкъ, привыкшій въ Москвѣ къ журнальной дѣятельности, перѣхавъ въ Кіевъ, почти сразу-же задается мыслью создать и здѣсь нѣчто въ родѣ періодического изданія, особенно-же все болѣе и болѣе увлекаись мѣстною исторіей и древностями; но для журнала тогдашній Кіевъ былъ еще не готовъ, а потому Максимовичъ рѣшаетъ начать изданіе альманаховъ и выпускаетъ въ свѣтъ въ 1840 году «Кіевлянинъ», часть 1-ю, затѣмъ въ 1841 году часть 2-ю, и только въ 1850 г. часть 3-ю.

2) Дѣйствительно, въ жизни Максимовича эта черта особенно рѣзко бросается въ глаза: всѣхъ крупныхъ его литературныхъ сочиненій выходила въ свѣтъ только 1-я часть; такъ, сборника малорусскихъ пѣсенъ вышла только 1-я часть (въ трехъ разныхъ изданіяхъ), Начатки русской филологии, часть 1-я, Исторія древней русской словесности, часть 1-я.

3) Особено жалѣю, что принужденъ, можетъ на долго, остановиться на первомъ томѣ Исторіи Рус. Сл., для которой въ продолженіе 6-лѣтней моей профессуры въ Кіевѣ трудился немало. Спасибо Вамъ за доброе слово и намѣреніе Ваше относительно 1-ой части моей Исторіи, которую такъ у Васъ откатали, что совѣстно за критика, но въ которой есть-же, право, порядочныя страницы. Мнѣ утѣшительно думать, что Вы дадите ходъ нѣкоторымъ моимъ мыслямъ о языкѣ, которому въ особенности посвящена первая часть—и это для меня будетъ самою пріятною наградою за трудъ¹⁾). Утѣшительно для меня и то, что именно Вы будете разрабатывать въ Москвѣ тотъ предметъ, которому я съ любовью посвящалъ послѣднюю долю моихъ работныхъ силъ. Особенно прошу Васъ поработать надъ среднимъ періодомъ (XIV—XVII), въ которомъ западно-русская половина такъ многознаменательна, но который доселѣ казался хаосомъ для предшедшихъ намъ историковъ.

За симъ желаю во всемъ Вамъ успѣха и обнимаю Васъ дружески Вашъ преданный

Максимовичъ.

P. S. Изъ Кіевскаго бюллетеня: погода стоитъ прененастная; министръ нашъ все хвораетъ флюсами и доселѣ оставался еще безвыѣзднымъ, пробыть здѣсь намѣренъ до 20 числа²⁾; музы наши возсыпаютъ мольбы къ Фебу, да просіяетъ онъ на небѣ для нашей бѣдной земли.

II.

Почтеннѣйшій и любезнѣйшій товарищъ Степанъ Петровичъ!

Третьяго дни получилъ я изъ Золотоноши письмо Ваше отъ 22 февраля... Честь Вамъ и слава, что собираетесь такъ достойно

¹⁾ Исторія древней русской словесности подверглась, какъ и слѣдовало ожидать, разнообразной критикѣ въ журналахъ, при чемъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ трудъ этотъ считался весьма слабымъ (см., напр., Отечествен. Записк. 1840 г., № 4); но Шевыревъ отнесся къ нему съ большимъ уваженіемъ, особенно что касается филологическихъ наблюдений автора.

²⁾ Министръ С. Уваровъ, возвращавшійся тогда изъ заграницы, прожилъ осенью нѣсколько времени въ Кіевѣ.

на столѣтній праздникъ Московскаго Университета, слѣдствен-
но—на праздникъ просвѣщенія Русскаго... Это такъ близко душѣ
моей, ибо лучшая жизнь моя была тамъ, въ Московскомъ верто-
градѣ; и два раза, въ годовое празднество его, говорилъ я нѣ-
когда рѣчи о немъ и о просвѣщеніи рускомъ¹⁾.

Въ настоящую минуту не могу не пожалѣть, что я не по-
лучилъ того письма отъ г. Фишера, о которомъ Вы упоминаете;
я имѣлъ досугъ написать подробный отвѣтъ на задачу. Теперь
я нездоровъ и смущенъ нѣкоторыми происшествіями частной
жизни моей, въ послѣднее время часто смущаемой утратами
близкихъ сердцу моему. Но задача такая лестная для меня, что
я самъ-же для себя долженъ послѣдить ея рѣшеніемъ: и потому
недѣли черезъ двѣ вѣрно успѣю составить, хотя и не такой,
какъ-бы хотѣлось, отвѣтъ Вамъ²⁾. Помогай Богъ Вамъ въ тру-
дахъ Вашихъ и сердечное Вамъ спасибо за добрую память
обо мнѣ.

Почитающемъ Васъ и преданномъ Вамъ

М. Максимовичъ.

1854 г. 16 марта Михайлова Гора.

Прошу Васъ передать мой усердный поклонъ Аркадію
Алексѣевичу.

¹⁾ Первый разъ выступилъ онъ въ Московскомъ университѣтѣ въ качествѣ оратора на торжествѣ 75-тилѣтнія существованія своей *atmae matris* въ 1830 года произнесъ на актѣ рѣчь «Объ участії Московскаго Университета въ просвѣщеніи Россіи»; черезъ два года, въ 1832 году, вторично онъ на актѣ произноситъ извѣстное слово свое «О рускомъ просвѣщеніи», доказывая, что самобытность непремѣнно должна быть удѣломъ народа, который хочетъ оставить наслѣдіе грядущимъ поколѣніямъ.

²⁾ Конечно, здѣсь идетъ дѣло объ упомянутой раньше автобіо-
графической запискѣ, которую Шевыревъ предложилъ написать ему
для составленія Словаря профессоровъ Московскаго университета,
изготавливавшагося къ столѣтнему университетскому торжеству. Объ
этомъ свидѣтельствуетъ письмо 3-е.

Р. С. Хочется мнѣ переселиться въ Москву, не для службы, для которой уже изветшалъ я, а для того, чтобы дожить вѣкъ въ мирномъ кабинетномъ трудѣ, въ той атмосфѣрѣ, гдѣ мнѣ было *лучше*, какъ писателю и какъ человѣку... Да не имѣю достаточнаго способу на сіе переселеніе и водвореніе. Не придетъ ли Вамъ на мысль какое либо къ тому средство? Не найдется ли какого нибудь мѣста спокойнаго, сообразнаго вышеозначенной цѣли моего стремленія къ любезной намъ Москвѣ? Киевъ, хотя и родной мнѣ, но выросши въ Москвѣ, я не сроднился съ нимъ для моей жизни... Люблю его святыню, старину и природу, но какъ посѣтитель и богомолецъ, а не какъ житель и труженикъ.

III.

5 апр. 1854 г. М. Гора.

Любезнѣйшій Степанъ Петровичъ!

Отправивъ на почту 3 апрѣля мое длинное письмо къ Вамъ, я доволенъ былъ собою, что исполнилъ Ваше пріятное мнѣ порученіе и доставилъ Вамъ изрядный запасъ для біографическаго обо мнѣ извѣстія въ *Словарѣ...* Я весьма благодаренъ былъ Вамъ и за то, что этогою задачею вывели меня изъ безвыходнаго сидѣнія надъ *полками и сотнями* прежней Украины, надъ стариною межигорскю и другихъ украинскихъ монастырей, среди котораго застало меня письмо Ваше отъ 22 февраля¹⁾). Отвѣтомъ на него я какъ будто освѣжился къ веснѣ; и лишь о томъ пожалѣлъ, что не ранѣе мѣсяцемъ получилъ письмо ваше. Припоминая по свѣжему слѣду свое посланіе къ вамъ, на каждомъ почти шагу нахожу недомолвки и пропуски, сдѣланные въ торопахъ, въ то время, какъ не мало настрочилъ такого, что по всей справедливости надо бы похерить. Но что написано уже—то ваше.

А въ ту копію моего письма, которую я просилъ Васъ и вновь прошу поручить какому либо борзонисцу сдѣлать мнѣ

¹⁾ Максимовичъ тогда работалъ надъ капитальной статьей своей «Обозрѣніе городовыхъ полковъ и сотенъ» (напечатано въ 1856 г.).

для жены моей, пусть онъ включить нѣсколько строкъ, кото-
рыя здѣсь напишутся...

Такъ, въ самомъ концѣ, гдѣ упомянулъ я о похоронахъ 24
февраля, не дописалъ я того, что хотѣлъ сказать, заговоривши
объ этомъ днѣ: что мнѣ было чрезмѣрно тяжело, какъ будто
знако сердце, что ему въ тотъ день было двѣ утраты.

Къ слову о назначеніи университета въ Киевѣ надо при-
ставить по-Гавриловски, т. е. *въ скобкахъ*: (1833 года, 8 ноября,
въ день патрона моего *архиепископа Михаила*, издревле при-
нятаго въ гербъ Киева)... Это обстоятельство имѣло въ свою
пору для меня большое значеніе, какъ и послѣ не разъ, въ
важныхъ перемѣнахъ жизни, соединялось съ ними имя св.
архиепископа.

Послѣ вакаціи въ Ботанич. саду 1823 году, не сказалъ я
болѣе существеннаго для меня:

А какимъ счастьемъ для меня была радость матери моей,
когда она получила мой кандидатскій дипломъ!...

Вотъ нѣсколько словъ изъ ея письма отъ 11 іюля: „Бла-
годарю Творца Небеснаго, что Онъ насъ не оставляетъ; и да
ниспослѣтъ Онъ на тебя благодать свою на всю твою жизнь!
Старайся, другъ мой, чтобы я наслѣдила бабушку твою Тим-
ковскую, ибо я очень помню, какъ бывало она часто плачетъ
отъ радостей за твоихъ дядей“...

Въ Москвѣ, гдѣ сказано, что я былъ преподавателемъ въ
трехъ заведеніяхъ, можно бы, тоже по-Гавриловски, сказать:
(Два раза по году преподаваль я естественную исторію и въ
Московской Коммерческой практической академіи).

Въ гимназическое время, гдѣ говорю о собираніи Новго-
родсѣверской флоры, весьма бы слѣдовало сказать:

А знакомство мое съ аптекаремъ Н. О. Компіопи (быв-
шимъ послѣ смотрителемъ училища Новогородсѣверскаго) до-
ставило мнѣ случай узнать, въ натурѣ и въ латинскихъ на-
званіяхъ, пѣлое „врачебное веществословіе“.

Вслѣдъ за приглашеніемъ меня 1843 года въ Киевъ¹⁾, слѣдовало бы сказать:

Не скоро и не охотно рѣшился я промѣнять на дѣятельность въ Киевѣ мое Михайловорское упокоеніе, въ которомъ я тогда обрѣлъ снисканіе велие и то доволѣство жизню, о которомъ говорить и пословица украинская: „якъ-бы хлѣбъ да одежа, то бы євъ козакъ лежа“! А лежнемъ и сиднемъ былъ я не по своей волѣ.

Послѣ двухлѣтняго пребыванія въ Киевѣ, 1845 г.,²⁾ существенно необходимо сказать бы:

Меня преслѣдовала тогда грустная мысль, что мои послѣдніе годы, годные для общественной дѣятельности, уходятъ понапрасну, и потому я, впродолженіе пяти лѣтъ, все ожидалъ, что меня примутъ опять на службу по Министерству Народнаго Просвѣщенія, или пошлютъ въ этнографическое путешествіе по Россіи отъ географического общества; но мои ожиданія не исполнились, и я въ 1850 году сказалъ себѣ: оставь надежду навсегда!

Малороссійскій Словарь, который подготовленъ у меня былъ для бывшаго ministra А. С. Шишкова, тоже остался безъ выхода.

Но такихъ дополнительныхъ бликовъ въ набросокъ моей автобіографіи набралось бы, какъ вижу, много... довольно и этихъ! Листокъ кончается; развеликорѣчился не кстати, пора обратиться къ малословію! Прощайте! Вашъ

М. Максимовичъ.

IV.

(На листочкѣ съ надписью: „Степану Петровичу Шевыреву“).

¹⁾ Вышедши въ 1841 году по болѣзни въ отставку, Максимовичъ поселился у себя на хуторѣ, на прекрасной своей Михайловой горѣ; но черезъ два года, въ сентябрѣ 1843 г., его опять пригласили занять кафедру въ Киевѣ, т. к. здоровье его значительно улучшилось.

²⁾ Въ 1845 году Максимовичъ окончательно вышелъ въ отставку и навсегда покинулъ учennуу кафедру.

Кланяюсь Вамъ, любезнѣйшій Степанъ Петровичъ! И зная, что подъ конецъ академического года вы зѣло заняты бываете, скажу только, что я все жду отъ Васъ той *копи* съ моего длиннаго письма къ Вамъ, которой я просилъ у Васъ, посыпал письмо... Мнѣ она понадобилась, тѣмъ болѣе, чо въ іюлѣ я їду отсюда, вѣроятно далеко и надолго... ¹⁾).

12 іюня 1854 г.

Вашъ. М. М.

V.

12 генваря 1857. М. Гора.

Не пропускаю дня сего, чтобы привѣтствовать Васъ, незабвенный и многоуважаемый мною Степанъ Петровичъ,—привѣтствовать съ новымъ годомъ нашего возлюбленного университета Московскаго, во славу котораго Вы такъ много поработали!

А я только вчера получилъ письмо Ваше и объявленіе на Ваши мнѣ книги, которыхъ давно уже хотѣлось мнѣ... Сердечно благодарю Васъ за воспоминаніе обо мнѣ и за подарокъ Вашъ, который займетъ меня такъ пріятно на слѣдующую недѣлю и перенесетъ мою всю душу и память въ широкіе предѣлы Бѣлокаменной и нашего возвышенаго ея средоточія. Грустно мнѣ было только узнать изъ письма Вашего, что Вы поплатились такъ тяжело за свой усердный трудъ Всеучилищу Московскому... Ну, да видно безъ того уже нельзя обойтись при подобномъ искреннемъ трудѣ, какъ вѣдаю и по собственному опыту кievскому... Слава Богу, однако, что Вы опять здравствуете!—Вы отказываетесь отъ другого Словаря—и Господь съ нимъ: чтобъ не было опять надсады, какъ случилось было со мною рецидивное горе въ 1845 году, когда при чтеніи приватныхъ лекцій въ университѣтѣ я со всеусердiemъ принялъ было за новую „Временную комиссию“ ²⁾). Но знаете-ли что: пока Вы еще на катедрѣ, ей-ей слѣдовало-бъ Вамъ издать продолженіе драгоцѣнной

¹⁾ На основаніи имѣющихся у насъ пока данныхъ біографическихъ, не можемъ рѣшить, на что намекается въ этихъ строкахъ.

²⁾ Въ ноябрѣ 1843 года открылась въ Кіевѣ «Временная комиссія для разбора древнихъ актовъ», въ которой Максимовичъ сразу-

вашей „Исторії Словесності“. Да вѣдь у Васъ и написаны лекції! Ей-Богу надо издать! Видите сами: никто не издасть послѣ насъ! И великий недостатокъ ощущается въ этомъ дѣлѣ. Снабдѣніе лекцій такими обильными примѣчаніями, какъ въ 2 первыхъ книгахъ (которыя потребуютъ многокопотного труда), можно оставить впредь, въ долгій ящикъ отложить; но изложеніе самое, столь превосходное и существенное, какъ въ первыхъ книгахъ—это было-бы знаменитое и преполезное дѣло. Я помню Ваши иѣкоторыя лекціи въ Москвитянинѣ о словесности средневѣковой,—воображаю и предполагаю несомнѣнно, и знаю напередъ достоинство лекцій Вашихъ о новой литературѣ нашей: и какъ хорошо было-бы именно въ настоящую пору явиться имъ въ свѣтъ. Не говоря уже о публикѣ вообще, но именно два выростающія поколѣнія ея—университетское и гимназическое, наставники ихъ—и особенно гимназические,—вотъ кому особенно полезна и благотворна была ваша книга. Я въ 1845 году видѣлъ, какъ бѣствуютъ они и колобродятъ безъ руководителя добра, пробавляясь то запоздалымъ и отсталымъ Гречемъ, то пустозвонными рецензіями Бѣлинского покойного и прочихъ журнальныхъ глашатаевъ.—Говорю это голосомъ глубокаго сознанія и чистой совѣсти, что на Васъ, мой почтенный товарищъ, лежитъ святой долгъ—окончаніе начатаго Вами труда, пока Вы еще на катедрѣ и благовѣствуете о семъ предметѣ. Не говорите на это мнѣ—что-же я самъ не кончаю! Не скончили меня лихая болѣзнь совсѣмъ съ поприща, я окончилъ-бы; будь я опять на катедрѣ—кончилъ бы непремѣнно. Вамъ, говорю, легко уже потому, что у Васъ есть написанныя лекціи, стало быть обработать подготовленное остается... Я-же, какъ знаете, по свойству моему, не писалъ и даже старался не писать никакихъ записокъ,—и сойдя такъ давно съ катедры, не слѣдилъ уже предмета, и еще въ 1845 году писалъ, кажется Языкову, что Шевыреву и книги въ руки!

же принялъ дѣятельное участіе, выразившееся въ изданіи подъ его редакціей 1-го отдѣла 1-го тома «Памятниковъ» и въ подготовкѣ матеріала для 2-го тома.

Вы говорите, что Вашу дѣятельность берутъ двѣ катедры: какъ это? Да если бы Вы только издали всю „Исторію Словесности“, я готовъ попроситься, набиться къ Вамъ въ лекторы, или коадъюторы на два или три полугодія, чтобы читать лекціи по три въ недѣлю, часовыя, словесность древнерусскую, потомъ средневѣковую, пожалуй хоть и семестръ о народной поэзіи, или обѣ русской рѣчи... Вотъ какая штука шевельнулась въ моемъ умѣ, при прочтеніи Вашего письма!.. Она можетъ улетѣть и пропасть, какъ мимолетное облако, и можетъ спуститься, если захотите Вы съ братіей, горячимъ аэролитомъ на Моховой... Первую лекцію прочелъ-бы заикавшись и рдѣясь; а тамъ бы и распоясался да и пошелъ, пошелъ, какъ въ старину бывало! Въ иной часъ чувствуется еще, что не совсѣмъ угасла и простыла словесная сила. А между тѣмъ вѣрнѣе, что на семь листѣ и кончится дѣло. Прощайте-же, любезнѣйшій друже, и будьте здоровы! Обнимаю Васъ отъ души.

Истинно уважающій Васъ

Михаилъ Максимовичъ.

Поклонъ мой любезному В... (не разобрано).

Гдѣ г. Трушковскій? Я ему весьма благодаренъ и обязанъ за сочиненія Гоголя.

VI.

23 марта 1857. М. Гора.

Приношу Вамъ, почтеннѣйший Степанъ Петровичъ, великую благодарность за присланныя мнѣ вами книги ваши. Это для меня былъ драгоценный подарокъ въ новомъ году, включая туда и автобіографическое мое письмо Вамъ, съ слѣдами вашего исторического на немъ труда. Я съ наслажденіемъ прочелъ и Словарь, гдѣ особенно любовался Мерзляковскою біографіей, и исторію университета. столько же удовлетворительную для насъ, какъ была многотрудною для Васъ; и юбилей, гдѣ Вы такъ краснословесно подвизались и первенствовали. Хвала Вамъ и память нескончаемая!

Какъ-же теперь здоровье Ваше? Пожалуста отзовитесь о себѣ хоть страничкою. Насытивъ разомъ такъ жирно, не дайте вслѣдъ за тѣмъ слышать молчаніе долгое. Насъ сверстниковъ все убываетъ; остается для меня не много; и въ числѣ этихъ немногихъ Вы одинъ изъ главныхъ, съ которымъ такъ хочешь иногда сказать свое, услышать твое слово. Я ни-зачто и недуманно лишился Погодина, который, какъ сужу по его молчанію письменному и отвѣту печатному, разсердился на меня... это и грустно и даже странно мнѣ. Не разсердился-же я на него, когда онъ не въ журналѣ, а въ книгѣ своихъ *Изслѣдованій* такъ немилостиво поциралъ мою книгу о Русской землѣ, черезъ 10 лѣтъ по ея выходѣ въ свѣтъ. Брань его во сколько кратъ тяжелѣ (*sic*) моихъ выходокъ, въ Филолог. II., писанныхъ по горячemu слѣду, даже черезъ 10 недѣль, въ продолженіе которыхъ горячность могла бы упасть на градусъ; а у него, какъ видно, съ годами она возвышалась на мою *Русскую землю*. Впрочемъ, на его отвѣтъ я долженъ былъ отвѣтить печатно, что исполнилъ на другой-же день, а потомъ съ слѣдующею другою почтою¹⁾). Такъ какъ Москвитянинъ его редакціи прекращается, то прошу Васъ письмо мое о Тимковскихъ не давать туда, а если оно не пойдетъ въ дѣло у Васъ въ продолженіе года, то вы мнѣ его послѣ возвратите.

Мое здоровье въ послѣднія недѣли было весьма неисправно, даже скверно; но въ эту послѣднюю недѣлю слава Богу становилась лучше, и въ маѣ мѣсяца располагаю ѻхать въ Кіевъ на минеральный водопой.

¹⁾ Дѣло идетъ о той полемикѣ, которая была у Максимовича съ Погодинымъ по вопросу о старобытности малорусскаго нарѣчія. Началась она по тому поводу, что Погодинъ въ письмѣ своемъ Срезневскому (Москвитян. 1856 г., № 2) утверждалъ, будто въ домонгольскій періодъ кіевская земля была заселена великороссами, а что малорусское племя переселилось сюда съ Карпатъ только въ XIV вѣкѣ. Максимовичъ отвѣтилъ на это «Филологическими письмами къ М. П. Погодину» (Русская Бесѣда 1856 г., № 3) и «Отвѣтными письмами Погодину» (тамъ-же 1857 г., кн. 2).

Я принялъ за моего Украинца-Игоря, чтобы въ Киевѣ напечатать его¹⁾). Не рѣшаюсь еще, издавать ли при стихотворномъ переводѣ и подлинникъ; какъ вы думаете? Примѣчанія все равно должны быть. Есть нѣсколько новыхъ вещей въ нихъ. Между прочимъ, читая вашу превосходную лекцію, замѣтилъ въ ней три промаха, которые и сообщу Вамъ: 1) 273 стр. Игорь не въ Путивлѣ ждалъ Всеволода, а за Донцемъ, какъ и у Васъ передъ тѣмъ на 269 — выходитъ разногласіе, 2) На стр. 291 обмолвка: Владимира Святославича вм. Глѣбовича. 3) Стр. 321, прим. 26. Максимовичъ „выкинулъ изъ своего изданія“. Ай, ай! Слова изъ пѣсни не выкидать, а тамъ слова Бояновы! Я ошибался въ томъ собственно, что дерзнулъ перемѣстить это убийственное „Рекъ Боянъ“ — къ Бояновымъ-же словамъ о Всеславѣ, смотрите въ моемъ изданіи стр. 40. Согласны ли вы на объясненіе мое *темнаго мѣста*, напечатанное въ Москвитянинѣ (но рози нося) — кажется удовлетворительно оно.

А довольны ли Вы моимъ *Богданомъ*, а Феофановой „Милостью Божою“?

Но все это *мѣлочи* (sic) передъ тѣмъ, что Вы обѣщали и о чёмъ я просилъ Васъ въ послѣднемъ письмѣ: о продолженіи *Исторіи словесности*, будучи на ту пору готовъ сотрудничать Вамъ въ кабинетѣ и дѣйствительно готовъ и радъ, если бы перебрался въ Москву; но уже поздно мнѣ отсталому выходить на поприще общественное: это я созналъ, читая юбилей. Было времячко и для меня, да уже стало *давнопрошедшимъ*, хотя это время и отвергается новѣйшою грамматикою рускою.

Отъ всей души обнимаю Васъ.

М. Максимовичъ.

Меня когда то и В. П. Кочубей и покойный Самаринъ приглашали въ воспитатели сыновьевъ ихъ. Не откроется-ли въ Москвѣ такого мѣста, чтобы поступить на жалованье профес-

¹⁾ Пѣснь о полку Игоря, переведенная Максимовичемъ на украинское нарѣчіе издана имъ въ Киевѣ въ 1857 году.

сора учить сына или дочь по два часа въ день, съ ихъ разумѣется квартирю¹⁾.

VII.

Сердечно благодарю Васъ, почтенѣйшій Степанъ Петровичъ, за Вашъ дружескій подарокъ, который всегда будить намъ наше молодое и для поэзіи золотое времячко! Желаю отъ души вашему поэтическому *Лагерю* одушевлять молодыя поколѣнія въ лагеряхъ военныхъ.

За бумагами—по назначеннымъ Вами часамъ, т. е. до 2-хъ, я и самъ не знаю, когда успѣю быть: развѣ въ субботу, но и то не ручаюсь наявѣрное. Впрочемъ постараюсь.

Вашъ Максимовичъ.

5 февр. 1859 г.

Весь въ корректурѣ и срочномъ чтеніи: не стаетъ зреїнія²⁾.

VIII.

1860 г. 28 февраля М. Гора.

Любезный другъ, Степанъ Петровичъ!

Мы ни разу еще не аукнулись съ тобою послѣ нашей разлуки; но вотъ Господь привелъ меня отозваться къ тебѣ—радостнымъ для меня извѣстіемъ, что сего 22 февраля въ 7 часу вечера я сталъ отцомъ новорожденнаго сына Алексія: прошу

¹⁾ По всему видно, что Максимовичъ жаждалъ служебной дѣятельности не только ради исполненія общественной роли, но и ради заработка. Да и не диво: пришлось ему перебиваться, живуки въ маленькомъ хуторѣ и получая 763 рубли въ годъ пенсіи. Помнить надо также, что въ 1853 году онъ женился, и слѣдовательно материальный недостатокъ сталъ ощущаться еще болѣе.

²⁾ Это письмо - записка писана въ Москвѣ, куда Максимовичъ, какъ было сказано выше, переселился въ 1857 г.; въ это время (въ 1859 году) онъ редактировалъ сочиненія И. В. Кирѣевскаго, а также готовилъ къ выпуску свой сборникъ «Украинецъ», появившійся въ свѣтъ въ началѣ 1859 года.

принять въ твое благорасположеніе этого человѣка Божія и помолиться о немъ, да выростаетъ онъ здоровымъ и разумнымъ и словеснымъ! Моя Маруся вмѣстѣ со мною кланяется тебѣ; и душевно желаемъ мы тебѣ и всему семейству возможныхъ радостей и всякаго благополучія. Отъ всей души обнимаю тебя.

Преданный тебѣ

М. Максимовичъ.

P. S. Прошу передать мой поклонъ и вѣсть о рождениіи маленькаго Максимовича Степану Алексѣевичу Маслову.

IX.

1860. 25 окт. Мих. Гора.

Любезный другъ Степанъ Петровичъ!

Я такъ виноватъ передъ тобою моимъ молчаніемъ, что даже и извиняться совѣстно. Такъ мудрено для самого меня прошли эти полгода жизни моей, въ безвыѣздномъ уединеніи на Горѣ моей, въ безопаснѣомъ бездѣйствіи внѣшнемъ, при сильномъ движеніи души внутри меня... Сто разъ вспоминалъ я тебя съ сердечною благодарностью: и за твой дружескій привѣтъ о богоданномъ моемъ сынишкѣ, и за подарокъ мнѣ второизданнаго твоего умственнаго дѣтища. Теперь на письмѣ говорю тебѣ великое, душевное мое спасибо за то и другое.

Твое письмо съ поэтическимъ привѣтомъ моему маленькому Золотонощу положено въ начало *Изборника* его, какъ благословительная ему грамота на жизнь отъ поэта-профессора и добрая отца семейства. Господь послалъ мнѣ въ этомъ младенцѣ великую радость и замѣну тѣхъ сердечныхъ утратъ, которые опустошаютъ прежній міръ души и жизни моей... Девятый мѣсяцъ уже, какъ я любуюсь всѣмъ сердцемъ моимъ этимъ прекраснымъ человѣчкомъ, явившимся, какъ подснѣжникъ на весенней проталинѣ... а что впереди, доживу-ли хоть до того, чтобы передать его уже грамотнаго на воспитаніе Москвѣ?..

Мнѣ очень жаль, что я на вторую зиму остаюсь въ разлученіи съ вами, съ которыми я какъ бы вновь сжился въ двѣ преднослѣднія зимы; при новой задачѣ моей жизни, еще уве-

личивается душевная потребность перебраться хоть бы и со всемъ на водвореніе въ Москвѣ, чтобы въ ней и вѣкъ дожить, но никакъ еще не приберу и не придумаю къ тому способу, а потому и остаюсь тутъ, хоть здѣсь на всякомъ шагу вижу и чувствую неудовлетвореніе всяческое.

Писать почти ничего не писалъ я во все времена, кромѣ полемическихъ бездѣлушекъ, которыя ты видѣлъ въ СПБ. Вѣдомостяхъ, да нѣсколькихъ псалмовъ¹⁾, за которые, вѣроятно, таѣ-же побраняютъ меня Гацукъ и Кулишъ, какъ и за прежние; но и эти новые псалмы, равно какъ и помянутыя газетныя бездѣлицы, я писалъ еще до прошлой весны, а съ той поры уже ничего не писалъ. И самому жаль, да что-же дѣлать, когда здѣсь не пишется. Къ сожалѣнію и читается мало мнѣ. Газетъ и журналовъ почти не вижу, кромѣ Разлеченія и Медицин. Газеты Смирнова; СПБ. вѣдомости получаю непостоянно и несвоевременно, отъ одного изъ сосѣдей моихъ; Московскихъ и въ глаза не видалъ въ этомъ году. За то съ какимъ аппетитомъ прочель я твою исторію Р. С. второго изданія! Хвала тебѣ, любезный другъ, за этотъ трудъ—истинно превосходный и монументальный! Твое введеніе весьма удовлетворительно и важно; дополненія, сдѣланныя по мѣстамъ, уравниваютъ науку съ вѣкомъ, или точнѣе—съ послѣдними годами вѣка сего; но уравнивается-ли современное поколѣніе съ наукой, въ которой ты надолго будешь передовымъ учителемъ. Помогай-же тебѣ Господь дотягивать спѣшно и благоуспѣшно до конца, т. е. не только до Петра, но до Александра—Пушкина и до Николая—Гоголя! Если что отпечатаешь, прошу тебя, присытай мнѣ тотчасъ; мнѣ въ сласть будетъ читать твое писаніе о томъ, что занимало нѣкогда мой умъ и что уже полузыбыто мною, также какъ и ботаника, и зоологія, и многое, многое, отъ чего трещала голова и гнулся мозгъ въ молодыя лѣта мои.

Ты спрашиваешь моего мнѣнія о Литовщинѣ Русской: я не читалъ всего, что писано, но по отрывкамъ вижу, что это

¹⁾ Какъ известно, Максимовичъ переводилъ псалмы на украинское нарѣчіе; часть ихъ была напечатана (Украинецъ 1859 г. и Галичанинъ-Львовъ 1867 г.), а часть остается въ рукописи.

дребедень, *Гуляй-Городокъ*, какъ справедливо назвалъ Погодинъ въ Р. Бесѣдѣ. Но мнѣ и его исповѣдь не понравилась, а диспутъ еще болѣе. Охота на старости молодечествовать, связываться съ неровнею и выходить на арену, несвойственную его солидной именитости. Мнѣ грустно было все это происшествіе¹⁾. Но я порадовался, что онъ наконецъ *одружился*, какъ говоримъ мы украинцы. Я писалъ ему поздравленіе въ Тифлісъ, узнавши, что онъ туда махнулъ; но отъ него нѣтъ отзыва мнѣ, даже и на мое увѣдомленіе его о моемъ новорожденомъ *чадцѣ*.

Какъ ты поживаешь? Что написалъ за лѣто? Какъ здравствуетъ твоя семья? Передай мой поклонъ Софѣ Борисовнѣ. Жена моя свидѣтельствуетъ тебѣ свой поклонъ, вмѣстѣ съ своимъ *Алешеномъ*.

Москва собирается опять на зиму; ужъ вѣрно и ты въ ней давно. Ужъ и у насъ на Днѣпрѣ снѣжокъ пробуетъ убѣлить лице земли. И я уже дня по два и по три остаюсь затворникомъ въ своей тѣсной безкабинетной храминѣ коптить потолокъ ея и стѣны воскуреніемъ непотребнаго, но необходимаго мнѣ зелья... Какъ я ошибся, говоря нѣкогда, что если будетъ жена, то брошу трубку: трубку смѣнили папиросы; какъ слаба и несамовладна у насъ натура!

Отъ всей души обнимаю тебя.

М. Максимовичъ.

X.

10 генв. 1861 г. М. Гора.

Любезный другъ Степанъ Петровичъ!

Дружески обнимаю тебя, въ привѣтъ съ новымъ годомъ на твоемъ цвѣтущемъ новосельи. Даруй Господь тебѣ новыхъ силы тѣлесныя и душевныя, и новое вдохновеніе на продолженіе твоихъ научныхъ и поэтическихъ работъ. Осенью я писалъ къ тебѣ въ Москву, не зная, что ты уже далеко отъ нея, что Хомяковъ еще дальше ото всѣхъ насъ—ушолъ туда, гдѣ нѣть

¹⁾ Конечно, рѣчь идетъ объ извѣстномъ диспутѣ М. Н. Погодина съ Н. И. Костомаровымъ.

ни печали, ни воздыханія; а за нимъ и богатырь Костя поспѣшилъ къ обожаемому своему отцу. Царство небесное имъ, а намъ живымъ да будетъ еще жизни!

Я на горѣ своей обрѣтаюсь, благодаря Бога, въ довольномъ еще здравіи, жена моя тоже здравствуетъ; обое радуемся своимъ Алексѣйкомъ, истинно-прекраснымъ человѣкомъ Божіемъ. Въ декабрѣ я началъ писать; написалъ письма о Хмельницкомъ къ Костомарову въ Основу. Недосказанній Богданъ заслонялъ мнѣ все прочее. Возьмусь теперь за что либо новое. Извѣсти меня о себѣ, какъ поживаешь и что работаешь? Впрочемъ, трудясь поменьше, гуляй и лѣнись побольше,—особливо на первыхъ порахъ твоего пребыванія во Флоренціи, пока расцвѣтутъ новыя силы, или точнѣе—старыя силы новымъ цвѣтомъ. Поцѣлуй за меня ручку Софы Борисовны, твоихъ дѣтокъ. Маруся моя цѣлуетъ твою сѣдую, серебряную голову, которая такъ полюбилась ей. А на моей головѣ и доселѣ—хоть бы сѣдинка... такая уже натура! Только усы все болѣе серебрятся. Прощай, друже! Вспоминай меня, любящаго тебя украинца Максимовича. Господь да хранитъ тебя!

Внизу написано рукою Максимовича; Степану Петровичу Шевыреву во Флоренцію.

XI.

Богъ да благословитъ новый трудъ Вашъ, почтеннѣйшій Степанъ Петровичъ, на пользу науки и просвѣщенія Русскаго!

Благодарю Васъ за присылку вашихъ двухъ книгъ; Вамъ посылаю записки Ильи Ф. Тимковскаго. Морозъ, говорятъ, великъ, а потому, если не убавится къ вечеру, то долженъ буду остаться дома и сегодня, ибо нога моя побаливаетъ еще и сегодня, хотя уже не такъ, какъ вчера.

Будьте здоровы и благополучны¹⁾!

Вашъ М. Максимовичъ.

¹⁾ Письмо это, вѣроятно, написано въ Москвѣ въ 1858 году, т. к. въ ноябрѣ мѣсяцѣ онъ былъ здѣсь только въ этомъ году.

ИЗЪ КОЛОМЬЯ ВЪ КОСОВЪ.

Въ 1-й книгѣ „Кievской Старины“ за 1896 годъ мы напечатали извлеченіе изъ путевыхъ записокъ по Галиціи г. Фр. Рѣгоря, известнаго чешскаго этнографа, подъ названіемъ „Изъ Львова въ Коломыю“, при чемъ очень сожалѣли, что не могли помѣстить замѣчательно типичныхъ и характерныхъ рисунковъ, которыми почтенный путешественникъ украсилъ свои статьи въ чешскомъ иллюстрированномъ изданіи „Свѣтозоръ“ и безъ которыхъ сдѣланное нами извлеченіе, на нашъ взглядъ, много теряло. Оказалось однако же, что и безъ рисунковъ извлеченіе было принято довольно сочувственно читателями „Кievской Старины“, и потому мы рѣшились предложить имъ въ настоящей книгѣ окончаніе вышеозначенныхъ путевыхъ записокъ, именно: очеркъ „Изъ Коломыи въ Косово“, помѣщенный въ числахъ 49, 50, 51 и 52 „Свѣтозора“ за 1894 годъ.

А. Степовичъ.

Коломыя, именуемая въ Галиціи „русскою столицею Покутья“, изъ всѣхъ значительныхъ городовъ этой области выдвинута на юго-востокъ наиболѣе. Привлекательность этого города въ значительной мѣрѣ ослабляется огромнымъ количествомъ евреевъ, да и вообще присутствіе семитскаго элемента въ значительной степени разрушаетъ поэтическія мечтанія, навѣваемыя прошлымъ и настоящимъ этого города. Положеніе города въ долинѣ Прута, вблизи Карпатъ, прекрасно, и какъ жители Покутья, такъ и Гуцулы относятся къ своей „столицѣ“ съ любовью

и поченіемъ. Лѣтописецъ записалъ даже по этому поводу слѣдующій любопытный случай. Одинъ воинъ изъ Покутья былъ отправленъ своимъ господиномъ, графомъ Потоцкимъ, въ Парижъ съ какимъ-то порученіемъ. Совершивши благополучно путешествіе и исполнивши удачно порученіе, онъ возвратился домой и, на вопросъ господина, какъ ему понравилось въ Парижѣ, немало удивилъ его отвѣтомъ: „Лѣпше, пане, въ Коломыї.“ Пренебрежительная поговорка „французъ въ Коломыї“ происходитъ отъ 1815 г., когда союзныя войска, а между ними и галицкіе полки, занимали Парижъ. По возвращеніи домой галичане отвѣчали точь въ точь такъ, какъ и вышеупомянутый воинъ гр. Потоцкаго. Впрочемъ, польскіе офицеры галицкихъ полковъ учились въ Парижѣ французскому языку очень усердно, и, по возвращеніи ихъ домой, въ Коломыѣ не ощущалось недостатка въ знатокахъ этого языка; а такъ какъ владѣли имъ они въ сущности плохо, то отсюда легко объясняется и происхожденіе названной поговорки.

Большой славою пользуется этотъ прикарпатскій городъ въ тѣхъ характерныхъ пѣсняхъ, по которымъ и мѣстная національная пляска названа коломыйкою; впрочемъ, трудно сказать съ увѣренностью, произошло ли это название отъ имени города, какъ обыкновенно полагаютъ, или самъ городъ получилъ свое название отъ этихъ пѣсенъ и пляски, сопровождаемой ими. На Покутти доселѣ еще сохранилось огромное количество такихъ „коломыекъ“, на каждомъ шагу представляющихъ собирателю. „Коломыйки“ касаются не только любви; въ ихъ содержаніи наблюдаются и черты того или иного народнаго отношенія къ самому городу Коломыѣ, любимому и прославленному, а иногда упоминается и о тѣхъ или иныхъ событияхъ, которыя постигали его, напримѣръ—о пожарахъ, которымъ онъ неоднократно подвергался. Только въ одномъ случаѣ наблюдаемъ въ „коломыйкахъ“ недружелюбное отношеніе къ славному городу: это когда рѣчь идетъ о столь ненавистномъ народу рекрутскомъ наборѣ, о новобранцахъ.

„Ой не видю Коломыї, лышень видю кресты,
Туда будемъ, панѣ брате, карабыни вѣсты“..

Городъ Коломыя дѣлается известнымъ уже въ XIII столѣтіи. Въ древнерусскихъ лѣтописяхъ мы встрѣчаемъ упоминанія и о городѣ, и о коломыйской соли, развозившейся русскими купцами по всѣмъ мѣстностямъ Южной Руси до самаго Приднѣпровья включительно. Во время Ягайла Коломыя была уже крѣпостью, получила отъ него въ 1424 г. различные льготы по торговлѣ и между прочимъ судъ по нѣмецкому праву; тогда же было сдѣлано распоряженіе, чтобы главные торговые пути въ Румынію шли изъ края черезъ Коломыю.

Король Казимиръ IV, для усиленія значенія этого города, распорядился въ 1456 году, чтобы торговцы солью изъ окрестностей его, а также изъ Святына и Коробца, ѿдучи въ Подолію, не обѣзжали Коломыи, а непремѣнно останавливались въ ней для продажи соли горожанамъ и имѣли бы даже постоянныя склады соли. Въ 1502 и 1532 г. г. городъ дѣлался добычею валаховъ, князь которыхъ Петъръ сжегъ даже его и опустошилъ всю страну до самаго Галича. Въ 1589 году турки перебили всѣхъ коломыйчанъ, отчаянно защищавшихъ отъ нихъ свой городъ. Частенько посѣщали Коломыю и татары, не разъ тоже сжигавшіе ее. И крѣпость и войско въ ней содержались на счетъ самихъ мѣщанъ, именно сборомъ съ домовъ, полей, пчель и проч.; кромѣ того, они же содержали семерыхъ православныхъ священниковъ, столькихъ же бочаровъ, двѣнадцать кожевниковъ, столькихъ же пекарей и гончаровъ. Въ Коломыѣ и теперь еще сходится нѣсколько большихъ дорогъ, изъ которыхъ каждая своимъ устьемъ образуетъ одно изъ городскихъ предмѣстій, состоящихъ изъ двухъ рядовъ небольшихъ хижинъ. Эти дороги, впрочемъ, видны еще и въ серединѣ города, только тамъ онѣ уже лишены рвовъ и обсажены деревьями.

Правильно расположенной площади очень вредить жидовскій базаръ, устроившійся прямо на самой серединѣ, вслѣдствіе чего она образовала два четырехъугольника. Меньшій четырехъугольникъ обрамленъ одноэтажными домами новой постройки и выгодно отличается отъ большаго, окруженнаго грязными еврейскими домами и лачугами. Видъ базара со стороны меньшаго четырехъугольника гораздо привлекательнѣе, чѣмъ съ другой

стороны, откуда въ особенности видны грязные, темные и тѣсные лавченки, лѣпящіяся одна за другой и переполненные по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ досужимъ сельскимъ людомъ, для котораго базаръ является мѣстомъ встрѣчъ и условленныхъ свиданій. Тутъ же на базарѣ, въ жидовскихъ лавченкахъ, пріобрѣтаетъ русскій селянинъ, не осмѣливающійся войти въ болѣе приличныя лавки, находящіяся насупротивъ, все, что ему нужно: сѣбѣстные припасы, сукно или ситецъ на одежду, разныя женскія бездѣлушки и трапезы, на которыхъ потомъ глядѣть не наглядятся сельскія красавицы. Площадь украшена открытымъ въ 1880 году памятникомъ польскому поэту Карпинскому, родившемуся въ Коломыѣ. Чрезъ нее же проходитъ, а затѣмъ и по главной улицѣ, торговая желѣзная дорога, соединяющая Коломыю съ нефтяными источниками въ Рунгурской слободѣ. Поѣздъ идетъ каждые два часа и, проходя чрезъ городъ, останавливается въ разныхъ мѣстахъ и забираетъ тѣхъ, кто желаетъ щѣхать на желѣзнодорожный вокзалъ; такимъ лицамъ кондуктора выдаютъ билетики такого же вида, какъ и на городскихъ конкахъ.

Въ 1880 году общество изслѣдованія Карпатъ устроило въ Коломыѣ народоописательную русско-гуцульскую выставку, не избѣгвшую и предметовъ старины и охватывавшую главнѣйше собственное Покутье и галицкую Гуцульщину. Въ главномъ отдѣленіи выставки находились: 1) Издѣлія шерстяныя, льняныя и коноцляныя; 2) Одежда и ея принадлежности; покрои можно было видѣть изъ одѣяній, надѣтыхъ на фигуры въ человѣческій ростъ; 3) Издѣлія сыромятныя и кожевенныя; 4) Издѣлія изъ мѣди и костяныя; 5) Бочарныя издѣлія; 6) Токарныя; 7) Гончарныя; 8) Молочное дѣло; 9) Армянская этнографія; 10) Модели хатъ и домашняя утварь; 11) Хозяйственная посуда; 12) Конская упряжь; 13) Охота; 14) Рыбная ловля; 15) Музикальныя орудія; 16) Предметы обрядовые; 17) Писанки и крашеные яйца; 18) Рисунки и разныя изображенія мѣстностей и лицъ; 19) Карты; 20) Этнографія цыганская. Имѣлись и тѣ орудія, съ помощью которыхъ изготавлялись тѣ или другіе предметы; иногда можно было наблюдать и постулатальное движеніе той

или другой отрасли промышленности. Находились и предметы, касающиеся разныхъ другихъ сторонъ народнаго труда, каковы, напримѣръ, сплавливанье плотовъ, лѣсное дѣло, мосты, горные заводы и рудни, запруды и плотины—все изъ карпатскихъ мѣстностей. Въ другомъ отдѣлениі выставки помѣщены были лошади, овцы, рогатый скотъ, плоды и овощи, предметы ископаемые; словомъ, выставка должна была охватить и показать всѣ стороны народнаго быта.

Съ Коломыею тѣсно связаны почтенные имена братьевъ Бѣлоусовъ, столь заслуженныхъ по отношенію къ судьбамъ своей бѣдной родины, особенно въ исторіи русскаго народнаго возрожденія страны за послѣднія тридцать лѣтъ. Старшій изъ нихъ Федоръ умеръ лѣтъ пять тому назадъ отставнымъ гимназическимъ директоромъ. Между прочимъ онъ завѣщалъ свой домъ въ Надворнянскомъ предмѣстї общежитію для галицко-русскихъ дѣвицъ и этимъ воздвигнулъ себѣ прочный памятникъ въ своеемъ народѣ; кроме того, онъ материально помогъ своему брату Михаилу основать въ Коломыѣ въ 1864 г. первую книгопечатню, впрочемъ еще слишкомъ скромную по размѣрамъ. Федоръ Бѣлоусъ извѣстенъ также нѣсколькими трудами изъ области родного народописанія и древностей; перу его принадлежатъ и обширныя записки о путешествіи по Азіи и Европѣ.

Вышеупомянутая типографія скоро оказалась очень полезною для распространенія въ народѣ патріотическихъ произведеній тѣхъ немногихъ галицко-русскихъ народолюбцевъ, которые отъ времени до времени являлись въ коломыйскомъ краѣ. Таковы, напримѣръ, стихотворецъ священникъ Лука Данкевичъ, Юлій Никоровичъ. Они именно были основателями кружка „Русске литературне общество“, для котораго много писали; съ этихъ поръ единственный ручной печатный прессы, приобрѣтенный въ Прагѣ, бывъ приведенъ однажды въ дѣйствіе, уже не останавливался ни разу. Особенно много напечатано было копѣчныхъ книжекъ для народнаго чтенія, изъ которыхъ первая называлась „Село Липовицы“, а другая, вышедшая вслѣдъ за нею,—„Що Иванъ на тамтомъ свѣтѣ бачивъ“.

Въ концѣ 1865 г. Михаилъ Бѣлоусъ сталъ издаватъ двуъ-недѣльникъ „Голосъ народный“ для всего галицкорусскаго народа, тогда еще не разбитаго на разные политическіе станы, нерѣдко глубоко враждебныя другъ другу, какъ послѣ оказалось. „Голосъ народный“ недолго однакоже существовалъ: уже въ 1867 году онъ долженъ былъ прекратить свое существованіе вслѣдствіе крайней непріязни къ народному русскому дѣлу со стороны польскихъ властей, а особенно намѣстника Галиції гр. Голуховскаго, на милость и немилость котораго отдало вѣнское правительство судьбу червонорусскаго народа. Именно при немъ пострадало цѣлыхъ три галицкорусскихъ редактора: Богданъ Дѣдицкій, Шеховичъ и наконецъ Михаилъ Бѣлоусъ, который долженъ былъ отбыть восьмидневное заключеніе въ Станиславскомъ острогѣ въ обществѣ разныхъ негодяевъ найнизшаго разряда...

По прекращеніи „Голоса“ Бѣлоусъ сталъ подумывать о новомъ изданіи для народа, ради чего и началъ переписку съ двумя выдающимися галицкорусскими народолюбцами о. Иваномъ Наумовичемъ и Шмерловскимъ. Въ скоромъ времени появилось въ „Словѣ“ извѣстіе, что галицкорусское духовенство городскаго благочинія въ одномъ изъ своихъ собраній рѣшило издавать особыя вѣдомости для народа и осуществленіе этого предпріятія поручило о. Ивану Наумовичу. Скоро достовѣрность этого извѣстія была подтверждена самимъ Наумовичемъ, явившимся въ Коломыю уже съ готовой программою задуманнаго изданія, во главѣ котораго былъ поставленъ Михаилъ Бѣлоусъ. Дѣйствительно, къ новому 1870 году уже вышло первое число этого изданія „Русская Рада“, разошедшееся въ количествѣ 2000 экземпляровъ чуть ли не по всѣмъ населеннымъ мѣстамъ Галицкой Руси. Предисловіе было написано Наумовичемъ, предпославшимъ ему слѣдующій эпиграфъ:

Гой, панове господари, зробимъ собѣ раду,
А щобы мы на свѣтѣ не стояли сзаду.

„Русская Рада“ вызвала въ сельскомъ населеніи Галиціи самое живое сочувствіе и даже довольно дѣятельную переписку. Она уже въ первый годъ своего существованія считала восемьсотъ

подписчиковъ, что должно считать весьма значительнымъ успѣхомъ, ежели принять въ разсчетъ тогдашнія условія галицкой жизни и нѣсколько мѣстный характеръ изданія. Были села, какъ, напримѣръ, Карлово, где имѣлось по 8—10 подписчиковъ, чмъ, безъ сомнѣнія, немало содѣйствовало духовенство, приглашавшее прихожанъ съ проповѣдническихъ каѳедръ къ подпiskѣ на „Русскую Раду“ Еще въ томъ же 1870 году неутомимый Наумовичъ начинаетъ печатать въ Бѣлоусовой типографіи новое изданіе, съ рисунками, подъ названіемъ „Наука“, въ 1500 экз., открывши его замѣчательною статьею „Якимъ зѣльемъ вычарувавъ себѣ Онуфрій Грушковичъ довгій вѣкъ и богатство“. Изданіе это, выходящее, какъ извѣстно, и теперь въ Вѣнѣ, уже въ первый годъ своего существованія разошлось безъ остатка! Этотъ успѣхъ побудилъ Бѣлоуса издавать въ соображеніи съ Наумовичемъ библіотеку для чтенія, подъ названіемъ „Читальня“, каковое изданіе стало расходиться въ количествѣ 400 экз.; оно имѣло преимущественно сельскохозяйственный характеръ, но заключало въ себѣ немало также повѣстей и разсказовъ.

Коломыйская книгопечатня доселѣ находится въ рукахъ своего основателя, но уже значительно расширилась и улучшилась и все еще продолжаетъ помогать народному возрожденію Прикарпатской Руси своими изданіями: Русская Рада, Батьковщина, Читальня.

Съ 1888 года проявляется въ Коломыѣ патріотическое торговопромышленное общество „Гуцульска сполка промыслов“; главною задачею которой является содѣйствіе возможно большему сбыту сельскихъ кустарныхъ издѣлій края. Общество это основано по почину настоящаго его предсѣдателя и директора Ил. Герасимовича при дѣятельной помощи со стороны мѣстныхъ образованныхъ людей, очень сочувствуяшихъ мысли освободить кустарный сельскій промыселъ отъ еврейскаго торгового посредничества, столь убыточнаго для населенія. Общество очень дорожитъ возможностью поддержки гуцульскихъ издѣлій, съ одной стороны въ виду ихъ чисто этнографического интереса, а съ другой—вслѣдствіе иногда очень значительной чисто художественной цѣнности, представляемой ими, особенно гдѣ идетъ о

рѣзьбѣ. Несомнѣнно, благодаря усердной и добросовѣстной дѣятельности общества, благосостояніе гуцоловъ должно въ значительной степени возвыситься, такъ какъ, кроме освобожденія населенія отъ зловредного влиянія еврейского ростовщичества, благодѣтельныя послѣдствія для края можетъ имѣть и установка болѣе или менѣе постоянныхъ, опредѣленныхъ и устойчивыхъ цѣнъ на издѣлія, доставляемыя гуцулами въ мѣстный этнографический музей, въ которомъ главнымъ образомъ сосредоточивается и развивается дѣятельность названного общества. Общество это пользуется значительной поддержкою и сочувствиемъ со стороны всѣхъ мыслящихъ людей края, и ему приходится вести борьбу только съ эксплоататорами-евреями, для которыхъ очень непріятно отсутствіе или даже затрудненіе возможности грабить населеніе по прежнему. Мысль—устроить именно при музѣѣ складъ и продажу всѣхъ этихъ приносимыхъ селянами кустарныхъ издѣлій изъ дерева, соломы, глины, желтой мѣди, этихъ тканей, вышивокъ и т. п.—нельзя не признать очень удачною, такъ какъ подобнымъ путемъ очень облегчается ознакомленіе публики съ этими предметами и ихъ сбыту. Мало того, такимъ образомъ удалось открыть дорогу этимъ издѣліямъ въ другія части Галиціи и Австріи и даже за границу, именно при посредствѣ разныхъ мѣстныхъ музеевъ, а также музеевъ вѣнскаго и лондонскаго. Теперь уже гуцульскія кустарные издѣлія принимаются для распродажи и во Львовѣ („Народна торговля“—первая и наилучшая галицкоборусская крупная лавка въ этомъ городѣ) и между прочимъ, въ тамошнихъ земскихъ торговыхъ рadaхъ (Bazag kvaowy), особенно съ тѣхъ поръ, какъ „Гуцульска спілка“ устроила при своемъ кустарномъ складѣ и учебную мастерскую рѣзьбы и столярства по народнымъ образцамъ. Въ этой учебной мастерской, уже обращенной усиленіями общества въ правительственное ремесленное училище, учатся и работаютъ главнымъ образомъ сельскія же дѣти, конечно, изъ наиболѣе даровитыхъ; лица, окончившія курсъ этого заведенія, очень охотно принимаются въ лучшія ремесленныя мастерскія г. Львова, такъ какъ они оказываются близко знакомыми съ

народнымъ вкусомъ, образцами и узорами, что начинаетъ очень цѣниться въ мѣстномъ образованномъ обществѣ.

При выѣздѣ изъ Коломыи на Косово, чрезъ Прутъ перекинутъ крѣпкій мостъ, что однако не мѣшаетъ ему подвергаться частымъ разрушеніямъ вслѣдствіе наводненій, составляющихъ сущій бичъ этой части Галиціи: отъ дождей небольшие горные ручьи и потоки обращаются въ разъяренныя рѣки, послѣ чего отъ грозной стихіи нѣтъ никому и ничему пощады... Самъ авторъ чуть было не подвергся непріятности быть задержаннымъ вслѣдствіе наводненія, случись оно днемъ - двумя раньше; а такая задержка, ежели бы она произошла, могла бы быть очень продолжительной, не короче, по шутливому выражению автора, того времени, какое понадобилось для роста новыхъ волосъ у тѣхъ господъ, которые, по словамъ народной пѣсни, пришли въ Коломыю съ волосами, тамъ подрались, а оттуда шли уже безволосые; къ сожалѣнію, народная пѣсня не сообщаетъ, какъ было принято это непріятное извѣстіе тою милою „любою“, которой оно стало извѣстно:

Та у той Коломыи мосты споружены (сооружены);
Туда мы шли зъ кучерами (кудрями), бдтиль безволосы.
Туда мы шли зъ кучерами, бдтиль безволосы,
Подивыся файна любко, чи такъ придало си.

Отъ Коломыи до Косова считается верстъ 35; для автора,ѣхавшаго въ омнибусѣ, этотъ незначительный путь показался цѣлой вѣчностію: такъ мучительна єзда въ этихъ общественныхъ экипажахъ. За Коломыю сначала промелькнуло Яблоново, затѣмъ пошла подгорьями Карпатъ тяжелая дорога къ чисто еврейскому мѣстечку Пыстыни; наконецъ, продолжительный тоскливыи звукъ почтоваго рожка возвѣстилъ о приближеніи Косова, этой обѣтованной земли Гуцула. Этотъ горный городокъ, вмѣстѣ съ Десятиннымъ и Кутами, является ближайшимъ, гдѣ гуцулы могутъ накупить необходимыхъ для своего хозяйственнаго обихода вещей и припасовъ, продать скотъ, бринзу, шерсть, сукно, разную деревянную посуду и прочія свои издѣлія. Отовсюду стѣсненный городами Косовъ свободенъ отъ нихъ только къ юго-востоку, куда открывается, правда, узкая, но за то чрезвы-

чайно далекая и характерная перспектива на равнины, и откуда является доступъ теплымъ вѣтрамъ, благотворно воздѣйствующимъ на мѣстную растительность. Объ этомъ говорять вамъ обремененные плодами деревья и цѣлые лѣса необыкновенно высокой пищенички, или кукурузы; очень дешево вамъ предложить полными корзинами огромныя пахучія яблоки, исполинскія маслянистые груши, сливы. Еще любвеобильна тамъ природа и благосклонно дарить свои плоды бѣдному червонорусу... Близъ самой городской площади Косова высится Пискова гора, словно бы искусственно возведенная. На ней возвышается крестъ,—эта духовная опора той кучкѣ христіанъ, которая разбросана по городу среди массы „избраннаго“ народа и возрастаетъ въ числѣ, ежели подвигаться отъ средины города къ его окраинамъ: тамъ, на окраинахъ, встрѣчаются еще сельскія хатки и чистенькие мѣщанскіе домики съ плодовыми садиками и предоконными цвѣтниками. По тѣмъ улицамъ, гдѣ больше живетъ евреевъ, невозможно проходить: такой тамъ стоитъ ужасно зловонный воздухъ вслѣдствіе того, что еврейскія дѣти не стѣсняясь производятъ тутъ же всѣ свои естественные отправленія...

Косовская церковь окружена стѣной, которая, возвышаясь въ одномъ мѣстѣ, образуетъ три сводистыхъ окна въ романскомъ вкусѣ; подъ каждымъ сводомъ виситъ колоколь, что все вмѣстѣ и замѣняетъ звонницу или колокольню, такъ какъ при церкви не имѣется особой башни для этого. На алтарныхъ престолахъ ставятся въ этой мѣстности низенькие, на широкомъ основаніи, глиняные подсвѣчники, украшенные либо одной зеленою поливою цвѣточками и листочками желтыми, зелеными и темными. Косовскія глиняныя издѣлія пользуются вообще болышею известностью во всемъ гуцульскомъ краѣ и въ равнинахъ, даже до самой Коломыи.

Особенно славятся не столько кувшины и разныя миски съ довольно первобытными украшениями, сколько изразцы, на которыхъ часто бываютъ изображены не только растенія и животные, но и цѣлые картины изъ жизни какъ польской, чанской, такъ и червонорусской, простонародной; любопытно при этомъ то обстоятельство, что каждый изразецъ изображаетъ ...ѣльную ка-

кую-нибудь картину, и такія картинки отнюдь не повторяются и даже не варьируются... Между косовскими гончарами наибольшей славою пользуется самоучка *Александръ Бахметюкъ*, родившійся въ 1820 году и извѣстный у поляковъ подъ именемъ Бахминского. Его издѣлія были удостоены нѣсколькихъ наградъ на разныхъ выставкахъ и послѣ его смерти буквально шли на расхватъ, почему ихъ можно встрѣтить въ продажѣ съ каждымъ годомъ все меньше и меньше. Наиболѣе полныя собранія Бахметюковыхъ гончарныхъ издѣлій хранятся въ разныхъ галицкихъ музеяхъ; въ пражскомъ музѣѣ Наперстка имѣются изъ этихъ издѣлій жбанъ, двуухая чашка и цвѣточная ваза. Бахметюкъ отличался замѣчательнымъ вкусомъ въ выборѣ украшеній и приготовленіемъ какой-то особенно прозрачной глазурной поливы, тайну состава которой взялъ съ собою въ могилу. Вотъ почему всѣ работы его отличаются значительными художественными достоинствами и извѣстны обыкновенно подъ названіемъ *Косовскихъ майоликъ*. О Бахметюкѣ извѣстно мало: онъ учился своему художеству подъ наблюденіемъ отца, отъ которого унаследовалъ мастерскую и искусство котораго усовершенствовалъ; умѣлъ онъ только читать и писать и никогда не выѣзжалъ изъ мѣста своего рожденія. Всѣ издѣлія его отличаются замѣчательнымъ своеобразiemъ вкуса и разнообразiemъ украшеній, особенно въ видѣ растеній, и между ними не найдется и двухъ совершенно сходныхъ предметовъ. Изъ украшеній у Бахметюка удачнѣе выходятъ растенія, чѣмъ дома, звѣри и проч. Техника у него и у прочихъ мѣстныхъ гончаровъ одна и та же. Въ десятитомномъ трудѣ о домашнемъ промыслѣ червоноруссовъ его керамикѣ отведенъ цѣлый выпускъ, гдѣ также помѣщено его жизнеописаніе съ портретомъ, описаны и изображены лучшія его издѣлія, описаны всѣ техническія подробности работы. Вотъ въ чемъ состоить сущность этой техники. Украшенія врѣзываются такъ называемымъ „рыльцемъ“ въ предметъ, уже высушенный, политый бѣлой фаянсовой глиною, причемъ, тѣ мѣста, которые имѣютъ быть темнокраснаго цвѣта, натираются вохрою. На предметъ, уже обожженный, наносятся цвѣта желтый и зеленый, послѣ чего онъ поливается глазурью и обжигается.

ется вторично. Для размалыванія красокъ и вообще веществъ, употребляемыхъ для изготоенія поливы, служать обыкновенныя ручныя двухкаменные мельнички, служащія для размалыванія зерна. Самое выжиганіе, или выпаливаніе предметовъ происходитъ въ особой печи съ трубою; материаломъ для этой печи служить кирпичъ или, что бываетъ еще чаще, обыкновенный рѣчной камень, грубо обмазанный глиною изнутри печи.

Успѣшно идетъ по слѣдамъ Бахметюка, иногда даже достигая его высоты, изъ современныхъ галицкихъ гончаровъ только одинъ Кощукъ.

Въ Коломыѣ имѣется даже училище гончарскаго дѣла, въ которомъ довольно успешно привилась Бахметюкова орнаментика.

Косовъ, находясь на границѣ горной и дольной частей Галиціи, служить по воскресеньямъ мѣстомъ, гдѣ сходятся и подаютъ другъ другу руки жители горъ—гуцулы и жители равнинъ—русины; тогда на улицахъ и площадяхъ этого города развивается весьма бойкая и своеобразная жизнь. Гуцульскія женщины покупаютъ себѣ разныя блестящія бездѣлки для украшенія головы и пестрые платки; мужчины выбираютъ себѣ шляпы, косы, порохъ и другія вещества для заряживанія ружей; гуцульскіе мѣдники запасаются материаломъ для своихъ издѣлій. Торговцы, расположившись на наиболѣе людныхъ мѣстахъ, улавливаютъ весь этотъ народъ, предлагая ему также всяческія ремесленныя орудія, иконки, часы и множество разнаго рода другихъ мелочей, иногда нелишнихъ въ сельскомъ хозяйствѣ. Тамъ и сямъ взоръ вашъ встрѣчаетъ цѣлые желтозеленые кучи огурцовъ, бѣлѣющія кучки зеренъ фасоли, вѣнки луку, стручки перца, горы картофеля; въ другихъ мѣстахъ подъ полотняными навѣсами навалены другъ на друга печенный хлѣбъ, крендели; далѣе палатки съ краснымъ товаромъ, зеркальцами, иголками, нитками и т. п. пестраго заграничного товара, привезеннаго неугомоннымъ евреемъ и продаваемаго втридорога. По праздникамъ горожане, носящіе въ будніе дни коротенькія фланелевые кацавейки, надѣваютъ черные такъ называемые сардаки съ воротниками и клиньями изъ краснаго сукна; соломенныя шляпы украшены

черными лентами; брюки обыкновенные полотняные и закладываются въ сапоги. Замужнія женщины обворачиваютъ себѣ головы такъ называемыми *перемитками*, ткущимися здѣсь также и для гуцулокъ. Продаются перемитки не обрублеными; обрубы продаются отдельно.

Перемитка представляетъ изъ себя обыкновенный длинный полотняный, обрубленный по концамъ ручникъ, и въ Косовѣ обычна длина ея 171 сантиметръ, а ширина 50 сент. Параллельно съ обрублеными концами, на нѣкоторомъ отъ нихъ отдаленіи, идетъ такъ называемый „зaborъ“, шириной въ 12 сантиметровъ, вотканный изъ цветной шерсти и золотыхъ нитей въ полотняную основу; золотые нити особенно приходятся по вкусу гуцулкамъ. Обрубы старайтесь дѣлать, въ отношеніи цвета, соотвѣтственно „зaborамъ“. Готовую перемитку мастеръ разстилаетъ на столѣ и ея болѣе длинный конецъ (115 сентим.) сложить по ширинѣ вчетверо, а болѣе короткій оставляетъ не тронутымъ для покрытия головы; затѣмъ сложенной частью и остаткомъ несложенной обворачивается голова вокругъ лба (при чемъ складывается вчетверо и эта первоначально оставшаяся несложеною часть) такимъ образомъ, что оба конца перемитки завязываются на затылкѣ легкимъ узломъ и затѣмъ плавно спускаются обоими заборами по бедрамъ. Хорошо надѣтая перемитка можетъ быть легко снята съ головы въ томъ видѣ, въ какомъ она была устроена. Вотканный заборъ замѣняется иногда, особенно на Покутьи, вышитымъ; въ этомъ послѣднемъ случаѣ работа производится самими дѣвушками, приготовляющими себѣ перемитку, или, какъ тамъ говорятъ, „звой“, къ свадьбѣ. Такія вышивки производятся такъ сказать наизусть, безъ образца и узора; отъ того въ селѣ не найдется и двухъ перемитокъ, совершенно сходныхъ между собою въ отношеніи вышивокъ.

Ткацкимъ промысломъ занимается въ Косовѣ много семействъ; существуетъ даже и училище ткацкаго дѣла. Изъ ткацкихъ издѣлій въ образованномъ обществѣ раньше всего распространились шерстяные передники, во вкусѣ сельскихъ „запасокъ“, съ преобладаніемъ въ нихъ краснаго цвета, иногда съ попереч-

ными вставками изъ народныхъ вышивокъ, или золотыхъ либо серебряныхъ нитей.

У одного ткача авторъ нашелъ совершенно готовое пестрое одѣяло. Садъ этого ткача изобиловалъ густымъ „вѣникомъ“ (*Artemisa Absyntium*—обычная полынь), изъ стеблей которого и вяжутся предметы того же названія для метенія избъ; ткачъ снабжалъ этими вѣниками чуть ли не всѣхъ косовцевъ.

Въ общественной столовой Косова собирается лучшее общество этого города, раздѣляющееся, къ сожалѣнію, на двѣ враждебныя группы: галицкорусскую и польскую; насупротивъ столовой на той же улицѣ помѣщается въ двухъ скромныхъ комнатахъ и общественная читальня съ незначительнымъ количествомъ книгъ и повременныхъ изданій, преимущественно галицкорусскихъ. Для утоленія жажды служить прекрасный и недорогой напитокъ „бурукутъ“—сѣриристожелѣзная шипучая вода, въ изобилии доставляемая въ запечатанныхъ бутылкахъ изъ глуби горъ; въ мѣстныхъ врачебныхъ книгахъ и изданіяхъ есть упоминанія о прекрасныхъ цѣлительныхъ свойствахъ этой воды.

Сельскій людъ окрестностей Косова живетъ очень бѣдно и буквально день изо дня еле перебивается то скучной платой за жалкую „ординарную работу“ по двору, какъ выражаются польские паны, то небезопаснымъ, вслѣдствіе польскихъ запрещеній, сборомъ грибовъ, ягодъ и т. п., то ничтожнымъ достаткомъ съ своихъ бѣдныхъ полевыхъ участковъ, у кого они есть; многіе находятся въ вѣчномъ неоплатномъ долгу то у евреевъ, то у польскихъ пановъ... Дѣтвора у нихъ ходить вѣчно нагою и бosoю; къ веснѣ уже зачастую не хватаетъ съѣстныхъ припасовъ, и тотъ, у кого есть какая либо жалкая молочная коровка, считается еще счастливцемъ: молоко нужно продать на разныя нужды, а для собственнаго питанія достаточно и маисовой каши на водѣ или хлѣба, заключающаго въ себѣ значительную долю отрубей; кромѣ того, существованіе коровы обезпечиваетъ и возможность въ будущемъ получить что-либо, въ случаѣ крайней нужды, въ долгъ, чѣмъ при отсутствіи коровы является уже

невозможнымъ и дѣлаетъ положеніе такого крестьянина поистинѣ безнадежнымъ: жидъ тогда на всѣ просьбы отвѣчаетъ лишь пожиманіемъ плечъ...

На Косовской ярмаркѣ авторъ видѣлъ нѣсколько странныя на его взглядъ проявленія воздействиа заѣзжей культуры на мѣстныхъ жителей: вмѣсто палокъ они опирались на громадные сѣрые дождевые зонты, эти зонты—авленіе совершенно новое, плодъ самой недавней моды и, по замѣчанію автора, такъ же мало гармонируютъ со всей внѣшностью галицкорусскаго крестьянина, защищенаго отъ пагубнаго вліянія дождей достаточно толстой и грубой одеждой и отнюдь не боящагося даже ливней, какъ и видѣнныя у нѣкоторыхъ изъ нихъ фарфоровыхъ трубки въ зубахъ.

Окрестности Косова извѣстны своими солеварнями и нефтяными источниками, начинаяющими соперничать съ американскими и кавказскими. Косовскія солянныя варницы доставляютъ ежегодно 68000 метрическихъ центнеровъ соли. Впрочемъ, такихъ варницъ, образовавшихся по образцу Косовскихъ, насчитывается на всемъ карпатскомъ взгорье восемь; наибольшая находится въ Стебникѣ (127000 центн.), затѣмъ въ Болеховѣ (101500 ц.), Ляцкѣ (85000 ц.), Делятинѣ (81617 ц.), Дорогобычѣ (81000 ц.), Калуши (66000 ц.), Долинѣ (64700 ц.) и наконецъ въ Ланчинѣ (46700 ц.). По присоединеніи Галиціи къ Австрійскому государству уничтожено было болѣе 70 соловаренъ. Кромѣ солянныхъ варницъ, въ Галиціи имѣются также 18 солянныхъ источниковъ и 69 солянныхъ рапъ.

Мѣстонахожденія нефти открыты въ Галиціи Игнатіемъ Лукашевичемъ въ 1850 году, и съ тѣхъ поръ нефтяной промышленность съ каждымъ годомъ растетъ въ Галиціи и развивается особенно съ того времени, когда начали производить болѣе глубокія буренія, вызывающія болѣе сильный напоръ подземной нефти, стремящейся выйти наружу. Одинъ изъ такихъ нефтяныхъ фонтановъ въ окрестностяхъ Кросна сначала билъ на поверхность съ такою силою, что сорвалъ крышу съ башни вышиною 18 метровъ и съ трудомъ былъдержанъ въ должныхъ

границахъ особыми приспособленіями. Еще и теперь этотъ источникъ даетъ ежедневно 600 ведеръ нефти. Нефтяной промыселъ находится въ Галиціи преимущественно въ рукахъ евреевъ и иностранцевъ, и только въ послѣднее время привлечены къ нему мѣстные христіанскіе капиталы, именно польскіе.

ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТИЯ И ЗАМѢТКИ.

Къ вопросу объ источникахъ „Вій“. Вій едвали не лучшая повѣсть Гоголя изъ малорусскаго быта. Шумная бурсацкая жизнь, внезапно смѣняющаяся безмолвiemъ степи и картиной короткой лѣтней ночи; типъ панички съ влажными глазами и длинными рѣсницами, выражавшій темныя стороны женской природы и такъ удачно схваченный покойнымъ Макеевинымъ въ «Пчелѣ»; веселые дни въ панскомъ дворѣ, страшныя ночи и мрачный конецъ,—всё вмѣстѣ составляетъ чудное цѣлое, дорогое, лучшее воспоминаніе дѣтства нѣсколькихъ поколѣній. Въ «Вій» нѣтъ также ни искусственности «Страшной мести», ни этнографическихъ неточностей нѣкоторыхъ другихъ повѣстей Гоголя, указанныхъ въ извѣстныхъ статьяхъ П. А. Кулиша въ Основѣ 1861 года. Напротивъ, «Вій» созданъ на этнографической основѣ. Профессоръ Н. Ф. Сумцовъ въ ст. Параллели въ повѣсти Н. В. Гоголя «Вій». («Кiev. Стар.» 92 г., № 3, стр. 472) считаетъ «Вія» передѣлкой народной сказки о смерти вѣдьмы. Въ самомъ дѣлѣ, сходство произведений Гоголя съ народными разсказами открывается съ первого же столкновенія панички съ Хомою Брутомъ: она вскаиваетъ къ нему на спину «съ проворствомъ кошки». Многіе народные разсказы начинаются такъ же, напр.: «батько йшли на досвітки, коли била кишка скочила имъ на въязи». Или: «видьма перевернулась кишкою и стала паробкови стрыбать на плечи». «Ишли мы у двохъ съ товарышемъ дуже пизно, проты недили, до-дому,—рассказывалъ козакъ С. Хитцовъ; выйшли на середѣ слободы. Ось пидъ тыномъ иде жинка безъ запасокъ и роспатлана. Я злякався, А товарышъ виломавъ съ тыну ломаву. Я кажу ёму: «не займай іи». а винъ говорить: «я іи вдарю». Замахнувъ на неи и вдарывъ

разъ. Заходылась вона тоди чышляться на плечи ёму. Винъ каже: «сважко мені на плечахъ, не дійду додому. Доведи мене, братику!» Винъ упавъ тричи коло свого двору, ставъ плакать, я позувавъ его матирь и брата. Якъ вводылы товарыша въ хату и одчывылы хатни двери, тоди скочила у ёго съ плечей чорна кишка». Иногда раздраженная вѣдьма разтѣжаетъ на парнѣ всю ночь и окончательно изнуряетъ его. Затѣмъ, дальнѣйшіе мотивы повѣсти Гоголя: юза Брута на вѣдьмѣ, смерть послѣдней и отпѣваніе ея въ церкви—встрѣчаются какъ въ народныхъ сказкахъ, неречисленыхъ въ ст. профес. Сумцова, такъ и въ новыхъ «Этногр. матер. Гринченка» (Черниг. 95 г., вып. 1., стр. 67—71 и 209) и въ слѣдующихъ двухъ сказкахъ, записанныхъ мною въ лубенскомъ уѣздѣ.

1. Бувъ соби чоловикъ и державъ винъ робитыка. Одна дивка хотила съ тимъ робитыкомъ ночувать, а винъ не хоче. А дивка та була видьма. Якъ выйде винъ съ хаты, то вона якъ насяде, то винъ везе ажъ до свого порога. То бувъ такий хороший парубокъ, а то ставъ такий якъ сухарь. Дядко пытается: «чого ты такий сухий ставъ?» — Оттого, каже робитыкъ, що я зъ такою дивкою не хочу ночувать, а вона вязне. Якъ выйду съ хаты, то вона якъ насяде, тай й вїздыть по мени.—Нажъ тоби рубь грошей та пиды ты до такого то дпда; винъ тоби шось дастъ. Пишовъ парубокъ до дила. Дилъ давъ ёму дубчыкъ и сказавъ: «иди та не дывись наливо, а дывись направо». Иде винъ, дывится. Видьма до ёго,—а винъ тимъ дубчыкомъ якъ хлыснувъ іи, вона й перекынулась. Винъ узявъ, перекынувъ іи черезъ тинъ у дверъ и пишовъ до дому. Ось на утро приходить до ёго тіи дивки батько и просить: «прыйди псалтыря читать».

— Якъ дасы, каже робитыкъ, сто рубливъ, то пиду.—Дамъ. Винъ прыйшовъ, стањь читать. Чыта, чыта цилуничъ. Ось такъ якъ опивночи спускается къ ёму анголь: «що ты чытаешъ, рабъ Божий? Сядь на прывалочку коло стовна тай читай». Сивъ той робитыкъ чыта, колы встae та дивка, шарыла, шарыла по хати, нема ёго, не найде, и подалась изъ хаты. Насклыкала видемъ може штуку зъ двадцять. Шукаютъ воны, шукаютъ—не найдуть. Послалы за кievською видьмою. Та кievська вбигла въ хату, каже: «онъ на прывалочку коло стовна сидѣть». Такъ видьмы не возьмуть ёго. Послала кievська видьма сбирать недогаркивъ зъ сирнычкivъ. Нанеслы видьмы сирнычкivъ тихъ и наклалы ажъ пидъ сволокъ коло стовна и запалали. Колы пивень: кукурику! Воны й розбиглисъ, а мертвa тамъ и виала. Винъ, уставъ, сирнычкы затушывъ, бабивъ побудивъ,

іи положили на лаву. У день загребли іи и осыковый крестъ закопали (отъ кр. с. Литвяковъ, О. Батенка).

2. Повыходылы хлощи и дивчата гулять на улицю и балакаютъ, якъ видымы знимаютъ зарки зъ неба. Кажуть: одна жинка знила свитову зирку у глечыкъ, завязала и у ногребъ поставыла. Отъ протлила та тряпка и вылетила та зирка зъ погреба. Отъ ти хлопци и думаютъ: якъ же вона іи зняла зъ неба? Одна дивка и каже: и я зниму. «Воны іи и пытаютъ: якъ же ты знимешъ?» Каже: «поставъ складаный ножыкъ у гору жаломъ; якъ стану я на той ножыкъ, та надлизу трохы, то не пхай ты того ножыка». Отъ вона надлизла трохы, винъ узявъ и пхнувъ. Вона виала и сказала: «нжъ казала, щобъ не пхавъ». Отъ у друге вона вже надлизла далеко, винъ пхнувъ. Вона виала и убылася. И прыснылося іи батькови: хай же той парубокъ, що пхнувъ нижъ, прыйде на три ночи до церкви, и одышить ёму половыну своего багатства. Батько ёму сказавъ, а винъ сомливається, боится, что вона ёго задавыть. Ёго баба вже каже: якъ итымешъ, то зайдешъ до мене. Винъ зайшовъ, баба ёму й каже: «сидь на дзвиници за хрестомъ». Отъ винъ сивъ, колы мертвц видымы йдуть на сывихъ коняхъ и прыйхалы до забора до церкви и посидалы на палитишкы, що пообдырана кора. Якъ зачалы ёго скризы шукать попидъ церквою. Отъ пивни заспивалы, воны дей дились. Отъ винъ іде и на другуничъ, зайшовъ до тіи бабы. Вона ёму и каже: «иды жъ та сидай унять за хрестомъ». Отъ винъ слуха гудуть такы: сывыми киньми летать. Прыйхалы до забора, посидалы на палитишкы, шукалы, шукалы — не нашлы. Спивають пивни, воны й полетили. Вона каже: «вже на туничъ найду и задавлю! Винъ зайшовъ до тіи бабы и журутся. Вона й каже: «возьми пивня и садь за хрестомъ; якъ будуть воны до тебе долилатъ, прыдавышъ ты пивня пидъ крыла — винъ заспива». Отъ винъ слуха, летять воны; прылетили до забора. Якъ зачалы шукать, якъ зачалы шукать — не найдуть. Отъ одна и каже: «аже въ насъ есть старша у Кіеви, послать за нею, —та найде». Послалы за нею, вона прылетила и побачыла. Якъ пустылышъ воны все до ёго, винъ пивня прыдавывъ пидъ крыла, пивенъ заспивавъ. Воны дей дились. Винъ излизъ, пішовъ до іи батька, та же той ёму половыну багатства одышавъ. (Отъ кр. хут. Яновщины, Ф. Байченковой). Впрочемъ, перечисленные варианты сказки о смерти въдьмы и вообще все до сихъ поръ записанные — заключаютъ въ себѣ не только черты сходства съ «Віемъ», но и существенные различія.

Такъ, парень сказокъ никогда не предоставляется однимъ своимъ силамъ. Какая нибудь благосклонная старуха родственница, опытная невѣстка, дидъ, даже ангель даютъ ему наставлениія и прямую помощь въ опасности. Напротивъ, Хома Брутъ постоянно стоитъ одинокимъ, даже въ минуты особаго напряженія душевныхъ силъ, въ церкви. Большинство дворни относится къ нему съ холоднымъ равнодушіемъ, иногда напоминающимъ извѣстный анекдотъ о тонувшемъ человѣкѣ, котораго успокаивали присутствующіе словами: тонить дядюшка! Это одиночество въ рѣшительныи минуты особенно усиливаетъ трагизмъ положенія Брута. «Господи! стильки страховъ на одного человека!» замѣтила однажды крестьянская девушка, слушавшая чтеніе «Вія». Можетъ быть и несчастный конецъ Брута слѣдуетъ отчасти приписать его полному одиночеству, тогда какъ всѣ сказки, параллельныи «Вію», кончаются благополучно,—въ чемъ заключается другое существенное отличіе ихъ отъ «Вія». Есть и еще разница въ фабулѣ народныхъ сказокъ и повѣсти Гоголя. Первые обходятся безъ Вія и рѣшающее значеніе при разысканіи и указаніи парня принадлежитъ въ нихъ старшой кіевской вѣдьмѣ. Кажется, до сихъ поръ вообще не записано еще ни одного народнаго разсказа о фантастическомъ существѣ съ именемъ и характеромъ Вія. Въ программу, составленную VI археологическимъ съѣзdomъ для собирания свѣдѣній о народныхъ суетѣріяхъ и повѣріяхъ въ южной Россіи, былъ включенъ, между прочимъ, и вопросъ о Віѣ, но доставлены ли какія нибудь данныхъ о послѣднемъ — неизвѣстно. Да и у Гоголя Війничѣмъ не связанъ съ сущностью повѣсти — столкновеніемъ паночки съ Хомою Брутомъ. Онъ появляется здѣсь случайно, безъ всякой внутренней необходимости, съ характеромъ посторонней слѣпой силы и равнодушіемъ судьбы. Самая его наружность указываетъ на какое то подземное божество смерти. «Какъ жилистые, крѣпкіе корни выдавались его засыпанными землею ноги и руки. Длинныи вѣки опущены были до самой земли». Голосъ его подземный, лицо желѣзное. Появленіе такого образа среди мертвой тишины церкви чрезвычайно эффектно и несомнѣнно усиливаетъ впечатлѣніе ужаснаго. Быть можетъ, для усиленія впечатлѣнія Вія и введенъ въ повѣсть изъ другихъ народныхъ сказокъ, постороннихъ мотиву о смерти вѣдьми и отчитываніи ея парнемъ.

В. Милорадовичъ.

Къ исторії малорусскаго духовенства. Проектъ «о выгодностяхъ малороссійскаго духовенства», представленный при рапортѣ Киевскаго митрополита Арсенія Могилянскаго 4 марта 1768 года за № 139 въ Св. Синодъ, для разсмотрѣнія и передачи въ Московскую комиссию «о сочиненіи Нового Уложенія».

14 декабря 1766 года опубликовано было Высочайшее распоряженіе Императрицы Екатерины II о сочиненіи Нового Уложенія. Св. Синодъ указомъ, послѣдовавшимъ 10 сентября 1767 года за № 1976, предписалъ Киевскому митрополиту Арсенію Могилянскому и епископамъ Черниговскому Кириллу и Переяславскому Гервасію, чтобы «они сочинили проектъ о выгодностяхъ малороссійскаго духовенства и обстоятельные пункты такового проекта безъ замедленій представили къ разсмотрѣнію въ Св. Синодъ съ нарочнымъ, который бы могъ сдѣлать по онымъ потребныя объясненія, если бы таковыя понадобились, какъ въ самомъ Св. Синодѣ, такъ равно и въ Московской комиссіи».

Во исполненіе прописанного указа Киевская Консисторія, по резолюціи своего архипастыря, собрала (какія могла) привилегіи, разновременно жалованные малороссійскому духовенству, какъ отъ великихъ князей литовскихъ и королей польскихъ, такъ и государей россійскихъ. На основаніи собраннаго материала и чинъменыхъ заявлений, присланныхъ нѣкоторыми малороссійскими протопопами и настоятелями монастырей, члены кіевской консисторіи, подъ руководствомъ митрополита Арсенія, составили затребованный проектъ и въ 74 пунктахъ его изложили свою просьбу «о дарованіи малороссійскому духовенству разнаго рода выгодностей и возвращенія ему тѣхъ правъ, привилегій, вольностей и свободъ, которыми оно пользовалось въ прежнія времена».

На состоявшихся въ Киевской Консисторіи 21, 22 и 23 февраля 1768 г. засѣданіяхъ упомянутый проектъ былъ заслушанъ, одобренъ и подписанъ, какъ митрополитомъ Арсеніемъ, такъ и всѣми архимандритами, игуменами и протопопами Кіевской епархіи, и 4 марта того же года, при рапортѣ его преосвященства за № 139, чрезъ іеро-

¹⁾ Какъ переписка объ этомъ проектѣ, таѣ и копія его, подписанные митрополитомъ Арсеніемъ и всѣми архимандритами, игуменами, протопопами и вамѣстниками ихъ, хранится въ архивѣ кіевской консисторіи въ книгѣ подъ заглавиемъ: „Опись полученнымъ указомъ изъ Св. Синода за 1767 годъ“. Въ Кіево-Печерской лаврѣ хранится должна быть копія проекта (См. А. М. Лазареевскаго) Очерки, замѣтки и документы по исторіи Малороссіи III, 158.

монаха Кіево-Печерської Лаври Каллиста отосланъ въ Св. Синодъ, для разсмотрѣнія и передачи въ Московскую Коммиссію. Іеромонаху Каллисту на расходы его было выдано 500 рублей изъ суммъ, собранныхъ отъ малороссійского духовенства.

Краткое содержаніе каждого изъ 74 пунктовъ проекта.

1. О возстановленіи правъ, вольностей и свободъ, которыхъ дарованы были малороссійскому духовенству привилегією польского Короля Жигмунда Августа, подписаною 8 іюня 1569 года, и 1654 года вошли въ договоръ, заключенный Государемъ Алексѣемъ Михайловичемъ и гетманомъ Зиновіемъ Богданомъ Хмельницкимъ.

2. О даровавіи равенства священнослужителямъ, ихъ женамъ и дѣтямъ съ лицами шляхетнаго чина.

3. О дарованіи священнослужителямъ права не только покупать козачьи грунты и угодія, но и принимать оные на поминовеніе.

4. О безреіятвенномъ производствѣ винокуреній священнослужителями для своихъ надобностей.

5. Объ освобожденіи вдовъ священнослужителей и сиротъ ихъ отъ общенародныхъ повинностей и податей.

6. Объ освобождевіи священнослужительскихъ дворовъ отъ военнаго постоя.

7. Объ освобожденіи священическихъ подсусѣдковъ отъ рублеваго налога.

8. О свободномъ пользованіи священно- и церковнослужителями ругою и доходами за совершение церковныхъ требъ.

9. О воспрещеніи помѣщикамъ имѣть власть надъ церквами и надъ священно- и церковнослужителями и ихъ семействами.

10. Объ освобожденіи поступающихъ на церковнослужительскія должности отъ податей и общенародныхъ повинностей.

11. Объ опредѣленіи въ соборныхъ храмахъ по два дыачка, по два пономаря и по два сторожа.

12. Объ ассигнованіи на содержаніе протопопскихъ правленій суммы въ такомъ же размѣрѣ, въ какомъ она ассигнуется на содержаніе сѣтскихъ правленій.

13. О назначеніи малороссійскимъ протопопамъ жалованья въ такомъ размѣрѣ, въ какомъ оно выдается сѣтскимъ властямъ того же равга.

14. О пресъченіи беззаконныхъ браковъ.

15. Объ освобожденіи священо- и церковнослужительскихъ земель и угодій отъ налоговъ.

16. О присвоенія церквамъ права пользоваться цеховыми и денежными сборами.
17. О возобновленіи выдачи государеваго жалованья кіевскимъ и нѣжинскимъ священникамъ за царскіе молебны.
18. О вознагражденіи священниковъ за земли ихъ, которые отошли въ новороссійской губерніи.
19. Объ освобожденіи монастырскихъ крестьянъ отъ податей и общенародныхъ повинностей.
20. О предоставлениі монастырямъ права отыскивать свои земли и угодія, которые за потерю купчихъ крѣпостей или по другимъ обстоятельствамъ отошли въ чужія руки.
21. О свободной купилъ монастырями недвижимыхъ имуществъ.
22. О воспрещеніи военнымъ командамъ чинить обиды монастырямъ чрезъ потраву ихъ сѣнокосовъ и посѣвовъ.
23. О воспрещеніи военнымъ командамъ занимать квартиры въ монастырскихъ деревняхъ.
24. О назначеніи платы за волы, которые берутся для арміи у монастырскихъ крестьянъ.
25. О безденежномъ возвращеніи монастырямъ земель, которыхъ отчуждены отъ монастырскихъ крестьянъ куплею и другими слѣдками.
26. О даровомъ обмежеваніи монастырскихъ угодій и земель.
27. О воспрещеніи военнымъ командамъ рубить для своей надобности монастырские лѣса.
28. О невоспрещеніи монастырямъ производить винокуреніе и иродажу питейныхъ напитковъ въ своихъ шинкахъ.
29. Объ освобожденіи монастырскихъ подворьевъ отъ постоя.
30. О воспрещеніи великокорсійскимъ чиновникамъ безмездно пользоваться монастырскими лѣсами.
31. Объ освобожденіи монастырей отъ обязательного дарового отвода своихъ сѣнокосовъ для гарнизонныхъ лошадей.
32. О невоспрещеніи монастырямъ свободнаго владѣнія тѣми своими угодіями, которыхъ находятся за пограничными рогатками.
33. Объ освобожденіи монастырей отъ казеннаго оклада за пользованіе тѣми своими грунтами, которые находятся въ новороссійской губерніи.
34. О возвращеніи Кіево-Софійскому кафедральному монастырю и прочимъ малороссійскимъ монастырямъ права пользоваться десятиною отъ рыбной ловли и пошлинами базарными, мельничными и

переѣздными чрезъ мосты и паромы, устроенные монастырскимъ коштотъ.

35. О подтверждениі за монастырями свободнаго пользованія имуществомъ, остающимся по смерти монаховъ.

36. О возвращеніі кіевскимъ митрополитамъ ихъ прежніхъ правъ и преимуществъ.

37. О возвращеніі кіевскому митрополиту титула «Кіевскій, Галицкій и Малая Россія».

38. О бывшей подвѣдомственности черниговской епархіи кіевскимъ митрополитамъ.

39. О бывшей подвѣдомственности Переяславской епархіи кіевскимъ митрополитамъ.

40. О бывшей подвѣдомственности кіевскимъ митрополитамъ епархій: 1) Володимирской и Берестенской, 2) Луцкой и Острожской, 3) Полоцкой и Витебской, 4) Туровской и Пинской, 5) Вѣльской, 6) Хелмской, 7) Галицкой, Львовской и Каменецкой, 8) Брестской, 9) Могилевской, Мстиславской и Оршанской, 10) Переяславльской, 11) Подольской и 12) Самборской, — которыхъ, исключая Могилевской, отпали отъ православія и подчиненія кіевскимъ митрополитамъ, а призывали надъ собою власть римскаго папы.

41. О подчиненіі кіевскому митрополиту Кіево-Печерской Лавры.

42. О подчиненіі кіевскому митрополиту Кіево-Межигорскаго монастыря.

43. О возвращеніі кіевскому митрополиту издавна принадлежавшихъ ему правъ суда и расправы по дѣйствіямъ архіереевъ южно-русскаго края.

44. О возвращеніі кіевскому митрополиту права, безъ сношенія съ Св. Синодомъ, производить достойныхъ лицъ въ чинъ архимандрічій.

45. О предоставленіі кіевскому митрополиту права имѣть типографію и разрѣшать, безъ сношенія съ Св. Синодомъ, печатаніе церковно-богослужебныхъ книгъ и руководствъ для питомцевъ кіевской академіи.

46. О возвращеніі въ составъ кіевской епархіи протопопій Крыловской и Новоміргородской.

47. Объ ассигнованіі для содержанія кіевскаго митрополита вмѣсто сборовъ отъ свадьбъ иной суммы.

48. О присвоеніі канцелярскимъ чиновникамъ Консисторії тѣхъ правъ на положеніе священства, какими пользуются обучавшіеся въ академіи.

49. О порадкѣ сношеній киевскаго митрополита и киевской Консисторіи съ Малороссійской Коллегію.
50. О присвоеніи настоятельскихъ правъ при соборныхъ церквяхъ одному изъ заслуженнѣйшихъ соборныхъ священниковъ.
51. О представленіи правъ и премуществъ наставникамъ киевской академіи о подтвержденіи ея привилегій.
52. О воспрещеніи киевскому магістрату и Губернской Канцеляріи привлекать къ своему суду наставниковъ и питомцевъ академіи.
53. О возобновленіи выдачи жалованья изъ Губернской Канцеляріи ректору и наставникамъ киевской академіи.
54. Объ ассигнованіи денежной суммы на содержаніе зданій и питомцевъ киевской академіи.
55. О предоставлениі питомцамъ академіи правъ на получение чиновъ гражданскихъ.
56. Объ утверждении Высочайшею грамотою студенческаго дома Бурсы.
57. О рукоположеніи студентовъ академіи въ священный санъ безъ увольнительныхъ свидѣтельствъ отъ козачьей службы и о постриженіи ихъ въ монашество раньше трехлѣтнаго монастырскаго послушанія.
58. О рукоположеніи окончившихъ курсъ академіи во священство безъ полученія ими отъ помѣщиковъ презентовъ на приходы.
- 59). О воспрещеніи свѣтскимъ чиновникамъ привлекать священнослужителей къ своему суду мимо вѣдома и соизволенія митрополита и обязательномъ приглашеніи духовныхъ депутатовъ въ гражданскіе суды, когда происходит судоговореніе о преступленіяхъ священно-и церковнослужителей.
60. О воспрещеніи свѣтскимъ командамъ брать подъ арестъ лицъ, подвѣдомственныхъ духовной власти, исключая только тѣхъ случаевъ, когда эти лица будутъ изобличены въ воровствѣ, убийствѣ и другихъ криминальныхъ преступленіяхъ.
61. О воспрещеніи приводить къ присягѣ священнослужителей и лицъ монашескаго званія.
62. О воспрещеніи гражданскимъ чиновникамъ вызывать священнослужителей, какъ свидѣтелей, въ гражданскіе суды къ допросамъ и о замѣнѣ такового вызова посылкою къ нимъ вопросныхъ пунктовъ.
63. Объ освобожденіи лицъ, лишенныхъ за свои преступленія священства, отъ всякаго другого рода наказаній, которыя опредѣлены закономъ за тѣ же преступленія.

64. О назначеніі строгой кары тѣмъ, которые самоуправно обижаютъ священно-и церковнослужителей и монаховъ и покушаются присвоить себѣ церковное и монастырское имущество.

65. О назначеніі кары тѣмъ доносчикамъ и отвѣтчикамъ, которые въ назначенные сроки не являются въ духовныхъ правленіяхъ.

66. Объ избраниі вольными голосами кандидатовъ изъ природныхъ малороссіянъ на званіе митрополита кіевскаго.

67. О превращеніи по монастырямъ и приходскимъ церквамъ кошельковаго сбора для вспомоществованія заграничнымъ монастырямъ и церквамъ.

68. Объ отмѣнѣ генеральной ревизіи надъ монастырскими церковными и священническими недвижимыми имуществами.

69. О составленіі духовныхъ завѣщаній не иначе, какъ въ присутствіи священнослужителей.

70. Объ ассигнованіи жалованья священни-и церковнослужителямъ ружныхъ церквей.

71. О предоставлениі монастырямъ и бѣлому духовенству права свободной купли хлѣба и дерева для производства винокуренія.

72. О предоставлениі исключительно духовной власти права налагать церковное покаяніе на явныхъ нарушителей Закона Божія.

73. О назначеніі кары тѣмъ, кто скрываетъ законопреступниковъ и знающихъ о нихъ, но не сообщающихъ.

74. Заключительная просьба о подтвержденіи въ прежнія времена дарованныхъ кіевскому митрополиту и всему малороссійскому духовному чину правъ, привилегій, премуществъ, вольностей, свободъ и обыкнныхъ поведеній.

Пункты о возвращеніи кіевскимъ митрополитамъ тѣхъ правъ и привилегій, которыми они пользовались прежде.

36.

«Кіевские митрополиты, отъ самаго начала просвѣщенія Россійскаго народа крещеніемъ, со всѣми до митрополіи кіевской надлежащими епископами, архимандріями, игуменствами, братствами, монастырями, церквами, чиномъ духовнымъ и причтомъ церковнымъ были подъ благословеніемъ и послушаніемъ Святѣйшихъ вселенскихъ Константинопольскихъ патріарховъ, и отъ нихъ святѣйшихъ патріарховъ рукоположеніе и возведеніе на престолъ митрополіи кіевскія воспріятали и титуловались митрополитами кіевскими, галицкими и вся Россія (а когда, кроме митрополита въ Кіевѣ, сталъ быть мит-

рополить въ Москвѣ, то всея Малыя Россіи) и Экзархамп Святѣйшаго аиостольскаго Константинопольскаго Орону; а съ нихъ митрополиты Петръ Могила, Сильвестръ Косовъ и Діонисій Балабанъ и архимандритами Печерскія Кіевскія Лавры писались; и всегда они митрополиты кіевскіе со всѣми до митрополіи кіевской надлежавшими епископіями, архимандріями, игуменствами, братствами, монастырями, церквами, чиномъ духовнымъ и причтомъ церковнымъ при короляхъ чольскихъ, великихъ князьяхъ літовскихъ пользовались во-всемъ равными правами, привилегіями, преимуществами, вольностями и обыкновенными, какъ и знатное малорусское шляхетство. Якіе всѣ права, привилегіи, преимущества, вольности и обыкновенія и блаженные и вѣчно достойные памяти государь, царь и великий князь Алексѣй Михайловичъ, когда гетманъ Зѣновій Богданъ Хмѣльницкій, ради единовѣрія, приступилъ подъ высокодержавную Его Царскаго Величества руку, жаловаными какъ всѣмъ малороссійскимъ чинамъ, такъ и духовному чину подтвердить, и малороссійскій народъ въ томъ числѣ и духовный чинъ при всѣхъ тѣхъ правахъ, привилегіяхъ, преимуществахъ, вольностяхъ и обыкновеніяхъ, при которыхъ они были за королей польскихъ и великихъ князей літовскихъ, содержать и сохранять, и большими наградить и пожаловать обѣщать изволилъ. И тѣ всѣ какъ прочіемъ малороссійскимъ чинамъ, такъ и духовному чину права, привилегіи, преимущества, вольности и обыкновенія и потомъ поновляемы и подтверждаемы были; да и когда весь Кіевской епархіи причетъ и всей Малой Россіи чинъ духовный, власти и подъ властію сущіе какъ духовныя особы, такъ и мірскіе чины на бывшей въ Кіевѣ въ церкви Св. Софіи 7173 года Элекції избрали на вдовствовавшій коликонадесяте лѣтъ кіевскія митрополіи престолъ настыремъ и малороссійской церкви хранителемъ преосвященнаго Гедеона Святополка, князя Четвертинскаго, епискона Луцкаго и Острожскаго, и всеподданнѣйше просили великихъ царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича и великія государини благовѣрныхъ царевны и великія Княжны Софіи Алексѣевны, всея Россіи Самодержцевъ, кіевской епархіи быть подъ послушаніемъ и благословеніемъ святѣйшаго патріарха московскаго, между великороссійскими митрополіями первоначальною была поставлена кіевская; и когда потому оный преосвященный Гедеонъ Святополкъ, епископъ Луцкій, 7194 году ноября 8 дня отъ святѣйшаго Іоакима, патріарха Московскаго и всея Россіи, благословеніе и возвведеніе на престолъ Кіевскія митрополіи воспріялъ, и грамота отъ святѣйшаго Іоакима,

патріарха Московскаго и всея Россіи, во вѣчное его утвержденіе, и впредъ хотящимъ хиротонисатися на кіевской престолѣ по немъ въ митрополиты, 7194 лѣта мірозданія, отъ воплощенія же Слова Божія 1685, индиктіона 9, декабря мѣсяца дана; то и тогда того жъ 7194 года декабря 15 дня отъ великихъ государей, царей и великихъ князей Иоана Алексѣевича, Петра Алексѣевича и великихъ государыни, благовѣрныхъ царевны и великихъ княжны Софіи Алексѣевны, всея Россіи самодержцевъ, ему преосвященному Гедеону, митрополиту кіевскому и впредъ по немъ будучимъ митрополитамъ Кіевскимъ и всему епархіи кіевской причту и чину духовному, властямъ и подъ властію сущимъ данною жалованною милостивою грамотою прежніе духовнаго чина права и вольности подтверждены, и велѣно впредъ епархіи кіевской быти между великокорсскими митрополіями первона-чальною, и судомъ митрополита кіевскаго въ своеї епархіи быти и отправлятись по прежнимъ обычаямъ, и никому отъ тѣхъ судовъ въ царствующій градѣ Москву съ челобитьемъ не приходити, и свя-тѣшему Ioакиму, патріарху московскому и всея Россіи и понемъ впредъ будучимъ святѣшшимъ патріархамъ московскимъ въ тѣ суды не вступатися, и челобитенъ ни у кого не принимать, а быти той кіевской епархіи въ такомъ же соблюдениі, въ какомъ она была до того времени подъ благословеніемъ святѣшаго вселенскаго констан-тинопольскаго патріарха, какъ въ митрополичей чести, такъ и во исправленіи духовнаго чина и церковнаго начала, и въ сохраненіи правъ и вольностей—обыкнѣвъ обрѣтающихся, по исконному обычаю; также всѣмъ высокимъ и низкимъ духовнымъ особамъ, а именно преосвященному архієпископу черниговскому и новгородскому сѣвер-скому, и Кіево-Печерскія Лавры архимандриту, и черниговской епархіи архимандритамъ новгородскому и елецкому, и игуменамъ тогда бывшимъ и впредъ будучимъ, также и инымъ епископіямъ, архимандріямъ, игуменствамъ, братствамъ, монастырямъ, церквамъ, которые издавна надлежали къ оной митрополіи, непремѣнно и нынѣ повиноватися и послушаніе отдавать ему преосвященному Гедеону, митрополиту кіевскому и по немъ будучимъ митрополитамъ кіевскимъ, и на архіерейскій кіевской престолѣ въ предѣдудція времена въ митрополиты обирати имъ вольною злѣцію, по ихъ великихъ государей ихъ Царскаго Величества указа и за благословеніемъ Святѣшаго патріарха московскаго, мужа въ божественномъ писаніи искус-снаго и тихаго изъ здѣшнихъ природныхъ обивателей, и митру со крестомъ имѣющу, какъ въ царствующемъ велицемъ градѣ Москвѣ

приключающеся въ соборной и апостольской церкви пресвятаго Владычицы нашея Богородицы и Приснодѣвы Маріи въ службѣ Божественныхъ Литургій со святѣйшимъ патріархомъ и въ иныхъ градѣхъ, также и въ Малой Россіи; а предношеніе креста въ своеї ему епархіи во всѣхъ походѣхъ, и печатаніе книгъ, такъ же и ученіе дѣтей греческаго и латинскаго языковъ невозбранно имѣти; и всѣ обыкновенія прежнія безъ примѣненія содѣжати, а когда по ихъ великихъ государей ихъ царскаго Величества указу сему преосвященному митрополиту прилучится для какихъ великихъ церковныхъ дѣлъ въ царствующій царствѣ Москву прибыти, и тогда ему въ прибытіи своемъ на Москву времени не продолжити, а отпущенію по ихъ государской милости въ свою епархію ему быти вскорѣ; а по обыкновенію великокорсскіхъ преосвященныхъ митрополитовъ въ царствующій градѣ Москву на годовое и полугодовое время его не вызывать; и тѣ всѣ вышеписанныя кіевской епархіи права и вольности тою государскою жалованною грамотою всемилостивѣйше обнадежены утверждены; и велико ему преосвященному Гедеону митрополиту кіевскому и по немъ будучимъ митрополитамъ кіевскимъ со всѣмъ причтомъ малороссійскаго народу духовнымъ быти подъ благословеніемъ и послушаніемъ Святѣйшаго Іоакима, патріарха московскаго и всея Россіи, и по немъ будучихъ патріарховъ московскихъ на вѣки неотступно по своему обѣщанію,—каково онъ учанилъ съ подписаниемъ руки своея при возведеніи и благословеніи своемъ въ митрополиты, не отлучаясь подъ новелѣніе и разсужденіе къ инымъ епархіямъ; а правамъ ихъ кіевскихъ митрополитовъ и вольностямъ, въ той ихъ царскаго Величества милостивой жалованной грамотѣ описанымъ премѣненія и нарушенія быти неимѣть. Которая изъ царскаго Величества жалованная грамота, данная 6194 года преосвященному Гедеону, митрополиту кіевскому въ подтвержденіе и на утвержденіе Кіевской епархіи прежнихъ духовнаго чина правъ и вольностей, и въ 7199 году сентября 28 дня отъ великихъ государей, царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича преосвященному Варлааму Ясинскому, митрополиту кіевскому, а потомъ и въ лѣто отъ созданія міра 7217, а отъ Рождества Христова 1708 сентября 14 дня отъ великаго государя царя и великаго князя Петра Алексѣевича преосвященному Іоасафу Кроковскому, митрополиту кіевскому даннымъ жалованными грамотами утверждена. Того ради Ея Императорскаго Величества, всемилостивѣйшей Государыни, преосвященный митрополитъ кіевскій и кіевской епархіи чинъ духов-

ный просить: древне митрополита кіевскаго и всей кіевской епархіи духовнаго чина права, привилегій, преимущества, вольности и обыкновенія исконные, вышеозначенными милостивыми жалованными грамотами утвержденные, подтвердить и на то милостивую жалованную грамоту дать.

37.

Митрополиты кіевскіе прежде титуловались и писались митрополитами Кіевскими, Галицкими и всея Россіи (а когда, какъ выше показано, кроме митрополита въ Кіевѣ сталъ быть митрополитъ и въ Москвѣ, то вся Малая Россія) и экзархами Святѣйшаго апостольскаго Константипольскаго Єрону, а съ нихъ митрополитъ Петръ Могила, Сильвестръ Косою и Діонисій Валабанъ именовались и архимандритами святых великих чудотворных Лавры Шечерскія Кіевскія до 7194 года, а того 7194 году ноября 8 для преосвященнаго Гедеона Святоополкъ, князь Четвертицкій, благословеніемъ святѣйшаго Іоакима патріарха московскаго и всея Россіи, когда престолъ митрополіи кіевскія воспріялъ и подъ благословеніемъ и послушаніемъ святѣйшаго Іоакима, патріарха московскаго, со всімъ причтомъ малороссійскаго пароду духовнымъ быти обѣщаніе съ подписаніемъ руки своея ученика, пожалованного Высочайшаго на утвержденіе прежнихъ духовнаго чина правъ и вольностей 7194 года декабря 15 дня и патріаршего при возведеніи на степень митрополіи кіевскія тогожъ 7194 г. индиктіона 9, а отъ воплощенія Слова Божія 1685 г. декабря 3 дня данными грамотами онъ преосвященнаго Гедеона, съ будущими по немъ митрополитами кіевскими, утверждены быти митрополитомъ Кіевскимъ, Галицкимъ и Малой Россіи; почему и бывши по немъ митрополитъ кіевскому Гедеонъ митрополитамъ кіевскимъ въ грамотахъ: въ первой отъ государей, царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича, всея Великія и Малыи и Вѣлыи Россіи самодержцевъ, лѣта отъ созданія міра 7199 мѣсяца сентября 28 д. митрополиту кіевскому Варлааму Ясинскому данной, по исключеніи уже епархіи черниговской съ подвѣдомства митрополіи кіевской, наименовано его Варлаама митрополитомъ Кіевскимъ, Галицкимъ и Малой Россіи;— во второй отъ пресвѣтѣйшаго и державнѣйшаго великаго государя, царя и великаго князя Петра Алексѣевича, всея Великія и Малыи и Вѣлыи Россіи самодержца, отъ созданія міра 7217, а отъ Рождества Христова 1708 сентября 14 митрополиту кіевскому Іоасафу Кроковскому данной наименовано же его Іоасафа митрополитомъ Кіевскимъ, Галицкимъ и Малой Россіи,

такожъ и въ грамотѣ блаженныя и вѣчнодостойныя памати великия
государыни императрицы Анны Іоанновны, самодержицы всероссійскія
о коронованії Ея Величества, и о благодареніи всемогущаго Бога,
состоявшейся 1730 года апрѣля 22 днѧ къ Варлааму Ванатовичу,
архіепископу кіевскому, въ началѣ оной грамоты и въ окон-
чаніи наименовано его Варлаама архієпископомъ Кіевскимъ, Га-
лицкимъ и Малыя Россіи. Да и въ грамотахъ патріаршихъ, какъ
въ первой выше объявленой отъ святѣшаго Іоакима, патріарха мо-
сковскаго, всея Россіи и Сѣверныхъ странъ, мірозданія 7194 лѣта, а
отъ Рождества Христова 1685 декабря 3 днѧ, при возведеніи на вдов-
ствовавшій Престолъ, на стечень кіевской митрополіи далной мит-
рополиту кіевскому Гедеону Святополку повелѣно,— оттолѣ ему Ге-
деону именоваться Малыя Россіи митрополитомъ кіевскимъ и галиц-
кимъ: такъ и въ другой отъ святѣшаго патріарха Адріана Москов-
скаго, всея Россіи и всѣхъ Сѣверныхъ странъ мірозданія 7199 лѣта,
а отъ Рождества Христова 1690 сентября 29 днѧ данной митропо-
литу кіевскому Варлааму Ясинскому изображено: что онъ Варлаамъ
на кіевскія митрополіи возведенъ богоспасаемыхъ градовъ Кіева и
Галича и Малыя Россіи; также и въ грамотѣ, изъ Святѣшаго
Правительствующаго Синода 1748 года мая 13 д. данной митропо-
литу кіевскому Тимоѳею Щербацкому, по исключеніи уже и Переис-
ловской епархіи съ подвѣдомства кіевской митрополіи, написано что
онъ Тимоѳей хиротонисанъ въ митрополита богоспасаемыхъ градовъ
Кіева, Галича и Малыя Россіи. И потому какъ оный митрополитъ
Гедеонъ Святополкъ, князь Четвертинскій, такъ и бывшіе по рѣмъ
митрополиты кіевскіе Варлаамъ Испіскій, Іосафъ Кроковскій, Вар-
лаамъ Ванатовичъ, Рафаилъ Зaborовскій и Тимоѳей Щербацкій за
силу Высочайшихъ монаршыхъ жалованныхъ и благословеніыхъ пат-
ріаршихъ и святѣшаго Синода грамотъ, титуловались и писались
митрополитами и архієпископами Кіевскими, Галицкими и Малыя
Rossіи. Уніатскій же митрополитъпольскій, кромѣ того титула Кіев-
скій и Галицкій, и нынѣ титулуется и пишется митрополитомъ всея
Rossіи. Если бы же православный митрополитъ кіевскій и Галиц-
кій не сталъ именоваться митрополитомъ и Малыя Россіи, то оный
уніатскій митрополитъ именоваться и писаться митрополитомъ всея
Rossіи и паче себѣ присвоять и утверждать будетъ, какъ то тѣ уніатскіе
митрополиты и въ то время, когда бывало православный митрополитъ
кіевскій скончаніемъ живота выбудеть, дерзкии писаться блестите-
дями кіевской епархіи. Того ради преосвященный митрополитъ про-

II отд.

сить: какъ выше означенные митрополиты прежніе Кіевскими Галицкими и Малыя Россіи титуловались и писались, такъ и ему и по немъ будучимъ митрополитамъ титуловаться и писаться навсегда утвердить.

38.

Издавна до митрополитовъ кіевскихъ черниговская епархія вѣдомствомъ надлежала, и тоей епархії архієпископъ Лазарь Бараповичъ былъ администраторомъ митрополії кіевській; потомъ святѣйшихъ вселенскихъ константинопольскихъ патріарховъ благословенными грамотами та черниговская епархія отъ кіевской митрополії отдѣлена и подъ благословеніе святѣйшаго патріарха московскаго вручена, потомъ же та черниговская епархія паки въ жалованной Высочайшей грамотѣ, преосвященному Гедеону митрополиту кіевскому, въ 7194 г. данной, написана въ присутствіе митрополії кіевской. Когда же тоей черниговской епархії преосвященный Лазарь Бараповичъ, архієпископъ черниговский, члоботье свое великимъ государимъ, царамъ и великимъ князьямъ Іоанну Алексѣевичу и Петру Алексѣевичу, самодержцамъ всероссійскимъ, и святѣйшаго вселенского константинопольского патріарха благословенную грамоту, которою та черниговская епархія отъ кіевской митрополії отдѣлена и подъ благословеніе Святѣйшаго патріарха московскаго вручена, объявилъ, то по ихъ царскаго Велічества жалованной грамотѣ, данной оному преосвященному Лазарю Бараповичу въ лѣто отъ мірозданія 7195 укрѣплено и утверждено, по прежней благословенной Святѣйшаго вселенского константинопольского патріарха грамоты были ему подъ благословенiemъ и паствою Святѣйшихъ патріарховъ московскихъ вѣчно и неотступно, не отлучаись подъ благословеніе и разсужденіе къ інымъ епархіямъ и кіевской митрополії; а въ лѣто отъ мірозданія жъ 7201 по грамотѣ великихъ государей, царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича, самодержцевъ всероссійскихъ, той черниговской епархії повелѣно быть между великороссійскими архієпископіями первоначальною,—что преосвященный митрополитъ кіевскій предаетъ на благоразсмотрѣніе.

39.

Издавна до митрополитовъ кіевскихъ Переяславская епархія вѣдомствомъ надлежала, почему и въ данной 1708 году октября 14 дня блаженныи и вѣчнодостойныя памяти государя императора Петра великаго бывшему тогда преосвященному Іоасафату Кроковскому, митрополиту кіевскому, грамотѣ, между прочимъ, повелѣно тогда бывшему Переяславскому епископу Захарію Корниловичу и інымъ, кои

въ томъ Переяславѣ будуть, и всей той Переяславской епархіи въ присутствії были кіевской митрополіи по прежнему, для того что оный епископъ Захарія посвященъ митрополитомъ кіевскимъ и та Переяславская епархія въ присутствії его митрополита кіевскаго была; да и 1728 года іюля 24 дня бывшему тогда преосвященному епископу Іоакиму указомъ изъ Св. Синода велѣно о слушающихъ духовныхъ дѣлахъ съ тогда бывшимъ архіепископомъ кіевскимъ преосвященнымъ Варлаамомъ имѣть братолюбное согласіе по правиламъ святымъ. И епископы той Переяславской епархіи были администраторами и коадьюторами митрополіи кіевской до 1733 году, а когда того 1733 г. преосвященный епископъ могилевскій Арсеній Берло по имянному блаженныя и вѣчно достойнныя памяти великой государыни императрицы Анны Іоанновны высочайшему указу, изъ могилевской въ Переяславскую епархію переведенъ, то февраля 19 дня того 1733 года учиненнымъ на его епископа Арсенія Берла доношеніе во Св. Правительствующемъ Синодѣ опредѣленіемъ велѣно ему Арсенію быть подъ властію токмо Св. Синода, а въ коадьюторѣхъ архіепископіи кіевской не быть;—почему въ той Переяславской епархіи и бывшій и настоящій епископъ вѣдомствомъ до митрополита кіевскаго не надлежить;—что преосвященный митрополитъ кіевскій предаетъ на благоразсмотреніе.

40.

Изъ давнихъ временъ, кромѣ великороссійскихъ и оныхъ малороссійскихъ Черниговской и Переяславской епархій, до митрополита кіевскаго вѣдомствомъ по духовному чину и обыкновенію надлежали еще и нынѣшнія заграничныя епархіи, бывшія благочестивыя: 1) Володимирская и Берестейская; 2) Луцкая и Острожская; 3) Полоцкая и Вітебская; 4) Туровская и Пинская; 5) Бѣльская; 6) Хельмская; 7) Галицкая, Львовская и Каменецкая; 8) Брестская; 9) Могилевская, Мстиславская, Оршанская и Бѣлорусская; 10) Переяславльская; 11) Подольская и 12) Самборская; а потомъ всѣхъ тѣхъ епископій епископы, вромѣ Могилевской, принявъ съ Римскимъ костеломъ унію, отдались въ разныхъ годѣхъ подъ послушаніе папѣ римскому и отъ Святѣйшихъ патріарховъ цареградскаго и московскаго и отъ митрополита кіевскаго отступили, а осталась только въ благочестіи могилевской епархіи, которой епархіи епископъ по духовному чину и обыкновенію пріимаетъ благословеніе и рукоположеніе отъ кіевскаго митрополита; и въ трактатѣ вѣчнаго мира, между Россіею и Поль-

шю 1686 года состоявшемся, упоминается о могилевской епархії; но и та могилевская епархія предъ недавнимъ временемъ до митрополита кіевскаго вѣдомствомъ не стала надлежать,—что преосвященный митрополитъ кіевскій предаетъ въ благоразсмотрѣніе.

43.

Когда преосвященные митрополиты кіевскіе были подъ благословеніемъ и послушаніемъ Святѣйшихъ Константинопольскихъ патріарховъ, то имѣли всегда по исконному обычаю право и вольность, судъ и расправу, по духовнымъ и по прочимъ, до разсужденія духовнаго касающимся дѣламъ, въ кіевской епархіи содержать, и отъ митрополита кіевскаго дѣла въ суду вселенскихъ Константинопольскихъ патріарховъ не переносились, и Святѣйшіе Константинопольские патріархи въ таковы митрополіи кіевскія суды не вступали и челобитенъ и нѣ у кого не принимали; почему и когда въ 1670 году при избраніи и поставленіи малороссійскаго гетмана Юрія Хмельницкаго, по просительнымъ того гетмана Юрія и малороссійской старшины статьямъ, въ 8 статьи великий государь, царь и великий князь Алексѣй Михайловичъ, самодержецъ всероссійской, указалъ митрополиту кіевскому и прочимъ духовнымъ Малыя Россіи быть подъ благословеніемъ святѣйшаго патріарха московскаго и всея Россіи, изволилъ обнадежить, что въ права духовнаго митрополита кіевскаго святѣйшій патріархъ московскій вступатись не будетъ; также и когда потомъ преосвященный Гедеонъ Святополкъ, князь Чертвѣртній, митрополитъ кіевскій учинилъ съ подписаніемъ своея руки обѣщаніе быти со всѣмъ духовнаго чина причтомъ подъ благословеніемъ и послушаніемъ Святѣйшаго Іоакима, патріарха московскаго на вѣки неотступно, то данною 7194 года декабря 15 дня отъ великихъ царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича и великой государыни благовѣрныя цесаревны великия княжны Софіи Алексѣевны, всея Россіи самодержцевъ, милостьюю высокомонаршею жалованнаго грамотою оному преосвященному Гедеону митрополиту кіевскому и всѣмъ по немъ будучимъ митрополитамъ кіевскимъ оные о содережаніи въ кіевской епархіи по духовнымъ и прочимъ до разсужденія духовнаго касающимся дѣламъ суды и расправы, право и вольность подтверждены, и тою грамотою точно повелѣно: судамъ митрополита кіевскаго въ его епархіи быти и отправлятись по прежнімъ обычаямъ и никому отъ тѣхъ судовъ въ царствующій градъ Москву съ челобитнемъ не приходить, и Святѣйшему Іоакиму патріарху москов-

скому и по немъ виредъ будучимъ Святѣйшимъ патріархамъ московскимъ въ тѣ суды не вступатись и челобытень ни у кого не принимать, а быти той кіевской епархіи въ такомъ же соблюденіе, въ каковомъ она была до того времени подъ благословеніемъ Святѣйшаго вселенскаго Константинопольскаго патріарха; соблюденіе правъ и вольностей за кіевскою митрополіею обнадежено такожде всемилостивѣйшими жаловаными грамотами, данными преосвященному Варлааму Яснскому 7199 г. сентября 28 дня и Іоасафу Кроковскому 7217 года сентября 14 дня.—И сіе такожъ преосвященный митрополитъ кіевский предаетъ въ благоразсмотрѣніе.

44.

Когда преосвященные митрополиты кіевские были подъ благословеніемъ и послушаніемъ Константинопольскихъ патріарховъ, то имѣли, по исконному обычаю и правамъ и вольностямъ, кроме свободного исправленія духовнаго чина и церковнаго начала, и власть не только епархіи своеи кіевскія монастыри въ архимандриты епархіи своеи людей заслуженныхъ и достойныхъ на убыльные мѣста производить, но и во епископы въ епархіи, подлежавшія до митрополіи кіевскія, хиротонисати... И въ данныхъ преосвященнымъ митрополитомъ кіевскимъ Гедеону отъ Святѣйшаго Іоакима.... 1685 г., Варламу Яснскому 1690 г. сентября 26 д... грамотахъ точно повелѣно: имъ митрополитамъ власть имѣти хиротонисати во свою епархію епископы, архимандриты, игумены, пресвитеры, діаконы и иподіаконы, пѣвцы и чтецы и все приличествующее церковное потребство въ епископіяхъ, архимандріяхъ, Братствахъ и училищахъ творити... Того ради митрополитъ кіевский проспѣть: ему митрополиту кіевскому въ состоящіе въ епархіи кіевской монастыри на упалия вакансіе во архимандриты тоей же епархіи кіевской заслуженныхъ... и къ знатнымъ послушаніямъ способныхъ... по прежнему производить дозволить и на всегда сіе дозволеніе утвердить.

66.

Духовный малороссійскій чинъ при своихъ вольностяхъ и обычайныхъ поведеніяхъ съ давнихъ временъ и лѣтъ право, когда митрополитъ кіевский представится или другимъ какимъ образомъ выбудеть,—на вдовствующій кіевской митрополіи престолъ митрополита вольными голосами и совѣтомъ избирати себѣ изъ малороссіянъ природныхъ. И за силу того древняго малороссійскому духовному чину позволеннаго права, какъ въ прежнихъ, такъ и въ недавнихъ годахъ, а именно: въ

7193 преосвященный Гедеонъ Святополкъ, князь Четвертинскій, епископъ Луцкій, 7198—Варлаамъ Ясинскій, архимандритъ Киево-Печерской Лавры, 6217—Ioасафъ Кроковскій, архимандритъ же Киево-Печерской Лавры—на вдовствовавшій митрополії кіевскій престолъ одинъ по кругому въ митрополиты кіевські вольными голосами и совѣтомъ избирали и по Высочайшей всероссійскихъ великихъ государей Конфірмації благословеніе и рукоположеніе въ митрополиты на престолъ кіевскій отъ Святѣйшихъ патріарховъ московскихъ воспріймали: якое малороссійскому духовному чину по ихъ вольностямъ и обыкнѣмъ поведеніямъ позволенное право и въ данныхъ отъ всероссійскихъ великихъ государей онымъ преосвященнымъ Гедеону, Варлааму и Ioасафу митрополитамъ кіевскимъ, по воспріятію имъ отъ святѣйшихъ патріарховъ московскихъ на престолъ митрополії кіевской благословенія и рукоположенія, всемилостивѣйшихъ жалованыхъ грамотахъ подтверждено, и между прочими того права о содеряніи, тѣми жалованными грамотами всемилостивѣйше обнадежено и утверждено неподвижно. Да и когда на Киево-Печерскую архимандрію по тому же малороссійского духовного чина праву выбранные кандидаты блаженныя и вѣчноблаженныя памяти великой государинѣ императрицѣ Аннѣ Ioанновнѣ для конфірмації въ 1730 году представлена, то Ея Імператорское Величество государыня императрица Анна Ioанновна изволила указать архієрею кіевскому и пещерской обители, по ихъ древнимъ правамъ и подтвердительнымъ грамотамъ вѣдомымъ быть въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, какъ то при московскихъ патріаркахъ было, а Синоду того архієрея кіевскаго и архимандрита Печерскаго не вѣдать, и въ права ихъ и выборъ не вступать,—Того ради духовный Малороссійскій кіевской епархії чинъ просить малороссійскому чину утвердивъ быть при прежнихъ своихъ вольностяхъ, обыкнѣмъ поведеніяхъ и правахъ, Высочайшими грамотами подтвержденными, за силу тѣхъ же вольностей, обыкнѣмъ поведеній и правъ, повелѣть по прежнему когда митрополитъ кіевскій представится, или другимъ какимъ образомъ выбудеть, на вдовствующій кіевскія митрополія престолъ въ митрополита вольными голосами и общимъ совѣтомъ избирати себѣ изъ малороссіянъ природныхъ.

Проектъ преосвященнаго Арсенія Mogилянскаго остался, какъ и многое въ комиссіи, неразсмотрѣннымъ и неразрѣшеннымъ.

Протоієрей Петъ Орловскій.

Изъ жизни Киева въ началѣ исходящаго столѣтія.—Намъ поручено было переслать въ Церковно-Археологический Музей при Киевской духовной Академіи переплетенный экземпляръ „Московскихъ Вѣдомостей“ за 1802-й годъ. Пересматривая эту библіографическую рѣдкость, мы нашли здѣсь дѣль корреспонденціи изъ Кієва: одну небольшую—строкъ въ 10, а другую—довольно обширную. Изъ первой отъ 13 марта (№ 26-й) говорится, что кіевскій митрополитъ Гавріиль (Банулеско) въ великой соборной церкви Успенской лавры, по окончаніи литургіи преждеосвященныхъ даровъ „со всѣми сей лавры соборными старцами и со всѣми лаврскими іеромонахами, іеродіаконами и монашествующими—служилъ благодарственный же лебень о здравіи Его Императорскаго Величества и всей Высочайшей фамиліи, но послѣ молитва была читана съ колѣнопреклоненіемъ, по случаю прибавленныхъ Его Императорскимъ Величествомъ на содержаніе Лавры на годъ по 3 тысячи руб., коихъ получение началось съ 1-го января сего 1802 года.

Что же касается второй корреспонденціи,—то мы считаемъ нeliшнимъ привести ее всю цѣликомъ на страницахъ *Кіевской Старины*, ибо, кто и когда можетъ встрѣтить ее въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* 1802 г.?! А между тѣмъ гражданамъ Кіева конца вѣка очень интересно будетъ узнать кое-что изъ кіевской жизни *начала вѣка*—въ передачѣ тогдашняго собственнаго кіевскаго лѣтописца.

«*Изъ Кієва, февраля 28.*

«Кіевскій Магистратъ, имѣвъ счастье удостоиться Высокомонаршаго благоволенія, полученіемъ Государственной, за собственно ручнымъ Его Императорскаго Величества подписаніемъ, Грамоты, подтверждающей всѣ его права и преимущества, которыми издревле сей городъ пользовался, въ силу Высочайше жалованныхъ въ разныя времена отъ Пресвѣтлѣйшихъ, въ Бозѣ почивающихъ Россійскихъ Государей Грамотъ, совершаль, съ позволеніемъ здѣшняго начальства, въ Нижнемъ городѣ Кіевоподолѣ торжественно, во изъявленіе такового всерадостнѣйшаго для кіевскихъ гражданъ произшествія, празднованіе слѣдующимъ образомъ:

Февраля 16-го, въ день воскресный, по собраніи въ Кіевскій Магистратъ всѣхъ его чиновниковъ, и по прибытіи туда Его Превосходительства, г-на Генераль-Мaiора, Кіевскаго Команданта и Кавалера, *Массе*, началось въ 11 часу утра изъ Магистрата въ Кіево-Успенскій соборъ, при пушечной пальбѣ, шествіе; предварительно

же для сего съ особливымъ устройствомъ по обѣ стороны пути до собора стояли всѣхъ 15 цеховъ мѣщане въ надлежащемъ своемъ вооруженіи, съ ихъ начальниками и корунгвами. Высочайшей Грамотѣ предшествовали въ народномъ одѣяніи съ обнаженными саблями по три въ рядъ всѣ почетнѣйшиe, такъ называемые *Рейстровые праждане*. Потомъ песцы были штандартъ и золотое Магистратское знамя при играніи градской духовой музыки.

Государственная Грамота несена была на бархатной съ золотою баxрамою и кистями подушкѣ Кіевскаго Магистрата Войтомъ, Именитымъ Гражданиномъ, *Георгіемъ Рибальскимъ*, и двумя Депутатами, Именитымъ Гражданиномъ, *Семеномъ Балабухою*, и Степеннымъ Гражданиномъ, Бургомистромъ *Петромъ Бирющевскимъ*. За сими слѣдовалъ г Комендантъ съ полицейскими чиновниками, потомъ Магистратскіе члены и почетнѣйшее гражданство. Въ продолженіи Божественной літургіи, которую совершаль Его Высокопреосвященство, Митрополитъ Кіевскій и Кавалеръ *Гавріль*, присутствовали: Его Высокопревосходительство, Господинъ Кіевскій Военный Губернаторъ и Кавалеръ *Андрей Семеновичъ Феньшъ*, и Его Превосходительство, г. Гражданскій Губернаторъ и Кавалеръ, *Михаило Степановичъ Коробышъ*, съ прочимъ Генералитетомъ, знаменитѣйшими воинскими и Присутственныхъ Мѣстъ чиновниками. Высочайшая Грамота во время отправленія літургіи лежала предъ Спасительною иконою на особо пріготовленномъ для того столѣ; по окончаніи же літургіи говорена была пристойная сему случаю проповѣдь онаго Собора Священникомъ *Максимовичемъ*; а по окончаніи проповѣди читана была среди церкви Магистратскимъ Писаремъ *Оробіовичемъ* Высочайшая Грамота. Наконецъ, отправлялось благодарственное о вожделѣнномъ Его Императорскаго Величества и всей Высочайшей Фамиліи здравіи молебствіе. Предъ возглашениемъ многоглѣтія Высочайшая Грамота окроплена святою водою; послѣ того продолжался колокольный звонъ и пушечная пальба. Изъ церкви несена оная Высочайшая Грамота съ равными обрядами и таковыми же порядкомъ въ Магистратъ, для храненія ея между прочими въ особливомъ ковчегѣ. Обѣденный столъ того дня состоялъ на 112 кувертахъ въ новопостроенномъ для Контрактовъ домѣ, куда изъ Церкви, по предварительному приглашенію, прибыли: Его Высокопреосвященство, Митрополитъ Кіевскій, со знаменитѣйшимъ духовенствомъ; Его Высокопревосходительство, Г. Кіевскій Военный Губернаторъ и Кавалеръ, *Андрей Семеновичъ Феньшъ*, и Его Превосходительство, г. Граждан-

скій Губернаторъ, *Михайла Степановича Коробыши*, съ прочимъ Генералитетомъ, знаменитѣйшими воинскими и Присудственныхъ Мѣстъ чиновниками. При питіи за Высочайшее здравіе Его Императорскаго Величества и Императорской Фамиліи, изъ пушекъ, поставленныхъ противъ онаго дому на горѣ Андреевской, учинено 150 выстрѣловъ; ввечеру же Контрактовой домъ, Магистратъ, Андреевская противъ Контрактоваго дому на горѣ стоящая церковь, были иллюминованы, и вообще весь городъ освѣщенъ; предъ домомъ же, гдѣ былъ балъ и ужинъ, поставлены были иллюминованные щиты съ вензловыми Именами Ихъ Императорскихъ Величествъ, и прозрачными пристойными картинами. Балъ продолжался до 2 час. по полуночи, и за ужиномъ, при питіи за Высочайшее здравіе, вторично изъ стоящихъ на Андреевской горѣ пушекъ производима была пальба. Таковое въ городѣ празднество, сопровождаемое балами и подобными прежнему освѣщеніями, продолжалось сряду 3 дня; при чёмъ всякаго состоянія граждане и другіе городскіе обыватели были приличнымъ образомъ отъ Магистрата угощены. Чувствованіе сердечнаго удовольствія было ясно изображенено на лицѣ каждого, и каждый житель сорадовался благополучію своихъ согражданъ, облагодѣтельствованныхъ милосердіемъ Всеавгустѣйшаго Монарха. Гражданское общество, объемля всю цѣну такового Высокомонаршаго къ городу ихъ благоволенія, и въ засвидѣтельствованіе богоугодныхъ своихъ намѣреній, изъ вѣроподданнической благодарности составило по общему согласію сумму 10,000 руб., предполагая на оную для ста человѣкъ дряхлыхъ, увѣчныхъ и бѣдныхъ сего города мѣщанъ, которое число и по Высочайше утвержденному отъ Ея Императорскаго Величества, Блаженная памяти Императрицы Екатерины Вторыи, Штату содержать положено,—построить на камennомъ фундаментѣ съ надлежащими службами вновь, вмѣсто обвѣтшалой,—богадѣльню; и притомъ опредѣлено, соорудить каменной памятникъ, съ устроеніемъ фонтана, на Крестатикомъ источнику, мѣстѣ бывшаго крещенія сыновей Святаго и Равноапостольнаго князя Владимира, и учредить тамъ ежегодно торжественнѣйшій крестный ходъ Іюля 15 дня, въ воспоминаніе будущимъ родамъ нынѣ дарованныхъ сему городу, яко древней Столице, Монаршихъ милостей.

(Моск. Вѣд. 1802 года апрѣль 30. Среда № 35, страницы 519—520).

Сообщ. Левъ Мацѣевичъ.

Подписка на памятникъ И. П. Котляревскому въ Полтавѣ.

Въ теченіе августа мѣсяца въ контору нашей редакціи поступили вновь пожертвованія отъ слѣдующихъ лицъ: отъ Н. П. Василенка—5 руб.; Я. Н. Шульгина, Ф. Я. Юцевича, Н. Н. Косюры—по 3 руб.; Ф. Столляревскаго, В. Полищукова, Д. А. Кармазина, А. А. Гурскаго—по 2 руб.; А. Лашенковой—1 р. 50 к.; М. Моргуна, Н. Тюрина, А. Лашенка, В. Чайковскаго, А. А. Тулуба, Н. В. Левитскаго, А. Ф. Якубовскаго, А. Н. Козинцева, И. М. Бугаева, Н. А. Крысенка, Э. П. Б—ъ, отъ И., отъ Г., отъ трехъ неизвѣстныхъ—по 1 руб.; отъ И. Мировича, Я. Аврамова, А. Авраменка, А. К. Т—й, отъ Х.—по 50 коп.; отъ NN—20 коп., всего 42 р. 2 коп., что вмѣстѣ съ прежними 567 р. 82 к. (см. № 7—8) составить 610 р. 2 к., которые и отправлены въ Полтаву.

БИБЛІОГРАФІЯ.

І. Філевичъ. *Історія древній Руси. Томъ I. Территорія и населеніе.* Варшава. 1896¹⁾.

Еще на IX Археологическомъ Съездѣ рефератъ проф. И. П. Филевича «Угорская Русь и научные вопросы, съ нею связанные» вызвалъ замѣчаніе проф. А. И. Соболевскаго, что «вопросы, затронутые референтомъ, не всегда правильно поставлены имъ, не столь новы и не столь пренебрегаемы были въ наукѣ, какъ ему это представляется», но «И. П. Філевичъ остался при своемъ утверждениі»²⁾ и въ доказательство того, что онъ не измѣнилъ ему «и до сего дня», выпустилъ въ этомъ году новое произведеніе на свои излюбленныя темы подъ сенсаціоннымъ заглавiemъ «*Історія древній Руси*». Въ «Предисловіи» авторъ уже дѣлаетъ заявленіе, что «исторія цѣлой террорії... до сихъ поръ не включена въ историческое изложеніе древнерусской жизни» (с. VIII); сюда присоединяются жалобы на то, что указанная авторомъ террорія пренебрегается русской наукой, и вариаціи на эти излюбленныя темы г. Філевича повторяются имъ почти на каждой страницѣ. Къ кому относится первая изъ этихъ жалобъ, довольно трудно понять. Повидимому, авторъ намекаетъ на такъ называемыя общія сочиненія по русской исторіи, (ср. с. 219), но въ такомъ случаѣ претензіи автора слишкомъ страны и неосновательны. Дѣйствительно, авторы почти всѣхъ этихъ

¹⁾ Въ виду того интереса, который представляетъ изъ себя новый трудъ по истории древней Руси г. Філевича, редакція находитъ нужнымъ напечатать оба полученные ею почти одновременно разбора, освѣщающіе достоинства и недостатки этого труда съ различныхъ сторонъ.—Ред.

²⁾ *Ізвѣстія IX Археологического Съезда.* Вильна. 1893, № 12, с. 5—6.

общихъ сочиненій обозначили предѣлы своего изслѣдованія, можно сказать, въ заголовкахъ сочиненій: почти вездѣ стоитъ Россія, т. е. название государства. На какомъ же основаніи въ исторію этого государства, этой территории, образующей извѣстную политическую единицу, включать исторію «отъ начала и до сего дня» территории, входящей въ составъ другого государства, другой политической единицы? Только на томъ основаніи, что она принадлежала одной изъ вѣтвей русскихъ славянъ, въ древности на одинъ моментъ примкнула къ политической жизни другихъ частей Руси и вскорѣ вошла въ составъ Мадьярскаго государства? Но въ такомъ случаѣ достаточно включить въ исторію Россіи, т. е. опредѣленной политической единицы, исторію интересующей автора территории за то время, когда судьбы ея были связаны съ судьбами остальныхъ частей Руси, тѣхъ частей, которыхъ образовали потомъ эту Россію, включать же исторію ея «и до сего дня» излишне, такъ какъ это относится къ исторіи другой политической единицы—Венгрии. Вѣдь не требуетъ же г. Филевичъ включенія полнотью исторіи Галицко-Володимірской Руси, а между тѣмъ послѣдняя дольше жила общей жизнью съ другими частями Руси, чѣмъ указанная авторомъ территорія. Если послѣдовать примѣру г. Филевича, то можно потребовать съ равнымъ основаніемъ включенія въ исторію Германіи исторіи Англіи, Франціи, Испаніи и пр., такъ какъ въ составъ ихъ вошли германскія племена. Не менѣе странны жалобы автора, что интересующая его террорія пренебрегается русской наукой, между тѣмъ какъ знакомство автора съ этой наукой далеко не полно, и можно было бы привести цѣлый списокъ книгъ и статей по интересующимъ его вопросамъ, которыхъ ускользнули отъ его вниманія. Напримѣръ, мы не нашли въ разбираемой книгѣ ссылокъ на сочиненіе г. Лонгинова «Червенскіе города. Варшава. 1895», хотя здѣсь затронуты между прочимъ и вопросы, интересующіе г. Филевича. Вообще, знакомство автора съ литературой по трактуемымъ имъ предметамъ заставляетъ желать иѣкогораго пополненія: напр., мы не встрѣтили ссылокъ на новое сочиненіе по исторіи Волынской земли, принадлежащее г. Иванову и вышедшее въ прошломъ году въ Одесѣ; касаясь географіи С.-З. Россіи, онъ ссылается на книжку г. Статского и только для могилевской губерніи пользуется специальнымъ трудомъ г. Дембовецкаго, хотя и для другихъ губерній есть специальные сочиненія Зеленскаго, Бобровскаго и др. Къ сожалѣнію, этимъ не ограничивается рядъ излюбленныхъ темъ г. Филевича, поэтому мы

не станемъ увеличивать списокъ сочиненій, неизвѣстныхъ ему, и перейдемъ къ другимъ вопросамъ, вызываемымъ чтеніемъ «Історії древней Руси». Напримѣръ, весьма трудно понять встрѣчающіяся въ разбираемой книгѣ разсужденія объ истинной наукѣ, о «безпримѣрно рѣдкостномъ ходѣ развитія» русской исторической науки и т. п., а также разглагольствованія о самыхъ элементарныхъ методахъ исторического изслѣдованія, при чмъ все это служить или прелюдіей, или заключеніемъ къ многочисленнымъ экскурсамъ автора въ область исторіи вопросовъ, трактуемыхъ имъ. Нечего и говорить, что постояннія разсужденія автора въ указанномъ выше духѣ не только неумѣстны въ ученомъ трудѣ, но и прямо не приличны. Можно подумать, что до выступленія на научное поприще г. Филевича, въ Россіи не существовало истинной науки, а русскіе ученые были всѣ бездарны и круглые невѣжды, незнакомые даже съ элементарными методами изслѣдованія, и только съ появленіемъ г. Филевича, да немногихъ ученыхъ, удостоившихся его одобренія, явилась на Руси истинная наука. Какъ мы уже сказали выше, всѣ эти разсужденія автора сопровождаются обзоромъ мнѣній ученыхъ о «вопросахъ громадной важности», трактуемыхъ г. Филевичемъ, или заключаются его. Мы ничего не можемъ возразить противъ изложенія мнѣній ученыхъ по изслѣдуемому вопросу, такъ какъ это даетъ возможность читателю провѣрить взгляды автора и составить самостоятельное заключеніе о данномъ вопросѣ, но изложить всѣ эти мнѣнія ученыхъ можно въ вѣсколькихъ словахъ, и дѣлается это обыкновенно въ примѣчаніяхъ, такъ какъ изложеніе мнѣній въ текстѣ нарушаетъ последовательность рассказа, чѣмъ сильно затрудняется чтеніе книги. Но авторъ дѣлаетъ это не съ такими цѣлями, какъ мы указали выше,—онъ производить ихъ «для примѣра», для доказательства своей излюбленной мысли о «безпримѣрно рѣдкостномъ ходѣ развитія» русской науки. Неумѣстность такого образа дѣйствій автора, кромѣ высказанныхъ выше соображеній, очевидна уже по одному тому, что все это не имѣть никакого отношенія къ прямой задачѣ его книжки (см. Предисловіе), такъ какъ она должна представлять историческое изслѣдованіе, а не критико-библіографический обзоръ мнѣній ученыхъ по разнымъ вопросамъ, затронутымъ авторомъ по пути и не по пути. Дѣйствительно, не только примѣчанія книги г. Филевича, но и текстъ наполнены массой излишняго материала, такихъ вещей, которая не относятся къ исторіи древней Руси и никакъ не могутъ быть поставлены въ связь съ изложениемъ автора.

Напримѣръ, въ изслѣдованіи г. Филевича можно найти подробное описание современного состоянія православныхъ жителей Угорской Руси (с. 189—213), замѣчаніе о латыни Вольфа (с. 7, пр.), сообщеніе о времени 100-лѣтняго юбилея со дна рожденія Надеждина (с. 57, пр.) и пр. и пр.; къ этому нужно присоединить постоянныя выходки автора противъ Мадьяръ, Нѣмцевъ, Румынъ, Поляковъ и др., вслѣдствіе чего въ книгу вносится много такого, что трудно отнести къ исторіи древней Руси, напр.—замѣчаніе объ офиціальномъ приглашеніи со стороны венгерского правительства перемѣнить немадьярскія фамиліи на мадьярскія (с. 197, пр.), анекдотъ о мальчикѣ-Словакѣ, отказавшемся отъ своей народности (с. 199—200, ср. также 200—213 и пр.), торжественное пророчество автора объ Угорской Руси (с. 84, пр.) и т. п. Послѣднее обстоятельство особенно настъ поразило, такъ какъ авторъ, повидимому, самъ неодобрительно относится къ *политиканству* въ трудахъ другихъ ученыхъ (с. 199), и въ тоже время вносить въ свое изслѣдованіе не только политикачество, но прямо духъ національной нетерпимости¹⁾. Вообще, авторъ вноситъ, по нашему крайнему разумѣнію, слишкомъ много субъективнаго элемента, слишкомъ много чувства въ свое изложеніе; достаточно просмотрѣть полемическія замѣчанія его, разсыпаныя въ большомъ числѣ по всей книгѣ, особенно же полемику, съ норманизмомъ и съ Куникомъ, какъ наиболѣе виднымъ представителемъ его, больше всего. Напрасно мы стали бы искать въ возраженіяхъ автора сходства съ тѣми возраженіями, какія обыкновенно дѣлаются въ ученыхъ трудахъ: въ полемическихъ замѣчаніяхъ автора много чувства, много громкихъ словъ и фразъ, большое количество вопросительныхъ и восклицательныхъ знаковъ, встрѣчаются даже напоминанія о здравомъ смыслѣ, но научной обоснованности, фактическихъ данныхъ нельзѧ найти. Возьмемъ, напримѣръ, упомянутую выше полемику автора съ норманизмомъ: въ ней много громкихъ словъ и фразъ, патетическихъ восклицаній и другихъ слабыхъ въ научномъ отношеніи элементовъ, и въ тоже время нѣтъ не только никакихъ новыхъ данныхъ, которыхъ могли бы послужить для вицѣшаго опроверженія этой теоріи, но авторъ не исчерпалъ даже раныше сдѣланнаго возраженія. Все это придаетъ изложенію автора какой-то фельетонный характеръ, и мы не нашли никакой разницы между «Исторіей древней Руси» и напечатанной имъ недав-

¹⁾ Въ этомъ отношеніи особенно характерны с. с. 189—275.

но газетной статьей «*У селіжей моціль*» (Новое Время, № 7313), посвященной, кстати сказать, также Угорской Руси. Однако и это еще далеко не исчерпывает тѣхъ излишнихъ элементовъ, которые авторъ внесъ въ такомъ количествѣ въ свою книгу. Много можно было бы еще указать странностей въ «Исторії древней Руси», но характеръ журнальной рецензіи не позволяетъ намъ сильно распространяться въ этомъ направлениі, а потому мы ограничимся указаниемъ только двухъ наиболѣе бывшихъ въ глаза образцовъ. Прежде всего странна и непонятна любовь г. Филевича къ цитатамъ изъ различныхъ книгъ и статей: вся первая часть его книги наполнена ими, во второй части онъ сначала воздерживается отъ цитать, таѣкъ какъ занять составленiemъ списковъ географическихъ именъ и разсужденіями относительно нихъ, но затѣмъ выписки появляются снова, и таѣкъ дѣло идетъ до конца. Нельзя было бы ничего возразить, если бы авторъ цитировалъ *in extenso* источники, но къ сожалѣнію, онъ рѣдко ссылается на источники, и того рѣже цитируетъ ихъ, да и цитаты изъ книгъ и статей, не относящихся къ разряду источниковъ, не заключаютъ въ себѣ ничего предосудительного,— приводятся же онъ и въ другихъ научныхъ трудахъ, — странно количество ихъ. Кромѣ того, авторъ вводить въ изложеніе безъ всякой надобности цѣлый рядъ словъ и выражений, которыхъ мало употребляются въ литературномъ языке, напримѣръ, *свѣдомый*, *прозевучивало*, *цѣлокупный*, *наклоненіе современной русской исторической науки*, *инධъ*, *доселѣній*, *смѣшаніе*, значительно *усто* *населенный*, *внятеніе* (вместо понятенія), *вскрай*, *рушить*, *нестьснительно провозгласилъ*, *вселеніе*, *чужеродныя вліянія*, *необработанность вопросовъ*, *плаговка*, *тягуче-устойчивый ходъ исторической жизни*, *можеумочность* и т. д. и т. д. Затѣмъ некоторые фразы автора не совсѣмъ удобопонятны, напримѣръ, «оба берега Дуная связываются рѣчными долинами», «вся сила водъ Вислы лежитъ на правомъ берегу ея средняго теченія», «первую цѣль, огибающую горы на сѣверѣ, составляютъ Малые Карпаты, Бѣлявы и Западный Бескидъ. Эта цѣль отличается особенно тѣсной связью и собственно говоря, тянется до границъ Трансильвані...» и т. д. Приведенныхъ фактовъ, какъ намъ кажется, вполнѣ достаточно, чтобы составить себѣ представленіе объ общемъ характерѣ книги г. Филевича, приведемъ еще нѣсколько фактовъ, характеризующихъ ее въ научномъ отношеніи.

Неумінніє автора сосредоточитися на непосредственно наміченій имъ себѣ задачѣ, любовь отвлекаться посторонними вопросами привели къ тому, что не только ни одинъ изъ этихъ вопросовъ не получилъ надлежащаго разрѣшенія, но и выполнение наміченной имъ цѣли не таково, каково оно могло и должно быть. Возьмемъ хотя бы «Надеждинскій методъ», столь восхвалляемый авторомъ,— такъ это ни странно, тѣмъ не менѣе онъ плохо понялъ его. Прежде всего номенклатурные данные сами по себѣ недостаточны для построенія научныхъ выводовъ: они должны быть подкрѣплены другими, болѣе авторитетными данными, это говорилъ и Надеждинъ, какъ знаетъ отлично и г. Филевичъ¹⁾). Къ сожалѣнію, теорія и практика у него плохо согласованы между собою: нельзя же считать, что всѣ его разсужденія о вопросахъ, не имѣющихъ ничего общаго съ наміченной имъ задачей, которыми занята добрая половина второго отдѣла его книги, подкрѣпляютъ его выводы, построенные на данныхъ географической номенклатурѣ. Ошибочность метода г. Филевича сказывается особенно ярко, такъ какъ онъ довольно странно и односторонне объясняетъ географическія названія: онъ истолковываетъ всѣ названія только съ помощью русскаго языка, при такихъ обстоятельствахъ, конечно, всѣ эти названія оказываются русскими. Насколько такой приемъ рационаленъ, понятно и людямъ, малознакомымъ съ филологіей. Действительно, сходство географической номенклатуры изслѣдуемой территорії съ воменклатурой несомнѣнно русскихъ мѣстностей ни въ какомъ случаѣ не доказывается, что данная территорія принадлежить или принадлежала Русскимъ: сходство это могло произойти и отъ того, что русскій языкъ, какъ принадлежащий къ семье славянскихъ языковъ, имѣеть много общихъ и другимъ славянскимъ языкамъ корней, поэтому необходимо тщательное филологическое изслѣдованіе этихъ названій, такъ какъ сходство можетъ оказаться чисто вицѣвнѣмъ, только въ корняхъ названій, напр.: Бѣръ и другія несомнѣнно русскія названія отъ того же корня и Бобровъ, Бобровка, Бобровчизна (с. 99), Болотица (и т. д.) и Блотница (с. 100) и т. д. Кромѣ того, г. Филевичъ сравниваетъ такія названія, сходство которыхъ или весьма сомнительно, или совершенно случайно, напр.: Самецъ (притокъ Сбруча) и угорскій «Самошъ» (с. 90), Полтва и Польва (*ibid*), болонье и *Ploni* (с. 97), Коростынка и Костржинъ (с. 104), Крапивка (Кра-

¹⁾ См. I часть его книги, ср. также II-ю.

пивна) и *Копржевінка* (*ibid*), *Морочь*, *Меречанка* и *Мочалець* (с. 106), *Пещанка* и *Пищанка* (с. 107), *Слупник* и *Столпець* (с. 109) и т. д. Впрочемъ, данные современной географической номенклатуры г. Филевичъ пытается подкрепить номенклатурными данными древнихъ документовъ; но тутъ дѣло обстоитъ еще хуже: документы эти написаны, большей частью, на латинскомъ языѣ,—при такихъ обстоятельствахъ, понятно, трудно восстановить истинную форму названий, вслѣдствіе чего авторъ вынужденъ сопоставлять ихъ съ современными названіями, а иногда восстанавливать ихъ въ виду ихъ полной непонятности. Само собой разумѣется, что эти «документальные данные» сами нуждаются въ подкрепленіи,—даже вся концептуры и объясненія г. Филевича мало возвышаютъ ихъ достовѣрность. Впрочемъ, объясненія какъ «документальныхъ данныхъ», такъ и данныхъ современной географической номенклатуры бываютъ у г. Филевича довольно сомнительны, да и мотивы измѣненія названий поражаютъ иногда своею странностью; напр.: *Pelono*, *Часы*, *Плесица*, и *Пульы* (с. 118); *Narasd* превращается сначала въ *Harasd*, а потомъ авторъ заявляетъ, и «что въ формахъ Worosth и Harasd мы имѣемъ искаженіе слова: хворость, какъ называются народомъ и понынѣ два поселенія мукачевской епархіи» (с. 171—172); *Lyuk* (или *Lyuch*) авторъ объясняетъ, какъ «Лукъ или Лукъ», потому что эти названія повсемѣстны (с. 173); озеро *Siemińskie* авторъ превращаетъ въ *Соминское*, такъ какъ название «Сомино» носить нѣсколько озеръ немного восточнѣе (с. 177, пр. 2), и т. д.¹). Насколько серьезны эти «номенклатурные указанія», насколько могутъ быть достовѣрны основанные на нихъ выводы автора, какъ мало соотвѣтствуютъ «Надеждинскому методу» его приемы и методы, совершенно излишне говорить. Еще хуже обстоитъ дѣло, когда авторъ вступаетъ въ область историческихъ фактовъ,—тогда фантазія его не знаетъ уже никакихъ границъ. Напримеръ, на страницѣ 137 мы читаемъ слѣдующее: «Тѣсная связь между представителями Литвы и Руси на пограничьяхъ встрѣчается въ источникахъ уже въ половинѣ XII вѣка (Ил. л. 340), начиная съ исторіи отношений Мстислава

¹) Для подкрепленія указанныхъ выше номенклатурныхъ данныхъ авторъ пользуется еще названіями уроціщъ, связанныхъ съ корпемъ Руси,—с. 170 сл.; но слабость этого приема много разъ доказывалась при разборѣ различныхъ теорій о « происхождении Руси », авторы которыхъ прибѣгали къ такому же способу доказательства, поэтому мы считаемъ лишнимъ доказывать снова слабость приема г. Филевича.

Мономашича къ Полоцку несомнѣнно доказываетъ солидарность не только русскихъ и литовскихъ князей, но и русского и литовского населенія: за войной съ «Кривичами» слѣдуетъ война съ «Литвой». Съ этого времени Полоцкъ все сильнѣе втягивается въ литовскія отношенія, почти совершенно устранившись отъ того, что происходило на русскомъ югѣ и съверо-востокѣ. Но есть факты, позволяющіе думать, что полоцкіе Кривичи не бездѣйствовали и притомъ— какъ оказалось— «русскія земли дѣля». Не отвергая существованія тѣсной связи между представителями Литвы и Руси, мы должны сказать, что «связь» эта была далека отъ «солидарности не только русскихъ и литовскихъ князей, но и русского и литовского населенія». Во-первыхъ, за все указанное время нѣть совершенно извѣстій, указывающихъ на общность интересовъ населенія Полоцкой земли и Литвы, поэтому странно говорить о какой-то «солидарности» между ними. Во-вторыхъ, данные лѣтописей не позволяютъ намъ говорить и объ отношеніяхъ русскихъ и литовскихъ князей въ это время, такъ какъ въ относящихся сюда мѣстахъ лѣтописей нѣть даже упоминанія о литовскихъ князьяхъ, поэтому нельзѧ съ точностью констатировать, имѣли-ли тѣ части Литвы, о связи которыхъ съ полоцкими князьями можно говорить, своихъ национальныхъ князей, или онѣ находились въ непосредственной зависимости отъ полоцкихъ князей¹⁾). Но еще болѣе странно ставить въ зависимость отъ отношеній къ Литвѣ столкновенія полоцкихъ князей съ Мстиславомъ Мономашичемъ, такъ какъ въ тѣхъ мѣстахъ лѣтописей, гдѣ говорится объ этихъ столкновеніяхъ, нѣтъ ни слова ни о Литвѣ, ни о литовскихъ князьяхъ, а походъ на Литву, на который авторъ ссылается въ подтвержденіе, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть поставленъ въ связь съ полоцкими дѣлами²⁾. Вмѣстѣ съ тѣмъ трудно понять, откуда почерпнулъ авторъ свѣдѣнія о полной почти изолированности полоцкихъ князей въ періодѣ, послѣдовавшій за борьбой ихъ съ Мстиславомъ Мономашичемъ: наоборотъ, можно съ полнымъ основаніемъ утверждать, что полоцкіе князья въ это время принимали больше участія въ событияхъ остальной Руси, чѣмъ раньше³⁾). Наконецъ, намъ было бы интересно знать, о какихъ это фактахъ, доказывающихъ дѣятельность полоцкихъ Кривичей «ру-

¹⁾ Сл. нашу работу „Очеркъ истории Полоцкой земли“, с. 128—130.

²⁾ Ibid. с. 76—80.

³⁾ Ibid. с. 83—108.

скія земли дѣля», говоритъ г. Филевичъ, такъ какъ ни въ русскихъ, ни въ иностранныхъ источникахъ мы не встрѣтили ничего подобнаго. Далѣе авторъ приводить довольно непонятный фактъ: «Ердень и Товтвишъ утверждаются, при содѣйствіи Мендовга, въ земляхъ полоцкой и витебской» (с. 139). Автору слѣдовало бы просмотрѣть хотя Ипатскую лѣтоись, и онъ увидѣлъ бы, что на означенной территории утвердились, при содѣйствіи Мендовга, Виконтъ, Товтвишъ и Эрдивидъ, а Гердень (или Ердень) въ это время и не думалъ княжить въ Полоцкой землѣ и покняжился тамъ уже послѣ смерти Мендовга¹⁾. Интересно было бы узнать, о какомъ родѣ Мендовга, сохранившемъ верховенство въ Литвѣ, говорить г. Филевичъ (с. 140), такъ какъ изъ дѣтей Мендовга только одинъ Войшелъ княжилъ нѣкоторое время въ Литвѣ, а о другихъ потомкахъ Мендовга, которые княжили бы тамъ, изданные до сихъ поръ источники и сочиненія не говорятъ²⁾. А вотъ и блестящій образчикъ логики г. Филевича: «Гдѣ поле, тамъ и земля польская, поляне, и потому полянъ встрѣчаемъ и на кievскомъ полѣ, и на ляшскихъ поляхъ... Обычное ограниченіе кievского поля пространствомъ между Днѣпромъ, Росью и Ирпенемъ можетъ имѣть, поэтому, лишь значеніе предѣловъ кievской волости. Придавать этому термину другое значеніе, искать границъ территории русскихъ полянъ въ Кіевщинѣ—значитъ искать то, чего нельзя найти, такъ какъ терминъ—“поляне”—имѣеть чисто топическое, а никакъ не этнографическое значеніе» (с. 143—144). Слѣдя благому примѣру автора, считающему противоположныя мнѣнія недостойными опроверженія (с. 143, пр.), мы постѣлимъ такъ же и съ его мнѣніемъ, такъ какъ научная слабость сказанного имъ очевидна и безъ того. Прибавимъ только, что при помощи такой блестящей логики, авторъ можетъ доказывать присутствіе Руси, гдѣ угодно, образчики чего можно найти въ изобиліи въ его книгѣ.

Переходя къ третьему отдѣлу книги г. Филевича, мы должны признаться, что не замѣтили въ немъ никакого улучшенія въ приемахъ и методахъ изслѣдованія. Напримѣръ, авторъ не признаетъ показаній византійскихъ писателей точными (с. 285—287), и въ то же время провозглашаетъ авторитетными арабскихъ писателей (с. 283—289 и 337). Не говоря уже о происхожденіи, составѣ, характерѣ и пр. извѣстій арабовъ, мы укажемъ на разночтенія

¹⁾ Ипат., с. 541, наша работа, с. 134—147.

²⁾ Ср. Антоновича. Монографіи, т. I с. 30—35.

названий, приведенные, напримеръ, въ сочинении г. Гаркави¹⁾, и этого будетъ вполнѣ достаточно для того, чтобы признать сомнительнымъ авторитетъ арабскихъ писателей и согласиться съ скептическимъ взглядомъ на нихъ Костомарова, хотя взглядъ этотъ и былъ высказанъ 36 лѣтъ тому назадъ²⁾. Но допустивъ даже, что тѣ или другія названія прочитаны вполнѣ правильно, мы находимъ сходство ихъ съ русскими и другими названіями слишкомъ слабымъ; напримеръ, *хашакинъ* и *Кашубы* (с. 288, пр. 3), *бамджинъ* и *Бужане* (с. 337, пр. 3). Сказанного, по нашему мнѣнію, вполнѣ достаточно для того, чтобы понять, насколько опасно строить выводы на основаніи извѣстій арабовъ; между тѣмъ, авторъ пользуется ими въ самыхъ широкихъ размѣрахъ (с. 307 и т. д.). Но и дальнѣйшее изложеніе у него слабо въ научномъ отношеніи: напримеръ, говоря о движеніи Аваръ, онъ отождествляетъ *Савироффъ съ Сльвернами*, и хотя это только гипотеза, тѣмъ не менѣе авторъ кладетъ ее въ основаніе своихъ выводовъ, какъ будто онъ имѣеть дѣло съ самими точными данными (с. 328 слл.). Не входя въ подробный разборъ мнѣній автора о времени составленія и составѣ «Повѣсти времененныхъ лѣтъ», мы скажемъ, что толкованія тѣхъ или другихъ мѣстъ лѣтописи въ разбираемомъ отдѣлѣ поражаютъ, по обыкновенію, своимъ несоответствіемъ прямому смыслу лѣтописнаго текста. Впрочемъ, такой образъ дѣйствій автора будетъ вполнѣ понятенъ, если принять во вниманіе, что всѣ разсужденія автора клонились къ слѣдующему выводу: «сказание о переходѣ русскаго имени съ Дуная и Карпатъ въ Киевъ и составляло задачу начальной повѣсти о русской землѣ» (с. 572). Слѣдяя методу автора, можно доказать любое положеніе, и поэтому нельзя удивляться тому, что «списки лавр. и ипат.—древнѣйшия по времени, представляютъ текстъ несоответствующій заливу, а, следовательно, позднѣйший, надо думать, искаженній редакторами» (369), за то въ никоновскомъ уцѣлѣла «редакція древнѣйшаю «вода» (напр. с. 268), и всѣ эти «безпримѣрно рѣдкостныя» гипотезы высказаны только для того, чтобы доказать указанное уже нами мнѣніе о «задачѣ» начальной повѣсти. Если принять во вниманіе, что авторъ слишкомъ произвольно толкуетъ текстъ своихъ источниковъ, что онъ видѣтъ повсюду «карпато-дунайскую Словенъ Руслъ», что онъ воспользовался далеко не всѣми извѣстными

¹⁾ Сказания мусульманскихъ писателей, passim.

²⁾ Начало Руси, с. 30—32.

списками «начальной повѣсти» и совершенно игнорировалъ многіе другіе источники, какими располагаетъ современная наука, то легко понять, насколько шатки какъ указанные выше выводы автора, такъ и другія предложенные имъ въ этомъ дѣлѣ гипотезы. Вообще, любовь автора къ «карпато-дунайской Словенъ-Руси» заставляетъ его дѣлать весьма странныя вещи: отвергая съ невѣроятнымъ ожесточенiemъ норманнизмъ и готизмъ, не признавая также возможности самостоятельного образования государства въ Руси (с. 377), онъ впадаетъ въ ту же ошибку, какъ и сторонники норманнизма и другихъ теорій о призваніи и обѣ иноземпомъ происхожденіи Варяговъ-Руси, и предлагаетъ новую теорію, конечно, обѣ угорскомъ происхожденіи Варяговъ-Руси (с. 368—369), при чемъ это относить онъ только къ Южной Руси (с. 368—377), а Сѣверную Русь онъ признаетъ «новою Русью» и къ ней примѣняетъ «поморскую теорію» (1. с.). Дальше этого трудно идти! Остается только пожалѣть, что г. Филевичъ не закончилъ свои фокусы съ исторіей древней Руси въ этой книгѣ и намѣревается терзать несчастную древнюю Русь еще въ нѣсколькихъ томахъ (с. IX).

Іюль 1896 года.

В. Е. Данилевичъ.

І. Филевичъ. Исторія древней Руси. Томъ 1. Территорія и населеніе. Варшава. 1896. (Стр. X+383).

Сочиненіе это напечатано по опредѣленію совѣта варшавскаго университета, какъ о томъ свидѣтельствуетъ подпись ректора П. Ковалевскаго. Начаталось оно въ типографії Франца Чернака на ул. Krakowsкое Предмѣстье, д. № 6.

Считаемъ необходимымъ занести эти свѣдѣнія на страницы «Кievской Старины» для облеченія поисковъ будущимъ изслѣдователямъ нашей новинки на случай утраты книги.

Безпристрастная критика должна признать то неоспоримое положеніе, что въ русской исторической литературѣ давно уже не появлялось сочиненій, написанныхъ столь живо и увлекательно, и при томъ съ такою невольно подкупающею наивностью и простосердечiemъ, какъ книга г. Филевича. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь нельзѧ же отрицать,

что читателю доставляет извѣстное своеобразное удовольствіе узнать отъ автора какого-нибудь суроваго ученаго труда не только то, что соприкасается съ его прямой задачей, но и познакомиться съ самимъ авторомъ, его настроениемъ, его размышеніями на различныя темы современности, проникнуть въ его скровенные думы *omnibus de rebus et quibusdam aliis.* По нашему мнѣнію, офиціальные представители науки слишкомъ сурово и жестоко обращаются съ читателями, стремясь по мѣрѣ силъ направить ихъ вниманіе прямо къ дѣлу. Эта дурная привычка представляетъ печальное наслѣдіе школьнай рутинѣ. Кто изъ насъ не помнитъ строгихъ окликовъ всѣхъ этихъ педантовъ-учителей: не отвлекайтесь въ сторону! къ дѣлу! Но правдѣ сказать, все это очень скучно и неинтересно. Гораздо пріятнѣе, если можно бесѣдовать по душѣ.

Именно такой опытъ побесѣдовать съ читателемъ по душѣ и представляетъ собою книга г. Филевича, и въ этомъ мы усматриваемъ я первое и существеннѣйшее, но конечно не единственное, достоинство. Если мы особенно настаиваемъ на немъ, то лишь потому, что въ такой сильной степени не встрѣчали проявленія этой симпатичной черты исторического творчества со временемъ незабвенної памяти Шогодина.

Все сочиненіе г. Филевича подернуто легкой дымкой грусти, которая выливается въ выраженіяхъ истинно трогательныхъ. Не грустно-ли, въ самомъ дѣлѣ, что исторія русскаго народа до сихъ поръ не обнимаетъ содержанія жизни всего русскаго народа, а только часть послѣдняго, вошедшую въ составъ русскаго государства? Не печально-ли, что историки русскаго народа изъ-за какихъ-то политическихъ границъ забываютъ о Руси карпатской? Необходимо исправить этотъ недочетъ,—въ этомъ и залача новаго труда г. Филевича подъ заглавiemъ: Исторія древней Руси. Авторъ оставляетъ въ сторонѣ позднѣйшия политическія подраздѣленія, для него терминъ «древняя Русь» имѣеть лишь этнографическое значеніе, ему важно опредѣлить «объемъ и взаимное отношеніе» составившихъ ее элементовъ. Это «частный сводъ по исторіи русскаго цѣлаго», только и возможный по состоянію науки. Настоящій томъ—вводный. Когда выйдутъ другіе томы, то, безъ сомнѣнія, придется вносить поправки въ содержаніе настоящаго тома (стр. IX). Такъ предупреждаетъ авторъ неопытнаго читателя, повидимому, опасаясь чтобы читатель по наивности и въ самомъ дѣлѣ не повѣрилъ всему

тому, что дальше говорится въ этомъ вводномъ томѣ. Тѣмъ не менѣе, читатель тутъ же узнаетъ, что авторъ взялся за дѣло серьезно, пользовался совѣтами и указаніями акад. Ягича, проф. Пича и Кочубинскаго, производилъ попски въ архивахъ Пешта и Вѣны и т. д., ознакомился самолично съ словаками и угро-руссами. Значить, хотя въ будущихъ томахъ, быть можетъ, и придется «возвратиться на первое», но и настоящій томъ не незаслуживаетъ вниманія.

Глава первая названа: «задача и методъ изслѣдованія». Это очень любопытная и поучительная глава. Оказывается, что автора интересуетъ не только угорская Русь и ея предполагаемая древность, какъ материалъ для русской *Vorgeschichte*, но и румунское покарпатье. Къ обоимъ относятся и темные намеки лѣтописи, и завѣтныя преданія и пѣсни народа (Дунай). «Какую роль въ обще-славянскомъ играетъ частное-русское? Какую роль въ русскомъ родѣ играютъ отдельные его вѣды?—Вотъ вопросъ! Какой отвѣтъ даетъ на него наша историческая наука? Никакого». Археологія и этнографія молчатъ, филологія младенчествуетъ, а «изслѣдователь древне русской жизни на Карпатахъ чувствуетъ шаткость научной постановки вопросовъ даже о взаимоотношеніяхъ отдельныхъ частей русского вида, чувствуетъ изолированность своего положенія въ общемъ ходѣ развитія науки» (стр. 21). Поиски за таинственною русью привели науку въ безвыходное положеніе, но все таки «главное наклоненіе современной русской исторической науки въ вопросахъ нашей древности обращено на югъ. Карпато-дунайской Руси въ этомъ случаѣ не миновать. До сихъ поръ, однако, нѣтъ труда, который бы на ней сосредоточился» (стр. 23). Положимъ, и есть кой что, но все это частности, исчерпывающаго ничего нѣть, а прочее—никуда пегодится. Восполнить этотъ пробѣлъ—такова задача, о которой, по правилу *non bis in idem*, вновь сообщаетъ намъ предупредительный авторъ.

Положеніе изслѣдователя при разрѣшеніи этой задачи ионстинѣ трагическое: материала почти нѣть, а что и «найдется индѣ, такъ разбросано, что собрать существующій материалъ весьма нелегко. Кроме того, и въ томъ, что имѣется въ трудахъ нашихъ со-сѣдей—польковъ, мадьяръ, румунъ, цѣли и задачи изслѣдователей вовсе не заключаются въ постановкѣ и обслѣдованіи вопросовъ, связанныхъ съ русскимъ племенемъ. Это отвлекаетъ вниманіе изслѣдователя по сторонамъ (куда?—авторъ не поясняетъ), заставляетъ его много разъ терять нить и почти безнадежно опускать руки... Од-

нимъ словомъ, научные вопросы, связанные съ Карпатами, такъ широки, запутаны, такъ скуденъ относящійся къ нимъ материалъ, такъ онъ, при всей своей скучности, неясенъ и критически неразработанъ, что развѣ только будущему удастся разсѣять туманъ, окутывающій древность Карпатъ непроглядною тьмою... На этой нивѣ еще долго одно поколѣніе русскихъ ученыхъ будетъ соревноваться съ другимъ. Будущее—дай Богъ не особенно отдаленное!—прольется, безъ со- мнѣнія, полный свѣтъ на затронутые въ настоящемъ изслѣдованіи вопросы, во собираніе материала безконечно, а для научнаго дви-женія необходимы попытки сводить существующія *данныя*» (стр. 24).

До сихъ поръ о задачѣ. Правда, все это нѣсколько темно и даже запутано и похоже на оправданія невыучившаго уроковъ ученика, но, въ самомъ дѣлѣ, каково положеніе ученаго въ этомъ туманѣ непрѣистори-сти и въ тоже время какая трогательная, можно сказать самоубий-ственная преданность этому туману вѣковъ, безъ просвѣта и надежды. Очевидно, у нашего изслѣдователя есть пуги и способы какъ ни-будь продержаться въ такой тяжелой обстановкѣ, хотя-бы и опуская много разъ почти безнадежно руки и теряя нить. Этотъ способъ и заключается въ его методѣ, основы коего развиваются на стр. 25—68. Это методъ покойнаго Надеждина, а именно—изслѣдованіе язы-ка земли или, по просту говори, географическихъ названій, и языка народа или племени вообще, изученіе этнографіи, антропологіи и архео-логіи и критическое обслѣдованіе древнихъ письменныхъ памятни-ковъ. Конечно, все это не ново и наука собственно и идетъ по это-му пути независимо отъ Надеждина, но ошибка огромнаго большин-ства ученыхъ заключается въ томъ, что они ведутъ изслѣдованіе отъ мрака древностей къ намъ, а не отъ нась къ мраку временъ. Это способъ архаической, свойственный неразвитому критическому чутью старинной письменности. Народъ довольствуется преданіемъ и на немъ возводить свои историческія представленія, но наука этимъ не довольствуется, она требуетъ доказательствъ старобытности. Эти до-казательства и могутъ быть найдены лишь путемъ обратнаго или регрессивнаго метода. Между тѣмъ, основы этого надеждинскаго ме-тода не усвоены русскою наукою. На западѣ Шембера работалъ, прав-да, въ этомъ направленіи, но нѣмцы его осмѣяли, хотя Шембера по-вторилъ положенія Надеждина почти слово въ слово. «Какъ отне-слась къ нимъ наука, мы видѣли. Какъ раздавнается она и по на-стоящее время, тому можно-бы привести не мало примѣровъ. Въ ка-кой мѣрѣ это соответствуетъ достоинству науки, нечего говорить...

Но слѣдуетъ твердо помнить: въ настоящее время раздвоеніе замѣчается только въ области изученія славянскихъ древностей, а во всѣхъ другихъ областяхъ обратный методъ имѣеть и въ настоящее время единственное право гражданства» (53).

Идеи Надеждина (въ изложеніи нашего автора) не нашли прямого отголоска въ наукѣ русской исторіи, отчего и произошли гибельные послѣдствія, «безпримѣрно рѣдкостный ходъ развитія ея.» Славянская наука совершила порочный кругъ, вертѣлась какъ бѣлка въ колесѣ, а ларчикъ просто открывался. «Какъ ни грустно это обстоятельство само по себѣ, оно безспорно устраиваетъ малѣйшую тѣнь сомнѣнія въ вѣрности основъ надеждинскаго метода, который, послѣ всесторонней пропѣрки, является прочнымъ научнымъ приобрѣтеніемъ, незыблѣмой основой, на которой славянская наука смѣло можетъ строить свое величественное зданіе, а имена Суровецкаго, Шафарика, Надеждина и Шембера записаны будутъ на фронтонѣ этого зданія, какъ имена первыхъ его строителей» (50).

Мы ни мало не сомнѣваемся, что на этомъ фронтонѣ будутъ записаны и иѣкоторыя другія имена, столь же значительныя, какъ Шембера, и увѣковѣчена память работниковъ, столь же потрудившихся для славянской древности, какъ Надеждинъ. Въ частности же г. Филевичу принадлежитъ заслуга, такъ сказать, открытия Надеждина: «Только черезъ 57 лѣтъ мы почувствовали необходимость обратиться къ самому «Опыту» (Надеждина), разыскать старый томъ «Библиотеки для чтенія» и положить мысль Надеждина въ основу изученія предмета. Примѣч. 4: Моя «Угорская Русь» Варш. унив. изв., 1894. V». (44)¹⁾.

Вотъ то существенное, что сообщаетъ читателю авторъ о методѣ, котораго онъ намѣренъ придерживаться. Методъ очень хороший, не стоить возражать противъ него, если только авторъ дѣйствительно будетъ его держаться. Ибо надо твердо помнить слѣдующее требование Надеждина, известное г. Филевичу (38): для пользованія языкомъ земли «необходима предварительная работа надъ географической номенклатурой, восходящая отъ нынѣшнихъ названій къ древнимъ, старобытымъ, первоначальнымъ, черезъ весь рядъ измѣнений, которыхъ они вытерпѣли».

¹⁾) Авторъ ссылается еще и на изслѣдованіе П. В. Голубовскаго о Смоленской землѣ, но эта ссылка просто неосторожна, привлѣвъ во вниманіе различіе задачъ обоихъ трудовъ въ данномъ вопросѣ.

«Судьба пдей Надеждина поселяетъ угбшительную увбренность въ томъ, что истина не пропадаетъ; но процессъ ея торжества способенъ возвуждать грустныя мысли,» элегически замѣчаетъ нашъ авторъ на стр. 57 своего пространнаго экскурса въ область методологии. Но жаль, что на стр. 59 это торжество уже стушевывается: оказывается, что «обратный методъ, конечно, не замѣнить прогрессивнаго, ибо послѣдній представляется наиболѣе естественнымъ въ изложеніи судебъ народа, излагая ихъ въ послѣдовательной постепенностіи отъ начала до конца. Но такъ какъ прогрессивный методъ не имѣеть никакой возможности установить въ точности начальный моментъ—нельзя-же, въ самомъ дѣлѣ, связывать начало народной жизни съ текстуальнымъ упоминаніемъ народнаго имени—то, въ этомъ отношеніи, онъ долженъ уступить мѣсто обратному и терпѣливо ожидать своей очереди, т. е. того времени, когда славянская древность, путемъ обратнаго изученія, будетъ установлена. Наступитъ это, во всякомъ случаѣ, не скоро, ибо обратный методъ можетъ допускать лишь частное обслѣдованіе древности отдѣльныхъ племенъ славянскихъ, и только послѣ этого можно будетъ дѣлать заключеніе о славянскомъ родѣ, который, слѣдуетъ надѣяться, предстанетъ тогда въполномъ и дѣйствительно вѣрномъ освѣщеніи» (60). Методы борьбы ведутъ, прогрессивный методъ, ошибочный, одолѣль, а вѣрный регресивный, за недостаткомъ материала, можетъ противопоставить врачу лишь чувство и здравый смыслъ. «Это, конечно, не мало, но лишь тогда, когда чувство выступаетъ не порывомъ, когда здравый смыслъ представляетъ методъ. То и другое начинается лишь съ Надеждина (открытаго нашимъ авторомъ). Но и Надеждинъ оказался безсиленъ...»

Только на почвѣ борьбы двухъ научныхъ методовъ изученія славянской древности можетъ получить надлежащее объясненіе и наша «славянская» школа (Пассекъ, Савельевъ-Ростиславчъ, Морошкинъ). Это объясненіе—прямая задача будущаго (?!), а по количеству накопившагося материала, Богъ дастъ, будущаго неособенно далекаго» (63).

Итакъ методы борются, но нашъ авторъ предпочитаетъ методъ обратный, т. е. нѣчто въ родѣ противоположнаго общаго мѣста. Но вотъ бѣда: на стр. 65 вновь узнаемъ, что Карпаты во многихъ мѣстахъ и ионынѣ *terra incognita*, особенно въ діалектологическомъ и даже археологическомъ отношеніи, а для нѣкоторыхъ мѣстъ и этнографическая данные весьма не богаты. Поэтому главными источниками остаются—письменные и языки земли. Правда, это материалъ скользкій—этотъ языки земли. Поэтому авторъ не считаетъ пока

возможнимъ вдаваться въ частности и въ спистематизації географическихъ именъ укажетъ лишь самыя общія группы. Съ этнографіей дѣло еще хуже, поэтому придется пополнять крайне скучныи указания аналогіями. Засимъ, на стр. 67 узнаемъ, что, «по справедливому замѣчанію Войцѣховскаго, обратный методъ есть собственно комбинація метода прогрессивнаго и обратнаго».

Итакъ, вотъ, съ божьей помощью, какой поворотъ: прогрессивный методъ занялъ чужое мѣсто; между тѣмъ, онъ долженъ ожидать своей очереди, пока не исполнитъ свою роль регрессивный; но сей послѣдній не можетъ ее исполнить безъ помощи врага. И получается сказка о бѣломъ бычкѣ. Несмотря на поквальныи усиля автора нѣчто уяснить, получается впечатлѣніе очень скверной шутки, за которую школьніку учитель сказалъ-бы: «мальчишь, ты начинашь завираться».

Но такъ какъ «Історія древней Руси» написана погвидимому человѣкомъ совершеннолѣтнимъ, то считаемъ необходимымъ отмѣтить еще одну особенность его методологіи и вмѣстѣ съ тѣмъ поставить категорический вопросъ акад. Кунику: г. Куникъ, куда вы дѣвали рукописи Гедеонова? Казусъ вотъ въ чёмъ: г. Филевичъ очень не любить норманистовъ и разумѣется прежде всего г. Куника за его ужасныи Родсовъ. Г. Филевичъ съ свирѣпостью героини крыловской басни преслѣдуєтъ почтенного академика многочисленными уколами, по счастью не ядовитыми, ибо они не отравлены ядомъ наукъ. А такъ какъ противъ норманистовъ выступалъ въ свое время Гедеоновъ, который написалъ при этомъ какую то неизданную статью о Карпатской Руси, и такъ какъ г. Филевичу весьма интересно было бы знать взглядъ Гедеонова на Карпатскую Русь, а между тѣмъ рукописи покойнаго находились въ разсмотрѣніи г. Куника, то г. Филевичъ «при посредствѣ лица, официально стоящаго довольно близко къ почтенному академику, наводилъ справку о судьбѣ бумагъ Гедеонова, но получилъ самый неопределенный отвѣтъ». Поэтому наука потеряла возможность узнать взглядъ Гедеонова на Карпатскую Русь (43) и вмѣстѣ съ тѣмъ потеряла ее и г. Филевичъ.

Полагаемъ, что г. Кунику не предстоитъ оправдываться предъ учеными міромъ, но отмѣчаемъ эту интересную попытку приложения регрессивной методы къ изслѣдованію карпато-русскихъ вопросовъ.

Оставляемъ въ сторонѣ множество другихъ не менѣе поучительныхъ эпизодовъ, разсѣянныхъ въ великомъ изобиліи на протяженіи первой главы, такъ какъ они тоже не относятся къ дѣлу, т. е.

къ вопросу о задачѣ и методѣ изслѣдованія. Конечно, можно быть въ претензіи на автора за то, что онъ оставляетъ читателя въ какомъ то тажкомъ недоумѣніи и смятеніи всѣхъ чувствъ, но въ этой путаницѣ идей и представлений есть что-то до такой степени своеобразное, такъ сказать разухабистое, что остается удовольствоваться изречениемъ: «но плодамъ ихъ узнаете ихъ» и обратиться къ главѣ второй: «территорія и населеніе» (69—275). Здѣсь именно и должны воочію обнаружиться всѣ достоинства регрессивнаго метода, преисполненнаго столь запутанно нашимъ авторомъ, очевидно не принадлежащимъ къ числу знатоковъ подобныхъ трудныхъ вопросовъ.

Прежде всего авторъ преподносить намъ весьма и весьма смутное описание карпатской территорії. Описаніе сдѣлано по труду Регмана, вышедшему въ прошломъ году (*Ziemie dawnej Polski etc.*, сж. I). Къ сожалѣнію, нашъ авторъ недостаточно обратилъ вниманія на методу труда Регмана, предупреждающаго противъ телеологическаго направленія въ географіи и въ частности противъ писателей, которые «соединяютъ невѣжество съ научнымъ шарлатанствомъ». Дѣло въ томъ, что Регманъ рассматриваетъ природу страны исключительно въ физическомъ отношеніи и не пускается ни въ какія догадки по части политической географіи. Г. Филевичъ не удовлетворенъ такимъ отношеніемъ къ дѣлу и берется договорить невысказанное Регманомъ. (75). Именно впадая въ ошибку, указанную Регманомъ, г. Филевичъ весьма докторально толкуетъ о связи Карпатъ съ сосѣдними плоскогоріями и долинами и о вліяніи, которое связи эти должны были имѣть на этнографической обмѣнѣ; но всѣ эти соображенія отлипаются та-кою примитивностью и наивностью, что разбирать ихъ подробнѣ не стоитъ. Не понявъ методы Регмана, нашъ авторъ побѣдоносно заявляетъ, напр., что на востокѣ карпатскій міръ естественно сливаются съ русскимъ міромъ, не представляя съ этой стороны никакой (!) природной грани и связываясь со всѣмъ русскимъ югомъ въ общемъ тяготѣніи къ древнему «Русскому» морю (74). Это значитъ притаги-вать географію за волосы къ доказательству какихъ угодно нелѣ-ностей, но такой пріемъ слишкомъ дешевъ, и Регманъ за него не по-хвалилъ-бы нашего автора. У Регмана рѣчь идетъ о связи горообра-зованій, а подъ первомъ г. Филевича эта связь превращается въ есте-ственное слияніе двухъ этнографическихъ областей. Это неосторож-но,—мы привыкли думать, что горные хребты все же служатъ нѣко-торымъ препятствіемъ для этнографическаго обмѣна, но теперь яс-но, до чего мы заблуждались. Въ общемъ, предложенное г. Фи-

левичемъ описание Карпатъ и смежныхъ съ ними областей, какъ всевая тороплива компиляція, не только ничего не уясняетъ, но способно лишь породить отвращеніе къ географическимъ экскурсамъ историковъ, и во всякомъ случаѣ не видно отношенія этого описанія къ исторіи древней Руси, ибо Русь этимъ не объяснить, а приводимыя авторомъ имена славянскаго корня ровно ничего не даютъ читателю и никакой для него новости не представляютъ, какъ и указанія съ чужаго голоса на взаимное вліяніе языковъ славянскихъ и венгерскаго съ румунскимъ. По нашему мнѣнію, всѣ эти экскурсы служать автору лишь рамкой для ознакомленія читателя съ его собственной личностью, и въ смыслѣ автобіографическомъ «территорія и населеніе» г. Филевича отличаются большими достоинствами. Онъ имѣлъ несчастіе побывать въ Угорской Руси. Не зная венгерскаго языка, въ чемъ нетрудно убѣдиться по характеру его источниковъ, авторъ не можетъ успокоиться отъ опасенія, что комунибудь останется неизвѣстнымъ его пребываніе въ Венгрии. И вотъ, «несколько знакомый съ положеніемъ дѣль Угорской Руси по личнымъ впечатлѣніямъ», онъ «беретъ смѣлость (далѣе курсивомъ) рѣшительно утверждать, что черезъ какихънибудь 50 лѣтъ нынѣшняя сплошная русская территорія Угріи будетъ имѣть такой же видъ, какой имѣеться теперь угорская равнина» (84), онъ дважды оповѣщаетъ, что видѣлъ въ архивѣ выписки-фоліанты историка Горвата (которыми, замѣтимъ, не могъ пользоваться по незнанію языка) и т. д. Все это прекрасно, но гдѣ же тутъ исторія или территорія Руси? Этую несчастную Русь г. Филевичъ все никакъ не можетъ скватить за рога и ему остается, беспомощно опустивъ руки, лишь бесѣдоватъ съ читателемъ по душѣ.

Мы всецѣло признаемъ необходимость для историка знать современный бытъ народа, исторію которого онъ изслѣдуетъ, но признаемъ мы это отнюдь не на основаніи опыта г. Филевича, ибо на одной живой или неизвѣстной черты, уясняющей эту исторію, онъ привести не можетъ. Это все какія то жалкія потуги вставить и свой голосъ въ разговоръ взрослыхъ и въ вѣковой споръ народностей, но голосъ этотъ лишенъ всякаго разумнаго содержанія. Авторъ все продолжаетъ продѣлывать надъ читателемъ ту же скверную штуку: пишетъ безъ конца и краю, а къ чему это все—уловить невозможно. Эта тайна только и можетъ быть уяснена съ точки зрѣнія автобіографической; автору не убѣдить читателя нужно, а лишь познакомить

съ оригинальнымъ складомъ своего мышленія. Конечно, такая книга не заслуживаетъ серьезнаго разбора.

Обнаруживъ въ географической номенклатурѣ Покарпатья только «путаницу», весьма характерную для откровенности автора, и нисколько не распутавъ ее, г. Филевичъ «отваживается коснуться» этнографіи этой территории. Вопросъ здѣсь въ томъ, какъ связать славянъ VI в., населявшихъ области позднѣйшей Венгрии, съ племенемъ русскимъ, выступившимъ въ историческую эпоху. Для этого г. Филевичъ провозглашаетъ прежде всего положеніе, требующее доказательства, а именно, что «съ начала исторической эпохи мы видимъ на нашей территории малорусскій или южно-русскій видъ русского племени» (87). Хорошо, повѣримъ автору на слово. Сближеніе мѣстныхъ названій (Самошъ-Самецъ), общность названій рѣкъ (Гуечка-Гуйва и пр.) доказываютъ, что эта территорія (т. е. Трансильванія, Побужье, Поверніе, Понаревье и Понѣманье) этнографически однородная (89).

Опять приходится вѣрить автору на слово, потому что этнографическая связь, въ смыслѣ общей славянской основы, не требовала доказательства: очевидно, рѣчь идетъ о связи частей русского племени.

Засимъ, довольно неожиданно, авторъ переходитъ къ мѣстнымъ названіямъ въ т. наз. припятской впадинѣ. Это потому, что для этой мѣстности есть извѣстія, какихъ для «нашей» территоріи не имѣется. Пріемъ весьма оригинальный. Разумѣется, тутъ сейчасъ и Moriz съ Plot'омъ = болотомъ и шафариковскіе Марицане, — исторія довольно извѣстная и до смерти надобвшая. Засимъ, идутъ народныя названія лѣсовъ въ различныхъ областяхъ славянскихъ поселеній, но бѣда въ томъ, что «мы не знаемъ, какъ древни эти названія» (92), названія мостовъ, гатей—съ такимъ же успѣхомъ. «Такое же (какое?) значеніе имѣть и название буда. Оно распространено по всей Россіи, въ мѣстахъ болѣе или менѣе сухихъ и лѣсистыхъ», (96), а въ связи съ будами находятся маіданы; въ восточной Россіи для населенія этихъ мѣстъ существуютъ названія «паны, бутаки, поляки, литва ягуны, что указываетъ на белорусовъ.» Затѣмъ идутъ рудни, ржавцы, болонья и т. д. и т. д.

Считаемъ излишнимъ доказывать всю колоссальную нелѣпость подобного пріема и всю огромность невѣжества нашего автора въ вопросѣ, для обсужденія которого онъ не располагаетъ самыми элементарными данными. Конечно, эти буды и руды, какъ доказатель-

ство автохтонности карпато-русовъ, неподражаемы, но насъ интересуетъ вопросъ, какимъ филологическимъ методомъ пользуется авторъ и на чёмъ основываетъ онъ свои сближенія (которыя, впрочемъ, во вскомъ случаѣ къ дѣлу не относятся). Никакія усилия не въ состояніи выяснить этотъ трудный вопросъ: авторъ все жалуется на бѣдность славянской діалектологіи, на скучность материала и при этомъ свысока отзыается о такихъ, напр., трудахъ, какъ известные «*Очерки*» Барсова. Нагромоздивши безъ толку названія новѣйшаго времени и, какъ буда, несомнѣнно позднаго происхожденія, нашъ авторъ съ видомъ скромнаго знатока заключаетъ: «быть можетъ, такимъ образомъ, не вполнѣ неосновательно предположеніе, что картина жизни, какую мы можемъ въ точности прослѣдить на русской почвѣ, особенно на востокѣ, еще въ XVII—XVIII вѣкахъ, открывается по отрывочнымъ указаніямъ на западно-славянской почвѣ съ самаго начала исторической эпохи» (98). «Можно ли запрещать письмователю примѣнить аналогію въ тѣхъ случаяхъ, когда она сама предлагается очевиднымъ (?) смысломъ явлений?» и т. д., и т. д. Оказывается еще, что Буда (Пештъ) несомнѣнно славянскій поселокъ, хотя славянство этого слова еще не установлено, да и самое имя это появляется въ документахъ *отнюдь* не начала исторической эпохи. И въ концѣ концовъ остается темнымъ, что собственно думаетъ доказать всѣмъ этимъ наборомъ словъ трудолюбивый нашъ авторъ.

Далѣе картина еще болѣе изумительная: авторъ начинаетъ читать *языкъ земли*, то есть выписываетъ радъ мѣстныхъ названій изъ общедоступныхъ источниковъ на пространствѣ чуть-ли не всей Галичины, царства польскаго, сѣверо и юго-зап. края (98—110). Названія эти требуютъ ближайшаго изслѣдованія какъ со стороны языка, такъ и въ отношеніи хронологіи. Авторъ беретъ актъ XIII в. объ основаніи одного монастыря въ Силезіи, излагаетъ его *in extenso* и затѣмъ заключаетъ: «документъ представляетъ драгоценнѣйший материалъ во многихъ отношеніяхъ. Передъ нами съ полнѣйшей наглядностью открывается исторія заселенія и обработки ключка славянской земли. Выкорчевываются лѣса, проводятся просеки на далекое пространство, основываются поселенія. И это дѣло, очевидно, давнее-давнее!» Разсужденіе объ этомъ неотносящемся къ дѣлу документѣ тягнется на нѣсколькихъ страницахъ, затѣмъ идутъ размышленія о до-тації плоцкой епископіи, и засимъ оказывается, что «для русской части нашей территории мы не имѣемъ столь подробныхъ перечней древнѣйшаго времени» (т. е. даже XI—XIII в.). Остается обратиться къ

позднѣйшимъ картамъ и перечнамъ. Въ филологической анализъ авторъ рѣшилъ не вдаваться (еще-бы!), а предпочитаетъ слѣдить по картамъ за характеромъ языка земли, дабы узнать, какъ далеко на с. в. и ю. з. отъ Карпатъ простирается славянскій чеканъ названій и гдѣ онъ прерывается. Засимъ слѣдуетъ новая выписка словъ на 10 страницахъ (123—132) уже изъ польского географич. словаря, относящихся какъ къ Малой, такъ и Вел. Польшѣ и Литвѣ. Въ результатахъ такое грустное сознаніе: «Мы не можемъ всесторонне освѣтить вопросы, связанные съ этимъ рядомъ названій, потому что не можемъ взять на себя ихъ филологического анализа. Оттого представленная нами часть лѣтописной страницы (?) нашего края теряетъ много въ своей доказательности.»

Это святая истина, но тѣмъ не менѣе, при всемъ безсиліи своею справляться съ этими нагроможденными безъ толку рядами именъ, авторъ «ни малѣйше не сомнѣвается, что отмѣченныя названія неразрывно связываютъ нашу территорію съ Литвой и русскимъ славянствомъ на с. в., съ одной стороны, съ славянствомъ лашскимъ на с. з.—съ другой стороны. Позволительно даже допустить, что въ отмѣченныхъ звукахъ языка земли скрываются, быть можетъ, отголоски того языка, который не былъ ни литовскимъ, ни славянскимъ въ собственномъ смыслѣ слова, но который заключалъ въ себѣ зародышъ того и другого языка» (134)... Adhuc филологія, а затѣмъ слѣдуетъ исторія отношений Литвы къ полоцкимъ князьямъ, но и здѣсь получается путаница жестокая (137 сл.) и тѣмъ болѣе прискорбная, что все это разсужденіе къ дѣлу не относится.

Въ такомъ же родѣ и предлагаемый авторомъ «анализъ возвышенности» (142—169), т. е. области полянь, Подолья, Побужья, Покутья, Бескидъ: снова рядъ именъ, ничего не говорящихъ и къ дѣлу не относящихся, такъ какъ они не даютъ намека на русское племя. Разсужденія автора по поводу сихъ именъ—рядъ загадокъ и растерянныхъ признаній о томъ, что съ этими именами, въ сущности, ничего не подѣлаешь. По отношению къ Транспльванію авторъ останавливается на словахъ съ корнемъ *rus.*, венг. *orosz*, нѣм. *reuss*. Оказывается однако, что древность этихъ названій ничѣмъ не установлена (174 стр.), при чёмъ авторъ не потрудился даже прослѣдить исторію отношений Венгрии къ русскому племени хотя бы съ 12 в., дабы отвергнуть предположеніе, что эти названія могли возникнуть въ позднюю историческую эпоху путемъ мирной или насильственной колонизаціи. Между тѣмъ, свѣдѣнія эти онъ легко могъ-бы почерпнуть

въ самыхъ доступныхъ сочиненіяхъ по исторіи венгерскаго государства.

Труднаго вопроса о русской стихіи въ валашскомъ племени авторъ тоже избѣгаетъ касаться, и въ результатѣ мы довольно неожиданно читаемъ: «Такимъ образомъ въ сотый разъ мы убѣждаемся, что номенклатурныя указанія представляютъ серьезныя данныя, которые нельзя игнорировать при освѣщеніи древнійшихъ судебъ народа» (177). Но народа пока еще нѣтъ, авторъ еще не провелъ моста чрезъ прошать между VI и IX в. в. Ему нѣтъ времени этимъ заниматься, такъ какъ вотъ онъ уже въ области бродниковъ и берладниковъ, въ Подольї, слегка затронулъ гуцловъ, Подолье, Бессарабію, и вотъ мы уже на Бихарскихъ горахъ. Никакого самостоятельнаго труда въ этихъ странствіяхъ автора не видно: все это рядъ выписокъ чужихъ мнѣній и сводовъ, туманныхъ соображеній, полунамековъ, какое то кокетничанье съ наукой, а русскаго народа и его Vorgeschichte объщанной все таки нѣтъ какъ нѣтъ. Авторъ любезно береть на себя посредничество между почтенными работниками на полѣ угорско-русской этнографіи, языка и исторіи, Гунфальви и проф. Кочубинскимъ (194), но никакого толку и эта метода не даетъ, ибо для рѣшенія сложныхъ вопросовъ исторической этнографіи необходимо самостоятельное изслѣдованіе, къ которому нашъ авторъ явно неспособенъ, какъ это видно изъ каждой строки его пестраго и занимательнаго труда. Непонятно лишь одно: для чего пишется книга почти въ 400 страницъ, если она переполнена признаніями въ родѣ нижеслѣдующаго: «Отмѣченые выше вопросы о славянствѣ занимающей насть терраторіи едва-ли когданибудь будуть освѣщены такъ, чтобы исключать всякую возможность сомнѣній и недоумѣній. Научная требовательность и точность не можетъ удовлетвориться общимъ освѣщеніемъ столь важнаго вопроса, а указаніе частностей при отсутствії определенныхъ свидѣтельствъ (напр., данныхъ о времени основанія поселеній, статистическихъ свѣдѣній о взаимодѣйствіи народностей) невозможно» (210). Если это такъ, то не правы ли мы были, утверждая, что «Исторія древней Руси» г. Филевича есть собственно аллегорическая автобіографія, ибо если она не такова, то въ такомъ случаѣ это очень скверная шутка въ отношеніи читателя.

Мы дошли до 210 страницы—еще остается 170 страницъ, не менѣе интересныхъ и поучительныхъ въ научномъ смыслѣ, полныхъ открытій изумительныхъ и мыслей блестящихъ. Признаемся, мы опускаемъ въ без силіи руки предъ этою неистощимою любезностью г.

Філевича, який говорить рѣшительно обо всемъ, кромъ исторіи русскаго племени въ древнемъ Покарпатьї: такъ до самого конца книги онъ и не можетъ отыскать этого племени, усердно знакомя читателя лишь съ своей біографіей въ обширномъ смыслѣ слова. Отъ решения каждого сколько нибудь толково поставленного вопроса авторъ упорно уклоняется, ссылаясь то на свою профессію историка, которому позволяльно не быть филологомъ, то на отсутствіе материаловъ, то на недостаточность подготовительныхъ работъ, то на мудрое изреченіе: *festina lente* и т. д. Нѣть возможности перечислить всѣ извороты и ухищренія нашего автора, пишущаго автобіографію и не желающаго сознаться въ этомъ. Безъ сомнѣнія непріятно написать толстую книгу по исторіи народа, въ которой никакой исторіи нѣть, какъ въ этомъ наглядно убѣждаютъ выставленные авторомъ тезисы (272), гдѣ все вѣрное не ново и къ цѣлу не относится, а новое—не доказано или просто не имѣеть смысла; но, какъ фактъ біографической, и такая книга имѣеть свое значеніе въ общемъ ходѣ бытія.

Авторъ потратилъ много усилий для скрытія истинной цѣли книги, много спорилъ съ разными учеными и неучеными людьми, упрекалъ мадьяръ, нѣмцевъ, поляковъ за отсутствіе у нихъ истиннаго славянскаго чувства и «метода», много потрудился надъ разъясненіемъ основъ своего собственнаго метода (отнюдь не надеждинскаго); наконецъ, своею задушевностью и нѣкоторою связностью въ отношеніи читателя онъ доставилъ послѣднему не мало веселыхъ минутъ. Такія минуты и мы испытали, изслѣдуя скрытую аллегорію «Исторіи древней Руси». Въ благодарность автору за его теплое отношеніе къ любителямъ біографическихъ этюдовъ, позволимъ себѣ тоже высказать нѣсколько тезисовъ по поводу этой высоко любопытной книги:

1) При изслѣдованіи *Vorgeschichte* угорскихъ руссовъ или даже славянъ вообще не мѣшало-бы ознакомиться ближайшимъ образомъ также съ бытомъ, языкомъ и научной литературой какъ самихъ руссовъ, такъ мадьяръ и румынъ.

2) Приступая къ изслѣдованію этой *Vorgeschichte*, необходимо твердо помнить, что наука не признаетъ никакихъ отговорокъ для историка, заявляющаго, что онъ не филологъ и т. п., ибо ежели безъ помощи филологіи нельзя обойтись въ этомъ случаѣ, то незачѣмъ и предпринимать дѣло невыполнимое. Тоже относится и до этнографіи, антропологіи, археологіи: что-же дѣлать, приходится *Vorgeschichtsschreiber'амъ* знакомиться и съ этими трудными науками.

3) Необходимо твердо помнить, что наука требует разумныхъ доказательствъ, ибо въ противномъ случаѣ она обратилась бы въ семейное развлечениe или пошлую шутку.

4) Слѣдуетъ памятовать, что не всегда изъ столкновенія чужихъ мнѣній вытекаетъ истина, и что мѣшокъ съ горохомъ отнюдь не со-ставляетъ органическаго цѣлаго.

5) Ежели волею судебъ пришлось истребить массу бумаги на писанія, не приводящія ни къ какому результату, то не слѣдуетъ написанное предавать тисненію иначе, какъ въ формѣ автобіографической записи.

6) Не мѣшаетъ иногда поучиться хотя-бы у нѣмцевъ. Такъ, напр., нашему автору весьма и весьма полезно было бы проштудировать основательно хотя-бы книгу Вильг. Арнольда: «Ansiedelungen und Wanderungen deutscher Stämme» (Marburg, 1875). Это сильно содѣйствовало бы проясненію нездоровой мечтательности автора «Исторіи древней Руси» по вопросу о регрессивномъ или, точнѣе сказать, декадентскомъ методѣ въ историческихъ изученіяхъ, дало бы ему понять, что болтовня о методѣ отнюдь не помогаетъ работѣ историка и что для примѣненія всякой разумной методы нуженъ прежде всего усиленный и самостоятельный трудъ, ибо истина даромъ не дается историку. Правда, есть истина и истина. Уже блаж. Августинъ сказалъ: *Ubi scandalum est veritas, ibi scandalum jam fit, sed veritas modo dicitur.*

Н. М.

СОДЕРЖАНИЕ.

Томъ LIV 1896 г. Іюль, Августъ и Сентябрь

ОТДѢЛЪ І-й.

	СТР.
I. ЮЖНОРУССКАЯ ПАСХАЛЬНАЯ ДРАМА. Мирона	1—29
II. ПИСЬМА ПРОТОПЕРЕЯ АРСЕНИЯ ЛЕБЕДИНЦЕВА, Б. БЛАГОЧИННОГО ЦЕРКВЕЙ ЮЖНОГО БЕРГА КРЫМА, КЪ ПРЕОСВЯЩЕННОМУ ИЧНОКЕНТИЮ, АРХИЕПИСКОПУ ХЕРСОНСКОМУ И ТАВРИЧЕСКОМУ, СЪ ДОВЕСЕНИЯМИ О ХОДѢ ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ И СОСТОЯНИИ ЦЕРКВЕЙ И ДУХОВЕНСТВА ВО ВРЕМЯ 11-ТИМѢСЯЧНОЙ ОСАДЫ СЕВАСТОПАЛА	30—63
III. СЕРБЫ ВЪ ГЕТМАНЩИНѢ. Историческая повѣсть. А. Полицкаго. 64—94.	197—228
IV. ХАРЬКОВСКОЕ ОБЩЕСТВО БЛАГОТВОРЕНИЯ ВЪ 1812—1817 г.г. Исторический очеркъ. В. Лапина	95—112
V. ОЧЕРКИ ДОРЕФОРМЕННОГО БЫТА ВЪ ПОЛТАВСКОМЪ ЦОБЕРЕЖЬИ Н. В.—цкаго.	113—132
VI. СОВРЕМЕННАЯ МАЛОРУССКАЯ ЭТНОГРАФІЯ Н. Ф. Сумцова. 133—150	262—274
VII. ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАНЕНКО. (1719—1723 и 1754 г.).	151—196
VIII. СМЕРТЬ, ПОГРЕБЕНІЕ И ЗАГРОБНАЯ ЖИЗНЬ ПО ПОНЯТИЯМЪ И ВЪРОВАНІЮ НАРОДА. Ив. Бѣльковскаго.	229—261
IX. ПИСЬМА М. А. МАКСИМОВИЧА КЪ С. П. ШЕВЫРЕВУ. Съ предисловіемъ и прикѣчаніями. В. Науменко.	275—294
X. ИЗЪ КОЛОМЫИ ВЪ КОСОВЪ. Перев. съ чешскаго. А. Степовича.	295—310

ОТДѢЛЪ II-й.

- I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТИЯ И ЗАМѢТКИ. а) Універсалъ гетмана Разумовскаго о прекращеніи старшинскіхъ наси-

- лій. А. Л. б) Дѣло (2—22 октября 1694-го г.) о пожалованіи двухъ черкасъ за выходъ и полонное терпѣніе деньгами и сукномъ изъ галицкаго и малороссійскаго приказовъ. Сообщилъ Василий Сторожевъ. в) Бурты (чигир. у.), какъ мѣсто археологическихъ находокъ. Н. Бѣ—скаго г) Новое изслѣдованіе о жизни французской королевы Анны Ярославны. П. Голубовскаго. д) Къ исторіи перевода и свода законовъ, дѣйствовавшихъ въ Малороссіи. Д. Вишневскаго. е) Къ біографіи Ивана Мазепы. В. И. ж) Интересный народный обычай во время жатвы. Ив. Бѣньковскаго. з) Эпизодъ при выборахъ въ законодательную комиссию 1767 г. В. Щербины. и) Письмо архимандрита кіево-печерской лавры Тимоѳея Щербацкаго къ митрополиту кіевскому Рафаилу Заборовскому. і) По вопросу о происхожденіи названія «Полтава». Сообщ. Левъ Мацѣевичъ. к) Къ вопросу объ источникахъ «Вія». В. Милорадовича. л) Къ исторіи малорусскаго духовенства. Протоіерей Петра Орловскаго. м) Изъ жизни Кіева въ началѣ исходящаго столѣтія. Сообщ. Левъ Мацѣевичъ. 1—26 45—68
- ІІ. БІБЛІОГРАФІЯ. а) Сочиненія Н. В. Гоголя. Издание десятое подъ ред. Николая Тихонравова и Владимира Шенрока. Т. VII и VIII. Е. Пѣтухова. б) Сборникъ Харьковскаго Историко-филологического Общества. Т. VII-й. И. Каманина. в) Жерела до історіи України-Руси. Видає комісія археографічна Наукового Товариства імені Шевченка. Том I. В. Щербины. г) Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1892 годъ. В. Науменка. д) И. Филевичъ. Исторія древней Руси. Томъ I. Территорія и населеніе. Е. В. Данилевича. е) И. Филевичъ. Исторія древней Руси. Томъ I. Территорія и населеніе. Н. М. 27—44. 69—93
- КАТАЛОГЪ КНИЖНОГО СКЛАДА «КІЕВСКОЙ СТАРИНЫ»
(въ концѣ книги). 1—7
- ІІІ. ПРИЛОЖЕНІЕ: 1) Дневникъ генерального подскарбія Якова Марковича. Часть третья. (305—320), (321—336), (337—352).
2) Любецкій Архивъ. (177—192), (193—208).

рано въ Сварковъ и осмотрѣвши тамъ, черезъ короткое время по-вернуль я домой на обѣдъ, а ездиль зъ самого дому до двора сварковскаго отсель и оттуда сюда часъ. Обѣдалисмо въ дому, а по обѣдѣ, уснувъ, ездиль до Паска и у онаго посидя, повернулся. Отъ швакгра моего Якова Полуботка получилъ листъ черезъ слу-жителя его, Завадзкаго, которій отпущенъ зъ мѣстечка Ракова на сеіь боцѣ Брестя Литовскаго, неподалеку отъ онаго, где обозний енераллій, командиръ и бунчуковіе товарищи стоять у палацу бѣскупа „ к которій партії Лящинскаго, а протчіе козаки, якихъ при обозномъ только на 3000, стоять около, протчіе же козаки пойшли до Вѣлни зъ регулярными полками, а генералъ аштѣфъ Лессій отправивши бунчукового товариша Шираля въ габѣнеть ея величества за полученіемъ резолюціи на доношеніе противъ котораго рангу обозного енераллого и бунчуковыхъ товарищій щитать, самъ съ полками рушиль до Кракова (якъ онъ же Завадзкій говорилъ) воеводу Кіевскаго, Потоцкаго, доганяющи. Генерала же лейтенанта Загразкаго до Гданска виправиль, где слично, что Ляшинскій зъ примасомъ и многими сенаторами найдутся и готовутся уступать у Стралзундъ, оттолъ для того, что по указу ея ім. в—ва генералъ Лессій посыпалъ къ Гданчанамъ зъ тимъ угроженіемъ, что ежели они помянутого Лящинскаго не випроводятъ зъ Гданска, то онъ приидетъ туда бомбардировать ихъ городъ.

Пятокъ. 14. День быль хмарній зъ силнимъ вѣтромъ, снѣгомъ и метелицею, которая о полднѣ перестала, а къ вечеру стало тепло, а черезъ ночь дощикъ ишоль, такъ что зъ стрѣхъ велии капало до свѣта. Быль я у судѣ и подаль чолобиттѣ на Ерофѣя и попа сторони дворовъ поля пахатнаго и мелницы оними владѣемихъ, а зъ тихъ добръ никакой службы до двора моего не отправляютъ, хочай и унѣверсалъ покойного тестя въ такой силѣ онъ, Ерофѣй, получилъ. Родитель поехалъ въ Кролевецъ передъ вечеромъ. Въ судѣ енер. опредѣленіе учинено по дѣлу Коховскаго сискать брата Семена допросить его порука (?) въ листѣ до его писанномъ. Да по дѣлу черцовъ новгородскихъ опредѣленіе учинено сторони перевозу Шабалиновскаго—принять отъ насъ купчіе на берега и взять сказку.

Субота. 15. День былъ хмарній, вѣтрянъ, вѣтромъ полуденнимъ, тепель, мокроватъ и у вечеру зъ дощемъ, ночь такова жъ, а зъ полночи вѣтеръ полунощний холодний зъ снѣгомъ и стужею, къ свѣту виаснилось велми и морозъ прибавился жестокій. Обѣдалъ я въ дому и со мною попъ генералской отецъ Якимъ, а у вечеру ездиль до Синявина, и тамъ довольно посидѣвши, отехалъ домой.

Неделя. 16. День былъ свѣtlій, тихій, погодній зъ жестокимъ морозомъ, ночь тиха, свѣтла, погодна съ жесточайшимъ морозомъ, а къ свѣту хмарно, снѣгъ зъ метелицею. Родителка зъ Ромна пріѣхала на обѣдь, зъ которой обѣдалъ и съ нами Косовичъ, а у вечеру зъ Кролевца пріѣхалъ родитель.

Понедел. 17. День былъ хмарній сперва съ снѣжкомъ, а послѣ отспілъло и тихо, къ вечеру вѣтеръ полуденний зъ малимъ дощемъ, ночь тепла, вѣтряна зъ великимъ дощемъ, зъ полночи полунощний вѣтеръ силний велми и морозъ. Банкетъ билъ у гетманскому дворѣ для тезоименитства его гетманского и подпіахомъ. Вѣжевскій зъ Нѣжина черезъ Александра писаль ко мнѣ Левицкого, что указъ отъ генерала Вейзбаха привезли греки, жебы Шѣперови товари розбрать кредиторамъ его почасти, а въ допросѣ билъ, что не имѣютъ чимъ отдавать долгъ. Отъ швакгра п. Акима Троцкого получиль я вѣdomость, что онъ въ добромъ обрѣтается здоровью и вернулся зъ всѣмъ бунчуковимъ товариствомъ зъ подъ Варшави до Брестя Литовскаго на винтерквартеру для того, что у Варшави возъ сѣна по червонному, а овса и не достать нигде и для такой скудости конскаго корму мусѣли зимовать у Яновѣ.

Вовтор. 18. День былъ вѣтрянъ велми, вѣтромъ холоднимъ и гололедица такая была, что весма трудно некованою лошаддю поехать, морозъ и хмарно, такова жъ власне и ночь. Праздновали тезоименитство ея височества государинѣ цесаревни Елизавети Петровны у столу гетманского и подпіахомъ.

Середа. 19. День былъ вѣтрянъ зъ ранку зъ снѣжницею, а послѣ такъ, ночь зъ вѣтромъ же и зъ дощемъ великимъ до полночи, а зъ полночи жесточайшій вѣтеръ насталъ до свѣта и зъ холодомъ. Были на пастовнику зъ родителемъ службы божой и панахиди по покойной тіотцѣ ясневелможной слушали.

Четвер. 20. День былъ сперва хмарній, а послѣ свѣтлій, вѣтрень велми и холоденъ, ночь сперва свѣтла, а послѣ хмарна зъ жестокимъ вѣтромъ. Былъ я на службѣ Божой у ст. Николая и заходилъ до п. Михаила, у вечеру ездила до Паска, Радищева и Синявина въ моемъ дѣлѣ, стороны должниковъ грекозъ—просить ихъ. Юско у ночѣ отпущенъ въ Роменъ и въ футоръ Гамалѣевскій за конми, чтобы ихъ сюда привезти, даль ему приказъ и 50 к. Извѣстно заподлинно, что князь Алексѣй Ивановичъ Шаховскій ординованъ зъ войсками въ Полщу въ маєтности недоброжелателнаго россійскому государству воеводи Кіевскаго Потоцкого. Да пріехалъ зъ Москви Михайло Циганчукъ и сказывалъ, что дочь Федора Карпѣки небожчика, зъ которою Семенъ Карпѣка уехалъ въ С.П.Бурхъ, вийшла тамъ замужъ за Манковскаго, гуслѣсту при дворѣ ея величества обрѣтающагося и сватба ихъ въ дворцѣ государевомъ отправлялась.

Пятокъ. 21. День былъ хмарній, а послѣ свѣтлій, только велми вѣтранъ, ночь свѣтла, вѣтряна и холодна. Сего дня рано я ездила до Синявина за моимъ дѣломъ, чтобы указъ послать о должникахъ въ Нѣжинъ, и ничего не здѣжалъ. Дворникъ новій, кучировъ сынъ, у Сварковъ устроенъ.

Субота. 22. День былъ подобный вчорайшому, такова же и ночь. Причащались род. и я и въ дому обѣдали. Климъ зъ ревѣзѣи повернулся зъ Сухонос.

Неделя. 23. День былъ свѣтлій, тихій, холодній, ночь хмарна зъ отлигою и тепловата. На службѣ были у ст. Анастасіи, заходили до гетмана, обѣдали у себѣ, а у вечеру ездила я до Радищева и незаставши, заехалъ до Кишкина и, посидя тамъ и поговоря стороны дѣла о должникахъ, воротился. Гололедица что некованною лошаддю отнюдь нельзя ехать, отъ 18-го декавр. до сихъ поръ пакостить.

Понедел. 24. День былъ хмарній зъ снѣгомъ велми густимъ, мокримъ, который потаяль скоро, ночь сперва показалась свѣтла, а послѣ хмарна зъ снѣжкомъ и дощемъ и тепла. Въ ночь противъ Рождества пріехалъ зъ С.П.Бурху полковникъ інгермландскаго полку пехотнаго Авраамъ Григор. Шамординъ и стала квартиркою

въ квартерѣ генералской Нарѣшкина, Семена Григоріевича, который и его наездъ сумнѣніе задалъ.

Рождество Х—во. Вовтор. 25. День былъ мокрій, хмарний, теплій зъ дощемъ мало не чрезъ увесь день, ночь вѣтрана зъ снѣгомъ, а зъ полночи пересталъ вѣтеръ, вияснилось и морозъ сталъ жестокій. Сего дня зъ поздравленіемъ были у гетмана, где видѣли и ново пріехавшаго полковника Шамордина зъ протчими, обѣдалисмо у себѣ, и послѣ того никуда неездили. Вѣжевскій и Алексѣй пріехали зъ Нѣжина, ничего не выгравши.

Середа. 26. День былъ хмарній, вѣтряній и холодній, а особливо къ вечеру, ночь хмарна зъ снѣгомъ и вѣтромъ, а найпаче къ свѣту. На службѣ былъ я у церкви генералской, обѣдалъ въ дому, а родители зъ женою у п. гетмановой, куда и я пріехалъ, и общѣ зъ п. Михайломъ и другими ездили до Радищева, у которого сынъ Иванъ сегодня родился, где и подпіахомъ очинъ. Полковникъ Шамординъ сеей ночи отъ Радищева поехалъ въ Кіевъ и взялъ зъ собою капитана Буроту, а для чего неизвѣстно.

Четвер. 27. День былъ вѣтрянъ зъ метелицею и холоденъ велми; зъ полдня вияснилось зъ вѣтромъ и холodomъ, какова и ночь била со жестокимъ велми морозомъ. Обѣдалисмо у себѣ, а у вечеру ездили до Паска и тамъ впервое играли въ карти въ контру, зъ проигравшомъ моимъ 10 к.

Пятокъ. 28. День былъ свѣтлій, вѣтряній зъ жесточайшимъ морозомъ, такова жъ и ночь была. Обѣдалисмо у себѣ, а по обѣдѣ пріехалъ до мене п. Михайло, зъ которимъ кофе напившись, онъ отехалъ, а я зъ род. ездиль до Синявина и тамъ забавившись довольно, пріехалъ.

Субота. 29. День былъ свѣтлій, холодній велми, ночь такова жъ. Обѣдалисмо у себѣ, а у вечеру ездили до Синявина, где посидѣвшіи доволно, повернулись домой позно. Жена зъ дѣтьми рано поехали до Михайловки (лебединск. у.) въ гостѣ до швакра п. Андрѣя Полуботка.

Неделя. 30. День былъ подобный вчорайшому и ночь такова жъ. На службѣ былъ у ст. Анастасіи. Обѣдали у себѣ, а по

обѣдѣ былъ у п. Михайла у вечера и посидя, отехалъ. Унѣверсалъ нового короля полскаго Августа III-го курфирста Саксонскаго присланъ отъ Грабянки, полковника Гадяцкаго, видѣлъ я, въ которомъ призываетъ партизановъ Станислава Лящинскаго до соединенія, обѣщаючи имъ противности вѣчному предать забвенію.

Понедел. 31. День былъ хмарній и студений зѣло, такова жъ и ночь. Былъ я въ лавкахъ и смотрѣлъ ярмарку, оттолѣ повернувшись домой, обѣдалъ зъ род., а у вечору ездилъ до п. Михайла и тамъ посидя повернулся и засталъ зде Синявина и Хрипунова загостиившихъ.

Берейтеру дача: септ. 23 д. отосдалъ копу жита, а 2 копи овса, возь сѣна.

Октовр. 3-го отоспалъ бараповъ З-хъ.

— 21 д. далъ ему жъ копу жита и 2 копи овса.

1734 годъ. Генварь мѣсяцъ.

Вовтор. 1. День былъ хмарній, только жестоко холодний, а съ полдня свѣтель со жестокою стужею, отчего на небѣ столпи два явились, ночь свѣтла, тиха, жестоко холодна. Рано былисмо на службѣ Божой у ст. Анастасіи, а обѣдали у себѣ и по обѣдѣ ездили я до п. Михайла, отъ которого у лавкахъ былъ и повернулся домой.

Середа. 2. День былъ свѣтлій, тихій, холодный очинъ, такова жъ и ночь. Обѣдалисмо у себѣ и съ нами братъ Семенъ, пріехавшій сегодня зъ Ромна. Полковники миргор. и лубенскій зъ женами пріехали въ Глуховъ, которимъ у вечору визиту я отдалъ. При маѣ пріишолъ въ гетманскій домъ капитанъ здешнаго гварнїзонного полку и взялъ зъ собою Храповѣцкаго молодого, брата полковници лубенской и попровадилъ въ домъ генерала Нарѣшкіна, где стоитъ полковникъ Шамординъ, вчера повернувшійся зъ Нѣжина сюда.

Четвер. 3. День быль эъ жестокимъ морозомъ, свѣтлій, такова жъ и ночь, сходніо прежнимъ. Сегодня банкетъ быль у дому гетманскомъ, били великороссійскіе Шамординъ, Радищевъ, Кинкинъ, Синявинъ, Хришуновъ, Неплюевъ, Пасекъ и мы эъ род. и полковники миргор. и луб. и п. Михайло и подпіяхомъ зѣло. Въ ночь по банкетѣ отехалъ Шамординъ и зъ собою взяль и Храповѣцкого.

Пятокъ. 4. День быль хмарній эъ невеликимъ снѣжкомъ, ночь холодна очинь противъ прежнихъ. Ездилъ я въ Сварковъ и оттолъ въ футоръ, противерезуючись. Повернувшись, обѣдалъ въ дому, по обѣдѣ эъ п. Михайломъ ездилъ до полков. луб. на Бѣлополовку, где пили кофе и розехались.

Субота. 5. День быль почасти хмарній и почасти свѣтлій, а особливе къ вечеру, а морозъ въ жестокости своей однакий, ночь была такъ же жестоко холодна, тиха и погодна. Никуда я не ездили, а отправилъ Клима Крисковскаго до стар. Крис. зъ листомъ, чтобы купчую исправилъ и приспалъ, чтобы реестръ Шмуйла аппрововалъ и... приспалъ, чтобы ктитора не эъ грунтовихъ до церкви выбрать, чтобы Сухомлину за ниву заставную отъ Кривопущенка денги отложилъ, чтобы Данило Пиличенко нивою Николая Товкаченка владѣль покамѣстъ Николай денги уплоченіе Тимченкомъ Сухомлину отдасть Тимченку. Дѣдiku да Гломаздѣ далъ я листъ до Сотника Кризкого (Крига-Бѣлополье) о доправкѣ денегъ 9 р. 50 к. на Кризчанахъ, должнихъ намъ.

Неделя. 6. День быль хмарній почасти и почасти свѣтлій, тихій, однакого воздуха растворенія эъ вчорайшимъ, ночь такова жъ. На службѣ быль у ст. Николая, не ездили на Іорданъ, но эъ дому своего смотрѣлъ. Обѣдалъ у себе эъ род., а по обѣдѣ проежжался и повернулся позно. Вѣстно, что обозний енералвий съ походу отправиль въ С.П.Бурхъ бунч. товарища Шираля въ габѣнетъ до ея величества, прося милости въ томъ, что генераль поручикъ Загразкій видачею жалованія государева понизиль, какъ его обозного, которого противъ полуполковника положилъ, такъ и бунчуковыхъ товарищѣй противу вахмистрей.

Понедел. 7. День былъ тихій, хмарній зъ знатною отлигою, а особливо къ вечору и черезъ ночь отмѣна воздуха къ теплу и мокротѣ показалась. Былъ я сегодня на службѣ у ст. Михаила, обѣдалъ у дворѣ гетманскомъ зъ п. Михайломъ и пол. Луб. и Миргор. и прѣхавши домой, никуда уже не ездилъ.

Вовтор. 8. День былъ хмарній зъ дощемъ густимъ (которій до вечора самого ишолъ), теплій, тихій, ночь такъже хмарна, мокра и тиха. На крестинахъ были у Радищева и подпіяхомъ очинъ.

Середа. 9. День былъ сперва мокрій, о полднѣ снѣгъ сухій и морозъ, которій къ вечору прибавился очинъ, а ночь хмарна, вѣтряна зъ стужею. Былисмо на банкетѣ у сотника глуховскаго Уманца для окрещеній дочери его и подпіяхомъ. Слишно, что яко би генераль аншефъ и кавалеръ фонъ Вейзбахъ зъ Кієва пошоль зъ войскомъ подъ Бѣлую Церковь и зъ артилерію.

Четвер. 10. День былъ хмарній зъ снѣгомъ и зъ холодомъ великимъ, ночь еще холоднѣйша, свѣтла. Обѣдалисмо зъ род. обома на пастовнику, а по обѣдѣ ездилъ до Паска и до п. Петра (Апостола) и посидя, вернулся.

Пятокъ. 11. День былъ хмаренъ зъ невеликимъ снѣгомъ, холденъ, ночь хмарна, холодна очинъ, сходство зъ вчорайшими. Поѣдалъ я въ судѣ енер. чоловитную на должниковъ Пѣпера съ товарищи и Фармакѣя, чтобы ихъ въ судѣ енер. сискать, а товари ихъ приарештовать. Жена моя зъ дѣтми повернулась зъ гостины отъ швакgra п. Андрѣя Полуботка.

Субота. 12. День былъ свѣтлий, холодний, тихій, къ вечору хмаренъ зъ снѣжкомъ малимъ мокримъ, ночь тиха, хмарна и мокровата. Сегодня банкетъ былъ у родителей на пастовнику для начавшагося акту веселного брата Ивана.

Неделя. 13. День былъ хмарній зъ снѣжкомъ мокримъ, тепловатъ, ночь такова жъ власне, только почасти вѣтряна. Актъ веселний совершился брату моему Ивану зъ дочерю Ломиковской Анастасіею, а внукю гетманскою¹). Гетманъ г. Апостолъ повторно

¹) Дочь Ивана Ивановича Ломиковского († 1730), женатаго на дочери гетмана Татьянѣ. При Апостолѣ Лі—їй былъ „господаремъ Гадацкаго замка“.

тяжко заболѣлъ на прежнюю свою болѣзнь паралѣтичную, которая ему отняла свободную мову.

Понедел. 14. День былъ свѣтлій и холодний, а послѣ хмаренъ и от теплѣлъ зъ снѣжкомъ, ночь хмарна, тиха и мокровата. Банкетъ билъ по прежнему на пастовнику у родителей, у вечеру, и пріехали господа наши великороссійскіе, Радищевъ, Кишкінъ и Пасекъ, сваха Ломиковская и полковница Миргородская. Слишно, что будто пойманный шпионъ у Новгородку и сюда въ Глуховъ привезенный въ розиску сказалъ, что онъ посланъ отъ Сап'ги молодого, нѣякого Салогуба, осмотрѣвать въ полкахъ Старадубовскому и Чернѣговскому сколко нашего имѣется войска, знатно хотя ударить непріятелскимъ способомъ на оніе полки. Да такихъ же шпионаў кромѣ сего будто 11, а всѣхъ 12 вислано.

Вовтор. 15. День былъ холодний, вѣтряний велми, зъ мокроватимъ почости воздухомъ, ночь хмарна, холодновата и вѣтрана очинъ. Сегодня у насъ на пастовнику совершилась сватба братнія, на которой билъ Мякининъ зъ женою, п. писарь енер., п. Стефанъ Миклашевскій и прочіе мѣлше. Панъ гетманъ нашъ зъ болезни своей жадной неощущающи отради, къ большому сталь приходить без силію и прішла другая ему болезнь, именуемая *lemogus* (?).

Середа. 16. День былъ подобний вчорайшому, только тихшій, тако же и ночь. Обѣдалисмо въ дому, а по обѣдѣ ездили до пастовника и оттуду повернулся и никуда не ездиль. Панъ гетманъ еще горшѣ сталь себе ощущать и никакого движенія не сталъ имѣть, только въ одной правой нозѣ.

Четвер. 17. День былъ подобний прежнимъ и ночь таковажъ. Сегодня были у п. гетмана очинъ слабаго, оттоль повернувшись, обѣдали на пастовнику у родителей. Вѣжевскій да Алексѣй отправлены въ Нѣжинъ за должниками моими, которимъ далъ я 7 р. на дорогу. Гетманъ и кавалеръ ордина ст. Александра Невского Данило Павловичъ Апостолъ умре зъ полдня часа 5-го у вечеру, которого тѣло винесено въ столовую избу, убрано богато зъ кавалерію и положено публѣчно, по обѣихъ сторонахъ капраловъ человѣка два стало на караулъ.

Пятокъ. 18. День былъ и ночь подобніе вчорайшимъ, безъ снѣгу, а у вечера щось мокре да холодное на примѣръ дошу ишло. Ездила я въ городъ зъ род. до Синявина стороны дѣла зъ Коховскимъ и самъ до Паска, да былъ у гетманскомъ дворѣ, и на наставнику у родителей. Брать мой Лука отпущенъ зъ братомъ Маркомъ и женою его въ Стародубъ, для сватби его Лукиной зъ дочерю Плотной.

Субота. 19. День былъ и ночь во всемъ сходніе зъ вчорайшими. Сей день отправили зъ молебствіемъ и зъ публѣчнимъ стреляннемъ ради возшестія на престолъ ея Імператорскаго Величества и подпіяхомъ у полковника Радищева до позна.

Неделя. 20. Сей день и ночь подобный вчорайшимъ, только къ вечеру зъ теплѣйшимъ съ мокротою, раствореніемъ, а рано съ густимъ на малое время снѣгомъ. Сегодня винось былъ зъ двора гетманскаго въ церковь ст. Николая тѣла гетманскаго такою церемонією и порадкомъ: ушикованіе по обоихъ сторонахъ стояли козаки сотнѣ глуховской и жолнѣре, сперва несено маръ нѣсколько, а за марами несена короговъ гетманская Искрицкимъ и другими, потомъ шаблю на подушкѣ несли братъ мой Иванъ Зaborовскій Федоръ, за ними несли на подушкѣ алой аксамитной кавалерію красного банта писарь енералний Турковскій, а по бокахъ Андрѣй Трощинскій, да сотникъ Опошнянскій Корицкій¹⁾ за ними несли тожъ на подушкѣ борхатной алой булаву гетманскую, бунчуки и печать суддя енералний Борзна да по бокахъ я и Стефанъ Миклашевскій около того, по обоихъ сторонахъ, ишло духовенство и школники попереду, а вслѣдъ несенъ гробъ чорнимъ бархатомъ зъ золотимъ пузаментомъ аббитий, и покамѣстъ донесли до церкви, стреляно зъ мозчирей²⁾ помѣнтурно, а якъ внесенъ гробъ въ церковь и поставленъ, то и клейноти помянутіе при гробѣ положени на столикахъ по обоихъ бокахъ: зъ правой стороны—булава и бунчукъ, а зъ лѣвой кавалерія, и карауль два человѣка капраловъ

¹⁾ Жеватый на внукѣ умершаго гетмана, дочери Ивана Ломиковскаго. См. стр. 343.

²⁾ Небольшія пушки.

стали по обоихъ бокахъ и дневалнихъ по два человѣка знатнихъ козаковъ опредѣлено поочерѣно, по суточно, стоять. По службѣ Божиѣ великая отправлена панахида и тако она окончилаась церемонія. На памятку золотіе обручики давани великороссійскимъ господамъ, генералной старшинѣ и оберъ-оффіцерамъ, на которыхъ быль надпись, что покойний гетманъ Апостоль родился 1658-го году, декабр. 4 д., а преставился 1734-го году, генвар. 17 дня латинскимъ діялектомъ. Правленіе енералной канцеляріи переменилось на таковий видъ: указами стали писать до подкомандныхъ, на которыхъ подпись полковниковъ Радищева и Кишкина, подполковника Сенявина и Паска, а пониже ихъ писара енералного Турковскаго.

Понедел. 21. День быль и ночь подобніе вчорайшимъ, хмарніе, тихіе, безъ снѣгу зъ теплѣйшимъ еще воздуха раствореніемъ. Обѣдалъ я у себѣ зъ женою и дѣтми. Зять п. Стефанъ повернулся зъ Новгородка и привезъ виданіе отъ Максима Турковскаго одни фанти, а клейнотовъ невидано, что осталось по смерти жени его Максимовой, а племянницы нашей.

Вовтор. 22. День быль еще отъ прежнихъ якъ бы теплѣйшій, мокроватъ, хмаренъ и тихъ, такова жъ и ночь. Сегодня ездили я въ судъ и не подавши чолобиття на Паска, чтобы ему по дѣлу Коховскаго не присутствовать для средства, для того, что его не было въ судѣ, повернулся и обѣдали на пастовнику зъ родителями. У вечеру ездили я до брата п. Михайла и посида мало, вернулся домой. Родитель подарили зятеви моему шаблю хорошую подъ камѣннемъ яхонтами.

Середа. 23. День и ночь таковіе жъ были, якъ и вчорайшіе, только зъ болшою мокротою дождевною. Обѣдалисмо у себѣ зъ дѣтми, а родители на пастовнику. По обѣдѣ, уже смеркомъ, виехала жена, и съ нею дѣти, зять Стефанъ зъ Ганусею и Пазя на веселле братнее Луки, а оттолъ до свата п. обозного Есимонтовскаго въ Мглинъ зъ дѣтми, оттолъ у вечеру поехалъ я до Синявина и сидѣлъ долго у контру играючи. Слишно, что енераль—аншефъ фонъ Вейзбахъ зъ Кіева пошедшій Бѣлой Церкви атаковать, получилъ оную безъ бою, для того, что тамошній комендантъ винесъ

за городъ ключи отъ города и вручилъ генералови. Слишно, что еще одного поймали шпиона зъ тихъ, которыхъ вискалъ Сапѣга внутрь Малой Россіи, довѣдуючись, много ли зде у насъ имѣется войска.

Четвер. 24. День и ночь были во всемъ сходніе вчорайшимъ. Былъ я у судѣвнѣ и подали членовитѣ отъ родителя, отрѣшающи Паска отъ присутствія въ судѣ по дѣлу Коховскаго, затѣмъ, что онъ сватъ ему Коховскому, понеже двоюродная сестра жени Пасковой за Стефаномъ Коховскимъ, роднимъ братомъ. Обѣдалисмо на пастовнику у родителей, а по обѣдѣ матка отехала въ Роменъ и при ней братъ Иванъ зъ женою, а я у вечеру былъ у п. Михаила и тамъ полковнику лубен. подарилъ табакеръ новую зъ табакомъ, отвѣщающи за уступленіе имъ скиртъ 2 сѣна у футоръ мой Криворудскій.

Пятокъ. 25. День былъ зранку зъ морозцемъ, а послѣ тепель, хмаренъ и тихъ, такова жъ и ночь. Ездилъ я до Сваркова рано, где осмотрѣлъ налѣй и мосту нового, теперь дѣлающагося, отоль повернулся и заѣздили до футора и съ футора домой.

Субота. 26. День и ночь были противъ вчорайшихъ, толко вѣтеръ показался силний, полуденний. Банкетъ былъ послѣдній въ дворѣ гетманскомъ ради поминанія покойнаго гетмана, господина Апостола, и подціяхомъ. Зъ С.П.Бурха принесени писма, въ тои числѣ отъ Андрея Горленка, который объявляетъ, что въ габѣнетѣ величества опредѣленіе состоялось—жалованіе денежное видавать въ инѣшномъ походѣ обозному генеральному противъ генерала маюра, полковникамъ настоащимъ противъ подполковниковъ, полковникамъ наказнимъ противъ маюровъ, бунчуковимъ товарищамъ противъ капитановъ, сотникамъ противъ подпоручиковъ. Сынъ Гаврила Ивановича Головнича, Иванъ Гавриловичъ, паралѣжемъ зараженный, умер.

Неделя. 27. День былъ хмарный, вѣтрянъ и холодноватъ, а отъ вчорайшаго тепла и дошу гололѣдица стала, ночь хмарна жъ, вѣтряна велми и снѣжна, а послѣ тиха и мокровата. Сего дня по службѣ Божиѣ отвезено тѣло гетманское зъ Глухова въ Сорочинцѣ

для погребенія, куда и архиепископъ кіевскій зъ Кієва, а виносъ былъ зде зъ публѣчною церемоніею нижей слѣдуючимъ порядкомъ: 1) Сперва козаки зъ ружжемъ ишли 30; 2) за ними ишолъ полкъ гварнѣзонний; 3) за полкомъ несено мартъ 11; 4) за марами ехалъ конюшій въ черномъ одѣяніи и за нимъ ведени верховіе конѣ, а на остатку конь въ черномъ одѣяніи; 5) Посля ишли маршалки два въ черномъ одѣяніи и флорахъ зъ палками маршалковскими, на верхъ которыхъ таблички зъ гербомъ гетманскимъ, обязанные палки флюромъ чорнимъ и бѣлимъ; 6) за ними несена шабля; 7) за тимъ несена короговъ; 8) посля несенъ штандартъ, контрафектъ (портретъ) покойного гетмана; 9) а посля несена кавалерія; 10) за тимъ клейноти гетманськіе, булава, бунчукъ и печать порадкомъ прежнимъ; 11) около духовенства и архимандритъ новгородскій; 12) потомъ два вершники въ черномъ платтѣ ехали; 13) а за ними балдахинъ съ тѣломъ, чорно убраний, подъ нимъ 6 лошадей въ капахъ чорнихъ, въ немъ гробъ; за гробомъ ишла фамилія гетманская и съ такою церемоніею ишли въ браму кіевскую за городъ увесь, а въ полѣ полкъ трижды залпомъ огонь дали и козаки, а зъ города помѣненно зъ пушокъ были. Клейноти и кавалерія взяты въ министерскую канцелярію, а они въ свой путь поехали, гетманова, полковники оба, миргор. и луб., асауль енер. Лисенко и проч., а мы возвратились домой.

Понедел. 28. День былъ хмарний, мокроватъ и не холоденъ и ночь такова жъ зъ таяніемъ снѣга. Были на молебствіи ради дня рожденія ея величества, откуду родитель до Кишкина поехалъ, а я домой, где и обѣдалъ и никуда неездилъ. Федоръ Чуйкевичъ пріѣхалъ съ Нѣжина (куда посыланъ былъ зъ суда енер. зъ указомъ по челобитту моемъ описать и заарештовать товари должниковъ моихъ Шѣпера съ Константіемъ и Димитріемъ и Фармакѣя) и ничево тамъ не здѣжалъ за препятствіемъ коменданта.

Вовтор. 29. День былъ сперва свѣтель и холодненіокъ сухимъ морозцемъ, а къ вечеру хмаренъ, тихъ и тепель зъ таяніемъ снѣгу. Такъ же и ночь хмарна, тиха, мокра почасти отъ дошу и

снѣгу. Обѣдалисмо у себя зъ род., а у вечера ездили до Синявина и посидя повернулись домой.

Середа. 30. День былъ зъ ранку зъ морозцемъ, а послѣ тепель зъ таяніемъ снѣгу, ночь тепла, тиха, къ свѣту морозъ. Сегодня былъ я у судѣ, где по доношенню Чуйкевича приговорували суддѣ писать до генерала Вейзбаха на коменданта Нѣжинскаго сторони показанного отъ его помѣщательства въ описаніи товаровъ Пѣперовихъ, Фармакющемъ взятихъ. Приговорили въ судѣ сискать Проценка и Филоненка, бывшихъ старостъ коровазовскихъ и братовъ Семена и Марка, по дѣлу Коховскаго. Обѣдалисмо въ дому род. и я, а у вечера ездили до Радищева и посидѣвшіи доволно, повернулся домой.

Четвер. 31. День былъ почасти хмарний и вѣтрѣний и почасти свѣтлій и холодний, ночь хмарна, вѣтра на велми и холодна. Сегодня обѣдалисмо у Хрипунова маюра, для покойника брата его Ивана и подпіяхомъ.

Февраль м—ць. Пятокъ. 1. День былъ подобный вчорайшому, холодний, вѣтра на велми и снѣжний, ночь тепловата и хмарна. Вчорайшого дня пріехавшіе чили привезенніе должники мои Иванъ Пѣперъ съ товарищи принесли ко мнѣ часовъ двое зъ репетиціями, перстень шафвровий зъ діаментиками, да другихъ перстней 5, однакихъ, по два очка, яхонтовое и алмазное, да 50 р. да оставили облѣковъ у род. сѣмь. Увѣдомился я отъ многихъ, что Пасекъ члобитте подалъ на насть, за то что въ члобиттю нашемъ, въ которомъ приписали его въ свойствѣ бить Коховскому, и однородцемъ назвали, просили, даби онъ при дѣлѣ Коховскаго не присутствовалъ.

Субота. 2. День былъ хмарний, вѣтра на велми, а послѣ тепель зъ дощемъ, ночь то же хмарна, тепловата, къ свѣту морозъ. Сегодня обѣдалисмо у себѣ. Принесенъ указъ зъ С.П.Бурха зъ колегіи Иностранныхъ дѣлъ за подписаніемъ графа Остермана, до судей великороссійскихъ и малор. что посланъ указъ до князя Шаховскаго, который зъ комендою въ Немѣрови, ехать ему въ Глуховъ для правленія дѣлъ Малороссійскихъ до опредѣленія о изображеніи новаго гетмана.

Неделя. 3. День былъ сперва свѣтлъ, тихъ, а послѣ сильная зѣ снѣгомъ метелица до ночи и ноччу, а около полночи перестало. Банкетъ былъ у писара енер. Турковскаго, по молебствію, за именинницу ея императорское величество, и подпіяхомъ.

Понедел. 4. День былъ хмарний и свѣтлий, по перемѣнкамъ холодний исперва, а къ вечеру мокръ, такова жъ и ночь. Ездилъ я въ Сварковъ и оттолѣ въ футоръ и поворотясь, обѣдалъ, а у вечеру ездилъ до Радищева и Борзни и посидѣвши, повернулся домой. Стало правленіе енералной канцеляріи отмѣнное, понеже въ вишпомянутомъ указѣ велено, обще великороссійскимъ и малороссійскимъ суддамъ всякие дѣла править до прибитія генерала лейтенанта князя Шаховскаго и клейноти гетманскіе въ енералной канцеляріи содержать, а за пріездомъ князя до себѣ взять, по силѣ пунктовъ гетмана Богдана Хмелницкаго, до опредѣленія ея величества о избраніи нового гетмана, такъ въ указѣ прописано.

Вовтор. 5. День былъ сперва днѧ съ мороземъ, а послѣ зѣ таяніемъ снѣгу, а къ вечеру со жестокимъ вѣтромъ черезъ всю ночь, однако же теплимъ и зѣ снѣжницею. Былъ я рано въ судѣ енер. и подальше чѣлобитте на Гогу¹⁾ о сиску его и свѣдителей въ судѣ енералный за должніе 339 чер. Сватба инспекторови племянника моего Ивася Зварковскому зѣ дочерю попадѣ Астровской отправлялась. Климъ пѣщанскій отправленъ въ Суховос. и въ Лубнѣ до полковника луб. зѣ прошеніемъ, чтобъ онъ писомъ утвердилъ владѣніе моего стопку до футора Криворудскаго прилеглого, отъ той стороны рѣчки Кривухи взявши отъ Зимницы до могилокъ (?) далнихъ, дорожкою черезъ рѣчку Кривуху поузъ футорище Зеленскаго поузъ потокъ до шляху до Горошина идучаго, где дорожка зѣ Лубенъ до моего футора идетъ. О томъ же писалъ и до писара пол. Савѣцкаго и ему коня дрикгантъ послалъ сивого корноуха, а Климу приказъ данъ въ исправленіи господарскихъ нуждъ и 50 р. на раздачу на сѣнокосъ. Черезъ Леонтия Кравца писалъ до п. Михайла, чтобъ пріехалъ въ Глуховъ.

¹⁾ Должно быть тоже одинъ изъ Нѣжинскихъ грековъ, которыми Марковичъ давалъ въ долгъ для комерческихъ оборотовъ деньги.

Середа. 5¹⁾). День былъ вѣтрянъ особливе съ полдня съ жестокимъ вѣтромъ и сильною метелицею, ночь ясна безъ снѣгу, только зъ силнимъ такимъ же вѣтромъ и солнцемъ. Обѣдалисмо въ дому, а у вечера ездили я до Кишкина и Синявина и позабавившись довольно повернулся.

Четвер. 6. День былъ свѣтель, тихъ почасти и холоденъ велии, зъ сухимъ воздухомъ, ночь то жъ ясна и тиха и холодновата, къ свѣту снѣгъ. До сихъ дней зима была въ снѣгѣ (sic) и потому въ санную дорогу очень оскудна, (sic) а въ теплоту и вѣтри доволна. Ездили род. и я и господа суддѣ и проч. до Годунувки, въ гостѣ до господара двору гетманского и подпіяхомъ и смеркою уже возвратились, ехали туда З четверти часа. Семенъ Шохъ отправленъ въ Рибное для куплѣ двора у капитанши Крисковскаго и на то и на рибу даль ему 25 р.

Пятокъ. 7. День былъ зранку холоденъ, а посля влаженъ, а потомъ мокръ и дощевать, такова жъ и ночь, зъ полночи вѣтеръ полнощний, холодний зъ снѣгомъ до свѣта. Ездили я въ судь снералний и оттолъ повернувшись, обѣдалъ зъ родителемъ. У вечера были Андрей и Стефанъ Миклашевскіе у мене, играли въ карти зъ виг. моимъ 1 р. 60 к.

Субота. 8. День былъ свѣтлій, тихий и холодний сухого воздуха, ночь еще холоднѣйшая, свѣтла, тиха и холодна. Жена прїехала зъ гостины своей зъ дочерю Пазею и обѣдалисмо вѣкупѣ, а у вечера ездили я до Синявина и Борзни и посидѣвши, повернулся домой. Укази зъ С.П.Бурха, на русскомъ и польскомъ діалектахъ напечатаніе, достались тутъ, въ которыхъ ея величество указала всѣмъ бѣжавшимъ за рубежъ въ полскую сторону воинскимъ служивимъ людемъ крестьянамъ и малороссіянамъ возвратится на прежнє жилища, а имъ въ томъ вини ихъ отпускаются; срокъ приходу ихъ положенъ мѣсяцей два, а буде не повернутся, а послѣ ихъ сищутъ, то зъ оними, яко зъ бѣглецами по силѣ прежнихъ указовъ поступлено будетъ.

¹⁾ Должно быть, повидимому, 6-е февраля, во ошибка эта, тянущаясь дальше, оставляется нами безъ исправленія.

Неделя. 9. День былъ свѣтлій, тихій, холоденъ, ночь такова жъ, только еще холоднѣйшая, сухого воздуха. На службѣ я былъ у ст. Николая, а по службѣ зъ Паскомъ у Мякинина обѣдалъ въ дому у вечеру и Миклашевскій и игралъ съ нами у панфиля зъ проиграшомъ 40 а. Зъ Москви отъ Петра пріехалъ Манжула и привезль карету новую и прочая.

Понедел. 10. День былъ хмарній, снѣжный и влажный, ночь такова жъ, сперва, а послѣ свѣтла, тиха и холодновата, къ свѣту, снѣжна и влажна. Сего дня обѣдалисмо у Астровской, у которой молодому одружившомуся на дочери еи Зварковскому дарилъ я кобилу, овцѣ 10, а жена корову. У вечеру былъ я у Миклашевскаго Андрѣя, зъ которимъ, Александромъ и Коленскимъ (?) игралъ у карты зъ выграшомъ 40 а.

Вовтор. 11. День былъ холодний, хмарный, ночь хмарна и зъ снѣжною метелицею, къ свѣту випогодилось зъ силнимъ морозомъ и тихо стало. Обѣдалисмо у себѣ, а по обѣдѣ у вечеру ездили я въ городъ до Миклашевскихъ, где п. Стефану корцикъ старий дарилъ и въ карты игралъ зъ выграши. 10 а.

Середа. 12. День былъ холодний, хмарный, вѣтрянъ, ночь ясна, тиха и очинь холодна съ жестокимъ морозомъ, а найпаче къ свѣту. Обѣдалисмо вкупѣ, въ дому, а по обѣдѣ ездили до Миклашевскихъ и съ ними игралъ въ карты зъ выграшомъ 1 р.

Четвер. 14. День былъ тихій, свѣтлій, а найпаче къ свѣту зъ жестокимъ морозомъ, ночь была холодна, тиха и свѣтла. Обѣдали господа наши и великороссійскіе, родитель и я у Мякинина и подпіяхомъ, у карты играли зъ проигр. 1 р. 20 к. Карапаль отъ гвардіи преображенского полку Кудравцовъ пріехалъ въ Глуховъ зъ ука зомъ енерала Семена Анд. Салтикова до канцеляріи министерской. Уже третий чили четвертый день, якъ господаръ Бузинскій ходить до суду зъ членобитtemъ и представляетъ бѣглого захожого человѣка, въ Ясманѣ явившагося и непріймаютъ.

Пятонъ. 15. День бы вѣтряній зъ отлигою морозу, хмарный, такова жъ и ночь, а къ свѣту туманъ. Проносное лѣкарство отъ бока принималъ и имѣлъ операцій немногіе, такъ же и родитель.

122. Государи мои, драгоцѣнѣйшіе вънуки Н. П. и И. С. Съ новостей посылаю указъ нашего монарха и сенатское опредѣленіе. Каково вамъ покажется? О! дѣла дивніе устраиваетъ хозяинъ добрый! Теперь съ Чернѣгова ужо пишутъ до Григорія Г.—господа бѣдніе, которое толко и жили что жалованіемъ, что искать службы партикулярной будуть, весма таковыхъ много будетъ. Какъ необходимо ужо довелось мнѣ изразовать здѣсь, то толко и остается предверіемъ праздника слѣдующаго васъ, моихъ ангеловъ, поздравить и зъ желаніемъ отъ чистаго моего сердца вамъ всякаго благоощастія, здравія и долгоденствія, провождать сей праздникъ въ радости. А я однимъ одинокенка, при болномъ, въ горчайшой скучи, да что дѣлать, видно такъ угодно Провидѣнію всевидущему. Покрайности, не лѣнѣтесь писать о вашомъ для мене драгоцѣнѣмъ здравіи, которое да сохранить Предвѣчной на должностіи лѣта и проч. Н. П. 1796 году, декабря 26, изъ Смячи.

123. Душа моя, ангель и дочь Н. П. Тебѣ, душа моя, не безпокою ничемъ, знаю совершенно, сколько ты таперь клопотъ имѣешь въ разсужденіи виезда Ивана Степановича и сына, а только всепрілѣжнѣйше прошу на Всевидущаго въсе свое упованіе (возложить?). Тотъ тебе во всемъ твоемъ предпріятіи устроить и утѣшить; великую я на Его им'ю надежду. А при томъ прошу не заживатись въ Брахловѣ. Я знаю твою горячность къ хозяйству, чтобы себе не повредила! Пріедь, душа моя, отвѣтай мене и дѣточкѣ вашихъ; великое утѣшеніе увидишь изъ старого и молодого шана, которое благодарить за гостинчикъ и цаляютъ матерніе ручки мислено. Шляпки посылаю Цашечки и Насточки, желаю здоровенкимъ носить. Я Марфу пришлю на ярмоноекъ, когда то такъ, что на Успеніе Богоматери ярмонка въ Стародубѣ, о чемъ пожалуй увѣдоми мене, душа моя. Много надобно кое-чего вупить до зановѣсія (на икону?) да и работать отнюдь ужо будеть иѣчево дѣвкамъ, да и синелѣ кунить можно ли будеть въ Стародуби, пожалуй, ангель мой, буди можно, провѣдай о семъ, чтобы напрасно ей не ездить. За симъ поручаю тебе Божіему милостивому призрѣнію и покровителству, пребуду до послѣднихъ дней моей жизни тебѣ всѣхъ добръ желательнѣйшая и готовая къ услугамъ Н. П. 1801 году, августа 13—го. Изъ Боровицъ.

124. Душа моя, ангель и дочь Н. П. Нашиши душа моя, каково ты доехала и застала каковыхъ дѣточекъ и все ли благополучно въ домѣ вашемъ? Дѣточка ваши, а мои драгоцѣнѣйшіе компаньони, дуженки и здорови, равно и я благодарю Всевидущаго, здорова и

лужа. Даруй Господи, чтобъ и ты въ такихъ лѣтахъ такова била. Г-нъ Глинской, по отездѣ твоемъ, скоро пріѣхалъ и досвѣта вїехалъ въ извѣстное мѣсто. Купленіхъ въ Седневѣ яблокъ посылаю двадцать и одно оливное, которое сама г-жа Лизогубина сорвавши, (только двѣ и было, и въ первое сѣроили у ея), одно мнѣ и другое тебѣ прислала. Вотъ яблока! Не знаю, каковы то будуть на вкусъ, а какъ Господь дастъ, что садовника Иванъ Степановичъ привезетъ, то можете отъ ихъ получить розки. Рози такое множество пѣзъ Жукотокъ привезли, что я не могла лембика спакать для перегону воды; посылаю къ вамъ изъ симъ самимъ,—не сищете лѣви у себѣ, или на котли въ заводѣ перегонить будете. Я сіе дѣлаю только для того, чтобъ ты, душа моя, знала, сколько собрано. Винограду своего саду посылаю, въ гронаѣ 21 ягоду, токмо за куріозъ, что уродило съ столко у мене; покушай, душа моя, моего разводу. Дай Господи послѣдующей годъ гронаѣ столько къ тебѣ прислать. Доброжелательная тебѣ и готовая ко услугамъ Н. П. Сентябр. 2-го, 1801 г. С. Боровичи.

125. Душа моя, ангель Н. П. Полученное отъ г-на Глинского на твое имя писмо съ наропнимъ посылаю. Что касается до лошадей ему, г. Глинскому, куда ему надобность укажеть поехать, дано будетъ, о семъ не заботся. Что касается до сивца (?), то прошу сождать, а пришлете вѣмѣстѣ съ покупкою. За присилку спра премного благодарю, кой такъ хорошъ, что лучего желать нельзя, а тебѣ, душа моя, винограду трп гронаѣ посылаю, кушай здоровенка, я оной получила отъ Троцкой. Думаю, что въ Чернѣговѣ будетъ таперъ Кримской виноградъ, яко чрезъ Боровичи повезено бочокъ нѣсколько въ Могилевъ, и сколько я ни старалась купить, но не захотѣли откупоровать бочокъ и когда куплю въ Чернѣговѣ, пришлю къ тебѣ. За випалку премного благодарю, но Господу вѣсть что будетъ зъ горелкою, яко хлѣбъ надчуръ дорогъ, по 50 к. здесь ужо пудъ и набѣги за онимъ весма великие. Почему у васъ горелку продаютъ по шинкамъ? увѣдоми мене, душа моя, я подешевила, а таперъ опять хочу поднять, но твоего совѣта ожидаю. Приказъ въ Золотонопку посылаю о выдачи овса и ячменю, а васъ прошу за оной приказать мнѣ купить витую трубу въ два оборота, и прошу, буди ви на сіе согласни, и прислать безъ замедленія, яко по оной надобно и шапку дѣлать, то есть зригрубокъ какою шириной. Денегъ у мене таперъ отнюдь нѣть въ разсужденіи покупки, да и хлѣба запаснаго ничего нѣть, распознчила людамъ, а собрать мочи пѣтъ; вотъ мое хозяйство каково порядочное, какъ хотите разсуждайте. Дроздиковъ пять паръ посылаю,

желаю здоровенкой кушать. Пшеницѣ, развѣ сождавши, болѣе пришло, яко люде всѣ въ розсплики, а теперь только три четверти посылаю. Дѣточки и я зъ ними, благодарю Господа, дужи и здорови, поручаю васъ Божіеему милостивому призрѣнію и покровителству, пребуду во всю мою жизнь вашею, всѣхъ добръ желателнѣйшею и готовою ко услугамъ Н. П. 1801 году. Сентабри 16. Изъ Боровичъ.

126. Душа моя, ангель Н. П. Замѣдлѣла я къ тебѣ, душа моя, съ посылкою, и се то всему виною Марфа, которая съ Чернѣгова сію минуту только что пріехала. За недосугомъ, и покупки вашей и не разсматривала, которую по реестру ея посы(лаю) за печатю; я отъ себя посылаю вамъ платочекъ, въ разночиковъ купленъ, а дѣточкамъ ленточки. Извинѣте, что бездѣльчику служу, яко лучого ничево не было. Я сискала на столику, въ парадной, какое то дѣло до Савинокъ принадлежащое, можетъ бить оное и надобно, но хто то его положилъ не знаю. За увѣдомленіе мене о Ивану Степановичу и Петрушеники чувствительно тебе, душа моя, благодарю, возьмислая при томъ ежеденно Господу благодареніе за успіехъ. Даруй толко, Предвѣчной, чтобъ здорови всѣ ви били и благополучни и дѣточкамъ да пошлетъ Всевидущой охоту п успѣхъ въ наукахъ и должностіе лѣта, о чѣмъ неусишино ежеденно Господа молю. Я читай твоє, душа моя, писмо о Петрушечка, не могла удержатись отъ слезъ, какъ онъ горко заплакалъ, поминутно его воображая, сокрушаюсь. Дай Господи, чтобъ онъ скоро привикъ, а въ протчемъ надѣюсь на милосердіе Божіе, что будетъ съ нево дити умное; ти всиомнишь мене не одинажди, что не лгу. Радуюсь, что и дочери ваши, а мои неоцененіе правнучки учатца весма хорошо, по мадамъ кажется слишкомъ дорогенка, но что дѣлать, когда надобно, то такъ аби только бъ того она стоила. Завитую трубу... (?) съ васъ будетъ, пожалуйте, здѣлайте милость, только прикажите безъ замедленія оную прислатъ, я доплачу сколько надобно, ибо за ячмѣнь и овесъ я болѣе не располагаю, какъ 50 р., а по справки, дай Господи, чтобъ и восмидесятю рублями кончится. Я би въсъ и симъ не беззкоила, но право денегъ танеръ у мене нѣть. Писмо отъ г-дъ Милорадовичевъ при писмѣ посылаю, на имя Петра Ивановича, что распечатала извинѣте.... (?) онъ самъ писаль, а протчего не знаю. Вѣстей никакихъ больше вѣтъ. Десять арбузовъ посылаю, ибо только могъ сей вѣзть, а по времени болѣе пришло; кушайте здоровенки! Пріедь, мой ангель, хотя на часочкѣ, зъ любезными моими правнучками, которыхъ нетерпеливно видѣть желаю вѣмѣстѣ съ тобою. Старой панъ весма великорѣчивой отъ времени

до времени и младенчикъ такъ резовъ, что я тебѣ описать не могу, кои, благодару Въсевидущаго, дужи и здорови, дай Господи, чтобъ и васъ въсехъ таковихъ видѣть и сличить. Адѣ, душа моя, твоя всехъ добръ желателнѣйшая бабка Н. П. 1801 году, сентябра 29. Изъ Боровичъ.

У мамки благодареніе Господа молоко прибавилось и танеръ рѣдко, когда молочко пить; чѣже сему причина? пріехалъ мужъ мамкинъ, матка ея и свекрова, и какъ разумно поступили—нелзя лучше, цѣлой день не говорили ей ничево; наконецъ мужъ сказалъ ей, что если ты будешь плакать, то я сейчасъ еду и не пріеду до тебе никогда, синъ нашъ умеръ, но что дѣлать, дай только Господи, чтобъ ти панско дитя викормила честно, то и дѣти намъ Господь дастъ. И такъ ея уговорилъ, что она вѣсма мало тужила. Що жъ бы ви думали?—начало совсѣмъ молоко прибавлятись и она весела и не тужить; благодаря Бога, сіе хорошо. Я три днѣ ихъ еще поддержала. Вотъ подумайте, какъ куріозно о покорму.... (?) что какъ в.... (?), то только отъ смерти рабіонка три недѣлѣ небило ничево въ грудахъ. Пришлѣте ей что нибуль, чтобъ потѣшить ея, мужъ и обѣ матери такъ умни, что лучше желать нелзя.

127. Душа моя Насточки! Радуюсь получа отъ тебе, ангель мой, писмо, что ты благополучно доехала. Даруй Въсевидущой въ непоколѣбимомъ пребывать до самихъ глубочайшихъ лѣтъ, отъ искреннѣйшаго моего сердца желаю. Дѣточки ваши, а мои дорогіе аютанті, благодарю Господа, дужи и здорови. Я, получа отъ тебе писмо, сейчасъ сожгла и уксусомъ руки витерла. Берегись душа моя, какъ дастъ Господь, что будешь ехать, чтобъ не братъ оттолъ ничево, да и бѣлья тамо мить ве надобно, а лучше въ Жукотки чорное отправить такъ мнѣ кажется, ти, какъ мать, сама здѣлаешь во всемъ предосторожность. Я писмо отъ Ивана Степановича получила, которой пишеть, что онъ п дѣточки здорови, чemu я сердечно радуюсь. Болше не распространяюсь, а кончу тіемъ, что я есмъ поколь духъ въ тѣлѣ вашею всехъдобръжелателнѣйшею и готовою ко услугамъ Н. П. 1802 году, генвари 11-го, изъ Боровичъ. Шараковыи Василіевны прошу кланяться.

128. Государи мои, драгоцѣнѣйшие вънуки Н. П. и И. С. Только я собралась отправлять Марфу въ Чернѣговъ за многими дѣлами, о чемъ она сама вамъ перескажетъ, но все удерживало сильное ненастье, чего то (sic) и удержана била; какъ же пріехала ваша нянюшка съ Москви, которую удержала я здесь, какъ мнѣ о томъ Настасія Петровна сказывала, чтобъ до ея сюда пріезда удержать сію

дѣвицу здесь, которая и остается до новелѣнія вашего. А какая съ Москвы посылка и писма при Марфи посылаю зъ ею къ вамъ. Не гнѣвайтесь, что два писма распечатала, сіе единственно здѣлала потому, что искала нѣтли отъ Петрушеники писма и первое распечатала отъ учителя, или какъ сказать—отъ дядки Петрушеникого, и не сискавъ ни одной строки отъ его, голова моя скружилаась, такъ сильно съпугалась, принужденна другое подъ одною печатью распечатат(ат)ь, тутъ благодарю Бога сискала, хотя по французки не знаю, но тутъ же госпожа Чеботарева и мужъ ея о Петрушеники пишутъ. Благодарю Господа, что онъ въ добромъ здоровыи и по обнадеживаніи призывающиxъ. Дасть Господь что все будетъ благополучно. Сія дѣвица трижды была у Чеботарева и всякой разъ выдала Петенку, но онъ нѣчего съ нею не говорилъ, а при отездѣ только кланялся панинѣ, маминою и мнѣ, болше ни слова не сказываль. Сія дѣвица, какъ мнѣ кажется сее, она годится для дому вашего, при томъ и краситъ разными красками чрезвичайно. Она изъ собою потрошку по привозила красокъ и шьетъ какъ у васъ въ каретѣ на ступеникахъ, а при томъ и въ хозяйствѣ знается, и по казкамъ ея, великую охоту имѣеть, словомъ съказать, кажется, весьма будетъ угодна и помочь плате разное, починить и все что ни приказано будетъ съ охотою и знаниемъ, какъ она сказываетъ, но такъ бѣдна, что болше бить нельзѧ; въ ея есть сестра двоюродная, которую она воспитала и все что заработала, чрезъ весь свой вѣкъ, ей отдала, но по несчастью мужъ все покинулъ (sic)-и ея оставилъ въ какого то Савича, въ Бѣловодье; она по отездѣ вашемъ съ Москви, получила отъ ея писмо и теперь плачетъ объ неи жестоко, пишетъ къ неи писмо, а Марфа оное по почтѣ отправить къ неи. Какъ она сестру хвалитъ, не могу вамъ описать, какая она мастерица и поетъ превосходно по италіански, не худо бы и ея отискать, яко убори разиie такъ хорошо дѣлаетъ, что противо французанокъ, точно вамъ къ тому идетъ, что все сіе надобно. Да думаю, по нещастію, и не за большую сумму могла бы бить, подумайте и случаи не упускайте. Извинѣте, что пустошью наполнила всю бумагу. А лучше, наконецъ, скажу то, что дѣточки ваши, а мои милые атютанти, благодаря Бога, дужи и здоровыи, равно и я, слава Господевѣ, здоровыи, дай Господи и отъ васъ таковиe вѣсти имѣть. Наконецъ, поручаю васъ Божiemу милостивому призрѣнію и покровителству, пребуду до послѣднихъ дней моей жизни вашею всѣхъ добрѣжелателейнѣйшею и готовою ко услугамъ Н. П. 1801 году, ноября 29. Изъ Боровицъ.

129. Боже зърп иое смирене,
 Зъри мои плачевни дни,
 Зъри мое огорчене,
 И мене не обвини.
 Что я, смертна тварь, дерзаю
 Говорить съ моимъ Творцомъ
 И что грѣшна називаю
 Безъпорочного отцомъ.
 Покажи мнѣ путь къ спасению,
 Въ сердце утверди законъ,
 Ухо прислони къ моленю,
 И услышь мой тяжкой стонъ.
 Всю надежду полагала
 На тебе, всесилной царь,
 И тебе въсегда възивала,
 Не надѣяся на тварь.
 Не терпи, о Боже, въласти
 Безъзаконихъ тіехъ людей, .
 Кои дѣлаютъ напасти
 Только въластію своеї.
 Боже, ты мя не остави,
 Коль оставилъ человѣкъ,
 И отъ бѣдъ мене изъбави,
 И храни мене навѣкъ.

130. Уже со тмою нощи
 Простерлась тишина,
 Виходить съ темной рощи
 Печальная луна.
 Я лиру томну строю
 Шѣтъ, съкорбящой мой лукъ
 Пріиди грустить со мною
 Луна печалнихъ другъ.
 У хладной сей могилѣ,
 Подъ тіенью древъ густыхъ,
 Внемли мой вопль унилой
 И вздоховъ стонъ моихъ!
 Здесь Юліи любезной
 Прахъ милій погребенъ,

Я лить надъ ней токъ слезной
Въсчастно осужденъ.

Безъмолвъною тоскою
Сильно стѣснился духъ,
Приди грустить со мною
Луна печальныхъ другъ.

Оба стихотворенія находятся между письмами Настасьи Степановны и писаны ея рукою. Начала недостаетъ; не наплось и того письма, при которомъ стихи Н. С.—на прислала внучкѣ.

III. Письма Петра Степановича Милорадовича къ сыну Григорію Петровичу и письма къ послѣднему разныхъ лицъ.

1. Любезній сину мой Григорій. Въ писмѣ своемъ пишешь ты, что получилъ писмо отъ Василя Яковлевича Лизогуба, въ которомъ увѣдомляешь тебя, что братъ его намѣренъ продать нѣкоесъ село Гунковку, однакожъ безъ людей, зъ лѣсами, сѣнокосами и мелницами. Я удивляюсь весьма для того, что не сихалъ ипгдѣ, чтобъ гдѣ какое либо село было безъ людей, однакъ недавно сему, ибо Лизогубы привыкли писать (?) по своей природной гордости, а я подлѣнно знаю, что тамъ въ Лизогуба, брата его, ничего прямого нетъ и основателного, чтобъ продать, какъ только одна мелница на Ворзѣ, по праву же сторону рѣки лѣсь Разсудовской отрубной, на которомъ онъ, на берегу рѣки, поселилъ было слободку, и она земля отсужена отъ его; а людей вѣдѣно ему перевести. И на томъ именно мѣсто (мѣстѣ?) вѣлѣль я Холимоненку нынѣшнею весною посыпть жито ярицу и до той землѣ брату его никакого дѣла нѣть, ибо она не ево. А по лѣву стороны рѣки Ворзни, гдѣ также Лизогубови поселенные люди находятся, грунтъ—слабиринный ¹⁾ называется Губецкій, отколь когда люде переведены будуть, то земля никуда не годится, ибо пѣсчаная и неспособная ни къ чому; лѣсу жъ тамъ у ево никаково нѣть, ибо въ Губецкомъ грунтѣ находящійся лѣсь есть Михайла Михайловича Стороженка, а не Лизогубовъ; а ежели есть какіе въ его лѣса и сѣнокосы въ другомъ мѣстѣ, то я оныхъ не знаю, а подлѣнно знаю, что

¹⁾ Т. е. общий.

около нынѣшней его Гунковки вѣтъ никакихъ лѣсовъ, сѣнокосовъ и землѣ. И для того надобно тебѣ, со всякою осторожностію, хорошенко посмотрѣть, а отъ Лизогуба потребовать описѣ, какие именно лѣси и сѣнокоси и въ какихъ уроцищахъ онъ хочетъ продавать, кромѣ поманутихъ мелницъ, и имѣть ли онъ на тѣхъ грунта крѣпости, которые надлежитъ ему тебѣ самому показать и тебѣ осмотрѣть и продаваеміе имъ грунта лично, а не за глаза, дабы не послѣдовало обманства, а осмотрѣвши по описѣ тѣхъ грунта, которые онъ продаєтъ тогда надобно съ нимъ въ торгѣ шти, чего они стоять и такимъ порядкомъ должно тебѣ отписать до брата его Василия Яковлевича, а не прежде сирашиватся о цѣнѣ. Виротчесъ, за свиданьемъ моимъ съ тобою, я обстоятельнѣе съ тобою словесно поговору. И пребываю твой всего добра желателній отецъ Петръ Милорадовичъ. 1789 года, мая 28 д. Жукотки.

2. Увѣдомился я черезъ Халимоненка, что бѣжалій отъ меня конюхъ Коломіецъ явился и нынѣ находился въ Любечѣ, и будто панщину дѣлаетъ, а какъ онъ извѣстно тебѣ здѣжалъ мнѣ немалую шкоду и бѣжалъ, и се уже онъ дѣлаетъ другій побѣгъ, бывши въ меня въ дворѣ, и есть человѣкъ вовсе ненадежный, то какъ ево, такъ и Ластовку, который также при побѣгѣ своемъ кромѣ прочаго одѣянія, которого онъ у меня еще незаслужилъ, укралъ новую кучерскую сукна голубого шинелю, которой цена рубловъ девять, равно и Хорошуна, который отъ тебя бѣжалъ, когда будеть повеленіе о вистатченіи погонщиковъ, неспремѣнно прикажи отдать ихъ въ погонщики, и сими трома плутами и бродягами замѣнить другихъ мужиковъ добрихъ людей, которое могутъ платить чиншъ или панщину дѣлать, что послужить и прочимъ въ страхѣ таковымъ илутамъ и бѣглецамъ. Однакъ о семъ никому необавлять до надлежащаго времени, дабы оны узнавши вторично не бѣжали, для того что при отдачи погонщиковъ въ армію всегда оны отдаются въ колодкахъ за карауломъ, чтобы не могли бѣжать и здѣлать затруднѣнія и беспокойства. При томъ прикажи Коломійца допросить съ прист(р)астіемъ, где Ластовка находится, который съ онимъ вмѣстѣ бѣжалъ, ибо онъ повиненъ знать. (1790 г., мартъ). *

3. Любезній сину мой Григорій! Писмо твое съ Чернѣгова сего апреля отъ 2-го, я получилъ 8-го числа, чрезъ почту, исправно, въ которомъ между прочимъ пишешъ, что биль ты зъ женою въ Стол-

номъ, въ бабушкѣ вашей Авдотьи Михайловнї ¹⁾, а потомъ ездили въ Боровичи, гдѣ потворили то самое положеніе раздѣлки, которое предъ симъ, въ битность мою тамо, между всѣми вами положено было что и совершить должный будете на урядѣ въ слѣдующемъ мѣсяци май; тогда ты и Полуботки получишъ, а нинѣ какъ Жукотками, такъ и всѣми приселками владѣть бабушка твоя Настасія Степановна сама, и никому изъ наслѣдниковъ неотданні во ожиданіі конца вашему положенію, на что тебѣ обиляю, чтобы ты старался всяческій, дабы непремѣнно въ м—цѣ май безъ всякого отлагательства раздѣлка конченна била и совершиенна на урядѣ, а по дѣйствительномъ и совершенномъ окончаніі раздѣла, тогда и мѣровую подать прозбу, касателно доиску моего на бабушку твою и брата еп по извѣстнімъ тебѣ дѣламъ, по данному отъ меня тебѣ полномочію. Послѣ подачи же мѣрового прошенія, тогда писмо мое, писанное твоей сестрѣ, ей самой отдать, а отънудь не прежде, но все совершивши, которое при семъ прилагается незапечатанное для усмотренія твоего, а въ надлежащее время самъ можешь запечатать. Въ томъ же писмѣ увѣдомляешь меня, что ты купылъ нѣякоесъ маленкое имѣніице около Пушкировъ, до коего надлежить въ Пушкирахъ дворъ, въ коемъ продается уже горѣлка твоя, я о семъ прежде извѣстился, чрезъ писмо писанное ко мнѣ отъ Ивана Якимовича, однакъ о покупкѣ обстоятельно знать не могу, которая надѣюсь Силѣчу не очень пріятна. Такъже увѣдомляешь меня, что священникъ Козма Котовичъ зъ братьями и племянниками своими и попады Чигриничиха продали тебѣ на Высокомъ полѣ, называемомъ Лисицею, всю часть своего пахатного поля; оное поле мнѣ извѣстное, на которомъ земля пѣшаная и глеевата, однакъ способна по тому больше, что весьма близко къ мѣстечку Любечу находится; что жъ касается до грунту называемаго Чистіе Лужы, которого половину свою часть продаетъ Чигриничиха, то оной грунть находится въ отдаленности и несмѣшень къ грунтамъ Любецкимъ, а при томъ я надѣюсь хуторъ, называемій Чистіи Лужи, который владѣеть также и попъ Козма Котовичъ не церковная ли земля, принадлежащая до бывшей церкви Рождества Пресвятія Богородицы, такого ролу, какъ и грунта бывшіе во владѣніи священниковъ Горбиковъ, которіи указомъ сепатскимъ велено отобрать въ казну. И посему надобно въ покупкѣ имѣть великую осто-

¹⁾ Безбородко, жена б. генер. писаря Андрея Яковлевича и мать князя А. А. Безбородко. Дочь ее Ульяна была матерью жены Г. И. М—ча.

рожность и достовѣрную справку, чтобы иногда деньги не пропали, и что тотъ грунтъ въ сторонѣ и не смѣжень твоимъ землямъ, то я би его покупать не совсѣмъ, а попадъя Чигринчиха дешево не продастъ; а что попъ Горбикъ въ своимъ братомъ и племянникамъ имѣніе продаютъ, то ежели оно ихъ собственное или есть наслѣдственное и несомнительное, а притомъ въ близкости и способности къ твоимъ землямъ находится, въ такомъ случаи купить можно. А что Каменецкій уступаетъ купленіе свои грунта около Брехуновъ, то и онъхъ покупать тебѣ не совсѣмъ, ибо онѣ тебѣ не по способности, ни въ смѣжности находятся. И на такие грунта, которые находятся въ кускахъ и въ разныхъ мѣстахъ денегъ напрасно терять не- надобно и не совсѣмъ, ибо онѣ никакой пользы не принесутъ, а покупать надобно такие землѣ или грунта, которое въ срединѣ твоихъ или смежные зъ твоими землями, такъ какъ есть Гуцьковская Лизогубова мельница, которую тебѣ весьма купить способно; при той мельнице находится, при самой рекѣ Ворзѣ, давно присужденная земля, гдѣ Лизогубъ поселилъ своихъ людей и построилъ вынокурни, и велено ихъ свести и землѣ очистить, токмо и понинѣ неочищена, для того неизрѣменно надобно тебѣ, не утекая вдалъ, людей вислатъ и строеніе очистить, ибо Лизогубъ чрезъ долгое время упрамится, чтобъ иногда давности земской не упустить и землѣ не потерять, которую винѣшно весною надлежало бы сорвать и посыпать жito ярицу, или другій яринный хлѣбъ. Сей грунтъ, о которомъ я тебѣ пишу, находится въ отрубной Расудовской жалованной Полуботку пущы, о которомъ я долго хлопоталъ и имѣлъ дѣло и оное между прочими дѣлами тебѣ поручилъ и уводчій листъ на присужденную землю, также и прочие уводчіе листы по бывшимъ дѣламъ тебѣ отдалъ, какъ-то и о грунте Радулскомъ въ расколниковами, по коимъ всѣмъ отданнимъ тебѣ дѣламъ, по описѣ, надобно имѣть недреманное наблюденіе и смотрѣніе Любецкой экономіи. А что ты пишешь ко мнѣ, чтобъ я тебя одолжилъ нѣсколко денгами, въ разсужденіи покупаемыхъ тобою грунтовъ, то я би тебѣ не отказалъ, ежели бы былъ въ состояніи, ибо я здесь у дворянъ Мартосовъ покупаю сѣнокосную землю, весьма близко и въ способности находящуюся къ землѣ Гамалѣвской, и далъ уже 200 рублей, а еще и тимъ надобно будетъ дать больше двухъ сотъ рублей; а кромѣ сей землѣ тѣ же Мартоси продаютъ футоръ въ близкомъ разстояніи находящійся къ Гамалѣвки, которого, за тысячу рублей купить невозможно, а я думаю его не упустить, ибо и другіе покупщики находятся, а сверхъ того надобно докончить цер-

ковное строеніе, здѣлать колоколю и купить колоколъ, которыи здесь почты ни одного нѣть и на то все потребно болше тысячи рублей. Съ писма жъ твоего выжу, что малиръ меня обманулъ, однакъ я надѣюсь лутчого нежели онъ майстра сискать; горѣлки прислать ко мнѣ надобно восемь бочокъ, о которой я при семъ прилагаю писмо къ г. Вѣткевичу, а на тихъ подводахъ я пришлю въ тебѣ овса, полагая на каждую по 4 четверти, всего 32 четверти. А ты вели приказать, чтобы били въ подводчиковъ мѣшки на показанное число овса. При отъездѣ моемъ отдалъ я тебѣ сребро, чи то: кафейний чайникъ, молочникъ и другіе разніе вещы, вѣсомъ на 10-ть фунтовъ, о коихъ имѣется у меня записка, для передѣлки на чайный приборъ, для того увѣдомъ меня началъ ли серебренникъ оную работу дѣлать, которую надобно ему отдавать не всю заразомъ, но по частямъ, прежде же надобно при себѣ вѣрно сѣѣсть и отдавать сребреннику каждую вещь вѣсомъ же, а за работу я съ нимъ договорился отъ лота заплатить по 10 к. Еще увѣдомъ меня имѣешь ли какие писма отъ повѣреннаго съ Петербурга по извѣстному тебѣ дѣлу въ Силѣчъ. Впрочемъ пребываю твой всегодображелателній отецъ Пётръ Милорадовичъ. 1780 года, апреля 10 д. Гамалѣевка.

4. Любезній сину мой Григорій! Получилъ я отъ тебя съ Чернигова четыри писма. Первое, чрезъ Тарчовскаго, минувшаго априля отъ 19-го числа, на которое обавляю, что Тарчовскій напрасно трудыся и езидъ до тебя, ибо онъ не имѣеть ни отъ кого и никакой обѣди; а вмѣсто того, что онъ напрасно ездылъ къ тебѣ, должно бы ему самому стараться, дабы скорѣе надъ нимъ оконченъ быль щотъ. А что въ его забратъ скотъ, то сего въ обѣду онъ почитать себѣ не можетъ, ибо такъ порадокъ велить съ тѣмъ, когда онъ отдастъ отъ-четъ по своей должности порядочно и не будетъ на немъ никакого начота и взисканія, тогда скотъ и все свое вмѣніе получить безъ всякого задержанія, а ежели явится начотъ, а потому и взысканіе, тогда долженъ онъ денгами или имѣніемъ своимъ удоволствовать. Что жъ касается до Жидкова, которого онъ единственно по сорѣ своей отъ должности отрѣшилъ, то изъ Жидковимъ, такимъ же образомъ поступить должно, какъ и съ Тарчовскимъ, по окончаніи щета. Онъ же Тарчовскій его Жидкова отрѣшилъ отъ должности вовсе не надлежаще, единственно для своего угожденія, а несоблюденія порядка еко(но)мыческого, который съ нимъ во многомъ спорилъ, и тебѣ представлялъ; а на мѣсто его опредѣлилъ тамошнаго Бучковскаго мужика, извѣстного всѣмъ превеликого панипу и бездѣлника.

Я пзвѣстенъ, что и писарь тамошній Бучковскій паница жъ. Такъ вотъ какіе порядки Тарчовскій подѣлалъ. Я этое узнавшъ чрезъ Курпилова, велѣль мужика пяницу отъ должности отрѣшить въ бить ему попрежнему въ числѣ протчихъ мужиковъ, а на мѣсто его опредѣлить доброго и неподозрѣтного человѣка; Жидковъ же допущенъ до своей должности, для того, чтобы по нынѣшнему весняному времени неупущено было въ надлежащое время посѣять ярыни хлѣбъ, и протчихъ касающихся хозяйства дѣлъ, и велѣнно ему дѣлать иришусъ лошадинни, чего опредѣленному отъ Тарчовскаго пяницы увѣрить неможно и сумнително. Сколько же какихъ денегъ есть въ собраніи въ Халимоненка, за оними посланъ Кезь принять отъ него, которое и присланни будутъ къ тебѣ зъ тими денгами, кои данни на мой щетъ зъ Любеча плотникамъ, столярамъ и малярамъ 30 рублей, при отправлениі ихъ яъ Гамалѣевку.

2-е) Чрезъ Конвисера, аирыля отъ 12-го, получилъ того же априля 19-го числа, и что касается до маляра, то я сыскалъ съ Кроловца искуснаго майстра, которій пысалъ графу (Румянцеву) въ церковь въ Вишненкахъ иконостасъ, и заключилъ съ нимъ контрактъ, за одинъ его труда шестьсотъ рублей, кроме харчей, разнихъ красокъ и золота, что всю икоуплено будетъ на мои денги, и выходить на сумму до тысячи рублей. Также договорилъ подрядчика, надежного и доброго человѣка, русскаго купца, жителствующаго въ Гадачѣ, выписать зъ Москви четыре колокола, первій—вѣсомъ въ сорокъ пудъ, другій—въ 20-ть, третій—въ 10-ть, а четверти—въ 5 пудъ; всего же во всѣхъ колоколахъ сѣмидесять пять пудъ, отъ всякаго по 14-ть рублей съ поставкою въ Гамалѣевку, а всѣхъ денегъ тысяча пятидесять рублей, и оніе колокола подрядчикъ долженъ поставить июля къ 20-му числу, въ Гамалѣевку, а маляръ начнетъ пысать иконостасъ сего мая съ 20-го числа.

3-е) Чрезъ столярей, плотниковъ и малярей, кон прибыли въ Гамалѣевку сего мая 4-го и вступили въ свою работу. Столаръ же Владимиръ Онищенко, буди онъ тебѣ надобенъ, пусть и остается. Покупку твою въ Пушкарахъ похвалию, хотя и недешево нѣсколко; что касается до пахатнаго поля, состоящаго въ нивахъ, по моему мнѣнію еще бѣ и лутче было въ разсужденіи ихъ въ небольшомъ количествѣ землѣ и въ разнихъ мѣстахъ находящихъся, достать замѣною въ одномъ или въ двухъ мѣстахъ положеніемъ, а ежели неможно буде, то отдать мужикамъ для хлѣбопашства, по способности ихъ жительствъ зъ вѣрною запыскою кому и въ какомъ въ уроцищи и какая ныва

будеть дана, и что въ купчой крепости въ разсужденіи интрипъ Силѣчевыхъ, весма ему свойственныхъ, написанна сумма превосходная на случай выкупу, постуцленно весма разумно, нѣчимъ перемѣнить и съ такимъ человѣкомъ, каковъ есть Силѣчъ; и что купыль ти въ селѣ Красковскихъ, на большой дорогѣ, два двори зъ людми и ихъ грунтами, гдѣ и шинку быть способно, и то похвално, а что Постѣкаловъ продаетъ въ Любечѣ—дворъ зъ живущими въ оныхъ людми, то оніе двори зъ людми, а хотя и безъ людей весма потребно тебѣ вупить, ибо оніе находятся внутрѣ въ мѣстечкѣ Любечѣ и между твоими мужиками, и не знаю какову онъ цѣну просить. А я купыль въ наслѣдниковъ Сибѣрского, также въ мѣстечкѣ Любечѣ, людей мужеска полу 18-ть душъ, вромъ женска, со всѣмъ ихъ поселенiemъ, и заплатилъ 850 рублей, о чемъ можешь справится по купчой крѣпости, которая тебѣ съ прочими крепостными порученна. Чрезъ приезжавшого ко мнѣ отъ сестри твоей съ писмами о родинахъ дочери еи, я никакого писма къ ней не пысалъ, а словесно обявилъ присланному, что пысать мнѣ до еи не слѣдуетъ покудова не будетъ конечно дѣло по данному отъ меня тебѣ полномочію и не получу отъ тебя извѣстія о миротвореніи, а подъ симъ разумѣется и раздѣлка, на томъ основаніи, каково положенно въ битность мою до отъезду моего въ Гамалѣевку, о чемъ уже я къ тебѣ предъ симъ пысалъ.

4-е) Априла отъ 19-го числа, зъ Чернѣгова, получилъ сего мая 6-го, съ увѣдомленіемъ меня обѣ отправленія ко мнѣ моей горѣлки и при ней людей колесника Гѣтка зъ его женою и шуриномъ, коихъ я намѣренъ поселить въ слободѣ Жоржовки, также и плотника Грицка Сыча, которой мнѣ весма нуженъ по его мастерству. Притомъ прошу отъ меня поздравить г. совѣтника Якова Ивановича Гулака съ новобрачною его женою и желаю имъ благополучного сожитія и сердечно радуюсь, что ты зъ женою своею и дѣтьми, по милости всемогущаго Бога, находишся въ добромъ здоровьи, чего отъ усердія моего всегда желаю. Удивляюсь я, что ты по сю пору Антипа Крупаникова не договорялъ въ Любечѣ приказчикомъ на такомъ основаніи, какъ я предъ симъ къ тебѣ пысалъ и совѣтуя его не упускать, ибо я узналъ доволно, что онъ человѣкъ добрій и чрезъ все времена въ битность при мнѣ оказался неподозрителенъ и исправенъ. А что касается до щета прикажчиковъ, весма исправенъ и знающъ. Мужика жъ Иллю Бойка я тебѣ совѣтовалъ би отставить, для того, что онъ можетъ дать чинши (чинша) рубліовъ пять или больше, и способенъ для отправленія на байдакъ за покупкою солѣи и для продажи діогтю и другихъ вещей

рѣкою Даѣромъ. Я съ полученного репорта отъ Крупянникова увѣдомылса, что онъ при отдачи Жукотской и Полуботовской наличности весьма обѣженъ отъ тамошнихъ мужиковъ и присланного отъ бабушкѣ твоей смотрителя Туржанскаго, который, по паговору мужиковъ, его обѣдилъ вовся напрасно, заграбыль у него въвесь скотъ рогатій, лошадь, овцы и кози, въ числѣ котораго и отъ меня ему данни, несправедливо и ненадлежаще, и оный Туржанскій и донынѣ скотъ его содержить въ Жукоткахъ подъ стражею, и за такую свою обѣду не можетъ инакъ обойтись, какъ подать иску на госпожу и на мужиковъ ея. Для того ты за немъ уступысь, не допусти въ обѣдѣ и о семъ напыши до бабушки твоей, чтобы она паговору мужиковъ не вѣрила и проси, чтобы скотъ его приказала возвратить, ибо некорошо будетъ, когда онъ подастъ иску. А сей Туржанскій есть полякъ и видно такой будеть прикажчикъ, какъ быль у тебя Тарчовскій. При принятіи наличности въ Жукоткахъ, удержанъ станокъ мой зимній собственній, здѣланніи мною въ Чернѣговѣ, когда я тамо жиль, подъ карету, крепкій и вездѣ окованніи, на которомъ болше до трохъ пудъ желѣза употребленно, для того оной станокъ вели непремѣнно отобрати и взять къ себѣ въ Чернѣговъ или въ Любечъ. Впрочемъ иребываю твой всегодображелателій отецъ Петръ Милорадовичъ. 1790 года, маія 7 числа. Гамалѣвка.

5. Любезній сину мой Григорій! Писмо твое съ Чернигова сего авгуаста отъ 13-го, я авгуаста 18-го получилъ, съ приложеніемъ коіи зъ исковой жалоби Лашкевичевої, поданной имъ въ уѣздны Чернѣговскій судъ, и въ томъ твоемъ писмѣ увѣдомляешь меня, что ты того же авгуаста 13 отъехалъ въ Батурынъ для свиданья съ Андреемъ Нополскимъ и попросить его о написаніи апелляціи по дѣлу зъ Сильчемъ о шинкахъ, равно и поговорить о предстоящемъ новомъ дѣлѣ съ Лашкевичомъ. Я получа твое писмо, заразъ поговорилъ изъ здешнимъ моимъ приятелемъ, знающимъ законы человѣкомъ, и далъ ему потребніе документа для написанія по дѣлу зъ Лашкевичомъ отъводу, который при томъ мнѣ обявилъ, что надобно по позвамъ явится на срокъ и тотъ доводъ сказать, а при томъ нужно имѣть съ уѣздиного Городницкого суда выпись изъ поданной отъ меня жалобы, прошедшаго году, м—ца авгуаста 9 числа, о взреканіи дочери моей и о прочемъ, также и изъ учиненного по тоей моей жалобы въ Городницкомъ уѣздномъ судѣ опредѣленія, о которой жалоби и опредѣленіи тебѣ извѣстно, ибо въ бытность твою въ меня я далъ тебѣ съ оныхъ коіи, и какъ ты пишешь въ своемъ писмѣ, что на жалобы

Лашкевичевої уѣздни судъ здѣлалъ опредѣленіе дать намъ позовъ, которы уже и посланъ въ нижни земски судъ для порученія и назначеніе срока къ явки; о срокѣ же еще неизвѣстно; для того за нужное почитаю къ тебѣ написать, ежели уже позвы положены на имѣніи или поручени тебѣ, то до меня принадлежащи позовъ заразъ со всякимъ поспѣшеніемъ чрезъ нарочного, а не почту, присилай ко мнѣ, дабы я могъ предварительно заранше знать срокъ явки въ судъ. Ежели же намъ обоимъ одинъ позовъ данъ, то однако жъ пришли ко мнѣ копію поскорее, а я написанны отъводъ, какъ скоро будетъ здѣланъ, тотчасъ 'безъ всякого замедлѣнія пришло къ тебѣ чрезъ нарочного и при томъ приложу къ тебѣ прозубу въ уѣздны Городницки судъ, о дачи вышеписанной виписѣ, дабы опая выдана была предъ срочкомъ о явки въ судъ, но со всѣмъ тѣмъ весма нужно и необходимо потребно, чтобы ты ко мнѣ, какъ можно скоро, самъ приехалъ на самое краткое время поговорить, о чемъ надлежитъ; на писменныхъ же перепискахъ весма неудобно въ такихъ обстоятельствахъ изъясняться; для того, какъ скоро возвратится зѣ Батурина, заразъ ко мнѣ приежай почтою, а не на своихъ лошадахъ. До Ивана Яковлевича г. Селецкого я писалъ съ прошеніемъ объ извѣстномъ тебѣ дѣлѣ, имѣющемся въ Новгородско-Сѣверской губерніи и писмо отправилъ къ тебѣ чрезъ Звонка, а нинѣ и вторичное писмо при семъ къ нему прилагаю, которое тотъчасъ чреазъ нарочного или чрезъ почту къ нему отправъ, понеже весма нужно, чтобъ сіе дѣло было рѣшено и съ онаго получить винись, также къ представленію въ судъ по настоящому иску Лашкевичевомъ; и я объ оной Ивана Яковлевича прошу, чтобъ прислалъ къ тебѣ прямо или же увѣдомилъ о рѣшеніи онаго и за скорость хотя бы рѣшенія копію прислалъ. Впротчемъ пребываю твой всегодображелательный отецъ Петръ Милорадовичъ. 1790 года, августа 22 д. Гамалѣвка.

6. Любезній сину мой Григорій!

Писма твои мною получены, первое октября отъ 1-го числа, съ увѣдомленіемъ, что въ день праздника Покрова Богоматери освященъ домъ твой, въ которомъ намѣрены вы переходить отъ того числа чрезъ двѣ недѣли, въ чёмъ я отъ усердія моего желаю да благословитъ тебя Богъ зѣ женою и дѣтьми твоими и даруетъ мирно и во всякомъ здравіи и благополучіи въ ономъ жить на долягіе времена. Иконъ же, о которыхъ и тебѣ сказывалъ въ Гамалѣвки, послать понынѣ не могу, для того, что еще несовсѣмъ готовы вконописью, а какъ скоро поспѣютъ, то и присланы будутъ чрезъ нарочного, буди не будетъ

оказії, ибо чрезъ почту послать ихъ неудобно. А послѣдніе три писма, сего мѣсяца разныхъ числъ, отъ тебя писанные, я получилъ въ одинъ день, то есть сего сентября 11 числа, на которые симъ увѣдомляю: горѣлка твоя пѣнная въ 20 бочкахъ, числомъ 800 ведерь, привезена и получена исправно, о которой Антипъ Крупянниковъ чрезъ тѣ подводы, кои ону привозили, тебѣ рапортовалъ, и будетъ стараніе о продажѣ сей горѣлки, чтобы продать ведро по два рубли, но навѣрное о таковой ценѣ сказать невозможно, ибо въ здѣшнихъ мѣстахъ цена горѣлки упала, а до того времени невозможно, чтобы не было нѣсколько усошки. Присланые отъ тебя подводы за овсомъ при Любецкихъ мужикахъ Ивану Олейнику и Семену Пишке пріѣхали не-весма вовремя, ибо овса нѣбыло готового въ покупкѣ и въ превеликое безъдорожье скотъ свой вовсѣ изнурили, и прожили здѣсь чрезъ 6 дней, лошадей же кормить нечимъ было, а давана имъ солома, но и той недостаточно, для того, что по нынѣшней зимѣ и погодѣ весма сѣно дорого, такъ же и солома; да сѣна здѣсь въ деревнѣ и купить не въ кого, а хотя мужики имѣютъ у себя сѣно и солому, но они для прокормленія своего скота нужду въ томъ имѣютъ. Я и самъ думаю, чтобы Богъ помогъ выкормить свой скотъ чрезъ зиму, а сѣна продать не можно ни стебла, и для того впередъ совсѣмъ тебѣ присыпать сюда подводы, узнавши перше и вѣрно, будучи надежнымъ о покупкѣ и о числѣ четвертей овса, то тогда присыпать подводы, а не прежде. Покупщикъ же твой почтальонъ Семенъ Анастасьевъ едава могъ искупить 126 четвертей и 5 четвериковъ овса, но и того подводы дожидалися, а по наложеніи онаго, отправлены отсюда подводы сего мѣсяца 18-го ч. Однакъ, я думаю, ты его сполна не получишь, ибо мужики изнуренные свои лошади принуждены будутъ кормить овсомъ, а тебѣ за приездомъ отдать свой собственный овесъ, въ кого есть, а кто не имѣть, то развѣ купить. На тѣхъ же подводахъ, которые горѣлку привезли, получилъ я заливную трубу исправно и далъ своего овса, по неимѣнію купленного почтальономъ въ Лофицѣ, 52 четверти и 2 четверика на щеть тѣхъ денегъ, которые ты употребилъ на церковные вещи, то есть 31 рубль 20 копѣекъ; и такъ я тебѣ уже невиненъ. Покупщику твоему на покупку овса далъ я деньги, и въпрежде выданными ста рублями, еще 50 рублей, а остается еще у меня 100 рублей, за которыми вели присыпать подводы тогда когда получишь вѣрное извѣстие, что ~~покупка~~ ~~покупка~~ ~~покупка~~ готова, а вѣдь нынѣ цифислалъ. Ежели потребны будутъ дѣлать на покупку до волости 500 четвертей овса, то я могу дать

О Т Ъ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельные изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные материалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристиекъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народного быта или служить проявленіемъ народного творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки легенды, пѣсни и проч.

Бібліографическая свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаются критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусского народа, виды древнійшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнійшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакції въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція просить авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.